

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 4(29)/2021

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАНЬШИНА Наталия Петровна, д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филол.н., доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемориальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2021-4

Издатель

ООО «Нестор-История»

197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

тел. (499) 270 73 00

Тираж 300 экз.

Заказ № 2701

Дата подписания в печать 30.12.2021

В НОМЕРЕ:

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Национальная память

- 11 **А.Т. УРУШАДЗЕ** *Трудная экспансия: территориальная динамика Российского государства в конце XVII — первой половине XVIII в. в контексте историографии. К 300-летию Российской Империи*
- 28 **Л.А. МОСИОНЖНИК** *Память о великой попытке: Бессарабская коммуна Г.И. Котовского как утопический эксперимент*
- 50 **К.Г. ФРУМКИН** *Лысенковщина и вера в биологию в российской культурной памяти*
- 63 *«Хрущев — это классический пример правоты знаменитой фразы: хотели как лучше, а получилось как всегда». Интервью с М. Ю. Прокуменчиковым к 50-летию смерти Н. С. Хрущева*
- 75 *Круглый стол «А.Д. Сахаров: человек и время»*

Память о Второй мировой войне

- 119 **О.И. БЭЙДА, И.Р. ПЕТРОВ** *«Национальная Россия для нас опаснее, чем большевистская»: неизвестная флипптика Адольфа Гитлера*
- 124 **А.А. ГАЛУШКА** *«Выступление Черчилля по радио 22 июня определило судьбу мира на многие будущие годы». Решение Черчилля о союзе с СССР в оценке британской историографии*

Август 1991 в отечественной исторической памяти

- 138 *«Распад СССР стал результатом не антиноменклатурной революции, а ее неполноты и непоследовательности». Интервью с А.В. Шубиным*
- 146 **В.И. МИРОНЕНКО** *Горбачев. К 90-летию со дня рождения*

**Актуальные проблемы исторической
памяти зарубежных стран**

154 Н. Н. МОРОЗОВ

Призрак «Железной гвардии» бродит по Румынии. Заметки о некоторых аспектах румынской исторической памяти в актуальном политическом контексте

174 Г. В. КАСЬЯНОВ

«Декоммунизация» в Украине, 2014–2021: процесс, акторы, результаты

Семейная память

201

«В художественном произведении главное — тайна и даль». Интервью с О. Р. Трифионовой

Память о репрессиях

215 Б. Д. АБДРАХМАНОВ

О некоторых статистических сведениях о репрессиях в Кыргызстане в сталинский период

Концепты исторической памяти

225 К. В. ДУШЕНКО

Первые дебаты о 'русифобии' (Англия, 1836–1841)

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

243 А. А. РЫБАЛКА

Антонин Раменский: праотеческий чин (в развитие темы)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Методология исторической науки

257 А. А. ТЕСЛЯ

Маргинал и проповедник: об интеллектуальной биографии Рене Жирара. Рец.: Хэвен С. Л. Эволюция желания. Жизнь Рене Жирара / пер. с англ. С. Силаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 448 с.: ил. (Серия «Интеллектуальная история»)

Мир

262 П. В. КРЫЛОВ

«Освободитель Евангелия» или «дикий вепрь в Господнем винограднике». Рец.: Хэлен Л. Пэрриш. Краткая история: Реформация. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020

- 268 **М. В. ЛЕСКИНЕН** *Рец.: Федута А. И. Следы на снегу. Минск, 2018. 328 с. (Библиотека «Наш XIX век»)*
- 272 **Э. Г. ЗАДОРЖНОК** *Сербия: полутора столетия истории и особые пути развития. Рец.: Никифоров К. В. От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX — начало XXI в. М.: Индрик, 2021. 280 с.*
- 281 **А. Д. МЕДВЕДЕВ** *Память о коллаборационизме на страницах газеты «Франс-суар» (1944–1948 гг.)*

Российская Империя

- 298 **М. М. ПАШКОВ** *Рец.: Хмелевский А. Н., Афонасенко И. М. Гербовник Талызина. Российские дворянские гербы XVIII века. М.: Старая Басманная, 2021. 254 с., 50 с. ил.*
- 305 **И. М. АФОНАСЕНКО** *Как создавались символы империи. Рец.: Аксенов А. А. Дальневосточная геральдика (дореволюционный период). Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2021. 138 с.*
- 311 **П. И. РОМАНОВ** *Полезные вопросы без бесполезных ответов. Рец.: Бушнелл Д. Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок. Спасовки в XVIII–XIX веках / авт. пер. с англ. Л. Пуцелло-Бушнелл. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 416 с.*
- 320 **М. В. БАТШЕВ** *«Песни осени». Рец.: Головин Ф. А. Воспоминания. 1870–1918 / составители А. К. Афанасьев, М. А. Горячева. М.: Новый Хронограф. 2020. 640 с. (Серия «От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах»)*

Русское зарубежье

- 327 **Р. А. КЛОЧКОВ** *Рец.: Спекторский Е. В. Воспоминания / вступ. ст. С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко; подгот. текста, коммент. С. И. Михальченко; коммент. П. А. Трибунского. Рязань, 2020. 654 с.*

СССР

- 339 **Н. А. УТКИНА** *Рец.: Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С. П. Щербины. М.: АИРО-XXI, 2020. 632 с.*

В номере

354 **В. С. ИЗМОЗИК**

Рец.: Давыдов А. Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929 гг.). СПб.: Евразия, 2021. 320 с.

365 **М. В. СТРЕЛЕЦ**

Рец.: Смиловицкий Л. Евреи Белоруссии: до и после Холокоста: Сборник избранных статей. Иерусалим, 5781/2020. 491 с.

ОСТОРОЖНО! ХАЛТУРА

372 **М. В. КИРЧАНОВ**

«Намерений у немцев в планомерной германизации никогда не было»: о русском издании книги Р. Виттрама «Baltische Geschichte». Рец.: Виттрам Р. История прибалтийских народов. От подданных Ливонского ордена до независимых государств / пер. с нем. С. Ю. Чупрова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. 413 с.

КОНФЕРЕНЦИИ

382 **Н. П. ТАНЬШИНА**

Школа молодых ученых — 2021 в Ливадии

390

Требования к публикации статей и материалов

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

National memory

- 11 **A.T. URUSHADZE** *Difficult expansion: the territorial dynamics of the Russian state in the late 17th — first half of the 18th centuries in the context of historiography. To the 300th anniversary of the Russian Empire*
- 28 **L.A. MOSIONJNIC** *Memory of the great attempt: Bessarabian commune Grigorii Kotovsky as a utopian experiment*
- 50 **K.G. FRUMKIN** *Lysenko's teachings and belief in biology in Russian cultural memory*
- 63 *"Khrushchev is a classic example of the correctness of the famous phrase: they wanted the best, but it turned out as always". Interview with M.Yu. Prosumenschikov on the 50th anniversary of the death of N.S. Khrushchev*
- 75 *Round-table "Andrei Sakharov: The Person and his Time"*

Memory of the Second World War

- 119 **O.I. BEYDA, I.R. PETROV** *"National Russia is more dangerous for us than the Bolshevik": unknown philippic of Adolf Hitler*
- 124 **A.A. HALUSHKA** *"Churchill's speech on the radio on June 22 determined the fate of the world for many years to come". Churchill's decision on an alliance with the USSR in the assessment of British historiography*

August 1991 in the national historical memory

- 138 *"The collapse of the USSR was the result not of an antinomenclature revolution, but of its incompleteness and inconsistency". Interview with A.V. Shubin*
- 146 **V.I. MIRONENKO** *Gorbachev. On the occasion of the 90th anniversary of his birth*

**Actual problems of national memory
of foreign countries**

154 N.N. MOROZOV

The ghost of the “Iron Guard” walks over Romania. Notes on some aspects of Romanian historical memory in the current political context

174 G.V. KASIANOV

“Decommunisation” in Ukraine: 2014–2021: the process, actors, results

Family memory

201

“The main thing in an artwork is mystery and distance”. Interview with O.R. Trifonova

Memory of repression

215 B.D. ABDRAKHMANOV

Some statistical information about the repression in Kyrgyzstan during the Stalin period

Concepts of historical memory

225 K.V. DUSHENKO

The first debate about ‘Russophobia’ (England, 1836–1841)

AS IT ACTUALLY WAS

243 A.A. RYBALKA

Antonin Ramensky: patristic rank (in development of the topic)

REVIEWS

Methodology of historical science

257 A.A. TESLYA

Marginal and the preacher: on the intellectual biography of Rene Girard. Rev.: Kheven S.L. Evoliutsiia zhelaniia. Zhizn' Rene Zhirara, per. s angl. S. Silakovoi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 448 p.: il. (Seriiia «Intellektual'naia istoriia»)

The world

262 P.V. KRYLOV

“Deliverer of the gospel” or “wild boar in the Lord’s vineyard”. Rev.: Khelen L. Perish. Kratkaia istoriia: Reformatsiia. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020

268 M.V. LESKINEN

Rev.: Feduta A.I. Sledy na snegu. Minsk, 2018. 328 p. (Biblioteka «Nash XIX vek»)

272 **E.G. ZADOROZHNYUK** *Serbia: 150 years of history and special ways of development. Rev.: Nikiforov K.V. Ot Serbii do Serbii. V poiskakh modernizatsii. Konets XIX – nachalo XXI v. Moscow: Indrik, 2021. 280 p.*

281 **A.D. MEDVEDEV** *The memory of collaborationism on the pages of the newspaper "France-Soir" (1944–1948)*

The Russian Empire

298 **M.M. PASHKOV** *Rev.: Khmelevskii A.N., Afonassenko I.M. Gerbovnik Talyzina. Rossiiskie dvorianskie gerby XVIII veka. Moscow: Staraiia Basmannaia, 2021. 254 p., 50 s. il.*

305 **I.M. AFONASENKO** *How the symbols of the empire were created. Rev.: Aksenov A.A. Dal'nevostochnaya geraldika (dorevolutsionnyi period). Komsomol'sk-na-Amure: Komsomol'skij-na-Amure gosudarstvennyi universitet, 2021.*

311 **P.I. ROMANOV** *Useful questions without useless answers. Rev.: Bushnell D. Epidemiiia bezbrachiia sredi russkikh krest'ianok. Spasovki v XVIII–XIX vekakh, avt. per. s angl. L. Putsello-Bushnell. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 416 p.*

320 **M.V. BATSHEV** *"Songs of Autumn". Rev.: Golovin F.A. Vospominaniia. 1870–1918, sostaviteli A.K. Afanas'ev, M.A. Goriacheva. Moscow: Novyi Khronograf. 2020. 640 p. (Seriiia «Ot pervogo litsa: istoriia Rossii v vospominaniiaakh, dnevnikaakh, pis'makh')*

Russian emigration

327 **R.A. KLOCHKOV** *Rev.: Spektorskii E.V. Vospominaniia, vstup. st. S.I. Mikhalchenko, E.V. Tkachenko; podgot. teksta, komment. S.I. Mikhal'chenko; komment. P.A. Tribunskogo. Ryazan, 2020. 654 p.*

USSR

339 **N.A. UTKINA** *Rev.: Bordiugov G.A., Kotelenets E.A. Lenin: kul't i antikul't v prostranstvakh pamiati, istorii i kul'tury. S Prilozheniem S.P. Shcherbiny. Moscow: AIRO-XXI, 2020. 632 p.*

354 **V.S. IZMOZIK** *Rev.: Davydov A.Iu. Novaia ekonomicheskaiia politika: vlast', narod, khoziaistvo v poslerevoliutsionnoi Rossii (1921–1929 gg.). St. Petersburg: Evraziia, 2021. 320 p.*

In the issue:

365 **M.V. STRELETS**

Rev.: Smilovitskii L. Evrei Belorussii: do i posle Kholokosta: Sbornik izbrannykh statei. Ierusalim, 5781/2020. 491 p.

---

372 **M.V. KIRCHANOV**

ATTENTION: TRASH

*“The germans never planned to intentionally germanize the local population”: about the russian edition of Reinhard Wittram book “Baltische Geschichte”.
Rev.: Vittram R. Istoriia pribaltiiskikh narodov.
Ot poddannyykh Livonskogo ordena do nezavisimyykh gosudarstv, per. s nem. S.Iu. Chuprova. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2020. 413 p.*

---

382 **N.P. TANSHINA**

CONFERENCES

School of Young Scientists – 2021 in Livadia

390

Requirements for publication of articles and documents

А.Т. Урушадзе

ТРУДНАЯ ЭКСПАНСИЯ:
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ
XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОГРАФИИ.
К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

В статье рассматриваются особенности территориальной динамики Российского государства в конце XVII — первой половине XVIII в. По мнению автора, теория колонизации и концепт фронта способствовали формированию историографического стереотипа о неуклонном территориальном росте Российского государства. В таком контексте остаются неучтенными примеры, когда Россия была вынуждена уступать недавно завоеванные территории. Подобные эпизоды имели место в различных регионах: Дальнем Востоке, Северо-Восточном Приазовье, Финляндии, Кавказе и Прикаспии. Все они показывают противоречивость российской имперской экспансии, а также ограниченность государственных ресурсов. Российские правители не имели стратегии строительства империи, их действия во многом носили реактивный характер и зависели от многих конъюнктурных факторов.

Ключевые слова: Российская империя, экспансия, колонизация, фронт, историография российской истории имперского периода.

© А.Т. Урушадзе, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-11-27

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42049 «“Азовский проект” Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII в.».

Сведения об авторе: Урушадзе Амиран Тариелович, кандидат исторических наук, доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург).

Контактная информация: urushadze85@mail.ru.

A. T. Urushadze

DIFFICULT EXPANSION: THE TERRITORIAL DYNAMICS OF THE RUSSIAN STATE IN THE LATE 17TH — FIRST HALF OF THE 18TH CENTURIES IN THE CONTEXT OF HISTORIOGRAPHY. TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article examines the peculiarities of the territorial dynamics of the Russian state at the end of XVII — first half of XVIII centuries. According to the author, the theory of colonization and the concept of frontier contributed to the formation of historiographical stereotype about the steady territorial growth of the Russian state. In this context, examples when Russia was forced to cede recently conquered territories remain unaccounted. Such episodes occurred in various regions: the Far East, the Northeastern Azov region, Finland, the Caucasus, and the Caspian region. They all show the inconsistency of Russian imperial expansion, as well as the limited state resources. Russian rulers had no strategy of empire building, their actions were largely reactive and depended on many conjunctural factors.

Key words: Russian Empire, expansion, colonization, frontier, historiography of Russian history of the imperial period.

About the author: Urushadze Amiran T., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of History of the European University in St. Petersburg (St. Petersburg).

Contact information: urushadze85@mail.ru.

«Русские цари до сих пор никогда не были завоевателями и быстрое увеличение государства произошло единственно от стечения обстоятельств, назначивших России среди четырех морей естественные ее пределы», — писал известный российский экономист и государственный деятель Ю. А. Гагемейстер (1806–1878) в книге «О распространении Российского государства с единодержавия Петра I-го до смерти Александра I-го». Эта работа, опубликованная в 1835 г., стала первым специальным исследованием территориальной динамики Российского государства (Гагемейстер 1835). В свете иссле-

дований колониализма, постколониальных штудий, а также деколониального поворота такой тезис может показаться неуклюжей попыткой оправдания имперской экспансии. Однако можно быть уверенным, что Ю. А. Гагемейстеру, как и другим представителям российской науки, общественной мысли и бюрократии, было незначительно оправдывать формирование империи. Взгляд на Российскую империю как на закономерный итог объективных условий развития был общераспространенным в соответствующей социально-интеллектуальной среде XIX — начала XX в. Самого Ю. А. Гагемейстера трудно

заподозрить в посредственном провластном угодничестве. Несмотря на образование, научные заслуги и служебные качества, он долгое время не мог найти подходящее поприще и был не в фаворе у начальников, среди которых были такие влиятельные сановники николаевского времени, как министр финансов Ф.П. Вронченко (1844–1852) и кавказский наместник М.С. Воронцов (1844–1853). И только в Министерстве финансов А.М. Княжевича (1858–1862) Ю.А. Гагемейстер получил видное место директора канцелярии.

Сегодня архаичность концепции «естественной» империи, артикулированной в работе Ю.А. Гагемейстера, а затем по сути повторенной в сочинениях Н.А. Бердяева (*Бердяев* 1918: 62), кажется очевидной. Но в современной историографии формирование Российской империи часто предстает схематично, что порождает устойчивые представления о неуклонном росте российской территории с середины XV в. (*Кантелер* 2004: 94–114). Складывание многонациональной империи объясняется как неизменный целенаправленный процесс «экспансии и колонизации новых регионов и народов» (*Ходарковский* 2019: 9). Также указывается на якобы высокий «потенциал агрессивности» и «идеологию экспансии», присущие Российскому государству, которые находились в основе захватнических планов московских, а затем петербургских самодержцев (*Возгрин* 2013).

В этой статье я попытаюсь показать, что история формирования Российской империи имеет ряд неучтенных особенностей. Во-первых, имперская экспансия не являлась монолитным

и векторным процессом расширения территорий Российского государства. В хронологический период, вынесенный в заглавие этой статьи, особенно заметно, что территориальные приобретения чередовались с сокращением подвластного пространства и утратой политических позиций в соответствующих регионах. Во-вторых, у нас нет серьезных оснований считать российскую экспансию и колонизацию сколь-нибудь продуманной и целенаправленной политикой. Российское правительство во многом действовало реактивно, сообразуясь с политической конъюнктурой и откликаясь на призывы потенциальных союзников. Очевидно, что у российских правителей с большим трудом формировалась стратегия управления империей. Представить, что они имели определенную стратегию ее построения, еще сложнее. И, наконец, в-третьих, «потенциал агрессивности» различных империй является неверифицируемой категорией. Рассматривать темпы и интенсивность территориального роста в качестве «индекса агрессивности» столь же неверно, как считать объемы запасов и добычи полезных ископаемых залогом социально-экономической успешности.

УСЛОВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РОСТА: КОЛОНИЗАЦИЯ, ФРОНТИР, НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

Прежде чем перейти к анализу исторических примеров, показывающих противоречивость имперской экспансии, ее возвратно-поступательное движение на определенных этапах развития, необходимо представить хотя бы краткий анализ теоретических интерпретаций

территориального роста Российского государства. Именно объяснительные модели генерализовали историю территориального формирования России и убедили в непрерывности имперского наступления.

«В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство, при расширении своих владений, занимает обширные пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации», — отметил выдающийся С.М. Соловьев в монументальной «Истории России с древнейших времен» (Соловьев 1851: 11–12). Теория колонизации как один из основных факторов российской истории, как известно, получила дальнейшее развитие в работах ученика С.М. Соловьева, еще одного отечественного историка-классика В.О. Ключевского. Во второй лекции «Курса русской истории» Василий Осипович отметил, что «история России есть история страны, которая колонизируется», а также то, что «область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией» (Ключевский 1987: 50). Именно в тесной связи с закономерностями процессов колонизации В.О. Ключевский выстроил периодизацию российской истории.

Теория колонизации Соловьева — Ключевского включает две важные составляющие. Во-первых, пространства колонизации становились государственной территорией, или непосредственной частью метрополии. Во-вторых, успешность русской колонизации определялась малозаселенностью и даже хозяйствен-

но-демографической пустынностью колонизируемых/присоединяемых областей. В этом отношении теория колонизации близка концепту фронта, который был предложен в 1893 г. американским историком Ф. Тернером (Тернер 2009). На общность идеологических и общенаучных истоков великих трудов Ф. Тернера и С.М. Соловьева обратил внимание М. Бассин в обстоятельной и эмпирически насыщенной статье (Bassin 2003). Оба великих историка, согласно выводам М. Бассина, исходили из необходимости создания саги о генезисе нации, аналитического показа ее культурного этоса и социально-политической харизмы (Ibid.: 480). В 2002 г. на площадке международной дискуссионной группы «Н-Russia» состоялось обсуждение возможностей и перспектив применения концепта фронта к материалу российской истории. Российский историк Д.И. Олейников убедительно продемонстрировал схожесть тернеровского фронта и теории колонизации в редакции В.О. Ключевского, при этом отмеченные параллели касались не только концептов, но и лексики. Достаточно напомнить, что, как и В.О. Ключевский, Ф. Тернер выстраивал периодизацию американской истории на последовательности колонизационных «волн» и поэтапном расширении осваиваемых пространств (Олейников 2002).

Обе составляющие теории колонизации, впервые сформулированные С.М. Соловьевым и позднее В.О. Ключевским, сохранили свою актуальность и были закреплены в историографической традиции. Известный ученик В.О. Ключевско-

го российский историк и политик П. Н. Милюков в «Очерках по истории русской культуры» писал: «Тогда как на западе Европы уже со времени переселения народов чуть не каждый клочок земли имеет свою межу, своего владельца, — у нас через всю историю красной нитью проходит процесс расселения жителей на пустых и никому не принадлежащих пространствах» (*Милюков 1896: 52*). Первая часть труда П. Н. Милюкова увидела свет в 1896 г., примечательно, что историк подчеркивал: «процесс колонизации русской земли далеко не закончился в настоящую минуту» (Там же: 52–53).

Творческое развитие теория колонизации получила в фундаментальной работе еще одного ученика В. О. Ключевского — выдающегося российского ученого, ректора Московского университета в 1911–1917 гг. М. К. Любавского (*Любавский 1996*). Его фундаментальный «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до конца XX века» был завершён на рубеже 1920–1930-х гг., но опубликован только в 1996 г. Это объясняется тем, что М. К. Любавский, наряду со многими другими ленинградскими историками, стал осужденным по «академическому делу» и отправился в пятилетнюю уфимскую ссылку. Его «Обзор» является масштабной исторической работой, которая подвела итог развития теории колонизации в дореволюционной и ранне-советской историографии. «Во главе угла истории русского народа стоит его территориальная экспансия — расселение по обширным пространствам Восточной Европы и северной Азии, частью пустовавшим, а частью

уже занятым раньше другими народами, которые вынуждались вследствие этого жить совместно с пришельцами, а по временам уходить от них на новые места», — отметил в предисловии М. К. Любавский (Там же: 73).

Историк подтвердил справедливость оценки колонизации как ведущего фактора российской истории. По словам М. К. Любавского, «русская история есть в сущности история непрерывно колонизирующей страны» (Там же: 73). В советской историографии теория колонизации не могла занимать центрального места, и традиция изучения особенностей расселения и хозяйственного присвоения новых территорий на долгие годы прервалась. На смену теории колонизации классиков московской исторической школы пришла марксистская теория колонизации, изложенная в заключительной главе первого тома «Капитала» (*Маркс 1952*). Примечательно также, что с конца 1930-х гг. Ф. Тернер и его историческая школа подвергались ожесточенной критике в американской историографии. В 1952 г. в одной из критических статей отмечалось, что Ф. Тернер был «охвачен лихорадкой экспансии», которая «являлась ничем иным, как империализмом» (*Lawrence 1952: 13*).

В 1990-е гг. российская гуманитарная наука вернулась в общемировой контекст, но возвращения теории колонизации как одной из основных объяснительных моделей исторического опыта Российского государства не произошло. И это привлекает внимание, учитывая, что труды С. М. Соловьева и В. О. Ключевского активно

переосмысливались в постсоветской российской историографии. Одним из наиболее значимых и резонансных исследований стала монография Л. В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», в которой пристально анализировалось влияние природно-климатического фактора (Милов 1998). Л. В. Милов указывал, что С. М. Соловьев дал общую оценку значения географических и климатических условий в развитии российского социума и государства. Миловский «Великорусский пахарь» представил панорамный взгляд на генезис общественных и государственных структур в России в связи с предельно коротким сезоном земледельческих работ (Там же: 554–555). Однако особенности колониационных процессов не стали предметом специального анализа в монографии Л. В. Милова.

В другой известной работе — «Социальной истории России» Б. Н. Миронова — колонизация получила короткое аналитическое рассмотрение. Историк отметил, что в ходе формирования российской государственности во второй половине XVII — начале XX в. «экспансия и колонизация происходили рука об руку» и зачастую «экспансию невозможно отделить от колонизации» (Миронов 2000: 19–20). Такое описание созвучно известным формулировкам С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и особенно М. К. Любавского. Как и автор «Обзора русской колонизации», Б. Н. Миронов несколько раз отметил, что российская экспансия-колонизация распространялась прежде всего на малозаселенные и пустующие территории, которые

не входили в состав централизованных государств. Б. Н. Миронов солидаризовался с цитатой из работы американского историка Р. Меллора — «Россия приобретала лишь то, на что другие государства не претендовали, или то, что они не могли захватить» (Там же: 26).

Своеобразным замещением теории колонизации стало появление в российской историографии исследований, построенных на применении концепта фронта (Sen' 2020). Тернеровский концепт оказался очень полезным и удобным научным инструментом для анализа политических и социокультурных контактов в пограничных пространствах, отличающихся зыбкостью формальных рубежей и многовалентной идентичностью. Для российских историков некоторым эталоном работы с концептом стали исследования американского историка Т. Барретта и особенно его переведенная на русский язык статья, посвященная северокавказскому фронтиру (Barrett 2000). Т. Барретт убедительно показал широкий диапазон аналитических возможностей тернеровской теории на примере истории вхождения Северного Кавказа в состав Российского государства. Но, вместе с тем именно статья Т. Барретта, как и его книга о терском казачестве (Barrett 1999), вновь напомнили о сходстве теории колонизации и концепта фронта.

Во-первых, подобно М. К. Любавскому, но уже применительно к Северному Кавказу Т. Барретт интерпретирует процесс миграции русскоязычного населения на Юг как переход на пустое незаселенное пространство, которое новые поселенцы

осваивают и включают в общероссийский рынок. При этом историк использует показательный концепт «ничейная земля», заимствованный из историографии североамериканского фронта. Как отмечает Т. Барретт, «ничейная земля» — это ситуация, при которой на определенной территории отсутствует доминирующая в этническом и культурном смысле группа (*Barrett* 2000: 170–172). Т. Барретт лишь коротко упоминает вытеснение из пределов Северного Кавказа ногайцев и адыгов, но обстоятельно анализирует процессы заселения этой же территории казачьими сообществами и крестьянскими массами. Т. Барретт указывает, что даже после 1864 г. (завершение Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе) «русские не только не могли диктовать стереотипы поведения на большей части данной территории, но и не являлись этнически доминирующей группой» (Там же: 173). Колонизация представляется Т. Барреттом адаптацией переселенцев к местной экологии и (не)материальным культурным комплексам, процессом продолжающегося взаимодействия различных этносов и традиций. Во-вторых, как и классики теории колонизации, Т. Барретт признает, что отделить колонизацию от экспансии едва ли возможно, что он показал в книге о терских казаках в 1700–1860 гг. (*Barrett* 1999: 21).

Иначе акценты расставлены в известной книге В. Сандерленда «Укрощение Дикого Поля» (*Sunderland* 2004), которая вызвала интересную и откровенную дискуссию о колониальной и империалистической природе Российского государства XVIII–XIX вв. (Антропологический форум

2007). В. Сандерленд критикует имперскую традицию рефлексии о российской экспансии как естественном процессе. Именно такой взгляд был характерен для российских ученых и чиновников в XIX — начале XX в., один из подобных примеров был приведен в самом начале этой статьи. В «Укрощении Дикого Поля» показан процесс превращения подвижного социокультурного пространства в зарегулированную и подконтрольную область, для описания которого В. Сандерленд использует понятие «бюрократической колонизации» (*Sunderland* 2004: 97–113). Населявшие Европейскую степь кочевники потеряли земли и политическую автономию, что дало В. Сандерленду основание описывать русскую колонизацию как разновидность империализма.

Пунктирный обзор историографии показывает, что современные представления о формировании Российской империи продолжают испытывать значительно влияние теории колонизации и других схожих концептуальных конструктов. Именно объяснительные модели российского опыта империостроительства приводят к фокусировке на непрерывной экспансии, поэтапном расширении имперского пространства. Российское государство XVII–XIX вв. предстает могучим левиафаном, быстро подчиняющим (колонизирующим) фронтальные территории со слабыми децентрализованными сообществами, которые оказывались не в состоянии защитить свою политическую автономию и хозяйственный уклад. Но так ли сильна была империя? Так ли неумолим был каток имперской экспансии?

НЕУСТОЙЧИВЫЙ РОСТ, ИЛИ СБИВЧИВАЯ ПОСТУПЬ ИМПЕРИИ

Территориальная экспансия, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке, привела Россию к соприкосновению и конфликтам не только с малочисленными этносами, не имеющими устойчивых военно-политических институтов, но и с сильными, хорошо организованными государствами. В середине XVII в. отряды русских землепроходцев начинают экспедиции в Приамурье. Здесь отряд Е. П. Хабарова в 1650 г. столкнулся с войском Цинской империи, которой местной даурское население платило дань. Несмотря на одержанную победу, Е. П. Хабаров счел за благо отступить, благоразумно рассчитав, что китайцы вскоре придут с большим войском, а в его распоряжении было лишь около 200 человек (*Любавский* 1996: 452–453). Продолжить борьбу с Цинской империей Е. П. Хабарову не пришлось, в 1653 г. одного из самых известных русских «опытовщиков»-завоевателей вызвали в Москву. Борьбу за Приамурье продолжил О. Степанов, который на протяжении пяти лет воевал здесь и с местным населением, и с китайскими отрядами. В 1658 г. О. Степанов погиб вместе со всем своим отрядом в неравном бою с китайским войском, победителям досталась ясачная казна (Там же: 453).

В последующие годы ключевой точкой в противостоянии с Цинской державой стал городок Албазин, располагавшийся неподалеку от слияния рек Шилки и Аргуни, которые и образуют течение Амура. Обострение случилось в начале 1680-х гг. на фоне окончательного утвержде-

ния у власти в Китае маньчжуров. Император Сюанье (1661–1722) считал «Амурскую проблему» главной внешнеполитической угрозой для Цинского государства (*Мясников* 1987: 242) и на протяжении нескольких лет готовил поход против российских поселений в Забайкалье и на Амуре (*Александров* 1984: 118–120). По цинской версии, Российское государство вторглось на территории, традиционно принадлежавшие Китаю, а также обложило данью местные народы, находившиеся под покровительством императора династии Цин. Союзником Цинской империи выступил правитель Северной Монголии (Халхи) Очирой Саинхан, развязавший против пограничных российских острогов настоящую набеговую войну. «Приказчики острогов писали в Иркутск о нехватке оружия и невозможности вооружить все русское население, о беспокойстве среди бурят, которые просили защиты и “не ведают, куда деца”», — так описал атмосферу в российских приграничных пунктах историк В. А. Александров (Там же: 122).

План императора Сюанье заключался в быстром овладении Албазинской крепостью. Согласно замыслу, это должно было сильно деморализовать Приамурскую российскую администрацию и убедить ее в бессмысленности сопротивления наступающим цинским полкам: «Вследствие того, что мы используем отборное и сильное войско, русские не смогут противостоять нам и вынуждены будут отдать нам земли и явиться с изъявлением покорности», — наставлял своих генералов Сюанье (*Мясников* 1987: 251). Завершить дело предстояло дипломатам.

Наступление Цинской империи и ее союзников началось в 1685 г. Албазинский воевода А.Л. Толбузин предпринимал ответные действия, но, не имея достаточных сил¹, был вынужден запереться в крепости. В июне 1685 г. цинская армия подошла к Албазину, а монгольские войска Очирой Саин-хана показались у Селенгинска. Еще до начала битвы за Албазин император Сюанье отправил российскому правительству предложение о мире, которое предполагало переход Восточной Сибири в зону интересов и военно-политического контроля Маньчжурской династии (Александров 1984: 140).

Укрепления Албазина оказались слишком слабы — китайские пушки пробивали стены крепости насквозь. Уже спустя несколько дней после начала осады А.Л. Толбузину стало очевидно, что город отстоять не удастся. После переговоров с маньчжурами русский гарнизон покинул полуразрушенный Албазин и ушел в Нерчинск. Цинское командование не решилось продолжить наступление, и вскоре по не до конца понятным причинам китайские войска покинули район Албазина. Этим незамедлительно воспользовалась российская сторона, уже к осени 1685 г. в Албазине снова был русский гарнизон. Вторая осада Албазина началась 7 июля 1686 г. и продолжалась пять месяцев. В этот раз город был сильно укреплен фортификационными сооружениями и вооружен достаточным количеством артиллерии. Несмотря на правильную осаду

и ожесточенные попытки штурма, цинским войскам не удалось сломить сопротивление защитников Албазина.

Российское правительство царевны Софьи отреагировало на мирные инициативы императора Сюанье. Еще в декабре 1685 г. стольник Ф.А. Головин был назначен полномочным послом для ведения мирных переговоров с китайской стороной о границах (Там же: 150). В это же время в Пекин были отправлены послы Н.Д. Венюков и И. Фаворов для заключения перемирия с императором Сюанье. Итогом этой дипломатической миссии стало снятие осады Албазина в начале декабря 1686 г.

Перемирие не заставило обе стороны отказаться от военных маневров. Вплоть до начала мирных переговоров в августе 1689 г. сохранялась угроза очередной эскалации конфликта и начала нового этапа приамурского пограничного противостояния. 29 августа 1689 г. был заключен Нерчинский мирный договор, согласно которому Россия уступала территории в бассейне Амура, обязывалась снести Албазин, а также вывести из него русское население; такая же участь постигла Аргунский острог, перенесенный на левый берег р. Аргуни (Русско-китайские отношения 1958: 9–11). Российско-китайская граница отодвигалась на север от Амура, теперь она проходила по р. Горбице и горному хребту, известному маньчжурам под названием Большой Хинган (Мясников 1987: 384).

¹ Цинская армия имела десятикратное преимущество в численности: 4000 китайских солдат против 450 казаков и ратных людей воеводы А.Л. Толбузина.

Российская империя вновь вышла на Амур только в 1858 г., по условиям Айгунского договора.

Расширение границ Российского государства в направлении южных границ Восточно-Европейской равнины привело к столкновению с великими мусульманскими державами — Османской империей и Сефевидской Персией. Попытки закрепиться в Предкавказье, предпринятые Иваном IV Грозным в середине XVI в., не увенчались успехом. Российское государство еще не имело достаточных ресурсов для открытого и масштабного противостояния с Османской империей. Ситуация изменилась во второй половине XVII ст. Первая Русско-турецкая война 1672–1681 гг. не принесла заметного перевеса ни одной стороне. В Стамбуле понимали, что дальнейшая экспансия в Восточной Европе потребует критического напряжения сил, а в Москве опасались затягивания конфликта, о чем свидетельствуют неоднократные попытки избежать полномасштабного столкновения. «Однако желание мира не означало, что русское правительство готово на его любые условия», — отметил Б. Н. Флоря (Флоря 2001: 128–129). Царь Алексей Михайлович и Боярская дума намеревались оставить за собой значительную часть Правобережной Украины. Но усилий российских дипломатов оказалось недостаточно, а невозможность совместных действий с Речью Посполитой и активизация набегов крымских татар заставили правительство Алексея Михайловича поторопиться с заключением мира. По Бахчисарайскому договору 1681 г. Россия отказалась от претензий на Право-

бережную Украину. Несмотря на то, что между Россией и Османской империей объявлялось двадцатилетнее перемирие, пограничные конфликты продолжались. Важной базой для регулярных набегов на южнорусские поселения служил турецкий Азов. По замечанию П. А. Авакова: «В Москве ясно осознавали исходившую от крепости угрозу и организующую роль ее командования в проведении набеговых акций» (Аваков 2020: 180–181).

Поражение армии султана Мехмеда IV (1648–1687) под Веной в 1683 г. вдохновило российское правительство на решительные действия. Спустя три года, 26 апреля 1686 г. в Москве был заключен Русско-польский договор, который предполагал совместные военные действия в союзе с Речью Посполитой против Османской империи. Однако, крымские походы князя В. В. Голицына 1687 и 1689 гг. не принесли значительных военно-политических результатов и в целом остались не самой эффективной демонстрацией многочисленности российского войска.

Следующим важным этапом в противостоянии с Османской империей стали Азовские походы 1695–1696 гг., которыми руководил царь Петр I, и действия в низовьях Днепра войска под командованием Б. П. Шереметева. В историографии походы на Азов традиционно связывались с намерением Петра I выйти к Черному морю (Нольде 2013: 392–393; Павленко 1990: 47). Но как показали Б. Боук и П. А. Аваков, целью Азовских походов было нанести чувствительный удар Османской империи и Крымскому хан-

ству, а не выход к морю (*Воеск* 2009: 118–119; *Аваков* 2019). Б. П. Шереметев действовал удачно, в 1695 г. ему удалось взять четыре турецкие крепости, в том числе наиболее значимые укрепления Казикермена. Эти форты располагались на наиболее удобных переправах через Днепр. Завладев ими, российские войска перекрывали маршруты набегов крымско-татарской конницы, а также обосновывались на удобном плацдарме для дальнейшего наступления на Крымский полуостров. Петр I, как известно, взял Азов со второй попытки в 1696 г.

Но Российскому государству не удалось закрепиться в стратегически важном районе Казикермена. На Карловицком мирном конгрессе (1698–1699) турки отказались заключать мир с Россией на основе *uti possidetis* (лат. «поскольку владеете») и признавать российские территориальные захваты (*Нольде* 2013: 393–394). Переговоры зашли в тупик и завершились лишь двухгодичным перемирием. Мир между Россией и Турцией был заключен только 3 июля 1700 г. в Стамбуле. Согласно инструкции Петра I, российские представители Е. И. Украинцев и И. П. Чередеев должны были жестко отстаивать завоеванные рубежи: «Если турки будут требовать возвращения Азова и других городов, отвечать: не следует о том и говорить. Где слыхано, чтобы с такими трудами и убытками взятые города и крепости отдавать без всякой причины? Азов взят за грабежи... а Казыкермень и другие построены на Днепре вновь, недавно, по желанию татар, чтобы удобнее делать набеги на русские города» (Там же: 396).

И все же отстоять завоевания на Нижнем Днепре не получилось. Согласно второй статье мирного договора, район Казикермена возвращался Османской империи, которая обязывалась уничтожить укрепления и не заводить здесь населения. По четвертой статье, Азов и «к нему належачие все старые и новые городки, и меж теми городками лежащие, или земля, или вода» оставались за Россией (*Юзефович* 1869: 3–4).

Социально-экономическая и административно-территориальная колонизация Северо-Восточного Приазовья прервалась в 1711 г., после неудач России в новой войне против Турции 1710–1713 гг. Российская армия во главе с Петром I попала в окружение превосходящих османотатарских войск, и 12 июля 1711 г. был заключен Прутский мирный договор, который обязывал российскую сторону вернуть Османской империи Азов и всю остальную территорию Северо-Восточного Приазовья, а также «новопостроенные города разорить» (Там же: 11). Б. Бук справедливо указал, что это был случай выдающийся в истории российской экспансии в том плане, что Петр I не только вернул ранее занятые земли, но и приказал разрушить все, что создавал на них в течение пятнадцати лет упорным и жертвенным трудом многих тысяч русских крестьян (*Воеск* 2008).

Борьба за Северо-Восточное Приазовье продолжалась на протяжении всей первой половины XVIII ст. 20 июня 1736 г. войска генерал-фельдмаршала П. П. Ласи овладели Азовом. Этот успех остался в тени основных событий

Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., которые разворачивались в Северном Причерноморье и Приднестровье. Белградский мир, заключенный 18 сентября 1739 г., предполагал разрушение Азова и превращение Северо-Восточного Приазовья в буферную зону между двумя империями (Аваков, Урушадзе 2014: 176).

И только в 1769 г. Северо-Восточное Приазовье было окончательно отвоевано у Османской империи. Весной 1769 г., на втором году очередной Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., российские войска под командованием генерал-майора Ф. Вернеса и бригадира И.П. де Жедераса заняли Приазовский регион и начали восстановление Азова и других укреплений. Кючук-Кайнарджийский мирный договор от 10 июля 1774 г. закрепил российские завоевания и зафиксировал победу Российской империи в противостоянии за обладание Северо-Восточным Приазовьем — «город Азов с уездом его и с рубежами... вечно Российской империи принадлежать имеет» (Юзефович 1869: 35).

Возвратно-поступательный характер имперской экспансии можно проследить и на примере северо-западных окраин Российского государства. В ходе Северной войны (1700–1721) российские войска заняли территорию Финляндии. Весенне-летняя кампания 1713 г. ознаменовалась взятием Гельсингфорса (совр. Хельсинки) и Або (совр. Турку) (Бородкин 1910: 140–144). На завоеванной территории Юго-Западной Финляндии до 1717 г. действовала российская военная администрация, а затем власть находилась в руках граждан-

ской администрации под началом губернатора Або Г.О. Дугласа. Одной из основных задач местной российской администрации был сбор контрибуции с местного населения. В социально-правовой организации края не произошло больших перемен, российские власти руководствовались «совестью, указаниями жизни и шведскими законами» (Там же: 233). Согласно Ништадтскому миру от 30 августа 1721 г., Россия получала обширные территории, в том числе Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгом, но возвращала Швеции Юго-Западную Финляндию с Гельсингфорсом, Або и Борго (ПСЗ РИ 1830: 420–431). Финляндия стала частью Российской империи только по итогам Русско-шведской войны 1808–1809 гг.

После завершения Северной войны Петр I вновь обратился на юг. В 1722–1723 гг. российский император предпринял Персидский поход, целью которого была диверсификация мировых торговых путей и захват «шелковых» иранских провинций — Гиляна и Мазендарана (Курочкин 2010: 17). Персидский поход сложился вполне удачно. Российские войска взяли крупные прикаспийские города — Дербент и Баку. И хотя Петр I оставил войска осенью 1722 г. и фактически прекратил наиболее активную фазу военной кампании, условия мира с Персией, заключенного 12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге, были выгодны России. Петру I удалось добиться всех своих геополитических целей. Согласно второй статье мирного трактата, персидский шах уступал российскому императору «в вечное владение го-

рода Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, также и провинции Гилян, Мазендран и Астрабат...» (Юзефович 1869: 190). Южная российская граница за короткое время продвинулась за реку Аракс, вытянувшись вдоль всего западнокаспийского побережья.

Но эти очертания российской границы вскоре изменились. Наследники царя-реформатора не смогли закрепить под российским суверенитетом отторгнутые от Персии провинции. Согласно Рештскому трактату от 21 января 1732 г., Россия уступала шаху Астрабад и Мазендаран с единственным условием — не передавать эти провинции третьей державе (Там же: 195). Спустя три года Персии был возвращен Гилян, а по Гянджинскому трактату, заключенному 10 марта 1735 г., Российская империя возвращала Дербент и Баку (Там же: 205). В преддверии очередной войны с Османской империей российское правительство решило обезопасить себя от угрозы со стороны Персии, дорого заплатив за «вечную союзную дружбу» (Кавказский вектор 2011: 159).

Таким образом, за двенадцать лет граница российского государства сначала продвинулась далеко на юг до Южного Азербайджана и Южного Прикаспия, а затем с высокой скоростью откатилась обратно на север — к реке Сулак. Российская экспансия на Южном Кавказе и в Южном Прикаспии продолжилась только после 1801 г., когда Восточная Грузия вошла в состав Российской империи. При этом обсуждение

вопроса о присоединении к империи новой провинции раскололо Непременный совет, в котором нашлись противники экспансии — сенаторы А.Р. Воронцов и В.П. Кочубей. Эти влиятельные сановники считали, что проблема Восточной Грузии отвлекает императора Александра I от гораздо более важных задач внутреннего преобразования и без того обширной империи (Архив Государственного совета 1878: 1200).

Эти примеры показывают нестабильный характер российской экспансии. Расширение границ часто сопровождалось военным противостоянием с соседними государствами, а занятые территории иногда приходилось оставлять ввиду отсутствия необходимых ресурсов и/или неблагоприятной международной политической конъюнктуры.

ВЫВОДЫ

Российская империя складывалась на протяжении нескольких веков в борьбе с сильными соседями. История конца XVII — первой половины XVIII в. хорошо показывает, что российская экспансия имела возвратно-поступательный характер: присоединение территорий сменялось их потерей. Территориальный рост отличался нестабильностью, как и политическая обстановка вокруг границ Российского государства. Империя складывалась отнюдь не из конгломерата «ничейных земель». Едва ли не все территории, присоединенные к России, имели политическую организацию различного формата или же находились в сфере политических интересов соседних

держав. Именно этим и объясняется затрудненная экспансия многих регионов, не раз переходивших из одних рук в другие и обратно. Направления российской экспансии не имели общей стратегии и ясных планов. Историографические клише о выходе к морям как императиве российской экспансии не выдерживают научной критики. Роль планов экспансии выполнял инстинкт борьбы за выживание с сильными конкурентами. Значит ли это, что Ю.А. Гагемейстер был прав, когда оценивал процесс формирования Российской империи как «естественный»? Разумеется, нет. Рассмотренные эпизоды российского империостроительства показывают, прежде всего, слабость и переменчивость имперской экспансии, ее огромную цену. Присоединение территорий проходило с экстремальным напряжением сил и ресурсов Российского государства. Новые провинции зачастую не усиливали имперский организм. За присоединением следовали дополнительные ресурсоемкие меры по интеграции и обороне достигнутых рубежей. В таком контексте удивляют уже не темпы территориального роста, а способность Российской империи удерживать разнообразные окраины и наладить механизмы их управления.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Архив Государственного совета 1878 — Архив Государственного совета. Т. III. Ч. 2. СПб.: Типография Второго отделения СЕИВК, 1878. 1256 с.

Маркс 1952 — Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 768–777.

ПСЗ РИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. VI. СПб, 1830. С. 420–431.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аваков 2019 — Аваков П.А. Зачем Петр I предпринял поход на Азов? // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. Вып. 6. С. 659–663.

Аваков, Урушадзе 2014 — Аваков П.А., Урушадзе А.Т. Северо-Восточное Приазовье в административно-территориальной структуре Российского государства (конец XVII–XIX вв.) // Русская старина. 2014. № 4. С. 170–178.

Александров 1984 — Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Антропологический форум 2007 — Антропологический форум. 2007. № 6. С. 414–436.

Барретт 2000 — Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии послед. лет. Императ. период: Антология. Самара: Самарский университет, 2000. С. 163–195.

Бердяев 1918 — Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Издательство Г.А. Лемана, С.И. Сахарова, 1918. С. 62–68.

Бородкин 1910 — Бородкин М.М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1910. 342 с.

Возгрип 2013 — Возгрип В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма. В 4 т. СПб: Нестор-История, 2013. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/istoricheskie-sudbi-krimskih-tatar28.html> (дата обращения: 15.08.2021).

Гагемейстер 1835 — Гагемейстер Ю.А. О распространении Российского государства с единодержавия Петра I-го до смерти Александра I-го. СПб.: Типография Н. Греча, 1835. 129 с.

Кавказский вектор 2011 — Кавказский вектор российской политики: Сборник документов. Т. I. XVI–XVIII вв. / сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2011. 680 с.

Кантелер 2004 — Кантелер А. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 94–114.

Ключевский 1987 — Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. // Сочинения в 9 т. Т. I. М.: Мысль, 1987. 420 с.

Курукин 2010 — Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010. 381 с.

Любавский 1996 — Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М.: Издательство Московского университета, 1996. 688 с.

Милов 1998 — Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

Милоков 1896 — Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. 237 с.

Миронов 2000 — Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. I. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.

Мясников 1987 — Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Книжное издательство, 1987. 302 с.

Нольде 2013 — Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 845 с.

Олейников 2002 — Олейников Д.И. Фронт и колонизация. URL: www.timeandspace.lviv.ua (дата обращения: 12.01.2012).

Павленко 1990 — Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.

Русско-китайские отношения 1958 — Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. 142 с.

Соловьев 1851 — Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. I–V. СПб.: Общественная польза, 1851. 650 с.

Тернер 2009 — Тернер Ф. Дж. Фронт ир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 303 с.

Флоря 2001 — Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 2001. Ч. 2. 400 с.

Ходарковский 2019 — Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Юзефович 1869 — Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1869. 273 с.

Azakov 2020 — Azakov P. Azov in tsar Peter I's strategic plans between 1695 and 1696: a revision of historiographical tradition // Cahiers du Monde Russe. 2020. Т. 61. № 1–2. P. 177–204.

Barrett 1999 — Barrett T.M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder, Colo: Westview Press, 1999. 243 p.

Bassin 2003 — Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // *The Journal of Modern History*. 1993 Vol. 65, No. 3. P. 473–511.

Boeck 2008 — Boeck B. When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695–1711) // *The Journal of Modern History*. 2008. Vol. 80, No. 3. P. 485–514.

Boeck 2009 — Boeck B. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 255 p.

Lawrence 1952 — Lawrence S. Frederick Jackson Turner and Imperialism // *Social Science*. 1952. Vol. 27, No. 1. P. 12–16.

Sen' 2020 — Sen' D.V. Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue [Фронтирные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 66–80.

Sunderland 2004 — Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. 239 p.

REFERENCES

Aleksandrov V. A. *Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.)*. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 272 p.

Antropologicheskij forum. 2007, no. 6, p. 414–436.

Avakov P. Azov in tsar Peter I's strategic plans between 1695 and 1696: a revision of historiographical tradition. *Cahiers du Monde Russe*, 2020, vol. 61, no. 1–2, p. 177–204.

Avakov P. A. Zachem Petr I predprinyal po-khod na Azov? *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya*. 2019. Vyp. 6, p. 659–663.

Avakov P. A., Urushadze A. T. Severo-Vostochnoe Priazov'e v administrativno-territorial'noy strukture Rossiyskogo gosud-

darstva (konets XVII–XIX vv.). *Russkaya starina*, 2014, no. 4, p. 170–178.

Barrett T. M. *At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860*. Boulder, Colo: Westview Press, 1999. 243 p.

Barrett T. M. Linii neopredelennosti: severokavkazskiy «frontir» Rossii. *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii posled. let. Imperat. period: Antologiya*. Samara: Samar-skiy universitet, 2000, p. 163–195.

Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces. *The Journal of Modern History*, 1993, vol. 65, no. 3, p. 473–511.

Berdyayev N. A. O vlasti prostranstv nad russkoy dushoy. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti*. Moscow: Izdatel'stvo G. A. Lemana, S. I. Sakharova, 1918, p. 62–68.

Boeck B. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 255 p.

Boeck B. When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695–1711). *The Journal of Modern History*, 2008, vol. 80, no. 3, p. 485–514.

Borodkin M. M. *Istoriya Finlyandii. Vremya Petra Velikogo*. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1910. 342 p.

Florya B. N. Voyny Osmanskoj imperii s gosudarstvami Vostochnoy Evropy (1672–1681 gg.). *Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy v XVII v.* Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001. Ch. 2. 400 p.

Gagemeyster Yu. A. *O rasprostranении Rossiyskogo gosudarstva s edinoderzhaviya Petra I-go do smerti Aleksandra I-go*. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha, 1835. 129 p.

Kappeler A. Formirovanie Rossiyskoy imperii v XV — nachale XVIII veka: nasledstvo Rusi, Vizantii i Ordy. *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive*. Sbornik

statey, pod red. A. I. Millera. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, p. 94–114.

Kavkazskiy vektor rossiyskoy politiki: Sbornik dokumentov. Vol. I. XVI–XVIII vv., sost. M. A. Volkhonskiy, V. M. Mukhanov. Moscow: Ob"edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2011. 680 s.

Khodarkovskiy M. *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 352 p.

Klyuchevskiy V. O. Kurs russkoy istorii. Ch. I. *Sochineniya v 9 t.* Vol. I. Moscow: Mysl', 1987. 420 p.

Kurukin I. V. *Persidskiy pokhod Petra Velikogo. Nizovoy korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735).* Moscow: Kvadriga, 2010. 381 p.

Lawrence S. Frederick Jackson Turner and Imperialism. *Social Science*, 1952, vol. 27, no. 1, p. 12–16.

Lyubavskiy M. K. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX v.* Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1996. 688 p.

Milov L. V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa.* Moscow: ROSSPEN, 1998. 573 p.

Milyukov P. N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury.* Ch. 1. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1896. 237 p.

Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.).* Vol. I. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2000. 548 p.

Myasnikov V. S. *Imperiya Tsin i Russkoe gosudarstvo v XVII v.* Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 302 p.

Nol'de B. E. *Istoriya formirovaniya Rossiyskoy imperii.* St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013. 845 p.

Oleynikov D. I. *Frontir i kolonizatsiya.* URL: www.timeandspace.lviv.ua (data obrashcheniya: 12.01.2012)/

Pavlenko N. I. *Petr Velikiy.* Moscow: Mysl', 1990. 591 p.

Russko-kitayskie otnosheniya, 1689–1916. Ofitsial'nye dokumenty. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoy literatury, 1958. 142 p.

Sen' D. V. Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue [Frontirnye issledovaniya v sovremennoy Rossii: Zybkie granitsy akademicheskogo dialoga]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, no. 1, p. 66–80.

Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen.* Kn. I. T. I – V. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1851. 650 p.

Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe.* Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. 239 p.

Terner F. Dzh. *Frontir v amerikanskoj istorii.* Moscow: Ves' mir, 2009. 303 p.

Vozgrin V. E. *Istoriya krymskikh tatar: ocherki etnicheskoy istorii korenno go naroda Kryma.* V 4 t. St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2013. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/istoricheskie-sudbi-krimskih-tatar28.html> (data obrashcheniya: 15.08.2021).

Yuzefovich T. *Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye.* St. Petersburg: Tipografiya O. I. Baksta, 1869. 273 p.

Л. А. Мосионжник

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ПОПЫТКЕ: БЕССАРАБСКАЯ КОММУНА Г. И. КОТОВСКОГО КАК УТОПИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В статье анализируется история Бессарабской коммуны, основанной Г. И. Котовским, с точки зрения ее сходства с утопической общиной. Основным источником служит рукопись В. Г. Шмерлинга, биографа Котовского, посетившего коммуну лично и собравшего о ней ряд ценных документов. Из этих документов видно, что ни у самого Котовского, ни у непосредственных руководителей коммуны не было утопических планов, вряд ли они были даже знакомы с трудами классиков утопизма. Однако объективные условия, в которых существовала коммуна, привели к появлению черт, роднящих ее практику с «Утопией» Мора и особенно с проектами Ш. Фурье, а во многом и с киббуцным движением. В течение пяти лет коммуна развивалась успешно, преодолев начальные трудности, а ее перерождение и конечный распад были вызваны внешними факторами.

Ключевые слова: Котовский, Бессарабская коммуна в Ободовке, Владимир Шмерлинг, Томас Мор, Шарль Фурье, фаланстер, утопия, утопическая община, утопический эксперимент.

Сведения об авторе: Мосионжник Леонид Авраамович, доктор истории, конференциар (доцент), университет «Высшая Антропологическая Школа» (Кишинев, Молдова).

Контактная информация: mosionjnic@mail.ru.

L. A. Mosionjnic

MEMORY OF THE GREAT ATTEMPT: BESSARABIAN COMMUNE GRIGORII KOTOVSKY
AS A UTOPIAN EXPERIMENT

The article analyzes the history of the Bessarabian commune, founded by Grigorii I. Kotovsky, from the point of view of its similarity with the utopian community. The main source is the manuscript of V. G. Schmerling, a biographer of Kotovsky, who visited the commune in person and collected a number of

© Л. А. Мосионжник, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-28-49

valuable documents about it. From these documents it is clear that neither Kotovsky himself nor the immediate leaders of the commune had utopian plans, they were hardly even familiar with the works of the classics of utopianism. However, the objective conditions in which the commune existed led to the appearance of features that made its practice close to Thomas More's "Utopia" and especially to the projects of Charles Fourier, and in many respects to the kibbutz movement. For five years, the commune developed successfully, overcoming initial difficulties, and its rebirth and final disintegration were caused by external factors.

Key words: Kotovsky, Bessarabian commune in Obodivka, Vladimir Shmerling, Thomas More, Charles Fourier, phalanstère, utopia, utopian community, utopian experiment.

About the author: Mosionjnic Leonid A., PhD in History, Assistant Professor, "High School of Anthropology" University (Chişinău, Moldova).

Contact information: mosionjnic@mail.ru.

*...утопия хороша как остров,
но страшна как архипелаг...*

В. А. Чаликова

УТОПИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Память о прошлом — это не только великие события и мелкие подробности, не только образ жизни. Это еще и былые мечты — об альтернативной реальности, основанной на принятых в данном обществе ценностях. Проще говоря — о «лучшей» жизни, которую ее приверженцы — обоснованно или нет, в данном случае неважно, — считают возможной. Текст, описывающий такую реальность, и есть утопия.

Утопия — не сказка: для ее воплощения не должны требоваться чудеса. Не случайно утопическая литература бурно расцветает накануне больших и неизбежных перемен. И напротив: если где-то утопий нет — значит, здесь о будущем либо вовсе не думают, либо не ждут от него ничего хорошего. Так что речь идет не просто о литературном феномене.

Многие из этих проектов альтернативной реальности приводили к *утопическим экспериментам* — попыткам создать идеальное общество на практике, хотя бы и в малых масштабах. Так возникали *утопические общины*, живущие по иным правилам, чем окружающий мир. Таковы были фаланстеры, основанные приверженцами Ш. Фурье, «Новая Гармония» Р. Оуэна, многие другие. Еще в 1875 г. Чарльз Нордхофф выпустил почти 450-страничный труд: «Коммунистические сообщества Соединенных Штатов» — причем только о тех, которые он посетил лично (*Nordhoff 1875*). Успех этих «коммун» был разным. Большинство из них со временем распалось или переродилось, но некоторые выжили.

Ведь с утопических колоний Новой Англии началась история самих США. Еще в XVI в. возникли общины «моравских братьев» (вариант анабаптизма): они уцелели до сих пор, в основном в Канаде и США, где по ним не прошелся паровой каток мировых войн и диктатур. Из сообществ, уходящих в пустыню, чтобы

там «жить не по лжи», выросло христианское монашество, историю которого рано считать оконченной. Технократическая утопия Ф. Бэкона «Новая Атлантида» стала прообразом научных учреждений Нового времени. С утопического проекта начался Израиль. И хотя в своей программной брошюре Теодор Герцль с самого начала доказывал, что «дело идет вовсе не об одной из тех милых утопий, которые так часто появлялись и до и после Томаса Мора» (Герцль 1896: 2), хотя он боялся, как бы его не приняли за утописта, но позже ему все же пришлось дополнить свой практический проект романом о будущем — «Обновленная земля» (Герцль 2000 [1902]). Оказалось, что и бизнес-план нуждается в литературной обработке.

Другие сообщества подобного рода начали весьма успешно, были достаточно жизнеспособны, но распались из-за внешних причин. Два таких утопических эксперимента случились в Парагвае: государство иезуитов (1630-е — 1767 г.) и диктатура Х.Г. Франсиа и Лопесов (1811–1870). О некоторых еще рано делать выводы: они еще слишком молоды. Появился даже специальный термин: «идейные общины», или «целенаправленные сообщества» — *intentional community*, и типы их даже в наши дни многообразны (см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Идейная_община). Правда, у них уже нет притязаний эпохи великих утопистов: стоит-де показать, насколько наш образ жизни лучше привычного, — и весь мир последует за нами. Теперь такие общины — именно места альтернативного образа жизни, предназначенные именно и только

для желающих. В сущности, фаланстер никуда не исчез, он лишь излечился от завышенных притязаний.

Но есть и еще один, особый случай: сообщества, создаваемые без обдуманного утопического проекта, но приобретающие черты утопических общин, — поскольку возникают они в особых обстоятельствах, в условиях, которые надо превозмочь ради собственного выживания. При этом их создатели и участники могут даже и не быть утопистами, вообще не читать ни Мора, ни Фурье: все происходит как бы само собой, «силою вещей». Что и доказывает: утопия — не просто фантазия мыслителей-одиночек, а ее характерные черты (например, общность имуществ) — не чья-либо прихоть. Бывают обстоятельства, при которых только так и можно выжить.

Об одном таком сообществе и пойдет сегодня речь. Инициатором его создания стал человек, еще при жизни ставший легендой, — Г.И. Котовский. Созданная им коммуна целых пять лет сохраняла свой особый уклад и имела все шансы для дальнейшего развития. И конец ее был вызван внешним давлением, а не внутренними причинами.

ИСТОРИЯ РУКОПИСИ

С окончанием Гражданской войны началась демобилизация. Бойцы дивизии Г.И. Котовского, в основном бессарабцы, остались без места. Вернуться на родину, за Днестр, прямо в руки сигуранцы, они не могли. В основном это были крестьяне — в городе их ждало бы дно. Един-

ственная их надежда была на помощь своего командира. А у Котовского — при всей анархичности его натуры, импульсивности, тяге к авантюре, многократно отмеченном артистизме — был твердый стержень. Своих людей он никогда не бросал — ни в бою, ни в мирной жизни. Ни при удаче, ни при неудаче: нет в его биографии ни единого такого эпизода. Так родилась идея создать сельскохозяйственную коммуну из бывших бойцов его дивизии.

В августе 1924 г. в местечке Ободовка (на юго-востоке Винницкой области, между Бершадью и Крыжополем) по инициативе Г. И. Котовского была создана Бессарабская коммуна. Разместилась она на землях совхоза, основанного при 2-м кавалерийском корпусе в бывшем помещичьем имении, но так и не наладившего работу. Во главе коммуны стояли два человека: Виктор Федорович Левицкий (1897–1937), один из руководителей Хотинского восстания 1919 г., позже боец в бригаде Котовского, и Николай Алексеевич Гажалов (1895–1971), бывший начальник особого отдела в той же бригаде. Позже коммуна была преобразована в колхоз имени Котовского.

Ее историю написал Владимир Григорьевич Шмерлинг (1909–1992) — советский писатель, родившийся в г. Козлове (ныне Мичуринск) в еврейской семье управляющего аптекой. В 1919 г., когда Козлов был занят генералом Мамонтовым, семья чудом спаслась от погрома и перебралась в Москву. Там Владимир Григорьевич позже поступил на литературные курсы. Первые его очерки увидели свет в 1928 г., первый роман

(«Югосевер», о своем земляке — знаменитом селекционере И. В. Мичурине) — в 1931-м. Кроме Мичурина, он был знаком с Сергеем Есениным, Аркадием Гайдаром, переписывался с К. Э. Циолковским и до самой старости любил рассказывать школьникам об этих людях. В годы войны В. Г. Шмерлинг служил фронтовым корреспондентом, был майором интендантской части, прошел войну с начала до конца. В 1944 г. он был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени — за то, что в Торжке под немецкими бомбами спас детей из горящего детского дома. Его жизни и творчеству посвящен сайт (<http://vlshmerling.narod.ru/>), на информацию которого мы здесь и опираемся.

С Котовским В. Г. Шмерлинг не успел познакомиться лично, но с его женой Ольгой Петровной и сыном Григорием Григорьевичем был в дружбе и многолетней переписке. Жизнь легендарного комбрига стала его темой надолго: он посещал основанную Котовским коммуну, познакомился со многими бойцами-котовцами, записал их воспоминания. В 1937 г. В. Г. Шмерлинг издал первую подробную биографию комбрига — в серии ЖЗЛ, основанную во многом на личных воспоминаниях соратников своего героя (кишиневские архивы ему в то время по понятным причинам не были доступны). Четыре года спустя, в 1941 г., он выпустил повесть для детей «Штаб-трубач» — о юном трубаче в бригаде Григория Ивановича: это был реальный человек — Александр Лавренюк, позже солист на валторне, военный капельмейстер и певец (*Гарри* 1959: 252). Больше того, в 1946–1948 гг.

В.Г. Шмерлинг инициировал перед властями идею создания в Кишиневе музея Г.И. Котовского и начал его организацию, за что был награжден Почетной грамотой Верховного совета Молдавской ССР (<http://vlshmerling.narod.ru/ar/biogr.htm>). Так что с доступными в то время архивными материалами В.Г. Шмерлинг (в отличие от многих других биографов Котовского) был хорошо знаком. Цитаты из полицейских и следственных дел он приводит практически дословно. В 1949 г. он выпустил второе издание своей биографии Котовского, многое исправив и дополнив уже по архивным данным. Эта книга была переиздана несколько раз — от Кишинева до Казани, переведена на несколько языков.

Истории Бессарабской коммуны В.Г. Шмерлинг решил посвятить особый труд. Он лично выезжал на место, говорил с коммунарами. Он собрал большое количество аутентичных документов (многие из них цитирует) и оригинальных фотографий, включенных в текст. Однако рукопись — написанная, по-видимому, во второй половине 1930-х гг. — так и осталась неизданной. Как писала Е.С. Осликовская (1958) — агроном, в свое время активно сотрудничавший с коммуной: «Работа В. Шмерлинга была написана к десятилетию коммуны имени Котовского. Она не вышла в свет только потому, что ряд лиц, и в первую очередь председатель коммуны, выдающийся деятель колхозного движения, очень яркий и одарен-

ный человек — Виктор Федорович Левицкий, был невинно осужден». В рукописи заметны следы поспешной правки, когда автор вычеркивал имя Левицкого и заменял его на имя его коллеги — Н.А. Гажалова. Но в том же 1937 г. был расстрелян И.Э. Якир, покончил с собой ввиду неизбежного ареста Я.Б. Гамарник, в 1939 г. были расстреляны П.П. Постышев и С.В. Косиор — их имена тоже упоминаются в рукописи. Кто мог тогда знать, долго ли еще можно будет называть по имени даже С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова? В.Ф. Левицкий, как сообщает сайт «Мемориала», был обвинен прежде всего в «экономической контрреволюции»¹ — он ездил в Америку, изучал там опыт ведения сельского хозяйства, пытался внедрить увиденное в коммуне. А в книге этому посвящена вся седьмая глава. Что из сказанного там было бы сочтено преступлением? Можно ли было вообще рискнуть сдать такое в печать?

Лишь в 2009–2011 гг. сын писателя, Григорий Владимирович Шмерлинг, разобрал сохранившийся текст и опубликовал его в Интернете (*Шмерлинг* 2009²). Ему же принадлежит и условное название — «Повесть о Бессарабской коммуне» (в оригинале рукопись никак не озаглавлена). Публикация плохо вычитана, заметны ошибки набора и сканирования; далее в цитатах мы эти ошибки исправляем, поскольку дополнительной информации они не несут.

¹ URL: https://stalin.memo.ru/names/p215.htm#lastname=Левицкий&firstname=Виктор&midname=Фелорович&global_search=&korpus=0&tom=0&geo=0&group=0&kat=0&date_from=&date_to=

² Далее цит. по этому изданию.

КОММУНА И ФАЛАНСТЕР: В ЧЕМ РАЗНИЦА?

И вот тут с образом «бессарабского Робин Гуда» происходит странная вещь. Да, Котовский стал инициатором коммуны, опекал ее целый год — от основания (август 1924 г.) до своей гибели в августе 1925 г. Но на каких принципах должна была создаваться коммуна? Ведь теоретиком Котовский никогда не был. И здесь из-за его спины выглядывают авторы, которых он вряд ли успел при жизни прочесть: Шарль Фурье (в первую очередь), Томас Мор и даже Теодор Герцль.

Коммуна напоминала не столько колхоз, сколько фаланстер. Был даже такой внешний признак (и многие — как фурьеристы, так и их оппоненты — принимали его за главный), как роскошное здание, в котором для места общих собраний автор предлагал взять за образец не более не менее чем галерею Лувра (*Фурье* 1939: 126). Такого, конечно, не было, но вместе с Ободовским совхозом коммунарам достался дворец графов Собанских³ — правда, разрушенный во время войны, но подававшийся восстановлению. Но вообще-то коммунары строили свою жизнь не по чьей-нибудь теории. Один из вновь поступивших членов коммуны, видимо, знал историю утопизма: «Коммуна — это большой монастырь, — объяснял Гарбуз, — каждый что хочет, то и должен делать <...> Гарбуз же доказывал Лозинскому, что ком-

муна — это как вроде раньше монастырь был, что коммунары, как монахи, от вольной жизни и соблазнов за оградой спрятались, настоящая же жизнь в селе будет, когда крестьянин развитей станет и богаче» (IV, 4). Действительно, обоснование коллективизма примером монастырей есть и у Томаса Мора (*Мор* 1953: 197–198, 289; 1989: 115), и даже у Э. Кабе, который первым назвал свою утопию коммунистической (*Кабе* 1948: 173). Но этот-то человек «считал, что в коммуне он скорее сделается развитым, а потом все равно придет время, когда придется делить коммунарскую землю», и в коммуне не удержался.

В другой раз, по поводу общих обещаний, студент-агроном Петиков (которого Котовский в свое время направил из бригады на учебу) сказал:

«— Лева, а ты, ты все-таки утопист. Был такой лондонский гражданин и виконт⁴, ученейший муж, Томас Мор. Там у него на острове Утопия время обеда возвещалось трубным звуком, ну а мы в металлическую доску бьем.

— Кто таков Томас Мор, я не слышал о нем. Может, и он нам пригодится. Ты не забудь, Лозинский, пусть нам агроном расскажет об этом гражданине» (II, 13).

Но реальный быт коммунаров определялся не чьими-то идеями (пусть даже не Фурье или Мора, а самого

³ У В. Г. Шмерлинга — везде «Сабанских». По-польски правильно — Sobański.

⁴ «Виконт» — в данном случае укоренившаяся ошибка перевода. В период написания «Утопии» Томас Мор занимал в Лондоне должность *помощника шерифа*, что и переводилось на тогдашнюю латынь как *vice-comes* — так же, как виконт. Напомним, что слово «шериф» происходит от англосаксонского *skir-gerefa* — «окружной граф», а граф по-латыни и есть *comes*.

Маркса), а суровой реальностью. Общность имущества, включая даже личное, была установлена с самого начала — но не потому, что это соответствовало какой-нибудь теории, а потому, что на новое место котовцы пришли с пустыми руками. Позже они писали Ворошилову: «Мы приняли хозяйство военсовхоза кавкорпуса Котовского в 1924 году в составе 3 лошадей, 4 поломанных культиваторов, 3 заржавленных плугов и 3 повозок без ящиков. Плюс к этому полуразрушенное здание» (IX, 1). Лишь со временем Котовскому удалось выбить для коммуны три трактора. На всех был только один костюм, и надевал его тот, кому надо было выйти за ворота. «Опенчук пришел в коммуну в рваной домотканной одежде. На следующий же день он без всяких церемоний сменил свой эскадрон заплат и дыр на красные галифе Левицкого. А Левицкий без всякого сожаления влез в первые попавшиеся брюки, когда-то принадлежавшие франту Дрыге» (II, 3). Одно на всех было полотенце (II, 4). Не было ни постельного белья, ни посуды, так что вместо мисок пришлось приспособить эмалированные плевательницы, не находившие сбыта в местной кооперации (II, 3). Но такое было только в первые дни. Как только котовцы смогли наладить свой быт — появились и чистые простыни, и индивидуальное белье (IV, 8), и никто не усмотрел в этом отхода от принципов социализма.

И наверняка коммунары не знали, что так же, как они, поступили герои

еще одной классической утопии — «Истории севарамбов» Дени Вераса д'Алле. Голландские моряки, выброшенные на пустынный австралийский берег, у него вводят общность собственности и новые формы отношений между полями (Верас 1956: 81–103). И тоже — не в силу своих убеждений, а под давлением необходимости. Условия, которые в прежних утопиях были лишь волюнтаристскими установлениями некоего разумного законодателя, на пустынном австралийском берегу возникли сами собой, как единственно возможные в такой ситуации.

Однако чем все-таки отличается фаланстер⁵ от коммуны? Это прежде всего не дворец и даже не общность имущества, тем более — не общее жилье, вплоть до одной кровати на всех (а в первые дни коммуны было и это: I, 7). Так что напрасно и Петрашевский начал свой фурыеристский опыт со строительства общей избы (которую крестьяне тут же сожгли), да и сам Фурье в Конде-сюр-Вегр зря начинал с постройки здания и закупки экзотических растений: деньги кончились раньше, чем была завершена постройка, в которую к тому же оказалось некого селить (Василькова 1978: 210–215). В Бессарабской коммуне со временем появился и верблюд, и даже пара павлинов, — но по случайным причинам, и не в этом была суть дела. Напрасно даже такой крупный теоретик, как П. А. Кропоткин, утверждал, что фаланстер, «в сущности, представляет не что иное, как огромную гостини-

⁵ Если уж быть точными, то у Фурье коммуна называется «фалангой», а «фаланстер» — здание для нее. Но слово «фаланга» многозначно, а «фаланстер» указывает только на фурыеризм, поэтому на таком обозначении и остановимся.

цу», в то время как люди «больше любят отдельные квартиры» (*Кропоткин* 1919: 157). Ведь не в этом суть! И коммунары мечтали вовсе не о вечном общежитии: «Раньше в планах Левицкого и Гажалова были эскадроны и полки, теперь же, хотя их на кровати всего несколько человек, перед ними тысячи белых мазанок, соломенный рай, окруженный забором из плетеной лозы» (I, 8).

Фаланстер по Фурье — это производственно-потребительский кооператив, основанный на «страстных сериях». Это, прежде всего, люди, особым образом мотивированные, организованные и готовые на временные жертвы — ради собственного лучшего будущего, а не ради одних лишь грядущих поколений. Сам Фурье, приступая в 1832 г. к опыту в Кондесюр-Вегр, предупреждал: «Если организаторы не будут “приучать этих начинающих к развитию притяжения, приводить к выявлению их страстей, их вкусов, их инстинктов”, то вся затея “превратится в простую компанию акционеров”» (*Василькова* 1978: 211). Фурье любил выражаться заумно — отчасти из-за особенностей собственного психического склада, отчасти же из болезненного страха перед плагиаторами. Поэтому переведем сказанное им на человеческий язык.

Утопия Фурье основана не на разуме, а на человеческих чувствах — точнее, на их правильном согласовании. Переделывать натуру, «формировать нового человека» французский утопист принципиально не был согласен: любые естественные чувства — даже жажду наживы и тщеславие — можно со-

гласовать ко всеобщей пользе, лишь бы они удовлетворялись не за счет других людей. Тем более нет уравниловки: ведь люди принципиально не одинаковы, одного тянет стихи писать, другого — щи варить. Чисто умозрительно автор полагал, что у человека всего 12 основных страстей, плюс 13-я — страсть к сотрудничеству, и в разных комбинациях они образуют 810 типов характера (*Фурье* 1938: 108). А эти типы, как ему казалось, распределяются по популяции случайным образом. Достаточно создать общину из 810 работающих (а вместе с нетрудоспособными — около 1800 человек), чтобы в ней попало хотя бы по одному человеку с каждым типом характера, так что на любое дело найдется работник. Каждый будет заниматься *только тем, к чему его тянет* (это для Фурье принципиально), так что нет разницы между трудом и хобби. А уж естественная потребность работников в плодах трудов друг друга толкнет их к кооперации (по Фурье — «притяжению», attraction). Такие вот группы и есть «страстные», или «прогрессивные», серии: «Так именую я совокупность нескольких ассоциированных групп, посвятивших себя различным отраслям одного и того же производства или различным видам одной и той же страсти» (Там же: 40). Так, если одного тянет муку молоть, а другого — хлеб печь, то эти два работника нуждаются друг в друге. И поскольку своим делом они оба занимаются по зову сердца, то над ними не нужен никакой надсмотрщик или посредник. А поскольку у каждого человека есть не только одна страсть, каждому делу можно посвятить лишь два — два с половиной часа в день (чтобы

не надоело). Зато рабочий день в целом можно вообще не ограничивать: этих людей придется еще и силком разгонять по спальням.

СОСТАВ КОММУНАРОВ

Конечно, «психология» (создателем которой Фурье сам себя считал) здесь насквозь надуманная, оптимизм — чрезмерный, да и цифрам его верить не стоит: Фурье оперировал миллионами, но мог запутаться в счете на пальцах. Он мог, например, объявить о «трех главных условиях социальной мудрости» и тут же перечислить... не три, а четыре (Фурье 1939: 20). Но в Бессарабской коммуне мы видим и работу по душе, и даже «страстные серии». Один решил сажать помидоры и виноград — этим он и занялся (II, 1). Другой любил ухаживать за свиньями. «С того дня, как попросился он на работы в свиначник, никто не видел его свободным, отдыхающим. Если Кремнев приходил на “брехаловку”, то только затем, чтобы уговорить кого-нибудь поработать с ним вместе» (V, 5). И этот человек почувствовал себя жестоко обиженным, когда из-за туберкулеза по настоянию врача был переведен на другую работу — на свежий воздух. Каждый делал то, что лучше умел (умел потому, что хотел) — но с учетом общих интересов. В этих условиях даже тот, кто пришел далеко не ангелом — один из первых коммунаров, демобилизованный красноармеец Лебедев, не сразу решил, в коммуну ему податься или в банду («все вольней

будет, и вроде как по моей специальности: и сытно и весело!» — I, 2), — менялся на глазах.

Да, но если кто-то умеет только выступать со сцены? На этом сломались уже многие утопические общины: их создавали восторженные идеалисты, а стало быть — в основном люди интеллигентного труда, не собиравшиеся лично доить коров. Этой беды не избежала даже «Новая Гармония», основанная Р. Оуэном:

«Уже с самого начала опыта в “Новой Гармонии” можно было предвидеть неудачу дела. В толпе, собравшейся на призыв Оуэна, люди убежденные, искренно желавшие работать в новых условиях жизни, составляли только меньшинство; большая же часть пришла сюда для того, чтобы пожить без нужды и забот, опираясь на обещания Оуэна и ожидая, что все будет для них устроено. Здесь существовал полнейший контраст с той обстановкой, которая была в Нью-Ланарке⁶. Там люди были связаны с устоявшимся уже делом, и все реформы Оуэна естественно вытекали из условий этого дела. Здесь самые разнохарактерные люди собирались *во имя идеи, смутно понимаемой большинством*, причем им самим предстояло сознательно и в общем дружном усилии осуществить ее» (Каменский 1893: гл. X; выделено мной. — Л. М.).

При такой организации в общине окажется много халявщиков, много «свободных художников» и восторженных оптимистов, умеющих

⁶ Нью-Ланарк — хлопчатобумажная фабрика в Шотландии, которой Р. Оуэн управлял в 1800–1828 гг. Здесь он провел первый и самый удачный из своих социальных экспериментов.

лишь рассуждать, и будет немало психопатов, особенно истероидов, для которых внешний эффект («смотрите, мы новый мир строим, вы такого и не видали!») важнее результата. В крайнем случае — «да, мы провалились, но какое было зрелище!» И слишком мало действительно полезных людей: они-то как раз держатся за свои рабочие места, их не так легко сманить обещаниями. Из-за этого распались общины, основанные на идеях Ш. Фурье, Р. Оуэна, Э. Кабе. Да и сам В. Ф. Левицкий, побывав в США, описывал виденную им «американскую коммуну» в Луизиане — вероятно, какую-то смесь фурьеризма с анархизмом и понятием на уровне лозунгов марксизмом: «По своей бедности и быту она мало чем отличается от фермерских хозяйств этого штата. Прежде всего, эта коммуна строится не на материалистической основе, а на идеалистической. Ищут идеал. Философии очень много. Хозяйство как-то разбросано. Всюду грязь, масса всяких отраслей. Всюду что-то начато, но не dokonчено. Пища готовится невкусно. Живут “по потребности” — учета нет. “Зачем учет, это непроизводительная трата труда”. Учитывают только то, что продают за наличные и покупают на наличные. Но издают газету, даже две, одну окружную, одну свою. Выписал для нас одни экземпляры» (VII, 1, 2).

Но вот тут Бессарабской коммуне как раз повезло. Ее основала небольшая — всего 30 человек (Там же: II, 13) — группа бывших партизан, сдружившихся еще в бригаде Котовского, в основном крестьян — то есть как раз тех, кто нужен был на первых шагах. Новых членов принимали с боль-

шим разбором: «Чтобы стать коммунарком, надо было пройти испытательный кандидатский срок» (IV, 3). Ни о какой повальной коллективизации речь не шла: наоборот, на первых шагах нищета коммуны отпугивала селян. Лишь через несколько лет, когда дело встало на ноги, начали поступать заявления вроде такого: «В виду того, что прослужил в Красной Армии с 1918 года, в частности в 3-й бессарабской дивизии. Ныне демобилизовавшись хозяйство не имею, а посему желаю работать в коммуне бессарабцев, как культурный артист. Артист Н. Заикин. Член союза РАБИС, № билета 919293» (V, 7). Если же кто-нибудь желал покинуть коммуну — никто его силком не удерживал.

Тридцатью годами раньше так же рассуждал автор другой сбывшейся утопии — Теодор Герцль. Ему, основателю политического сионизма, были смешны филантропы, пытающиеся «смягчить страдания евреев посредством сионистических опытов» — «давая переселенцам в руки деньги или средства к работе» под девизом: «я плачу, чтобы они пошли» (Герцль 1896: 72). Т. Герцль считает, что это не выход — напротив, колонисты должны рассчитывать только на собственный труд и энтузиазм. Предложенная им компания (сейчас она известна как «Сохнут») должна действовать как раз наоборот: «мы им ничего не платим, напротив, заставляем их платить, но зато мы ставим впереди определенную цель» (Там же). Иными словами, первыми должны двинуться те, кому нечего терять, *кроме своих цепей*. Они получают только бесплатный проезд, кредит на первое время, но главное — четко

сформулированную цель: обустроить себе на свете такое место, откуда их уже никто и никогда не выгонит. И если Т. Герцль считал, что евреям легче всего предпринять подобный утопический эксперимент, — то не потому, что они какие-то особые (против такого взгляда Герцль яростно спорил, считая его крайне опасной формой национального самомнения), но лишь потому, что у них *нет другого выхода*. Так же как и у создателей Бессарабской коммуны.

Поначалу небольшая, коммуна пополнялась направленными в нее красноармейцами. Нескольких «направил в Ободовку политотдел дивизии после демобилизации» — впрочем, они-то в коммуне как раз не удержались (*Шмерлинг* 2009: IV, 4). Несколько человек (механик и электротехник Митител, учительница Харитова) перебрались из Бессарабии на советский берег и направились к землякам; для них даже создали своего рода карантин (II, 9). Отчасти вступали местные бедняки и середняки. Когда стало ясно, что дело пошло, появились добровольцы. Ведь Бессарабская коммуна была не единственная. Как узнал тот самый Кремнев, страстью которого был уход за свиньями, «его полковые товарищи организовали коммуны имени 50-го полка», получили хорошую землю где-то в Белоруссии. Однако в ней было всего 8 человек, и вскоре эта коммуна распалась (V, 5). Упоминаются и другие армейские коммуны, но вряд ли они были похожи на то, что создали котовцы.

Окрестные крестьяне смотрели на коммуны косо, но до 1929 г. (об

этом подробно дальше) коммунары и не тянули их к себе, принимали только добровольцев. Даже с местным кулаком, Потапом Федотовичем Токарем, отношения сложились хоть и неприязненные, но корректные: конкуренция, но никакого «кулацкого вредительства» (III, 1, 6; V, 4, и др.). Вообще слово «вредитель» по отношению к человеку во всем обширном (почти 16 авторских листов) тексте встречается только дважды (VIII, 1; IX, 3) — там, где речь идет уже о временах коллективизации. Притом один раз — там, где говорится как раз о начальнике политотдела Лепехине, подгонявшем «цифры сева и премий <...> арестом саботажников и вредителей» (IX, 3). О роли, которую сыграл этот Лепехин в распаде самой же коммуны, речь еще впереди.

В 1927 г. в коммуне было уже 150 человек (V, 3), в 1928 — 175, в 1932 — 638 (IX, 1). И спустя десять лет люди могли сказать: «в неделимом капитале коммуны и их сила, мечты, задор и упорство и много, много работы хорошей и дружной» (IX, 9).

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

С самого начала к коммунарам потянулись и женщины из окрестных сел — в основном беднячки. Вот портрет первой из них: «За Лизой не сватались селянские парни: у нее не было приданого» (*Шмерлинг* 2009, II, 6). «Председатель просил ее не путать голоса, так как она за сквернословие лишена голоса на собраниях на две недели. Лиза не слушалась председателя» (IV, 1). И, естественно, встал вопрос о бра-

ке и семье. Прежние утописты были в этих вопросах категоричны: допускалась лишь одна форма брака, все остальные исключались. Либо строгая моногамия — либо, как у Платона, «общность жен»: лишь в таком виде древние греки могли представить равенство женщин. Самым либеральным в этом вопросе был как раз Фурье. Многие считают (без достаточных оснований), что именно он впервые ввел слово «феминизм». Среди массы его неологизмов возможно и такое. Но в своем «Новом промышленном и социетарном мире» он делит жителей фаланстера на девять категорий в отношении к браку, плюс две крайние: «в данном случае — *девственницы и независимые*: первые не знают чувственной любви, вторые не соблюдают никакого устава в сфере ее осуществления» (Фурье 1938: 153, 155). Все эти формы (как для мужчин, так и для женщин) Фурье признает равно законными, каждый может в любой момент как записаться в любую группу, так и выбыть из нее. От каждого / каждой требуется лишь одно: *быть тем, кем сам себя объявил / объявила*. А если менять статус — то объявить и об этом, чтобы все знали.

В Бессарабской коммуне до таких крайностей не доходило, союз был свободным: «За Лизой еще давно, когда части котовцев стояли в Ободовке, ухаживал Гончаренко — один из семи молдавских студентов. Лиза считалась его женой» (II, 6). Но конфликты в семье считались делом общественным: ведь каждый вступил в коммуны лично, а не за всю семью. Окрестных сельчан удивляло, что коммунары «строгие правила соблюдают, даже с женой развестись чело-

веку нельзя. Если захотят разводиться, должны из коммуны выйти, а уж после контрольная комиссия разведенных заново принимает». Детские ясли, общее воспитание (от которого родители были избавлены, но не отстранены полностью) — все это диктовалось условиями жизни и не было понятно даже теоретикам со стороны, которые «смотрели с высоты трибун докладчиков “о новой морали, любви и этике” на многочисленных в то время диспутах на модную тему» (IV, 3). Лишь через несколько лет было принято решение: «Коммунары, которые до сего времени не зарегистрированы в ЗАГСе, должны немедленно зарегистрироваться» (IV, 3).

РАВЕНСТВО БЕЗ УРАВНИЛОВКИ

Пока коммуна была мала, равенство ее членов получалось как-то само собой. Конечно, непререкаемым авторитетом пользовался зачинатель всего дела — Г. И. Котовский, а также его жена — «мамаша» Ольга Петровна, но они-то приезжали редко и не успевали вникнуть в мелочи. В один из приездов Котовский лишь случайно узнал, что в коммуне нет ни копейки денег (II, 5). Конечно, были формальные лидеры: председатель коммуны В. Ф. Левицкий и чекист Н. А. Гажалов. Но в личном общении они выделялись только авторитетом, а не особыми полномочиями, с ними могли спорить и не соглашаться. Еще в 1928 г. совет коммуны писал в Укроргстрой: «В коммуне люди должны подчиняться не людям, а понятной и выгодной для каждого в отдельности, по материальным результатам, системе учета» (VI, 2).

В таком коллективе не было места ни для тайн, ни для взаимного недоверия — обстоятельств, способных разложить даже экономически успешную группу. Коммунары верили друг другу — это и позволяло им мириться даже с нищетой.

Но равенство прав не означало уравниловки: «У нас нет отдельной одежды, сундуков и сбережений. Мы работаем все, сколько кто может, и лопаем, смотря у кого какой аппетит и что нам Гажалов приготовил» (II, 5). По мере того как удовлетворялись базовые потребности, касающиеся выживания, все больше приходилось задумываться: «Но есть личные, глубоко индивидуальные потребности, они разнообразны, их нельзя удовлетворить в общественном порядке. Они у каждого выпирают и требуют удовлетворения. На общественное удовлетворение имеют право все живущие и работающие в коммуне, а индивидуальное должно быть поставлено в зависимость от производительности, квалификации и качества выполненной работы» (IV, 2, 3). Поэтому внутри коммуны (как и у Фурье) не отменялись даже деньги. Точнее, была введена система марок, в конце года обменивавшихся на деньги (Там же) — что-то вроде системы трудодней.

Вообще Фурье не задумывался, совместим ли коллективизм с деньгами. В этом вопросе он был так же наивен, как Р. Оуэн, которому казалось: если во время войн с Наполеоном было отменено обращение золотых денег — значит, были отменены деньги вообще, а банкноты ему деньгами не казались (Оуэн 1950: I, 261–262; II, 203). Но этот вопрос пытались

решить В. Вейтлинг и Э. Беллами — и оба предлагали систему расчетов между гражданином и обществом (но не между самими гражданами). При этом В. Вейтлинг тоже делил все потребности и отрасли производства на необходимые, полезные и приятные (nothwendige, nützliche, Arbeiten des Angenehmen). «Необходимое» — то, без чего «произошла бы задержка прогресса, за чем последовало бы разложение общества»; «полезное» — то, что «может быть использовано для блага общества»; «приятное» же касается индивидуальных предпочтений (Вейтлинг 1962: 247, 248). Первые две группы потребностей общество обязано гарантировать каждому члену; «приятное» же он приобретает сам, по своему выбору, — но каким способом? У В. Вейтлинга для этой цели служит громоздкая «коммерческая книжка», у Э. Беллами (Беллами 1891: гл. IX) — средство, которое он первым назвал «кредитной карточкой». И в ней доллары и центы сохраняются не как деньги, которые можно накопить, а лишь как условные счетные единицы. В обоих случаях частное накопление исключается тем, что книжка или карточка выдается ежегодно, а неиспользованная сумма на новый год не переносится. Но в этих рамках каждый сам решает, на что ему тратить свой кредит — на театр или на кабак.

Но коммунарам пришлось решать гораздо более практичные вопросы. Хорошо, пусть общественная собственность не позволяет одному обогатиться за счет другого. Но и сама коммуна в целом — рационально ли она распределяет и тратит свои средства, далеко не безграничные? Не слишком ли много, например,

тратится воды — а если много, то почему? «Хорошо ли считал дядька? Селянин хорошо считал на базарах, когда продавал или покупал волов, но у себя дома он не считал вовсе. Не считал то, что тратил на себя со своих десятин, огородов, коров. Прожить как-нибудь, и ладно» (VI, 2). При такой постановке даже крепкое хозяйство может само себя съесть. Нужен учет — а значит, и средство для учета, и мерка, даже если она называется деньгами.

Разумеется, коммунары не только трудились, но и учились. Этого требовал Котовский: недаром же он, пользуясь своим правом рекомендации (в те годы оно заменяло вступительные экзамены), направлял бывших своих бойцов на учебу в лучшие вузы. Этого требовало и государство (декрет «О ликвидации безграмотности» был издан еще в 1919 г.). Наконец, этого требовала объективная реальность. Но в деталях и тут мелькает тень «лондонского гражданина и виконта»: «Занятия начинались в четыре утра и продолжались до семи. С семи до восьми завтракали, потом шли на работу, а после работы вечером опять начинались занятия. <...> И утром, и по вечерам, как только подавалось электричество, коммуна превращалась в школу. Дела не явившихся на занятия передавались контрольной комиссии» (IV, 5). Понятно, что ликбез проводился в часы, свободные от работы. Но точно то же пишет о своих утопийцах Томас Мор: «Они имеют обыкновение устраивать ежедневно, в предрассветные часы публичные лекции; участвовать в них обязаны только те, кто специально отобран для занятий науками. Кроме них, как муж-

чины, так и женщины всякого звания огромной толпой стекаются для слушания подобных лекций, одни — одних, другие — других, сообразно с естественным влечением каждого» (Мор 1953: 120).

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

С большим трудом, на общем энтузиазме, но дело пошло. Поначалу коммунарам приходилось идти и на хитрости, и даже на жульничество: «А мы их [плуги] в кредит взяли. — Как в кредит?!» (II, 2). Столб для лампы, свет которой должен был быть виден даже «на том берегу Днестра», просто похитили в соседнем хозяйстве (I, 3; II, 1). Многие брали в долг. С помощью Котовского получили от армии списанных лошадей. Картину их проделок автор явно не приукрашивает — описывает, как было, а не как должно было быть с точки зрения проповедников «единственно верного учения».

Разумеется, таких методов не могло хватить надолго. Выходили из положения за счет подсобных хозяйств: то в 1926 г. устроили в коммуне на один сезон дом отдыха, от которого коммунарам и остались кровати и чистое белье (IV, 8). То создали винодельческое хозяйство (V, 1), то ловили раков, продававшихся аж в Вену (IV, 5). В 1927 г. был вновь запущен за консервированный ранее сахарный завод: его история «должна начаться с того, как благодаря коммуне в 1927 году предназначенный к разборке завод три месяца поглощал непрерывным потоком сахарную свеклу» (V, 2). На снимках, приводимых В. Г. Шмерлингом, — неплохое

разливочное помещение (V, 1), ухоженные детские ясли (V, 3), трактор, везущий работниц на поле (IV, 7)... К 15-й годовщине РККА (т.е. к февралю 1933 г.) коммунары послали Ворошилову отчет, опубликованный в «Правде:

«Хозяйство наше выросло от 234.268 рублей валовой продукции 1929 года до 1.133.570 рублей в 1932 году. Собственно по этим же годам товарная продукция возросла от 113.840 до 784.559 рублей, капиталовложения от 85.272 рубля до 1.245.135 рублей, паевой капитал от 1.269 рублей до 29.428 рублей. Рост урожайности от 13,5 в 1930 году до 16,4 центнеров в 1932 году, против 10–11 центнеров среднего урожая в нашем районе. Наши лошади лучшие в районе. <...> Племенной молочный скот с 205 голов до 950. Свиной породистых от 474 голов до 935 голов, посевная площадь с 692 га до 1488 га. С этого года вводим новые агрокультурные мероприятия для повышения урожая. Кроме этого, коммуна имеет сад-виноградник 96 га, пасеку в 300 штук ульев, поливной огород 120 га. С этого огорода мы в конце мая снимаем ранние овощи и шлем рабочему классу центра. <...> В порядке соцпомощи окружающим селам отпущено чистосортных семян 2500 центнеров, разных многолетних трав 200 центнеров. Оказана помощь нашими машинами в обмолоте 5000 центнеров хлеба» (IX, 1).

Конечно, сроки этого роста — не те, которые мерещились теоретикам. Фурье, например, полагал: «Средство, называемое серией, построенной на страстях, в течение 2 месяцев производственной работы создает новый общественный механизм»

(Фурье 1939: 458, выделено в оригинале). От постройки первого фаланстера до перехода всего человечества к «строю Гармонии» потребуется, по его мнению, «не свыше шести лет, даже при максимальных сроках» (Фурье 1938: 48), а выражение «ни малейших» (трудностей или затрат) встречается у него постоянно.

Столь же оптимистичен был Теодор Герцка — земляк и друг Теодора Герцля, его коллега по журналистской работе. Его Фрейланд («Свободная Земля») был основан всего семь лет назад группой из двух сотен энтузиастов (Hertzka 1894: 28), а теперь его столица Эденталь («Райская Долина») — благоустроенный миллионный город, залитый электрическим светом, с электрическими духовками в каждой квартире. А через 20 лет после основания страна производит больше машин, чем весь остальной мир вместе взятый (Свентховский 2012 [1910]: 328). Когда же возникла угроза внешнего нападения, то за несколько недель Фрейланд построил флот из нескольких десятков броненосных судов (!) и разбил противника на суше и на море (Hertzka 1890: 251–264). Казалось бы, Т. Герцка, крупный экономист, прозванный даже «австрийским Беллами», должен был смотреть на подобные вещи реалистичнее. «Так легко и быстро проходят кампании только в очень наивных сказках. <...> Даже боги не совершают быстрее чудес», — иронизирует по этому поводу польский историк утопизма А. Свентховский (2012 [1910]: 348). И Т. Герцль едва ли не начинает брошюру «Еврейское государство» с насмешек над утопией своего друга: «Freiland — сложная машина со множеством зубцов и ко-

лес, которые даже приходят в сцепление друг с другом; но ничто в мире не в состоянии доказать мне, что ее можно будет привести в действие» (*Герцль* 1896: 2). Он даже приводит книгу Т. Герцки в пример, «чтобы яснее дать понять разницу между моим планом и утопией» (Там же).

Разумеется, это так. Но если бы с самого начала не было завышенных ожиданий — не получилось бы и то, что было реально возможно: ведь для этого нужны были не только средства (вспомним, как часто они тратятся нерационально), но прежде всего — та самая вера, которая «горами двигает». За пять лет в Ободовке не возник ни четырехэтажный дворец с луврской колоннадой, о котором мечтал Ш. Фурье, ни фантастический Эденталь Т. Герцки. Но исходная задача была выполнена: бывшие бойцы дивизии Котовского нашли место, гарантирующее от нищеты и бесцельного существования. Сложилось прочное агропромышленное объединение с хорошей материальной базой и сильными межличностными связями, со всеми возможностями для дальнейшего роста.

Таков был «фаланстер», основанный Г. И. Котовским. И никто из коммунаров не мог бы повторить вслед за М. М. Жванецким: «Я так рад, что своей жизнью подтверждаю чью-то теорию». Теории не было. Не зря в центре косо смотрели на «эту «запорожскую сечь» Котовию, где не растет марксизм, необходимый коммунистическому войску», где невозможно было вызвать даже командиров на официальные политзанятия: «прибыть не могу, кобыла сапом заболела...» (*Гуль* 1975: VII).

Повторим: теории не было. Был харизматический лидер, «бессарабский Робин Гуд», наконец-то нашедший себе достойную цель. Были воспитанные им люди, для которых коммуна — *по независящим от них причинам* — оказалась единственным выходом. Люди, которые даже и без Котовского, после его гибели, сумели продолжить его дело. И были объективные проблемы, которые им приходилось решать. И если их решения порой напоминают страницы из Мора или Фурье — то не потому, что кто-нибудь из котовцев читал труды этих классиков, а потому, что сами-то классики пытались предугадать эти проблемы и многое сумели предвидеть.

ЗАКАТ

Свой первоначальный облик коммуна имени Котовского сохраняла около пяти лет (1924–1929). Ее хорошо знали в центре, ее посетили Буденный, Ворошилов, Косиор. Это высокое внимание и стало одной из причин наступивших перемен. Когда началась всеобщая коллективизация, коммунаров (и прежде всего — обоих руководителей, Левицкого и Гажалова) направили на партийные задания в другие места. С их уходом начали угасать традиции. Зато рядом появилась МТС (машинно-тракторная станция), а при ней, как и полагалось в то время, — политотдел. Руководство перешло в руки новых людей, тех самых «докладчиков о новой морали», которым так мозолила глаза анархическая вольница «Котовии». И с этого момента даже текст самого В. Г. Шмерлинга как бы теряет живость, все меньше

отличается, скажем, от «Поднятой целины» М. А. Шолохова. Меньше становится подробностей, больше — цитат из центральной прессы, чаще встречается имя Сталина.

Уже в начале 1930-х гг. Лепехин, начальник политотдела Ободовской МТС, размышляет: «Хорошие ребята в коммуне, много крепких большевиков, но уж слишком уверены в себе. “Сегодня и завтра плохо, но ничего, организуемся, вышибем грудью и все будет в порядке”. В порядке-то будет, но нет, дорогие котовцы-партизаны, нужно работать иначе» (IX, 4).

На фоне вновь созданных колхозов коммуна перестала как-то выделяться. А партийная линия требовала подстричь все хозяйства под одну гребенку: превратить все виды колхозов в сельскохозяйственные артели с типовым уставом. Разумеется, В. Г. Шмерлинг не мог себе позволить даже намека на страшный голод 1932–1933 гг. Лишь из других источников мы узнаем, что и Бессарабскую коммуну он не обошел стороной. Но у него выясняется другое: «В первые годы, когда коммуна перестала быть “островом коллективизации”, а кругом росли колхозы, которые возглавляли бывшие коммунарцы, странно получалось — трудодень в колхозах, хоть и хуже едят и одеваются колхозники, все-таки ощутимей и реальней, чем в коммуне» (IX, 5). И как раз в этом параграфе есть карандашная пометка на полях — как уточняет публикатор, сделанная неизвестно чьей рукой: «Все это не отражает истинного положения вещей, а искажает его. Очень наивно! Лепехину надо было как-то перевести коммуны на устав артели,

вот он и искал повод к этому». Вряд ли эта пометка принадлежит самому В. Г. Шмерлингу: почерк отца публикатора наверняка узнал бы.

Смена состава коммунаров была неизбежной — и из-за притока новых членов, и по причине возраста. Отсылка лучших кадров на сторону, о которой мы уже говорили, лишь ускорила этот процесс. А это вело к конфликтам между новыми и старыми членами. «По-разному нужно было подходить к тысячной массе коммунаров. Новые коммунары хоть и называли себя котовцами, но одними разговорами о традициях коммуны их не убедить. А вот будущие трудодни — это понимал каждый» (IX, 5). С другой стороны, многие из «первого поколения» настаивали на особых правах: «Мы за то, чтоб распределять, но надо так, чтоб у старых коммунаров было преимущество. Мы всю свою душу и тело вкладывали в коммуны, а распределять будут так, что вчерашний единоличник получит то же самое, что и мы» (IX, 6). Иными словами, возникло противоречие между принципом равенства и принципом заслуг в общем деле. О подобной опасности — в связи с утопией Т. Герцки — предупреждал А. Свентоховский: «Наверное, спустя короткое время члены промышленных предприятий Фрейландии решили бы, что исключительное право на имущество принадлежит им и что они не думают делиться с новыми пришельцами» (*Свентоховский* 2012 [1910]: 343–344).

Пока коммуна была мала, а партийцев в ней было немного, все вопросы решались общим собранием. Теперь же общее решение все чаще подменя-

лось «линией партии», а то и единоличным решением местного парторганизатора. «И в Ободовке, и всюду, где знали о коммуне, чувствовали, что не туда, без сердца и цели ведет “нашу коммуну” человек, который бьет себя в грудь, рассказывая о прошлом» (IX, 9). Общественные вопросы все больше становились прерогативой идеологического начальства, рядовые коммунары все больше думали о личном. А такое положение для утопической общины — это конец. Ведь она держится только на убеждении, что «мы вместе делаем большое и хорошее дело», без этого нет смысла терпеть неизбежные в такой общине лишения. Парадоксальным образом анархический дух, насажденный Г. И. Котовским, позволял коммуне выжить и даже расширяться, — зато «партийная дисциплина» сгубила все дело.

И уже тут начинают звучать упреки в утопизме. Вот говорит Мокрицкий, председатель коммуны, сменивший В. Ф. Левицкого: «Что это за жалость в вопросе партийных принципов распределения. Вы задерживаетесь на этой самой психологии партизанских утопий. Мелкобуржуазная уравниловка, оказывается, находит себе союзников в наших самых лучших, революционных чувствах» (IX, 6). Вот вторит ему начальник политотдела Лепехин: «Лучше меньше псевдосоциализма под вывеской коммуны, лучше больше подлинного социализма под более скромным названием» (IX, 6).

И вот Митител, один из первых коммунаров, помнивших первый «романтический период» Ободовки, возвращается из Ленинграда и заме-

чает: «За несколько месяцев его отсутствия в Ободовке коммуна стала неузнаваема. Люди шатались по двору. Приглашали друг друга на попойки. Шли разговоры о том, что коммуна не нужна. <...> Даже как-то тусклее стало в коммуне. Несколько дней не работала электростанция, коммуна погружалась во тьму. В комнатах шли разговоры, сообщались новости, люди валялись на кроватях, не зная, чем себя занять» (IX, 9). А Левицкий, перечитывая доклад Сталина на XVII съезде ВКП(б) (он же «съезд расстрелянных» — большинство его делегатов до следующего съезда не дожило), размышляет: «Что же делать сегодня с бессарабской коммуной? Закрывать ли детский дом, разбирать или приспособить для других целей фабрику-кухню, не строить дом культуры, обзавестись всем прирусами, корытами...» (IX, 7).

В итоге коммуна была преобразована в колхоз имени Котовского. Дворцом Собанских она владела до 1941 г. После войны он был отдан под райисполком, затем (1959) под школу-интернат. Сейчас он снова в руинах — на снимках видно, как зияют пустые оконные проемы, за которыми нет помещений. Еще Е. Осликовская (*Осликовская* 1958) отмечала, что колхоз, «пройдя целый ряд испытаний, и сейчас является одним из хороших артельных хозяйств Правобережной Украины». К тому времени были еще живы многие, о ком рассказал В. Г. Шмерлинг, но внешне уже мало что напоминало о том, какие страсти тут кипели когда-то. А потом распался СССР. И тогда уже, по словам Г. В. Шмерлинга (предисловие к публикации), «ни верхи, ни низы не смогли и не

захотели дальше следовать системе, в которую выродилась прекрасная утопия».

ОТ ЮЖНОГО БУГА ДО ГЕННИСАРЕТСКОГО ОЗЕРА

Однако имела ли шансы такая коммуна выжить и не переродиться? Как ни странно, подобный же «фаланстер» был создан за 2 тысячи километров от Ободовки, и тоже бессарабцами. В октябре 1910 г. (за 14 лет до создания коммуны Котовского) Иосиф Барац, уроженец села Кошница — на Днестре близ Дубоссар, — привел группу из десяти мужчин и двух женщин на берег Геннисаретского озера, к тому месту, где из него вытекает Иордан. У них, как и у котовцев, не было ничего — и прежде всего не было пути назад. И они основали поселок, в котором тоже все было общим и ничего — частным. Начинали они, как и коммунары Ободовки, с пустого места — у них не было даже дворца Собанских. И тоже порой спорили: достаточно ли социалистично, если зубная щетка у каждого будет своя — не лучше ли одну на четверых? Как это напоминает общее полотенце и общий кيسет для табака в Ободовке (II, 4)!

Эти люди выжили в таких условиях — потому что ничего другого им не оставалось. Основанный ими поселок Дгания существует и сейчас, в начале 2020 г. в нем жило 528 человек. В Израиле он известен как *ам ха-киббуцим* — «мать киббуцев». Киббуц (на иврите буквально «группа») — не только производственный, но и потребительский кооператив: в нем не только труд, но и потре-

бие совместное, чего не было даже в колхозах. По сути, это земледельческая коммуна и даже почти фаланстер, разве что без общего здания.

Советский историк утопизма Виктория Атомовна Чаликова в 1990 г. побывала в Дгании на международном симпозиуме «Утопия: воображение и реальность». По ее впечатлениям, киббуцники убеждены, что они живут в реализованной утопии. Вот что она увидела:

«Мы видели в киббуцах уровень жизни, превосходящий не только наш, но в среднем и израильский (достаток, комфорт, путешествия); видели абсолютную свободу и раскованность, уют в домах, запах пирогов (но никакой черной работы на кухне — ее выполняют все по очереди: каждый один раз в 2 месяца работает в бригаде, оснащенной кухонной электроникой); на полях — компьютерная техника... Одним словом, работать можно где угодно — в баре, в лаборатории, в университете, — только деньги идут в киббуц и поровну кладутся на счета всем: здоровым и парализованным старикам, талантам и тугодумам. Видео, машины, отдых на Гаити — не проблема, так как денег много; но их много *у всех*, поэтому радости материального самодовольства, сладости куска, на который, глотая слюни, смотрит сосед, в киббуце не ощутишь. А большинству людей эта сладость нужна — вот почему живет в киббуцах 3% населения Израиля (впрочем, многие просто не могут стать членами киббуца: очень высок вступительный взнос).

Мукки, историк киббуцного движения, с неподражаемым юмором рас-

сказывал нам в саду первого киббуца Дгании историю о горстке выходцев из России, которые пришли сюда почти сто лет назад, голые, босые, с портретом Льва Толстого [так! — Л.М.] и твердым решением жить хорошо и справедливо; об их спорах, ссорах, ошибках, победах, борьбе, торжестве, кризисе. Свой рассказ он закончил словами: “Только умоляю вас: не вздумайте повторить виденное в своих странах. Это случилось в особое время, при особых обстоятельствах. Чудо не может тиражироваться”» (Чаликова 1990: 6–7).

Параллель с коммуной имени Котовского — практически полная, и в целом, и в деталях. Но киббуцы существуют уже больше ста лет, они сыграли громадную роль в истории Израиля — в том числе и его армии. Котовцы пришли в Ободовку чуть ли не напрямиком с поля боя — киббуцникам в 1930-х гг. пришлось превращать свои поселки в крепости. Выход из киббуца — не проблема: половина рожденной там молодежи уходит в обычный мир (Там же). Оставшиеся — твердо держатся принципов. Если бы Фурье увидел такую картину своими глазами — вероятно, он признал бы в ней осуществление собственной мечты, по крайней мере — в самых существенных деталях. А что сказал бы об этом Г. И. Котовский? Наверное, то же самое, если не больше.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Беллами 1891 — *Беллами Э.* Через сто лет (Looking backward) / пер. с англ. Ф. Зинин; издание Ф. Павленкова. СПб.: Типография газеты «Новости». 1891. URL: http://az.lib.ru/b/bellami_e/text_1888_

[looking_backward-olderfo.shtml](#) (дата обращения 25.06.2020).

Вейтлинг 1962 — *Вейтлинг В.* Гарантии гармонии и свободы. С приложением брошюры В. Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» / пер. с нем. В. В. и М. М. Альтман; с коммент. В. В. Альтмана; вступ. ст. В. П. Волгина. М.; Л.: АН СССР, 1962. 584 с. («Предшественники научного социализма»).

Верас 1956 — *Верас Д.* История севарамбов / пер. с франц. Е. Дмитриевой; коммент. Ф. Б. Шуваевой; вст. ст. В. П. Волгина. М.: Изд. АН СССР, 1956. 316 с. (Предшественники научного социализма).

Герцль 1896 — *Герцль Т.* Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса. (Перевод с немецкого). СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1896. 104 с.

Герцль 2000 [1902] — *Герцль Т.* Обновленная земля / пер. с нем. А. Даманской, 1904. 2000 [1902]. URL: https://royallib.com/book/gerts_l_teodor/obnovlennaya_zemlya.html (дата обращения: 21.07.2020).

Кабе 1948 — *Кабе Э.* Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. Часть II и III. М.; Л.: АН СССР, 1948. 516 с. («Предшественники научного социализма»).

Каменский 1893 — *Каменский А. В.* Роберт Оуэн. Его жизнь и общественная деятельность. СПб.: Общественная польза, 1893. 104 с. («Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова»).

Кропоткин 1919 — *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля / пер. с франц. под ред. автора. Издание, пересмотренное автором и разрешенное им для России. Петербург; М.: Голос Труда, 1919. 289 с. URL: <https://ru.pdfdrive.com/Хлеб-и-воля-d186078089.html> (дата обращения: 24.04.2021).

Мор 1953 — *Мор Т.* Утопия / пер. с лат. и коммент. А. И. Малейна и Ф. А. Петровского; вступ. ст. В. П. Волгина. М.:

АН СССР, 1953. 295 с. («Предшественники научного социализма»).

Мор 1989 — *Мор Т.* Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии / пер. с лат. А. И. Малеина и Ф. А. Петровского // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков: пер. с лат., англ., фр. / сост., вступ. ст. и примеч. И. Семибратовой. М.: Правда, 1989. С. 19–132.

Осликовская 1958 — *Осликовская Е. С.* 1958. В издательство «Молодь». URL: <http://vlshmerling.narod.ru/ar/0163.htm> (дата обращения: 15.08.2021).

Оуэн 1950 — *Оуэн Р.* Избранные сочинения. Т. I–II. Пер. с англ. и коммент. С. А. Фейгиной; Вст. ст. В. П. Волгина. М.; Л.: АН СССР, 1950. 415 с.; 352 с. («Предшественники научного социализма»).

Фурье 1938 — *Фурье Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия = Фурье Ш. Избранные сочинения / под ред. и с вст. ст. А. Дворцова. Т. I. М.: Соцэкгиз, 1938. 312 с.

Фурье 1939 — *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир, или Изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях / пер. И. А. Шапиро = Фурье Ш. Избранные сочинения / под ред. и с вст. ст. А. Дворцова. Т. II. М.: Соцэкгиз, 1939. 467 с.

Шмерлинг 2009 — *Шмерлинг В. Г.* Повесть о Бессарабской коммуне. 2009. URL: <http://vlshmerling.narod.ru/besscom/index.htm#content> (дата обращения 6 мая 2021 г.).

Hertzka 1890 — *Hertzka Th.* Freiland: Ein soziales Zukunftsbild. Vierte durchgesehene Auflage. Dresden; Leipzig: E. Piersons Verlag, 1890. 335 S. https://ia800306.us.archive.org/27/items/freilandeinsocia00hert/freilandeinsocia00hert_bw.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

Hertzka 1894 — *Hertzka Th.* Un voyage à Terre-Libre : coup d'œil sur la société

de l'avenir. Roman traduit de l'Allemand, avec une introduction de T. de Wyzewa. Paris: Ancienne Librairie Kolb., 1894. 270 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k101906h/f2.image.r=Hertzka> (дата обращения: 21.07.2020).

Nordhoff 1875 — *Nordhoff Ch.* The Communist Societies in the United States; from Personal Visit and Observations. New York: Harper & Brothers Publishers, 1875. 439 p. URL: <https://ia600903.us.archive.org/18/items/communist Societies00nordrich/communist Societies00nordrich.pdf> (дата обращения: 28.06.2020).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Василькова 1978 — *Василькова Ю. В.* Фурье. М.: Молодая гвардия, 1978. 256 с. («Жизнь замечательных людей» 15 (585)).

Гарри 1959 — *Гарри А. Н.* Рассказы о Котовском. М.: Молодая гвардия, 1959. 254 с.

Гуль 1975 — *Гуль Р. Б.* Котовский. Анархист-маршал. Нью-Йорк: Мост, 1975.

Свентоховский 2012 [1910] — *Свентоховский А.* История утопий. От античности до конца XIX века / пер. с польск.; вступ. ст. А. Р. Ледницкого. Изд. 2-е [репринт издания 1910 г.]. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012 [1910]. 448 с. («Из наследия мировой философской мысли: социальная философия»).

Чаликова 1990 — *Чаликова В. А.* Предисловие // Чаликова В. А. (сост., ред.). Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 3–20.

REFERENCES

Vasil'kova Iu. V. *Fur'e*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1978. 256 p. ("Zhizn' zamechatel'nykh liudei' 15 (585)).

Garri A. N. *Rasskazy o Kotovskom*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1959. 254 p.

Gul' R. B. *Kotovskii. Anarkhist-marshal*. N'iu-Iork: Most, 1975.

Sventokhovskii A. Istoriiia utopii. *Ot antichnosti do kontsa XIX veka*, per. s pol'sk.; vstup. st. A. R. Lednitskogo. Izd. 2-e [reprint izdaniia 1910 g.]. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2012 [1910]. 448 p.

("Iz naslediiia mirovoi filosofskoi mysli: sotsial'naia filosofiiia').

Chalikova V.A. Predislovie in Chalikova V.A. (sost., red.). *Utopiia i utopicheskoe myshlenie. Antologiia zarubezhnoi literatury*. Moscow: Progress, 1991, p. 3–20.

К. Г. Фрумкин

ЛЫСЕНКОВЩИНА И ВЕРА В БИОЛОГИЮ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Деятельность Трофима Лысенко оставила в истории российской литературы искусства и публичной риторики уникальный по масштабам след. Как социальный и культурный феномен активность Лысенко была порождена беспрецедентной популярностью биологических наук в течение всего советского периода. В конечном итоге биология была популярнее физики. От биологии и медицины ожидали чудес — и Лысенко обещал чудеса. Как объект культурной памяти деятельность Лысенко проделала долгую эволюцию от футурологической фантастики до предмета философского осмысления.

Ключевые слова: Лысенко, генетика, биология, вера в чудо, литература, кинематограф, Михаил Булгаков, Вениамин Каверин, Александр Беляев, фантастика.

Сведения об авторе: Фрумкин Константин Григорьевич, кандидат культурологии (Москва).

Контактная информация: ariel2@mail.ru.

K. G. Frumkin

LYSENKO'S TEACHINGS AND BELIEF IN BIOLOGY IN RUSSIAN CULTURAL MEMORY

Trofim Lysenko's activity has left a unique trace in the history of Russian literature, art and public rhetoric. As a social and cultural phenomenon, Lysenko's activity was generated by the unprecedented popularity of biological sciences during the entire Soviet period. In the end, biology was more popular than physics. Miracles were expected from biology and medicine — and Lysenko promised miracles. As an object of cultural memory, Lysenko's activity has made a long evolution from futurological fiction to the subject of philosophical comprehension.

Key words: Lysenko, genetics, biology, belief in a miracle, literature, cinema, Mikhail Bulgakov, Veniamin Kaverin, Alexander Belyaev, science fiction.

About the author: Frumkin Konstantin G., candidate of culturology (Moscow).

Contact information: ariel2@mail.ru.

© К. Г. Фрумкин, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-50-62

Сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что деятельность академика Г.Д. Лысенко, разгром генетики, воцарение так называемой мичуринской биологии, все, что позже назовут «лысенковщиной», являются самым популярным событием в истории российской науки, оставившим глубочайший след в культурной памяти. Лысенковщине в русскоязычном культурном пространстве посвящено куда больше «публичных высказываний», произведений литературы, искусства, публицистики, исторических и даже философских исследований, чем, скажем, атомному проекту, разработке антибиотиков или развитию вычислительной техники. В советской культурной памяти лысенковщина стала источником столь глубокой травмы, что следы ее всплывали в художественной литературе на протяжении всего советского времени, несмотря на то, что цензура брежневской эпохи старалась вымарывать из беллетристики упоминания о репрессиях. Небольшое число произведений, написанных или снятых в поддержку лысенковщины в сталинскую эпоху, несопоставимо с огромным количеством «негативных» следов этой политической кампании в кино и литературе в послесталинское время.

Разумеется, культура и искусство в данном случае прежде всего отражают социальную историю науки. Однако история советской наукоориентированной культуры (и прежде всего художественной литературы) может кое-что дать и для понимания самой лысенковщины как социального явления.

Суть дела в том, что на протяжении всего советского периода биология и весь комплекс примыкающих к ней наук (медицина, физиология, биохимия, биофизика) были самой модной, вызывающей наибольшее общественное внимание наукой, от которой больше, чем от других наук, ожидали чудес и меняющих человеческую жизнь открытий.

Принято думать, что, по крайней мере, в послевоенное время самой «модной» наукой была физика. Для 1950–1960-х гг., времени, когда общество находилось под огромным впечатлением от атомной бомбы, создания атомной энергетики, изобретения лазеров, начала полетов в космос, Нобелевских премий советских физиков Прохорова, Семенова и др., это действительно так. Однако после этого периода — и тем более до — ничто не могло сравниться с популярностью «наук о жизни».

ВЕРА В ЧУДЕСА: ОТ МИХАИЛА БУЛГАКОВА ДО НИКОЛАЯ ПОГОДИНА

На протяжении советской истории, и особенно — до начала 1950-х гг. публичная культура находилась под влиянием сильнейшей веры в то, что живая материя достаточно податлива для научных манипуляций и в самое ближайшее время наука сможет получить удивительные результаты по лечению болезней, улучшению человеческого здоровья, увеличению продолжительности жизни, повышению урожайности — и достичь победы над смертью в конце концов. Вера в биологические чудеса возникла в нашей культуре отнюдь не в послевоенный период, у нее богатая предыстория.

Взглянем на самые известные литературные памятники этой веры.

Знаменитые научно-фантастические повести Михаила Булгакова (врача по специальности) — биологические: в «Собачем сердце» собаку превращают в человека путем пересадки гипофиза, в «Роковых яйцах» изобретается луч, ускоряющий развитие живых существ и увеличивающий их размеры и агрессивность. Современные исследователи видят влияние на сюжет «Собачьего сердца» таких научных сенсаций 20-х гг., как опыты по омоложению с помощью пересадки половых желез обезьян французского хирурга русского происхождения С.А. Воронова, другие опыты по омоложению, проводимые директором Института экспериментальной биологии Н.К. Кольцовым и его учеником Михаилом Завадовским, и дикие попытки скрещивания людей с обезьянами советского биолога Ильи Иванова (Слискова 2020: 31–34). Воронов, как и профессор Преображенский у Булгакова, пытался пересаживать людям половые железы обезьян: обезьяны станут очень важным «персонажем» советской художественной литературы об ученых. В 1927 г. по инициативе наркомздрава Семашко в Сухуми создается питомник для обезьян. В 1934 г. нечто вроде этого питомника становится важным «актером» в пьесе Константина Тренева «Опыт», действие которой происходит где-то на юге; за обладание университетским зоопарком с обезьянами ссорятся многие инстанции от Академии наук до краевого правительства, ради получения обезьяны для медицинского опыта ректор университета идет на подделку подписи, а молодой на-

учный сотрудник просто ворует обезьяну — и все для получения бессмертия! В 1941 г. обезьяна становится объектом скандала в пьесе Леонида Леонова «Обыкновенный человек»: обезьяна гибнет в ходе опыта, и, чтобы купить новую, молодой научный сотрудник тратит всю полученную государственную премию, что становится причиной разлада с невестой, а главное — с ее матерью.

Что же касается парижского хирурга Воронова, то он еще станет прототипом эндокринолога Сорокина в романе Александра Беляева «Человек, потерявший свое лицо».

В «Эфирном тракте» Андрея Платонова (1927) провозглашается, что электроны — живые существа, что материя вся — живая, на основе этого учения создается кафедра биологии электронов. Увеличенный электрон выглядит как некое зубастое чудовище без глаз.

К этому же периоду относится и начало публицистической деятельности медика Александра Богомольца, пообещавшего всеобщее увеличение продолжительности жизни до 100 лет. Богомольцу еще предстояло стать президентом Академии наук Украины.

Самые известные романы и повести ведущего довоенного фантаста Александра Беляева — биологические: в «Вечном хлебе» (1928) создается съедобная биологическая масса, источник бесплатной пищи, в «Хойти-Тойти» (1930) мозг человека пересаживают слону, в «Человеке-амфибии» (1928) жабры акулы пересаживают человеку, в «Голове

профессора Доуэля» (1937) добиваются жизни головы отдельно от тела.

30-е гг. — время «кардиологической» фантастики. В пьесе Тренева «Опыт» (1934) идет речь об временном отключении сердца — и затем о воскрешении мертвого. Над временным отключением сердца и искусственным кровообращением успешно работает герой «Исполнения желаний» Каверина (1934).

В романе Юрия Долгушина «Генератор Чудес» (1940) мы находим целый набор «перспективных» идей — и отдельное от тела существование человеческих органов (включая голову), и усыпляющие лучи, и воскресение мертвых путем воздействия особых излучений, и, наконец, теорию, что все болезни — от нервов, а якобы болезнетворные микробы самозараждаются в больном организме. Стоит особенно отметить, что Юрий Долгушин как научный журналист находился под влиянием Лысенко и написал две книги, популяризирующие «мичурунскую» биологию. В предисловии к роману Долгушин пишет: «Знакомство с академиком Трофимом Денисовичем Лысенко, беседы с ним о “живом и мертвом”, о бессмертии и смерти, о новой генетике дали мне почувствовать свежий ветер передовой нашей науки, представить себе ее пути» (Долгушин 1960: 8). И в этой связи очень примечательно замечание по поводу романа Долгушина историка фантастики Всеволода Ревича: «Наибольших успехов наука у Долгушина достигает в тех областях, которые в жизни подвергались наибольшему идеологическому уродованию — медицина, физиология, биология» (Ревич 1998: 153).

Лысенковщина произросла благодаря двум могучим стереотипам коллективного сознания — вере в чудеса, которые в ближайшее время должны дать биологические науки, и стремлению как можно скорее, не откладывая, получить от науки практический эффект. Лысенко, в отличие от своих противников, соответствовал этим коллективным ожиданиям. И Сталина в данной ситуации можно рассматривать не только как инициатора, но и как жертву этого коллективного самогипноза. Важнейший «соблазн», который давала лысенковщина, заключался в том, что она обещала возможность гораздо более произвольного обращения с живыми структурами и их гораздо большую изменчивость, чем это предполагалось в классической биологии, более того — совсем иные границы между живым и мертвым веществом.

Этот соблазн породил в литературе и кино сюжеты, которые, хотя формально не относились к жанру научной фантастики, но фактически описывали совершенно нереальные достижения биологической науки — разумеется, писатели не всегда могли судить об их нереальности и хотели верить, что подобные достижения возможны в самом ближайшем будущем. На этом фоне генетика была голосом консерваторов, которые провозглашали инерционность живой материи и отказывали науке в возможности быстрых достижений. А в оптике той научной политики, которая была сформирована в СССР в 1920-х гг. и которая, кроме прочего, базировалась на борьбе с «чистой» наукой во имя ее практичности, генетика была еще и отказом от занятия практикой и очередной попыткой

замкнуть науку в мире непрактичных абстракций. Потому-то именно в отрыве от жизни обвиняется генетик в романе Геннадия Гора «Университетская набережная» (1959). Заметим: роман написан уже после смерти Сталина; возможно, это самый поздний случай поддержки лысенковщины в художественной литературе.

Почвой для лысенковщины была вера в «биологические чудеса», вернее, в пластичность живой материи. Не будем забывать, что параллельно деятельности Лысенко, при его поддержке, но в общем независимо от него развивалась деятельность О.Б. Лепешинской, революционерки, медика, академика Академии медицинских наук, доказывавшей, что живая клетка может самозародиться в неклеточном субстрате, и добившейся того, что в СССР ее теория на короткое время станет официальной.

Есть фильмы, созданные прямо в поддержку лысенковщины, но еще интереснее, что параллельно им создаются произведения, напрямую с ней не связанные, но проникнутые верой в биологические чудеса. Так, в 1946 г. появляется фильм «Во имя жизни» (реж. А. Зархи), в котором врачу удается добиться регенерации нервной ткани. В 1951 г. химик и горный инженер, бывший глава горно-спасательной службы СССР Николай Лукин пишет роман «Судьба открытия», классический вариант фантастики ближнего прицела, явно в ущерб развлекательности имитирующий якобы подлинную историю открытия синтеза искусственных углеводов. В 1953 г. известный драматург Николай Погодин, явно под

влиянием учения Лепешинской, пишет пьесу «Когда ломаются копыта», в которой молодому ученому удается открыть способ искусственной эволюции вирусов в микробы, а консервативные академики не верят в это открытие и пытаются его дискредитировать. Косность природы, которая не позволяет такие чудеса, под пером драматурга конвертируется в косность престарелых теоретиков биологии, профессоров и академиков, которые, цепляясь за старые теоретические постулаты, не дают науке двигаться вперед, обгоняя западных конкурентов. Близость к лысенковщине данной пьесы выдают и упоминаемая в ней мичуринская биология, и упоминание «менделизма-морганизма» как недопустимой ереси, а персонаж пьесы, заместитель министра здравоохранения, восклицает: «Неужели вы не видите, что в естественных науках по всему фронту идет борьба за дарвинизм, за мичуринское учение, за диалектику, за ленинизм!»

Там, где дело касается биологии, в эпоху сталинизма граница между фантастикой и якобы реалистическим искусством исчезает. Регенерация нервной ткани в фильме Зархи, эволюция вирусов до микробов в пьесе Погодина — куда более фантастические допущения, чем синтез углеводов в романе Лукина, но фантастикой почему-то считается только этот роман.

ПОРАЖЕНИЕ НАУЧНОГО ИСТЕБЛИШМЕНТА НА КИНОЭКРАНЕ

В ходе наших исследований мы не обнаружили литературных произведений, которые были бы напрямую

созданы в поддержку лысенковщины и против генетиков. Однако фильмы такого рода есть: это «Макар Нечай» (реж. В. Шмидтгоф-Лебедев, 1940), «Мичурин» (реж. А. Довженко, 1948) и «Великая сила» (реж. Ф. Эрмлер, 1950). Во всех трех фильмах практики, готовые выводить новые сорта и породы сельскохозяйственных растений и животных, противопоставляются оторванным от жизни теоретикам наследственности.

Фильм «Макар Нечай» снят еще до разгрома генетики, и хотя фильм вышел в год ареста Вавилова, но создатели фильма этого еще не знают и поэтому сознают, что атакуют легитимный научный истеблишмент. В центре фильма — противостояние простого украинского агронома Макара Нечая и главы института сельскохозяйственных культур академика Адамова. Академик Адамов (по многим признакам, включая его должность и тему исследований, — явный намек на Вавилова) изображен хотя и сатирически, но весьма доброжелательно; да, он великий ученый, но консерватор, переоценивает свои методы, недооценивает усилия простого агронома-селекционера (который совершает революцию в науке), но все-таки человек хороший. Характерен диалог между Адамовым и Нечаем:

— Я получил всемирную известность, моя книга получила международную премию имени Моргана!

— Мы не гонимся за всемирной славой, мы просто работаем.

В фильме ученые-генетики под руководством Адамова берутся вывести

новый сорт хлопка за 5–6 лет, при условии, что найдут в Египте исходные сорта, но Макар Нечай берется, регулируя условия, собрать за год три урожая и за зиму вывести хлопок.

В фильме как бы воспроизводится концепция драматургии 20–30-х, когда старый профессор наконец признает советскую власть (хотя в роли «советской власти» — новые методы селекции). И в конце фильма Адамов отказывается ехать в Америку, гордо заявляя: меня вовсе не травят, да, мы спорим, но это не капиталистическая конкуренция, а социалистическое соревнование. Не зная истории прототипа, этот фильм может даже показаться безобидным. Но дальше «простой агроном» Макар Нечай займет место Адамова и начнет его разоблачать с трибуны.

Фильм «Мичурин» был снят в рамках запущенной в конце 1940-х гг. серии масштабных биографических фильмов о выдающихся деятелях русской культуры и истории, серии, где адмиралы Ушаков и Нахимов соседствуют с хирургом Пироговым, композитором Глинкой и академиком Павловым — однако поскольку Мичурин был избран символом лысенковского направления агробиологии, то этот момент в его кинобиографии подчеркивается: по версии создателей фильма, Мичурину с начала XX в. якобы приходилось вести острые теоретические дискуссии со сторонниками умозрительных законов наследственности, в качестве такого вечного противника Мичурина выступает некий профессор Карташов, упрекающий селекционера в незнании законов Менделя и говорящий про Мичурину, что у того

«никакой научной базы, а сплошная вульгарная эмпирика». Тут важно то, что в «Макаре Нечаяе» и «Мичурине» витающим в эмпириях профессорам противостоят люди, не обладающие полноценным теоретическим образованием и научным статусом; впрочем, то, что герой «Макара Нечая» — простой агроном, видимо, является намеком на агрономическое образование самого Лысенко. Поэтому, при всей специфичности ситуации лысенковщины, данные фильмы также укладываются в «ротационную» логику российской наукоориентированной культуры, которая с 1920-х по 1980-е гг. по разным причинам и основаниям неизменно выбирала мишенью своих атак научный истеблишмент и старые поколения исследователей. Во всех трех фильмах директорам институтов, академикам, заслуженным профессорам противостоят либо практики без научной подготовки, либо (в «Великой силе») ученые куда меньшего ранга, руководители лабораторий.

Предметом собственно биологических споров во всех трех фильмах был главный вопрос, разделивший Лысенко и генетиков: можно ли, управляя природной средой, менять наследственные свойства организмов. История этого трагического для российской биологии спора хорошо известна, отметим только, что «сильной» стороной Лысенко был тот факт, что вообще в рамках марксистских представлений об обществе и все свойства людей старались представить детерминированными социальной средой. Это был, конечно, не постулат, но ориентация. В наукоориентированной беллетристике примером демонстрации такой

ориентации может служить эпизод из пьесы А. Афиногенова «Страх» (1931), где инициировавшая создание лаборатории по изучению человеческого поведения коммунистка говорит: «И главное, все смеялись, не верили, острили... Не может политика диктовать свои законы физиологии! А мы докажем, что может! Наша политика переделывает людей; умирают чувства, которые считались врожденными... Исчезает зависть, ревность, злоба, страх... Растет коллективность, энтузиазм, радость жизни — и мы поможем росту этих новых стимулов».

Но важно также и то, что споры о наследственности во всех трех фильмах плавно перетекают в спор о практике. Поскольку генетики не видят возможности управлять наследственными свойствами организмов, то они якобы и не прикладывают рук к выведению новых сортов либо растягивают этот процесс на много лет. Завязкой «Макара Нечая» является опубликованный в прессе фельетон, в котором возглавляемый академиком Адамовым Институт сельскохозяйственных культур (намека на Всесоюзный институт растениеводства академика Вавилова) упрекается в оторванности от практики. Сам академик Адамов на научной конференции произносит инвертированную цитату исторического Мичурина: «Мы не можем и никогда не будем насиловать и коверкать природу. Мы уверены, что рано или поздно она сама, добровольно отдаст нам свой лучший плод».

При этом в уста самому Мичурину в фильме «Мичурин» вкладывается цитата Тимирязева: «наука должна

сойти с пьедестала и заговорить языком народа» — цитата, которая уже звучала с киноэкрана в фильме «Депутат Балтики». Но если сам Тимирязев (он же профессор Полежаев) в «Депутате Балтики» имел в виду прежде всего популяризацию научных знаний, то Мичурин в фильме «Мичурин» вкладывает в нее более широкий смысл: пора заканчивать жить в башне из слоновой кости и заняться делом.

Отдаленное эхо этого конфликта мы можем увидеть в масштабном романе Геннадия Гора «Университетская набережная» (1959), одна из линий которого — конфликт мичуринца Шубина с его учителем, старым генетиком Соколовским, который не хочет подчинить науку практике, а желает производить многолетнее исследование на базе многих тысяч поколений мухи-дрозофилы (насмешку над привязанностью генетиков к этой мухе видим и в фильме «Великая сила»). Конфликт начинается с того, что Шубин, не желая посвящать свою жизнь чисто теоретическим исследованиям, ссорится с учителем, не защищает подготовленную диссертацию и уезжает на север, акклиматизировать южные культуры. А затем наступает знаменитая сессия ВАСХНИЛ, где выступление Шубина против Соколовского подается автором скорее как положительный факт: «Соколовский спрашивал себя: разве могут некомпетентные люди решать, прав или не прав ученый, когда речь идет о самых сложных проблемах современной науки? Он сердился и потому не мог понять, что дело было не столько в науке, сколько в жизни... Что в сущности, не столько ход его мысли, сколько

образ его жизни подвергался критике тех, кто жил по-другому [имеется в виду образ жизни “барина”, не желающего участвовать в колхозном строительстве]... И несмотря на свой острый ум и свои обширные знания, он не понимал того, что понимает любая деревенская женщина: что жизнь сложнее и мудрее любого, самого тонкого и изящного эксперимента, обычная человеческая жизнь, а не отвлеченная проблематичная жизнь вида и рода».

Фильм «Великая сила» — самый поздний из трех, самый низкопробный и самый индоктринированный. Сюжет его прост: мичуринский биолог Лавров занят выведением новой породы кур путем пересаживания в яйца одной породы белка из яиц другой. Хирургическая операция над яйцом, с выпиливанием в скорлупе небольших отверстий, выдавливанием белка и закачкой другого белка, подробно изображена в фильме и является самым увлекательным его эпизодом. Директор института, которого волнует лишь международный престиж (достигаемый опытами над дрозофилами), закрывает тему Лаврова из-за отсутствия результатов, но сотрудникам Лаврова удается провести удачный опыт на птицефабрике, а приехавшее с ревизией начальство расставляет все точки над «i», так что судьба директора института, видимо, будет незавидной. Важной составной частью фильма является борьба с низкопоклонством перед Западом, так что все честные сотрудники института постоянно пеняют директору, что он уважает зарубежных ученых и что сама теория единой мировой

науки противоречит марксизму, поскольку западная наука служит эксплуатации. Добавим, что, хотя биолога Лаврова играет замечательный актер Борис Бабочкин, его противники — как это часто бывает с отрицательными героями — выглядят симпатичнее, человечнее, обаятельнее и даже убедительнее.

В фильмах «Мичурин» и «Великая сила» для дискредитации генетики авторы прибегают к еще одному приему: сближению позиции противников с религией. Логика тут проста: поскольку генетики настаивают на неуправляемости наследственности, они, в сущности, говорят, что наследственность зависит от некоей божественной силы. При этом в обоих фильмах противникам приписывается мнение о непостижимости законов наследственности. В «Мичурине» этот ход проделывается прямолинейно, оппонентом Мичурина в одном из эпизодов фильма выступает священник, отец Христофор — тоже садовод и сосед Мичурина, который утверждает, что именно учение Менделя, провозглашающее непознаваемость законов наследственности, вернуло ему веру в Бога, поколебленную знакомством с учением Дарвина.

В «Великой силе» эта же ситуация подана более тонко — как дискуссия главного героя с «великим генетиком» академиком Рублевым, чья фамилия — фамилия известного средневекового иконописца, а также благообразная внешность, видимо, должны сами вызывать ассоциации с церковью. Рублев говорит, что «тайна наследственности стоит перед нами непреступно как тысячи

лет назад», что «всякое знание имеет предел», на что главный герой немедленно отвечает: «Сергей Васильевич, а ведь вы в Бога веруете», поскольку верите в «премудрую и предвечную силу, которую не побороть человеческому разуму».

В «Макаре Нечае» эта тема лишь намечена небольшой деталью: в кабинете академика Адамова висит портрет Менделя, у которого на груди — большой, бросающийся в глаза крест.

Фильмы эти практически забыты, хоть сколько-то известных произведений литературы в поддержку Лысенко создано так и не было, и нами не обнаружено сведений о живописных портретах академика Лысенко, что, учитывая его ранг и доставшиеся при жизни почести, несколько странно.

МЕСТЬ И РЕАБИЛИТАЦИЯ

В 1960-х же годах наступил долгий период реабилитации и реванша противников лысенковщины в кино и в литературе.

Так, фильм «Авдотья Павловна» (реж. А. Муратов, 1966) по сюжету представляет собой практически инверсию фильма «Макар Нечай». В фильме директор небольшой селекционной станции Авдотья Павловна убеждается в антинаучности официального лысенковского направления в биологии и уезжает в колхоз рядовым агрономом, где работает над выведением нового сорта пшеницы на основе гонимой лысенковцами хромосомной теории наследственности.

В повести В. Каверина «Двойной портрет» (1966) речь идет об ихтиологии, но многие обстоятельства повести явно намекают на судьбу генетики, и сами профессора-победители оценивают свою деятельность как «уничтожение отечественной ихтиологии».

В романе Бориса Никольского «Жду и надеюсь» (1976) описывается судьба изгнанного из науки академика-биолога, говорится о кампании по его разоблачению как «низкопоклонника».

В романе Александра Крона «Бессонница» (1977) говорится о сессии, которая была организована в Институте физиологии «по образцу» сессии ВАСХНИЛ, она привела к изгнанию из института самого талантливого из сотрудников, однако когда политическая кампания закончилась — то наиболее активный ее организатор из числа бездарных научных сотрудников тоже потерял свое место, так что оба изгнанных из института теперь работают вместе в одном заповеднике.

В романе Иосифа Герасимова «Эффект положения» (1979) сама пресловутая сессия ВАСХНИЛ 1948 г. описана довольно подробно, описаны мучения ученых, опровергающих собственные взгляды и делающих на сессии покаянные заявления, как и судьбы ученых, изгнанных из науки — один вынужден уехать из Москвы в геологическую партию, другой создает что-то вроде подпольных генетических семинаров, однако ни слово ВАСХНИЛ, ни фамилия Лысенко в романе не произносятся, Лысенко назван просто «академиком»,

сессия ВАСХНИЛ — «совещанием», не упомянута также и «мичуринская биология», вместо нее придумано выражение «творческий дарвинизм». Трагическая судьба Николая Вавилова упомянута, что характерно, косвенно: рассказывается про висящий в кабинете заведующего биологической лабораторией портрет Вавилова тушью: «у Вавилова было как бы два лица — одно одухотворенное, другое страдальческое».

В эпоху Горбачева появились литературные произведения, уже прямо посвященные описанию обстоятельств лысенковщины. Это прежде всего «Оправдан будет каждый час» В. Амлинского (1986) (посвящен судьбе отца писателя генетика Ильи Амлинского) и «Белые одежды» В. Дудинцева (1987). В последнем мы видим фактически детективный сюжет, в котором скрытые сторонники генетики наподобие советских разведчиков, внедренных в штаб врага, пытаются спасти специалистов, а главное — скрыть выведенные генетиками сорта картошки, чтобы лысенковцы не могли его присвоить и выдать за собственное достижение. Главным антагонистом в романе Дудинцева выведен академик Рядно — художественный двойник Лысенко, но по сюжету книги — некий заместитель Лысенко по картофелю.

В 1990 г. трагическая история Николая Вавилова и его противостояния с Лысенко была воплощена в многосерийном телевизионном фильме «Николай Вавилов» (реж. А. Прошкин).

И наконец, после распада СССР лысенковщина стала частью мифологии

о советской истории, в таких романах, как «Клетка» Анатолия Азольского (1997) и «Казус Кукоцкого» Людмилы Улицкой (2000), — романах, делающих историю СССР и советской науки фоном для своих философских и полуфантастических повествований. В «Клетке» Азольского главным героям удается в подполье независимым от официальной науки путем, благодаря собственной гениальности открыть важнейшие положения генетики, включая двойную спираль ДНК — однако их попытки наладить что-то вроде подпольного научного сообщества терпят крах. В «Клетке» Азольский пытается философски обосновать гонения на генетику: «Наивные менделисты-морганисты получают нечто иное — обвинительное заключение военно-мичуринского трибунала, потому что генетика и партийная идеология — несовместимы! Генетика — это смерть коммунизму! От первых утопистов к нынешним протянулась идея нового человека, существа без наследства, без памяти, без признаков предыдущих поколений, без пережитков капитализма, как это теперь называется, и создать такого человека невозможно — таков косвенный вывод микробиологической науки, той, которая будет уничтожена в ближайшие месяцы. Вся кремлевская банда существует на вере в наследование благоприобретенных признаков, что полная чушь; эти утописты с топором всерьез полагают: все многообразие человеческих свойств можно свести к умению повиноваться; еще гнуснее убежденность в перерождении одного вида в другой под влиянием внешней среды, и если при правильной кормежке воробей может стать

синичкой, то понятно, почему так много врагов народа и зачем лагеря. Но, пожалуй, самое отвратительное (Никитин уже брызгал слюной) — это, как ни странно, совесть коммунистов, ибо подсознательно, в глубине своей мерзопакостной души, они отлично понимают, кто они, из какой мрази состоят и как чудовищны и бессмысленны их мечтания, они поэтому страшатся посмотреть на себя со стороны, глянуть на себя чужими глазами, для чего и отгородились от всего человечества, заткнули рты всем говорящим правду, разбивают зеркала, где могут отразиться во всей пещерной наготе, и уж генетиков они растерзают, разгонят, скрутят в бараний рог, заставят отречься самых трусливых, проклянут непокорных, и в этой-то обстановке продергивать так нужные Ивану статьи через редакционные заграждения — самоубийство, явка с повинной, руки, протянутые для кандалов, опомнись, побереги себя, если тебе хоть чуточку дорога жизнь и свобода!...»

В «Казусе Кукоцкого» изображается, кроме прочего, судьба генетика Ильи Гольдберга, арестованного за критику Лысенко — в его биографии угадываются некоторые черты биографии генетика Владимира Эфраимсона.

Наконец, в XXI в., на фоне ползучей реабилитации сталинизма, начались попытки реабилитации Т.Д. Лысенко. Большую известность приобрела опубликованная в 2009 г. в «Литературной газете» статья медика и литератора Михаила Анохина статья «Трофим Лысенко и бедная овечка Долли», в которой утверждалось,

что эпигенетическая теория сбросила с трона работы Менделя и Томаса Ханта Моргана, а вклад Лысенко в генетику теперь надо признать. Негативные отклики на статью Анохина содержатся в многочисленных публикациях российских ученых. В 2014 г. биолог Лев Животовский опубликовал книгу «Неизвестный Лысенко», где называет его «великим советским ученым», чья теория недавно была подтверждена. А в 2015 г. другой биолог, профессор МГУ Александр Шаталкин выпустил книгу «Реляционные концепции наследственности и борьба вокруг них в XX столетии», где защищает вклад Лысенко в науку и утверждает, что классическая генетика недостаточно его оценила. Лысенко также был поддержан в изданном Троицко-Сергиевской лаврой учебнике общей биологии для 10–11-х классов Сергея Ветьянова.

Таким образом, лысенковщина в широком смысле слова проделала в литературе и искусстве огромную эволюцию. Зародившись как вера в чудо, как фантастика, она стала официозной и агрессивной пропагандой, затем рассыпалась на ряд горьких воспоминаний, затем стала предметом разоблачений, превратилась в миф и предмет философствования и, наконец, дожидаясь до попыток реабилитации.

Что касается самих биологических наук, то после крушения лысенковщины вера в порождаемые медициной и биологией чудеса в советской культуре сильно утихла, и писатели фантасты стали обращаться к теме биологии сравнительно редко, однако биологи продолжали

быть любимыми героями пишущих об ученых писателей-реалистов, в послевоенный период биологов мы встречаем в романах Вениамина Каверина, Сергея Званцева, Александра Крона, Бориса Никольского, Иосифа Герасимова, Юрия Мушкетика, Владимира Амлинского, Владимира Дудинцева, Анатолия Азольского. В истории советской художественной литературы об ученых две самые крупные величины — это, несомненно, Вениамин Каверин и Даниил Гранин. И если Гранин — это прежде всего «писатель о физиках», именно физикам посвящены такие его произведения, как «Кто-то должен», «Искатели», «Иду на грозу», прикладным математикам — его повесть «Однофамилец», то важнейшие произведения Каверина связаны именно с биологией: в «Исполнение желаний» два героя — историк и физиолог, трилогия «Открытая книга» — о микробиологах, повесть «Двойной портрет» — об ихтиологах, повесть «Двухчасовая прогулка» — о биохимиках. Это, конечно, легко объяснить личными обстоятельствами: родной брат Вениамина Каверина Лев Зильбер был крупнейшим советским вирусологом, другой брат Давид Зильбер — профессором гигиены, жена Льва Зильбера, ставшая прототипом героини «Открытой книги», — микробиолог и разработчик советского пенициллина. Но Каверин — далеко не единственный любитель биологических наук среди писателей, а перу Даниила Гранина принадлежат биографии двух биологов — Любищева и Тимофеева-Ресовского. В конечном итоге романов о биологах написано даже больше, чем о физиках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Долгушин 1960 — *Долгушин Ю.* «ГЧ» М.: Профтехиздат, 1960.

Ревич 1998 — *Ревич В.* Перекресток утопий. Судьба фантастики на фоне судеб страны. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

Слискова 2020 — *Слискова В.В.* Естественнонаучные эксперименты 1920-х гг.: наука в поисках бессмертия // Гуманитарный акцент. 2020. № 1. С. 31–34.

REFERENCES

Cliskova V.V. Estestvennonauchnye eksperimenty 1920-kh gg. : nauka v poiskakh bessmertii. *Gumanitarnyi aktsent*, 2020, no. 1, p. 31–34.

Dolgushin Iu. "GCh' Moscow: Proftekhizdat, 1960.

Revich V. *Perekrestok utopii. Sud'ba fantastiki na fone sudeb strany*. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 1998.

«ХРУЩЕВ — ЭТО КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ПРАВОТЫ ЗНАМЕНИТОЙ ФРАЗЫ: ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ, А ПОЛУЧИЛОСЬ КАК ВСЕГДА».

Интервью с М. Ю. Прозуменщиковым к 50-летию смерти Н. С. Хрущева

50-летие смерти Н.С. Хрущева дало повод оценить его роль в истории страны в полувековой ретроспективе. В беседе двух историков личность Хрущева и его деятельность предстают в преломлении архивных документов.

Ключевые слова: Никита Сергеевич Хрущев, руководство КПСС после Сталина, эпоха оттепели, XX съезд КПСС, десталинизация, внешняя политика СССР, Берлинский кризис, Карибский кризис, Дуайт Эйзенхауэр, Джон Кеннеди.

Сведения об авторе: Прозуменщиков Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва).

Контактная информация: prozumen58@yandex.ru.

“KHRUSHCHEV IS A CLASSIC EXAMPLE OF THE CORRECTNESS OF THE FAMOUS PHRASE: THEY WANTED THE BEST, BUT IT TURNED OUT AS ALWAYS”.

Interview with M.Yu. Prosumenshchikov on the 50th anniversary of the death of N. S. Khrushchev

50th anniversary of the death of N. S. Khrushchev gave a reason to assess his role in the history of the country in a 50-year retrospective. In a conversation between two historians, the personality of Khrushchev and his activities are presented in the refraction of archival documents.

Key words: Nikita Sergeevich Khrushchev, the leadership of the CPSU after Stalin, the Thaw era in the history of the USSR, the 20th Congress of the CPSU, de-Stalinization, USSR foreign policy, the Berlin crisis, the Cuban missile crisis, Dwight Eisenhower, John F. Kennedy.

About the author: Prozumenshchikov Mikhail Yu., Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Federal State Institution “Russian State Archive of Modern History” (RGANI) (Moscow).

Contact information: prozumen58@yandex.ru.

Личность Никиты Сергеевича Хрущева и связанная с ним эпоха в истории нашей страны — тема беседы А. Стыкалина с заместителем директора Российского государственного архива новейшей истории Михаилом Юрьевичем Прозуменщиковым.

Беседовал А. Стыкалин.

А. С. Михаил Юрьевич, документы вашего архива объемлют всю хрущевскую эпоху, раскрывают механизмы принятия всех сколько-нибудь важных решений (как внешнеполитических, так и внутриполитических) и их проведения в жизнь. Более того, пожалуй, не менее половины реализованных вами к настоящему времени издательских проектов (вы упомянете некоторые в ходе нашего разговора) отражают именно эту эпоху. Давайте начнем с самого начала, с первых месяцев после смерти Сталина. Насколько была велика, судя по вашим документам, личная роль Н. С. Хрущева в недопущении Берии к власти и его последующем устранении?

М. П. Начнем с того, что Хрущев после смерти Сталина ощущал себя несколько отодвинутым от власти, потому что ему предложили лишь, что называется, «заняться» КПСС, т.е. партийными делами, при том что Сталин в последние годы жизни партийные дела убирал в сторону, на второй план, тогда как центр тяжести перенес на государственные органы, на правительство. Поэтому Хрущев себя чувствовал несколько обделенным, ведь в последние годы при Сталине он неизменно входил

в пятерку самых главных, самых влиятельных руководителей, находившихся в окружении вождя, среди его приближенных. И естественно, здесь Никита Сергеевич со всей своей хитростью, со всей своей смекалкой потихонечку начал, зарабатывая себе очки, просто отодвигать в сторону тех деятелей сталинского времени, которых он считал наиболее опасными и которые реально могли составить ему серьезную конкуренцию. И среди этой пятерки он воспринимал как самого главного, самого опасного конкурента, конечно, Берию. Поэтому он все свои силы, все свои старания, все свои интриги направил на то, чтобы устранить в первую очередь именно Берию. Я не знаю, насколько он с самого начала хотел устранить его обязательно физически, стремился расправиться с ним именно так, как в конце концов получилось, но во всяком случае Берия был, бесспорно, самый опасный конкурент, и Хрущев это прекрасно понимал. Потому что остальные — и Маленков, и Каганович...

А. С. ...и даже Молотов...

М. П. Даже Молотов — они все были менее опасны. Молотов в последний год жизни Сталина, как мы знаем, вместе с Микояном оказался в серье-

езной опале, но он все же обладал довольно большим влиянием, при этом Молотов, я бы сказал, был не интриган и, как правило, исходил из принципа: раз партия сказала, надо следовать линии партии. А Берия был, конечно, интриган и вообще очень сильный и опасный противник, и я думаю, что Н.С. Хрущев использовал все свои способности для того, чтобы его устранить.

А.С. Хотя Хрущев иногда любил разыгрывать из себя простака, факты говорят о другом, о том, что это был политик очень амбициозный, жесткий, прекрасно ориентировавшийся в коридорах властной системы, человек с хорошим чутьем и, что называется, с железным кулаком. Вспомним, как уже в начале 1955 г. он сумел добиться освобождения Маленкова от обязанностей премьер-министра, а через несколько месяцев, летом, использовал начавшееся сближение с титовской Югославией для нанесения первого удара по «скептику» Молотову. Насколько явно прослеживается в документах этого так называемого периода «коллективного руководства» стремление Хрущева не только усилить собственную личную власть, но и перенести центр тяжести в принятии ключевых решений с государственных (в частности, совминовских) органов на партийные?

М.П. Во-первых, давайте вспомним, что у Хрущева был довольно большой опыт партийно-государственной работы, потому что еще в 30-е гг. он и Москвой руководил, как известно, и Московской областью, потом Украиной с 1938 г., т.е. у него был

накоплен этот немалый опыт, и когда он оказался после смерти Сталина руководителем партии, он стал опираться прежде всего на партийные структуры, чтобы таким образом поднять свой авторитет. Потому что партия, как я уже говорил, оказалась к тому времени немножко задвинутой. А что касается периода, наступившего в 1953 г., то можно даже привести такой пример. Вот в том же 1954 г. начали сокращаться квоты, которые выделялись на государственных чиновников, номенклатуру, тех, кто в нее входил, т.е. сокращалось количество номенклатуры, но это совсем не касалось партийных функционеров. Напротив, в то время, когда шло сокращение государственного аппарата, количества работников правительственных органов, одновременно продолжалось увеличение партийных органов, расширение партноменклатуры. Становилось больше партийных секретарей, они получали несколько большую зарплату, больше пособий. Не только в центре, где это было не так заметно, но прежде всего на местах, по всей стране. Именно на местах партийные органы в это время почувствовали свою значимость и увидели именно в лице Хрущева свою поддержку. И Хрущев в этом случае сделал все очень грамотно. Причем, хотя это было на первый взгляд незаметно, но в действительности партия — постепенно, постепенно — снова возрождалась, ее аппарат становился все сильнее и сильнее, и партия начинала контролировать те органы, которые раньше не могла. Например, вместе с ликвидацией Берии ликвидируется МГБ, образовали комитет (КГБ), хотя и при Совмине, но все время говорили, что комитет этот должен быть

под контролем партии и что нельзя выпускать карательные органы из рук партии, т.е. постепенно Хрущев на всех направлениях возрождал политику, отдававшую приоритет партийному руководству — зная, что эти люди, в партаппарате, могут его поддержать, поскольку видят в нем свою опору.

А. С. Это проявилось ведь и при попытке его отстранения в 1957 г., местные партийные секретари были на его стороне тогда.

М. П. Да, т.е. Хрущев все больше заручался поддержкой партаппарата, и в то же время он постепенно убирал, точнее, отодвигал более слабых своих соперников. Маленков вроде бы после смерти Сталина был первым человеком в стране как глава Совмина, но его постепенно, очень аккуратно отодвинули.

А. С. Раскритиковали на пленуме в январе 1955 г. И дело не только в его последовательной линии на развитие легкой промышленности, производства предметов потребления, которую сочли несвоевременной, — когда встал вопрос о вступлении ФРГ в НАТО и у нас в ответ решили снова начать вооружаться. Цеплялись за отдельные его высказывания, в том числе об угрозе ядерной войны, Хрущев обвинял его в пацифизме и т. д., искал любой повод для публичной критики.

М. П. Его вскоре передвинули из председателей Совета министров в обычные министры. Причем и в Президиуме ЦК пока оставили. А через полгода то же самое произошло с Молотовым, ведь было совершен-

но понятно, что Хрущев и Молотов не сработаются вместе.

А. С. Да, это становится совершенно очевидным, когда читаем некоторые записи заседаний Президиума ЦК, выполненные В. Малиным и вошедшие в первый том подготовленного в вашем архиве известного трехтомника «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964».

М. П. Хрущев и Молотов были совершенно разные люди. Это проявилось, как только Хрущев стал претендовать на руководство страной. Причем Хрущев не мог руководить Молотовым как министром иностранных дел по линии правительства, не будучи главой Совмина, но вот по партийной линии он совершенно спокойно мог им руководить. Кстати, в наших документах есть такая любопытная деталь, она, может быть, бросается в глаза исследователям: когда Молотов занимал пост министра иностранных дел, в ЦК КПСС поступало из МИДа довольно мало документов, а в основном все, что касалось внешней политики, оседало там, в МИДе. Вот возьмем международный отдел ЦК в нашем архиве, опись 28, она не очень-то большая, а как только Молотова отодвинули, пришел Шепилов...

А. С. Это было в конце мая 1956 г. Молотова убрали из МИДа перед тем, как в Москву приехали югославы во главе с Тито, он как раз накануне перестал быть министром. Это был жест в адрес Тито.

М. П. Действительно, югославы сыграли здесь свою роль, это хорошо видно из нашего двухтомника

«СССР и Югославия. Встречи и переговоры на высшем уровне», в подготовке которого вы принимали активное участие. Но возвращаясь к теме документов. Если мы посмотрим 1956–1957 гг., увидим, что в это время резко увеличивается объем документации, поступающей из МИДа в ЦК, и не случайно в начале 1957 г. происходит разделение международного отдела ЦК на два отдела, возникает самостоятельный отдел, занимающийся социалистическими странами.

А. С. И поставили во главе Андропова, проявившего, скажем так, себя в Венгрии в 1956 г.

М. П. Да уж, мы знаем.

А. С. К этому времени поняли, что социалистические страны требуют самостоятельного отдела ЦК. Слишком много проблем с ними связано. Это ведь и венгерские события показали.

М. П. То есть количество документов настолько возросло, что один отдел уже не справлялся. И это все стало происходить уже после ухода Молотова, после того, как его, так сказать, убрали из МИДа. Опять же, Молотова убрали из министров иностранных дел, но, будучи некоторое время в другой должности, он оставался членом Президиума ЦК до июня 1957 г.

А. С. Ничего не могли сделать. Хрущев не обладал пока еще таким влиянием, чтобы совсем их убрать. Для начала они должны были подставиться. И вот подставились в 1957 г.

М. П. Да, они должны были подставиться, а Хрущев должен был иметь уже солидную поддержку, которой мог бы воспользоваться в этот непростой момент.

А. С. Еще в начале этого столетия ваш архив выпустил под вашей редакцией фундаментальное издание материалов XX съезда КПСС, куда вошли и документы, отражающие отклик на съезд — как в СССР, так и за рубежом. В связи со знаменитым выступлением Хрущева о культе личности на закрытом заседании в последний день работы съезда, 25 февраля, можно ли говорить, что как для Хрущева, так и для других членов высшего партийного руководства именно чувство страха, что придется отвечать за содеянное, было главной движущей силой, заставившей заняться разоблачением «культы личности»? И можно ли также говорить о каком-то противодействии некоторых членов Президиума этому выступлению Хрущева с разоблачением Сталина?

М. П. В принципе да. Перед XX съездом, когда обсуждался этот вопрос, те же Каганович, и Ворошилов, и Молотов — они все время говорили, что надо аккуратно, аккуратно, чтоб не выплеснуть, как говорится, вместе с водой ребенка. Но нужно учесть один такой нюанс: когда готовились к XX съезду, вернее к докладу вот этому, о культе личности, главный упор ведь первоначально делался именно на репрессиях. Только репрессии и как бы...

А. С. Причем репрессии в основном против своих, против партийно-государственной номенклатуры.

По которой Сталин сильный удар нанес.

М. П. Да. И в начале февраля 1956 г. при обсуждении на Президиуме никто не думал, что окончательный вариант доклада будет так сильно расширен — в нем Хрущев Сталина начал уже всю обвинять и в плохой подготовке страны к войне, и в неумении руководить страной и т. д. и т. п.

А. С. Да, этого уже не хотели. Перегнул.

М. П. Этого никто не ждал, этого не хотели, Хрущев явно вышел за рамки, которые были изначально установлены. И я думаю, что если бы изначально было задумано так, как в конце концов получилось, то, скорее всего, была бы гораздо более сильная оппозиция и более решительно выступали бы эти члены Президиума, которые сказали бы: нет, не надо. А так...

А. С. Обсуждение ведь отражено в малинских записях Президиума ЦК.

М. П. Там отражено, что выступала где-то половина членов Президиума, кто-то более твердо, а кто-то аккуратно: ну давайте все-таки подумаем, в какой форме об этом сказать, как выступить. И, собственно говоря, до последнего момента, до открытия съезда даже не было принято решение, а когда это выступление будет и кто будет выступать.

А. С. Знаю из источников, что даже кандидатура П. Поспелова называлась в качестве докладчика, а он не был членом Президиума ЦК, только секретарем ЦК.

М. П. Хрущев ведь тоже крутил, хотя он, конечно, с самого начала понимал, что именно он будет выступать, но играл такую своеобразную игру, что он якобы еще не знает, кто будет выступать... На самом деле всеми ими руководил, конечно, страх.

А. С. А ведь тот же Хрущев что делал на Украине и раньше еще в Москве, его фамилия стоит под сколькими расстрельными списками.

М. П. У них у всех были руки в крови, пусть в разной степени, но у всех. Поэтому все они понимали, что в зависимости от того, как повернется на съезде разговор, каждый из них может оказаться виновным.

А. С. Известно, что, выступив с разоблачением сталинских преступлений, Хрущев поставил в тяжелое положение лидеров «братских» компартий (не только восточноевропейских, но и западных), долгие годы занимавшихся апологетикой Сталина и проводивших в жизнь многие его внешнеполитические решения (а в Восточной Европе насаждавших режимы сталинского типа). Было ли для иностранных коммунистов, присутствовавших на съезде, полной неожиданностью то, что произойдет в его последний день? И в какой мере сохранились в ваших архивных документах следы состоявшегося в Москве в те дни совещания компартий, на котором бы обсуждались некоторые перемены стратегии и тактики коммунистического движения?

М. П. Вы знаете, таких следов осталось крайне мало. Поэтому неизвестно, может быть, что-то и говорилось,

но говорилось очень, так сказать, легко, поверхностно...

А. С. Насколько знаю, потому что специально занимался роспуском Коминформа, там вопрос о будущем Коминформа оказался в центре внимания, предлагали распустить, говорили о том, что неэффективен и т. д.

М. П. Да, речь шла в общем о коммунистическом движении, о его направлениях, каким оно должно быть, о формах работы, но вот о том, что предполагался такой сильнейший удар по Сталину и что будет резкий поворот вот такой — этого не было сказано нигде. И то, что произошло, стало для приехавших на съезд иностранных коммунистов абсолютным шоком.

А. С. Это и мемуары показывают, Ракоши, например, публиковавшиеся у нас в «Историческом архиве» в конце 1990-х.

М. П. У нас есть одна такая зацепка, о том, что присутствовавшему на съезде во главе китайской делегации маршалу Чжу Дэ за день или за два опять же только намекнули, что может быть вот такой поворот. А так узнали о произошедшем только потом, их же не было никого (я имею в виду иностранных коммунистов) на этом заседании.

А. С. Ну вот было съездовское выступление Микояна, где он бросил такой пробный камешек, дал понять, что что-то будет.

М. П. Это так, но опять же, выступление Микояна было такое, как бы сказать, аккуратное.

А. С. Да, он все аккуратно делал.

М. П. Это уж точно. Поэтому, естественно, никто не мог себе такого представить. И для всех это был, повторюсь, абсолютный шок.

А. С. Хрущев был человеком хотя и с живым умом и прекрасной памятью, но малообразованным. За его плечами были 4 класса церковно-приходской школы и уже в зрелые годы, в начале 30-х, полтора года учебы в Промышленной академии, где он хотя и слушал лекции профессоров старой закалки, но, будучи парторгом, не мог, конечно, уделить слишком много времени учебе. Как эта недостаточная образованность сказывалась на его аппаратной работе — ведь надо было читать и подписывать бумаги, выступать с отчетами, формулировать партийные постановления. В какой мере ваши документы отражают его непосредственное участие в подготовке съездовских постановлений и Программы КПСС 1961 г.?

М. П. Вы знаете, он, конечно, был, как таких называют, самородок. Он действительно очень хорошо все схватывал, он хорошо воспринимал и перекладывал это все. Просто беда в том, что в свое время он слишком рано начал подниматься вверх, и вот эта неконтролируемость самородка — она сказалась на всей его деятельности. А что касается его участия в подготовке документов — его следы видны. При том что он сам плохо писал. Он говорить мог великолепно, а писать не мог.

А. С. Кто-то из архивистов, помню, рассказывал, как однажды

в резолюции слово «ознакомиться» написал с двумя буквами «ц».

М. П. Что-то подобное можно себе представить. Но при этом у нас хранится очень большое количество его надиктовок, что-то опубликовано в подготовленном нами двухтомнике «Н. С. Хрущев. Два цвета времени». Он везде, и находясь в отпуске, и где-нибудь в командировке (а ездил он, как мы знаем, много), диктовал, причем по самым разным вопросам. То есть он держал все это в голове.

А. С. Многие ведь публиковались и в то время. В «Правде», в «Коммунисте».

М. П. Да, это все было, и те же Программа и Устав партии, которые на XXII съезде были приняты, — там совершенно отчетливо видны какие-то следы того, что он предлагал. И в Устав партии, особенно с учетом опыта июня 1957 г., он хотел внести некоторые изменения. И в Программе партии, это совершенно очевидно, нашли отражение какие-то хрущевские предложения, уточнения, замечания, которые он не писал, но он их диктовал, а потом редактировал. Поэтому в принципе он принимал участие, его следы остались, они есть.

А. С. Хрущев был человеком темпераментным, увлекающимся, склонным к экспериментам. С одной стороны, это, наверно, не самое плохое человеческое качество, но с другой — создавало не раз проблемы не только его ближайшему окружению, но и всей стране. Как это сказывалось на внешней политике? Можно ли говорить о том, что некоторые его спонтанно принятые

решения сильно осложняли работу отечественных дипломатов? (За примерами тут далеко ходить не надо, вспомним хотя бы срыв в мае 1960 г. долго готовившегося парижского саммита после известного первомайского инцидента с американским самолетом-разведчиком, сбитым в небе над Уралом.) И в какой мере спонтанным ходом Хрущева явилось решение соорудить в августе 1961 г. Берлинскую стену? Сохранились ли какие-то документы об этом? А с другой стороны, можно ли говорить о том, что в условиях опасного для человечества Карибского кризиса Хрущев, напротив, на каком-то этапе проявил как раз несвойственную ему сдержанность?

М. П. Что касается Берлинской стены, то не совсем это было спонтанное решение, скорее надо говорить о другом, о том, результатом чего стала Берлинская стена. Вспомним, как еще в ноябре 1958 г. Хрущев выступил с ультиматумом, потребовав в течение полугода заключения мирного договора с Германией. В противном случае обещал подписать отдельный мирный договор с ГДР, с которой западные державы не имели дипломатических отношений. И переложить на ее правительство ответственность за обеспечение особого статуса Западного Берлина и гарантий доступа западных держав в эту часть города. А ведь де-факто Западный Берлин функционировал как часть территории ФРГ, хотя это и не признавалось Советским Союзом. Возник острый конфликт, который мог и к войне привести. Вот это был абсолютно спонтанный ход, на который никто не знал, как реагировать, и в том числе наши не знали.

А. С. Потом долго разгребали.

М. П. Потом еле-еле распутали. Микоян ездил в Америку договариваться, и все это приходилось как-то спускать на тормозах, иначе мы просто оказывались в дурацкой ситуации: сказали «полгода», а полгода прошло и ничего нет. И вот позже, через три года, проявились отголоски этого заявления по Берлину. Причем ведь помним, что Хрущев не сумел встретиться с американцами в мае 1960 г. и обговорить с ними берлинские проблемы из-за ситуации, возникшей вследствие сбитого летчика Пауэрса. Потом в Вене в 1961 г. состоялась совершенно безрезультатная встреча с Кеннеди, а на Хрущева в тот же момент давил Ульбрихт, это тоже нужно учитывать. Ульбрихт ему все время говорил: вы нам ничем не помогаете, хотя вы обещали, у нас народ бежит на Запад. Так что проект создания этой стены, видимо, уже существовал заранее, может быть с 1960 г., и вот эта идея просто была в августе 1961 г. реализована. И при том, что, конечно, был крик, шум, реализация этой идеи в чем-то позволила обеим сторонам (Советскому Союзу и Западу) выйти из положения, все это отодвинуть на какое-то время, найти временное, частичное решение проблемы. Вроде сложилась ситуация, когда, что называется, и волки сыты, и овцы целы. Но, конечно, вот эта спонтанность Хрущева, его иногда какие-то неожиданные заявления — они создавали подчас серьезные проблемы. Вот Карибский кризис. Решение разместить ракеты на Кубе было спонтанным. Наверно, насчет американских ракет в Турции можно было и как-то по-другому договариваться с американцами.

Причем мы же ведь до последнего врали — уже ракеты стояли, а мы: нет, ничего там нет, никаких ракет. И вот тут он в определенный момент осознал, что все это может плохо кончиться, что мир висит на волоске — и кстати, во многом из-за очень жесткой позиции американцев. Мне кажется, что Хрущев просто не ожидал, что американцы, Кеннеди пойдут здесь до конца.

А. С. Да, это все-таки была их сфера влияния. Что там расстояние-то — от Кубы до Флориды.

М. П. Да, и у нас есть документы, которые как раз Хрущеву клали на стол, о том, что был проведен в Америке незадолго до Карибского кризиса опрос о том, согласны ли вы на мировую войну ядерную или считаете возможным жить при коммунизме, и 75–80% американцев сказали: мы готовы воевать. То есть они готовы были идти до конца. И Хрущев, в свою очередь, тут увидел, что это может кончиться очень плохо.

А. С. Мы знаем, что мифотворчество пышным цветом цветет не только у нас, но и в других странах. Это касается и США. В этом году мне неожиданно попала информация о том, что в американских СМИ, причем кто-то из людей близких истеблишменту, пытаются оживить старый и в общем давно скомпрометированный миф о причастности Москвы к убийству Дж. Кеннеди. Вам приходилось заниматься венским саммитом 1961 г., публиковать связанные с ним документы РГАНИ в сборнике «Венский вальс холодной войны». А как бы вы охарактеризовали личные

отношения Хрущева и Кеннеди? С кем было легче работать Хрущеву — с Эйзенхауэром, с которым он много общался осенью 1959 г. при посещении Америки, или с Кеннеди, которого он, может быть, где-то недооценил, считая слишком молодым и неопытным?

М. П. Лично у меня полное ощущение, и из документов это тоже видно, что ему все-таки было проще общаться с Эйзенхауэром — и возраст примерно один, и оба воевали, могли обмениваться воспоминаниями. Да, Кеннеди тоже воевал, но, конечно, в другом качестве. И поэтому у Хрущева и Эйзенхауэра находилось больше общих тем для разговоров, они даже и о внуках говорили. А Кеннеди Хрущев действительно недооценил, подумал, что вот пришел молодой мальчишка, которого он как опытный политик может легко, как говорится, задавить. Это проявляется и в документах, и в его выступлениях. И он был даже как-то немножко обескуражен, когда увидел, что этот мальчишка проявляет упорство, твердость. Но при этом я, конечно, совершенно не думаю о какой бы то ни было советской причастности к устранению Кеннеди. Это глупость полнейшая, тем более что фактически после того, как разрешился Кубинский кризис, у нас с американцами наладились более-менее нормальные отношения, и мы как раз в том же 1963 г., летом, подписали с англичанами и с американцами договор очень важный о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах. Китайцы, кстати говоря, решили, что этот договор направлен прежде всего против них, потому что им не дают доделать собственную атомную бомбу, все это

повлияло и на ухудшение наших отношений с Китаем. Но, как бы то ни было, и Хрущев, и Кеннеди пошли на то, чтобы договор был подписан.

А. С. Так что устранение Кеннеди было для Москвы совершенно несвоевременным.

М. П. Абсолютно. Москве это совершенно не нужно было. Тем более что во всех документах, которые приходили и ложились на стол Хрущеву, прослеживается мысль, что Кеннеди был для Советского Союза предпочтительнее, чем его вице-президент Л. Джонсон, ставший потом президентом, — ставленник консервативного Юга, с которым гораздо труднее было выстроить отношения. Так и получилось.

А. С. Да, и война во Вьетнаме это показала.

М. П. Так что устранять в этот момент Кеннеди — это было бы верхом нелепости.

А. С. Поговорим теперь о финальном эпизоде в политической биографии Хрущева, о его отстранении. Мы знаем, что в июне 1957 г., проявив не только мастерство аппаратчика, но и политическую волю и смелость, Хрущев сумел предотвратить свое падение, отстранение от власти. А в октябре 1964 г. не сумел. Что случилось с ним за эти годы? Постарел? Утратил к этому времени чувство реальности и почву под ногами, витая в облаках со своими волонтеристскими прожекторами? Или прежде всего дело в утрате поддержки тех, на кого он мог опереться в 1957 г.?

М. П. Мне кажется, тут все вместе. С одной стороны, он действительно уже постарел и стал чувствовать реально-сти немножко утрачивать, возомнил, что он, давно сидя наверху, уже все может, но и поддержку он утратил тоже. Сначала его поддерживали и, в частности, как мы говорили, поддерживал партийный аппарат, а потом партаппарат почувствовал свою силу, власть, люди поняли, что в случае чего их не будут, как при Сталине, расстреливать — да, могут сместить, но так, что за ними сохранятся и блага, и привилегии, и квартиры, и что в общем они не слишком рискуют. А в свою очередь Хрущев вот этими своими постоянными экспериментами уже всем изрядно надоел, он предлагал то одно, то другое, то третье; разделение парторганизаций, обкомов на промышленные и сельские — это был абсолютный бред. И поэтому они просто захотели более спокойной жизни. Со всеми теми благами и привилегиями, которых они уже добились. И они понимали, что с ними ничего по большому счету не случится. И, конечно, все это вместе сыграло свою роль.

А. С. После своего отстранения Хрущев прожил еще 7 лет. Какие в вашем архиве хранятся документы, отражающие его жизнь после отставки? Как складывались его отношения с властями? Можно ли говорить о том, что переправка мемуаров на Запад стала тем стрессом, который подорвал здоровье Хрущева и ускорил его кончину? В 1964 г. это был достаточно здоровый для своего возраста человек.

М. П. Ну, во-первых, первый стресс вызвало само отстранение. Это был

для него, конечно, колоссальный стресс, и он долго не мог прийти в себя. У нас есть об этом сведения, в свое время мы издали сборник «Никита Хрущев. 1964 год», где об этом достаточно подробно рассказывается. За ним же продолжали следить по линии КГБ, чтобы никто из зарубежных корреспондентов к нему не приезжал, никого не подпускали и т. д.

А. С. А тем более ведь некоторые зарубежные коммунистические политики не скрывали своего позитивного мнения о Хрущеве. Янош Кадар, например, не раз фрондировал, давал понять, что он по-прежнему уважает Хрущева, оказывал жесты внимания. Да и некоторые другие деятели в соцстранах, хотя все в разной степени.

М. П. Вот-вот, это все, конечно, было. А то, что переправили его мемуары и опубликовали там, на Западе — это был, конечно, второй очень сильный стресс, тем более что его же ведь вызывали в ЦК, в Комитет партийного контроля, и как с ним там разговаривали — грубовато.

А. С. Чуть не угрожали.

М. П. Да, все-таки с бывшим первым лицом государства можно было говорить по-другому. Так что это был тоже, конечно, очень серьезный стресс. Все это вместе подорвало его здоровье.

А. С. Михаил Юрьевич, вы занимаетесь как историк и архивист эпохой Хрущева долгие десятилетия. Изменился ли в вашем сознании образ Хрущева по мере углубления

в материал, в документы? И если изменился, то в какую сторону?

М. П. Я понял, знаете, чем больше я изучаю Хрущева, знакомлюсь с тем, что он делал, что он предпринимал, прихожу к выводу: Хрущев, на мой взгляд, это классический образец правоты знаменитой фразы: кто хочет сделать лучше, у того получается «как всегда». Иными словами, благими намерениями ад вымощен. Он многое хотел сделать как лучше для народа, чтобы было не как при Сталине, но из-за того, что он часто не знал, как это нужно делать, действовал неправильными, негодными методами, вот эти его благие намерения — они оборачивались зачастую плохими последствиями, а в чем-то иногда получалось даже хуже, чем при Сталине, как это ни парадоксальным кажется.

А. С. В каком-то смысле да. Вот взять, скажем, его церковную политику начала 60-х, сколько он дров

там наломал. Вроде бы период оттепели, даже углубление оттепели, а что он творит.

М. П. Да-да, хотя казалось после войны, что будет иначе в отношениях с церковью. И так во всем. Вроде отчет с соцстранами вести по-другому отношения, не так, как при Сталине это было, но в то же время именно при нем возникают и углубляются разногласия, которые в результате закончились тем, чем закончились. Опять же, это не значит, что он этого хотел, но то, что происходило, получается, невольно было следствием его политики.

А. С. И этот неоднозначный образ отражен и в памятнике Эрнста Неизвестного, который стоит на его могиле.

М. П. Совершенно верно.

А. С. Спасибо вам за интервью.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «А. Д. САХАРОВ: ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ»

Публикуются материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения А. Д. Сахарова.

Ключевые слова: А. Д. Сахаров, советский период отечественной истории, атомный проект, диссидентские движения в СССР, правозащитная деятельность, перестройка, М. С. Горбачев, Е. Г. Боннэр, источниковедение советского периода отечественной истории, распространение исторических знаний.

Сведения об авторе: Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Контактная информация: zhurslav@gmail.com.

ROUND-TABLE "ANDREI SAKHAROV: THE PERSON AND HIS TIME"

The materials of the round table dedicated to the 100th anniversary of the birth of A. D. Sakharov are published.

Key words: A. D. Sakharov, the Soviet period of Russian history, the atomic project, dissident movements in the USSR, human rights activities, Perestroika, M. S. Gorbachev, E. G. Bonner, source study of the Soviet period of Russian history, dissemination of historical knowledge.

About the author: Stykalin Aleksandr S., candidate of historical sciences, coordinating researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow).

Contact information: zhurslav@gmail.com.

14 мая 2021 г. в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве состоялся круглый стол «А. Д. Сахаров: Человек и время», приуроченный к столетию этого выдающегося ученого, правозащитника и общественного деятеля.

Публикация подготовлена А. С. Стыкалиным при участии Д. А. Мокрова (РГСУ)

Основные докладчики и участники этого мероприятия:

Вступительное слово:

Директор ГПИБ России Михаил Дмитриевич Афанасьев;

отв. редактор журнала «Историческая Экспертиза» Александр Сергеевич Стыкалин.

Ведущий

Борис Исаевич Беленкин.

Выступают:

- Литинский Леонид Борисович (заместитель председателя Правления Общественной комиссии по сохранению наследия академика Сахарова);
- Семенов Алексей Юрьевич (профессор МГУ);
- Даниэль Александр Юльевич (Международный Мемориал, организация, выполняющая функции иностранного агента);
- Кацва Леонид Александрович (учитель истории);
- Левинсон Алексей Георгиевич (АНО Левада-центр, организация, выполняющая функции иностранного агента);
- Прозуменщиков Михаил Юрьевич (заместитель директора Российского государственного архива новейшей истории);
- Пономарев Лев Александрович (правозащитник, лицо, выполняющее функции иностранного агента);
- Коваль Бэла Хасановна (Архив Сахарова);
- Макаров Алексей Алексеевич (Международный Мемориал, организация, выполняющая функции иностранного агента);
- Лукашевский Сергей Маркович (директор Сахаровского центра, организация, выполняющая функции иностранного агента);
- Голубовский Анатолий Борисович (историк, член Совета Вольного исторического общества);
- Беленкин Борис Исаевич (Международный Мемориал, организация, выполняющая функции иностранного агента);
- Струкова Елена Николаевна (заведующая ЦСПИ ГПИБ России).

Михаил Дмитриевич Афанасьев¹ открыл круглый стол, поприветствовав собравшихся на правах хозяина, принимающего гостей, т. е. директора Исторической библиотеки:

Для меня и для Исторической библиотеки наша сегодняшняя встреча имеет значение не только как дань памяти Андрею Дмитриевичу Сахарову в юбилейный год. Мне кажется чрезвычайно важным отметить еще одну ее функцию: сегодняшняя встреча — это один из элементов фиксации той памяти, которая у нас сохраняется о сравнительно недавних событиях. Мы все с вами наблюдаем быстро развивающийся процесс мифологизации всего, что происходило в прошлом: это касается и более ранних периодов истории, и исторических событий, связанны, например, с недавно прошедшим юбилеем окончания Великой Отечественной войны.

Но мифологизация затронула и эпоху, очевидцами которой были, во всяком случае, люди моего поколения, многие из участников сегодняшней встречи, процесс этот — вполне объективный социологически понятный процесс — продолжается и на наших глазах. Историческая память, общественная память всегда изменчива — какие-то вещи выплывают на первый план, какие-то, напротив, забываются, о каких-то общество не хочет вспоминать. Надо учитывать еще и влияние, которое оказывают государство, институции разного рода на этот процесс. Однако должны быть такие точки — Пьер Нора

¹ Афанасьев Михаил Дмитриевич — кандидат педагогических наук, директор Государственной публичной исторической библиотеки (Москва); info@shpl.ru.
Afanasyev Mikhail D. — Candidate of Pedagogical Sciences, Director of the State Public Historical Library (Moscow).

называет их «места памяти» («lieu de mémoire»), — с помощью которых мы все-таки можем и будем сохранять историческую, документальную, научную и, одновременно символически значимую память.

Историческая библиотека есть та институция, которая стремится закреплять эти «места памяти» не только в публикациях, но еще и в ходе встреч, зафиксированных в цифре, которые также становятся элементом нашей исторической памяти и источником сведений для будущих поколений, тех, кто будет изучать время, о котором мы сегодня будем говорить, так и сегодняшнее наше время. Мы фиксируем сегодня тот этап, когда среди нас есть участники тех исторических событий, люди, которые могут из первых рук рассказывать и об Андрее Дмитриевиче, и об обстоятельствах, в которых он жил. И в этом, как мне кажется, также состоит важная функция нашей сегодняшней встречи, и можно только радоваться тому, что среди нас немало людей, которые могут выступать как очевидцы, а не только как исследователи, аналитики.

**СЕКЦИЯ 1. А. Д. САХАРОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО ДРУЗЕЙ,
СОБЕСЕДНИКОВ И УЧАСТНИКОВ
ДИССИДЕНТСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

Леонид Борисович Литинский²,
*физик, заместитель председателя
Правления Общественной комиссии*

*по сохранению наследия академика
Сахарова.*

Я познакомился с А. Д. Сахаровым и Е. Г. Боннэр где-то в 1976 г., и мы довольно быстро сблизились, помню, как провожали детей Елены Георгиевны, которых выдавливали на Запад (одного за другим). Приятельские отношения между нами сохранялись и позже, когда они находились в Горьком. Вспоминая этих ярких, сильных и вместе с тем разных прежде всего в эмоциональном плане, по темпераменту людей, я пытаюсь соизмерить значение А. Д. Сахарова с его поведением в быту.

Одна из моих любимых книг — воспоминания А. Д. Сахарова, труд, в который он вложил немало сил. Когда перечитываешь эту замечательную книгу, всегда обнаруживаешь в ней глубину, которую не замечал раньше. Вспоминаю из этой книги ряд эпизодов. Первый относится к 1945 г. — он вернулся в Москву, поступил в аспирантуру. «Седьмого августа сорок пятого года, — пишет он, — я вышел в булочную, подошел к развернутому стенду — там была развернута газета, и я прочитал, что вчера (кажется, шестого августа) по приказу президента Трумэна на Хиросиму была сброшена атомная бомба, был произведен взрыв тротиловым эквивалентом в двадцать тысяч тонн». «У меня подкосились ноги, — пишет далее А. Д. Сахаров, — я понял, что в нашу жизнь вошло нечто новое, страшное, причем вошло со стороны той науки,

² Литинский Леонид Борисович — кандидат физико-математических наук, заместитель председателя Правления Общественной комиссии по сохранению наследия академика Сахарова (Москва); litin@mail.ru.

Litinsky Leonid B. — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Deputy Chairman of the Board of the Public Commission for the Preservation of the Heritage of Academician Sakharov (Moscow).

перед которой я внутренне преклонялся». Вот если уж А.Д. Сахаров пишет: «у меня подкосились ноги», это означает не метафору. Он хоть и выработывал свой стиль изложения, но преувеличений, метафор, каких-то красивых пассажей — этого в его книге нет. И когда он так пишет, это означает, что у него реально подогнулись ноги: он с самого начала — в 24 года — ощутил масштаб события и то, куда движется человечество.

Второй эпизод относится к 1948 г. Он окончил аспирантуру, защитился, его оставили работать в ФИАНе. Его мечта — заниматься широким спектром теоретической физики, у него прекрасный учитель, И.Е. Тамм, под руководством которого была создана на базе ФИАНа группа теоретиков, которая должна была работать параллельно с группой Я.Б. Зельдовича — Ю.Б. Харитона, занимавшейся созданием водородного оружия. Это значит: проверять их расчеты, поправлять. И Сахарова включили в эту группу. И через несколько месяцев после переключения на новую тематику он нашел неожиданное решение, которое стало на самом деле ключевым для работы всей группы, и не только теоретиков: началось интенсивное обсуждение сахаровских идей, за молодым человеком приехала ведомственная машина.

Постепенно обстановка накалялась — об этом есть чудные воспоминания его расчетчицы, которая на арифмометре проверяла нужные ему вычисления. И вот после того, как группа переключилась на предложенную им тематику, его вызвал к себе («пригласил», как он пишет в мемуарах) представитель КГБ в ФИАНе гене-

рал КГБ Малышев, который начал с комплиментов его работе, его успехам и предложил вступить в партию, сказав, что, только находясь в партии, человек может принести максимальную пользу обществу и реализовать себя. И Малышев сам вызвался дать ему одну из двух необходимых рекомендаций. Но генерал с недоумением должен был принять, что А.Д. Сахаров не захотел вступать в партию, сославшись на свое несогласие с тем, что происходило раньше (аресты невинных, коллективизация). Сахаров говорил: «я не уверен в том, что у меня не возникнут в будущем еще какие-то сомнения в деятельности партии». Еще был жив Сталин. Что мог ответить генерал? Что «ежовщина» осуждена партией окончательно и бесповоротно, а кулаки на нас с обрезами шли, и что мы могли сделать? Разговор на этом прекратился.

Конечно, 27 лет — это уже не мальчишка по тем временам, когда у многих за плечами был страшный опыт. Но представьте, когда, кому и где он это сказал. Его вполне могли отщелкнуть, вполне могли убрать: незаменимых у нас ведь, как известно, нет, а может быть, и Малышев оказался более-менее порядочным человеком. Как бы то ни было, это не было ординарное поведение, я не знаю людей, которые в тех условиях могли так смело поступить.

Еще один эпизод более известен. 1955 г. Государственная приемочная комиссия по поводу создания водородной бомбы, полноценной — тогда уже было ясно, что поставленная задача полностью решена. И вот на банкете председатель комиссии маршал М.И. Неделин, командующий ракет-

ными войсками СССР, предоставил А.Д. Сахарову слово для первого тоста. А.Д. Сахаров пишет: я поднял тост за то, чтобы наши изделия также успешно всегда взрывались над полигонами и никогда над городами, и после этого «наступила мертвая тишина, как будто я сказал непристойность». Все замерли, и маршал Неделин, взявши слово, рассказал полуприличный анекдот, смысл которого заключался в том: ребята, то, что вам поручили делать, то и делайте, а как мы это будем использовать, это наше дело. Этот эпизод более-менее известен, но мало задумываются: а почему наступила мертвая тишина? А потому что многие помнили, что, когда в 1951 г. проводилась госприемка определенного участка работы (ведь создание бомбы — это многоэтапный процесс), другой человек, отвечавший за тот участок, на аналогичном банкете произнес следующий тост: «Так выпьем за то, чтобы однажды наши изделия поднялись в воздух и поразили врага в его логове — Соединенных Штатах», это было по тем временам общее место, общая позиция, и вот после выступления А.Д. Сахарова все увидели разницу, увидели человека, посмевшего заявить другую позицию, другую просто в моральном плане. Вот почему наступила мертвая тишина.

У А.Д. Сахарова где-то ближе к концу его воспоминаний есть размышления о том, что жизнь сложна: следствия, причины, взаимовлияния так переплетаются, что разобраться в этом узле бывает очень непросто, но есть общие правила. «Делай что

должно, и будь что будет», — написал Андрей Дмитриевич. Мне кажется, что он достаточно рано начал следовать этому принципу (не знаю, формулировал ли он уже тогда его себе или еще нет). И он многое успел, как мы знаем.

Алексей Юрьевич Семенов³, доктор биологических наук, профессор МГУ.

Я познакомился с Андреем Дмитриевичем и его семьей в детстве, во 2-й половине 50-х гг. на засекреченном объекте «Почтовый ящик — 214» в городе Арзамас-16 (нынешнем Сарове Нижегородской области) в 450 км от Москвы.

Там находился главный научный центр разработки и создания ядерного и термоядерного оружия (сейчас Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский НИИ экспериментальной физики). В этом городе я часто бывал у деда и бабушки, Юлия Борисовича и Марии Николаевны Харитонов, а Андрей Дмитриевич, его жена Клавдия Алексеевна, их дети Таня, Люба, Дима жили в небольшом двухэтажном деревянном коттедже в так называемом ИТРовском поселке (от ИТР — инженерно-технический работник) на улице Жданова вблизи от реки Сатис (сейчас она стала улицей академика А.Д. Сахарова).

В те годы к нескольким ведущим ученым были приставлены охранники из КГБ, которых называли секретарями — охранники обычно в чине

от капитана до подполковника должны были находиться рядом со своими подопечными: они приходили в половине восьмого утра, сопровождали охраняемого на работу, а после работы приезжали домой, находились в отдельной комнате примерно до одиннадцати вечера, а на ночь уезжали. Во время отпусков и прогулок они должны были сопровождать своего подопечного, находясь на расстоянии нескольких метров сзади. Клавдия Алексеевна жаловалась бабушке, что она не любит и боится охранников.

В 1950 г. в Институте для разработки водородной бомбы был создан теоретический отдел, который возглавил учитель Андрея Дмитриевича Игорь Евгеньевич Тамм. После испытания первой водородной бомбы в 1953 г. И. Е. Тамм возвратился в Москву, а этот отдел возглавил А. Д. Сахаров, другим теоретическим отделом заведовал Яков Борисович Зельдович.

Об Андрее Дмитриевиче в период работы на объекте немного известно из воспоминаний физика-теоретика Виктора Борисовича Адамского, который писал, что вопросы ответственности ученых за плоды своего труда обсуждались Андреем Дмитриевичем в достаточно узком кругу. Вероятно, в этих обсуждениях в разное время принимали участие физики Тамм, Зельдович, Франк-Каменецкий, Альтшулер, Адамский. Кроме узкого круга людей Андрей Дмитриевич мало с кем общался, обычно держался немного отстраненно, но тем не менее большинство сотрудников института вспоминали о его человеческом обаянии и безусловном научным авторитете.

В 1968 г. он лично написал знаменательную статью «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании, интеллектуальной свободе», которая была опубликована на Западе и сыграла принципиально важную роль в советском правозащитном движении, но в результате руководство Министерства среднего машиностроения (так называлось в СССР атомное министерство) отстранило А. Д. Сахарова от работы в ядерном центре, и он вынужден был переехать в Москву.

В 1969 г. после тяжелой болезни умерла Клавдия Алексеевна, и Андрей Дмитриевич долгое время был в исключительно подавленном состоянии. Старшая дочь Татьяна, незадолго до этого окончившая биофак МГУ, вышла замуж и готовилась к поступлению в аспирантуру, средняя, Люба, училась в пединституте, а младший, Дима, был только в четвертом классе. У Тани в 68-м родилась дочь Марина, которая в будущем пошла по стопам деда и окончила физфак МГУ.

Несмотря на вынужденный отъезд и последующую организованную властями травлю, Андрей Дмитриевич оставил по себе добрую память в Арзамасе-16: мой старший покойный друг математик Бахрах рассказывал, что в начале 1980-х на объект прислали лектора-пропагандиста из ЦК КПСС, который должен был рассказывать сотрудникам о А. Д. Сахарове, и лектор начал говорить о том, что А. Д. Сахаров, попав под дурное влияние своей второй жены Боннэр, по указке западных антисоветчиков клеветает на советский государственный и общественный

строй, бессовестно и цинично платит черной неблагодарностью за те блага, которое ему дало советское государство. Лектор не успел произнести эти слова, как в зале, заполненном сотрудниками института, прокатился недовольный ропот, затем встал один из присутствующих физиков и сказал: «Что вы нам рассказываете какую-то чушь? Мы хорошо помним его как честного и достойного человека, который сделал для страны больше, чем подавляющее большинство других, мы не желаем вас больше слушать». В зале засвистели, и лектор был вынужден уйти. Как ни странно, эта история не имела последствий для присутствующих сотрудников: ходили слухи, что кто-то из высокопоставленных чиновников выразил недовольствие тем, что в аудиторию, хорошо знавшую А.Д. Сахарова, послали малограмотного лектора-пропагандиста.

На объекте, помимо секретных, велись и открытые работы по экспериментальной физике; на выборах в Академию наук из ЦК КПСС обычно выделяли специальные вакансии для ученых-атомщиков из закрытых городов, однако бывало, что члены отделения ядерной физики отказывались голосовать за кандидатов, работы которых были им недостаточно известны. Один из таких случаев произошел на выборах в члены-корреспонденты в 1979 г.: при голосовании в первом туре за кандидатуру физика-экспериментатора из Арзамаса-16 Павловского было подано недостаточное количество голосов. А.Д. Сахаров, хорошо знавший Павловского и его работы, выступил за его кандидатуру, сказав, что этот кандидат безусловно заслуживает

поддержки. Члены отделения, среди которых были люди, не разделявшие его взглядов, но знали его абсолютную честность и авторитет, поддержали кандидатуру Павловского.

Андрей Дмитриевич был нашим соседом в академическом дачном поселке Жуковка под Москвой, в котором в конце 1940-х — начале 1950-х были построены дачи для ведущих участников советских ядерного и термоядерного проектов. В поселке были дачи таких крупных физиков, как Зельдович, Харитон, Кикоин, Флеров, Тамм, Сахаров и др. В начале 70-х Андрей Дмитриевич женился на Елене Георгиевне Боннэр и вместе с семьей ее дочери Татьяны Янкевич поселился на даче.

В середине 1970-х у нас на даче жила семья друзей, Леонида Литинского и Елены Кагановой, которые подружились с Ефремом и Татьяной Янкевичами, и мы иногда общались все вместе. В этот период против Андрея Дмитриевича, осмелившегося защищать диссидентов, давать интервью западным корреспондентам и говорить о конвергенции социализма и капитализма, в газетах была развязана массированная лживая кампания. В это время Андрей Дмитриевич работал в физическом институте ФИАНе, они с Еленой Георгиевной купили машину «жигули», получили права и стали иногда ездить в Москву.

В 72-м в нашем поселке в течение полугода снимал дачу и Александр Аркадьевич Галич, незадолго до этого изгнанный из Союза писателей и Союза кинематографистов за антисоветские песни и стихи. Я знал,

что Андрей Дмитриевич был дружен с А. А. Галичем, они общались летом 72-го, но, по-видимому, в отсутствие других людей, потому что я не видел Андрея Дмитриевича ни на одном из домашних концертов А. А. Галича.

В это же время на соседней даче, принадлежавшей знаменитому виолончелисту Мстиславу Ростроповичу и оперной певице Галине Вишневской, в небольшой пристройке жил А. И. Солженицын. Я слышал о том, что А. Д. Сахаров несколько раз пересекался с А. И. Солженицыным в Жуковке, но в то время никто об этом не знал.

К Сахаровым приезжали и приходили разные гости: помню, например, колоритную фигуру писателя диссидента Льва Зиновьевича Копелева, прототипа одного из героев романа А. И. Солженицына «В круге первом», Рубина, входящего в калитку дачи А. Д.

В семьдесят пятом году Андрей Дмитриевич получил Нобелевскую премию мира, но его не выпустили из страны, а Елена Георгиевна, лечившаяся в это время в Италии, без разрешения советских властей поехала в Осло получать за него премию — это было очень волнующее событие: мы все невероятно гордились и радовались за него.

За Андреем Дмитриевичем и его семьей в поселке была установлена слежка КГБ, время от времени в их адрес поступали угрозы; в сентябре 77-го семья Янкевич, опасаясь за жизнь и здоровье своих маленьких детей, была вынуждена эмигрировать в Соединенные Штаты; и Саха-

ровы остались одни в какой-то момент на даче, Андрею Дмитриевичу отключили телефон, и он один или с Еленой Георгиевной стал часто заходить к нам, чтобы позвонить и попить чаю с яблоками из сада.

Мы тоже иногда заходили в гости на дачу к Андрею Дмитриевичу: помню, как большой компанией друзей зашли к Сахаровым после встречи нового 1978 или 1979 г. и были тепло встречены ими; помню несколько интересных разговоров с Андреем Дмитриевичем, а в то время большую роль для нас играли самиздат и тамиздат — распространение и хранение самиздата и тамиздата было небезопасным, поэтому их давали почитать только надежным и близким друзьям, часто на несколько дней, а иногда даже на одну ночь. Однажды друзья дали мне почитать только что вышедшую книгу известного публициста Марка Поповского «Управляемая наука», в которой рассказывалось о взаимоотношениях советской власти с наукой. Книга была интересной, но я нашел в ней несколько недостоверно рассказанных историй и неверных суждений. Встретив на прогулке Андрея Дмитриевича, я спросил: «Понравилась ли Вам эта книга?», он ответил, что книга понравилась, но добавил, что Поповский просил его написать предисловие к этой книге, однако он был вынужден отказаться. «Почему?» — спросил я его. «Дело в том, что я обнаружил в ней несколько ошибок, возможно, в остальном все было правильно, но у меня не было времени проверять все изложенные в книге факты, поэтому я не мог рекомендовать эту книгу читателям и был вынужден отказаться», — ответил Андрей Дмитриевич.

Вспоминаю другой разговор, произошедший на даче Сахаровых. Как-то он пожаловался, что к нему часто приходят или звонят сумасшедшие ученые, в частности, изобретатели вечного двигателя. В качестве примера он привел недавний разговор с человеком, представившимся физиком, который якобы экспериментально обнаружил массу покоя нейтрино и настаивал на встрече. Это не соответствовало принятой тогда стандартной модели и вряд ли было возможно, поэтому Андрей Дмитриевич считал, что назойливый человек неадекватен. Сейчас, насколько понимаю, теоретически это считается возможным, но масса покоя нейтрино должна быть настолько мала, что до сих пор не было получено экспериментальных доказательств.

Некоторые жители нашего поселка сторонились Андрея Дмитриевича, по-видимому, они боялись себя скомпрометировать; один из них как-то поинтересовался, зачем я встречаюсь, гуляю, разговариваю с А. Д. Сахаровым, и я ответил, что это большая честь — быть знакомым с ним и что разговор с таким выдающимся ученым, мыслителем и человеком всегда исключительно интересен. Сосед сказал: «Но ведь А. Д. Сахаров пошел в политику, потому что больше ничего не мог сделать в науке», — и я ответил, что, напротив, интересы Андрея Дмитриевича просто расширились и стали общечеловеческими, но наукой он продолжает заниматься всерьез, хотя на это у него стало меньше времени. Наше общение с соседом на этом прекратилось.

В конце декабря 1979 г. советские войска вошли в Афганистан, А. Д. Сахаров выразил против этого публич-

ный протест, что послужило последней каплей, переполнившей терпение правящего руководства. В январе 80-го Андрей Дмитриевич вместе с Еленой Георгиевной был задержан у себя дома и выслан в закрытый для иностранцев город Горький (Нижний Новгород). В следующий раз мы увиделись через семь лет, когда М. С. Горбачев вернул Сахаровых из ссылки.

Вечером 14 декабря 1989 г. я узнал ужасную новость: не стало Андрея Дмитриевича; я позвонил Елене Георгиевне, на следующий день поехал в квартиру на улице Чкалова, перед лифтом в подъезде встретил спускавшегося вниз академика Примакова, которому было поручено от имени Верховного совета выразить сочувствие Елене Георгиевне, но это был краткий формальный визит.

В квартире за столом сидела Елена Георгиевна в окружении родственников и друзей. Я запомнил Лидию Корнеевну Чуковскую, Михаила Яковлевича Гефтера, Сергея Адамовича Ковалева и Александра Павловича Лавута. Эта трагическая обстановка объединила совершенно разных замечательных людей, правозащитников, ученых, писателей, историков, философов и многих других.

Через несколько дней состоялось прощание с Андреем Дмитриевичем и его похороны, и мы с дедом, Ю. Б. Харитоном, поехали в ФИАН. Помню яркие выступления академиков Лихачева и Гинзбурга; дед стоял у гроба совершенно потерянный и не мог произнести ни одного слова.

Поминки проходили в большом зале ресторана гостиницы «Россия»

в центре Москвы, на них приехал лауреат Нобелевской премии мира и будущий президент Польши Лех Валенса, выступили много правозащитников, народных депутатов, запомнилось выступление Татьяны Сахаровой, которая сказала, что Андрей Дмитриевич был счастлив с ее мамой Клавдией Алексеевной Вихиревой, а в последние восемнадцать лет был не меньше счастлив с Еленой Георгиевной Боннэр.

Андрей Дмитриевич сохранится в моей памяти не только как великий гуманист, мыслитель, правозащитник и ученый, но и как совершенно уникальная человеческая личность: он сочетал в себе черты истинного российского интеллигента: исключительную мягкость, сочувствие и вежливость с абсолютно несгибаемой волей и непоколебимыми принципами — эти качества, наряду с общепризнанными заслугами перед государством, сделали его уникальной объединяющей фигурой для большого количества людей в России и в мире.

С момента смерти Андрея Дмитриевича прошло больше тридцати лет, и в наши дни мировое сообщество остро нуждается в сопоставимой по масштабу личности, достойной уважения большинства мыслящих людей.

Невозможно не сказать о том, что сейчас, когда в нашей стране наблюдаются крайне тревожные, опасные тенденции, нам особенно не хватает Андрея Дмитриевича. Нет сомне-

ний в том, что А. Д. Сахаров был бы в первых рядах борцов против принятия Государственной думой законов о регулировании просветительской деятельности государства, против нападок депутатов и мракобесов на Российскую академию наук и сообщество «Диссернет», против идеи повторной установки памятника Ф. Э. Дзержинскому на Лубянке, против готовящейся установки скульптурной группы участников атомного проекта во главе с Лаврентием Берией на ВДНХ и против многого другого — самое главное, что он, несомненно, выступал бы против жестокого разгона мирных шествий, незаконных арестов и преследования мирных граждан, произвола и нарушения законов в исправительных учреждениях и судах, вообще этих нарушений прав человека в сегодняшней России.

Почти двести лет тому назад, в 1833 г., тогдашний президент Императорской Академии наук и министр народного просвещения при Николае I граф Уваров разослал циркуляр о том, что народное воспитание должно совершаться в соединенном духе православия, самодержавия и народности — эта знаменитая уваровская триада. Лозунгу Уварова А. Д. Сахаров противопоставил другую триаду: Мир, Прогресс и Права Человека — именно эта сахаровская триада должна объединить нас в борьбе за будущее.

Лев Александрович Пономарев⁴,
доктор физико-математических наук, правозащитник.

⁴ Пономарев Лев Александрович — доктор физико-математических наук, правозащитник (лицо, выполняющее функции иностранного агента) (Москва); levpon41@mail.ru.
Ponomarev Lev A. — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, human rights activist (person acting as a foreign agent) (Moscow).

Во-первых, по уже установившейся традиции, я должен сказать, что я представляю организации, которые названы иностранными агентами, более того, я сам как физическое лицо выступаю как иностранный агент, так что в этом смысле ваша конференция приобретает определенный рисунок, скажем так, вполне современный — только так и может быть сегодня в путинской России на конференции, посвященной памяти великого нашего соотечественника Андрея Дмитриевича Сахарова.

Скажу сразу, чтобы сложилось правильное понимание того, что я хочу сказать — я не был диссидентом в то время, когда Андрей Дмитриевич был центральной фигурой диссидентского движения. Да, я наблюдал, дружил с диссидентами — моим другом был Юра Орлов, я переписывался с ним, когда он сидел в лагере. Но я был в сторонке, занимался физикой (в этом миссия моя). С Сахаровым я дружил и помогал ему последние два года его жизни: то есть я помогал ему становиться депутатом и в том числе консультировал его по некоторым острым политическим вопросам, помогал ему вырабатывать некоторые позиции. В связи со сказанным здесь в рамках другой секции А. Даниэлем о позиции А. Д. Сахарова в области национальной политики (*см. ниже*), замечу, что у меня были такие дискуссии с Андреем Дмитриевичем при обсуждении нового варианта Конституции СССР. Я говорил ему: это невозможно, Андрей Дмитриевич, то, о чем вы говорите, может реально вызвать кровь. Как человек, может быть, более прагматичный, я понимал пределы возможного. Да,

хотя мы может быть все за демократию, но при принятии конкретных решений по национальному вопросу должны учитывать национальный состав, пропорции, конкретную ситуацию, скажем, в Якутии, или Татарстане, или Башкирии, сколько там башкир, русских, татар и т. д. То есть имеются проблемы, которые трогать пока нельзя, их можно будет когда-то спокойно обсуждать, но на другом уровне развития демократии.

Конечно, если подходить стратегически (а Андрей Дмитриевич ведь стратегически мыслил), то да, его проект Конституции носил характер стратегического документа, который был рассчитан на 50 лет в основном мирного демократического развития Советского Союза, и в этом качестве он, может быть, был уместен, но вносить его в таком виде в момент революционных преобразований, конечно, нельзя было. Проект был связан со стратегическим мышлением Андрея Дмитриевича. Он был смелый мыслитель. Не только политический мыслитель. Это было и в физике. Он предлагал целые направления будущего развития, например для космологии. И люди потом обдумывали то, что он сказал и что можно дальше делать.

При всей этой смелости было бы неправильно считать его только мечтателем, я видел А. Д. Сахарова в роли абсолютно прагматического политика, не диссидента или правозащитника, хотя все это у него было, а именно политического деятеля. Кстати, ведь хорошо известно, что не все диссиденты поддерживали его идею идти в депутаты, А. Подрабинек, например, был категорически против его

участия в выборах, он об этом писал. Но А.Д. Сахаров был политиком, а потому он понимал, что надо идти на выборы, что надо иметь трибуну, и в этом он был абсолютно прав. Там много говорилось, в частности, об Афганской войне — а вот если бы там не было Андрея Дмитриевича, кто об этом сказал бы, и когда прекратилась бы война? Вопрос очень сложный.

Могу согласиться с мнением о том, что А.Д. Сахаров как бы открыл дверь перестройки. В этом смысле он стоит рядом с М.С. Горбачевым. Эти две фигуры — Горбачев и Сахаров — должны ставиться рядом, когда речь заходит о перестройке. Сам я поверил, что что-то происходит в стране, именно в тот момент, когда М. Горбачев выпустил А.Д. Сахарова из Горького. Все это помнят. Я подумал тогда: да, наступает мое время.

Подчеркиваю, А.Д. Сахаров был политический практик. Вспоминается, как он ездил на суды. По поводу крымских татар, например, ехал иногда за тысячи километров, несмотря на состояние здоровья и все остальное. Не так много людей ездили и занимались этой практической деятельностью. Вспоминается, как создавался «Мемориал», как была образована инициативная группа, из которой потом и выросла вот эта замечательная организация, от которой мы сейчас участвуем в круглом столе.

Вспоминается и Межрегиональная депутатская группа, там был ряд очень сильных записных (этому слову не всегда надо придавать плохой смысл) ораторов. Мы помним,

например, как ярко выступал там Юрий Афанасьев, как реагировало агрессивное большинство и т.д. и т.п. А кто реально занимался политикой — это был А.Д. Сахаров. Он выступал и как теоретик, разрабатывал конституцию, но он готовил и всероссийскую забастовку, идею которой я тоже, кстати, критиковал и разубеждал его, говорил, что она невозможна, ее не будет. А может быть, его ранняя смерть и была связана с разочарованием от того, что эта забастовка не происходила — он это глубоко переживал. Но как активный практический политик он и должен был набивать себе шишки и браться за что-то другое, за следующее, новое дело. По уровню своей популярности он мог бы стать лидером политической партии, сколь бы странно это сегодня не прозвучало бы для моих коллег. Кстати, я говорил ему об этом, и он отнесся тогда с юмором. Действительно, фигура партийного лидера с ним не очень вязалась, он внешне выглядел теоретиком, но я уверен, что он мог быть партийным лидером, потому что он был решительный человек, способный на конкретные личные действия.

Происходящее сегодня с памятью о Сахарове совершенно естественно для того политического режима, в котором мы сейчас находимся, который сейчас строится на наших глазах. И когда говорят об интеллигенции, о народе и вспоминают в этой связи А.Д. Сахарова, надо заметить, что он был удивительный человек и в том смысле, как складывалась его судьба. В 32 года академик, трижды Герой, он общался в свое время с первыми лицами государства — с Бери-

ей, с Хрущевым. Я не знаю деталей общения, но это известно из разных исторических публикаций: он имел возможность спорить с Хрущевым и убеждать его в необходимости договора о запрещении ядерных взрывов, испытаний ядерного оружия, и нам еще предстоит оценить его роль — в том, что такое соглашение было подписано, это был колоссальный шаг, первый его исторический вклад в развитие человеческой цивилизации, надо признать это. Об этом тоже должны помнить наши власти, тем более что он тогда был на стороне властей.

Сахаров со временем менялся, он сам признавал это в воспоминаниях. Он о многом (наверно, не обо всем) писал, писал и о том, как молодым человеком (но прекрасно осознававшим, что он делал) предлагал нашему военному руководству осуществить ядерный взрыв под водой и т. д., чудовищные меры в области ядерного вооружения. Не нашел поддержки — мы тогда не воевали. И он со временем пришел к пониманию того, что по сути речь шла об убийстве миллионов людей. Он стал другим человеком. То, что происходило, не могло пройти мимо него, минуя его колоссальную внутреннюю рефлексию; именно после этого он стал правозащитником, подошел к теме прав человека, отстаивал со всей энергией эти права. Обо всем этом должны говорить преподаватели молодым людям в школах на примере Сахарова — не только о его роли, но и о том, как

может измениться человек. Об этом надо знать и (может быть, и не очень молодым) политикам, которые не способны измениться и ведут мир к катастрофе. И, может быть, надо дать этим людям, стоящим во главе страны (будем откровенны), понять, как им лучше войти в историю мировой цивилизации: в одном ряду, через запятую, с Франко, Салазаром, диктаторами, теми, кто строил фашизм с каким-то национальным лицом. Или как люди, способные перевернуть мир, способные устранить возможность ядерной войны и для этого подписать с другими необходимые соглашения и в этом смысле продолжить линию великого нашего соотечественника Андрея Дмитриевича Сахарова, столетие которого мы сейчас отмечаем.

СЕКЦИЯ 2. А. Д. САХАРОВ В ИССЛЕДОВАНИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Александр Юльевич Даниэль⁵, *правозащитник, историк диссидентского движения.*

Я не отношусь к людям, которые были хорошо знакомы с Андреем Дмитриевичем (наше знакомство было эпизодическим: несколько раз я бывал у них дома, пару раз мы встречались у Бориса Георгиевича Бергера и не более того). То, что я хочу сказать, это совсем не воспоминание, а скорее постановка

⁵ Даниэль Александр Юльевич — руководитель программы и член правления Международного Мемориала (организация, выполняющая функции иностранного агента) (Москва); audan@yandex.ru.

Daniel Alexander Yu. — the chief of the Program and member of the Board of the International Memorial (an organization acting as a foreign agent) (Moscow).

вопроса, который меня в последнее время довольно сильно интересует. Говоря о А. Д. Сахарове, естественно начать с цитат, с известной цитаты из Альберта Эйнштейна: когда он говорил о современной физике, он сказал: «Это драма, драма идей». Но вот меня в том комплексе идей, которые ассоциируются у нас с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, интересует в первую очередь именно драма, именно драматургия сахаровской мысли, и мне кажется, что самым драматическим интеллектуальным сюжетом, связанным с вкладом А. Д. Сахарова в общественную мысль, является тема «А. Д. Сахаров и национальная проблематика». Как, наверное, многие здесь присутствующие, я в очередной раз, не знаю уже в который, перечитал воспоминания «Москва, Горький, далее везде», перечитал статьи и фундаментальные выступления Андрея Дмитриевича на общественные темы и попытался понять, какое место занимает эта проблематика в его мыслях. И очень интересно получается: если говорить о конкретных выступлениях (о чисто правозащитных выступлениях) А. Д. Сахарова, то с удивительной регулярностью, а значит и настойчивостью, постоянством, вызывающим мое неизмеримое восхищение, — всюду встречается в сахаровских выступлениях перечисление людей инакомыслящих, которых преследуют и которым требуется помощь.

Он занимался защитой конкретных людей — речь идет о людях инакомыслящих, и не просто инакомыслящих, но активно выступающих и за это попадающих в лагерь, в тюрьму, психбольницу и т. д., и, конечно же,

среди этих диссидентов было огромное количество участников разных национальных движений (я хочу сразу сделать оговорку: я буду употреблять термин «национализм», который в советскую эпоху идеология, пропаганда приучили нас воспринимать в очень отрицательных коннотациях. Вы ведь помните почти обязательную привязку слов «национализм», «националисты» к эпитету «буржуазный». Я же буду употреблять этот термин совершенно без оценочно, так, как его употребляют в европейской политической мысли). Речь идет о людях с определенной системой ценностей и о выступлениях Андрея Дмитриевича в их защиту. Вообще, когда мы произносим слово «диссиденты», у нас перед глазами оказываются по преимуществу московские правозащитники: сам А. Д. Сахаров, его друзья Сергей Ковалев, Татьяна Великанова, Юрий Саханович и т. д. и т. п., но на самом деле в сообществе диссидентов эти московские правозащитники составляли существенное меньшинство — их было несколько десятков человек, наверное, вряд ли больше ста-двухсот человек, а основную массу диссидентского сообщества составляли диссиденты в союзных республиках, по преимуществу националисты. И понятно, что правозащитники всегда заступались за этих людей, ну просто потому, что общим принципом для них было то, что любое ненасильственное действие, любая пропаганда мнений, не призывающих к насилию и к преступлениям, имеет право на существование, за это нельзя наказывать. Это не означало, что правозащитники (и Андрей Дмитриевич) разделяли подобные мнения. Но тут надо развести две

стороны дела, два уровня осмысления. Первый: А.Д. Сахаров и движение диссидентов, выступавших под национальными лозунгами. Второй: взгляды самого Андрея Дмитриевича на национальную проблематику. Ведь, в отличие от большинства правозащитников, А.Д. был человеком политического мышления, и за выдвигаемыми им время от времени предложениями, безусловно, стояло нечто, что мы могли бы назвать «национальным проектом» или общественным проектом для Советского Союза.

И если мы внимательно вчитаемся в воспоминания, в особенно важный в этом плане «Москва, Горький, далее везде», в его фундаментальные статьи, начиная от «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании, интеллектуальной свободе», в последующие его выступления на общественные темы, мы увидим, что, вообще говоря, в каждом конкретном случае Андрей Дмитриевич с большим сочувствием подходил к предложениям о повышении административно-государственного статуса на национальной основе, т.е. о расширении прав Союзных республик, а внутри них о расширении прав автономий, и так было вплоть до последних его дней — вот, если помните, в своих воспоминаниях он говорит, что в абхазо-грузинском конфликте он скорее был склонен занять сторону абхазцев. И так далее, и я бы мог еще продолжить этот ряд.

Таким образом, повышение административно-государственного статуса отдельных республик и автономий вызывало обычно его сочувствие,

но при этом Андрей Дмитриевич совершенно не склонен был ратовать за дезинтеграцию более крупных структур, он вовсе не стремился к распаду Советского Союза, наоборот, он выдвигал проект так называемой Конституции Союза Суверенных Республик Европы и Азии, принятие которой рассматривал как средство сохранения этого союза. И вот тут мы подходим к очень драматическому моменту — даже самые широко мыслящие и толерантные интеллектуалы из этих национальных движений (украинские типа Вячеслава Чорновила, прибалтийские, закавказские и т.д.), совершенно очевидно, в этом месте с А.Д. Сахаровым бы разошлись, они бы с ним не согласились, им было совершенно не интересно, каким станет Советский Союз, их интересовала собственная независимость.

Даже при самых широких демократических преобразованиях — если бы они осуществились — несомненно, эти люди все равно настаивали бы на независимости и максимальном дистанцировании от того, что тогда называлось «имперским центром», а теперь называется просто Россией. И вот я вижу в этой коллизии потенциальный источник расхождений, так и не осуществившихся, конечно, потому что Андрей Дмитриевич умер в конце 1989 г., но, безусловно, это могло бы со временем развиться в серьезное расхождение между ним и глубоко уважавшими и почитавшими его лидерами национальных движений. Как нам следует сегодня рассматривать эту коллизию? Добавлю к этому, что в некоторых своих работах А.Д. Сахаров прибегает к формуле, которая точно была

бы поперек горла этим людям, — он пишет о Мировом правительстве как некоей идеальной цели, к которой должно стремиться человечество. Он говорит об этом и в упомянутом проекте Конституции. Конечно, это был совершенно не тот вектор развития, с которым согласились бы Чорновил, Айрикян и другие национал-диссиденты. Природа этой коллизии нуждается в дальнейшем осмыслении, и мое выступление носит характер постановки проблемы.

Для понимания же позиции Сахарова можно привести цитату, которая раскрывает обозначенную коллизию. Андрей Дмитриевич в своих работах часто говорил о том, что право народов на самоопределение, вплоть до отделения, декларировано Конституцией и что было бы полезно принять закон, технически реализующий возможность выхода союзной республики из состава СССР. Вот памятная записка А. Д. Сахарова, Турчина и Медведева к правительству СССР, куда он добавляет следующую фразу, цитирую: «тенденции к выходу какой-либо республики из СССР не носят массового характера, и они несомненно ослабнут со временем в результате дальнейшей демократизации в СССР». Вот это пример политического прогноза, опровергнутого в ходе дальнейшего исторического развития, и это замечательная, по-моему, иллюстрация к той драме идей, которая связана с темой «А. Д. Сахаров и национальная проблематика».

Хотелось бы сказать в той же связи о главном, что, на мой взгляд, отличало А. Д. Сахарова как политического мыслителя. Это его апелляция к ра-

зуму. Об этом говорили, писали — если помните, у Сергея Адамовича Ковалева была статья в «Известиях» «А. Д. Сахаров как паладин разума». Речь идет о том, что А. Д. Сахаров был в политике предельным рационалистом. А значит национализм, как бы к нему не относиться, он из другой области, он не из области рационального — это другая сфера человеческой активности: рациональность с национализмом очень слабо связаны, часто вступают в конфронтационные отношения. И А. Д. Сахаров как настоящий ученый, как настоящий естествовед, не то чтобы не умел, но просто принципиально не хотел мыслить в этих категориях, его политические модели предельно рациональны, и здесь можно наблюдать не развившийся при его жизни конфликт между традиционным рационализмом и тем развитием событий, которые имели место уже тогда и в гораздо более крупном масштабе наблюдаются сейчас во всем мире за 32 года, прошедших со времени кончины А. Д. Сахарова.

Конечно, он оставался бы, как мне кажется, всегда на стороне разума, и вот этот конфликт, и сама эта часть интеллектуального наследия Андрея Дмитриевича требуют серьезного политико-философского осмысления. Я вижу его последним паладином разума в эпоху наступающего иррационализма, и в этом была драма его идей. Андрей Дмитриевич — и в этом был, мне кажется, главный пафос всех его политико-философских построений — мыслил категориями человечества и главной проблемой человечества в целом считал его разобщенность. Отсюда и его идея конвергенции, сформулированная

еще в самом начале его общественного пути. Все, что он делал, было направлено на преодоление разобщенности, это был единственный путь к спасению человеческого рода. Вот это противоречие между преодолением разобщенности и, с другой стороны, стремлением к национальному обособлению — причем людей, к которым он относился с большой симпатией и которые с бесконечным пиететом относились к нему, — это та коллизия, которая не реализовалась при жизни А. Д. Сахарова и которая ставит перед нами все те же проблемы: их надо осмыслить, и не только в связи с сегодняшним юбилеем.

Леонид Александрович Кацва⁶, *учитель истории.*

Мое выступление будет печальным, поскольку в тех учебниках, которые сейчас имеют хождение в школе (а их теперь осталось всего три), роль А. Д. Сахарова отражена чрезвычайно слабо. Людям, далеким от проблем школы (а может быть, здесь таких немало), скажу, что после того, как в 2014 г. был введен так называемый историко-культурный стандарт, все учебники, которые до этого в школе использовались, были выведены из учебного процесса. Был проведен так называемый конкурс, и в результате победили три учебника: один — издательства «Просвещение», второй — издательства «Русское слово», и третий — издательства «Дрофа», но поскольку с тех пор «Просвещение» поглотило «Дрофу», степень монополизации несколько повысилась.

Таким образом, существуют три «линейки» (от одного класса к другому) этих учебников и, соответственно, три учебника по Истории России XX в., наиболее распространенным из них является учебник издательства «Просвещение» — по нему, насколько мне известно, учатся приблизительно 70% российских школьников. Так вот, о А. Д. Сахарове в этом учебнике есть сведения такие: в разделе о создании послевоенного военно-промышленного комплекса говорится о том, что быстро развивался советский ядерный проект, в котором были заняты такие известные ученые, как... (и дальше перечисляются четыре фамилии: Курчатов, Харитон, Доллежал, Сахаров), и все. В учебнике «Русского слова» (ну а там автором является Вячеслав Никонов) среди имен создателей советского атомного проекта А. Д. Сахаров не упомянут, хотя имена названы. Также нет А. Д. Сахарова и в учебнике «Дрофы», говорится о том, что среди создателей советского ядерного оружия были выдающиеся ученые, но только фамилии даются немножко другие — нет Доллежала, но есть Зельдович, и на этом ставится точка.

Еще более интересно, что в учебнике «Просвещения» вообще нет раздела о диссидентском движении — ни параграфа, ни даже подпункта такого — есть только маленький раздел «Общественные настроения», где, казалось бы, и про диссидентов что-то должно быть, и Андрей Дмитриевич должен упоминаться, но в этом разделе упоминается

⁶ Кацва Леонид Александрович — учитель истории (Москва); katsva-la@yandex.ru.
Katsva Leonid Aleksandrovich — history teacher (Moscow).

одно-единственное имя — к моему изумлению, это имя Дмитрия Сергеевича Лихачева — вот ни А. Д. Сахарова, ни А. И. Солженицына, никого кроме Д. С. Лихачева среди лидеров общественных настроений нет; и после этого А. Д. Сахаров упоминается среди создателей Межрегиональной депутатской группы — при этом просто перечислены фамилии и сказано, что межрегионалы не имели четкой программы, единственное, что их объединяло — это стремление к созданию многопартийности, отмене шестой статьи Конституции.

Понять из этого учебника, каким образом создатель ядерного щита оказался среди лидеров межрегиональной группы, не то что ребенок не сможет никогда в жизни, но, я думаю, что и учителя истории в возрасте 30–40 лет довольно сильно с этим вопросом могут затрудниться. Правда, такое безобразие мы видим только в этом одном учебнике: в двух других все-таки о диссидентстве и о А. Д. Сахарове говорится, но давайте посмотрим, как говорится. Вот учебник «Русского слова», параграф называется «Духовная жизнь в 1970–1980-е годы», а подпункт — «Борьба с инакомыслием и идеология». О чем упомянуто? В 1968 г. увидели свет «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании, интеллектуальной свободе» выдающегося физика А. Д. Сахарова, который предлагал идеи конвергенции, т. е. слияния социализма и капитализма в единое общество; А. Д. Сахарова сослали в Горький, который тогда был закрытым городом; в семьдесят пятом году ученый был удостоен Нобелевской премии мира. Я думаю, понятно, что ребенку здесь, помимо всего проче-

го, предлагается ложная последовательность событий: т. е. сразу после публикации размышлений ссылка в Горький, а только потом Нобелевская премия...

Что за размышления, что за конвергенция такая — никогда в жизни ребенок это понять не сможет!

В учебнике «Дрофы» это дают чуть иначе: там тоже упоминается тот же документ, т. е. «Размышления» — в параграфе «Советское общество», в пункте «Диссиденты и борьба с ними», но дальше говорится вот что: «С этого момента А. Д. Сахаров стал ведущим лидером правозащитного движения; в 1970 г. вместе со своими единомышленниками создал комитет защиты гражданских прав, а в 1975 г. Московскую группу для наблюдений за выполнением Хельсинкских соглашений по правам человека». Здесь собрались люди, лучше меня знающие эту историю и то, что в учебнике приведены просто ошибочные утверждения...

Дальше говорится о том, что эти организации информировали мир о преследованиях и нарушениях прав человека в СССР и невыполнении им Хельсинкских договоренностей. Никаких сведений о А. Д. Сахарове как диссиденте в учебниках больше нет; и третий раз, где встречается упоминание о А. Д. Сахарове в учебнике «Дрофы», — это главы о перестройке. О возвращении А. Д. Сахарова из ссылки говорится только в учебнике «Дрофы», в учебнике «Русского слова» сказано о том, что вот на Первом съезде народных депутатов была создана Межрегиональная группа во главе с Б. Н. Ельциным, Г. Р. По-

повым и А.Д. Сахаровым (другие лидеры просто не называются), была выдвинута идея пяти «Д»: децентрализации, демонополизации, департизации, деидеологизации и демократизации.

Не имеет смысла дальше цитировать учебники. Какой вывод? Кроме упомянутой ошибки вроде бы нет прямого вранья, но зато есть такая беглость и такое умолчание, которое уже, как мне кажется, превращается в политику: т.е. в стремление лишить нынешних молодых (вот тех, кому сейчас 16–20 лет) какого бы то ни было целостного представления о том, что это было такое; и когда примерно два года назад у нас в школе была проведена мобильная выставка от «Мемориала» и Сахаровского центра, выставка, посвященная А.Д. Сахарову, я видел, какой исключительный интерес дети к этой выставке проявляли; и, конечно, такой дефицит материала в учебнике, на мой взгляд, — это почти граничит с преступлением, а какой-то дополнительный материал могут дать только сами учителя в меру своего, во-первых, разума, а во-вторых, идеологических симпатий или антипатий.

Вот такая (мягко говоря) беглость, на мой взгляд, вводится целенаправленно, сознательно. Все это довольно грустно.

Лев Александрович Пономарев.

Нельзя не сказать здесь о том, как унижает сейчас А.Д. Сахарова та

власть, которая сейчас якобы отмечает его 100-летний юбилей. Здесь было сказано в связи с учебниками о том, как школьников и студентов просто сознательно не знакомят с человеком, которым Россия должна гордиться. Хотя формально создан некий юбилейный комитет, намечены какие-то мероприятия, что-то видим в Интернете, и у нас есть возможность А.Д. Сахарова вспоминать, говорить правду о нем, но было бы уместно, наверно, и принятие нами некоей резолюции, где было бы прямо сказано, что школьные программы замалчивают роль Андрея Дмитриевича Сахарова, что это принципиально неверно и должно быть изменено.

Алексей Георгиевич Левинсон⁷, социолог (Левада-центр).

Мне, как и Л.А. Пономареву, надо соблудности такой замечательный ритуал и сообщить всем вам то, что вы и так знаете: это то, что я имею честь представлять организацию, исполняющую функции иностранного агента, и сейчас я буду перед вами исполнять эти функции.

Мне кажется, что с моей стороны было бы логично рассказать о том, что мы знаем на основе исследований, проведенных в разные годы, относительно общественного мнения по поводу фигуры Андрея Дмитриевича Сахарова. Сейчас мы узнали о том, как работает средняя школа (в сущности наиболее массовый механизм

⁷ Левинсон Алексей Георгиевич — кандидат искусствоведения, профессор ГУ — ВШЭ, руководитель отдела АНО Левада-Центр (организация, выполняющая функции иностранного агента) (Москва); alexey.g.levinson@gmail.com.

Levinson Aleksey G. — Candidate of Arts Sciences, professor of the High School of Economics, the chief of the department of the ANO Levada Center (an organization acting as a foreign agent) (Moscow).

формирования общественной памяти), как она работает в данном случае на забвение. Никакой интриги в моем выступлении нет, и я не хочу, чтобы она была, я хочу лишь сказать, что дело идет к полному вытеснению фигуры А.Д. Сахарова из массового сознания: сидящие здесь, те, кто помнит и для кого значимо это имя, — это маргиналы. Наш с вами статус — это статус глубоко маргинальной группы. Массовое сознание, общественное мнение с трудом может сейчас припомнить это имя, и тем более объяснить, а кто это.

Вот одно из самых последних исследований, проведенное среди московских студентов и школьников, и вот какой мы получили результат: есть проспект Академика Сахарова, значит он академик, ученый. Сохранились еще слабые следы воспоминаний о том, что он был создателем ядерной бомбы, и это, так сказать, звучит позитивно, это хорошо, потому что это мощь нашей державы. То есть с учетом милитаризации сознания именно это проходит как вполне позитивный момент: те, кто связывает А.Д. Сахарова с бомбой, в этом смысле поминают его имя, так сказать, со знаком плюс. Но и к этому, к сожалению, прилипает грязь: кто-то еще вспоминает о его конфликте с властью, который произошел только потому, что его якобы настраивала жена. Это следы изобретения каких-то «мыслителей» из КГБ, которые пытались компрометировать А.Д. Сахарова через фигуру Елены Георгиевны Боннэр.

Если спросить: был ли Сахаров правозащитником, могут кивнуть. А чьи права он защищал? Ну вот тех, чьи

права надо было защищать, вот так. Все просто, ответ как бы извлекается из вопроса, иногда к этому добавляют, что он защищал права таких, как он, что в какой-то степени правда, но это только сужает значение.

В общем, ситуация в этом смысле крайне невеселая, и Сахаровский центр и все те, для кого дорога эта память, все те, кто думает, что эта память должна сохраняться, — для них существует огромное поле работы, но слава Богу, что есть Интернет, который может, так сказать, действовать над и поверх школьных программ. Здесь, я думаю, нужно сделать многое, очень многое.

Но важно сказать и о самом А.Д. Сахарове.

Всем присутствующим здесь, безусловно, понятно словосочетание «русская интеллигенция», и я напомню, что драма русской интеллигенции, исторически развивавшаяся драма заключалась в том, что интеллигенция состояла в сложных отношениях с властью — всегда. Но она находилась также и в сложных отношениях с народом. И с тем, и с другим агентом она хотела иметь определенные отношения, они, как правило, не складывались, и в этом была великая драма русской интеллигенции. И вот наступило мгновение в нашей истории — видимо, это был миг, так сказать, прощания, исторического прощания с интеллигенцией, когда у нее наладились отношения с властью и у нее наладились отношения с народом. Фигура А.Д. Сахарова стала таким символическим пунктом вот этого примирения интеллигенции с властью.

Что я имею в виду?

Вспомним его выступление на съезде народных депутатов с точкой зрения на войну в Афганистане — оно имело очень широкий общественный резонанс. Но вспомним здесь и Михаила Горбачева: фигура в то время еще не очень понятная (кто он и что он? ну очередной партийный начальник...). Он совершил, я думаю, один из самых лихих жестов в своей политической карьере, вернув А.Д. Сахарова из Горького без комментариев (напоминаю: никаких объяснений, почему А.Д. Сахарова возвращают, со стороны М. Горбачева не было — просто вернуть: вот и все). Это был жест в адрес кого? В адрес всех тех, для кого имя А.Д. Сахарова было символически очень важным и наполненным. И вот это повернуло очень широкие слои интеллигенции лицом к этой новой власти, началась эпоха перестройки — если понимать ее как общественное движение, а не просто как объявленную партией кампанию.

А.Д. Сахаров обратился к народу вот с такой знаменитой формулой: «Афганская война была преступлением». И это был шок. А почему? А потому что Афганская война была к этому времени не просто явлением очень сложным, а неотъемлемой частью, так сказать, советской жизни; она столько лет уже шла, что превратилась в некоторое привычное состояние, можно сказать больше: Афганская война стала институтом, который кого-то обогащал, кому-то помогал решать какие-то жизненные задачи и проблемы. И в том числе, кстати, научные проблемы решались теми, кто разрабатывал новые виды

вооружения и т.д. Об этом, конечно, знали, довольно много говорили. Это была система очень серьезная с точки зрения обращения каких-то денег и обогащения кого-то на этой почве. И это было определенное политическое состояние, поскольку Советский Союз что-то, так сказать, делал за пределами своих границ. Вообще я хочу здесь напомнить, что множество операций, которые Вооруженные силы Советского Союза вели за рубежом, в Анголе и т.д., — они не вызывали такого сопротивления у жителей СССР, не вызывали таких эмоций, иногда этим гордились, иногда об этом ничего не знали. Афган — он поначалу тоже был такой как бы героической военной экспедицией и вызывал, может быть, что-то еще и позитивное у немалой части россиян, но постепенно война, которая оказывается непобедоносной, в российском массовом сознании не просто теряет авторитет, а получает негативное восприятие, она становится войной несправедливой — когда война затягивается и мы ничего не приобретаем, эти негативные стороны в ее восприятии начинают выступать на первый план. Тут можно проследить, как сдвигалось советское общественное сознание, впереди шли женщины как матери, ведь формула «наши мальчики гибнут» — это же чисто женская формула. Мужская часть общественного мнения постепенно, так сказать, сдвигалась вслед за женской, и в общем внутри советского общества постепенно формировалось негативное отношение к войне. При этом множество причин делали это мнение подспудным, частным, не выражаемым публично. И вот вышел на трибуну человек, который взял и сделал это публичным:

он прорвал какую-то завесу и т.д. То, что там его зашикали, захлопали и т.д. — другой вопрос. Важно, что вся страна, которая смотрела по телевизору эти трансляции, увидела — запретное преодолено, Сахаров преодолел запрет, он сказал то, чего нельзя говорить. Правда, в обществе произошло перетолкование его слов: Сахаров вкладывал иной смысл, он назвал войну преступной потому, что было совершено преступление против афганского народа, он привел цифры — был уничтожен миллион афганцев. Я не говорю про среду советских мусульман, может быть, среди таджиков были люди, которые жалели погибших афганцев. Но в русской среде — и наши исследования это подтверждают — афганцы воспринимались как враги: чем больше их полегло — тем лучше. И вдруг этот человек выражает по отношению к ним какое-то сочувствие. А.Д. Сахаров потребовал, между прочим, признания афганцев равной стороной — для ведения переговоров, ведь только так можно было вернуть пленных. То есть он думал о политическом механизме, хотя то, что он предлагал, было неприемлемо для советских политиков. И для общественного сознания война была преступной лишь потому, что гибнут «наши мальчики». И сформулировать так, как он это сделал, было рискованным. Но Сахаров выразил общее настроение: хватит воевать, верните солдат домой. Хватит нам этого нашего Вьетнама или того, чем, скажем, для французов был Алжир.

Важно отметить: то, что А.Д. Сахаров предложил, выступая в общем как бы от лица интеллигенции, совпало с тем, что хочет и думает народ. Когда

мы начали проводить наши опросы, увидели, что известность А.Д. Сахарова была свыше 90% и согласие с ним было таким, какого даже нынешний президент никогда не имел. В общем на несколько лет это была фигура номер один в общественном сознании. Хотя если говорить не об интеллигенции, а о широкой общественности, фигура А.Д. Сахарова хотя и очень важна, но содержала иные смыслы. Кем был Сахаров для массового сознания, для тех, кто о нем положительно отзывался (от 2/3 до 3/4 населения) — прежде всего человеком, который себя противопоставил власти, таким вот одиноким героем, причем играли свою роль и его внешние данные (они неоднократно обсуждались), они годились для того, чтобы он воспринимался, так сказать, по модели блаженного, святого, юродивого, не в уничижительном смысле, а как такого человека не от мира сего: сначала бомбу сделал, а потом стал за разоружение выступать и с властью бодаться, хотя у него от этой власти все было. А модель святого в том как раз и состоит (по мысли Льва Гудкова), что массовое сознание получило в лице этого святого, как и других святых, способность, возможность такой как бы (если сказать нынешним жаргоном) разгрузки: вот он там за нас предстатель, он за нас противостоит там, ну не то чтобы он много молится за нас, но главное, что вот он против этой власти. И тут получается такой вот механизм: если я одобряю А.Д. Сахарова, если я поддерживаю А.Д. Сахарова, то значит я уже совершил что-то граждански очень важное, и дальше можно, собственно говоря, ничего особенного не совершать, совесть моя уже как бы чиста: я поддерживаю А.Д. Саха-

рова и в этом смысле я против них: они, в моем сознании, плохие, а он и мы — хорошие. А.Д. Сахаров за нас, мы за А.Д. Сахарова, и в результате в общем возникает для советской интеллигенции вот это мгновенное единение, о котором мечтали лучшие умы: Б.Л. Пастернак, О.Э. Мандельштам, другие. Вспомним А.А. Ахматову: «я была с моим народом...». Так вот эта мечта быть со своим народом реализовалась через фигуру А.Д. Сахарова и тех, кто шел за ним, включился в политическую деятельность (можно назвать С. Ковалева, Межрегиональную депутатскую группу и т.д.). Независимо от процентов в наших опросах, важно сказать, что великая роль русской интеллигенции для российского, для русского в широком смысле, общества состояла в том, что некоторые элементы ее мировоззрения, поведения, этики и т.д. проникали в общество очень глубоко и широко, пример А.Д. Сахарова это показывает.

Идея некоего противостояния власти, идея говорения правды вслух (т.е. идея гласности) фигурой А.Д. Сахарова была внесена в массовое сознание. Но выводы, к которым мы можем прийти, глядя на сегодняшнюю ситуацию, окажутся невеселыми. Когда-то с помощью харизмы А.Д. Сахарова в массовое сознание были внесены идеалы демократии, свободы, прав человека, пусть в обрзанном, в упрощенном, в элементарном виде, но все же были внесены. Они сыграли свою роль, поскольку

общество их усвоило. Но позже, за годы, прошедшие после смерти А.Д. Сахарова, оно с ними рассталось. Если говорить образно, можно сказать о вакцине против этих идей, о выработанных внутри общества с помощью соответствующих институтов антителах. Второй раз эти идеи внести в массовое сознание уже не удастся — надо делать это по-другому, вот в чем штука. Сейчас выйти на улицы и заявить: «Мы за права человека» — бессмысленно. Тебе ответят: «Блин, ну да, а мы что, нет, что ли?» «Мы за свободы!» «Блин, ну а мы нет, что ли?» И все. И дальше ты никуда уже не уедешь, поэтому сейчас мы переживаем острый кризис того движения, которое выступает наследником диссидентского движения: там люди шли в народ и их слышали. Сейчас они идут или не идут — их не слышат.

Закончим на более оптимистической ноте. Я думаю, что все-таки у образа А.Д. Сахарова есть потенциал, с помощью которого многое можно сделать, и те, кто это делает — честь им и хвала.

СЕКЦИЯ 3. МАТЕРИАЛЫ ОБ АНДРЕЕ ДМИТРИЕВИЧЕ САХАРОВЕ В АРХИВНЫХ И МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

Михаил Юрьевич Прозуменщиков⁸,
зам. директора РГАНИ.

Многим из здесь собравшихся, наверно, не надо объяснять, что это

⁸ Прозуменщиков Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва).

Prozumenshchikov Mikhail Yu. — Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Federal State Institution «Russian State Archive of Modern History» (RGANI) (Moscow).

за архив, но все же напомним: РГАНИ был создан в 1991 г., когда рухнула КПСС, и образован он был на базе делопроизводственных архивов ЦК КПСС: объединили все эти архивы и создали сначала Центр хранения современной документации, а потом он был преобразован в Государственный архив новейшей истории. Опять же — не надо, думаю, собравшимся объяснять, чем была КПСС и, в частности, ее Центральный комитет в годы советской власти, напоминать о том, что это был центр всего и вся, такая истина в последней инстанции, где решались абсолютно все вопросы внутренней и внешней политики — большие, не очень большие, иногда совсем маленькие. И естественно, все, что было связано с правозащитной деятельностью, как и с вопросами вооружения, разведки, да практически со всем — это все, конечно, обсуждалось в ЦК КПСС, причем как бы проходило по двум линиям: с одной стороны, это были документы, которые создавались непосредственно в ЦК КПСС, а с другой — документы, которые поступали туда из различных министерств, ведомств, организаций и тоже откладывались в этом архиве.

Этот архив был невероятно засекречен: т.е. на момент его создания (в конце 1991 г.) более 90% документов имели гриф секретности, потому что практически все, что попадало в ЦК КПСС, так или иначе шифровалось; и до сих пор в нашем архиве (в этом году будем отмечать его 30-летие) порядка 30% все еще являются документами на закрытом хранении, причем речь идет как о тех, до которых просто еще не дошли руки, так и о тех, что были засекречены

уже сейчас, в самое новейшее время, хотя эти документы относятся к истории 50–60-летней, иногда даже 70-летней давности. Что касается А.Д. Сахарова, то у нас достаточно большой комплекс документов, хранящихся в самых разных фондах, в самых разных отделах.

Иногда можно услышать, что эти документы относятся только к тому периоду времени, когда Андрей Дмитриевич стал заниматься правозащитной деятельностью. На самом деле это не совсем так: документы, где встречается фамилия А.Д. Сахарова и где говорится о его деятельности (иногда достаточно подробно, иногда вскользь), относятся и к периоду 1950-х — начала 1960-х гг., когда А.Д. Сахаров занимался очень важной государственной задачей. Повторюсь, все решали прежде всего в ЦК КПСС, даже когда А.Д. Сахарова награждали медалями, орденами, вручали Сталинскую и Ленинскую премии — понятно, что де-юре это все делалось через Верховный совет СССР, через комиссии по наградам, но предварительно все эти вопросы сначала обсуждались и решения по ним принимались на уровне ЦК партии, Политбюро или же Секретариата ЦК. Точно также сюда, в ЦК, поступала и различная информация о деятельности Академии наук, о работе наших ученых, и там тоже достаточно часто встречается упоминание А.Д. Сахарова, говорится о том, что он сделал, что собирается делать, каковы его достижения. Можно упомянуть ряд записок И.В. Курчатова, где рассказывается о том, что А.Д. Сахаров в 1957 г. подготовил статью, где рассказывалось о биологических угрозах, связанных с испытательны-

ми взрывами; причем надо было представить эту статью как проявление борьбы с мнением западных элит — и в ЦК КПСС идею одобрили, сказали, что да, такую статью надо написать, и пусть А. Д. Сахаров ее напишет и опубликует. Кроме того, иногда тот же Курчатов направлял в ЦК КПСС записки и справки о деятельности Института атомной энергии, и там тоже упоминается А. Д. Сахаров и то, что он делал. Иногда они написаны сложным языком — я не знаю, делалось ли это специально или только так мог написать ученый; я сомневаюсь, честно говоря, что советский руководитель мог что-то из этого понять: там стояло «материал информационный, в архив» и на этом все как бы закончилось. Но, естественно, что больше всего сохранилось информации, и иногда яркой, начиная с конца 1960-х гг., когда Андрей Дмитриевич начал заниматься правозащитной деятельностью. Тут, конечно, наш архив заполнен всевозможной документацией, которую можно разбить на несколько блоков. Самый главный из них (что, в общем, никого не удивляет) — это, конечно, материалы КГБ СССР, которые направлялись в ЦК КПСС по поводу так называемой «антиобщественной», «незаконной» (ну и так далее в характерных терминах того времени) деятельности А. Д. Сахарова. Здесь и справки середины 1970-х о самом А. Д. Сахарове, справки о его жене Е. Г. Боннэр, о том, какое они принимают участие в диссидентской деятельности.

Второй блок документов — это информация о каких-то событиях, связанных с диссидентским движением, в которых А. Д. Сахаров если даже непосредственно не участвовал,

но упоминается. Есть документы, поступавшие из КГБ, это информация о публикациях про А. Д. Сахарова, с оценками его деятельности, откликами в западной печати — все это тоже собиралось и направлялось в ЦК КПСС. Любопытно, что это были в принципе чисто информационные материалы; практически в них не было никаких оценочных положений: т. е. КГБ давал информацию в ЦК, действуя примерно по принципу: мы вас информируем, а вы уж сами решайте, как это оценивать.

Понятно, что наряду с КГБ информацию поставляла в ЦК и Академия наук. И естественно, в 1970-е гг. уже преобладала информация не о его научной, а скорее о как бы «околонаучной» его деятельности. В ней находили отражение оценки советских ученых, естественно, поддерживавших линию руководства страны. Здесь имеются также сведения об избрании Сахарова в Американскую академию наук, о присуждении ему Нобелевской премии мира, о том, что А. Д. Сахаров желает встретиться с какими-то известными иностранными учеными, которые приехали в Советский Союз и хотят с ним познакомиться. Это тоже был прежде всего информационный материал без каких-либо предложений или выводов на основе собранной информации. Вы знаете, что к 1975 г. и в Большой Советской Энциклопедии стали писать, что в 70-х гг. А. Д. Сахаров отошел от научной деятельности, и этим как бы подводилась черта, больше ничего о А. Д. Сахарове как ученом не говорилось.

Кроме того, в ЦК КПСС поступала информация от советских посольств,

тоже связанная с А. Д. Сахаровым, потому что на Западе то и дело проводились какие-то мероприятия в защиту академика Сахарова, там обсуждались его выступления, его статьи, комментарии по разным вопросам, и советские посольства должны были на это как-то реагировать. Они пытались при помощи местных компартий (в зависимости от того, насколько сильны были эти компартии) или каких-то сочувствующих движений либо вообще не допустить проведения подобных мероприятий, либо максимально уменьшить, снизить резонанс, а потом обо всем отчитывались в ЦК КПСС и докладывали, как они провели эту «очень важную и нужную для страны» работу, снизив эффект от выступлений, связанных с А. Д. Сахаровым.

Еще один комплекс документов, более важный, значительный — это непосредственно сами материалы ЦК КПСС, т.е. решения, которые принимались по Сахарову на заседаниях Секретариата, Политбюро ЦК, например, постановления Секретариата о мерах противодействия антисоветской акции в Копенгагене в связи с намеченным там в 1975 г. проведением слушаний о нарушении прав человека в СССР и позиции А. Д. Сахарова в этой связи. На уровне Секретариата ЦК КПСС решали, как на это надо реагировать и стоит ли посылать туда делегацию для отстаивания официальной советской точки зрения.

К большому сожалению, в РГАНИ так и не были переданы некоторые документы из Архива президента РФ, хотя еще в 1994 г. по указу Б. Н. Ельцина было принято реше-

ние о передаче всех исторических документов из Архива президента, который начал быстро создаваться уже после образования поста президента СССР при М. С. Горбачеве, прежде всего в наш архив. К сожалению, это процесс невероятно длительный, он растянулся на долгие годы, нам так и не был передан (и не знаю, когда получим) такой комплекс документов, как стенографические записи заседаний Политбюро ЦК КПСС периода Л. И. Брежнева и позже. Поэтому мы не располагаем информацией о том, как на Политбюро обсуждались вопросы, связанные с А. Д. Сахаровым (а из постановлений Политбюро мы знаем, что они обсуждались там неоднократно), какие высказывались мнения, кто из членов руководства выступал за более жесткие меры в отношении А. Д. Сахарова, а кто, напротив, за более мягкие.

Естественно, сохранилось очень много документов, связанных с теми пропагандистскими антисахаровскими кампаниями, которые развернулись в 1970-е — начале 1980-х гг., когда в газетах публиковали письма возмущенных граждан Советского Союза, которые всячески клеймили А. Д. Сахарова, хотя подчас даже и не знали, что именно А. Д. Сахаров сказал и что он делал. Перед публикацией всех этих материалов в «Правде» или других газетах сначала проходило утверждение на уровне ЦК КПСС.

Ну а когда А. Д. Сахарова выслали в Горький, все последующие события были связаны с этим и с его возвращением из этой ссылки. В основном эти документы носят не информационно-аналитический, а просто информационный характер. Здесь очень много

документов, связанных с Е. Г. Боннэр, в них находят отражение ее желание выехать за пределы страны, ее помощь А. Д. Сахарову во время объявленных им голодовок и т. п.

Что же касается документов, относящихся к периоду после возвращения А. Д. Сахарова из ссылки, их достаточно много, но рассекречено не все, большой комплекс документации пока еще находится на закрытом хранении. Важно иметь в виду, что ни сам архив, ни наша вышестоящая организация Росархив не обладают функцией самостоятельного рассекречивания хранящихся у нас документов. Этим занимаются только межведомственные комиссии по защите государственной тайны, которые работают, рассекречивают все новые документы, но до тех, что связаны с А. Д. Сахаровым, руки пока не дошли. Иногда ссылаются на то, что пока не рассекречены некоторые более ранние документы.

К тому, что сказано коллегами о явно недостаточном, а зачастую искаженном отражении в учебниках роли А. Д. Сахарова, добавлю, что речь идет о тенденции, с которой сталкиваемся и мы, архивисты. Я имею в виду отсутствие общественного интереса к некоторым очень важным персонажам нашей истории, к числу которых относится и А. Д. Сахаров. В 1990-е гг., когда стали в массовом порядке открываться архивы (и в том числе наш), было довольно много людей, которые интересовались жизнью и деятельностью А. Д. Сахарова, пытались занимать-

ся этим на основе новых источников и что-то публиковали. К сожалению, за последние полтора десятилетия все сошло на нет. Да, в связи со столетием есть запрос от музея ГУЛАГа, от общества «Мемориал», но это все единичные случаи, и хотя довольно много интересных документов все же стали доступными для исследователей, мы очень мало видим людей, занимающихся А. Д. Сахаровым и всем, что с ним связано, и желающих в силу этого обратиться к нашим фондам. Как это ни прискорбно, мы можем констатировать: в год столетия со дня своего рождения Андрей Дмитриевич не является фигурой, которая было бы интересна нашему российскому обществу.

Бэла Хасановна Коваль⁹, *зав. архивом Сахаровского центра, внесенного в реестр, организаций, выполняющих функцию иностранного агента (организаторы круглого стола просят прощение у Б.Х Коваль и всех присутствующих за постыдную необходимость озвучивания этого факта).*

Архив А. Д. Сахарова в Москве был создан в 1990 г. в соответствии с решением Общественной комиссии по увековечиванию памяти академика Андрея Сахарова, эта организация тогда была зарегистрирована в Москве, а официально была открыта уже в 1994 г. Мы имеем статус негосударственного архив, но работаем мы по правилам, методикам и ГОСТам ГАРФа.

В основе наших архивных фондов — два личных архива, которые были

⁹ Коваль Бэла Хасановна — архивист Архива А. Д. Сахарова (Москва); sakharov.archive@mail.ru. Koval Bela Kh. — archivist in Andrey Sakharov Archive (Moscow).

переданы безвозмездно Еленой Георгиевной Боннэр. Разбором этих очень разнообразных материалов я и моя коллега начали заниматься в 1993 г., выделив три документальных фонда и еще четыре коллекции. Три документальных фонда — это фонды А. Д. Сахарова, Е. Г. Боннэр, а также фонд по истории правозащитного движения в объеме тех документов, которые сохранились при жизни А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр. В структуру нашего московского архива входят также богатая библиотека, постоянная музейная экспозиция, посвященная А. Д. Сахарову (он была открыта в 2001 г. и отмечает сейчас свое 20-летие), мемориальная квартира А. Д. Сахарова на ул. Чкалова. Это не та квартира 68, где он жил до ссылки, ведь его лишили в 1980 г. московской прописки, отобрали паспорт и дали другой, новый, только с горьковской пропиской. Благодаря М. С. Горбачеву после его звонка в конце 1986 г. Андрею Дмитриевичу была предоставлена другая квартира тех же размеров и в том же самом доме, где они с Еленой Георгиевной жили до отъезда в Горький. Именно там в последние годы жизни он мог в редкие часы уединиться — ведь вся его жизнь в этот период проходила на людях.

В первом фонде немалое место занимают документы, отражающие деятельность А. Д. Сахарова как ученого (*включается презентация*). Что вполне понятно, ведь статья о нем в любой энциклопедии начинается с того, что это был крупный ученый-физик, академик. Нельзя забывать о том, какой вклад он внес в науку, проработав 20 лет на закрытом объекте, участвуя в атомном проекте,

важнейшем для государства. Он оставался физиком и тогда, когда начиная с конца 1960-х гг. его больше интересовали общественные проблемы (мы знаем, что в 1968 г. он впервые принял участие в демонстрации у памятника Пушкину, после чего был отстранен от обязанностей начальника лаборатории). Хочу напомнить, что и в своих воспоминаниях он не без гордости пишет о том, как после 20 лет работы в прикладной науке он смог вернуться в теоретическую физику (а он был прежде всего физик-теоретик). И после возвращения из Горького в Москву, в последние три года жизни, он ездил в ФИАН и продолжал успешно работать именно в области теоретической физики. Конечно, его работы в этой сфере, в отличие от текстов общественно-политического характера, публиковались прежде всего в СССР, но есть и англоязычные издания разных его работ, выходявшие начиная с 1990 г. Сейчас, в год 100-летия готовится к печати новый сборник его научных трудов.

Конечно, самая большая часть архива (она полностью обработана и включена в базу данных) относится к общественно-политической деятельности А. Д. Сахарова, включая те правозащитные документы, которые он написал, подписал или к которым присоединился. Это 1221 документ (без учета разных вариантов одного и того же документа). Надо сказать, что Андрей Дмитриевич, что бы ни писал, никогда не писал сразу начисто, а потому многие документы существуют в разных вариантах. Документов чисто правозащитного характера (подразумевающих защиту конкретных людей) — 499, а на

выступления и заявления по гуманитарным проблемам, интервью и разного рода публицистику приходится 444. К общественной и продолжавшейся правозащитной деятельности последних трех лет жизни относятся 289 документов.

Еще более объемную часть первого фонда составляет корреспонденция А.Д. Сахарова, его переписка, в том числе зарубежная. Тут и письма самого Андрея Дмитриевича, и письма, адресованные ему. Хотя сюда относятся только письма начиная с 1968 г., и чисто семейной перепиской мы не располагаем, количество единиц хранения здесь очень внушительно — 14 236. Из них 11 232 — письма от сограждан, из которых более 6500 относятся к последним трем годам жизни А.Д. Сахарова, причем 5746 адресованы ему как депутату. Ему писали от Чукотки до Калининграда. Мы задумали осуществить один проект — карту писем к А.Д. Сахарову-депутату, такую, которая технически позволяла бы, идя как бы от географии присланных писем, давать возможность каждому читателю прочитать само письмо. Если даже оставить в данном случае без внимания письма с Запада, то на основании этой корреспонденции можно составить себе представление о том, что же такое была перестройка — именно в проснувшихся головах людей. Об этом задумываешься, когда читаешь многочисленные письма, свидетельствующие о том, как уже в 1987 г., через считанные месяцы после разрешения А.Д. Сахарову вернуться домой, люди требовали его присутствия на международном форуме за безъядерный мир и выживание человечества,

который был проведен тогда в Москве. Особенно большое количество писем относится к периоду с мая по декабрь 1989 г., т.е. от выступления А.Д. Сахарова на первом съезде народных депутатов и его первой публичной пресс-конференции вплоть до второго съезда депутатов и его кончины в дни съезда. При этом надо иметь в виду, что и после возвращения Сахарова из Горького его тексты первое время в советской прессе почти не публиковались, это начали делать постепенно и только уже в 1989 г. (публикации текстов отдельных выступлений, размышлений и интервью). Надо сказать, что основная масса наработанного А.Д. Сахаровым (публицистика, мемуары, правозащитные документы) стала появляться в печати уже после его кончины, начиная с 1990 г. Он не успел взять в руки и книгу со своими опубликованными мемуарами. В подготовке изданий наследия Андрея Дмитриевича очень велика роль Елены Георгиевны. Последний публикаторский проект, реализованный ею уже в 2000-е гг., — издание дневников А.Д. Сахарова.

В наших архивных фондах хранятся и фотоматериалы — 2321 фотография. Причем сюда не относятся многочисленные дубликаты разных форматов, а также большое количество фотографий предков А.Д. Сахарова, а он, как известно, неплохо знал свою родословную. Сегодня те, кто приходит в архив на экскурсию (включая школьников), могут получить довольно полное представление о родословной Андрея Дмитриевича — во многом благодаря тому, что Елена Георгиевна, поставив перед собой задачу собрать материал,

разослала письма в государственные и ведомственные архивы, и многие важные материалы в результате были получены. У нас имеются даже оригинальные фотографии середины XIX в.

Мы располагаем также богатыми видео- и аудиоматериалами. Говоря об аудиоматериалах, замечу, что мы храним записи с непосредственным участием А.Д. Сахарова на 392 часа, воспоминания об Андрее Дмитриевиче на 110 часов. Все это по большей части уже доступно и в печатном виде. По поводу видеоматериалов можно было бы привести еще более внушительные цифры. У нас хранятся (и доступны для исследователей) оцифрованные на DVD видеоматериалы продолжительностью в 384 часа, сюда входят двухчасовой игровой фильм, документальные фильмы об А.Д. Сахарове и с его участием, подборки документальных кадров из разных источников продолжительностью в 41 час, записи пресс-конференций, бесед, заседаний с участием А.Д. Сахарова объемом в 20 часов.

Хотелось бы что-то сказать на основе обращения к цитатам из выступлений разных лет самого А.Д. Сахарова — они доступны и на сайте архива. Иногда обсуждается вопрос: был ли Сахаров политиком, воспринимал ли себя именно в этом качестве. Нет, он не был политиком, он был общественным деятелем. Еще в 1978 г. в интервью итальянскому журналу «Грация» Андрей Дмитриевич

сделал запись, которую процитирую: «Политической деятельностью в смысле борьбы за влияние, организационных действий не занимался никогда; моя общественная деятельность — это исходящие из внутренней потребности публицистические выступления общего характера; и гораздо чаще выступления, вызванные конкретными нарушениями прав человека со стороны властей». Можно привести и другие высказывания А.Д. Сахарова, и в том числе о том, что хотя он не был политиком, но волею судьбы он должен был брать на себя более весомые задачи в стремлении не отстать от своей судьбы. Судьба сложилась так, что в последние три года жизни и особенно в самый последний год жизни он должен был стать очень публичным человеком, видимым и слышимым на всю страну — люди поверили ему. Судьба захотела сделать его государственным деятелем — вспомним о его участии в работе Конституционной комиссии. А.Д. Сахаров в этот период сам принял решение о своем непосредственном участии в перестройке. Скончался он на высшей точке эйфории, связанной с перестройкой. И эти последние три года (особенно последний, 1989 г.) были для него, вернувшегося из 7-летней ссылки не очень здоровым человеком, самыми в физическом смысле тяжелыми именно в силу перегрузки.

Алексей Алексеевич Макаров¹⁰ (*архив Международного «Мемориала», также внесенного в реестр органи-*

¹⁰ Макаров Алексей Алексеевич — Международный Мемориал (организация, выполняющая функции иностранного агента) (Москва); sdr1951@yandex.ru.
Makarov Aleksey Alekseevich — the International Memorial (an organization acting as a foreign agent) (Moscow).

заций, выполняющих функцию иностранного агента).

Какого-то отдельного, полноценного фонда Сахарова в Архиве «Мемориала» не существует, и поскольку А.Д. Сахаров принимал участие в судьбе огромного количества людей — по нашим подсчетам больше ста пятидесяти человек, насчет которых А.Д. Сахаров сделал то или иное заявление, — то эти документы, эти тексты разбросаны по личным делам этих людей в разных фондах: в коллекции Радио «Свобода», в коллекции, которая собиралась в конце семидесятых диссидентами (так называемая Ленинградская коллекция), да и в некоторых других фондах.

При этом у нашего архива довольно сложная структура — у нас есть частные фонды, личные фонды; и в их составе тоже могут быть соответствующие документы, в том числе частные письма, вот достаточно показательный пример: частное письмо А.Д. Сахарова и Е.Г. Боннэр, выполненное рукой Боннэр, к Валерию Чалидзе, которое содержит на обороте заявление А.Д. Сахарова и И. Шафаревича в защиту как бы другого диссидента, т.е. могут быть и подобные интересные вещи: физически это один лист, но фактически два разных документа: публичный и частный документ.

Собственно говоря, чем важны и ценны эти заявления, разбросанные по различным фондам — тем, что, как правильно говорила Бэла Хасановна, А.Д. Сахаров писал черновики, в том числе черновики заявлений, и поэтому всегда сравнивают все имеющиеся варианты текстов,

которые могут отличаться от опубликованных текстов, тем более что про многие из них мы знаем только, что они были, может быть, хранятся в архиве А.Д. Сахарова, но никогда не публиковались.

Отдельно надо сказать про фонд материалов, копийных материалов Радио «Свобода». Это бюллетень, который начали выпускать с начала 1970-х гг. («Материалы самиздата») и публиковать в нем (по правилам научных публикаций!) документы, которые к ним попадали соответственно.

У нас есть электронный каталог этих документов на сайте «Мемориал», и просто поиском выявляется 255 документов, написанных или подписанных академиком А.Д. Сахаровым, многие из которых были опубликованы только в этом малотиражном бюллетене и не публиковались широко; т.е. когда мы говорим о наследии А.Д. Сахарова и его библиографии, то надо понимать, что публикации могли быть в эмигрантской прессе; они могли быть просто не выявлены: например, у нас есть такой документ довольно важный, который опубликован был в газете «Русская мысль» — эмигрантской газете, но при этом, например, в библиографии трудов А.Д. Сахарова этого текста почему-то нет.

Еще одна категория фондов связана с тем, что А.Д. Сахаров участвовал в работе Комитета прав человека, созданного в 1970 г., и присоединялся к некоторым документам Московской хельсинкской группы; вот Л. Кацва говорил, что в одном из учебников даже ошибочно теперь

пишут, что он был членом этой группы, что совершенно не так.

В фонде Комитета прав человека сохранилась авторизованная «Памятная записка» А.Д. Сахарова, коллективное обращение об отмене смертной казни и амнистии 1972 г. В «Мемуарах» А.Д. Сахарова довольно интересно написано о том, как собирались подписи под этими документами.

Второй фонд — фонд ассоциации — это фонд Хельсинкских групп, в котором есть некоторые документы, подписанные А.Д. Сахаровым, например, коллективные заявления в поддержку Хартии, чехословацкой Хартии-77 — а это всегда, надо понимать, ценно и интересно, когда у вас сохранился не просто машинописный документ с подписями, а, как мы говорим на нашем рабочем жаргоне, с «живыми» подписями, сделанными самими людьми; это документ № 24 Московской хельсинкской группы «Дискриминация крымских татар продолжается» с рукописной припиской А.Д. Сахарова и еще несколько подобных документов, которые А.Д. Сахаров не просто подписал, а в нашем архиве они имеются как бы с живой подписью А.Д. Сахарова.

В личных фондах также могут сохраняться какие-то его автографы, например в фонде Леонарда Терновского есть книга «О стране и мире» с дарственной А.Д. Сахарова, сделанной в феврале 1977 г., т.е. в разгар репрессий против Хельсинкской группы.

Несколько диссидентов собирали документы А.Д. Сахарова; и что интересно: когда мы смотрим на коллекции самиздата, то документы

А.Д. Сахарова, его петиции, письма и другие тексты просто собраны в отдельные папки и блоки, примерно так же собирались тексты А.И. Солженицына. Несколько таких подборок есть в нашем архиве.

Отдельно, наверное, стоит сказать про архив «Хроники текущих событий», главного правозащитного бюллетеня: он состоит из нескольких разных фондов. «Хроника», в частности, аннотировала документы самиздата, в том числе заявления и выступления А.Д. Сахарова, и часть документов, как бы рабочий архив, сохранилась, поэтому, например, там есть авторизованные обращения к генеральному секретарю ООН о крымских татарах 1974 г. или, например, тексты, связанные с А.Д. Сахаровым, но не самого Сахарова, в том числе оригинал письма классика украинской поэзии второй половины XX в. Василя Стуса к А.Д. Сахарову, написанного из ссылки в 1978 г.; текст «Размышлений...» А.Д. Сахарова, конечно, широко известен, опубликован, но тем не менее иногда встречаются довольно любопытные экземпляры, например в фонде Петра Григоренко содержатся документы, изъятые у него в 1968 г. и потом возвращенные в 1990-е, и среди них, собственно, текст «Размышлений» с другим, менее известным эпиграфом из Шиллера: «Только полнота ведет к ясности», и вставками в текст, которые были сделаны рукой самого А.Д. Сахарова, а также заметки П. Григоренко на этом тексте. Сахаров сначала давал текст «Размышлений» разным людям с просьбой высказать свое отношение, как-то откликнуться, а потом уже пустил его в самиздат (с новой версией эпиграфа — из Гете).

Такие фонды, коллекции самиздата помогают еще и восстановить биографию текстов А.Д. Сахарова, например, что происходило с теми же «Размышлениями...». Например, в фонде Кронида Любарского у нас есть экземпляр, который был изъят при обыске в 1972 г. и возвращен в 2019 г.; или из приговоров, содержащихся в разных личных фондах, мы видим, кому и как часто этот текст инкриминировался.

Из каких-то интересных вещей, фиксирующих диссидентскую активность А.Д. Сахарова, я бы назвал издание, сделанное адвентистами седьмого дня, так называемыми шелковцами; в 1979 г. А.Д. Сахаров посетил процесс над их лидером В. Шелковым, и как бы отчет об этом его посещении был просто отдельно напечатан; я не оговорился: это именно издание — потому что у адвентистов была подпольная типография, т.е. это выглядит в общем как книга, и это тоже довольно интересно и любопытно.

Понятное дело, что в фондах есть вырезки из газет, есть отдельно фотографии А.Д. Сахарова, в том числе малоизвестные, но я бы еще остановился на материалах по последним годам деятельности А.Д. Сахарова после его возвращения из ссылки — это комплекс материалов, связанных с его другом Р. Пименовым, который в 1989 г., так же как А.Д. Сахаров, участвовал в выборах на Съезд народных депутатов, правда, менее успешно, чем А.Д. Сахаров; есть также комплекс материалов, связанных

собственно с деятельностью А.Д. Сахарова, прежде всего его участием в создании общества «Мемориал» (там была долгая история: попытки провести учредительную конференцию и потом попытки регистрации самого общества), и какие-то документы, связанные с этим, например, подписи под «Декретом о власти», который А.Д. Сахаров безуспешно пытался озвучить на Съезде и потом хотел добиться принятия этого документа на втором съезде в декабре 1989 г.: они у нас в архиве сохранились точно так же, как, например, записочки с выдвижением А.Д. Сахарова в народные депутаты в январе 1989 г., дальше его выдвигает Академия наук (точнее, коллективы научных институтов), и там идет сложная политическая борьба, но первоначальное выдвижение было предпринято Обществом «Мемориал», и вот записочки с этой встречи у нас тоже сохранились — они довольно любопытные, всегда вызывают интерес посетителей нашей выставки «Последний год. Сахаров и “Мемориал”».

И самое последнее: то направление работы, которое ведет Б.И. Беленкин, — это огромное собрание неформальной периодики перестроечных времен, в которой тексты А.Д. Сахарова также публиковались.

СЕКЦИЯ 4. ЮБИЛЕЙНАЯ ПРОГРАММА МЕРОПРИЯТИЙ К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Д. САХАРОВА

Сергей Маркович Лукашевский¹¹,
директор Сахаровского центра, ко-

¹¹ Лукашевский Сергей Маркович — исполнительный директор Сахаровского центра (организация, выполняющая функции иностранного агента) (Москва); info@sakharov-center.ru.

торый внесен все в тот же реестр организаций, выполняющих иноагентскую роль, в реестр, который, по мнению участников круглого стола, так сближает нас с эпохой, в которой жил Андрей Дмитриевич.

Сахаровский центр действительно попытался сформировать на этот год довольно обширную юбилейную программу. Прежде всего о проектах, связанных с уже поднимавшейся темой — о презентации молодежи, прежде всего школьникам, идей А. Д. Сахарова и его жизненного пути. Некоторое время назад, и даже не имея в виду юбилей, мы сделали выставку, которая называлась «Андрей Сахаров: человек эпохи», и мы, естественно, преследовали две цели: с одной стороны, хотели сделать такую выставку, чтобы ее реально было можно, учитывая фактическую ситуацию, показывать в российских школах, вузах и т. д.; и с другой стороны, максимально рассказать о А. Д. Сахарове (*включается презентация*). Это баннерная выставка: мы хотели сделать ее передвижной, и она действительно легко разворачивается в любом помещении, будь то школьный класс или большой зал. Мы ее построили концептуально следующим образом. Мы решили оттолкнуться от простого символического совпадения, а именно: годы жизни Андрея Дмитриевича практически совпадают с советским периодом нашей истории. То есть фактически его жизнь — это в некотором роде и история Советского Союза, в которой он сначала был просто одним из многих, а потом стал одним из главных людей. Поэтому у нас

многое посвящено именно контексту: нам было важно показать историческую обстановку в тот момент, когда родился и рос Андрей Дмитриевич. Хотя репрессии непосредственно и не затронули самых близких ему людей (родителей, бабушек, дедушек), они не обошли его родственников, и это надо было передать. Как минимум 4 человека из числа его родственников (двоюродные братья, дядя, тетки) стали жертвами репрессий. В социокультурном плане надо было показать тесную привязанность, плотную связь традиционной российской интеллигентской семьи как с жизнью в коммуналке, так и с какими-то воспоминаниями о предыдущей эпохе. Вот его дед, который участвовал в составлении сборника против смертной казни, куда дал свою статью и Лев Николаевич Толстой. На дворе тогда стоял 1907 г., и поднялась репрессивная волна в попытке самодержавия сбить революцию 1905 г. Мы рассказываем о советском тоталитаризме, мы говорим относительно подробно о Второй мировой войне, поскольку это была отправная точка для тех нравственных, моральных исканий, которые, собственно, и приведут потом А. Д. Сахарова к его концепциям, его доктрине. Дальше, естественно, А. Д. Сахарова и его жизни становится все больше в нашей экспозиции. Мы получили, например, интересные документы непосредственно с Ульяновского завода, где Сахаров работал во время войны.

И вот происходит довольно интересная ситуация. С одной стороны, как об этом уже неоднократно го-

---

Lukashevsky Sergey M. — Executing Director of the Sakharov Center (an organization acting as a foreign agent) (Moscow).

ворилось, наша организация — иностранный агент, но тем не менее неожиданно Министерство культуры Российской Федерации приняло эту выставку и выразило готовность посоветовать входящим в сферу ее деятельности культурным организациям — библиотекам и музеям — эту выставку у себя принять. И вот сейчас эта выставка ездит по нашей стране: она уже была в Архангельске, Туле, Липецке, Пскове, Невинномысске — в общем в большом количестве городов (широкий прокат этой выставки мы смогли организовать благодаря юбилейному оргкомитету). У нас в общей сложности получается 70 регионов и более ста точек, где выставка будет показана. Конечно, наша пандемическая ситуация внесла изменения в этот прокат, из-за этого нашу экспозицию, наверное, увидит меньше людей, чем нам хотелось бы. При этом иногда возникали такие довольно странные, я бы сказал, неожиданные сближения, в связи с которыми нам было интересно увидеть, как наша выставка в таких условиях будет показана и воспринята. Речь идет об известных парках «Россия — моя история», в которых обычно транслируется рассказ об истории, скажем мягко, вызывающий критику у профессиональных историков, и тем не менее два из этих парков захотели нашу выставку показать. Мы поставили только одно условие: чтобы наша выставка простояла в полном объеме без каких-либо исключений.

Добавлю, что нам было важно показать А.Д. Сахарова в контексте не только советской истории, но и мирового пацифистского, гуманистического движения, дать «условному школьнику», на которого эта

выставка ориентирована, представление о А.Д. Сахарове как о фигуре мирового значения, чьи идеи, с одной стороны, очень резонировали с подобными же выступлениями ученых и философов на Западе, а с другой стороны, были, безусловно, оригинальны — мы говорим о сахаровской триаде единства мира, прогресса и прав человека. В ходе экскурсий мы опробовали новую, ранее не использовавшуюся систему. Мы разработали такую программу, по которой мы проводим тренинг для школьников, чтобы они могли потом проводить для своих сверстников экскурсии по этой выставке, и сейчас вот наша команда ездит по некоторым российским регионам, и даже в сегодняшних непростых условиях нам удается эти тренинги проводить, и на основе этих тренингов ребятам, в них участвующим, удается проводить потом экскурсии. Таков этот наш проект, рассчитанный на непосредственный контакт с молодой аудиторией. Конечно, приходилось думать, как подать материал при всем его обилии. У нас были дискуссии с Б.Х. Коваль. Она предлагала представить на выставке и то, и другое, и третье, рассказать обо всем, дать больше материала. Но мы искали необходимый баланс, позволяющий не перегружать чтением текстов, представленных вместе с экспозицией. И мы, кажется, этого баланса достигли.

У нас есть также и другой проект. Первоначально он был задуман как сайт, но в результате получился виртуальный музей (*продолжается презентация*).

Мы хотели, чтобы получился красивый и современный по дизайну

медийный проект с использованием 3d-моделей и с его помощью рассказать о жизни А.Д. Сахарова. Подача материала в принципе организована похожим образом, как и в случае с выставкой. Мы опять-таки хотели говорить о Сахарове в историческом контексте, используя в большом количестве как материалы известные (в том числе фотографии) в новых хороших копиях, так и уникальные. Вот, например, уникальная домашняя любительская съемка А.Д. Сахарова с детьми в поезде во время какой-то поездки (получено из архива Алексея Семенова). Или вот мы получили от норвежского телевидения хорошую копию выступления Е.Г. Боннэр при вручении А.Д. Сахарову Нобелевской премии. К настоящему времени готова лишь часть задуманного сайта. Речь идет о просветительском проекте, но — в идеале — многослойном. Мы хотим последовательно пройти по жизни А.Д. Сахарова, рассказать о ней на основе ярких видеоматериалов, причем другой, более глубокий слой, если обратиться к нему, позволит дать его биографию с большими подробностями, представить больше информации.

Дальше, следующий слой — это библиотека, куда мы постепенно соберем все тексты А.Д. Сахарова и тексты о нем. Соответственно, каждый, кому необходимо или у кого есть интерес, может сначала просто ознакомиться с биографией А.Д. Сахарова, затем, если нужно, на другом уровне обратиться к его более полной биографии и, наконец, войти в библио-

теку. Ее пока не успели открыть, продолжаем пока работать и над более подробными текстами (лонгридами) по отдельным темам (о Сахарове как ученом, конструкторе водородной бомбы, правозащитнике, депутате и т. д.). Поскольку в нынешних условиях для Сахаровского центра как организации-иноагента прямой разговор с аудиторией может быть затруднен, то безусловно мы надеемся, что вот этот сайт станет таким полным, ярким и современным источником интересных знаний об Андрее Дмитриевиче.

Говоря о юбилейных мероприятиях, надо напомнить об организованной «Мемориалом» выставке о последних годах жизни А.Д. Сахарова и о том, что Сахаровский центр совместно с Фондом Фридриха Науманна подготовил для выставочного пространства «Граунд Солянка» выставку «А.Д. Сахаров: новый век». Ее организаторы — А. Наринская, К. Асс, Н. Корбут, И. Курович. Это еще один способ что-то сказать о Сахарове. Причем сказать в жестком формате современного искусства, что, конечно, отличается от того классического способа подачи материала, каким привыкли пользоваться исторические организации.

Анатолий Борисович Голубовский¹²,
член Совета Вольного исторического общества.

Проект, о котором я буду говорить, также включен в перечень мероприятий, предусмотренных Оргкомите-

¹² Голубовский Анатолий Борисович — кандидат искусствоведения, историк, член Совета Вольного исторического общества (Москва); agolubovsky@gmail.com.
Golubovsky Anatoly B. — historian, member of the Council of the Free Historical Society, Candidate of Arts Sciences (Moscow).

том по празднованию столетия Андрея Дмитриевича Сахарова, и это книга, это сборник документов и материалов, который сейчас пока носит рабочее название «А.Д. Сахаров глазами КГБ». Работу над этим изданием мы предполагаем закончить все-таки в рамках юбилейного года А.Д. Сахарова и надеемся выпустить эту книгу к очередной ярмарке non-fiction, т.е. в конце ноября — начале декабря. Здесь многие говорили об общей ситуации, а зам. директора РГАНИ М.Ю. Прозуменщиков с сожалением и справедливо заметил, что хотя доступных в архивах документов об А.Д. Сахарове достаточно много, их мало спрашивают, они как-то не вызывают интереса ни студентов, ни исследователей. Я думаю, это во многом связано с тем, что наша общественность (научная, но не только) плохо знает о том, что такие документы есть, чем они интересны, имеет ли смысл на них обращать внимание и т.д. Единственное издание, в которое включены и документы РГАНИ, связанные с А.Д. Сахаровым, это издание Йельского университета на английском языке «Дело Андрея Сахарова в КГБ» (2005) под редакцией Джошуа Рубинштейна и Александра Грибанова. Туда вошли документы, которые начиная с 1994 г. были переданы Елене Георгиевне Боннэр для Сахаровского архива разными ведомствами, и в том числе архивным ведомством ФСБ, Архивом президента Российской Федерации, российским Центром хранения современной документации, который впоследствии был преобразован в РГАНИ. Это было издание, снабженное научным аппаратом, комментариями, с предисловием Дж. Рубинштейна.

В чем миссия нашего нового издания, и каков его формат? Хотя весь этот корпус документов хранится в Архиве Сахарова у Б.Х. Коваль, а немалая их часть также в Гарвардском университете, многие из этих документов так и не были опубликованы на русском языке, кроме того, книга 2005 г. была предназначена для зарубежных читателей и прежде всего для исследователей, а потому воспроизводить сейчас на русском языке то издание мы сочли неуместным. К тому же за прошедшие полтора десятилетия многие обстоятельства изменились, изменилась и общественная атмосфера, вся информационная среда, связанная с А.Д. Сахаровым. Мы решили, что нужно взять за основу вот этот корпус документов и создать книгу, которая сочетала бы в себе академическую корректность и фундированность с открытостью широкому читателю, в том числе молодому — чтобы ее просто было интересно читать. В основе публикации лежат документы, которые Комитет государственной безопасности направлял в ЦК КПСС, мы хуже знаем, какие запросы отправляло в КГБ партийное руководство.

С.М. Лукашевский говорил здесь, что проекты, организованные в этом юбилейном году Сахаровским центром, рассчитаны на современную рефлексивную среду: это современные сайты, правильно и привлекательно устроенные. То же самое можно сказать о выставке на Солянке, зная о кураторских и дизайнерских способностях реализующей ее замечательной команды. Мы тоже хотели бы сделать современный продукт, и я надеюсь, что он получится. Он важен еще и потому, что сама

информационная среда, связанная с А. Д. Сахаровым, выглядит сегодня чрезвычайно странно: достаточно сказать, что многие тысячи людей, которые собираются (или, скорее, раньше собирались), предположим, на проспекте Сахарова в дни несогласованных мероприятий и митингов, могли прочитать на аннотационной табличке, установленной в 2010 г. (хотя проспект носит это имя с конца 1989 г.), следующий текст: «Проект Академика А. Д. Сахарова назван в 1989 году в честь лауреата Нобелевской премии Андрея Дмитриевича Сахарова, годы жизни; в годы Великой Отечественной войны внес значительный вклад в создание новых видов вооружения». И все. Об общественной деятельности ни слова, о том, в какой области он получил Нобелевскую премию, тоже не сказано. Хотя в Сарове на доме, где он жил, помещена доска иного содержания — на ней написано, что здесь жил Андрей Дмитриевич Сахаров, великий ученый и гуманист. Вот согласитесь: у современных молодых людей, проходящих на проспект академика Сахарова, вызовет ли большой интерес та информация, которая им предлагается?

Проходят годы, уходит в прошлое, забывается то, как люди жили (и начальники, и простые люди) и что происходило в прежние десятилетия, уже не только в позднее советское время, но и в 1990-е, поэтому в нашей книге мы хотели что-то сказать не только о Сахарове (прибавив еще что-то новое к линии жизни — после многих уже осуществленных проектов), но рассказать о том, как жила страна, в каких социально-политических реалиях жили Андрей Дмитрие-

вич, Елена Георгиевна, их сторонники — правозащитники и диссиденты. И не только они, но и сотрудники КГБ, и многие другие категории населения. В свое время Александр Грибанов (один из первых публикаторов этих текстов на английском языке) писал: когда я взялся за чтение этого корпуса документов, «у меня были очень большие ожидания, я думал, что вот сейчас там откроются какие-то невероятные тайны», а потом, по мере чтения, «меня охватила глубокая тоска, настолько это было как-то странно, скучно, неинтересно». Но позже мы вместе с А. Грибановым перечитали эти документы и поняли, что на самом деле в них содержится огромное количество информации, которая как бы стоит за пределами этих документов; и чтение это для нас было интересным. И мы решили совершенно по-другому, по-новому, по-современному — как это делается в каких-то проектах современного искусства — подать эти документы, сохраняя при этом академическую чистоту и строгость. Меня, например, при чтении зацепило несколько документов. Один из них называется «О финале спектакля “Так победим” и выкрики в защиту А. Д. Сахарова». Это докладная записка о том, как играют спектакль «Так победим», и там в конце аплодисментов кто-то крикнул: «Свободу Андрею Сахарову». На дворе был 1982 г., Сахаров находился на положении ссыльного в Горьком. Многого требует, конечно, комментария. Что это был за спектакль «Так победим», естественно, никто сейчас уже толком не помнит, надо объяснять.

Есть документы какие-то удивительные, например, докладная записка,

связанная с отслеживанием благотворительной деятельности А.Д. Сахарова: сколько денег и на какие благотворительные цели он перечислил, кажется, в 1966 г. И это заставляет задуматься: как была устроена жизнь Андрея Дмитриевича, что это за деньги, откуда они взялись, почему он их отправил именно в этот момент на благотворительные цели. Короче, даже если документ называется очень лапидарно, за ним может стоять очень интересное содержание: вопрос в том, как его выявить. Из всего имеющегося корпуса мы отобрали 172 документа. Мы решили, что организуем их по тематико-хронологическому принципу и снабдим авторскими текстами, комментариями, которые расскажут о специфике того исторического периода, дадут некоторую дополнительную информацию о сюжетах, отраженных в документе. Особая концепция будет заложена и в макете книги, который также будет с разных сторон представлять тот или иной документ и каким-то образом создавать объем вокруг него. Мы рассчитываем на широкого читателя книги, на то, что читателю будет интересно читать наши комментарии, как и собственно документы; и мы поняли, что мы должны ну не то чтобы научить, но как-то сориентировать людей, прежде чем они начнут читать документы. Поэтому мы решили, что этим документам будут предпосланы три больших текста. Первый — это большая фундаментальная статья Никиты Петрова, которая называется «Пятое Управление КГБ и А.Д. Сахаров», она рассказывает о том, как были устроены эти взаимоотношения, и читается как детектив. Более того, в ходе архивных изысканий, которыми сопро-

вождалась работа над книгой, Никита Петров совершил ряд открытий, и в этой книге будут сюрпризы, так что ждите выхода книги.

Как тут заметил М.Ю. Прозуменщиков, в ГБ-шных материалах, которые хранятся у него в архиве, зачастую нет никаких оценок, они как бы безоценочные и, значит, в некотором смысле объективистские, а потому скучные, но я бы с этим поспорил. Мы решили даже поместить специальную статью, посвященную языку этих документов, разным языковым дискурсам, которые используются в этих, казалось бы, сухих и официальных документах, и заказали эту статью Ирине Левонтиной, известному лингвисту, ведущему научному сотруднику Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, и она написала эту статью, и статья называется «Инспирирование враждебных проявлений». Понятно, что речь идет об А.Д. Сахарове, и сама эта формула взята из ГБ-шных записок. И. Левонтина выделила несколько языковых дискурсов, связанных с картиной мира сотрудников КГБ, партийных начальников, и вообще сама эта книга во многом будет посвящена реконструкции вот этой картины мира и соответствующего поведения этих людей, модусы которого определяет собственно эта картина мира. И надо сказать, что в этом смысле книга чрезвычайно актуальна и связывает нас напрямую с сегодняшним днем, потому что эта картина мира в какой-то момент куда-то делась, а сейчас она возвращается и снова пытается влиять на нашу жизнь. Этот не просто бюрократический, а скорее оперативно-гэбешный язык,

которым описывается жизнедеятельность А. Д. Сахарова и его соратников, как и пропагандистский языковой дискурс — все это имеет свои особенности. Характерно, например, помещение слов в кавычки или использование слов и выражений типа «так называемые», «якобы» — тексты ими переполнены. Например, «так называемые», как посчитала И. Левонтина, употребляются в этих документах 130 раз, слово «якобы» — 66 раз. Воспоминания А. Д. Сахарова в этом дискурсе упоминались в сопровождении определения «так называемые». Почему они «так называемые»? Да просто потому, что вспоминает недостаточно благонадежный человек. А иногда прослеживается и несколько иной, «отеческий» дискурс, который использовался, когда на первый план выходила задача направить Андрея Дмитриевича как бы по правильному пути, а для этого ослабить дурное влияние Елены Георгиевны. Так вот совокупность этих дискурсов: бюрократического, оперативного, пропагандистского и отеческого — на самом деле составляет полную картину мира не только функционера коммунистических времен, но, как мне кажется, во многом и современного начальника, который пытается оперировать, работая с разными группами населения, будь то оппозиционеры или люди сколько-нибудь лояльные власти. Таким образом, мы рассчитываем на то, что читателю будет предоставлено интересное и захватывающее чтение.

Борис Исаевич Беленкин¹³ (*Международный «Мемориал»*).

Скажу несколько слов о выставке, созданной Международным «Мемориалом» и проходящей в помещении его главного офиса. Выставка эта тоже входит в программу юбилейных мероприятий. Она называется «Последний год. А. Д. Сахаров и “Мемориал”» и по содержанию своему носит в какой-то степени как бы локальный характер. Речь идет о последнем годе в жизни А. Д. Сахарова, о 1989 г. При этом выставка ни в коем случае не охватывает всех событий в жизни Сахарова в этом году. Только те, которые так или иначе переплетаются с «Мемориалом». То есть Сахаров и «Мемориал». И жизнь «Мемориала», который к этому году стал самой массовой общественной организацией Советского Союза, выставка тоже не охватывает, не отражает во всей полноте. Только то, что так или иначе связано было с Сахаровым. То есть «Мемориал» и Сахаров...

Экспозиция начинается с конца, с прощания с А. Д. Сахаровым. Сегодня уже было сказано о том, кто такой Сахаров и каков масштаб его личности, масштаб, который стал абсолютно очевиден и понятен сразу же после его смерти. Прощание с Сахаровым выявило отношение к нему тогдашнего общества, степень его популярности... Современники, участники тех событий вспомнят, в том числе и по фотографиям, представленным на выставке, размах и атмосферу церемонии прощания

¹³ Беленкин Борис Исаевич — член правления Международного Мемориала (организация, выполняющая функции иностранного агента)(Москва); belenkin@memo.ru.
Belenkin Boris I. — member of the Board of the International Memorial (an organization acting as a foreign agent) (Moscow).

в Центральном доме молодежи у метро «Фрунзенская», очередь от метро «Парк Культуры»... знаменитые фото колонны, которая движется по проспекту Вернадского в сторону Лужников: колонна людей фактически до горизонта... Собственно это и стало аккордом уже новой, посмертной жизни человека по имени А. Д. Сахаров.

Экспозиция состоит из нескольких глав — первые начинаются еще в 1988 г., немножко раньше «последнего года», когда был создан Общественный совет, куда попал Сахаров и который был избран его почетным председателем... Затем было выдвижение «Мемориалом» А. Д. Сахарова в народные депутаты, проходившее в Доме кино 22 января 1989 г., куда пришли тысячи людей, и случай Револьта Пименова, председателя сыктывкарского «Мемориала». Сахаров, уже избранный делегатом Первого съезда народных депутатов СССР, принял самое непосредственное и активное участие в майских довыборах на съезд в качестве доверенного лица своего друга — математика и диссидента Пименова.

Одна из заметных глав на нашей выставке — учредительная конференция «Мемориала», проходившая 29 января, в которой Сахаров принимал самое активное участие и на которой он был избран почетным председателем Общества.

Другие сюжеты — это и митинги в Лужниках, организованные при участии «Мемориала», на которых выступал Сахаров, это и афганская тема, так трагически и так громко зазвучавшая на Первом съезде в мае. На одном

из экранов, работающих на экспозиции, можно увидеть и услышать знаменитый диалог между инвалидом афганской войны депутатом Червонописким и Сахаровым — самое эмоциональное и потрясающее выступление Сахарова, которое при всем старании ведущего так и не удалось прервать. Тему Афганской войны представляет и уникальный документ — листовка, написанная и отпечатанная на самодельном ротаторе в 1984 г. будущим активистом «Мемориала» и председателем его Правозащитного центра Олегом Орловым. Свою листовку он изготовил в количестве не менее сотни экземпляров, опускал их в почтовые ящики, приклеивал на остановках... Арестован Олег не был, скорее всего, по причине отсутствия связей с диссидентскими кругами, оставаясь, таким образом, незафиксированным органами...

Также на одном из экранов — сахаровская безуспешная попытка зачитать на Первом съезде «Декрет о власти». Это событие сыграет важную роль в истории «А. Д. Сахаров и “Мемориал”», потому что после окончания работы Первого съезда мемориальцы несколько месяцев собирали подписи под сахаровским «Декретом о власти». В результате были собраны тысячи подписей. А 11 декабря папки с листами подписей под Декретом были в присутствии большого числа журналистов представителями «Мемориала» вручены А. Д. Сахарову для передачи в Президиум открывающегося на следующий день, 12 декабря Второго Съезда советов.

Отражена в экспозиции также и реакция на события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. Здесь

и выступления Сахарова, и заявление «Мемориала», заявление, с которого отсчитывает свое рождение Правозащитный центр «Мемориал». Отдельный сюжет, отдельный блок документов — «А. Д. Сахаров и тема политических репрессий». Собственно говоря, тема эта уже с 1974 г. занимает важное место в общественной деятельности, отражена в общественной позиции Сахарова. Тут требование издать «Архипелаг ГУЛАГ» и расследовать катынское преступление, тут и защита прав репрессированных и невозвращенных на места проживания народов, тут и оценка пакта Молотова — Риббентропа. И уже в перестройку — непосредственное участие в поиске Рауля Валленберга. И здесь же — о поездке Сахарова вместе с Галиной Старовойтовой по приглашению челябинского «Мемориала» на Золотую Гору под Челябинском, на место захоронения жертв массового убийства эпохи Большого террора.

Хочу отдельно указать на, может быть, самое яркое, самое впечатляющее в экспозиции выставки «Последний год. А. Д. Сахаров и “Мемориал”». Речь идет о четырех экранах, четырех мониторах, установленных рядом на одном из экспозиционных пространств. На каждом из мониторов свой сюжет, точнее, сюжеты. Они демонстрируются одновременно, но при этом не мешают друг другу, дают возможность посетителю сосредоточить свое внимание на одном из них. Это удивительно сделано нашими киномонтажерами, художниками и айтишниками, теми, кто подбирает материал из киноархивов, кто затем его монтировал, синхронизировал и т. п. Здесь и кадры, снятые

на подготовительной и учредительной конференциях «Мемориала», и выступления Сахарова на Первом съезде, и митинги в Лужниках, и поездка на Золотую Гору Старовойтовой и Сахарова. Затем в финальной части показа эти четыре экрана сюжетно соединяются — на каждом идут эпизоды прощания с Сахаровым. Подведя здесь итог, скажу, что кинохроникальная часть выставки получилась сколь трудоемкой, столь и интересной. Вышел из типографии каталог нашей выставки «Последний год. А. Д. Сахаров и “Мемориал”». Стоит добавить: на нашей мемориальной выставке представлены только материалы, хранящиеся в архивных, музейных и библиотечных фондах «Мемориала», мы ничего не стали просить и брать в других хранилищах, хотя нам бы, наверное, и Музей А. Д. Сахарова предоставил что-то... Но такова была наша позиция, что мы используем в экспозиции только наши собственные материалы, которых, как мы поняли еще на самом предварительном этапе, будет вполне достаточно. И эта «достаточность» достигнута не только благодаря нашим архивным и музейным фондам... Тут я должен сказать о важности, о ценности для тех, кто собирает документы той эпохи, кто исследует ту эпоху — коллекций нетрадиционной печати, в достаточно полном виде собранных и доступных исследователям только в двух институциях, во всяком случае в Москве, — это Государственная публичная историческая библиотека и Международный «Мемориал». Наша выставка — это и демонстрация того, насколько материалы подобных коллекций важны для адекватного рассказа как о самой эпохе, так и о человеке той эпохи.

Елена Николаевна Струкова¹⁴, *заведующая Центром социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки.*

Отличие нашей библиотечной выставки от всех выставочных проектов заключается в том, что библиотечные выставки стационарны, т.е. никакой архитектуры выставки нет, это делать очень сложно, когда у тебя и стационарные закрытые витрины для книг, и когда твои экспонаты — это в первую очередь книги, которые ты должен раскрыть и показать посетителям их содержание. А с чем мы столкнулись при подготовке выставки: первое, мне всегда казалось — и когда мы задумывали, когда давали свои мероприятия в планах к столетию Андрея Дмитриевича Сахарова — что литературы море. К моему удивлению, когда я начала изучать, я выяснила, что, оказывается, исторических аналитических исследований вообще на эту тему нет — я говорю о научных биографиях А.Д. Сахарова. С большой натяжкой можно считать таковой одну работу, опубликованную в 2009 г. Роем Медведевым, «А.Д. Сахаров и А.И. Солженицын», в сборнике, вышедшем под эгидой Института российской истории, и это все — больше нет ничего.

Этим фактически объясняется то, что у нас в качестве историков здесь сегодня выступали библиотекарь, архивисты, устроитель выставок, администраторы, но никто не выступил с аналитикой.

Дальше второе соображение: здесь много уже говорилось о неформальной прессе, на которой можно построить не одну экспозицию по А.Д. Сахарову, но, к сожалению, эти документы скрыты — они находятся внутри газет, их найти очень тяжело.

У меня работали студенты и просматривали эти издания, и нужно сказать, что многое нашли, и очень понравилось им читать прибалтийские газеты, в первую очередь «Атмоду», и «Согласие», и «Возрождение». В российских периодических изданиях было мало информации. Только в «Свободном слове» (партии «Демократический союз») и «Гласности» (С. Григорьянца). Кроме тех изданий, которые были ассоциированы с «Мемориалом» или с Межрегиональной депутатской группой. Но тем не менее это было увлекательное чтение, и многое мы почерпнули; и эти материалы тоже будут представлены на выставке.

Третий момент: нужно было сформировать концепцию выставки: понятно, что просто биографические данные — это банально; и тут мы обратили внимание на брошюру «Человек и легенда». Это данные социологического опроса 1991 г., который издан был в 1992 г. О том, как воспринимали личность А.Д. Сахарова современники. И тут выяснились очень интересные вещи, которые идут иногда вразрез с нашими сегодняшними представлениями. В частности, кого современники в общем ставят в один

¹⁴ Струкова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, заведующая Центром социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки (Москва); stru@shpl.ru. Strukova Elena N. — Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Socio-Political History of the State Public Historical Library (Moscow).

ряд с А.Д. Сахаровым? Это мать Тереза, Мартин Лютер Кинг. Второе — наше представление о том, что в 1991 г. все знали, кто такие диссиденты, — неверно. Диссидентов мало кто знал. Участники опроса называли А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына, а остальные имена очень редко.

Это будет выставка и о представлениях человека того времени, современника А.Д. Сахарова, о том, в какую эпоху он жил и что для него представлял Андрей Дмитриевич.

Алексей Георгиевич Левинсон.

Хотелось бы в заключение привести одну цитату. А.Д. Сахаров был близко знаком с семьей Копеле-

вых — Л. Копелева и Р. Орловой. Когда здесь демонстрировались архивные документы, там было письмо за подписью «Андрей и Люся», адресованное Рае Орловой. Так вот дочь Раи Орловой мне прислала выдержки из ее дневника. И вот когда я заводил речь об интеллигенции, то я, собственно, опирался (поскольку имел возможность опереться) на очень четкую формулировку, которая принадлежит Рае Орловой, я хочу ее сейчас воспроизвести и до вас донести: «Не зря прошло двести лет исторического развития русской интеллигенции, чтобы воплотиться в А.Д. Сахарове», и вот, мне кажется, именно этими словами можно было бы закончить нашу конференцию.

О. И. Бэйда, И. Р. Петров

«НАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ ДЛЯ НАС ОПАСНЕЕ, ЧЕМ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ»: НЕИЗВЕСТНАЯ ФИЛИППИКА АДОЛЬФА ГИТЛERA

Анализируется исторический источник, отражающий отношение Гитлера к русской эмиграции и возможности ее использования в интересах нацистской Германии.

Ключевые слова: русская эмиграция, Гитлер, нацистская Германия, Вторая мировая война.

Сведения об авторах: Бэйда Олег Игоревич, PhD, Университет Мельбурна, преподаватель истории (Мельбурн, Австралия); Петров Игорь Романович, независимый исследователь (Мюнхен, ФРГ).

Контактная информация: oleg.beyda@unimelb.edu.au.

O. I. Beyda, I. R. Petrov

“NATIONAL RUSSIA IS MORE DANGEROUS FOR US THAN THE BOLSHEVIK”: UNKNOWN PHILIPPIC OF ADOLF HITLER

The author analyzes a historical source reflecting Hitler's attitude to the Russian emigration and the possibility of using it in the interests of Nazi Germany.

Key words: Russian emigration, Hitler, Nazi Germany, World War II.

About the authors: Beyda Oleg I., The University of Melbourne, Subject Coordinator in History/Hansen Chair Support (Melbourne, Australia); Petrov Igor R., independent researcher (Munich, Germany).

Contact information: oleg.beyda@unimelb.edu.au.

Для русской эмиграции 22 июня 1941 г. стало определяющим днем, когда довоенный раскол на «оборонцев» и «пораженцев» достиг своего логического предела. Основная часть европейской эмиграции, хотя и имела свое мнение о новой войне, осталась в стороне от участия в событиях и ушла в частную жизнь. «Пораженцами» же, составлявшими большой процент активного меньшинства, начало войны было встречено с ликованием. Чины разнообразных объединений, кружков, еще худо-бедно продолжавших существовать в оккупированной Европе движений витали в туманных облаках иллюзий относительно собственной значимости, планов немцев и грядущего уже в ближайшие месяцы возвращения домой. Эмигранты желали поскорее помочь немцам в их войне, борясь за, как им виделось, русские интересы.

Учрежденные оккупационными властями институты, казалось, давали этим надеждам некое основание. Комитет взаимопомощи русских эмигрантов в Париже, контролировавшийся СД и возглавляемый Юрием Жеребковым и Владимиром Модраком, выпустил обращение к русской эмиграции. «22-го июня 1941 года явится в современной истории одной из самых знаменательных дат: Верховный Вождь Новой Германии, духовный водитель национал-социализма, Адольф ГИТЛЕР в это день отдал приказ своим войскам положить предел коварству и интригам Советского Правительства и объявил войну С.С.С.Р., кабалистическому псевдониму плененной иудо-коминтерном России». Комитет пригласил эмигрантов «письменно подтвердить готовность слить на любом поприще

их усилия с усилиями внутри-российских националистов и жертвенностью национал-социалистической Германии» (НИА/Nicolaevsky 1). Более мелкие и формально независимые эмигрантские организации держались схожей линии.

26 июня с обращением выступил великий князь Владимир, поддерживая «крестовый поход против коммунизма-большевизма» и призывая эмигрантов «способствовать по мере сил и возможностей свержению богоборческой власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма» (Бюллетень 1941). В тот же день Комитетом взаимопомощи была открыта запись добровольцев: анкета содержала общие биографические вопросы, среди которых выделялся лишь пункт «Какую часть России хорошо знаете» (НИА/Nicolaevsky 2). СД, одобрявшая акцию, все же сделала запрос в Берлин на случай, если добровольцев окажется слишком много. 28 июня Париж повторно запросил Берлин, сообщив, что от Комитета получено обращение — эмигранты готовы «в любой приемлемой для национал-социалистической Германии форме предоставить себя в ее распоряжение для борьбы за уничтожение иудо-коммунистического ига». Кроме Модраха и Жеребкова обращение подписали генералы Николай Головин и Михаил Граббе, а также митрополит Серафим (Лукьянов). Одновременно князь Владимир отправил Гитлеру свое обращение с сопроводительным письмом (Akten... 1918–1945: 79).

Ответ Берлина не заставил себя ждать: 29 июня министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп

послал немецкому послу во Франции Отто Абецу телеграмму, в которой рекомендовал пока занять выжидательную позицию. Он также доверительно сообщил, что правительство рейха не заинтересовано в участии эмигрантов в войне против России. Решение было закреплено 30 июня: на специально созванном совещании в МИДе обсуждались вопросы участия европейских добровольцев в походе против СССР. Представители ОКВ, СС и один из руководителей будущего Восточного министерства Георг Лейббрандт решили, что ни сторонники Великой России, ни эмигранты-сепаратисты в общем случае не должны приниматься добровольцами в вермахт. Желавших послужить в вермахте изгнанников не следовало регистрировать, а на их обращения предписывалось реагировать мягко, но без конкретных обещаний. Лишь в частных случаях предполагались исключения из правила, если какой-то эмигрант был необходим для выполнения особых задач.

Теперь настало время проинформировать посольства в разных европейских странах. В некоторых государствах эмигранты устроили настоящее паломничество к немецким сановникам, что последних порядком утомляло. 2 июля статс-секретарь МИДа Эрнст фон Вайцзекер разослал по немецким посольствам в Европе специальный циркуляр. Обычным эмигрантам требовалось достаточно твердо указать на дверь; в качестве отговорки было рекомендовано указывать, что в случае

пленения с эмигрантами не будут обращаться в соответствии с нормами международного военного права (Akten... 1918–1945: 67).

С изгнанниками, имевшими влияние, обошлись менее вежливо. 5 июля Риббентроп через Абеца направил великому князю Владимиру резкий ответ. Правительство ознакомилось с его призывом и нашло его затрудняющим задачу вермахта; призыв якобы усиливал сопротивление Красной армии, играя на руку советской пропаганде, давая ей повод говорить о грядущем возвращении царской власти. От великого князя требовали сообщить, кому он уже направил свой призыв, и отказаться от его дальнейшего распространения, как и от любой политической деятельности. В случае же отказа ему грозило немедленное интернирование. Разумеется, Риббентроп приказал установить за великим князем строжайшую слежку и воспрепятствовать публикации призыва во французской прессе (Akten... 1918–1945: 79).

Этот контекст необходим для впервые публикуемого документа от 5 июля 1941 г., в котором Адольф Гитлер дает свою оценку ситуации. По форме этот отрывок является одной из «застольных бесед», что с учетом последних исследований (Mikael Nilsson, Hitler Redux 2020) неизбежно ставит вопрос, насколько дословно были воспроизведены рассуждения Гитлера. Тот факт, что текст² был сохранен среди своих бумаг Вальтером Тисслером, сотрудником

² (Bundesarchiv Berlin). По соседству отложились две других застольных беседы, от 5 и 11/12 июля 1941 г. (Ibid.: Bl. 87–88, 91–94). В отличие от обсуждаемой выше, они хорошо известны и уже публиковались раньше, см., к примеру, (Хью Тревор-Попер 2004).

управления пропаганды НСДАП и одним из ближайших помощников Йозефа Геббельса, как и то, что слова в данном случае не расходятся с вышеупомянутыми указаниями немецкого МИДа, заставляет отнестись к изложению с доверием³. [9] Документ публикуется впервые в нашем переводе.

Копия с копии.

Главная ставка фюрера

Суббота, 5 июля 1941 года

За обедом шеф высказался о русской эмиграции:

Национальная Россия для нас опаснее, чем большевистская; последней, после того, как мы ее разобьем, понадобится двадцать лет для восстановления, в то время как руководство национальной России постоянно видело в нас противника. Уму непостижимо, насколько холуйски вел себя [кайзеровский] рейх по отношению к русскому правительству. Вопреки всем докладам военного атташе это подобострастное отношение тянулось до самой войны, хотя годами шли сообщения о враждебных Германии настроениях при дворе, о том, что и царица вовсе не дружелюбна к Германии.

Немецкий склад характера чужд русскому существу: наши чувство долга, чистоплотность, тяга к поряд-

ку, трудолюбие неприятны русским. Русский гораздо больше тянется ко Франции: во французской легкости жизни, в отсутствии глубоких проблем, в грязи там и сям, в беззаботности он видит родственную натуру. Этим объясняется и то, что эмиграция обосновалась в Париже, а не в Германии, другой ее центр в Белграде. Все эмигранты говорят по-французски, но почти никто по-немецки. Если бы они снова пришли к власти, то их правление было бы дружественным Франции и враждебным Германии.

Следует обдумать, а не оставить ли в России несколько политкомиссаров, чтобы передавать в их руки князей, коли последние ступят на русскую территорию.

Поводом для этих высказываний шефа было письмо, в котором Великий Князь Владимир на правах русского царя сообщил фюреру, что собирается выступить с призывом к своему народу. Ему дадут понять, что это нежелательно.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Бюллетень 1941 — Бюллетень Объединения Лейб-Гвардии Московского полка № 87. Париж, 23 августа / 8 сентября 1941 г. С. 2.

Хью Тревор-Ропер 2004 — *Хью Тревор-Ропер. Застольные беседы Гитлера*. М.: Центрполиграф, 2004. С. 31–32, 33–36.

³ Можно также указать на речь Альфреда Розенберга, произнесенную несколькими днями раньше: «Мы не ведем “крестовый поход” против большевизма сегодня лишь для того, чтобы навсегда освободить “бедных русских” от этого большевизма. Нет, — для того, чтобы проводить немецкую политику и обеспечить безопасность германского рейха... Война с целью создать неделимую Россию поэтому исключается. Замена Сталина новым царем или даже назначение вождя-националиста как раз и приведет к мобилизации всей энергии [населения] на этих территориях против нас» (ИМТ).

Akten... 1918–1945 — Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945, Serie D: 1937–1941, Band XIII.1.

Bundesarchiv Berlin — Bundesarchiv Berlin, NS18/1396, Bl. 89–90.

HIA/Nicolaevsky 1 — Stanford University, Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 755. Folder 1–4. Обращение к российской эмиграции, 22 июня 1941.

HIA/Nicolaevsky 2 — HIA/Nicolaevsky. Box 755. Folder 1–4. Анкета, июль 1941.

ИМТ — International Military Tribunal (IMT), Volume XXVI, Document 1058-PS. Rede des Reichsleiters A. Rosenberg, 20 июня 1941.

Mikael Nilsson, Hitler Redux 2020 — Mikael Nilsson, Hitler Redux: The Incredible History of Hitler's So-called Table Talks, London/New York, Routledge/Taylor & Francis Group, 2020.

А. А. Галушка

«ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧЕРЧИЛЛЯ ПО РАДИО 22 ИЮНЯ ОПРЕДЕЛИЛО СУДЬБУ МИРА НА МНОГИЕ БУДУЩИЕ ГОДЫ». РЕШЕНИЕ ЧЕРЧИЛЛЯ О СОЮЗЕ С СССР В ОЦЕНКЕ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вниманию читателей предлагается обзор бытующих в британской историографии трактовок принятого Уинстоном Черчиллем уже 22 июня 1941 г. решения о союзе с СССР.

Ключевые слова: Уинстон Черчилль, Великобритания, Вторая мировая война, сталинский режим, антигитлеровская коалиция, державы-победительницы, британская историография.

Сведения об авторе: Галушка Андрей Анатольевич, независимый исследователь (Лондон).

Контактная информация: chestnut.ah@googlemail.com.

A. A. Halushka

“CHURCHILL'S SPEECH ON THE RADIO ON JUNE 22 DETERMINED THE FATE OF THE WORLD FOR MANY YEARS TO COME”. CHURCHILL'S DECISION ON AN ALLIANCE WITH THE USSR IN THE ASSESSMENT OF BRITISH HISTORIOGRAPHY

The paper reviews how British historians assess Winston Churchill's 22 June 1941 decision to offer unconditional help to the Soviet Union in their war with the Nazi Germany.

Key words: Winston Churchill, Great Britain, World War II, Stalin's regime, anti-Hitler coalition, victorious powers, British historiography.

About the author: Halushka Andrij, independent researcher (London).

Contact information: chestnut.ah@googlemail.com.

© А. А. Галушка, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-124-137

3 августа 2021 г. британская газета «Дэйли Телеграф» на своей регулярной полосе некрологов почтила память умершего 26 июля в возрасте 101 года Эрика Картера. В 1941 г. он вместе с другими пилотами 151-го крыла Королевских ВВС защищал небо над Мурманском, поднимая свой «харрикейн» с аэродрома Ваенга. Этот во многом забытый эпизод Второй мировой стал возможен после подписания 12 июля 1941 г. в Москве соглашения между Британией и СССР, которое обязывало обе страны оказывать разностороннюю помощь и поддержку друг другу в войне против Германии и не заключать перемирия или мира иначе как по обоюдному согласию. Оно же, в свою очередь, стало возможным в результате решения, принятого британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем в день нападения Германии на СССР за двадцать дней до того.

Об этом решении Черчилль сообщил в своем выступлении по радио вечером 22 июня 1941 г.:

«Я должен заявить о решении правительства Его Величества, и я уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика? У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвлечь нас от этого, ничто.

Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с Божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы»¹.

Надо сказать, что, говоря о «решении правительства», Черчилль был, мягко говоря, неточен. В своих мемуарах о Второй мировой (под самим собой понимаемым названием «Вторая мировая война») он писал:

«Когда я проснулся утром в воскресенье 22-го числа, мне принесли новости о вторжении Гитлера в Россию. ...У меня не было ни малейших сомнений, в чем состоит наш долг, и какой должна быть наша политика. Ни в том, собственно, что именно нужно сказать. Оставалась лишь задача подобрать слова. ...Я провел целый день, составляя свое заявление. Не было времени на консультации с Военным кабинетом, да это и не было нужно.

¹ Цит. по: (Черчилль 2010).

Я знал, что мы все придерживались одного мнения по этому вопросу»².

Таким образом, важнейшее решение принять СССР в качестве союзника в войне против Германии, причем союзника, которому будет оказана активная помощь — в отличие от восприятия Советского Союза просто как «совоюющей стороны», — было фактически принято Черчиллем единолично. Для многих среди британской элиты известие о войне на Восточном фронте означало только то, что в 1941 г. вторжения немцев не будет. В комментариях к своему военному дневнику глава имперского генерального штаба генерал сэра Алан Брук, позже фельдмаршал лорд Аланбрук, сказал так:

«Мое собственное мнение в то время, как и мнение, разделяемое большинством, состояло в том, что Россия долго не продержится, возможно 3 или 4 месяца, возможно, чуть дольше».

Мы исходили из того, продолжает он, что

«как нам казалось в июне, Германия не сможет начать вторжение в Англию до октября, а к тому времени погода и зима воспротивятся подобному предприятию»³.

Сам Черчилль тоже отмечал в воспоминаниях, что «почти все военные придерживались мнения, что силы русских вскоре будут разбиты и в основном уничтожены». Тем не менее он

«делал все, что мог, для оказания помощи вооружением и различными материалами, соглашаясь на отправку в Россию из Соединенных Штатов значительной части того, что предназначалось нам, а также идя на прямые жертвы за счет Англии. В начале сентября на корабле “Аргус” было отправлено в Мурманск примерно две эскадрильи “харрикейнов” для оказания помощи в обороне военно-морской базы и для взаимодействия с русскими силами в этом районе. К 11 сентября эти эскадрильи уже начали боевые действия. Они доблестно сражались на протяжении трех месяцев. Я прекрасно понимал, что в эти первые дни нашего союза мы могли сделать очень мало»⁴.

Именно в одной из этих двух эскадрилий и воевал Эрик Картер, упомянутый в самом начале. Надо сказать, что вышеприведенные высказывания показывают спорность бытующего среди некоторых российских популяризаторов истории мнения, что в случае победы Гитлера над СССР правящие круги Британии быстро пошли бы на заключение мира с Германией. Как видим, британское правительство вовсе не рассчитывало на то, что Сталин одержит для них победу над Гитлером — на эту победу в общем особенно и не рассчитывали, а воевать планировали и после гипотетического разгрома СССР.

Сам Черчилль в своих мемуарах указывает, что на протяжении более года после вступления СССР в войну против Германии Советский

² (Churchill 1989: 455). Здесь и далее, если особо не оговорено, перевод с английского сделан автором.

³ (Alanbrooke 2001: 166).

⁴ Цит. по: (Черчилль 2010).

Союз был для Британии скорее обузой, чем помощью в решении ее собственных военных задач. Отмечает он и то, что его оценка способности СССР к сопротивлению была более оптимистична, чем у его военных советников. Однако более поздние исторические работы, сравнивающие картину, представленную Черчиллем во «Второй мировой войне», с той, которая вырисовывается из всего комплекса исторических источников, вносят существенные коррективы. Дэвид Рейнольдс в своем анализе этой книги Черчилля отмечает неоднократные сохранившиеся в документах свидетельства того, что премьер-министр считал: СССР был близок к поражению во второй половине 1941 г. Более того, Черчилль, приводя в приложении ко «Второй мировой войне» один из официальных документов, купировал (объясняя сокращения «требованиями к объему книги») собственное предостережение о возможности прорыва немцев через Кавказ и Турцию к ближневосточным нефтепромыслам (Reynolds 2005: 253–255). Так что и к собственным свидетельствам Черчилля следует относиться с определенной осторожностью.

При этом важно иметь в виду, что большая часть британского общества весьма положительно встретила решение Черчилля безоговорочно признать СССР союзником в общей войне против нацизма. Значительная часть британских интеллектуалов, придерживавшаяся левых политических взглядов, смогла быстро забыть о недавнем союзе между режимами Гитлера и Сталина как

о кратковременном наваждении, тогда как британский рабочий класс всегда испытывал заметные симпатии к «первому в мире государству рабочих и крестьян». Накануне первой годовщины нападения Гитлера на СССР влиятельный британский еженедельник «Спектэйтор» напечатал статью сэра Бернарда Пэрса, профессора российской истории, под названием «Понять Россию», в которой он писал:

«Публикация англо-советского договора была встречена с неизбежным глубоким удовлетворением. Это именно то, о чем горячо просили на бесчисленных общественных собраниях, которые мне пришлось посетить в различных частях королевства, представители всех политических платформ любого оттенка политической мысли — от консерваторов до коммунистов, и довольно часто наиболее красноречивое выражение нашей признательности вкладу России в войну исходило как раз от консерваторов. Это не имеет ничего общего ни с какой политической теорией. Это было благодарное признание огромной ноши, возлежащей на плечах великого и доблестного народа в нашей общей борьбе против сил зла, вместе с искренним желанием, чтобы после войны эта близкая дружба продолжалась, так как без нее невозможен длительный мир в Европе»⁵.

Однако существовало и иное мнение, которое саркастически высмеял в своей политической карикатуре в газете «Ивнинг Стандарт» 25 июля 1941 г. художник Дэвид Лоу. Он

⁵ (Glass, Marsden-Smedley 1989: 212).

изобразил кучку гражданских и военных бюрократов, сидящих на лужайке и наблюдающих за происходящим вдали сражением «нацистов против Советов»; они говорили друг другу: «Это не наша война, на самом деле. Это просто война, чтобы помочь Гитлеру получить все, что ему нужно, чтобы уничтожить Британию» (Bryant 1989: 68). Надо сказать, что за год с небольшим до этого, 11 июня 1940 г., Лоу изобразил хоровую капеллу европейских диктаторов: Муссолини, Франко и Сталина, под управлением дирижера — Гитлера (Ibid.: 50). О недавнем союзе между двумя диктаторскими режимами забыли далеко не все, и это отчасти служило питательной почвой скептического или сдержанного отношения к восприятию сталинского режима как полного союзника Британии, требующего оказания всемерной помощи.

Такое же двойственное отношение к решению Черчилля, принятому 22 июня 1941 г., отражено и в британской исторической литературе начиная с того момента и вплоть до сегодняшнего дня. Среди скептиков можно выделить влиятельного военного теоретика и историка генерал-майора Джона Фредерика Чарлза Фуллера, который в своих «Решающих сражениях Западного мира» писал, процитировав вышеприведенный пассаж из речи Черчилля:

«Из этого и похожих заявлений ясно, что г-н Черчилль не понимал, что требуется от него на должности премьер-министра и министра обороны. Во-первых, требовалось выиг-

рать мир, выгодный для его страны, и не могло быть ни моральной, ни политической выгоды в том, чтобы заменить Гитлера на Сталина. Во-вторых, поскольку он объявил своей целью устранение Гитлера и гитлеризма, ему следовало бы различать нацистский режим и большинство немецкого народа. ...Эта ошибка продлила войну на годы, и несмотря на окончательную победу, привела к проигранному миру и сделала войну абсурдной.

В-третьих, поскольку британское правительство было связано с Польшей англо-польским договором и предстало перед фактом ее раздела — в котором Сталин был так же виновен, как и Гитлер — г-ну Черчиллю не следовало импульсивно бросать свою страну в объятия Советов, но скорее подождать, пока Сталин попросит помощи, и только затем предложить ее при условии отмены Пакта Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 года...»⁶

На противоположном полюсе нельзя не упомянуть еще более влиятельного историка Алана Джона Персиваля Тэйлора, известного своими левыми политическими убеждениями — т. е. он был полной противоположностью Фуллера, как можно легко догадаться. В многотомной «Оксфордской истории Англии», в томе «Английская история 1914–1945» он писал, что решение, принятое Черчиллем, было единственно возможным и единственно правильным.

Нет сомнений, замечает он, что решение далось Черчиллю легко. Он давно отстаивал союз с Советской Рос-

⁶ (Fuller 1956: 449–450).

сией. Он поклялся добиться победы любой ценой, и как он сказал в частной беседе, «если бы Гитлер вторгся в ад, то я по крайней мере благоприятно отозвался бы о Дьяволе в Палате общин». Как резюмирует Тэйлор,

«В любом случае, у Черчилля не было выбора. Британский народ не был настроен отвергнуть любого союзника после Блица и неудач на Ближнем Востоке. Многие выступали за союз с Советами еще до Черчилля. В любом случае решение представляло эпохальный шаг в мировой истории. На время были отложены в сторону опасения коммунизма. Великий спор о выборе между Германией и Россией, нависавший над британской внешней политикой с начала столетия и загнавший ее в тупик перед войной, был теперь разрешен в пользу России. ...Если Россия выдержит нападение Германии, то она станет мировой державой с согласия, и даже при поддержке Британии и Америки. Выступление Черчилля по радио 22 июня определило судьбу мира на многие будущие годы»⁷.

Любопытно, что другой военный теоретик и историк, фигура, по значимости равная Фуллеру, Бэзил Генри Лиддел-Гарт, в своей «Истории Второй мировой войны», вышедшей в 1970 г., вскоре переведенной на русский язык и изданной в Советском Союзе, никак не комментирует решение Черчилля. Как ни удивительно, не упоминает о нем и Алан Кларк в своей вышедшей в 1965 г. книге

«Барбаросса. Русско-германский конфликт 1941–1945», одной из первых популярных книг по истории советско-германского фронта Второй мировой, вышедших на английском языке⁸. При этом Кларк относился к лагерю скептиков, выразив свои претензии к решению Черчилля, например, в коллективной «Истории Британской империи»:

«Британские лидеры, однако, продолжали свои попытки сконцентрировать ресурсы империи для достижения победы на европейском театре, несмотря на тот факт, что с нападением Германии на Россию угроза для Британии снизилась. ...В итоге незадействованное военное снаряжение было направлено в Россию, где на то время эффект от него был в лучшем случае маргинальным, вместо того, чтобы уйти на Дальний Восток, где эффект, который оно могло бы оказать, стал бы решающим»⁹.

Таким образом, фактически читателю здесь намекают, что причиной британской военной катастрофы зимы 1941/1942 года в Малайе и Сингапуре была помощь, оказанная Британией Советскому Союзу в соответствии с решением, принятым Черчиллем.

Очень влиятельный военный историк Джон Киган в своей книге о Второй мировой войне прямо не критикует решение Черчилля, но фактически подходит близко к мнению Кларка о том, что Британия сама

⁷ (Taylor 1963: 528–529).

⁸ На русском книга вышла в 2004 году под названием «План “Барбаросса”. Крушение Третьего рейха. 1941–1945».

⁹ (Sears 1973: 458–459).

не имела избытка вооружения, чтобы посылать его в СССР. При этом он тоже отмечает слабую совместимость союзников: Британия и Америка оказались вдруг в состоянии «неожиданного и ненамеренного» союза «с марксистским государством, которое не только проповедовало неизбежное, необходимое и желательное падение капиталистической системы, но до июня 1941 года по собственной воле было связано пактом о ненападении и экономическом сотрудничестве с общим врагом» (Keegan 1989: 257–258).

Известный журналист и историк Пол Джонсон в своем труде по истории XX в. также обращает внимание на то, что у Британии по сути не было никаких обязательств по отношению к СССР, который до самого момента германского вторжения помогал военным усилиям Гитлера. Он акцентирует внимание на единичности принятого Черчиллем решения, хотя также отмечает, что его министр иностранных дел Энтони Иден был еще более горячим сторонником оказания помощи СССР (как пишет Джонсон, под влиянием одного своего советника, кембриджского интеллектуала, считавшего ГУЛАГ приемлемой платой за модернизацию СССР). Джонсон замечает, что помощь была предоставлена безо всяких предварительных условий, без контроля над ее использованием, под личное усмотрение Сталина. В противовес принятому решению Джонсон напоминает о предложении, высказанном тогда же Джорджем Кеннаном (впоследствии автором знаменитой «Длинной телеграммы»), о том, что Государственному департаменту США следует рассма-

тривать СССР как «попутчика», а не как «политического союзника», и что помощь должна быть оказана исходя из собственных интересов. По мнению как Кигана, так и Джонсона, с точки зрения морали Сталин был не лучше Гитлера, так что консультироваться с ним по поводу послевоенного устройства мира было сомнительным предприятием (Johnson 1992: 384–385).

Существует также мнение, что Черчилль принял свое решение поддерживать Сталина, исходя исключительно из краткосрочных соображений и не принимая во внимание какие-либо долгосрочные аргументы (как то вышеупомянутое послевоенное устройство мира), именно потому, что не думал, что эти долгосрочные аргументы возникнут: шансы СССР на победу он считал ничтожными и полагал, что надо только максимально продлить то время, на которое гитлеровская военная машина будет занята на советских просторах. Такое мнение можно, например, встретить в довольно критической биографии Черчилля пера Джона Чармли (Charmley 1993: 453).

Впрочем, автор другой биографии Черчилля, тоже весьма критически настроенный к предмету своего повествования, считает, что причиной такого решения Черчилля как раз были его оптимизм и вера в то, что СССР продержится дольше, чем считали в июне 1941 г. военные эксперты. Ее автор, Рой Дженкинс, до того, как встать во главе Оксфордского университета, был политиком высшего разряда, находясь у вершины руководства Лейбористской партии. В соответствии с его левыми

политическими убеждениями у него нет рассуждений о моральной эквивалентности Сталина и Гитлера (*Jenkins* 2001: 660).

Официальный биограф Черчилля Мартин Гилберт (автор весьма многочисленных работ на самые разные исторические темы) также отмечал оптимизм Черчилля, особенно проявившийся в его высказывании о том, что он ставит 500 к одному, что «русские будут все еще сражаться, и сражаться победоносно, через два года» — в ответ на мнение Идена и сэра Стаффорда Криппса, британского посла в Москве, о том, что СССР вряд ли продержится более шести недель. Его секретарь записал тогда его слова, ибо, как он сказал через девять лет, «это было настолько отчаянное предвиденье и настолько радикально отличавшееся от точки зрения всех остальных». Гилберт также отмечает, что Черчилль незамедлительно поставил от своего имени вопрос об усилении воздушных налетов на Германию, а кроме того, предложил делиться со Сталиным данными расшифровки немецких радиоперехватов (*Gilbert* 2014: 701).

Однако в недавно опубликованной новой биографии Черчилля Эндрю Робертс (из-под пера которого также вышли биографии Наполеона и буквально на днях — короля Георга III, помимо серии книг по истории стран английской сферы влияния) напоминает, что за день до нападения Гитлера на СССР Черчилль утверждал, что «Россия несомненно потерпит поражение» в скорой войне с Германией — но при этом добавил, что тем не менее он приложит «любые усилия для помощи России». Робертс также

указывает, что в разговоре Черчилля с Иденом последний придерживался той точки зрения, что помощь новой жертве нацистской агрессии должна быть ограничена только военными вопросами, «так как политически Россия не лучше Германии, и полстраны будет возражать против слишком близкой с ней ассоциации». Как видим, позиция Идена у Робертса отличается от того, как она представлена у Джонсона. Что интересно, в ходе обсуждений ситуации 22 июня сам Черчилль — вполне в соответствии с его собственными представлениями о себе как о «наиболее последовательном враге коммунизма» — в своем выступлении того же дня по радио откровенно поддразнивал симпатизировавшего СССР Криппса (политически находившегося на левом крыле Лейбористской партии), говоря ему о том, что «русские это варвары» и «ни тончайшей ниточки нельзя протянуть от коммунистов до даже самых нижайших представителей человечества». Что тем не менее не помешало ему безоговорочно протянуть руку помощи этим варварам (*Roberts* 2018: 659–661). Как отмечает в той же связи Робертс в одной из своих более ранних книг, Черчилль был готов подчинить свои идеологические убеждения более высокой цели (*Roberts* 2004: 200). Он оценивал начало германо-советской войны как четвертый поворотный пункт Второй мировой после падения Франции, Битвы за Британию и принятия закона о ленд-лизе. «Это было послано Богом — мы ничего для этого не сделали» (*Roberts* 2008: 51).

Известный военный историк Ричард Холмс обращает внимание на то, что Черчилль весьма серьезно

рассматривал возможность высадки десанта в Норвегии, что, с одной стороны, в случае успеха облегчило бы отправку конвоев в Мурманск, ослабив угрозу для них со стороны немецкой авиации и флота, а с другой — стало бы ответом на требования левых политических сил (которые в свою очередь были ретрансляцией требований советского руководства) о немедленном открытии «второго фронта» на континенте. Этим намерениям не довелось быть реализованными из-за отчаянного противодействия верхушки британского генералитета (опиравшегося на реалистичную оценку сил и возможностей британских вооруженных сил на тот момент) (Holmes 2005: 216–217).

Известный журналист, репортер и историк Макс Хастингс, автор множества книг о военной истории прошлого века и особенно о различных аспектах и эпизодах Второй мировой войны, в своей биографии Черчилля в период 1940–1945 гг., названной «Лучшие годы», также уделяет внимание обстоятельствам принятия британским премьером решения о союзе с СССР. Хастингс подробно напоминает о предшествующем антикоммунизме Черчилля, а также об уже упоминавшемся крайнем скептицизме британского истеблишмента по отношению к сталинскому режиму. Он приводит примеры того, как его представители выражали желание, чтобы «немцы и русские перебили бы друг друга», или критиковали Идена и его министерство за то, что «они считают, что русские это нормальные люди», тогда как «это не так, они азиаты, и с ними надо вести себя иначе и весьма жестко».

По мнению Хастингса, Черчилль, скорее всего, просто не видел иного выхода. В этом он был солидарен со многими британцами. Хастингс приводит высказывание одной британки: «Мне почему-то кажется, что Сталин гораздо лучше может справиться с Гитлером, чем кто-либо из нас». При том что он «выглядит весьма неприятной личностью» (Hastings 2009).

В другой книге о том же периоде жизни Черчилля Аллен Паквуд подчеркивает, что первоначально правительство Великобритании стремилось предотвратить использование британскими коммунистами союза с СССР как средства усиления своего политического влияния. По мнению Паквуда, Черчилль не искал союза с СССР, но когда наступило 22 июня 1941 г., единолично принял радикальное решение, которое, как он считал, было в интересах его страны (Packwood 2018: 80–82).

В последнее десятилетие появилось весьма значительное число книг, посвященных Второй мировой войне, в том числе однотомных обзоров. Вопросу, о котором идет речь в настоящем обзоре, обычно находится место, хотя довольно часто в виде простой констатации факта. Джеффри Робертс (автор нескольких известных книг об участии СССР во Второй мировой войне) в своей книге «Войны Сталина» приводит большой абзац из речи Черчилля вечером 22 июня 1941 г. (включая слова о том, что «никто не был более последовательным врагом коммунизма...»), сопроводив его фразой о том, что это решение наверняка принесло существенное облегчение Сталину (Roberts 2006:

92). Подобную же трактовку, сопровождающуюся замечанием о том, что подозрения Сталина по отношению к Британии и Черчиллю имели под собой основания, можно найти и у Гордона Корригана в его «военной истории» Второй мировой (*Corrigan* 2010: 191). Майкл Бэрли (автор книг о Третьем рейхе, об истории терроризма и политического насилия) в своей истории Второй мировой — несмотря на название книги: «Моральная схватка» — никак не коснулся моральной дилеммы, стоявшей перед Черчиллем при принятии такого решения, но отметил сложности, возникшие в связи с советскими требованиями признать аннексию стран Балтии (*Burleigh* 2010: 253–255).

Норман Дэйвис в своей книге о Второй мировой войне как раз уделяет много внимания моральной стороне вопроса. Он касался этой темы и в своих более ранних книгах, например, в работе по истории Польши, но также и в книге по истории Британских островов:

«Черчилль... имел мало иллюзий о моральном ущербе, связанном с союзом со Сталиным. ...Он хорошо знал, что приверженность Сталина демократии и свободе была не больше, чем у Гитлера. ...И британское правительство закрыло глаза на массовые преступления Сталина»¹⁰.

В своей «Европе на войне» Дэйвис отмечает, что за последние десятилетия как историкам, так и широкой общественности стало гораздо труднее закрывать глаза на преступле-

ния сталинского режима, и что эти преступления сложно назвать менее отвратительными оттого, что Сталин сражался на «правильной стороне». И все более распространенным становится мнение о том, что «в соревновании диктаторов как воплощений зла слишком сложно приписать победу кому-то одному» (*Davies* 2006: 66). Хотя, как можно видеть из ранее упомянутой книги Фуллера, не говоря уже о часто приводимых цитатах из мнений британцев о сталинском режиме в 1941 г., в этом случае новое тоже есть не что иное, как хорошо забытое старое — а может, и не то чтобы совсем забытое.

В своей книге о советско-германском фронте «Абсолютная война» Крис Беллами, в свою очередь, высказывает мнение, что как минимум поначалу британское отношение к новому союзнику было скорее как к «совоюющей стороне», вплоть до неупотребления термина «союзник»:

«Я избегаю выражения “союзники”», писал генерал-лейтенант сэр Генри Паунолл, вице-президент Имперского генерального штаба, поскольку эти союзники, по его мнению, представляли собой «грязную банду воров и убийц, сами закоренелые предатели. Хорошо наблюдать, как два наибольших головореза Европы, Гитлер и Сталин, воюют друг с другом»¹¹.

Ту же цитату, характеризующую отношение британской военной верхушки к сталинскому режиму, приводит в своей книге о дипломатии Второй мировой писатель

¹⁰ (*Davies* 1999: 897–898).

¹¹ (*Bellamy* 2007: 409).

и телеведущий Лоренс Рис (*Rees* 2008: 97–98). Джонатан Фенби, в свою очередь, приводит слова Черчилля о том, что начальники видов вооруженных сил в 1941 г. воспринимали любую передачу военных средств Советскому Союзу как будто с них живьем сдирали куски кожи (*Fenby* 2008: 67). В вышедшей к 80-летию начала операции «Барбаросса» книге Джонатана Димблби (который ранее написал книги о войне в Северной Африке и о Битве за Атлантику) вообще утверждается, что, по мнению Черчилля, поставки вооружений в СССР были всего лишь жестом новому союзнику (*Dimbleby* 2021: 160–162).

В новой двухтомной работе о Второй мировой войне с британской перспективы Дэниел Тодман, давая в общем обычное описание выступления Черчилля 22 июня 1941 г., акцентирует внимание не столько на скептическом отношении военной верхушки, сколько на отношении среднего класса, приводя в качестве тех, кого Черчиллю не удалось убедить, писателей Ивлиана Во и Джона Толкиена, рассматривавших (в том числе под влиянием собственной глубокой католической веры) войну как защиту западной христианской цивилизации от варваров. Тодман отмечает, что тем не менее вскоре практически все они поддержали Черчилля. Кроме того, решение Черчилля, по его мнению, было также вызвано тем, что он считал, что нападение Германии на СССР приблизит момент вступления в войну США — а с этим была связана главная надежда Черчилля на победу (*Todman* 2016).

Джеймс Холланд во втором томе своей трехтомной «Войны на Западе»

(пока опубликовано только два первых тома, но автор в промежутке выпустил книги о кампании в Нормандии и на острове Сицилия, до этого опубликовав несколько книг о войне в воздухе, о Средиземноморском театре и о войне в Бирме) также отмечает смешанное отношение в Британии к нападению Гитлера на СССР и выражает мнение, что решение Черчилля было продиктовано «реальной политикой» и соображением, что «враг моего врага мой друг» (*Holland* 2017: 30–31).

Мнения о союзе Британии с СССР встречаются также в книгах, посвященных более широким темам, чем только Вторая мировая война. Найалл Фергюсон, известный своими работами об истории денег, цивилизации, колониализма, в книге о глобальном военном насилии в прошлом веке пишет, что западные державы нашли себе союзника, который с моральной точки зрения был, как они считали, не лучше, чем противник, но был лучше, чем они сами в деле ведения тотальной войны. Для Фергюсона ничто так не символизирует лицемерие западных демократий, как визит во время войны американского вице-президента к советским колымским концлагерям (*Ferguson* 2006: 532).

Хотелось бы завершить этот обзор книгой не британского, а американского исследователя, но вышедшей в том числе и в Британии и встреченной рецензиями в британских средствах массовой информации, представляющими самый широкий спектр мнений, от очень положительных до крайне отрицательных. Это книга Шона Мак-Микина «Война

Сталина» (McMeekin 2021). Согласно Мак-Микину, вся Вторая мировая война была во многом якобы результатом сознательной политики Сталина, стремившегося использовать германский реваншизм и японский экспансионизм для подрыва межвоенного мира и распространения собственного влияния на как можно большие территории. В этом изложении Черчилль и Рузвельт предстают достаточно наивными политиками, не раскусившими намерения их «союзника», во многом находившимися под влиянием сталинских агентов на разных уровнях и в итоге позволившими сталинскому режиму захватить половину Европы. Тот факт, что оценка этой книги британскими историками (при том что в ней нашлось достаточное количество фактических неточностей и ошибок) оказалась столь разнообразной, еще раз показывает, что даже по истечении 80 лет с момента, когда премьер-министр Соединенного Королевства Уинстон Черчилль протянул руку помощи СССР в общей войне против нацизма, мнения о правильности этого решения и о его мотивах остаются столь же разноречивыми, как и в 1941 г.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Черчилль 2010 — Черчилль У. Вторая мировая война. «Альпина нон-фикшн», 2010. Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru).

Alanbrooke 2001 — *Field Marshal Lord Alanbrooke*. War Diaries 1939–1945. Weidenfeld & Nicolson, 2001.

Churchill 1989 — *Winston S. Churchill*. Second World War, abridged edition. Penguin Books, 1989.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Bellamy 2007 — *Chris Bellamy*. Absolute War. Soviet Russia in the Second World War. Macmillan, 2007.

Bryant 1989 — *Mark Bryant*. World War II in Cartoons. Bison Books, 1989.

Burleigh 2010 — *Michael Burleigh*. Moral Combat. A History of World War II. Harper Press, 2010.

Charmley 1993 — *John Charmley*. Churchill: The End of Glory. A Political Biography. Hodder and Stoughton, 1993.

Corrigan 2010 — *Gordon Corrigan*. The Second World War. A Military History. Atlantic Books, 2010.

Davies 1999 — *Norman Davies*. The Isles. A History. Macmillan, 1999.

Davies 2006 — *Norman Davies*. Europe at War. 1939–1945. No Simple Victory. Macmillan, 2006.

Dimbleby 2021 — *Jonathan Dimbleby*. Barbarossa. How Hitler Lost the War. Viking, 2021.

Fenby 2008 — *Jonathan Fenby*. Alliance. The Inside Story of How Roosevelt, Stalin & Churchill Won One War and Began Another. Pocket Books, 2008.

Ferguson 2006 — *Niall Ferguson*. War of the World. History's Age of Hatred. Allen Lane, 2006.

Fuller 1956 — *Major General J.F.C. Fuller CB CBE DSO*. Decisive Battles of the Western World and their influence upon history, Volume III From the American Civil War to the end of the Second World War. Cassel&CO, 1956.

Gilbert 2014 — *Martin Gilbert*. Churchill. A Life. 1991, Electronic Edition Rosetta Books, 2014.

Glass, Marsden-Smedley 1989 — *Fiona Glass, Philip Marsden-Smedley* (eds.). Articles of War. The Spectator Book of World War II. Grafton Books, 1989.

Hastings 2009 — *Max Hastings*. Finest Years. Churchill as Warlord. 1940–45. Harper

Collins, E-book edition, 2009. Chapter Six, Comrades.

Holland 2017 — James Holland. *The War in the West. A New History. The Allies Fight Back 1941–1943.* Corgi Books, 2017.

Holmes 2005 — Richard Holmes. *In the Footsteps of Churchill.* BBC Books, 2005.

Jenkins 2001 — Roy Jenkins. Churchill. Macmillan, 2001.

Johnson 1992 — Paul Johnson. *Modern Times. A History of the World from the 1920s to the 1990s.* Phoenix, 1992.

Keegan 1989 — John Keegan. *The Second World War.* Pimlico, 1989.

McMeekin 2021 — Sean McMeekin. *Stalin's War.* Allen Lane, 2021.

Packwood 2018 — Allen Packwood. *How Churchill Waged War. The Most Challenging Decisions of the Second World War.* Frontline Books, 2018.

Rees 2008 — Laurence Rees. *World War Two Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and the West.* BBC Books, 2008.

Reynolds 2005 — David Reynolds. *In Command of History. Churchill Fighting and Writing the Second World War.* Random House, 2005.

Roberts 2004 — Andrew Roberts. *Hitler and Churchill. Secrets of Leadership.* W F Howes, 2004.

Roberts 2006 — Geoffrey Roberts. *Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939–1953.* Yale University Press, 2006.

Roberts 2008 — Andrew Roberts. *Masters and Commanders. How Roosevelt, Churchill, Marshall and Alanbrooke Won the War in the West.* Allen Lane, 2008.

Roberts 2018 — Andrew Roberts. *Churchill. Walking with Destiny.* Allen Lane, 2018.

Sears 1973 — Stephen W. Sears (ed.) *The Horizon History of the British Empire.* Time-Life Books, 1973.

Taylor 1963 — A.J.P. Taylor, F.B.A., *Fellow of Magdalen College Oxford. English History 1914–1945.* Oxford University Press, 1963.

Todman 2016 — Todman D. *Britain's War: Into Battle, 1937–1941.* Allen Lane, 2016.

REFERENCES

A.J.P. Taylor, F.B.A., *Fellow of Magdalen College Oxford. English History 1914–1945.* Oxford University Press, 1963.

Allen Packwood. *How Churchill Waged War. The Most Challenging Decisions of the Second World War.* Frontline Books, 2018.

Andrew Roberts. *Churchill. Walking with Destiny.* Allen Lane, 2018.

Andrew Roberts. *Hitler and Churchill. Secrets of Leadership.* W F Howes, 2004.

Andrew Roberts. *Masters and Commanders. How Roosevelt, Churchill, Marshall and Alanbrooke Won the War in the West.* Allen Lane, 2008.

Chris Bellamy. *Absolute War. Soviet Russia in the Second World War.* Macmillan, 2007.

David Reynolds. *In Command of History. Churchill Fighting and Writing the Second World War.* Random House, 2005.

Fiona Glass, Philip Marsden-Smedley (eds.). *Articles of War. The Spectator Book of World War II.* Grafton Books, 1989.

Geoffrey Roberts. *Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939–1953.* Yale University Press, 2006.

Gordon Corrigan. *The Second World War. A Military History.* Atlantic Books, 2010.

James Holland. *The War in the West. A New History. The Allies Fight Back 1941–1943.* Corgi Books, 2017.

John Charmley. *Churchill: The End of Glory. A Political Biography.* Hodder and Stoughton, 1993.

John Keegan. *The Second World War.* Pimlico, 1989.

Jonathan Dimbleby. *Barbarossa. How Hitler Lost the War.* Viking, 2021.

Jonathan Fenby. *Alliance. The Inside Story of How Roosevelt, Stalin & Churchill Won One War and Began Another.* Pocket Books, 2008.

Laurence Rees. *World War Two Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and the West*. BBC Books, 2008.

Major General J. F. C. Fuller CB CBE DSO. *Decisive Battles of the Western World and their influence upon history, Volume III From the American Civil War to the end of the Second World War*. Cassel & CO, 1956.

Mark Bryant. *World War II in Cartoons*. Bison Books, 1989.

Martin Gilbert. *Churchill. A Life*. 1991, Electronic Edition Rosetta Books, 2014.

Max Hastings. *Finest Years. Churchill as Warlord. 1940–45*. Harper Collins, E-book edition, 2009. Chapter Six, Comrades.

Michael Burleigh. *Moral Combat. A History of World War II*. Harper Press, 2010.

Niall Ferguson. *War of the World. History's Age of Hatred*. Allen Lane, 2006.

Norman Davies. *Europe at War. 1939–1945. No Simple Victory*. Macmillan, 2006.

Norman Davies. *The Isles. A History*. Macmillan, 1999.

Paul Johnson. *Modern Times. A History of the World from the 1920s to the 1990s*. Phoenix, 1992.

Richard Holmes. *In the Footsteps of Churchill*. BBC Books, 2005.

Roy Jenkins. *Churchill*. Macmillan, 2001.

Sean McMeekin. *Stalin's War*. Allen Lane, 2021.

Stephen W. Sears (ed.) *The Horizon History of the British Empire*. Time-Life Books, 1973.

Todman D. *Britain's War: Into Battle, 1937–1941*. Allen Lane, 2016.

«РАСПАД СССР СТАЛ РЕЗУЛЬТАТОМ НЕ АНТИНОМЕНКЛАТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, А ЕЕ НЕПОЛНОТЫ И НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ».

Интервью с А. В. Шубиным

30 лет назад, 19–21 августа 1991 г. закончилась провалом попытка путча, направленного на отстранение от власти М. С. Горбачева. В те августовские дни получили ускорение процессы, приведшие в конце того же 1991 г. к полному распаду СССР. О событиях 30-летней давности размышляет известный историк и левый политический мыслитель Александр Шубин.

Ключевые слова: М. С. Горбачев, перестройка, А. Д. Сахаров, августовский путч 1991 г., распад СССР, межнациональные отношения, травматическая память.

Сведения об авторе: Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва).

Контактная информация: historian905@gmail.com.

“THE COLLAPSE OF THE USSR WAS THE RESULT NOT OF AN ANTINOMENCLATURE
REVOLUTION, BUT OF ITS INCOMPLETENESS AND INCONSISTENCY”.

Interview with A. V. Shubin

30 years ago, on August 19–21, 1991, the attempted coup, aimed at removing M. S. Gorbachev, failed. In those August days, the processes that led at the end of that same year, 1991, to the complete collapse of the USSR, accelerated. The well-known historian and left-wing political thinker Alexander Shubin reflects on the events of 30 years ago.

Key words: M. S. Gorbachev, perestroika, A. D. Sakharov, the August 1991 putsch, the collapse of the USSR, interethnic relations, traumatic memory.

About the author: Shubin Aleksandr V., doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow).

Contact information: historian905@gmail.com.

Беседовал А. Стыкалин

А. С. В мае этого года ИЭ провела круглый стол к 100-летию со дня рождения А. Д. Сахарова. Мне запомнилось выступление известного правозащитника и общественного деятеля Льва Пономарева: «я только тогда осознал, что в стране происходят необратимые перемены, когда в декабре 1986 г. пришла весть о том, что Горбачев распорядился вернуть Сахарова в Москву». Вы много моложе Пономарева, но в годы перестройки тоже были политически активны. А когда у вас возникло ощущение необратимости перемен, и возникло ли оно в принципе?

А. Ш. Ощущение серьезности перемен в нашей подпольной группе возникало примерно в это же время, но безо всякой связи с возвращением Сахарова (который, кстати, после возвращения взял паузу в политической деятельности). Мы постепенно расширяли нашу общественную активность и видели, что она не подавляется. В начале 1987 г. мы обнаружили, что не одиноки во вселенной, что таких оппозиционно настроенных групп много и есть товарищи, которые опытнее нас. Оптимизма добавила радикальная антибюрократическая риторика январского пленума 1987 г. Хотя понятие «необратимость перемен» для нас явно отличалось от либерального. Мы

ведь ставили очень высокие, по сути постиндустриальные задачи, так что и состоявшиеся перемены «от Брежнева до Путина» до сих пор нельзя оценивать как совершенно необратимые. Изменилась форма индустриального общества в России, но его кризис, начавшийся в 80-е гг., все еще не преодолен. Для нас тогда было очень важно, не вернется ли репрессивность андроповского уровня. То, что она не вернется в ближайшее время, стало ясно только в 1991 г. Хотя, как видим, она возвращается спустя десятилетия. Конечно, смена распределительной системы с планово-бюрократической на монопольно-рыночную тоже была важна (хотя мы оценивали эти перемены куда скептичнее либералов), но и здесь необратимость перемен очевидно проявилась только после распада СССР.

А. С. Мы знаем конкретно-исторические обстоятельства вхождения стран Балтии в состав СССР летом 1940 г. Можно ли говорить о том, что любое размораживание, любая либерализация советского проекта делали заведомо обреченными все попытки удержать эти три республики в составе СССР? Как вы считаете: после обнародования в 1989 г. к 50-летию пакта 1939 г. о ненападении с Германией секретных приложений к этому пакту, на фоне активизировавшихся

во всех трех балтийских республиках общественных движений с требованиями расширения суверенитета, остался ли вообще хоть какой-то гипотетический шанс удержать эти три республики в составе даже реформируемого Советского Союза?

А. Ш. Мы тогда считали, что удержать Балтию в Союзе можно было бы, только расширяя автономию его частей такими высокими темпами, которые даже для национальных движений были слишком оптимистичными. А это было возможно только до 1989 г. В 1989 г. стремление к независимости национальных движений уже вполне оформилось, но тогда можно было предоставить независимость на любых условиях — включая гарантии прав русскоязычного населения, военные базы, обязательства невступления в НАТО и т. д. Решения II съезда имели небольшое значение — вся эта история с протоколами давно была секретом Полишинеля. Мы тогда боролись за независимость стран Балтии и за гарантии прав человека в них. Но проблема горбачевских реформ заключается в том, что они всегда опаздывали на пару или несколько лет, и в итоге срабатывали худшие варианты.

А. С. Продолжая предыдущий вопрос: а не было ли в принципе включение в 1939–1940 гг. в состав СССР ряда плохо интегрируемых западных территорий (не только вышеупомянутых стран Балтии, но также Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии) той миной замедленного действия, которая делала советский проект в конечном итоге обреченным, и это хорошо

показали события 1988–1991 гг.? Обреченным в том числе и потому, что Советская Украина в 1939 г. получила тот свой «Пьемонт» (никогда не входивший в состав Российской империи), который мог стать естественным центром в борьбе за реализацию проекта по созданию самостийной (внесоветской и дистанцирующейся от России) украинской государственности. Не думаете ли вы, что цепная реакция была неизбежной и вслед за Балтией со стопроцентной вероятностью должны были оживиться и восторжествовать сепаратистские тенденции в Западной Украине, а потом и в Молдавии (где среди немалой части интеллигенции существовало стремление к унии с этнически родственной Румынией), в Грузии, да и в некоторых других республиках, причем кровопролитные инциденты вроде тбилисского стали только катализатором происходивших процессов, так что стремление к выходу всех или почти всех республик из-под контроля центра и достижению полного суверенитета восторжествовало бы в любом случае? И неререформируемый Советский Союз неизбежно развалился бы если б не в 1991 г., то независимо от ГКЧП в 1992-м.

А. Ш. Расширение СССР на Запад в 1939–1940 гг. происходило в контексте исторических обстоятельств начального этапа Второй мировой войны, когда действовали совершенно иные внутренние и внешние факторы, нежели в 1988–1991 гг. Кремлевские руководители не могли и не должны были опасаться всеобщего развала СССР из-за этих «плохо интегрированных» регио-

нов в совершенно других условиях. Однако, когда уже в совершенно других условиях начался подъем национальных движений, выяснилось, что время включения в СССР не является принципиальным фактором распада Советского Союза. Во-первых, мощные национальные движения поднялись в Закавказье, которое «вернулось в родную гавань» в 1920–1921 гг. Национальное движение на Украине было сильным не только в бывшей Галиции, но и в Киеве. А в 1991 г. за выход из СССР проголосовало даже большинство жителей Крыма. То есть дело было далеко не только в регионах, которые вошли в СССР позднее. Но — и это главное — СССР распался не в Прибалтике и не на Кавказе. Отпадение окраинных территорий от государства не является фактом его распада. СССР распался в треугольнике Москва — Минск — Киев. Соответственно, и причины распада СССР нужно искать не на «новых» территориях и вообще не на «окраинах», а в самом территориальном ядре СССР. Он мог сократиться в размерах из-за национальных движений в республиках, но распался он по другим причинам.

А. С. Возвращаюсь к «сахаровскому круглому столу», недавно организованному. Мне запомнились воспоминания одного из участников о том, что на академика Сахарова очень угнетающе повлияла информация о провале всероссийской политической забастовки, она вызвала стресс, который ускорил его кончину. Вы помните свои ощущения тех месяцев. Было ли у вас тогда ощущение целесообразности всеобщей политической забастов-

ки, не казалось ли вам, что стремление дальше раскачивать лодку не приведет ни к чему хорошему, обострит существующие противоречия и уж во всяком случае крайне негативно скажется на уровне жизни и материального благосостояния, который и так постоянно падал? И в этой же связи: не кажется ли вам, что именно память о конце 80-х гг. и опасения, что страна пойдет по деструктивному пути, во многом движут сегодня командой Путина в ее стремлении нейтрализовать активность оппозиционеров?

А. Ш. Это группа очень разных вопросов, которые требуют выстраивания ответов в цепочку рассуждений. Начну с того, что я не могу согласиться с этим неведомым мне оратором, пытавшимся так трактовать причины смерти Сахарова. Я общался с Сахаровым по поводу этой забастовки, которую считал как минимум совершенно неподготовленной, и было видно, что Сахаров, настаивая на ней, тоже не исключает неудачи, а занимается своего рода тестированием настроений трудящихся, «революционной гимнастикой», используя выражение испанских анархо-синдикалистов. Это была не первая и не последняя стачка, Сахаров считал, что нужно пробовать качать лодку — и рано или поздно народ поднимется. Не думаю, что неудача той стачки, которая была лишь эпизодом длительной борьбы, вогнала Сахарова в смертельную депрессию. Просто это было его последнее прижизненное деяние, отсюда и преувеличение значения этого эпизода.

Декабрьская стачка — это продолжение истории рабочего протеста и его

использования для борьбы с коммунистическим режимом. Слово «использование» я произношу без оценочно. И сам я активно в этом участвовал, будучи членом Совета Конфедерации труда. Рабочие массы, поднявшиеся на борьбу летом 1989 г., были справедливо возмущены условиями труда и несправедливостью общественного устройства СССР. Вполне естественно, что рабочий актив обратился к оппозиционной интеллигенции с запросом на модель общественного устройства, которая решала бы эти проблемы. Рабочие в хорошем смысле слова использовали интеллектуальный потенциал интеллигенции, а интеллигенция — физическую мощь рабочего движения. Сначала наиболее популярной в рабочей среде была синдикалистская идея, и я до сих пор считаю, что она в наибольшей степени соответствовала интересам рабочих. Но затем, как часть более широкого поворота оппозиционного движения от демократического социализма к периферийному либерализму, началось увлечение рабочих лидеров либерализмом и ориентация на Ельцина и его окружение. Думаю, смерть Сахарова также способствовала превращению Ельцина в единоличного популистского лидера «демократов». Экономическая концепция его либеральных советников не соответствовала интересам рабочего класса, особенно шахтеров, но лидеры шахтерского движения уже стали отрываться от рабочей среды и делать самостоятельную карьеру, сливаясь с движением за капитализм.

Само по себе стачечное движение могло привести к ухудшению эко-

номического положения, но кратковременному. А как сохранение стагнирующего бюрократического индустриализма, так и переход к периферийному полубюрократическому капитализму вели к долговременному ухудшению положения трудящихся. Так что опыт 80–90-х гг. говорит нам о том, что не нужно бояться стачечного движения в борьбе за права трудящихся. Это не самое болезненное средство излечения социальной ситуации. Но принципиально важно, чтобы задачи стачечного движения были направлены действительно на защиту социальных интересов стачечников и других отрядов работников.

Что касается современной российской господствующей касты, лицом которой выступает Путин, то она является наследником победы ельцинской стратегии перехода к периферийному капитализму и президентской автократии. Стремление этой касты покончить с оппозицией продиктовано защитой собственных социальных интересов, противостоящих социальным интересам большинства жителей страны. Но, как показывает опыт перестройки, такая репрессивная стратегия недалеко видна. Ведь демократически настроенные оппозиционеры ценят плюрализм, мнение оппонентов и вообще не кровожадны. Доминирование в общественном движении в 80-е гг. (в отличие от 90-х) сторонников ненасильственной борьбы, своего рода гандистов, способствовало малой кровавости столь масштабных перемен в европейской части СССР. Это вообще уникальный случай в отечественной истории. Выпавшая сегодня цивилизованную оппози-

цию, господствующая каста рискует столкнуться с куда более brutальными и нецивилизованными народными вождями. Как человек, приверженный принципам ненасилия, и как историк, который изучает в том числе и кровавые периоды нашей истории, я гляжу на выкорчевывание гражданского общества в России с тревогой и печалью.

А. С. Где была точка невозврата в отношениях между Горбачевым с его ближайшим окружением и теми, кто организовал ГКЧП? Возможен ли был компромисс внутри партийной элиты, и если да, то на какой основе? И почему не мог состояться сколько-нибудь продолжительный союз между Горбачевым и Ельциным, в августе 1991 г. оказавшимися по сути по одну сторону баррикад? Дело было прежде всего в личных амбициях Ельцина, уже поставившего в августе 1991 г. крест на советском проекте?

А. Ш. Окончательный разрыв Горбачева и организаторов ГКЧП произошел после провала ГКЧП. Когда эта комбинация провалилась, столкнулись две противоположные интерпретации событий. ГКЧПисты утверждали, что Горбачев с ними почти согласился и сказал «действуйте», а он настаивал, что был чуть ли не в заключении и не имеет с путчем ничего общего. А компромисс в партийной элите сохранялся до августа 1991 г., когда и умер вместе с партией.

Я не думаю, что Ельцин и Горбачев были в августе по одну сторону баррикад, у них были разные игры, и за ними стояли разные силы и стратегии. Очевидно, что на сторону Ель-

цина перешли некоторые соратники Горбачева, такие как Яковлев, но сам Горбачев пытался реформировать, а не ломать систему, балансируя между охранителями и «демократами», и эта игра в августе провалилась. Второе направление политики Горбачева — борьба за сохранение единого государства в видоизмененной форме — продолжалось и после августа. И здесь Ельцин нехотя готов был соглашаться с Горбачевым при условии максимального суверенитета республик, не настаивать на провозглашении независимости. Но если Ельцин и его окружение были мотором суверенизации, то мотором парада независимостей оказалось украинское руководство. Кравчук настаивал на выходе Украины из единого государства, и между Кравчуком и Горбачевым Ельцин выбрал первого, тем более что давно мечтал избавиться от второго как от начальника, даже формального. В этой связи можно говорить и об амбициях Ельцина как об одном из факторов беловежского исхода. Эти во многом субъективные обстоятельства наложились на объективные факторы, ослаблявшие СССР, и вкуче с ними привели к распаду Союза.

С советским проектом сложнее, т.к. это многозначное понятие. На его коммунистической интерпретации Ельцин поставил крест уже в 1989 г. Демократическая ипостась советского проекта — власть Советов — смущала Ельцина уже в 1990 г., но он не мог в этом прямо признаться, т.к. Советы были его опорой в борьбе за власть против союзного центра. Истинное отношение Ельцина к власти Советов стало проявляться уже после распада СССР, когда

исчезновение союзного центра и начало шоковой «терапии» привели к прямому конфликту между президентской и представительной властями. А что касается «советского» проекта как сохранения СССР, то Ельцин еще в начале 1991 г. публично заявлял, что Союз не распадется. Отношение Ельцина и его команды к большой стране было ситуативным. Удастся провести переход к капитализму в большой стране — хорошо, не удастся — можно и отдельно в России это сделать. Это проявилось еще во время полемики о программе «500 дней», когда Ельцин, вопреки мнению Явлинского, заявил о готовности начать введение основанного на частной собственности рынка отдельно в России. Но в любом случае амбиции Ельцина были лишь выражением более глубоких социальных процессов. Ельцин был выразителем стремления новой буржуазно-бюрократической элиты к приватизации и избавлению от оков старой номенклатуры. Для них сохранение большой страны было второстепенным фактором, которым можно было пожертвовать ради главного — раздела власти и собственности.

А. С. В основе создания ГКЧП лежали так и не разрешившиеся противоречия внутри правящей партийной элиты. Они проявлялись среди многого прочего в различиях представлений о путях реформирования СССР как союза республик — на первый план к лету 1991 г. вышел вопрос о степени централизации власти. Мы уже говорили о том, что в старом, нерепформируемом виде советскому центру было проблематично удержать многие республики. Но даже в случае реализации

того конфедеративного проекта, который замыслил Горбачев и которому не дали осуществиться путчисты, можно ли представить себе, к примеру, сожительство Армении и Азербайджана (после размораживания конфликта между ними) в рамках какого бы то ни было совместного проекта? Как вы считаете: была ли трансформация СССР в совсем иное качество и под иным названием заведомо обречена на неудачу и в этом смысле путч ГКЧП, как и последующие беловежские соглашения, лишь ускорил развитие событий по абсолютно безальтернативному пути?

А. Ш. И организаторы ГКЧП, и их противники выступали за реформирование — с разной степенью демонтажа старых систем управления. Но авантюра ГКЧП взорвала хрупкий компромисс, в котором было место и государственному регулированию, и общему гражданству Союза, и Армении, и Азербайджану (могли же Турция и Греция сосуществовать в НАТО, Турция и в ЕС пыталась войти, и это не казалось невозможным). Если почитать проект Союзного договора, который готовы были принять и российское, и украинское руководство, то это была бы более сильная интеграция, чем ЕС.

Сохранение такого интеграционного ядра открывало бы возможность возвращения в него и Армении, и Грузии, лидеры которых тогда взяли курс на независимость, но в дальнейшем настроения в этих странах менялись. Несмотря на трудности урегулирования армяно-азербайджанского и других конфликтов на Кавказе, ситуация в 1991 г. была

еще не настолько «запущена», как во время последующих кровавых войн. Но, повторю главную мысль в этом вопросе: даже сокращение территории СССР за счет Прибалтики, Закавказья, Средней Азии или их части не означало распада страны, включающей Москву, Киев и Минск. В середине 1991 г. сохранялись предпосылки для сохранения этой многонациональной страны, причем настолько серьезные, что большинство ее жителей поддерживали единство. Вы правы в том, что в основе трагических событий второй половины 1991 г. лежали конфликты внутри партийной элиты. Но эти конвульсии номенклатуристов — действующих и недавних, переметнувшихся

на «другую сторону» — были ответом на массовое народное движение, которое поставило власть бюрократии под угрозу. В этом отношении я совершенно не согласен с мнением, что распад СССР стал результатом падения власти номенклатуры КПСС. Напротив, распад СССР стал результатом действий номенклатуры КПСС (отчасти перекрасившейся путем выхода из партии с сохранением властных рычагов и номенклатурных связей). Распад СССР стал проявлением номенклатурной контрреволюции, частью которой, конечно, были и Ельцин, и Кравчук. Распад СССР стал результатом не антиноменклатурной революции, а ее неполноты и непоследовательности.

В. И. Мироненко

ГОРБАЧЕВ. К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В год 90-летия Михаила Горбачева один из близких соратников пытается в своем эссе охарактеризовать его как личность и оценить его историческую роль.

Ключевые слова: М. Горбачев, перестройка, реформы социализма, разрядка в международных отношениях, общечеловеческие ценности, крах советской системы.

Сведения об авторе: Мироненко Виктор Иванович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, гл. редактор журнала «Современная Европа», первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1986–1990), член ЦК КПСС (1986–1990), советник президента Горбачев-Фонда (Москва).

Контактная информация:

V. I. Mironenko

GORBACHEV. ON THE OCCASION OF THE 90TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH

In the year of Mikhail Gorbachev's 90th birthday, one of his close associates is trying in his essay to characterize him as a person and evaluate his historical role.

Key words: M. Gorbachev, perestroika, reforms of socialism, detente in international relations, universal values, the collapse of the Soviet system.

About the author: Mironenko Victor I. — Candidat in History, coordinating researcher of the Europe Institute RAS, the main editor of the "Sovremennaya Evropa" magazine, the first secretary of the Central Committee of the all-Union Komsomol organization (1986–1990), the member of the CC CPSU (1986–1990), the advisor of the president of the Gorbachev Foundation.

Contact information:

*«Он человек был, человек во всем:
ему подобных мне уже не встретить...»*

(У. Шекспир. Гамлет)

Незадолго до 90-летия М.С. Горбачева обстоятельства привели меня в здание Горбачев-фонда, что на Ле-

нинградском проспекте в Москве. Построено оно было после того, как у первого и последнего президента Союза ССР отобрали ранее предоставленное ему под создание фонда здание, на его личные средства и на средства людей, понимавших значение сохранения его интеллектуального и политического наследия для России, да и для всего мира.

Я хорошо помню день его открытия, надежды на то, что общими усилиями — самого М. Горбачева и оставшихся с ним соратников и единомышленников в России и в мире, а их было и остается немало, удастся объяснить его миссию и продолжить начатое им и несколькими другими мировыми лидерами того времени дело.

Отчасти это сделать удалось. Об этом свидетельствует хотя бы реакция на его юбилей. Так, например, по инициативе члена-корреспондента РАН Р. Гринберга были подготовлены и вышли в свет специальный номер журнала «Мир перемен» и книга в московском издательстве «Весь мир», где знавшие М. Горбачева люди поделились своими мыслями и о нем, и о его миссии.

Но в тот февральский вечер, когда я пришел в фонд, меня поразила камерность обстановки, теплой и уютной, как всегда, располагающей к размышлениям и к откровенному разговору, но с очевидным для каждого несоответствием между масштабами наследия этого человека и ролью, которую ему довелось сыграть в судьбе и своей страны, и всего мира, с одной стороны, и возможностях, несмотря на самоотверженность

немногочисленных его сотрудников, центра его изучения и разъяснения, с другой. Невольно напрашивалось нелестное для всех нас — россиян сравнение с помпезным, но бедным содержанием, центром Б. Ельцина в Екатеринбурге.

В этом я вижу одну из главных, если не главную причину того плачевного, прямо скажем, состояния, в котором находится наша страна и ее отношения с окружающим миром. Горбачевым и о Горбачеве написано столько, что я не берусь что-либо к этому добавить. Разве что несколько эпизодов и неожиданных для меня аллюзий. Предложенный редакцией жанр эссе для этого как нельзя лучше подходит.

ПОЙДИ И ПОСМОТРИ

Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою (Мф. 2:9–11).

«Но Нафаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойд и посмотри» (Ин. 1:46–46).

В одной из своих последних книг воспоминаний М. Горбачев описал известные мне и ранее обстоятельства своего рождения.

«Спустя много лет мать (Мария Пантелеевна — мама Михаила Сергеевича. — В.М.), — пишет он, — рассказала Ирине — своей первой внучке, — как я появился на свет. Когда начались роды, ее переместили в хозяйственную часть (дома в селе Привольное на Ставрополье, где жили родители Михаила Сергеевича. — В.М.). Положили солому. Постелили постель. Вот так — между жилой частью дома

и хлебом — я и родился. Ирина, став взрослой, как-то вспоминая эту историю, сказала:

— Послушай, папа, ты родился как Иисус Христос.

— Да, ты это имей в виду... Но больше никому не говори», — сказал он и перевел разговор в шутку (*Горбачев* 2012: 31). Шутки шутками, но, да простится мне эта аллюзия, но волхвы на этот раз событие пропустили и звезду не заметили.

Много позже в этой роли выступила премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. После встречи с М. Горбачевым она сказала: «Я определенно нахожу, что он является человеком, с которым можно иметь дело...» (*Уэйн Ли* 2014). Через несколько дней после этой встречи М. Тэтчер вылетела в Кэмп-Дэвид, чтобы убедить в этом президента США Рональда Рейгана. И ей это удалось, но не до конца.

Когда летом 1991 г. лидеры семерки фактически отказали М. Горбачеву в финансовой поддержке, М. Тэтчер, вспоминает П. Палажченко, пришла в советское посольство в Лондоне и в очень эмоциональной форме заявила о своем отношении к этому. «Она <...> попросила о встрече с ним <...> Переводил я, больше никого не было. “Что они наделали! — без предисловий начала разговор Тэтчер. — Сейчас, в самый трудный для вас момент, ограничились риторикой, словесной поддержкой. Этим политикам грош цена! Они ни на что не способны, они подвели вас!”» (*Павел Па-*

лажченко 2013). Что ж, действительно, как говорят англичане, «we rarely miss an opportunity to miss an opportunity»¹.

«В США в заслугу Рейгану обычно ставят то, что он одержал победу в холодной войне, — писал позже Джеффри Сакс. — Если Горбачева и упоминают, то в связи с тем, что он сдался под давлением гонки вооружений, которую наращивал Рейган. Однако ключевым моментом в мирном окончании холодной войны стала не гонка вооружений в 1980-е годы и даже не усиливавшееся техническое и технологическое превосходство США. В “обычных” обстоятельствах упадок Советского Союза мог привести к насилию и к военным авантюрам. Советский Союз прекратил свое существование добровольно, несмотря на имевшиеся у него десятки тысяч ядерных боезарядов <...>, решающее значение имела личная преданность Горбачева делу мира и демократии. Нравственное лидерство стало причиной мирной кончины безнравственной системы. Запад мог сделать намного больше для поддержания демократических реформ Горбачева» (*Джеффри Сакс* 2011).

В этом я с Дж. Саксом полностью согласен. Запад этого не сделал. Трудно сказать, чего в поведении западных лидеров было больше: искреннего недоверия или скрытого умысла. С одной стороны, их можно понять. После десятилетий холодной войны им, действительно, трудно было свыкнуться с мыслью о том, что из Москвы, из Кремля «может ли быть что-то доброе». Но я бы не исключал желание предстать победителями в войне, которой не было.

¹ «Мы редко упускаем возможность упустить возможность» — англ.

Но то, что поверь они тогда М. Горбачеву и окажи ему помощь, мы бы жили сегодня в совершенно другом мире, очевидно. Во всяком случае я в этом совершенно убежден.

НЕ ОТ МИРА СЕГО

*Царство Мое не от мира сего
<...> ныне Царство Мое не отсю-
да (Ин. 18:36).*

В Михаиле Сергеевиче меня всегда поражало несоответствие его поведения тем представлениям о главе государства, вожде, которые были сформированы во мне моим воспитанием.

«Первые дни после избрания генсеком, — пишет он, — Раиса снова и снова спрашивала меня:

— Что делать? Как себя вести?

— Мы не будем ничего менять. Как мы вели себя, так и будем вести дальше. Как поступали, так и будем поступать» (Горбачев 2012: 397).

Так они себя с женой и вели. Как-то он назвал это принятое на традиционной их вечерней прогулке с женой в день его избрания генеральным секретарем решение самым важным решением в своей жизни. И, я думаю, он прав. Потому что главное, чего нам не хватало, не хватало нашему «реальному социализму» — это уважения к этой, а не какой-то будущей жизни, грешной и праведной, своей и единственной у каждого человека. Нам никак не удавалось представить себе главу государства или правительства человеком, на которого волею судеб и его соотечественников возложена тяже-

лая работа по разумной организации общего жизненного пространства, заслуживающего поэтому внимания и уважения, но не более того.

Если вести речь о Горбачеве в жизни, не могу не вспомнить прочно засевший в моей памяти эпизод поездки в Мюнстер в начале сентября 1999 г., где в клинике находились Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна. Кто-то из обслуживающего персонала больницы, приняв меня, по-видимому, за родственника (мы тогда долго гуляли по берегу реки, где немцы, узнавая его, здоровались и выражали свое сочувствие его беде), обратился ко мне с просьбой уговорить Михаила Сергеевича хотя бы ненадолго выходить из палаты жены, чтобы они могли произвести какие-то неотложные процедуры. Да, человеческого в Горбачеве было много, непозволительно много для человека в его положении.

Познакомившись позднее со вторым украинским президентом Леонидом Кучмой и поближе узнав его, я пришел к убеждению, что у них с Горбачевым есть нечто общее, что предопределило их поведение в критических ситуациях. И того, и другого обвиняли в том, что они не использовали в полной мере силу — один в 1990–1991 гг., другой в 2004 г. А они не могли! Оба выросли в деревне, где трудно что-то скрыть и где даже одно отступление от общечеловеческих норм, как их там представляют, может навсегда сформировать твой образ, похоронить тебя в глазах односельчан. У человека, выросшего в таких условиях, не могут, мне кажется, не сформироваться табу, нравственные границы, через которые невозможно переступить, не разорвав

своего сердца, или как волку в загоне пересечь линию флажков.

Тогда в Мюнстере, чтобы как-то отвлечь его, я попросил подписать обращение к студентам Московского института молодежи — бывшей Высшей комсомольской школы, где я тогда работал. Он согласился и написал: «Теперь нам понятно, что ненависть, насилие и война коренятся глубже политики — в сознании миллионов людей, как властвующих, так и страдающих от злоупотреблений властью, ведущих не по своей вине жизнь, унижающую достоинство Человека, наполненную страданием, страхом и ненавистью». Что тут еще добавить? Не от мира сего было его «царство».

ОТКРОВЕНИЕ

*«...Нет ни Еллина, ни Иудея»
(Гал. 3:28).*

Моя первая встреча с М. Горбачевым случилась в 1984 г. По случаю отмечавшегося 60-летия присвоения комсомолу имени В. Ульянова (Ленина) в Колонном зале Дома Союзов в Москве состоялось торжественное собрание.

Мероприятие посетили секретарь ЦК КПСС М. Горбачев и первый секретарь Московского горкома КПСС В. Гришин. Было оно, как водится, долгим и скучным. Я наблюдал за президиумом. В. Гришин просидел все собрание неподвижно, как монумент. Ни одной эмоции на лице, никакой реакции на происходящее. Поведение М. Горбачева разительно отличалось. Он реагировал на происходившее. Провожал глазами комсомолок. О чем-то спрашивал сидевших рядом

с ним в президиуме молодых людей. Он не выступал, но этого и не требовалось. Он все сказал своим поведением. На фоне прочно утвердившегося официоза в условиях «междущарствования» оно выглядело одновременно вызывающим и обнадеживающим.

Я не знаю, что происходило в сознании нового молодого генерального секретаря, принадлежавшего уже к совершенно другому, чем ранее, поколению советских людей, но в моем сознании он произвел переворот, то, что иногда называют «поворотом Коперника». 22 октября 1986 г. в газете «Правда» был опубликован краткий комментарий встречи М. Горбачева с участниками организованного писателем Ч. Айтматовым Иссык-Кульского форума. На ней М. Горбачев заявил о смене политических приоритетов с узкоклассовых на общечеловеческие. Для меня, как и для многих других молодых людей, воспитанных на ленинской («в общечеловеческую мораль мы не верим») мысли о том, что есть интересы более высокого порядка, чем классовые, это было почти святотатством.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

«...Прежде нежели пропоет пещух, трижды отречешься от Меня» (МФ. 26–29).

Я помню, с каким восторгом советская интеллигенция, включая и тех, кто сегодня любит порассуждать о его недостатках и ошибках, «похлопать, — как сам Михаил Сергеевич однажды заметил, — его по лысине», встретила приход и поведение М. Горбачева. Будучи делегатом XXVII съезда КПСС, я видел, как

секретари партийных комитетов разного уровня ели его глазами, пытались хотя бы прикоснуться к полам его пиджака и, как цыплята за курицей, ходили за ним в кулуарах съезда. Все они, все, без исключения, тогда были «горбачевцами».

До определенного момента. «До какого?» — спросите вы. До того, когда он честно, как это почти всегда делал, сказал, что он не может дать им всем и сразу все, чего они хотели. Нет у него такой волшебной палочки! В том, что касается интеллигенции, да простит она меня, большинство ее у нас всегда хочет всего и сразу. «Чего-то хотелось: не то конституции, — писал известный знаток русской души Салтыков-Щедрин в 1876 г., — не то севрюжины с хреном». С творческой интеллигенцией все более-менее ясно. При всем уважении и даже любви к ней, ее политическая инфантильность и безответственность — и не только у нас — давно стала «притчей во языцех». Сложнее дело обстоит с той ее частью, на которую Горбачев, как мне представляется, возлагал большие надежды.

Было у М. Горбачева одно качество, сформированное, по-видимому, его образованием (оно у него отличалось от всех его предшественников — юридический факультет Московского университета, и не «по блату»!). Он уважал науку, испытывал пиетет к научным степеням и званиям, любил и умел слушать ученых. Говорить он тоже умел и любил. До какого-то момента ему удавалось заговорить даже ту часть «партийно-государственной номенклатуры» (по М. Джиласу), которая вполне обоснованно боялась перемен и ни

о какой свободе слышать не хотела. Но Горбачев умел и слушать. Я неоднократно был свидетелем того, как он собирал именитых ученых — экономистов, юристов, историков и даже появившихся наконец и у нас благодаря ему политологов и часами выслушивал их. Говорили они много и хорошо, но либо останавливались ровно у той черты, за которой начиналась ответственность, либо советовали что-то диаметрально противоположное, что даже при пресловутой гибкости Михаила Сергеевича практически использовать было невозможно.

В этой связи мне вспоминается анекдот, услышанный мной в США в те годы. У Р. Рейгана и М. Горбачева, — говорилось в нем, — есть общая проблема. Первый знает, что в его охрану внедрен террорист, которому поручено его убить, но он не может вычислить его среди своих многочисленных охранников. А второй полагает, что среди множества советских экономистов есть один экономист, но не знает кто именно.

Сегодня любят ставить в пример М. Горбачеву Дэн Сяопина и Си Цзиньпина, нахваливать китайский опыт. Даже не принимая в расчет его моральное измерение, стоит отметить, что они начисто забывают (или делают вид, что забыли), с чего предлагал Горбачев тридцать пять лет тому назад на XXVI съезде КПСС начать долгий путь к свободе. А начать он предлагал с «ускорения социально-экономического развития». То есть, попросту говоря, вначале хорошо бы «соломку подстелить», а уж потом прыгать в демократию и рынок. Что ж, жизнь показала, что

«комбайнер», как любят называть М. Горбачева его «высоколобые» критики, оказался намного умнее их. Но тогда это не было так очевидно, и большинство из них очень быстро перебежали к тем, кто либо обещал все и сразу, либо предлагал ничего не менять вообще.

Коммунистическая партия, которую Горбачев безуспешно пытался вернуть к реальности и к нравственно-интеллектуальным гуманистическим корням, его не только не поддержала, а хуже того — предала. То, что от нее осталось сегодня, неоспоримо, на мой взгляд, свидетельствует о совершенном ею тогда политическом самоубийстве. В те годы некоторые наиболее «убежденные» ее члены иронизировали: «В нашей истории бывали случаи, когда лидер не оправдывал доверие партии, но впервые партия не оправдала доверие лидера». Если бы они только могли бы понять, как они были правы!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

«Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37–40).

Я часто думаю о том, какие уроки преподал этот неординарный человек, и вижу их несколько.

Во-первых, это урок любви. Любви к жизни и ее простым радостям, к жене, дочери, внукам и правнукам, к своей Родине — большой и малой, к людям, наконец. Я никогда не слышал от него ни одного плохого слова ни о людях вообще, ни о русском народе, который, как говорят, от него отвернулся. Я не верю в то, что он от него отвернулся. Скорее,

он его не понял не без «помощи» тех, кто привык его обманывать и паразитировать на нем.

Во-вторых, урок человечности. У нас в России глава государства может быть (и были) либо палачом, либо мессией, а чаще всего и тем, и другим одновременно. Человеком со всеми присущими человеку качествами, достоинствами и недостатками, прозрениями и ошибками он у нас быть не может. Горбачев, посоветовавшись, как у них это было заведено, в день своего избрания со своей женой, о чем мы уже вспоминали, решил им оставаться. И поплатился за это. Но он об этом, насколько я знаю, не жалеет. За одним-единственным исключением. О том, что Раиса Максимовна этого выдержать и пережить не смогла. Об этом, кстати, очень искренне и эмоционально сказала Людмила Путина на встрече в Горбачев-фонде в первую годовщину ее ухода.

И в-третьих, урок политики и политикам — сущим и грядущим. В политике нет и не может быть единственно верных и окончательных решений. Политика по природе своей вариативна. В политике можно почти все, нельзя только путать цель и средство. Обретение власти и ее удержание не являются целью политики, это лишь средство достижения цели. Горбачев отказался от власти, когда цель, как ему показалось, была отвергнута. Но продолжал служить ей в меру своих возможностей и сил и после того, как власти лишился.

А о цели, как я ее понимаю, я высказался в его и его жены присутствии еще в 1988 г. на встрече его и В. Яру-

зельского с польской молодежью
в Вавельском замке в Кракове:

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая.
Прочь отвести гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный,
новый,

И пусть мильоны здесь людей живут,
Всю жизнь ввиду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный
труд.
(И. В. Гете. Фауст)

Судьба подарила мне тридцать лет
общения с Михаилом Горбачевым.
Я благодарен ей за это. А ему за то, что
я могу говорить, что думаю, делать то,
что считаю правильным и должным.
А правильным и должным я считаю
помогать ему всем, чем я могу, в его
миссии, и пытаться ее завершить —
«для нас и для всего мира».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Горбачев 2012 — *Горбачев М. С.* Наедине
с собой. М.: Грин Стрит, 2012.

Джеффри Сакс 2011 — *Джеффри
Сакс.* Горбачев и борьба за демокра-
тию // *Huffington Post.* 27.12.2011.
URL: [http://www.inosmi.ru/
history/20111227/181436357.html](http://www.inosmi.ru/history/20111227/181436357.html) (дата
обращения: 27.12.2011).

Павел Палажченко 2013 — *Павел Па-
лажченко.* Публикация на Facebook //
Fasebook. 09.04.2013. 00:20. URL: [http://
www.facebook.com/pavel.palazhchenko/
posts/359742860812329](http://www.facebook.com/pavel.palazhchenko/posts/359742860812329) (дата обращения:
14.04.2013).

Уэйн Ли 2014 — *Уэйн Ли.* Тэтчер о Гор-
бачеве: «Он готов слушать» // *Голос
Америки.* 03.01.2014. URL: [https://
www.golosameriki.com/a/thatcher-
gorbachev/1822581.html](https://www.golosameriki.com/a/thatcher-gorbachev/1822581.html) (дата обраще-
ния: 23.02.2021).

Н. Н. Морозов

ПРИЗРАК «ЖЕЛЕЗНОЙ ГВАРДИИ» БРОДИТ ПО РУМЫНИИ.

Заметки о некоторых аспектах румынской
исторической памяти в актуальном
политическом контексте

Автор анализирует истоки обращения некоторых политических сил сегодняшней Румынии к идейному наследию крайне правых течений межвоенного периода.

Ключевые слова: современная Румыния, межвоенная Румыния, «Железная гвардия», крайне правые идеологии, национализм, диктатура Антонеску, Мирча Элиаде.

Сведения об авторе: Морозов Николай Николаевич, кандидат филологических наук, публицист, переводчик (Бухарест, Румыния).

Контактная информация: morozovv1952@mail.ru.

N. N. Morozov

THE GHOST OF THE "IRON GUARD" WALKS OVER ROMANIA. NOTES ON SOME ASPECTS
OF ROMANIAN HISTORICAL MEMORY IN THE CURRENT POLITICAL CONTEXT

The author analyzes the origins of the appeal of some political forces in today's Romania to the ideological heritage of the extreme right currents of the interwar period.

Key words: modern Romania, interwar Romania, "Iron Guard", extreme right ideologies, nationalism, dictatorship of Antonescu, Mircea Eliade.

About the author: Morozov Nikolay N., candidate of Philological Sciences, publicist, translator (Bucharest, Romania).

Contact information: morozovvv1952@mail.ru.

Сенсацией на прошедших 6 декабря 2020 г. в Румынии парламентских выборах стал успех националистического «Альянса за объединение румын» (Alianta pentru unirea românilor — AUR), который набрал 9,08% голосов, заняв четвертое место среди прошедших в парламент пяти партий после Социал-демократической (28,90%), Национал-либеральной (25,19%) и альянса «Союза за спасение Румынии» — Партии свободы, единства и солидарности (15,37%). При этом в румынский законодательный орган не смогли попасть такие партии, как «Народное движение» (экс-президент Траян Бэсеску) и «Про-Румыния» (бывший премьер Виктор Понта).

Неожиданностью успех AUR (аббревиатура означает по-румынски «золото») стал, прежде всего, потому, что до выборов об альянсе мало кто слышал, или же он вызывал скептически-пренебрежительное отношение, т.к. занимался большей частью организацией уличных манифестаций в поддержку объединения Румынии и Молдавии. Так или иначе, появившаяся «из морской пены» партия вдруг стала четвертой политической силой страны.

Партия AUR была основана в конце 2019 г. Для ее официальной регистрации была выбрана символическая дата — 1 декабря 2019 г. (годовщина объединения Трансильвании и «старого королевства» в 1918 г.), а политическая программа была представлена 24 января 2020 г. (го-

довщина объединения Молдовы и Валахии в 1859 г.). В основу идеологии AUR положены традиционные ценности — семья, родина, православие и свобода. Лидер альянса Джордже Симион определяет его как правую, консервативную, патриотическую и унионистскую политическую силу. Сопредседатель Клаудиу Тырзиу, который заявил после выборов, что Румынию ждет «консервативная революция», называет AUR антисистемной партией, т.к. один из ее программных тезисов — необходимость смены румынского политического класса в целом.

ЛИДЕРЫ АЛЬЯНСА

34-летний Симион рано обнаружил организаторские способности — был главой группировки футбольных фанатов «Вместе под триколором», члены которой обвинялись в ксенофобии и участвовали в столкновениях со стражами порядка. Затем главным направлением его деятельности стала организация акций за объединение Румынии и Молдавии, проходивших в обеих странах. Именно Симиону приписывается авторство лозунга «Бессарабия это Румыния», который можно увидеть повсюду на стенах зданий в Бухаресте. Ему неоднократно запрещался въезд на территорию Молдавии, и он был дважды (в 2015 и в 2018 гг.) выслан из этой страны. Нынешний лидер AUR был одним из инициаторов создания в 2011 г. коалиции неправительственных организаций — унионистской

платформы «Действие 2012» (Acțiunea 2012), цель которой также объединение Румынии и Молдавии. В 2019 г. Симион баллотировался как независимый кандидат на выборах в Европарламент, однако успеха не имел, ныне же он депутат румынского парламента.

Сопредседатель AUR — 48-летний журналист и писатель, ныне сенатор Клаудиу Тырзиу. С 2005 г. он возглавляет ассоциацию Rost, цель которой — «содействовать морально-духовному и социально-культурному возрождению румын во всем мире». Комментаторы отмечают в его текстах воинствующее православие, неприязнь к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации и восхищение основателем «Железной гвардии» (фашистское движение и политическая партия в Румынии в 1930–1940-е гг.) Корнелиу Зеля Кодряну.

Тырзиу входил в руководство ассоциации «Коалиция за семью», которая собрала 3 млн подписей за изменение в Конституции Румынии (ст. 48, п. 1) определения семьи. В нынешней форме основной закон предусматривает, что «семья основывается на добровольном браке между супругами». Инициаторы изменения настаивали на определении «семья основывается на добровольном браке между мужчиной и женщиной», которое не допускало бы заключения брака между лицами одного пола.

По инициативе коалиции 6–7 октября 2018 г. по этому вопросу в Румынии был проведен референдум, который был признан недействительным из-за низкой явки (21,10% зарегистрированных избирателей при не-

обходимом пороге в 30%). Представители коалиции утверждали, что консультация была бойкотирована основными политическими партиями. Полемика об однополых браках ведется в Румынии на протяжении ряда лет и приняла политический характер. Консервативная часть общества, включая церковь, высказывается против таких союзов, либеральная же его часть считает возможным разрешить однополые браки.

Отвечая в ходе одного из телевизионных ток-шоу на вопрос модератора о том, согласен ли он с этикеткой легионеров (членов «Железной гвардии») и фашистов, которая навешивается на AUR, Тырзиу заявил, что партия не намерена придерживаться политкорректности. «Если мы станем проводить политику, соответствующую политкорректности и ее требованиям <...>, то мы далеко не уйдем, — сказал он. — Люди голосовали за нас не потому, что мы такие же, как другие политики, а потому что мы против этой системы, которая, будучи политкорректной, позволила грабить эту страну 31 год, совершить множество отвратительных вещей и довести Румынию до ситуации, в которой мы находимся сегодня. Мы докатились до этого не потому, что нами руководили легионеры, а потому что управляли люди, которые выдают себя за больших демократов».

Кстати, одной из причин для ассоциации AUR с «Железной гвардией» могло послужить совпадение названия Альянса за объединение румын с первым из «трех идеалов румынского народа», которые Кодряну перечисляет в книге «Для легионеров».

Другой видный член альянса — 53-летний философ и писатель, теперь сенатор Сорин Лаврик, который в свое время защитил докторскую диссертацию о философии Константина Нойки (1909–1987), осужденного в социалистической Румынии за симпатии к «Железной гвардии». Философ, ныне директор крупнейшего румынского издательства «Хуманитас» Габриел Лиичану, который был научным руководителем Лаврика, недавно обвинил своего бывшего ученика в неопозволительном смешении «мистики и политики». «Несчастье обрушилось на межвоенную Румынию и целое поколение интеллектуалов, — писал он, — когда в программе некоей партии («Железной гвардии». — *Прим. автора*) политика переплелась с религией <...>, рациональность правления смешалась с мистической риторикой и эмоциями».

Еще до выборов Лаврик допустил ряд опрометчивых, неполиткорректных высказываний, из-за которых был обвинен в расизме (по отношению к цыганам), гомофобии и женоненавистничестве. В результате он был исключен из Союза писателей Румынии, хотя в многочисленных интервью отверг эти обвинения.

«Для нас начинается идеологическая война, в результате которой нынешний политический класс будет устранен, — заявил он после выборов, выражая благодарность проголосовавшим за AUR избирателям. — За четыре года мы уберем партии из парламента. Мы заменим лица, обновим язык и принесем радость быть румыном. Мы вновь обретем мистическое желание быть христианами в тени иконостасов в румынских церквях.

Мы снова ощутим тепло, которое дает мысль о принадлежности к одному народу и возродим экзальтацию от того, что являемся частью целого, которое называется Румыния».

«Все, кто прочитал Сорина Лаврика <...>, почувствовал в этом тексте явный трепет легионера», — комментировал обозреватель Петру Ромошан. «Мы возвращаемся в межвоенный период? Текущий кризис, похоже, воспроизводит в еще более тяжелой форме кризис 1929–1933 годов, стало быть, условия созданы...»

58-летний Кэлин Джорджеску, хотя и не является членом AUR, но был выдвинут альянсом после выборов на пост премьер-министра. Джорджеску — международный эксперт в области устойчивого развития, работал в МИД Румынии и в системе ООН, он — член Румынской ассоциации содействия Римскому клубу, автор ряда книг. В ноябре 2020 г. Джорджеску в «Фейсбуке» назвал «героями», среди других исторических персонажей, Иона Антонеску и Корнелиу Зелю Кодряну. «Этот уважаемый господин, патриот, христианин Кэлин Джорджеску — пока частное лицо, он вне AUR, не является членом, не занимает должности, — сказал Джордже Симион. — Мы его выдвинули, потому что он был единственным специалистом, который сформулировал концепцию для Румынии. Нам понравилась эта концепция, мы приняли ее и включили в нашу предвыборную программу».

«Экзотический» персонаж среди видных членов AUR — 45-летний адвокат Диана Шошоакэ, которая известна большей частью эмоциональными

выступлениями против введенных румынскими властями мер по ограничению пандемии коронавируса — запретов на религиозные собрания, ношения маски, вакцинации и т. д. Сенатор не упускает ни одной возможности возмутить спокойствие, без колебаний выходя за рамки благонамеренного поведения, подобно Мице Бастон — известному персонажу комедии «В дни карнавала» классика румынской литературы Иона Луки Караджале, которая «хотела скандал любой ценой». Оправдывая эту тактику в одном из интервью, Шошоакэ объяснила, что только таким образом AUR может «пробить информационную блокаду, которая создается против тех, кто отвергает лицемерие политкорректности».

ПРИЧИНЫ УСПЕХА

Первой реакцией на успех AUR были не попытки рационального объяснения, а кампания по демонизации альянса, членов которого в СМИ именовали «националистами», «экстремистами», «легионерами», «религиозными фанатиками», «уголовниками», «заговорщиками», «чаушистами». Утверждалось, что за спиной AUR находятся зарубежные эмигранты-легионеры, румынские спецслужбы и, конечно же, русские и китайцы. Бывший советник президента Траяна Бэеску по вопросам безопасности, ныне директор Румынского дипломатического института Юлиан Фота, однако, высказал уверенность, что AUR — «проект румынских лабораторий, в стране или за рубежом, но — румынских!»

Успех AUR многие объясняли общим подъемом национализма, су-

веренизма и популизма в Европе. Другой причиной стал отказ СДП от консервативных тем — национализма, традиционной семьи и церкви, а также слабая критика ведущей оппозиционной партией правительства и президента. В результате часть социал-демократического электората перешла к AUR, который подхватила и успешно развивала эти темы, заняв место радикальной оппозиции. Наконец, успех был обеспечен эффективной и агрессивной предвыборной кампанией, которую альянс вел главным образом в Интернете, умело используя его ресурсы.

Успех AUR на выборах стал результатом возникшего в Румынии политического вакуума, утверждал обозреватель Сорин Рошка Стэнеску. НЛП «прекратила защищать жизненные интересы нации, слепо бросилась в объятия Запада», объяснял он. И СДП «перестала защищать румынскую нацию от нередко враждебного вторжения многонациональных компаний», она «поняла, что для нее единственный способ выжить — подчиниться сигналам из Брюсселя». «За AUR проголосовали те, кто на последней сотне метров понял, что партия может дать надежду на защиту национальных интересов».

«Не думайте, что эта партия появилась ниоткуда, — сказал агентству Аджерпрес социолог Джелу Думиникэ. — Переломным моментом был референдум о семье, когда договоренность между теми, кто поддерживает AUR, и крупными партиями была нарушена. И эти люди сказали: тогда мы сделаем все по-нашему, и появилось то, что никогда не приносило Румынии ничего хорошего:

ультраправославие, ультрарелигиозность, этот христианский национализм, экстремизм, ура-патриотизм, и с сетями, которые у них были, они добились своего».

«Сторонники AUR имеют чрезвычайно прочные корни в диаспоре, — добавил исследователь. — Достаточно напомнить лишь о церкви. Румынские церкви, которых очень много в диаспоре, объединились» (для поддержки AUR. — *Прим. автора*). Согласно статистике, в ходе голосования электората, находящегося за пределами Румынии (т.е. диаспоры), AUR по результатам выборов вышел на второе место.

Ряд обозревателей все же склоняется к тому, что альянс представляет собой детище румынских спецслужб. «Ставший сюрпризом для широкой публики успех AUR не является неожиданностью для параллельного государства (термин, согласно его приверженцам, обозначает неформальную, закулисную группировку лиц, осуществляющих в реальности власть в государстве. — *Прим. автора*)», — считает, например, Петру Ромошан. Далее он продолжает: «Параллельное государство сумело наконец сфабриковать местную партию, на этот раз намного более близкую к легионерам, чем к тем неуклюжим попыткам, которыми были Партия единства румынской нации (PUNR, 1990–2006) и “Великая Румыния” (1991–)».

НАЦИОНАЛИЗМ В ПОДПОЛЬЕ

Шок, вызванный успехом AUR на выборах, был особенно сильным еще и потому, что после смерти

в 2015 г. основателя и председателя «Великой Румынии» Корнелиу Вадима Тудора и ухода этой партии с политической авансены в стране, в отличие от Польши, Венгрии, Словакии, удивительным образом не было националистических политических сил, по крайней мере на первом плане.

Многие политики и обозреватели выражали в связи с отсутствием в стране партий этого направления недоумение и сожаление, тогда как посол США именно за это хвалил Румынию. Бывший лидер СДП Ливиу Драгня, спасая политическую карьеру, попытался в 2019 году внести в свои выступления суверенистские акценты и в результате оказался в тюрьме (3,5 года «за подстрекательство к злоупотреблению служебным положением»). Очевидно, что румынские власти во главе с президентом Клаусом Йоханнисом прилагают максимальные усилия, чтобы Румыния выглядела образцовой либеральной страной — членом Евросоюза и НАТО.

Это, однако, вовсе не значит, что в социалистической (1948–1989) или сегодняшней Румынии не было и нет национализма и националистов. И сегодня в стране существуют националистические политические силы и отдельные политики, однако они немногочисленны и находятся на периферии политической жизни из-за их изоляции мейнстримовскими партиями и традиционного конформизма электората.

Комплекс националистских, консервативных, авторитарных и в конечном счете правых философских,

политических, культурных идей и практик, которые задавали тон в довоенной Румынии, никуда не делся и при социализме, а был лишь загнан в подполье. Речь идет об идеях, которые в советской науке было принято называть «реакционными», «ретроградными», «обскурантистскими». Сегодня комментаторы, характеризуя их, используют такие эпитеты, как «мистические», «почвеннические», «дионисийские», «хтонические», «теллурические» и т. п. В плане философии и литературы эти идеи представлены Нае Ионеску, Мирчей Элиаде и Эмилем Чораном, другими философами и писателями, которых обычно применительно к 1930-м гг. объединяют под общим названием «молодое поколение». **В политическом плане их представляла главным образом экстремистская крайне правая организация «Железная гвардия», которую сегодня в Румынии, как правило, избегают называть фашистской.**

Так, после войны весьма малочисленная румынская компартия, согласно различным источникам, пополнила свои ряды за счет «перекрасившихся» легионеров, которым были прощены довоенные грехи и которые искупали их чрезвычайным рвением на новом политическом поприще. Это произошло, согласно, например, историку Владу Джорджеску, в результате «пакта» между Анной Паукер и рядом руководителей «Железной гвардии» (ноябрь 1944 — август 1945), в частности, бывшим генеральным секретарем движения Николае Пэтрашку. Например, в правительстве Петру Грозы (1945–1946) министром культов был священник Константин Бур-

дуча, в недавнем прошлом активный легионер. В Румынии хорошо известна эпиграмма писателя Пэсторела Теодоряну (1894–1964): «Капитан, не грусти! / Гвардия идет вперед / вместе с компартией!» (Căpitane, nu fi trist! / Garda merge înainte / Prin Partidul Comunist!)

Очевидным образом упомянутыми идеями были воодушевлены в послевоенный период румынская эмиграция, многие группировки сопротивления в карпатских горах, участников которых прежде называли «бандитами», а теперь — «партизанами-антикоммунистами», а также часть населения, которая не принимала послевоенного режима в Румынии, хотя и не проявляла к нему по понятным причинам открытой враждебности. Так, в 1946–1948 гг. в бухарестском монастыре Антим собиралась группа представителей светской интеллигенции и клира «Неопалимая купина» (Rugul Aprins), ставившая целью сохранение православной веры и представлявшая собой своего рода религиозную оппозицию новому режиму.

Националистические проявления уже в то время имели место и среди руководителей румынских коммунистов. И сегодня многие в Румынии с гордостью напоминают о фразе репрессированного в 1948 г. румынского коммуниста Лукрециу Пэтрэшкану: «Прежде, чем быть коммунистом, я румын».

Позднее идеологи Чаушеску, создававшие румынский национал-коммунизм, фактически реабилитировали многих ранее запрещенных философов и писателей

довоенной Румынии, а также взяли на вооружение некоторые их идеи (например, об исключительном происхождении румынского народа от даков — «фракомании»). Ряд источников упоминает о контактах представителей РКП и Секуритате (госбезопасности) с согласия Чаушеску с бывшими членами «Железной гвардии» в эмиграции (Испании, Италии, Германии, Канаде, США), чтобы заручиться их поддержкой в проведении социалистической Румынией «особого курса» на международной арене. Согласно этим источникам, например, известный поэт и общественный деятель Адриан Паунеску с этой целью встречался в Чикаго со знаменитым философом, историком религий и писателем Мирчей Элиаде.

Националистические акценты можно без труда усмотреть в таких массовых мероприятиях социалистического периода, как национальный фестиваль «Воспеваем Румынию» (Cântarea României) и особенно организованный тем же Паунеску кружок «Флакэра» (Flacăra), проводивший спектакли поэзии и музыки, которые собирали десятки тысяч молодых румын. Нельзя обойти стороной и теорию протохронизма (первопрородческого характера румынской культуры), выдвинутую в стране в 1970-е гг. и отстаивавшую хронологическое первенство румын во многих областях науки и культуры.

В академической сфере комплекс упомянутых идей нашел частичное отражение в трудах таких работающих и сегодня ученых, как социолог Илие Бэδεςку или историк литературы Дан Замфиреску. Традициона-

листские концепции пользовались популярностью и обсуждались в кругах интеллигенции в социалистической Румынии, причем эта популярность была значительно усилена официально наложенным на самые радикальные из них запретом, что позволяло участникам обсуждений чувствовать себя вольнодумцами, почти диссидентами.

После падения режима Чаушеску в 1989 г. правая идеология вырвалась на поверхность: начали печататься труды довоенных философов и писателей, стало возможным открыто говорить о «Железной гвардии» в позитивном плане, даже появились организации, члены которых намеревались продолжать ее дело в новую эпоху.

В апреле 2016 г. в румынском городе Синае прошла международная конференция «Наша Европа — Европа наций», в которой приняли участие более 500 радикальных политиков, в том числе лидер французской партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен. Ее провела группа Европарламента «Движение за Европу наций и свобод» (ныне «Идентичность и демократия»), а непосредственным организатором мероприятия в Синае был румынский евродепутат Лауренциу Ребега.

ПОСТОЯННАЯ ВЕЛИЧИНА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Многие авторы отмечают, что национализм является постоянной величиной не только румынской политической, социальной и культурной жизни, но и национального

характера румын. «Из-за большого притока инородных групп наш народ приобрел отвращение к иностранцу и чужаку, которого не скрывает, — писал выдающийся румынский ученый Джордже Кэлинеску в своей монументальной “Истории румынской литературы от истоков до наших дней”. — У него живое евристическое стремление к чистоте расы».

Некоторые возлагают ответственность за эту особенность национальной ментальности на внешний фактор. «Предрасположенность к ксенофобии, более ярко выраженная, как правило, среди сельского населения, была усилена у румын и продолжительным опытом иностранных вторжений — опасность, которая никогда не была устранена из сознания коренных жителей», — считает румынский и израильский историк литературы Леон Волович, добавляя, что в Румынии национализм, как правило, сопровождался антисемитизмом.

Между тем, после образования Великой Румынии (1918), когда стране никто не угрожал, националистические настроения не только не стихли, но, наоборот, — усилились. «Традиция страстного национализма, зародившаяся в период, когда Румыния стремилась объединить всех румын в одном большом государстве, сохранилась и после того, как Румыния достигла в 1920 году своих территориальных целей, кроме самых крайних, и еще больше усилилась, когда общественность обнаружила, что простое овладение “потерянными провинциями” не привело к особым изменениям во внутренней жизни», — отмечал американский исследователь Роберт Ли Вульф.

Этот всплеск националистических идей в Румынии межвоенного (между двумя мировыми войнами) периода нашел отражение и в развернувшихся в стране в ту эпоху интенсивных дискуссиях о национальной специфике, культурном призвании и месте Румынии в Европе. «Сегодня в особенности Эминеску представляет для нас тот румынский, националистический и мистический XIX век, против которого боролись “Жунимя” (культурная и литературная ассоциация в Яссах в конце XIX в. — *Прим. автора*), Майореску и Караджале, — писал, например, Элиаде. — Критический дух это роскошь, которую культура может позволить себе лишь позднее».

В целом исследователи выделяют в румынской культуре, с одной стороны, линию националистской, иррациональной, мистической мысли с истоками в германском романтизме, носителями которой были великий поэт Михай Эминеску, Николае Йорга, Василе Пырван, поколение «Гындири» (Gândirea, что означает по-румынски: Мысль; 1921–1944) — культурного журнала традиционалистской интеллигенции, а с другой — рациональную, либеральную и демократическую линию, берущую начало в идеях Просвещения и Французской революции, которая нашла отражение в творчестве Титу Майореску, Эуджена Ловинеску, Иона Луки Караджале.

РУМЫНСКАЯ BELLE EPOQUE

Период между двумя мировыми войнами служит в Румынии и сегодня предметом горячих споров: для одних он представляет собой «старые добрые времена», для других олицетворяет

контрасты нарождающегося капитализма. Так или иначе, межвоенный период является, пожалуй, самым колоритным во всей румынской истории.

Так, одни утверждают, что в 1920–1930-е гг. страна добилась беспрецедентного экономического роста. Румыния располагала тогда практически неограниченными ресурсами валюты. Инженеры и другие специалисты из Голландии, Англии, Франции и Германии конкурировали за право работать в стране — так хорошо они здесь зарабатывали. Румыния снабжала зерновыми половину Западной Европы, а Трансильвания и Банат по праву считались житницей Балкан.

Другие, однако, приводят аргументы, согласно которым межвоенное благосостояние основывалось большей частью на финансовых спекуляциях. Львиную долю производства в Румынии составляло сельское хозяйство, а оборотной стороной высокого экспорта зерна был голод на селе, где свирепствовала пеллагра — болезнь, вызванная тем, что чуть ли не единственной едой румынского земледельца была пресловутая мамалыга.

Одни доказывают, что румынские конституции 1866 и 1923 гг. были самыми либеральными на континенте, другие убеждены, что демократия в этот период осталась на страницах Конституции. Вот что писал о выборах 1931 г. в Румынии бывший министр иностранных дел Григоре Гафенку: «Делегаты и кандидаты арестовывались, урны и бюллетени похищались, а избиратели избивались». Когда же он направил премьер-министру Николае Йорге телеграмму с протестом, тот ему хладно-

кровно ответил: «Я не могу за один день изменить нравы в обществе».

«Иностранцы наблюдатели единодушно отмечали причудливое сочетание западной роскоши и изысканности румынской элиты с бедностью и примитивностью крестьянской жизни», — писал историк Флорин Константиу. Социальные контрасты, роскошная жизнь меньшинства и нищета подавляющего большинства, коррупция и моральная распущенность побудили известного американского журналиста Сайруса Сульцбергера, который находился в стране перед началом Второй мировой войны, написать в мемуарах: «Если когда-то и была страна, заслуживающая революции, то это была тогдашняя Румыния».

Парадоксальным образом эти же годы стали периодом расцвета румынской культуры и литературы.

«После 1990 года межвоенная Румыния была превращена в подлинный рай усилиями политических демагогов, которые пускали в глаза толпе пыль чудесного прошлого, чтобы получить и сохранить свои посты <...>», — резюмировал литературный критик и историк литературы Валериу Рыпяну. «Румынское общество в этот период, однако, было намного сложнее, чем его рисовали как хулители советского происхождения, так и те, кто утверждал, будто исповедует политические идеи того времени».

Существует мнение, что межвоенные годы были периодом, когда Румыния и румыны достигли наибольшей полноты самовыражения,

когда Румыния была максимально адекватна самой себе. Имеется общее ощущение, что межвоенная Румыния это — *настоящая* Румыния, когда она получила возможность полнейшим образом проявить свою специфику, без вынужденного лицемерия, без необходимости притворяться кем-то другим, без политической корректности. Именно о такой Румынии говорил российский традиционалист Александр Дугин, выступая в апреле 2017 г. в Бухаресте с лекцией, в которой назвал себя учеником румынских философов этого периода — Лучиана Благи, Мирчи Элиаде, Нае Ионеску. «Благодаря этим философам я знаю, что существует небесная и глубокая Румыния, которая представляет вашу вечную идентичность, — сказал он. — Эта святая Румыния делает румына именно румыном». Возможно, это ощущение тогда было вызвано эйфорией после удачного выхода из Первой мировой войны и образования Великой Румынии, отсутствием непосредственной зависимости от великих держав. Так или иначе, но именно в межвоенный период румыны ощущали себя более румынами, чем когда-либо, что, конечно же, способствовало расцвету национализма.

РОЖДЕНИЕ «ЖЕЛЕЗНОЙ ГВАРДИИ»

В 1930-е гг. под влиянием прихода нацистов к власти в Германии, экономического кризиса и нестабильной внутренней ситуации в Румынии набирал скорость процесс общей политической радикализации. Политические партии дискредитировали себя, в стране возникают крайне правые настроения и все прочнее утверждается идея правой диктатуры как

способа решения социальных и экономических проблем.

Именно в этот период на сцене появляется «Железная гвардия». В 1927 г. студент права в Ясском университете Корнелиу Зеля Кодряну основал Легион Архангела Михаила, или легионерское движение, а в 1930 г. создал военизированное крыло организации — «Железную гвардию». Члены движения именовались легионерами, ячейки — «гнездами», а сам Кодряну — «капитаном». В 1937 г. партия легионеров «Все для родины» вышла на третье место на парламентских выборах, а затем в Румынии было образовано «национал-легионерское государство». Впоследствии между «Железной гвардией» и пришедшим в сентябре 1940 г. к власти генералом Антонеску возник конфликт, восставшие легионеры были разгромлены армией, и Антонеску в начале 1941 г. стал единоличным диктатором. На заключительном этапе легионеры превратились в «пятую колонну» гитлеровской Германии, где и нашел в конце концов убежище их последний главарь Хория Сима.

Сегодня румынские историки сходятся на том, что, по крайней мере, на начальном этапе движение легионеров отражало радикальную реакцию молодого поколения, вступившего в общественно-политическую жизнь Румынии в 30-е гг., на царившие тогда в стране коррупцию, аморальность, скандалы и циничное политиканство. Воодушевленная высокими идеалами молодежь, пролившая кровь в Первой мировой войне, вдруг с негодованием обнаружила, что судьбами страны по-прежнему вершат продажные политики. Объявив себя посланниками Архангела

Михаила, легионеры клялись выжечь каленым железом язвы румынского общества, очистить Румынию от коррупции, политиканства и буржуазного филистерства, спасти нацию. Их «новшеством» стало включение в арсенал средств борьбы физическое убийство политических противников. От рук легионеров погибли премьер-министры Ион Георге Дука и Арманд Кэлинеску, экономист Вирджил Маджару, а осенью 1940 г. и стоявший у них на пути великий историк Николае Йорга. Сам Кодряну в 1924 г. застрелил в Яссах префекта полиции и сдался властям, после чего был оправдан в результате судебного процесса (!).

Ряды движения быстро росли за счет возникшей в Румынии в этот период значительной прослойки «интеллектуальных пролетариев» — выпускников университетов, не находивших себе работы. Оно впитало разорившихся помещиков, амбициозных политиканов, люмпенов-уголовников, приобрело антисемитские и шовинистские акценты и, наконец, стало инструментом политики гитлеровской Германии. Попытки ряда партий и политиков заключить с «Железной гвардией» предвыборные соглашения придали организации определенную легитимность. Ее членами стали многие священники, т. к. церковь поддерживала движения, выступавшие в защиту православия, что обеспечило легионерам влияние в сельской среде.

«МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ» И ЛЕГИОНЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Молодые представители фрондирующей интеллигенции, в свою очередь, кокетничали с идеями

восстания против существовавшего порядка и морального возрождения нации, увлекались иррациональными доктринами и православной мистикой. Ряд видных интеллектуалов — Мирча Элиаде, Эмиль Чоран, Константин Нойка, Мирча Вулкэнеску, Михаил Полихрониаде — сблизилась в этот период с «Железной гвардией», а некоторые формально стали членами движения. Впрочем, отдельные исследователи считают, что, напротив, — радикальные политические движения конфисковали и политизировали традиционалистские течения европейской мысли, которые обращались к исследованию иррационального, мифического, сакрального.

Многие представители «молодого поколения» встали на этот путь, следуя примеру своего ментора, профессора метафизики в Бухарестском университете и публициста Нае Ионеску, который в 1933 г. присоединился к «Железной гвардии» и стал, как утверждалось, «серым кардиналом» движения. Харизматичный профессор оказывал истинно гипнотизирующее воздействие на учеников, а некоторые в Румынии исповедуют его культ и сегодня.

Учившийся в Германии Нае Ионеску был адептом философии жизни (Lebensphilosophie), а собственную доктрину назвал «трэиризмом» (от глагола a trăi — жить). Единственно подлинной он считал переживаемую философию, отличая ее от классической, которую полагал «мертвой буквой». Приверженцы этой доктрины, которую именовали «румынским экзистенциализмом», переживали метафизическое

отчаяние и предавались мистической экзальтации, учились действовать, подчиняясь неуправляемым инстинктам. Таким образом, трэизм был не столько учением, сколько определенным психологическим и душевным состоянием. Любитель эффектных жестов Нае Ионеску однажды на легионерском празднике на берегу моря уселся у ног Кодряну со словами: «Здесь мое место, капитан!», подчеркивая таким образом примат действия над теорией.

Философия жизни возникла как реакция на рационализм эпохи Просвещения, а ее суть состояла в идее, согласно которой возможности разума ограничены, и поэтому человеческий опыт, включающий иррациональные элементы, нельзя описать с помощью логики, а только интуитивно. После того как рационализм стал мейнстримом развития науки, альтернативные подходы были вытеснены в периферийную зону религии, оккультизма, эзотерики. Таким образом, часть реальности перестала быть предметом научного исследования, что не мешало, впрочем, даже крупным ученым-позитивистам в частных беседах высказывать «мистические» идеи. Картезианский рационализм был излюбленной мишенью для Нае Ионеску. «Румынская философия обретет себя, лишь сведя по-цыгански счеты с Декартом», — писал, например, он.

По следам учителя шли и молодые интеллектуалы. Так, Элиаде обвинял иудео-христианскую традицию в «устранении сакрального из современного общества». Полихрониаде писал о «потребности в примитивном, подсознательном, иррациональном». «Румыния нуждается в экзаль-

тации до фанатизма, — восклицал Чоран, которого в ту пору называли “карпатским Ницше”. — <...> Фанатизация Румынии это — преобразование Румынии. Мы слишком добрый, уравновешенный, благопристойный народ. Я могу любить только Румынию в бреду».

Позднее, уже главным образом в эмиграции, представители «молодого поколения» либо резко изменили отношение к легионерскому движению (Чоран), либо отказывались признавать свои заблуждения юности (Элиаде). «Это была, скорее, безумная секта, чем партия, — писал Чоран. — Там меньше говорили о национальном возрождении, больше... о великолепии смерти».

ИДЕОЛОГИЯ ЛЕГИОНЕРОВ

Вожди «Железной гвардии» провозгласили своей целью «моральное возрождение Румынии», а в основу легионерской идеологии положили национализм, православие, борьбу с коммунистами и евреями. Согласно их концепции, православие представляет собой изначальную составную часть национального румынского характера и служит определяющим фактором в формировании национальной специфики. Один из идейных отцов легионеров, поэт, эссеист и философ Никифор Крайник, получивший прозвище «светского епископа», отмечал в книге «Иисус в моей стране», что «субстанция церкви у нас повсюду смешана с этнической субстанцией».

Другие базовые элементы — антикоммунизм и антисемитизм. Отно-

шения Румынии с Россией обрушились сразу после 1917 г. После этого тезис о «большевистской угрозе» постоянно присутствовал в официальной пропаганде, будучи усугублен проблемой вывезенного во время Первой мировой войны и оставшегося в Москве румынского «золотого запаса». Враждебность усилилась после потери в 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины, когда многие в Румынии поддержали диктаторский режим Антонеску, надеясь на восстановление границ Великой Румынии и устранение «большевистской угрозы».

Еврейская проблема и первые ростки политического и доктринального антисемитизма появились в Румынии в середине XIX в. одновременно с формированием единого румынского государства, пишет Леон Волович. Утверждалось, что евреи не только «развращают душу румынской нации», но и выбрали Румынию для создания на ее территории собственного государства — новой Палестины. Позднее евреи отождествлялись с большевистской угрозой, пишет этот автор, а их самыми опасными представителями считались раввин, банкир и журналист. «В Румынии 1930-х годов невозможно представить себе дело Дрейфуса», — заключает Волович.

Между тем легионеры отрицали не только советский коммунизм, но и западный капитализм. Архаичное по своей сути движение противостояло всем долетавшим с Запада новым веяниям. Они отвергали модернизацию, требовали возврата к патриархальному образу жизни, идеализировали образ румынского

крестьянина, поскольку село, согласно их концепции, оставалось последним очагом румынских национальных традиций. Например, Чоран требовал «положить конец обанкротившемуся существованию демократического государства, основанного на отжившей идеологии французской революции». Взамен легионеры ставили задачу построения «тоталитарного государства на национальных основах».

«Демократия не просто устраняет национальную элиту, но заменяет ее наихудшими представителями нации, — писал Кодряну в книге «Для легионеров». — Демократия избирает людей, абсолютно лишенных совести и морали, тех, кто больше заплатит, то есть тех, кто больше коррумпирован: фокусников, шарлатанов, демагогов, способных выставить себя с наилучшей стороны во время избирательной кампании».

«Посредством системы выборов, — утверждал вождь легионеров, — демократия создала в Румынии «национальную элиту», основанную не на смелости, не на любви к родине, не на принесенных жертвах, а на предательстве страны, на удовлетворении личного интереса, на взятках, на торговле сферами влияния, на обогащении за счет эксплуатации, хищений и грабежа, на трусости и интригах».

В традиционной полемике вокруг дако-римского этногенеза румынского народа идеологи «Железной гвардии» переносили акцент с римлян на даков. Таким образом они отказывались от имитации французской модели («старшая

латинская сестра») и открывали двери перед Германией. Вновь получил распространение культ Замолксе — верховного божества даков, хотя о существовании этой религии у даков практически нет сведений. «Все теории “замолксизма”, его эволюции и влияний являются лишь современными спекуляциями, лишенными информационной базы, без которой их нельзя обосновать, — писала историк Зое Петре. — Частота этих спекуляций принадлежит исключительно современной истории идей и идентитарным амбициям». Между прочим, и в сегодняшней Румынии существует неоязыческое движение замолксианства, участники которого пытаются восстановить «этническую религию румын», обращаясь к их древним дакийским корням.

Важное место в идеологии «Железной гвардии» занимали эсхатологические мотивы и культ смерти. Это должно было держать легионеров в постоянном возбуждении, в готовности к самопожертвованию. Доктрина включала постулат, согласно которому и мертвые являются частью вечного румынского сообщества.

Писатель Винтилэ Хория (1915–1992), приговоренный «народным трибуналом» в послевоенной Румынии к пожизненным каторжным работам, написал роман «Бог родился в изгнании», которому в 1960 г. была присуждена Гонкуровская премия. В романе, который написан в форме воображаемого дневника сосланного в Томис (Констанцу) Овидия, даки представлены избранным народом, народом-богоносцем. «Земная жизнь не имеет для даков никакой

ценности, пишет в этом дневнике Овидий, смерть является для них тем, что мы назвали бы удачной развязкой. То, что им труднее вынести, это — жизнь». (Сегодня имя Винтилэ Хория носит улица в Кишиневе. — Прим. отв. редактора ИЭ.)

Среди членов «Железной гвардии» практиковались суровая дисциплина и мистические ритуалы, которые должны были способствовать формированию «нового человека — легионера», призванного возродить румынскую нацию.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КАРЬЕРА «ЖЕЛЕЗНОЙ ГВАРДИИ»

«Железная гвардия» и ее вождь получили известность в европейских крайне правых кругах, а сам «капитан» считал свое движение европейским лидером, отвергая обвинения в имитации германского национал-социализма. Действительно, **в отличие от гитлеровской доктрины, очищенной от всех элементов религии и отвергавшей христианство, идеология легионеров, в центре которой находилось православие, была глубоко религиозной.** Эссеист Рэзван Кодреску отмечал в этой связи, что «Железная гвардия» была «единственной специфически румынской общественной формацией за последние два века, а не простой имитацией западных образцов, какими были все другие».

Такие теоретики традиционализма, как Рене Генон (1886–1951) и Юлиус Эвола (1898–1974), которых ряд исследователей считает идеологами ультраправых движений, в том чис-

ле фашизма и национал-социализма, интересовались ситуацией в Румынии и ролью «Железной гвардии». Основоположник интегрального традиционализма Рене Генон высказывался на эту тему сдержанно: «То, что происходит в Румынии, становится все более неясным и сложным, — писал он. — <...> Ответственность за все это несут очень странные персонажи, как, например, этот Кодряну, который утверждает, будто действует после откровений, которые получает от архангела Михаила».

Юлиус Эвола, однако, в 1936 г. побывал в Румынии, встретился с Кодряну, которого назвал «одной из наиболее благородных и чистых фигур среди вождей движений национального возрождения», и взял у него интервью. «Необходимо учитывать дуализм человека, который состоит из природного, материалистического элемента и духовного, — сказал ему, в частности, “капитан”. — Когда первый преобладает над вторым, это — “ад”. Всякое же их равновесие временно и случайно. Только полное господство духа над телом является необходимым условием, предпосылкой для всякой подлинной силы, истинного героизма». «Мы стремимся оживить в форме национального сознания и живого переживания то, что в религии слишком часто оказывается мумифицированным стало традиционализмом сонливого духовенства», — отметил он, комментируя связь движения с православием.

«Очевидным образом, “Железная гвардия” была крупнейшей и самой успешной фашистской партией

на Балканах», — заключал американский исследователь Роберт Ли Вульф.

ДВЕ «ЖЕЛЕЗНЫХ ГВАРДИИ»

После Второй мировой войны содержательное обсуждение «Железной гвардии» по понятным причинам фактически было табу и сводилось к повторению ряда официальных клише. Как писал итальянский исследователь Клаудио Мутти, если некий мыслитель был обвинен в связи с национал-социализмом, то в эпоху «после Аушвица» на его произведение ссылаться стало невозможно. Все же полагаем, что любые течения мысли подлежат объективному анализу как в рамках общей истории идей, так и для того, чтобы верно оценить их влияние на социально-политическую жизнь.

После падения в 1989 г. социалистического режима в Румынии в отношении этого предмета произошла «оттепель», и стало возможным высказывать различные оценки «Железной гвардии», в том числе, особенно под флагом антикоммунизма, и положительные. В результате кристаллизовались в принципе два взгляда. Согласно одному из них, «Железная гвардия» — это экстремистская пронацистская организация, члены которой провозглашали цель создания в Румынии тоталитарного государства на националистической и религиозной основе. Легионеры терроризировали население, маршируя по улицам в зеленых рубашках с кожаными портупьями и с мешочками с румынской землей на шее, устраивали еврейские

погромы и физически уничтожали своих политических противников. Однако и «Железная гвардия», в свою очередь, подвергалась румынскими властями репрессиям, которые завершились убийством сначала лидеров движения, включая Кодряну, а затем массовым истреблением легионеров.

В соответствии с другой точкой зрения, «Железная гвардия» была своего рода мистической сектой, а преследовавшиеся легионеры приносили «очистительную и укрепляющую жертву». Так, Элиаде, которого, конечно, нельзя считать беспристрастным свидетелем, писал, что легионерство было «не столько политическим, сколько религиозно-этическим движением», и лишь вскользь признает, что легионеры совершили многочисленные и одиозные преступления. Сам Кодряну утверждал, что возглавляемое им движение — это «духовная школа, в которую входит человек, а выходит из нее герой».

«Следует ясно различать легионерское движение до смерти капитана и после, когда в его руководстве появился нацистский агент Хория Сима, который повел движение в другую сторону с помощью Германии, — утверждал Мариус Луля — бизнесмен и журналист, который, как утверждают, является закулисным хозяином-финансистом AUR. — По сути, после 1940 года руководство движения отмежевалось от ценностей, которых исповедовало прежде, и попыталось ввести режим террора, пользуясь драмой утраты части Трансильвании и Бессарабии».

ЛЕГИОНЕРЫ И ТРАДИЦИЯ

Некоторые исследователи сближают идеологию «Железной гвардии» с иррациональными, мистическими течениями в европейской философии, находя для нее место в рамках традиционализма. Речь идет о философско-религиозном учении, в основе которого лежит идея о некогда существовавшей, но утраченной Традиции — едином комплексе знаний и законов трансцендентного происхождения.

Это знание нельзя получить рациональным путем, в результате логических умозаключений или процесса обучения. Его можно обрести только путем непосредственного постижения, озарения, эпифании. Критикуя «близорукое видение мира» и «абстрактную культуру» представителей Просвещения, французский исследователь Филипп Бэйе писал, что так называемые обскурантисты «добровольно отказываются от штабелей книг, потому что существует невежество более ученое, чем все светские науки».

В определенный момент, согласно этому учению, единая примордиальная Традиция распалась на различные философские школы, религиозные учения и духовные традиции, что привело к ее искажению и началу необратимой деградации мира вплоть до окончательной катастрофы. Другими словами, — пришествия Антихриста, после которого будет вновь обретена первоначальная истина — Традиция.

Активные действия, которые могут способствовать выходу из кризиса

современного мира, по Генону — «темного века», могут заключаться в формировании элиты, способной к восприятию метафизических принципов, а также, логически рассуждая, в содействии уничтожению существующего мира, поскольку это приближает его грядущее возрождение. «Любой жест по разрушению демократии в Румынии — это созидательный акт», — писал Чоран.

Поэтому некоторые исследователи «Железной гвардии» считают возможным говорить в описанном румынском контексте о возвращении или о поисках Традиции и даже задаются вопросом, представлял ли собой Легион Архангела Михаила подлинное возвращение Традиции? По мнению Филиппа Бэйе, «гипотеза удивительного сохранения в Румынии архаичной традиции, интегрированной в то, что Мирча Элиаде называл “космическим христианством” румын, должна быть внимательно изучена». «Румыния имеет выдающуюся протоисторию и преисторию, — подчеркивал сам Элиаде. — Здесь, на нашей земле вырос первоначальный феномен». Он также писал об участии румын «в великой духовной традиции, корни которой уходят в протоисторию, и которую история лишь исказила».

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Историк литературы Думитру Мику высказывал в монографии «Гындирия и гындиризм» мнение, согласно которому будущие исследования покажут, вероятно, что склонность

той или иной нации к правым, даже тоталитарным идеям связана с определенными чертами национального характера.

Известно, что во многих странах в разное время предпринимались попытки определить национальный характер, или хотя бы его значимые черты, и румыны здесь не исключение. «Начиная со второй половины XIX века, в румынской публицистике появляется понятие “румынизм”, развиваемое в рамках националистской идеологии, — пишет Волович. — Оно выражает чувство принадлежности к румынской нации, фиксирует врожденные и затем укрепленные традициями, обычаями, религией и совместной историей этнические черты, которые считаются специфически румынскими».

Рассматривать здесь вопрос о национальном характере было бы опрометчивым предприятием, однако наличие в мироощущении и мировоззрении румын «сумрачного», иррационального, мистического измерения — реальность, которая нашла отражение в многочисленных философских и литературных произведениях, отмечалась многими авторами (румынская ментальность отличается как от строгой рациональности западных европейцев, так и от эмоциональной мечтательности русских, писал философ и поэт Лучиан Блага) и выжила даже в самых неблагоприятных условиях. Интерес к широкому кругу вопросов традиционализма сохраняется в Румынии и сегодня: например, бывший вице-премьер Джелу Войкан Войкулеску выпустил в 1994 г. книгу «Рене Генон».

ПРЕОБРАЖЕНИЕ «АЛЬЯНСА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ РУМЫН»?

Диана Шошоакэ в интервью известному обозревателю Иону Кристою назвала успех AUR на выборах «криком гнева из-за того, что румынскую душу растоптали сапогами». В ответ журналист прозорливо заметил: «От гнева до политики долгий путь».

Быстро выяснилось, что AUR испытывает трудности с адаптацией к текущей парламентской работе по причине как собственной неопытности, так и обструкции со стороны других парламентских партий, которые сначала пытались переманить к себе некоторых депутатов и сенаторов альянса, а затем развернули кампанию по его дискредитации. Признаки розни проявились и в самом альянсе.

Между тем обозреватели обратили внимание на то, что весьма шумные прежде представители AUR, оказавшись в парламенте, внезапно умолкли. «Может быть, партии <...> предназначена в перспективе иная роль, нежели так называемая защита традиционных ценностей Румынии?» — предположил обозреватель Богдан Тибериу Якоб.

22 января AUR распространил официальный пресс-релиз, в котором сообщалось о присоединении AUR к европарламентской группе «Европейские консерваторы и реформисты». Естественным было бы вступление AUR в группу националистов «Идентичность и демократия», где работают Маттео Сальвини и Марин Ле Пен, удивлялись некоторые комментаторы, делая вывод о том, что AUR «заключил пакт с системой».

10 февраля из альянса была исключена неуправляемая Шошоакэ. В пресс-релизе AUR отмечалось, что она «не поняла, каковы правила игры, когда ты высокопоставленный государственный чиновник», и «хочет играть в одиночку, на собственной территории».

Несмотря на эти усилия лидеров AUR, давление не прекратилось. 3 февраля группа представителей интеллигенции (44) подписала открытое письмо лидерам правящей коалиции, в котором резко осудила встречу трех министров (образования, юстиции и здравоохранения) с парламентариями альянса. Согласно документу, AUR является «носителем вредного идеологического конгломерата экстремистского характера». Румынские интеллигенты рекомендовали политикам правящей коалиции поддерживать с AUR строго формальные отношения, «чтобы сохранить таким образом “санитарный кордон” вокруг партии, которая представляет опасность для демократии в Румынии».

«Оказавшись в парламенте, Джордже Симион пытается занять место в политическом бомонде, — объяснял публицист Ион Кристою. — Он хочет показать, что AUR больше не мятежная партия, которая 6 декабря 2020 года выразила народный гнев против режима, а партия, которая идеально встраивается в установленный порядок, <...> которая может быть приглашена к правлению».

Таким образом, лидеры AUR, почувствовав вкус власти, похоже, внезапно «образумились», приняли прагматичное решение отказаться

от нападков на румынский политический класс и благополучно в него интегрироваться, чтобы пользоваться всеми преимуществами обретенной респектабельности.

С другой стороны, развернулся параллельный процесс приручения AUR, превращения прежнего анти-системного альянса в послушную часть системы, которая лишь имитировала бы радикальную национа-

листическую оппозицию, оставаясь на коротком поводке.

Можно предположить, что в настоящее время ведется торг вокруг «цены вопроса», в ходе которого правящие партии стремятся подчинить AUR, предлагая его лидерам минимальную компенсацию, тогда как последние пытаются получить за свое послушание максимальное вознаграждение.

Г. В. Касьянов

«ДЕКОММУНИЗАЦИЯ» В УКРАИНЕ, 2014–2021: ПРОЦЕСС, АКТОРЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ*

Статья посвящена описанию и анализу политики «декоммунизации» в Украине после 2014 г. Рассматриваются позиции, мотивация и действия основных акторов этой политики: групп интереса, политических сил, государственных институтов, общественных организаций. Анализируются общественные реакции на «декоммунизацию», дискуссии о ее сущности и методах осуществления.

Ключевые слова: историческая политика, коммеморация, символическая политика, советское наследие, историческая память, декоммунизация, современная Украина, национализм.

Сведения об авторе: Касьянов Георгий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории НАНУ (Киев, Украина).

Контактная информация: coffee_cup_2007@hotmail.com.

G. V. Kasianov

“DECOMMUNISATION” IN UKRAINE: 2014–2021: THE PROCESS, ACTORS, RESULTS

The subject of the article is an overview and analysis of the policy of “decommunization” in Ukraine after 2014. Attitudes, motivation and actions of the main actors of this policy are considered: interest groups, political forces, state institutions, civic organizations. Public reactions to “decommunization”, discussions about its essence and methods of implementation are analyzed.

Key words: historical politics, symbolic politics, commemoration, Soviet heritage, historical memory, decommunisation, modern Ukraine, nationalism.

About the author: Kasianov Georgy V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of NASU (Kiev, Ukraine).

Contact information: coffee_cup_2007@hotmail.com.

© Г. В. Касьянов, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-174-200

* Статья подготовлена во время стажировки в Центре исследований современной истории (Leibniz-Zentrum für Zeithistorische Forschung Potsdam) в июне 2021 г.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Эта статья посвящена описанию и анализу «декоммунизации» в Украине в 2014–2020 гг. Под «декоммунизацией» имеется в виду комплекс политических действий, направленных на устранение из символического, политического и культурного пространства Украины символов «тоталитарного коммунистического режима», а также на ликвидацию, маргинализацию или общественное осуждение политических и общественных групп, являющихся или представляющихся наследием этого режима либо проявляющих реальную или воображаемую симпатию к нему.

Термин «декоммунизация» взят в кавычки по нескольким причинам. Первая — это устоявшийся публицистический и журналистский стереотип, который приходится использовать в силу его распространенности и популярности, хотя на самом деле он в значительной мере не соответствует сути описываемых им процессов. Более того, во многих отношениях «декоммунизация» — это имитация и мистификация, прежде всего в главном смысловом значении этого термина. Подавляющее большинство топонимов и мест памяти давно уже «декоммунизировались» сами собой, т.е. утратили идентичность, не несли своей первоначальной идеологической нагрузки (Грищенко 2019; Гайдай 2018).

Вторая — этот термин не имеет прямого отношения к научной терминологии, это скорее политически отягощенная метафора, и кавычки передают эту условность и метафоричность.

Третья: слово «декоммунизация» стало прикрытием, идеологической ширмой для других целей и целеполаганий, которые совсем не вписываются в задачу преодоления наследия «коммунистического тоталитарного режима», в частности — для интенсивного продвижения и легитимации в исторической памяти, символическом пространстве и политике националистического нарратива прошлого, связанного с превращением Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии в общенациональные, системообразующие символы. Более того, «декоммунизация» во многих своих проявлениях выглядит как действия, направленные против русскоязычной и советско-ностальгической части украинского общества, совсем не являющейся сторонницей коммунистической идеологии.

Наконец, четвертая — «декоммунизация» — это и часть постколониальной повестки (Гравовський 2016), стремление к эмансипации от «имперского наследия» (в данном случае — исключительно российского, поскольку наследие Габсбургов «декоммунизаторами» охотно признается частью своего прошлого).

АНАЛИЗ И ОСМЫСЛЕНИЕ

«Декоммунизация» с самого начала стала предметом острых дебатов, как политических, так и условно академических (условно, поскольку чисто академические дискуссии в данном случае были политизированы независимо от намерений их участников). О политических дискуссиях речь пойдет несколько позже,

в данном случае мы сосредоточимся на попытках аналитического осмысления.

Начало осмысления «декоммунизации» было положено анализом и критикой четырех так называемых «декоммунизационных» законов, принятых Верховной радой по ускоренной процедуре 9 апреля 2015 г. Исторически первой формой экспертного анализа законов стали опубликованные выводы и рекомендации Главного научно-экспертного управления аппарата Верховной рады, предназначенные для депутатов и успешно проигнорированные последними (Верховна Рада України б/д). Все законы были рекомендованы к доработке, некоторые были признаны противоречащими другим законам и Конституции Украины. Анализ и критика других инстанций, в частности, со стороны экспертов общественных организаций (*Дронова, Стадний 2015; Яворський 2015*) или представителей политологии (*Майбутнє нашого минулого 2015*) сводились к тому, что два из этих законов могут угрожать некоторым конституционным свободам (свободе слова, свободе собраний и митингов, например) и что неряшливые и юридически мутные формулировки создают перспективы произвольного использования положений этих законов.

Уже в период активного развертывания политики «декоммунизации» появляются первые академические попытки осмыслить как ее ход, так и общественные дискуссии вокруг нее (*Рябчук 2016; Касьянов 2016; 2019; Кулик 2017; Olszański 2017; Marples 2018, Kopolov 2018*). Самым

скрупулезным академическим отчетом о «декоммунизации» можно считать монографию культуролога Александра Гриценко (1957–2020) — несмотря на избыток менторских и местами явно персонализированных замечаний в адрес коллег, этот текст предоставил наиболее исчерпывающий на данный момент обзор и анализ практик и мнений, касающихся предмета нашего рассмотрения (*Гриценко 2019*).

В целом большинство авторов академических трудов и критических экспертных обзоров рассматривают «декоммунизацию» как необходимый и неизбежный этап в преодолении рудиментов советского наследия (понимаемого, впрочем, по-разному). Предметом обсуждения являются в основном политические цели и краткосрочные результаты «декоммунизации», международный контекст, проблема копирования и заимствований, интересы и акторы. В целом можно сказать, что параллельно с самой «декоммунизацией» уже сложилась и вполне укомплектованная разными мнениями «историография вопроса».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Воспользуемся классификацией американских политологов Бернхарда и Кубика для определения политического характера главных акторов «декоммунизации» (*Bernhard, Kubik 2018: 14–15*). Инициаторы и промоутеры «декоммунизации» в Украине вполне адекватно вписываются в категорию *mnemonic warriors* (мнемонические воители). Не знаю, осведомлены ли американские кол-

леги о том, что в советское время был популярен лозунг «историки — бойцы идеологического фронта», но аллюзия здесь весьма красноречива и показательна.

Анализ биографий четырех наиболее активных промоутеров «декоммунизации» и наиболее известных публичных персон — Владимира Вятровича (директора Украинского института национальной памяти в 2014–2019 гг., ныне депутата Верховной рады от партии Петра Порошенко «Европейская солидарность»), Алины Шпак (первого заместителя УИИП в те же годы, ныне руководителя секретариата Уполномоченного по защите украинского языка), Андрея Когута (с 2016 г. — директора архива СБУ) и Игоря Кулика (в 2016–2019 гг. начальника управления в УИИП, а с 2019 г. — директора Архива национальной памяти) указывает на целый ряд сходных черт.

Во-первых, все они с Западной Украины. Во-вторых, у всех у них период социализации совпал с «лихими 1990-ми». В-третьих, все они были активными организаторами и участниками радикального крыла молодежной организации «Пора!» (так называемая «черная Пора»), принимавшей активное участие в организации электоральных протестов 2004 г., названных «Оранжевой революцией». В-четвертых, для них всех деятельность в сфере исторической политики стала главным социальным лифтом и путем в новую государственную номенклатуру. И, наконец, в-пятых, все они были создателями и членами негосударственной организации «Центр исследований

освободительного движения», созданной с целью продвижения националистического нарратива памяти под лозунгами «возвращения к исторической правде» и «восстановления исторической справедливости».

Центр позиционирует себя как «независимая научная общественная организация». Тем не менее его идеологические и организационные основания достаточно четко идентифицируют его скорее как пропагандистскую структуру, связанную с продвижением идеологических стандартов националистического нарратива, глорификацией Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. С самого начала центр имел тесные связи с диаспорными организациями, прямо или опосредованно контролируемые ОУН (бандеровцы), которые, впрочем, сами сотрудники центра не рекламируют. В своего рода «кратком курсе» истории ОУН, изданном бандеровской фракцией, ЦДВР упоминается в списке «фасадных» структур ОУН(б), созданных в Украине, поскольку сама ОУН «до нынешнего дня остается глобальной (мировой) закрытой структурой» (Литовецкий 2010: 84).

В какой-то мере биография ЦДВР повторяет алгоритм продвижения националистического нарратива в 2000-е гг. из локального явления в общенациональное. История этой организации — это история перехода от региональной группы к группе влияния в национальном масштабе. Во времена президентства Виктора Ющенко один из основателей центра В. Вятрович сначала работал

в новосозданном Украинском институте национальной памяти, а потом был назначен директором ведомственного архива СБУ (руководителя СБУ назначает президент). ЦДВР был причастен к разработке тех инициатив президента, которые касались коммемораций деятелей националистического движения и выведения националистического нарратива памяти на общеукраинский уровень.

Звездное время для ЦДВР настало в 2014 г. Его представители возглавили Украинский институт национальной памяти, которому были возвращены функции органа центральной исполнительной власти, и архив СБУ. Центр вошел в коалицию негосударственных организаций «Реанимационный пакет реформ» (РПР), где монополизировал направление «Политика исторической памяти», представляя свои наработки узкоидеологического характера от имени широкой гражданской коалиции. В 2017 г. представительница ЦДВР (которая сейчас стала директором центра) подготовила (разумеется, от имени «гражданского общества») так называемый теневой доклад, описывавший инициаторов и промоутеров «декоммунизации» исключительно в радужных красках, а сам процесс — как общественную необходимость (*Олійник* 2017).

После 2019 г. центр утратил свое былое влияние в государственных структурах (в силу физического ухода с ответственных должностей), но сохранил институционную и личную связь с некоторыми институциями (архив СБУ, архив национальной памяти) — опять-таки за счет присутствия бывших сотрудников центра

в этих учреждениях. ЦДВР сейчас позиционирует себя как часть общедемократического процесса, продвижения к «европейским ценностям», в частности, в сфере открытости архивов, что позволяет ему проводить разнообразные конференции и другие мероприятия, поддерживаемые правительствами и организациями, весьма далекими от идеалов ОУН(б), и «забыть» свои институциональные корни.

Конечно, при всей выдающейся роли ЦДВР был бы не в состоянии продвигать свою повестку «декоммунизация — продвижение националистического нарратива», даже получив контроль над Украинским институтом национальной памяти. Тут требовалась поддержка более широкого политического спектра, который, впрочем, начинается с тех же националистов. Главным энтузиастом этой политики была ВО «Свобода», а «декоммунизация» стала практическим воплощением большинства главных пунктов программы этой партии, поддержка которой на парламентских и президентских выборах после 2014 г. колеблется в рамках социологической погрешности (Програма ВО «Свобода» 2012).

Мощную политическую и организационную поддержку «декоммунизация» получила от спикера Верховной рады Андрея Парубия. Хотя он и прошел в парламент по списку «Народного фронта» — популистского партийного проекта, возглавляемого Арсением Яценюком, а до этого был членом не менее популистской «Батькивщины», А. Парубий начинал свою политическую карьеру как основатель Социал-националь-

ной партии, которая в 2004 г. превратилась в ВО «Свобода». Он сыграл огромную роль в молниеносном продвижении «декоммунизационных» законов в парламенте, а потом — в обеспечении стахановских темпов политики переименования населенных пунктов.

Список идейных «декоммунизаторов» можно закончить политиками «национал-демократической» ориентации (членов «Руха» и других политических сил, вроде Народной партии, сместившихся на право-консервативные и консервативные позиции в 1990-е — начале 2000-х), обеспечивших себе политическое долголетие путем вхождения в финансируемые олигархами политические партийные проекты, в основном популистские. К этим последним относятся: партия «Батьківщина» (возглавляемая Юлией Тимошенко), уже упомянутый «Народный фронт», Блок Петра Порошенко (оформившийся в 2019 г. в партию «Европейская солидарность»), «Самопомощь», «Радикальная партия» Олега Ляшко (негласно поддерживаемая миллиардером Ринатом Ахметовым).

Именно все эти политические силы образовали после новых внеочередных парламентских выборов осени 2014 г. парламентскую коалицию. В коалиционное соглашение по настоянию националистов были внесены пункты, составляющие основу политики «декоммунизации» и положенные в основу «декоммунизационных законов» (Угода про коаліцію 2014: 66), которые также были приняты коалицией в ускоренном режиме. Тема в этот момент была

настолько «горячей», что самая популистская из всех популистов Радикальная партия настояла на «авторстве» главного «декоммунизационного» закона.

Разумеется, главным двигателем «декоммунизации» стал Украинский институт национальной памяти, которому в 2015 г. был возвращен статус центрального органа исполнительной власти, отобранный у него во времена Виктора Януковича. Согласно положению про УИИП, ему делегировалось более двух десятков функций, из которых он физически был в состоянии выполнить не более десятка. В 2015–2019 гг. бюджет УИИП вырос почти в пятнадцать раз — с 8,7 до 116 млн гривен (Закон України... 2014; Український інститут національної пам'яті... 2019), несмотря на хронический дефицит кадров (за все время существования институт мог заполнить чуть больше половины вакансий), институту удалось обеспечить плотный мониторинг реализации закона 2015 г. и интенсивный пиар своей деятельности.

Важным игроком в административной «декоммунизации» была президентская «вертикаль»: областные, городские, районные государственные администрации, главы которых фактически были ответственны за обеспечение переименований местных топонимов. Пример здесь подавал сам президент П. Порошенко, использовавший «декоммунизацию» для выстраивания собственного образа бескомпромиссного борца за национальную идею в условиях внешней угрозы. В мае 2016 г., в разгар процесса, он заявил, что декоммунизация — это вопрос

национальной безопасности, напомнил о том, насколько Украина была замусорена «советско-российским идеологическим хламом», и призвал ускорить темпы декоммунизации (Укрінформ... 2016). Спустя пять лет он повторил этот тезис, добавив, что декоммунизационные законы «закрепили и легализовали стремление украинцев освободиться от имперского влияния и вернуться к собственной исторической памяти» (Європейська солідарність 2021).

Из других государственных институтов, включенных в процесс, следует упомянуть Службу безопасности Украины, открывавшую уголовные дела в случаях нарушения предписаний «декоммунизационных» законов, суды разных уровней (вплоть до Конституционного), куда обращались как сторонники, так и противники этой политики, а также полицию, открывавшую уголовные дела против нарушителей.

ПРОЦЕСС

Как происходила «декоммунизация»? Практически все исследователи указывают на то, что она складывалась из двух этапов. Первый обычно характеризуют как стихийный, связанный с массовым сносом памятников Ленину (так называемый Ленинопад) — он начался в декабре 2013 г. разрушением памятника Ленину на бульваре Т. Шевченко в Киеве и достиг пика зимой 2014 г. в период массового несанкционированного сноса памятников тому же персонажу в городах и весях Цен-

тральной и частично Юго-Восточной Украины.

Второй этап открывается принятием пакета так называемых «декоммунизационных законов» в апреле — мае 2015 г.² Появление этих законов означало, что «декоммунизация» стала официальной государственной политикой, предполагавшей планирование процесса, регламентирование порядка и процедур, установление ответственных за имплементацию и надзор за ней лиц и организаций, равно как и ответственность за ее (не)выполнение. Согласно этим законам были внесены изменения в десятки законов и подзаконных актов и кодексов (вплоть до избирательного и уголовного), стратегий (например, стратегии национально-патриотического воспитания) и уставов (например, армейских).

Можно с уверенностью сказать, что уже с самого начала «декоммунизация» и формально, и содержательно несла в себе элементы мистификации — прежде всего, в ее репрезентациях. «Стихийность» первого этапа можно признать с некоторыми оговорками. Непосредственное наблюдение автора этих строк за разрушением памятника Ленину в Киеве 8 декабря 2013 г. и анализ видеоматериалов YouTube из ряда городов в Центральной Украине свидетельствуют о наличии элементов организационного ядра в 5–10 человек в большинстве случаев так называемого стихийного сноса. Учитывая предыдущую практику вандализма по отношению к памятникам советских вождей и результаты наблюдения, нетрудно уста-

² Законы были приняты 9 апреля и подписаны президентом П. Порошенко 15 мая.

новить, что такое ядро, как правило, состояло из представителей националистических, праворадикальных организаций и групп: ВО «Свобода», «Тризуб» им. С. Бандеры (трансформировавшийся в «Правый сектор») и др. Стихийность относится уже к действиям толпы, как правило, многочисленной. Стоит обратить внимание и на то, что основная территория «стихийного ленинопада» зимы 2014 г. — Центральная Украина, где до «Революции Достоинства»³ преобладало амбивалентное или нейтральное отношение к статуям Ленина (*Гайдай* 2018).

Если же говорить о «декоммунизации» как о целенаправленной политике, то бросается в глаза формальное несоответствие главного учредительного документа сопровождающему его лозунгу и понятию. Полное название главного закона о «декоммунизации» звучит так: «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики». Соответственно, закон как бы касается не только «декоммунизации», но и «денацификации». Конечно, и само название, и содержание закона, и следовавшие за ним практики в данном случае указывают на то, что упоминание запрета символов нацизма имело, с одной стороны, орнаментальный, чисто косметический характер. С другой — этот довесок содержал важную идеологическую нагрузку: речь шла о том, чтобы уравнивать «коммунизм»

и «национал-социализм» (практика, позаимствованная у соседей в Центрально-Восточной Европе) и таким образом усилить морально-политический эффект осуждения «коммунизма». Вся символика нацистского режима, упомянутая в законе, сводилась к партийным атрибутам НСДАП и государственным символам Третьего рейха (Закон України «Про засудження...» 2015). Зато детальнейшему описанию разнообразных вариантов «коммунистической» (читай: советской) символики посвящена основная описательная часть закона. В-общем, если отбросить формальности, данный закон был действительно прежде всего «декоммунизационным», а упоминание нацизма служило лишь усилителем этой «декоммунизационности». Таковым он является еще и потому, что фактически открыл юридические возможности для запрета Коммунистической партии Украины, которая потеряла идентичность и возможности для участия в любых выборах под собственным брендом.

Два других закона также содержали реальный «декоммунизационный» или десоветирующий потенциал. Один удалил из официального символического пространства советский термин «Великая Отечественная война», другой формально (и в некоторой степени реально) обеспечил невиданный доселе доступ к архивам советских силовых служб и ведомств, ранее бывших практически непроницаемыми даже для исследователей⁴.

³ На авторство этого названия также претендуют представители ВО «Свобода» [Руденко, Сарухман, 2020]

⁴ Более детально см. (*Касьянов* 2016).

Четвертый из «декоммунизационных» законов открывает нам обратную сторону Луны: устранение советских символов должно было сопровождаться продвижением и распространением национального и националистического символов и нарративов. При этом совершенно явно видно, что весь этот закон прописывался ради нескольких националистических организаций, юридическая легитимация которых была проблематичной. Речь идет об Организации украинских националистов, Украинской повстанческой армии и их лидерах и некоторых других, менее «раскрученных» националистических формированиях. Основой стали проект закона 2008 г. (когда-то так и не попавшего в сессионный зал Верховной рады) и воспроизводивший его текст соответствующего указа В. Ющенко (так и не выполненного) 2010 г. Закон создал юридические основания не только для окончательной легитимации этих организаций, обязав украинский гражданин чувствовать «борцов за независимость» и запретив публичные проявления «неуважительного отношения» к ним, но и открыл дорогу политическому продвижению националистического нарратива памяти, благословленного государством. На основании этого закона в декабре 2018 г. был принят другой, предоставивший ветеранам ОУН, УПА и других националистических организаций статус ветеранов войны и участников боевых действий — так завершилась почти тридцатилетняя интрига уравнивания в правах ветеранов националистического движения и тех, против кого они воевали (ветеранов Великой Отечественной войны). Для инициаторов данного процесса это была важ-

ная морально-политическая победа. Дело было, конечно, не в предоставлении особых социальных льгот этим людям, ветеранам-националистам, которых на это время насчитывалось чуть более одной тысячи. Дело было в признании государством Украина той части общества, которая в советском нарративе присутствовала только в статусе гитлеровских коллаборантов и врагов Украины. Это тоже был акт денонсации советского наследия. Впрочем, и в этом акте наблюдалось внутреннее противоречие: инициаторы ликвидации советского наследия требовали равного статуса ветеранам-националистам как раз в рамках законов и процедур, являющихся частью этого наследия.

Сам процесс «декоммунизации» разворачивался по сценарию, напоминавшему советские практики: сверху вниз, путем административного, бюрократического давления. Процедуры переименования топонимов и устранения памятников были прописаны таким образом, чтобы исключить нежелательный для центральной власти результат (именно для этого в законе тщательнейшим образом был выписан список символов и субъектов «тоталитарного коммунистического режима»). Появление такого результата или саботаж тоже были предусмотрены: во-первых, закон предусматривал, что окончательное решение о смене названий населенных пунктов и областей принимает Верховная рада; во-вторых, если новое название не устраивало «декоммунизаторов», предусматривалось, что новое имя будет присвоено опять-таки парламентом, согласно вкусам и желаниям законодателей.

Использование такого механизма можно проиллюстрировать примерами переименования Кировограда в Кропивницкий, Днепропетровска в Днепр и Комсомольска в Горишни Плавни. Многочисленные обсуждения переименования Кировограда (заметного сопротивления самому переименованию не наблюдалось) на местном уровне не привели к консенсусу. Социологический опрос группы «Рейтинг» показал, что 57% местных респондентов хотели оставить советское название, а в случае невозможности такого варианта 55% предлагали вернуть историческое название (*Судин* 2016). Местный опрос, который провели во время местных выборов осени 2014 г., показал, что около 76% респондентов хотели бы называть свой город Елисаветград. Такой вариант категорически не устраивал центральную власть, и он же не набрал необходимого количества голосов депутатов городского совета (не хватило 3 до 48), поэтому они решили делегировать окончательное решение вопроса Верховной Раде, отправив туда семь вариантов названия (включая самый популярный). Парламентский комитет сначала предложил назвать город Ингульском (по названию реки), что вызвало протесты в месте объекта переименования, после чего специальным постановлением Верховной рады город получил название Кропивницкий — в честь местного уроженца, украинского драматурга XIX ст. (*Чорній* 2017).

В Днепропетровске большинство заинтересованных лиц, как из местной власти, так и горожан, поначалу выступали за сохранение советского названия города. Как обоснование

выдвигалась идея о том, что будет подразумеваться, что город носит имя не большевистского и советского деятеля Григория Петровского, а святого Петра. Этот трюк не удался, и первой под натиском центра дрогнула местная власть, а затем и активные горожане, которые и так неформально называли свой город «Днепр» (как, например, петербуржцы называют свой город Питер). В мае 2016 г. Верховная рада переименовала город в Днепр (на украинском — Дніпро).

Впрочем, история на этом не закончилась. Переименование областных центров не повлекло за собой переименования областей. Процедура тут достаточно сложная. В результате борьбы мнений и интересов в самой Верховной Раде «победил» законопроект о переименовании Днепропетровской области в Сичевскую (отсылающий к казацкому прошлому и периоду Украинской революции 1917–1921 гг.). Этот проект был утвержден Конституционным судом в апреле 2019 г. (необходимая часть процедуры), и дальше ему не повезло: «электоральная революция» 2019 г. убрала из центральной власти наиболее рьяных «декоммунизаторов». Перспектива набрать конституционное большинство в триста голосов, необходимое для переименования, в нынешнем парламенте весьма туманна. Как выразился недовольный этой ситуацией публицист, в решении этого вопроса поставлена запятая, но не желанная точка (*Руденко* 2021). По такому же сценарию временная неудача постигла и промоутеров переименования Кировоградской области (*Досі недекомунізована... 2020*).

История с переименованием Комсомольска Полтавской области может претендовать на статус анекдота. Главная проблема заключалась в том, что название появилось одновременно с городом, основанным в 1960 г. возле градообразующего (и донныне успешно работающего) предприятия, и по сути было историческим. И местная власть, и жители категорически протестовали против переименования (98% участников общественных слушаний высказывались за старое название) и даже предлагали сохранить имя города как аббревиатуру «КОлектив МОлодых СОціально МОтивованих Людей Справжніх Козаків». Когда речь заходила об альтернативных названиях, их предлагались десятки. «Декоммунизаторы» в Киеве решили не возиться с «мелочью» (городом с пятидесятитысячным населением) и быстро переименовали город в Горишни Плавни, по названию хутора, на месте которого возник город. Не исключено, что горожане пострадали из-за упорного сопротивления местной власти переименованиям как таковым, кроме того, город был известен своими электоральными симпатиями к Партии регионов.

Сценарий разворачивания «декоммунизации» на местах и ее сроки были определены законом. Планировалось, что к маю 2016 г. процесс должен быть завершен. При органах местного самоуправления создавались комиссии по переименованиям (куда приглашали историков и краеведов). Комиссии составляли список топонимических объектов для переименования и вносили предложения, более или менее

формально эти предложения становились предметом обсуждения на общественных слушаниях (если таковые имели место) и в местной прессе.

Решения о переименованиях объектов топонимики (улиц, площадей и т.п.) принимали главы органов местного самоуправления, и утверждались они местной исполнительной властью. Переименования населенных пунктов предлагались местными советами или администрациями и утверждались Верховной радой. Решения о сносе памятников и памятных знаков «деятелям коммунистического режима» принимались местной властью. Когда решения местной власти противоречили «декоммунизационным» законам, или она затягивала процесс, в дело вступала центральная исполнительная (Украинский институт национальной памяти — УИИП) и законодательная власть (Верховная Рада). УИИП опротестовывал неправильные решения и добивался правильных (вплоть до обращения в прокуратуру, службу безопасности и суды), в случае отклонений от «линии партии» парламент принимал решения о переименованиях населенных пунктов, примеры приведены выше.

Разумеется, «декоммунизация» на местах выглядела не только как столкновение интересов центра и периферии, но и как результат взаимодействия и столкновения интересов местных правящих групп. Им приходилось действовать в условиях давления центра («закон есть, выполняйте») и необходимости учитывать умонастроения активной части

общества в регионе. Само собой, продвижение (или саботаж) политики «декоммунизации» на местах было делом идеологически и политически мотивированных групп. Как правило, это были националисты (прежде всего, ВО «Свобода», обломки «Руха», «Просвита» и др.) и популисты, с одной стороны, и советско-ностальгическая часть общества, настроения которой использовались бывшими «регионалами»⁵, переформившимися в два конкурирующих политических формирования.

Конечно, мобилизационный эффект в продвижении «декоммунизации» играла война на востоке страны. Законы принимались вскоре после оставления Донецкого аэропорта (январь 2015), тяжелого поражения украинской армии в районе Дебальцево (январь — февраль 2015), а их имплементация — в условиях трех завершающих волн военной мобилизации (военнослужащих запаса) в январе 2015 — сентябре 2016 г.

С самого начала «декоммунизации» советское наследие в официальных репрезентациях представлялось как идеологическое основание действий страны-агрессора и оккупантов. «Декоммунизация» становилась частью войны с агрессором. «Непреодоленное тоталитарное прошлое, — писал в 2015 г. глава УИМП Владимир Вятрович, — и далее препятствует развитию Украины как европейского демократического государства, ведь именно на островках “советскости”, которых в силу исторических причин осталось больше всего на Донбассе и в Крыму, зиждется агрессия

Путина против Украины. <...> Поэтому вопрос декоммунизации для Украины сегодня касается не только гуманитарной политики, но и политики безопасности» (В'ятрович 2015). Ему вторила депутат Ганна Гопко, одна из авторов «декоммунизационного» закона: «То, что мы не осудили и не ликвидировали наследие тоталитаризма, является одной из причин утраты нами Крыма и войны на Донбассе. Россия напала именно на те регионы, где наибольшая часть населения продолжала жить в плену тоталитарных мифов» (Остана 2015).

Пик «декоммунизации» приходится на ноябрь 2015 — весну 2016 г. — тогда было переименовано 51 493 топонимических объекта, 32 города, 955 сел и поселков, 25 районов, снесено 2389 памятников и памятных знаков «тоталитарным вождям», из них 1320 — памятники Ленину (Декомунізація: підсумки...2016). В последующие пять лет к этому списку добавились еще 36 населенных пунктов, 1 район, 20 памятников. Поскольку поле уже было вспахано, переключились на другие объекты: к списку добавились 75 учебных заведений, 33 железнодорожных объекта и 2 морских порта (Пустовгар 2021).

Любопытно, что та часть стратегии, которая предполагала замену одних идеологических стандартов на другие, не оправдала ожиданий. Согласно анализу «декоммунизации», в шести крупных и малых городах Украины из разных регионов новые названия были менее идеологизированы, наблюдалась

⁵ Речь идет о Партии регионов.

тенденция к возвращению старых (досоветских) названий, к переименованию, связанному с местными деятелями или событиями, наконец, новым веянием стали переименования, связанные с «Революцией Достоинства» и погибшими на войне на востоке (*Кучабський, Коpecь* 2020). Некой тихой формой проявления аллергии к идеологическим названиям стала «гербаризация», особенно в областных и районных центрах — вызывавшая немало раздражение политически активных граждан, обвинивших сторонников «Абрикосовых и Виноградных» в потакании «домохозяйкам» (*Пустовгар* 2016).

В целом благоприятные политические предпосылки (поддержка Верховой рады, лично президента Петра Порошенко, наличие мотивированного «актива» на местах и тревожная атмосфера внешней угрозы) позволили достаточно быстро добиться устранения символов и названий «тоталитарного коммунистического режима». «Очаги сопротивления» удалось быстро погасить на местах совместными действиями активистов, СБУ, полиции, прокуратуры и судов. Подавляющее большинство исков (60 из 76 по состоянию на 2017 г.), опротестовывавших переименования, были отклонены или проиграны (*Олійник* 2017: 24). Попытки общественности и местной власти девятнадцати городов и населенных пунктов, направленные на сохранение старых названий под новым соусом (кроме упомянутых — Ильичевск — как бы в честь святого Ильи, Димитров — якобы в честь св. Дмитрия Ростовского и т. п.) или вернуть неподходящие старые назва-

ния, были легко пресечены (*Короленко, Каретніков, Майоров* 2017).

Те представители местной власти и мезоэлит, которые поначалу открыто критиковали переименования и сносы (например, накануне местных выборов), достаточно быстро поняли, что «декоммунизация» не мешает им в решении куда более насущных проблем, связанных с контролем финансовых потоков и удержанием влияния и власти, и оставили «идеологию» заинтересованным лицам. Более того, как показывает информация «из полей», на местном уровне нередко возникали ситуативные альянсы, когда власть пользовалась вопросами переименований в обмен на голоса в решении вопросов распределения собственности и финансов.

К 2018 г. «декоммунизация», как ее понимали ее творцы, в основном завершилась. Деятельность УИМП свелась к обслуживанию уже существующих памятных дат, продвижению националистического нарратива памяти и попыткам продвинуть новые проекты, связанные с Евромайданом и созданием Архива национальной памяти.

После смены власти в 2019 г. вопросы исторической политики вообще маргинализировались, а с приходом пандемии 2020 г. были урезаны бюджеты всех институтов, связанных с «декоммунизацией» и сопутствующими проектами. В некоторых местах начался откат и возвращение «коммунистических» названий, но он не имел массового характера. «Среднего украинца» занимали совсем другие проблемы.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ

В целом можно сказать, что «декоммунизация», осуществленная бюрократически-административными методами «сверху вниз» с формальным соблюдением демократических норм (в виде «общественных слушаний»), была достаточно эффективным мероприятием, если речь идет о переименованиях и устранении символов «коммунистического тоталитарного режима», т.е. если оценивать его в логике самих «декоммунизаторов». ***Это был самый масштабный проект переформатирования символического пространства за весь период независимости.*** Благодаря «декоммунизации» удалось устранить из активной политической жизни Коммунистическую партию Украины, которая, впрочем, несмотря на запрет, живет и здравствует, проводит мероприятия, издает партийную прессу, но не может участвовать в выборах (*Кравець, Руденко, Сарахман 2018*).

Безусловным политическим успехом стало решение Конституционного суда Украины, признавшего соответствие главного «декоммунизационного» акта Основному закону страны (Именем України 2019).

Будет ли успех долгосрочным, в данный момент сказать сложно. По крайней мере масштабной «рекоммунизации» не происходит и не предвидится, несмотря на примеры обратных переименований на восто-

ке и юго-востоке, начавшихся еще в 2017 г. (Харьков, Одесса).

Впрочем, успех принес побочные эффекты. Если наложить электронную карту президентских и парламентских выборов 2019 г. на карту социологических опросов (о них речь пойдет ниже), посвященных отношению к различным аспектам «декоммунизации», легко прослеживается тенденция к территориальному совпадению отрицательного отношения к этой политике и к лицам и партиям, ее осуществлявшим. Впрочем, это утверждение имеет скорее характер гипотезы, нуждающейся в более основательной проверке.

Другим, вполне явным дефектом можно считать применение репрессивной части «декоммунизационного» законодательства. В 2015–2019 гг. зафиксировано 119 случаев открытия уголовных производств, связанных с использованием «символики тоталитарных режимов» (*Гуржий 2020*), разумеется, подавляющее большинство касается именно «коммунистической символики». Несоразмерность суровости наказания, предусмотренного специальной статьей Уголовного кодекса⁶ (оказавшейся в разделе «Уголовные правонарушения против мира, безопасности человечества и международного правопорядка»), деяниям была предметом критики как украинских правозащитников, так и Венецианской комиссии. В 2016 г. депутаты от правящей коалиции даже внесли законопроект о декриминализации

⁶ Злая ирония истории заключается в том, что ст. 436-1, предусматривающая наказание вплоть до 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества, была изваяна представителями Партии регионов и коммунистами в январе 2014 г. в общем пакете законов, названных оппозицией «диктаторскими», правда, тогда она касалась исключительно нацистской символики. «Декоммунизаторы»

некоторых деяний, связанных с пропагандой, изготовлением и распространением символики «тоталитарных режимов». Законопроект в течение трех лет так и не попал в сессионный зал Верховной рады и ушел в небытие с ее роспуском весной 2019 г.

Приведем наиболее одиозные примеры репрессивной части «декоммунизации».

В 2017 г. львовский студент, опубликовавший на своей странице в Facebook цитаты Ленина, был приговорен к двум годам ограничения свободы (с заменой на один год испытательного срока). Суд постановил уничтожить вещественные доказательства, среди них: «учебник К. Маркса “Капитал”» и желто-синюю ленточку (Реальный термін за Леніна... 2017).

В 2019 г. криворожский безработный, подрядившийся мыть окна в местном торговом центре, делал свою работу, обрядившись в красную футболку с гербом СССР. Это было истолковано как публичная демонстрация символики коммунистического режима, незнательный гражданин получил один год лишения свободы, замененный на испытательный срок. Суд, вынесший приговор, называется так: Дзержинский районный суд города Кривой Рог (Вирок іменем України 2019).

В сентябре 2020 г. Ленинский (!) районный суд Кировоградской (!) области осудил супружескую пару

на два года лишения свободы за создание в сети YouTube канала «Станция Коммунизм», где поместили ролики «Великой Октябрьской социалистической революции — 100 лет!» и «С Новым годом! Поздравление от Красной школы», которые, по мнению судебных экспертов, содержали «призывы к построению коммунистического и национал-социалистического общественного строя» (Кіровоградська обласна прокуратура 2020). Суд отметил особую роль в раскрытии преступления местного подразделения СБУ.

В ноябре 2020 г. Новотроицкий суд Херсонской области чуть было не осудил пенсионерку на пять лет лишения свободы за публикации в сети «Одноклассники» (запрещенной в Украине) открыток и изображений советского периода (Ленина, Брежнева, герба СССР и т.п.). Учитывая чистосердечное раскаяние женщины, суд заменил суровый приговор годичным испытательным сроком (Вирок іменем України 2020).

Успехи в остальных сферах «декоммунизации» достаточно скромны. «Архивный» закон, открывающий «неограниченный» доступ к документам «репрессивных органов тоталитарного коммунистического режима», действительно обеспечил беспрецедентный для постсоветского пространства доступ — но лишь к одному архиву из десяти, перечисленных в законе, — архиву СБУ, который возглавили сами инициаторы «декоммунизации». Остальные де-

---

подхватили эстафету, изъяли из статьи неудобные им упоминания о нацистских формированиях (вроде дивизии СС «Галиция») и упаковали ее референциями о символике «коммунистического режима».

вать ведомств явно не спешат расставаться со своими документами и предоставлять к ним доступ. Да и передавать эти документы некуда. Другая часть «архивного» компонента — создание архива национальной памяти — зависла во времени и пространстве. С огромным трудом «декоммунизаторам» в 2019 г. удалось добиться получения помещения под этот архив (бесхозное здание, принадлежавшее Национальному банку на далекой окраине Киева). На этом продвижение проекта замерло из-за отсутствия государственного финансирования.

Смена названия все еще весьма популярного праздника (9 мая) в соответствии с еще одним из «декоммунизационных» законов прошла достаточно бесконфликтно. Впрочем, если судить по социологическим опросам, удельный вес сторонников старого названия еще довольно высок, как и следовало ожидать — в регионах с большим удельным весом сторонников советско-ностальгического нарратива памяти (Юго-Восток). 8 мая как День памяти и примирения пока еще не прижился в коллективном сознании и является скорее официальным символом. Практически незамеченной прошла отмена указом П. Порошенко в ноябре 2015 г. всех «советских» символов в названиях военных подразделений украинской армии (Указ президента... 2015), хотя «личный состав» и отнесся к этому действию в основном без одобрения (Ржеутська 2018). К тому же президент не задержался с компенсаций и стал присваивать новые почетные звания, связанные с историей князей-воителей или времен Украинской революции 1917–1921 гг.

Он же переформатировал советский «мужской праздник» 23 февраля. Новое название — День защитника Украины получило и новую дату: 14 октября и было символически связано с Днем украинского казачества (учрежденного еще Леонидом Кучмой), Днем Покровы Святой Богородицы и символической датой основания Украинской повстанческой армии. При Порошенко официально маршем украинской армии стал гимн Организации украинских националистов, написанный в 1932 г. (Марш... 2018).

Связанная с этими изменениями еще одна очевидная, но не явная цель «декоммунизации» — попытка заместить советский и советско-ностальгический нарративы памяти националистическим, была достигнута лишь частично. Безудержная пропаганда светлого образа ОУН и УПА как едва ли не главных борцов за свободу Украины в XX ст., рыцарей без страха и упрека, дала физически скромные результаты, несмотря на мощное информационное сопровождение и пиар (к которым были привлечены и деятели искусства, поп-звезды, популярные писатели и сообщество, именуемое себя интеллектуалами). Улицы, названные в честь деятелей ОУН и УПА, появились в паре десятков городов Центральной Украины (наиболее известный и скандальный пример: киевская эпопея с переименованием Московского проспекта в проспект Бандеры и проспекта имени генерала Ватутина — в проспект Романа Шухевича, растянувшаяся на несколько лет из-за судебных исков). В этом же ряду стоит упомянуть решения нескольких городских и районных

советов Центральной Украины (Житомир, Хмельницкий, Полтава) о вывешивании в памятные дни (список таких дат варьировался) черно-красного флага (партийное знамя ОУН) — правда, при этом идентичность данного символа была отредактирована: он назывался «Знамя достоинства и свободы» (Касьянов 2019: 171–172). Такая подмена символического кода была очевидной и в других случаях: например, из оборота ушел маркер «националистическое движение», на замену пришло название «национально-освободительная борьба», где центральная роль отводилась ОУН-УПА. Подобным образом из собственного названия Дивизия СС «Галиция», публичный культ которой, вслед за культом ОУН и УПА стали продвигать из трех западных областей на всю Украину, исчезли «неудобные» буквы — СС.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РЕАКЦИИ

Инициаторы «декоммунизации» объясняют видимый успех своих действий соответствием задач этой политики современным задачам строительства нации. Можно сказать, что в целом отношение к «декоммунизации» в обществе было достаточно апатичным. Сам проект был инициативой весьма узкого общественного сегмента, представители которого не очень интересовались мнением народа, но охотно ссылались на него, когда оно, по их мнению, совпадало с их собственным. «Ленинопад» зимы 2014 г., выглядевший или представленный как стихийное «движение масс», инициаторы «декоммунизации» посчитали или захотели

посчитать свидетельством глубокой озабоченности общества засильем «коммунистической символики». Когда же у граждан все-таки спрашивали их мнение, то нетрудно заметить, что первоначальное одобрение «относительного большинства» достаточно скоро трансформировалось в критическое отношение к инициативам и усилиям «декоммунизаторов» — при этом оно возрастало по мере успехов «декоммунизации».

Пожалуй, наиболее распространенным мотивом критики «декоммунизации» (помимо чисто идеологических) еще на этапе пропагандистской кампании было ее восприятие как несвоевременной и дорогостоящей затеи в контексте других вызовов: экономического кризиса, усугубленного войной, коррупции, роста цен, низкого качества медицинских услуг и т. п.

Когда «декоммунизация» символического пространства уже была реальностью, социологические опросы подтвердили три тенденции: во-первых, наличие значительной части граждан, критически воспринимающих действия власти в этой области, во-вторых, четкое региональное разделение в отношениях к этой политике, в-третьих, уменьшение удельного веса сторонников этой политики и увеличение доли тех, кто ее не одобрял.

Реальность несколько разошлась не только с ожиданиями инициаторов «декоммунизации», но и с оценками экспертов. В 2017 г. почти 69% опрошенных экспертов (методология опроса и круг экспертов неизвестны) сообщили, что политика «декоммунизации» окажет позитив-

ное и «скорее позитивное» влияние на формирование общенациональной идентичности украинцев, почти 21% — что негативное и «скорее негативное» (Центр Розумкова 2017: 69). Как оказалось, политика навязывания определенной версии прошлого методом «сверху вниз» привела к обратному эффекту.

Противоречия возникли в двух сферах. Во-первых, целеполагание инициаторов «декоммунизации» и их желания и представления о процессе не совпадали с настроениями объекта этой политики. В мае 2017 г., когда разные социологические опросы указывали на непопулярность «декоммунизации», В. Вятрович утверждал, что «декоммунизационные» законы «были отображением настроений, которые господствовали в обществе» (Вятрович 2017). Во-вторых, вновь более выпукло проявилась регионализация отношения к политике центра: поляризация негативного и позитивного отношения к «декоммунизации» совпала с контурами определенных регионов. Условный и безусловный «Запад» активно поддерживал «декоммунизацию» (хотя здесь она имела уже чисто косметический характер), на Юге и Востоке преобладало негативное отношение. Центральная Украина, где традиционная амбивалентность поначалу несколько уступила энтузиазму «декоммунизаторов», по мере успехов этой политики становилась более критичной к ней. Не стоит забывать и о том, что за пределами социологических опросов оказались Крым и территории самопровозглашенных ДНР и ЛНР — можно не сомневаться, что эти территории с традиционным преобладанием советско-но-

стальгического нарратива добавили бы процент противников «декоммунизации».

Если говорить о реакциях заинтересованных лиц, т. е. тех, кто имеет непосредственное отношение к производству и продвижению дискурсов, то можно достаточно четко выделить три позиции.

Первая — промоутеры «декоммунизации», присоединившиеся к ее инициаторам. Сюда можно включить значительную часть той небольшой группы, которая называет себя «интеллектуалами» и украинскими патриотами. Контуров этой группы четко проявились в 2019 г., когда политические силы и личности, продвигавшие «декоммунизацию», потерпели сокрушительное поражение на президентских и парламентских выборах. В основном это литературно-художественная и академическая интеллигенция старшего и среднего поколения (например, бывший диссидент Мирослав Маринович, писатели Оксана Забужко, Юрий Андрухович, Сергей Жадан, Микола Рябчук, украинцы из диаспоры, имеющие отношение к академии, Тарас Кузьо, Александр Мотыль). Все они отнеслись к «декоммунизации» с энтузиазмом, искренне полагая, что она поможет Украине избавиться от тяжелого наследия коммунизма/колониализма. То, что данный проект продвигает узкий сегмент последователей тоталитарного национализма, их не смущало, «декоммунизация» рассматривалась как часть войны с общим внешним врагом.

Вторая группа: критики «декоммунизации». Сюда можно отнести тех,

Отношение к декоммунизации в Украине в 2015–2020 гг., в %

(Идентичність громадян 2016: 14–15; Соціологічна група «Рейтинг» 2016: 20; Кулик 2017: 208; Фонд «Демократичні ініціативи» 2020)

	Украина	Запад	Центр	Юг	Восток	Донбасс
Отношение к осуждению коммунистического тоталитарного режима и запрету его пропаганды и символики (опрос Центра Разумкова (2015))						
Поддерживаю	52,1	82,0	58,1	33,9	36,1	30,3
Не поддерживаю	22,7	5,5	15,8	30,0	37,5	38,1
Мне все равно	12,6	6,1	9,9	16,7	15,1	21,0
Затрудняюсь ответить	12,7	6,4	16,1	19,4	11,3	10,6
Отношение к переименованию советских названий городов и улиц (опрос группы «Рейтинг», ноябрь 2016)						
Однозначно или скорее поддерживаю	35	63	32	19	18	-
Не поддерживаю и скорее не поддерживаю	57	33	62	73	62	-
Затрудняюсь ответить	8	4	7	7	20	-
Согласны ли Вы с утверждением, что нужно очистить Украину от символов коммунистического режима? (Опрос Киевского международного института социологии, февраль 2017)						
Полностью и скорее согласен	42,5	72,6	42,5	32,4	7,5	-
Полностью и скорее не согласен	43,8	17,4	39,7	57,2	78,3	-
Сложно ответить	13,6	9,9	17,8	10,4	14,2	-
Отношение к запрету коммунистической символики (опрос Центра «Демократические инициативы», 2020)						
Поддерживаю	32	45,3	32,7	21,7	23,9	-
Не поддерживаю	34	24,5	31,6	41,5	44,2	-
Мне все равно	26,3	22,1	27,6	29,8	25,3	-
Затрудняюсь ответить	7,7	8,1	8,2	7,1	6,7	-

кого не устраивал административно-бюрократический характер этого процесса, «советские» ухватки его инициаторов, вандализм в отношении художественного наследия советского времени, отсутствие диалога «декоммунизаторов» с обществом, перспективы ограничения академической свободы, продвижение националистического нарратива по мере вытеснения советско-но-стальгического. Эта группа более интернациональна, ее манифестом можно считать «письмо украинистов и экспертов» руководителям

Украины с призывом не давать ходу «декоммунизационным» законам, его подписали более сорока ученых из девяти стран Европы, Америки и Азии (Відкритий лист... 2015). Сюда же можно включить и все леволиберальные группы в Украине, и просто лиц, отрицавших «декоммунизацию» из эстетических или этических соображений.

Можно было бы попытаться определить третью группу, академических ученых, которые намеревались дать взвешенную, научную оценку «де-

коммунизации», однако ее представители, выходя в поле общественных дискуссий, независимо от своего желания и воли попадали в силовое поле борьбы мнений «за» и «против» и таким образом обязательно получали ярлык сторонников или противников. Примером сбалансированного подхода к проблеме можно считать журнал «Критика», который предоставил трибуну как для тех, так и для других.

Стигматизация Другого как носителя нежелательного, неприемлемого мнения, а значит, как Чужого стала отличительной чертой общественных дискуссий о «декоммунизации» (впрочем, как и подавляющего большинства общественных дебатов на другие темы в последние годы). Приоритет в распространении таких практик принадлежит инициаторам и промоутерам этой политики.

Как пример можно привести ответ В. Вятровича на упомянутое выше письмо украиноведов и экспертов. Директор УИИП, во-первых, упрекнул оппонентов в игнорировании контекста, незнании сути предмета и даже плохом знании украинского (некомпетентность), во-вторых, как в неумышленном, так и в преднамеренном создании искаженных представлений о «декоммунизационных» законах (мифологизация и манипулирование), в-третьих, в том, что среди авторов письма есть как открытые сторонники «русского мира» (т.е. агрессора), так и искренние друзья Украины, введенные в заблуждение первыми (В'ятрович 2015).

Разумеется, такая дискурсивная тактика привела к поляризации и ради-

кализации дискуссий вплоть до аргументации *ad hominem*, к которой прибегали как наиболее радикальные сторонники, так и противники «декоммунизации». Идея достижения единства через «декоммунизацию», представляемая как гомогенизация символического пространства путем устранения одного нарратива памяти и продвижения другого, не сработала. «Декоммунизация» стала поводом для поляризации мнений и позиций.

ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ

Политика «декоммунизации» в Украине в 2014–2020 гг. стала наиболее решительной и масштабной попыткой расстаться с советским прошлым в сфере коллективной памяти. Она началась в период восстания зимы 2014 г. как часть массовых протестов против Виктора Януковича и олицетворяемой им системы власти, которая частично использовала советско-ностальгический нарратив прошлого для своей легитимации. Уничтожение статуй Ленина было формой опосредованного протеста против коррумпированной власти и ее публичных ценностей.

Весной 2015 г. «декоммунизация» вышла на уровень общегосударственной политики. Теперь «декоммунизация» актуализировалась, рассматривалась и представлялась ее сторонниками, во-первых, как часть борьбы против внешней агрессии, во-вторых, как способ предупреждения и преодоления сепаратизма, в-третьих, как средство избавления от чуждого Украине символического,

исторического, культурного багажа, навязанного ей извне. И, наконец, «декоммунизация» представляла как средство восстановления национальной идентичности и объединения украинцев на основе этой идентичности.

«Декоммунизация» представлялась как разрыв с советским прошлым и его следами в символическом пространстве и сознании, а значит, и разрыв с Россией, расставание с имперским прошлым (где советское было равнозначно имперскому), эмансипация с выразительными постколониальными обертонами.

Разрыв с Россией, официально получившей от Верховной рады статус «страны-агрессора» в 2018 г., дополнялся воображаемым движением в Европу. «Декоммунизация» подавалась как распространение европейских практик, в качестве образца и примера для подражания упоминались процессы и действия, произошедшие в 1990-х — начале 2000-х в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии. При этом сами «мнемонические бойцы» признавали некую запоздалость своих действий.

Такого рода «европеизация» интерпретировалась не только как выход из-под культурного и политического доминирования России и возвращение Украины в «европейскую семью», но и как нормализация. Советское наследие и вообще весь советский период представлялись как аномалия, как уклонение от естественного движения по пути европейского прогресса. «Декоммунизация» приравнивалась к нормализации.

Весь этот комплекс мотивов, интерпретаций и пояснительных стратегий возник и развивался уже в ходе самой «декоммунизации». В то же время нельзя сказать, что эта политика была результатом политической импровизации или совпадения благоприятных обстоятельств. Корни «декоммунизации» следует искать во временах президентства В. Ющенко, а ее первый опыт относится к началу 1990-х гг. (практика сноса памятников и переименования топонимов).

Как уже упоминалось, в осуществлении «декоммунизации» использовались административно-бюрократические методы, прикрываемые демократическими процедурами. Например, промоутеры этой политики указывают на то, что подготовка законов и переименования осуществлялась в условиях общественных дискуссий. Что касается законов, то утверждения о наличии «экспертных дискуссий» не соответствуют действительности — такие дискуссии если и были, то имели чисто формальный характер обсуждения директив. Принятие «декоммунизационных» законов, как уже упоминалось, происходило «по ускоренной процедуре», а в сессионном зале на их обсуждение и голосование было потрачено 42 минуты. Когда же речь идет об «общественных обсуждениях» на местах, то стоит помнить о том, что они осуществлялись уже в рамках, определенных законами, разработанными узким кругом доверенных лиц, принадлежащих к весьма узкому политическому сегменту.

Интрига и сюжет «декоммунизации» заставляют вспомнить историю не-

легальных политических сект, ставивших целью захват власти или через заговор и переворот, или путем захвата существующих институтов. История о том, как представители «независимой научно-исследовательской организации», созданной как фасадная структура диаспорной ОУН(б), получили контроль над ключевыми государственными институтами в сфере исторической политики и внедрились в «зонтичные» общественные объединения с демократической/реформаторской повесткой (вроде Реанимационного проекта реформ), — классический сценарий, в свое время использованный той же ОУН(б) в установлении контроля над диаспорными представительскими и неполитическими (кооперативы, банки, страховые общества) организациями. В этом смысле «декоммунизация» — безусловно успешный проект.

Насколько успешной она была в других отношениях? Как уже упоминалось, «декоммунизация» во многих отношениях была масштабной мистификацией. Символическая политика была действительно символической. Масштабное изъятие советского наследия, провозглашенного вне закона, обернулось запоздалым копированием восточноевропейских практик 1990-х.

Декоммунизация/десоветизация/деруссификация символического пространства происходила тогда, когда объекты этой политики уже утратили прежнее идеологическое значение и предполагаемую сакральность. «Ленинопад» в Центральной Украине был актуализирован массовыми протестами против режима, который

использовал советско-ностальгический нарратив отнюдь не с идеологическими целями. Парадоксальным образом инициаторы «декоммунизации» пытались вернуть идеологическое содержание советским символам. Борясь с мифами, они сами создали миф, с которым развернули беспощадную борьбу. Именно в этом заключается основа мистификации.

Еще одним серьезным вызовом «декоммунизации» была необходимость заполнения освободившегося пространства новыми символами. Националистический нарратив, носителями и пропагандистами которого были главные «декоммунизаторы», оказался слишком узок и не очень привлекателен для большей части общества. Война на востоке позволила его популяризировать за счет героического мифа ОУН-УПА, но на этом его потенциал исчерпался. Дополнительный ресурс был предоставлен формированием новых гражданских культов (Небесная сотня, Революция Достоинства, герои антитеррористической операции), но и он оказался весьма ограниченным. Остальная символическая территория была занята классическим национальным нарративом, уже очищенным от советской семантики, или региональными нарративами. В этом смысле переделывание бюстов Ленина в бюсты Шевченко, или переименование конной статуи Чапаева в статую «Казак», или до сих пор пустующие постаменты, освобожденные от Ильича, или топонимические «гербарии» выглядят весьма показательно и символически.

Упомянем еще один немаловажный аспект «декоммунизации». Эта политика совпала во времени

и пространстве с интенсивной демодернизацией украинского общества. Отрицание советского наследия парадоксальным образом стало идеологическим отрицанием модерности, принесенной советской властью. Коллективная память о советском периоде, несмотря на интенсивные попытки представить «коммунистический период» как непрерывную череду страданий, жертв, потерь и унижений украинской нации, имела огромный материальный фундамент в виде заводов, фабрик, образовательной и научной инфраструктуры, жилья и пр. Украина обрела современные государственные границы именно как советская республика. Огромное количество достижений в области науки, спорта, образования, высокой культуры относятся именно к советскому периоду. **Отрицание советского периода как неизбежный контекст и даже цель «декоммунизации» не сопровождалось какой-либо привлекательной альтернативой такого же масштаба. Это позволяет говорить о «декоммунизации» как антимодерном, архаическом проекте**, символом которого стало присвоение промышленному центру Комсомольск хуторского имени Горишни Плавни.

И наконец, не стоит забывать о конфликтном потенциале «декоммунизации». Негативное отношение к ней, связанное с разными соображениями — от идеологических до эстетических, стало основой для так называемого дремлющего конфликта (dormant conflict). Можно было бы проигнорировать или исключить из этого рассуждения тех, кто пользуется этим конфликтным потенциа-

лом для достижения краткосрочных политических целей (например, оппозиционные партии). Но игнорирование конфликтного потенциала политики, осуществляемой в интересах узкой группы интереса и конъюнктурно поддерживаемой популистами, в конечном итоге приводит к политическому фиаско. Не имея возможности отстоять или обсудить свои предпочтения в открытой равноправной дискуссии, объекты этой политики найдут другой способ выразить свое отношение. Итоги выборов 2019 г. в какой-то мере были предопределены тем, что конфликт проснулся и создавшие его борцы за светлое прошлое стали его жертвой.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Верховна Рада України б/д — Верховна Рада України. Офіційний веб-портал. URL: zakon.rada.gov.ua.

Відкритий лист... 2015 — Відкритий лист науковців та експертів-українознавців щодо так званого «Антикомуністичного закону»: Президентові України Петру Олексійовичу Порошенку та Голові Верховної Ради України Володимирі Борисовичу Гройсману, квітень 2015. URL: <https://krytyka.com/ua/articles/vidkrytyy-lyst-naukovtsiv-ta-ekspertiv-ukrayinoznavsiv-shchodo-tak-zvanoho>.

Вирок іменем України 2019 — Вирок іменем України, 11 жовтня 2019 року, Держинський районний суд м. Кривого Рогу. URL: <https://reyestr.court.gov.ua/Review/85088106>.

Вирок іменем України 2020 — Вирок іменем України, 11 листопада 2020 року, Новотроїцький районний суд Херсонської області. URL: <https://reyestr.court.gov.ua/Review/92804835>.

В'ятрович 2015 — В'ятрович В. Декомунізація і академічна дискусія, квітень 2015. URL: <https://krytyka.com/ua/>

articles/dekomunizatsiya-i-akademichna-dyskusiya.

В'ятрович 2017 — *В'ятрович В.* Володимир В'ятрович: декомунізаційні закони були відображенням настроїв суспільства, 25 травня 2017. URL: <https://old.uinp.gov.ua/news/volodimir-v-yatrovich-dekomunizatsiini-zakoni-bulividobrazhennyam-nastroiv-suspilstva>.

Грабовський 2016 — *Грабовський С.* Україна і Росія. Декомунізація є водночас і деколонізацією, 31 серпня, 2016. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/27956238.html>.

Гуржий 2020 — *Гуржий В.* В Україні за п'ять років обліковано майже 120 проваджень через тоталітарну символіку, 4 лютого 2020. URL: <https://www.unn.com.ua/uk/news/1850314-v-ukrayini-za-pyat-rokiv-mayzhe-120-provadzhencherez-totalitarnu-simvoliku>.

Декомунізація: підсумки...2016 — Декомунізація: підсумки 2016 року. URL: <https://old.uinp.gov.ua/sites/default/files/userupload/decomun-2016.jpg>.

Дронова, Стадний 2015 — *Дронова К., Стадний Є.* Декомунізаційні закони. Пропозиція правок, 21 травня, 2015. URL: <https://voxukraine.org/dekomunizatsiini-zakony-propozytsiia-pravok/>.

Досі недекомунізована... 2020 — Досі недекомунізована. Коли перейменують Кіровоградську область, 4 травня, 2020. URL: <https://gre4ka.info/statti/58957-dosi-nedekomunizovana-koliperejmenuyut-kirovograds-ku-oblast>.

Європейська солідарність 2021 — Європейська солідарність, Петро Порошенко в річницю декомунізації: це питання національної безпеки, 9 квітня, 2021 року. URL: <https://eurosolidarity.org/2021/04/09/poroshenko-dekomunizatsiya-cze-putannya-nacionalnoyi-bezpeky/>.

Закон України... 2014 — Закон України «Про Державний бюджет України на 2015 рік». URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/80-19/page>.

Закон України «Про засудження...» 2015 — Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки», 9 квітня 2015 року. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text>.

Ідентичність громадян 2016 — Ідентичність громадян України в нових умовах: стан, тенденції, регіональні особливості // Національна безпека і оборона. 2016. №3–4 (161–162). С. 3–22.

Іменем України 2019 — Іменем України. Рішення Конституційного суду України у справі за конституційним поданням 46 народних депутатів України щодо відповідності Конституції України (конституційності) Закону України "Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки", м. Київ, 16 липня 2019 року. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v009p710-19#Text>.

Кіровоградська обласна прокуратура 2020 — Кіровоградська обласна прокуратура. Вирок винесено: подружжя засуджено до 2 років позбавлення волі за розповсюдження у мережі Інтернет комуністичної символіки, 25.09.2020. URL: https://kir.gp.gov.ua/ua/news.html?_m=publications&_t=rec&id=280850&fp=80&fbclid=IwAR17F-fr7yB2-fNzST3rWPMfXFqNPJozfze5t-TFjY0qOduaedwXjV-t8.

Кравець, Руденко, Сарахман 2018 — *Кравець Р., Руденко Є., Сарахман Е.* Привид комунізму, або Чому заборонена КПУ продовжує свою діяльність, 30 серпня 2018. URL: <https://www.pravda.com.ua/articles/2018/08/30/7190350/>.

Кучабський, Конець 2020 — *Кучабський О., Конець К.* Остання хвиля декомунізації урбаноніміки в Україні та Польщі: порівняльний аналіз // Грані. 2020. Т. 23, №8. С. 37–48.

Майбутнє нашого минулого 2015 — Майбутнє нашого минулого. Форум. Критика

2015. URL: <https://krytyka.com/ua/featured-topics/maybutnie-nashohomyunuloho>.

Марш... 2018 — Марш нової української армії, 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nc1TwwbJSKA>.

Олійник 2017 — Олійник А. Аналітична доповідь від громадськості у форматі ShadowReport. 2017.

Остана 2015 — Остана С. Ганна Гопко: «Чого ні в кого не виникає питання, чому в нас не може діяти нацистська партія?», 19 квітня 2015. URL: <https://detector.media/infospace/article/106201/2015-04-19-ganna-gopko-chogo-ni-v-kogone-vynykaie-pytannya-chomu-v-nas-nemozhe-diyaty-natsytska-partiya/>.

Програма ВО «Свобода» 2012 — Програма ВО «Свобода» — Програма захисту українців, 2012. URL: <https://svoboda.org.ua/party/program/>.

Пустовгар 2016 — Пустовгар О. Про «гербарій» й так звані «нейтральні» назви вулиць та інші «напрацювання» піар-групи Матковського, 20 квітня 2016. URL: <https://blog.poltava.to/pustovgar/5027/>.

Пустовгар 2021 — Пустовгар О. Декомунізація в Україні і на Полтавщині: історичний досвід, 7 квітня 2021. URL: <http://ukropohliad.org/analytics/dekomunizatsiya-v-ukrayini-i-na-poltavshhyni-istorychnyj-postup.html>.

Реальний термін за Леніна... 2017 — Реальний термін за Леніна в соцмережі і «Капітал» Маркса: подробиці справи, 12 травня 2017, Громадське радіо. URL: <https://hromadske.radio/news/2017/05/12/realnyu-termin-za-lenina-v-socmerezhi-i-kapital-marksa-podrobyuci-spravu>.

Ржеутська 2018 — Ржеутська Л. Декомунізація в українській армії: повторне вивчення історії України, 22 листопада, 2018. URL: <https://www.dw.com/ukdekomunizatsiya-v-ukrayinskyi-armii-povtorne-vivchennia-istorii-ukrayini/a-46390891>.

Руденко 2021 — Руденко І. Шість років декомунізації. Чому Дні-

пропетровщина і досі не Січеславщина, 19 травня, 2021 року. URL: https://dniprograd.org/2021/05/19/shist-rokiv-dekomunizatsii-chomu-dnipropetrovshchina-y-dosi-ne-sicheslavshchina_88111.

Соціологічна група «Рейтинг» 2016 — Соціологічна група «Рейтинг». Отношение к отдельным историческим личностям и процессу декоммунизации в Украине, 17 листопада 2016. URL: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/otnoshenie_k_otdelnym_istoricheskim_lichnostyam_i_processu_dekommunizacii_v_ukraine.html.

Судин 2016 — Судин М. Чорно-білі рішення «декомунізації», 17 травня, 2015. URL: <https://uamoderna.com/blogy/danilo-sudin/black-and-white-decommunization#edn2>.

Угода про коаліцію 2014 — Угода про коаліцію депутатських фракцій «Європейська Україна», 27 листопада 2014. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n0001001-15#Text>.

Указ президента... 2015 — Указ Президента України № 646/2015 «Про внесення змін до Указу Президента України від 30 жовтня 2000 року № 1173», 18 листопада 2015. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/6462015-19568>.

Українформ... 2016 — Українформ Порошенко про декомунізацію: перейменуватися мають усі — крапка! URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2017337-porosenko-pro-dekomunizaciu-perejmenuvatisa-maut-vsi-krapka.html>.

Український інститут національної пам'яті... 2019 — Український інститут національної пам'яті. Звіт за 2019 рік. URL: <https://uinp.gov.ua/pro-instytut/zvity/zvit-za-2019-rik>.

Фонд «Демократичні ініціативи» 2020 — Фонд «Демократичні ініціативи» ім. Ілька Кучеріва Щостий рік декомунізації: підсумки та прогнози. URL: <https://grp.org.ua/wp-content/uploads/2020/07/20237213345f0f61d4b300e5.09547832.pdf>.

Центр Розумкова 2017 — Центр Розумкова Основні засади та шляхиформування спільної ідентичності громадян України. Інформаційно-аналітичні матеріали до Круглого столу 12 квітня 2017 р. Київ, 2017. 93 с.

Яворський 2015 — Яворський В. Аналіз закону про заборону комуністичних символів, 1 травня, 2015. URL: <http://khrp.org/1430493970>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гайдай 2018 — Гайдай О. Кам'яний гість: Ленін у Центральній Україні. Київ: К.І.С., 2018. 280 с.

Гриценко 2019 — Гриценко О. Декомунізація в Україні як державна політика і як соціокультурне явище. Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України; Інститут культурології НАМ України, 2019. 320 с.

Касьянов 2016 — Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28–57.

Касьянов 2019 — Касьянов Г. Украина и соседи. Историческая политика 1987–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 632 с.

Короленко, Каретников, Майоров 2017 — Короленко Б., Каретников І., Майоров М. Декомунізація назв населених пунктів та районів України: підстави, процес, підсумки // City History, Culture, Society. 2017. № 2. С. 134–141.

Кулик 2017 — Кулик В. Державна політика та громадська думка щодо пам'яті й мови в Україні після Євромайдану // Наук. записки ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2017. Випуск 5–6 (91–92). С. 200–212.

Литовецький 2010 — Литовецький С. Організація Українських Націоналістів (бандерівці). Фрагменти діяльності та боротьби. Київ: Українська Видавнича Спілка, 2010. 96 с.

Рябчук 2016 — Рябчук М.Ю. Декомунізація чи деколонізація? Що показали політичні дискусії з приводу «декомунізаційних» законів? // Наукові записки ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2016. Випуск 2 (82). С. 104–117.

Чорній 2017 — Чорній О. Декомунізація, Єлісаветград та загроза національній безпеці // Місто: історія, культура, суспільство. 2017. № 1. С. 207–225.

Bernhard, Kubik 2018 — Bernhard M., Kubik J. (eds.). *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford University Press, 2014. 384 p.

Koposov 2018 — Koposov N. *Memory Laws, Memory Wars. The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 321 p.

Marples 2018 — Marples D.R. *Decommunization, Memory Laws, and “Builders of Ukraine in the 20th Century”* // *Acta Slavica Iaponica*. 2018. Tomus 39. P. 1–22.

Olszański 2017 — Olszański Tadeusz A. *Wielka dekomunizacja. Ukraińska polityka historycznaczaśu wojny* // *Punkt Widzenia*, Numer 65. Warszawa: Centre For Eastern Studies, 2017. 52 s.

REFERENCES

Bernhard M., Kubik J. (eds.). *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford University Press, 2014. 384 p.

Chornii O. *Dekomunizatsiia, Yelisavetgrad ta zagroza natsional'nii bezpetsi. Misto: istoriia, kul'tura, suspil'stvo*, 2017, no. 1, p. 207–225.

Haidai O. *Kam'ianygi gist': Lenin u Tsentral'nii Ukraïni*. Kiïv: K. I. S., 2018. 280 p.

Hrytsenko O. *Dekomunizatsiia v Ukraïni iak derzhavna politika i iak sotsiokul'turne iavishche*. Kiïv: Institut politichnikh ietno-natsional'nikh doslidzhen' im. I. F. Kurasa NAN Ukraïni; Institut kul'turologii NAM Ukraïni, 2019. 320 p.

Kasianov G. *Ukraina i sosedi. Istoricheskaia politika 1987–2018*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 632 p.

Kasianov G. V. Istoricheskaia politika i "memorial'nye" zakony v Ukraine: nachalo XXI v. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2016, no. 2, p. 28–57.

Koposov N. *Memory Laws, Memory Wars. The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 321 p.

Korolenko B., Karetnikov I., Maiorov M. Dekomunizatsiia nazv naselenykh punktiv ta raioniv Ukraïni: pidstavy, protses, pidsumki. *City History, Culture, Society*, 2017, no. 2, p. 134–141.

Kulyk V. Derzhavna politika ta gromads'ka dumka shchodo pam'iaty i movy v Ukraïni pislia Evromaidanu. *Nauk. zapiski IPIEND*

im. I. F. Kurasa NAN Ukraïni. 2017, Vipusk 5–6 (91–92), p. 200–212.

Lipovets'kii S. *Organizatsiia Ukraïns'kikh Natsionalistiv (banderivtsi). Fragmenty diial'nosti ta borot'bi*. Kiiiv: Ukraïns'ka Vidavnicha Spilka, 2010. 96 p.

Marples D. R. Decommunization, Memory Laws, and “Builders of Ukraine in the 20th Century”. *Acta Slavica Iaponica*, 2018, Tomus 39, p. 1–22.

Olszański Tadeusz A. Wielka dekomunizacja. Ukraïnska polityka historycznaczaśu wojny. *Punkt Widzenia*, Numer 65. Warszawa: Centre For Eastern Studies, 2017. 52 p.

Riabchuk M. Iu. Dekomunizatsiia chi dekolonizatsiia? Shcho pokazali politichni-diskusii z pryvodu "dekomunizatsiinykh" zakoniv? *Naukovi zapiski IPIENDim. I. F. Kurasa NAN Ukraïni*, 2016, Vipusk 2 (82), p. 104–117.

«В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ГЛАВНОЕ — ТАЙНА И ДАЛЬ».

Интервью с О. Р. Трифоновой

В интервью поднимаются несколько тем: наследие Юрия Трифонова и сложности с переизданием его книг; возникновение музея «Дом на набережной» и работа Ольги Трифоновой на посту его директора; книга Ольги Трифоновой «Единственная», посвященная судьбе Надежды Аллилуевой.
Ключевые слова: Юрий Трифонов, Дом на набережной, Юрий Слезкин, Иосиф Сталин, сталинизм, Надежда Аллилуева, историческая память.

Сведения об авторе: Трифонова Ольга Романовна (Мирошниченко), литератор, вдова писателя Юрия Трифонова (Москва).

Контактная информация: nestor_historia@list.ru.

“THE MAIN THING IN AN ARTWORK IS MYSTERY AND DISTANCE”.

Interview with O. R. Trifonova

The interview considers several topics, such as the heritage of Yuri Trifonov and the difficulties with the reedition of his books; the emergence of the museum “The House on the Embankment” and the work of Olga Trifonova as its director; Olga Trifonova’s book “She, the one”, dedicated to the story of Nadezhda Alliluyeva.

Key words: Yuri Trifonov, the House on the embankment, Yuri Slezkine, Joseph Stalin, Stalinism, Nadezhda Alliluyeva, historical memory.

About the author: Trifonova Olga R. (Miroshnichenko), writer, widow of writer Yuri Trifonov (Moscow).

Contact information: nestor_historia@list.ru.

Ольга Романовна Трифонова (Мирошниченко) — литератор, вдова писателя Юрия Трифонова. Ольга Трифонова опубликовала несколько книг, среди них бестселлер «Единственная», где делается попытка реконструировать последний год жизни Надежды Аллилуевой, жены Сталина. Книга имеет подзаголовок «роман-версия»: факты, основанные на источниках, переплетаются с сюжетами, которые едва ли могли происходить в реальности.

Юрий Валентинович Трифонов (1925–1981) — писатель, мастер «городской прозы», одна из ключевых фигур литературного процесса 1960–1980-х гг., автор романов и повестей «Время и место», «Дом на набереж-

ной», «Предварительные итоги», «Долгое прощание» и многих других. Отец писателя, Валентин Трифонов (1888–1938), был одним из видных большевиков: во время Гражданской войны — член Реввоенсовета Республики, после ее завершения — председатель Военной коллегии Верховного суда СССР (1923–1926), торговый представитель СССР в Финляндии (1926–1928), председатель Главного концессионного и Топливного комитетов при СНК СССР (1932–1937). Арестован в июне 1937-го, в марте 1938 г. расстрелян. Судьба Валентина Трифонова описана его сыном в документальной повести «Отблеск костра», а в художественной форме она присутствует во многих произведениях писателя.

Беседовал К. Морев.

К. М. Я хотел бы начать наше интервью с небольшого монолога. Дело в том, что я сам совсем недавно открыл для себя Юрия Трифонова. Я, конечно, о нем знал, что-то читал в студенческие годы, но только пару месяцев назад начал читать его более глубоко и понял, что это что-то очень мне близкое. Чем больше я читал, тем больше мне нравилось: такое ощущение, что именно этих книг мне не хватало, и вот я вдруг их нашел. Когда я прочитал не меньше половины всех его произведений, мне захотелось предпринять какое-то активное действие, связанное с сохранением памяти о Юрии Трифонове — так появилась идея этого интервью.

О. Т. Простите, сколько вам лет?

К. М. Тридцать пять.

О. Т. Я просто счастлива, что на вас, для меня такого молодого человека, Юрий Валентинович оказал влияние, что вы почувствовали, что это был писатель незаурядный и особенный. Вы сделали мне подарок.

К. М. Это очень приятно! Единственное, что меня удивило, что мало какие книги можно найти в бумажном виде...

О. Т. Вот в чем дело — и об этом надо сказать — его дочь от первого брака запретила издавать его книги. Наследников авторского права трое: я, наш сын Валентин и Ольга Юрьевна, которая не подписывает ни один договор на издание. У нас нет никаких публичных дрызг, но как только

мой литературный агент обращается к ней, она говорит, что она не согласна. Ответ такой: «Пусть читают в Интернете». Вообще, по нашему закону препятствование сохранению и увековечению памяти запрещается, но мне так не хочется начинать судебное дело... Говорят, что в Думе хотят принять закон, который бы поменял эту ситуацию, потому что по такой же причине, например, не переиздают еще нескольких авторов.

К. М. Но знаете, где я прочитал большую часть вещей? В журнальных публикациях, которые мои родственники скрепляли и сшивали, делая из них самодельные книги.

О. Т. Юрий Валентинович очень дорожил такими «изданиями». Иногда бывало, что тексты фотографировали, делали фотокопии. Ведь ксероксы все были в ведении Первого отдела. Даже для какой-нибудь справки нужно было очень подлизаться к начальству, чтоб оно разрешило снять копию...

К. М. Вообще, особенное чувство возникает, когда читаешь книги именно в таком издании, в журнальных публикациях тех лет — возникает ощущение связи времен.

О. Т. Это точно. Я очень дорожу фотокопиями, ксероксами, у меня в музее есть даже экземпляр, переписанный от руки!

К. М. Экземпляр какой вещи?

О. Т. «Отблеск костра».

К. М. Я его тоже прочитал. Ведь о нем, по-моему, Юрий Валентино-

вич говорил, что он с этой повестью вскочил в последний вагон уходящего поезда оттепели. Она была издана небольшим тиражом...

О. Т. Да, совсем небольшим! У нас даже была такая семейная шутка, я говорила Юрию Валентиновичу: «Извини, что я бесприданница, что я ничего не принесла в дом». Он отвечал: «Как ничего? Ты принесла “Отблеск костра”. У меня уже не было ни одного экземпляра. Так что ты принесла дорогую вещь!»

К. М. Даже у него самого уже не было экземпляра?

О. Т. Да. Он, видимо, как-то нерасчетливо раздал их, давал почитать кому-то... А я, не обращая внимание на его ворчание, заказывала в «Лавке писателя» сразу много экземпляров. Он говорил: «Это неприлично — там же все свои стоят, все знают друг друга. Потом говорят друг другу: “Приехала мадам Трифонова и заказала *пятьдесят* штук!»» Но вы знаете, прошло сорок лет, а у меня все еще есть экземпляры. Конечно, я заказывала не пятьдесят, но двадцать.

К. М. Известно, что «Дом на набережной» при жизни Юрия Валентиновича не выходил отдельным изданием, только в составе книги и в журнале. Были ли какие-то цензурные сложности с этим романом или, может быть, с другими?

О. Т. Вот это странно: в «Доме на набережной» были очень маленькие правки. Думаю, сыграли роль жизненные хитросплетения: редактор «Дружбы народов», Сергей

Баруздин¹, был знаком с Юрием Валентиновичем с подросткового возраста, они ходили вместе в литературный кружок в переулке Стопани. Конечно, это крепкая дружба — но важнее было то, что Сергей Алексеевич дружил с цензором по фамилии Фомичев. Я думаю, по дружеской просьбе цензор его публикации не так сильно «рубил». Например, в «Старике» было всего две поправки.

«Дом на набережной» был издан в двенадцатом номере за 1976 г. Возможно, Баруздин не случайно опубликовал его в двенадцатом номере — подписка на следующий год резко возросла. Но, надо сказать, вскоре после издания номер журнала, где он был опубликован, изъяли из библиотек. После этого журнал стали фотографировать, перепечатывать, передавать друг другу, даже на одну ночь. Вообще, бывало, что люди конспиративно говорили о книгах, потому что боялись, что телефоны прослушивались — впрочем, они действительно могли прослушиваться. А так как обычно это были плохие конспираторы, то в районе Аэропорта ходила такая шутка: «Ты уже попробовал мой пирог?» — «Да, я его съел целиком». — «Тебе понравилось?» — «Да! Можно я дам Евсею почитать?»

К. М. Забавно! Я хотел спросить еще про роман «Исчезновение» — наверное, это самый автобиографический роман Трифионова. Почему он остался незаконченным? Юрий Валентинович просто не успел его

дописать или в какой-то момент прекратил работу над ним?

О. Т. Он начал писать его давно, в 1960-е гг. Сначала, в черновиках, роман назывался «Исход». Но потом Юрий Валентинович написал «Дом на набережной», где затрагивались темы, которые были в «Исчезновении». Поэтому он так и оставил его на фразе «но прошло много лет...». Но, полагаю, что такой финал хорош, поскольку в нем есть тайна и даль, что необходимо в любом художественном произведении — литературном, музыкальном... Тайна и даль — это главное.

К. М. Когда уже знаешь биографию Юрия Трифионова и знаешь, что роман автобиографичен, то он выглядит вполне законченным. Ты достраиваешь, что должно быть дальше, и хотя оно осталось ненаписанным, роман не теряет достоинств из-за того, что остался в таком виде.

О. Т. Мне кажется, то, что он хотел сказать и об этом времени, и об этом доме, он в этом романе сказал. А дальше... Вы еще не читали «Время и место»? Я очень люблю «Время и место».

К. М. Буквально два дня назад я закончил его читать. Там тоже считаются какие-то вещи, которые кажутся автобиографическими, но никогда непонятно, что из этого автобиографическое, что нет.

О. Т. Тут еще дело в поколениях. Я думаю, вам гораздо проще все счи-

¹ Сергей Алексеевич Баруздин (1926–1991) — советский писатель и поэт, редактор. В 1957–1965 г. секретарь правления Союза писателей РСФСР, с 1967 г. — Союза писателей СССР, в 1966–1991 гг. главный редактор журнала «Дружба народов».

тивать, чем в те времена, когда это издавалось. Вообще, «Время и место» был первым романом Юрия Валентиновича, который отказались печатать. Баруздин притормозил, начал как-то мямлить: «Юра, не огорчайся...» Была в журнале дама, которая сказала, что это «художественно слабое произведение» — ее для таких экзекуций и держали, для такого рода рецензий. Я же считаю, что это фантастически сильное произведение. Когда роман не приняли, это был страшный удар для Юрия Валентиновича.

К. М. Но все же он успел закончить этот роман? В журнальной публикации в конце написано, что она подготовлена вами: «Подготовка текста к публикации: Ольга Трифонова-Мирошниченко», о чем идет речь?

О. Т. История такая: роман изначально заканчивался смертью героя. Я уже знала, что Юрий Валентинович болен страшной болезнью, и когда он мне прочел финал, я заплакала. Заплакала вообще — по разным причинам. Хотя бы по той, что вспомнила: один хороший французский писатель, Жан Жионо², сказал, что писатель не должен подавать знака судьбе.

К. М. Чтобы потом его произведения не настигли его?

О. Т. Да. А это бывает очень часто. И вот я заплакала, и муж на меня посмотрел с удивлением... Вскоре после этого ему сказали про «художественно слабое произведение»,

но Баруздин, видимо, пытался как-то спасти текст и дал его почитать цензору — и, наверное, тот сказал, что «пускай допишет, чтобы не было смерти героя». Чтобы не получалось так, что власть убивает творцов. И Юрий Валентинович дописал последнюю главу.

К. М. «Пережить эту зиму»...

О. Т. Да, «Пережить эту зиму». Когда он вернулся после обсуждения, на котором ему сказали, что надо поменять финал и дописать, он, помню, вошел и сказал с какой-то кривой усмешкой: «Ну вот, видишь, твое мнение совпадает с мнением редакции. Нельзя, чтобы заканчивалось смертью героя». Он написал «Пережить эту зиму», и его редактор, умная и лукавая Татьяна Аркадьевна Смолянская³ сказала: «Юра, ну это еще страшнее!» Тем не менее это устроило журнал, сказали, что возьмут. Печатать начинали уже после его смерти и стали просить меня делать там поправки: маленькие, но существенные щипки. А я до этого совершила, как тогда это называлось, «антиобщественный поступок»: передала текст в Германию. Поэтому я пошла на эти поправки. Надо было опубликовать роман сначала здесь, чтобы не возник скандал. Так и было сделано. Правда, одна идиотка, американская русистка, написала письмо в издательство в Берлин, что в изданиях есть разночтения — надо же быть такой идиоткой! Но, к счастью, времена уже менялись, директор просто вызвал замечательного

² Жан Жионо (1895–1970) — французский писатель.

³ Татьяна Аркадьевна Смолянская (1911–2003) — редактор, журналист.

литературоведа Ральфа Шредера⁴, передавшего роман в Германию, и сказал: «Вы хотите второй раз посидеть?» А Шредер как диссидент отсидел семь лет в одиночке в ГДР. И он пылко ответил: «Не хочу». Эту историю замяли. Если бы дело размотали, мы бы пострадали, конечно. Но потом, как только стало возможным, я вернула все изъятые места, в одном из изданий они набраны курсивом. В собрании сочинений, которое вышло в 1985–1987 гг., тоже уже полная версия.

К. М. Есть ли какие-то произведения Юрия Трифонова, которые еще остаются неопубликованными?

О. Т. Есть черновики большого романа, но вопрос о публикации, я считаю, должен уже решать мой сын. Тем более что Ольга Юрьевна запрещает, так что все равно надо ждать: может, образумится?

К. М. Я хочу спросить еще о мону-ментальной книге Юрия Слезкина

«Дом правительства»⁵: что вы думаете о ней, насколько вам близок подход Слезкина, его философия?

О. Т. Сложный вопрос. Надо сказать, что Юрий Львович фантастический работник. Можно представить, какие архивы он освоил, какой айсберг кроется за этим трудом. Но он смог написать эту книгу прежде всего благодаря музею [музей «Дом на набережной». — К. М.], благодаря архиву нашего музея — иначе это было бы невозможно. Мы давали ему знакомиться с нашим архивом, кроме того, тогда еще здоровствовали многие люди — свидетели этого времени. Но концепция этой книги мне непонятна. Я очень хорошо отношусь к Юрию Львовичу, но туманный отсыл к какой-то «секте» я не понимаю, и он мне не очень по сердцу⁶. У него и в другой книге, «Эра Меркурия», тоже есть этот невнятный отсыл. Но труд, конечно, колоссальный и немислимый.

К. М. Я посмотрел, что некоторые интервью датированы еще девяно-

⁴ Ральф Шредер (1927–2001) — литературовед, редактор. В сентябре 1957 г. в ГДР он был арестован, приговорен к десяти годам лишения свободы как глава «партийно-подрывной группы». На встрече славянских литературоведов в Лейпциге в марте 1959 г. диссертация Ральфа Шредера была осуждена как «пересмотр теории социалистического реализма». В 1964 г. он был освобожден по общей амнистии. Впоследствии был редактором ряда произведений советской литературы, Шредеру удалось продвинуть немецкоязычные публикации произведений ряда советских авторов, в том числе Юрия Трифонова.

⁵ Книга Юрия Слезкина «Дом правительства» рассматривает появление революционного движения, его эволюцию и перерождение. Центральным символом книги оказывается Дом правительства, построенный в 1931 г. и предназначавшийся для партийной советской элиты — Юрий Слезкин анализирует судьбы жителей этого дома, среди которых было много старых большевиков. Этот анализ дает возможность выстроить картину того, как менялись партия большевиков и идеология большевизма. Дом правительства получил неофициальное название «Дом на набережной», по названию произведения Юрия Трифонова, который в детстве жил в этом доме.

⁶ В книге Юрий Слезкин фактически рассматривает большевизм как апокалиптическую секту. Апокалиптический милленаризм, по определению самого Слезкина, это вера в то, что мир несправедливости и угнетения кончится в результате катастрофического насилия при жизни нынешнего (или, самое позднее, следующего) поколения (см. <https://www.corpus.ru/press/urij-slezkin-svoej- knige-dom-pravitelstva.htm>). В книге «Дом правительства» Слезкин сопоставляет большевиков с различными сектами такого рода, находя в их устройстве много общего.

стыми годами. То есть он более двадцати лет ее писал.

О. Т. Да, он более двадцати лет ее писал. Он был профессором Университета Беркли и использовал свой отпуск для работы в архивах Москвы, причем в самых разных, вплоть до архива профсоюзов. К счастью, он успел это сделать, потому что потом многие архивы закрылись.

К. М. Вы уже были тогда директором музея?

О. Т. Да, уже была. Я помню первый визит Юрия Львовича ко мне, помню, как мы помогали ему знакомиться с людьми из дома, которые, как вы понимаете, были очень осторожными. Вообще, жители Дома на набережной — это особые люди, на них и даже на их внуках лежит отпечаток избранности. До сих пор! Хотя многие уже уехали за границу, но вот эта печать «обслужите нас» осталась.

К. М. Даже у тех, кто мало там жил? Там же некоторые жили всего по несколько месяцев?

О. Т. На этих нет. И на тех, кто прошел лагеря... Хотя иногда и на них. Я помню, я была изумлена, когда пришла дочь человека с необычайно знаковой фамилией, но оттенок «обслужите» был.

К. М. Как вы стали директором этого музея, и как он менялся за это время?

О. Т. Директором я стала во многом случайно. Первым директором была женщина необычайная: Тамара Андреевна Тер-Егиазарян⁷. Вот только один штрих, который даст понять, что это была за личность. Первый раз я увидела ее так: я шла через двор Дома на набережной в гости к своим друзьям. Впереди меня в белой короткой теннисной юбочке, с теннисной ракеткой бодро шла женщина. Это была Тамара Андреевна, она шла тренироваться, играть в теннис — наверху в доме был и сейчас есть теннисный зал. Ей было *восемьдесят* лет.

Она создала музей еще в 1989 г., наверное, и из-за собственных амбиций, и из-за ощущения избранности, поскольку она была жительницей дома. У Тамары Андреевны было одно потрясающее качество: она умела и любила дружить с нужными людьми. Она так «завела» весь дом, что многие жители дома понесли вещи в музей. Тогда, в 1989-м это сначала был уголок при парткоме, потом это называлось «народный музей», но фактически, по современным понятиям, это был частный музей Тамары Андреевны. Она создала его, отбила квартиру, в которой он расположен, расширила ее, сподвигла жителей приносить вещи в музей... Делала замечательные мероприятия — и смешные, и знаковые: от выставки «кто что вырастил на даче» до выставки памяти [Николая] Каманина⁸. В таком виде музей существовал девять лет. В 1998 г. Тамара

⁷ Тамара Андреевна Тер-Егиазарян (1908–2005) — основательница и первый директор (в 1989–1998) музея «Дом на набережной», жительница дома с 1931 г.

⁸ Николай Петрович Каманин (1908–1982) — советский летчик, генерал-полковник авиации, участник операции по спасению экспедиции парохода «Челюскин» (1934); в 1960–1971 гг. один из руководителей подготовки советских космонавтов. В 1937–1982 гг. жил в Доме на набережной.

Андреевна захотела, чтобы музей стал муниципальным, чтобы в нем платили зарплату... Но это было сопряжено с огромной бумажной волокитой. Тогда у нее появилась идея, чтобы кто-то стал исполнителем, занимался бумагами, а она представлять должна, на что имела право. Я иногда приходила туда на какие-то мероприятия, например, вечер памяти Юрия Валентиновича или день его рождения. И Тамара Андреевна предложила мне стать директором. Она умела убеждать — и я дала согласие. Как я говорила, при этом она хотела сохранить представительскую должность — президента, что ли... Но один мудрый начальник Управления культуры сказал мне: «Вам оно нужно? Вы хотите быть на побегушках? Зачем “президент”? Просто оказывайте ей почет и уважение». Так и получилось.

К. М. Когда музей стал частью Музея истории ГУЛАГа?

О. Т. Несколько лет назад. До этого он некоторое время был частью Музея Москвы.

К. М. У музея не было сложностей в последнее время в связи с тем, что сейчас есть линия на «ползучую ресталинизацию»?

О. Т. Пока нет. Но я не знаю, как быть в связи с последними высказываниями министра...⁹ В нашем музее висит расстрельный список почти

на восемьсот человек, живших в этом доме. Что — Сталин не имеет к этому отношения?! Кроме того, есть такое движение против прославления имени Сталина, у нас висит плакат этого движения. Что — его снимать?

К. М. Мне кажется, тут есть разнонаправленное движение: на официальном уровне все, что касается советского террора, в лучшем случае не осмысливается, но в обществе явно существует запрос на это осмысление (тот же «Последний адрес», поиски внуками и правнуками информации о своих репрессированных родственниках, фильмы и книги, связанные с этой темой). Какие вы видите тенденции в том, что касается памяти о репрессиях и вообще о советском прошлом? Насколько закономерна такая «ползучая ресталинизация»?

О. Т. Я думаю, те, кто этим занимается на государственном уровне, не хотят раздражать несчастных людей, которые ходят с портретами Сталина. Эти люди забывают, что не Сталин сделал их жизнь хорошей, а просто они были молодыми и здоровыми. А недавнее неожиданное выступление министра, мне кажется, вообще связано с выборами, оно выглядит как реверанс в сторону КПРФ.

К. М. Как менялись посетители музея за это время? Кто приходит сейчас, какие вопросы задают, чем интересуются?

⁹ Речь идет о высказывании С. В. Лаврова, сделанном в Волгограде во время встречи с ветеранами Великой Отечественной войны: «Я абсолютно согласен с тем, что историю нельзя трогать. Кстати, нападки на Сталина как на главного злодея, сваливание в одну кучу всего, что он сделал в довоенное время, во время, после войны — это ведь тоже часть той самой атаки на наше прошлое, на итоги Второй мировой войны». Цит. по: ТАСС «Лавров: нападки на Сталина как на главного злодея — часть атаки на наше прошлое» <https://tass.ru/obschestvo/12252695>.

О. Т. Сначала, когда я стала директором, был большой наплыв: были дети репрессированных, были живы еще сами репрессированные. Потом, в двухтысячных, был провал — потерянное поколение. Я думаю, это связано с тем, что замордованные в 1990-е гг. родители не занимались детьми — они должны были выживать, какое там воспитание... В двухтысячных это были либо экскурсии школьников, либо отдельные люди, которые приходили, но которым было скучно, потому что они мало что понимали, ничего не читали. Сейчас идет уже другое поколение. С одной стороны, у них нет ни малейшего представления о том, что такое Советский Союз: я даже попросила экскурсоводов подготовиться, чтобы они объясняли хотя бы то, каким было государственное устройство Страны Советов. С другой стороны, у них есть огромный интерес к этому периоду. Я очень радуюсь, когда вижу этот живой интерес. Многие по-прежнему мало что знают о том времени, но повторяю: интерес к прошлому огромный.

К. М. То есть раньше они не знали ничего о той эпохе, но у них не было интереса, а сейчас они тоже не знают, но интерес есть?

О. Т. Да, совершенно точно.

К. М. Я хочу спросить еще о вашей книге «Единственная». Я нашел ее практически случайно: когда в Интернете я искал книги Юрия Трифо-

нова, то на одном сайте среди них была «Единственная». Почему-то она там была от его имени. Я начал читать и довольно быстро понял, что вряд ли это его книга, она не выглядела как книга, которая могла бы быть написана в советское время — о жене Сталина, где сам Сталин в числе главных персонажей, да еще со множеством жутких деталей, подробностей... Я стал искать информацию и узнал, что это ваша книга. Могу сказать, что на меня она произвела очень большое впечатление. Как у вас появилась идея написать книгу о Надежде Аллилуевой¹⁰, где вы брали материалы для нее?

О. Т. В конце 1990-х гг. к нам в музей пришли люди из японской компании NHK, это главная телевизионная компания Японии. Они снимали сюжет об Аллилуевой, и им была нужна обстановка того времени, антураж. Пока они снимали, я попросила их дать мне почитать сценарий, и когда я начала его читать, у меня волосы встали дыбом. Это была развесистая клюква. Мне стало обидно, что потом в Японии расскажут эту ахирию. Но человек, который готовил материал, имел доступ к уникальным архивам, и в ссылках я нашла информацию, где было сказано, сколько абортов она [Надежда Аллилуева] сделала. На меня это произвело трагическое впечатление.

Была еще одна важная вещь: дело в том, что мой отец учился с Надеждой Сергеевной в Промакадемии

¹⁰ Надежда Сергеевна Аллилуева (1901–1932) — жена Иосифа Сталина (в 1918–1932), дочь революционера Сергея Яковлевича Аллилуева (1868–1945). В 1917 г., после возвращения из ссылки Сталин некоторое время жил в квартире Сергея Аллилуева, с семьей которого уже был знаком. Брат Надежды — Павел Аллилуев (1894–1938), участник Гражданской войны, военный деятель. Внезапно умер в рабочем кабинете 2 ноября 1938 г.

и очень нежно о ней вспоминал, с оттенком былой влюбленности, даже называл ее «Наденька». Вообще он был человеком суровым, такой бывший «братишка», член Центрофлота, революционной организации на Черноморском флоте — и вот это «Наденька» звучало в его устах непривычно нежно.

В общем, я стала думать о ней, появился замысел книги.

В то время была жива еще племянница Надежды Сергеевны, Кира Павловна Политковская¹¹ — чудесная женщина, очень остроумная, веселая. Я стала общаться с ней. Еще был жив замечательный человек, сын Светланы [Аллилуевой], Иосиф Григорьевич¹². Меня познакомили с ним. И если вы помните, в книге есть одна героиня, Александра («Мяка») — это нянька, которая всю жизнь была около Сталина, потом она растила Светлану. Мяка была, наверное, единственным человеком, кто не боялся Сталина (хотя нет, была еще одна женщина, Евгения Земляницына¹³), и к ней он неплохо относился. Так вот, Иосиф Григорьевич был тем человеком, кто взял к себе Мяку, когда она была уже беспомощной и старой, и она прожила у него до своей смерти. Именно Мяка была очень

важным источником знаний о жизни в Кремле, о Надежде Сергеевне.

Однажды я спросила у Иосифа Григорьевича о тайне смерти Надежды Сергеевны. И он сказал, что эту тайну знала только Мяка. Я говорю: «Иосиф, но ведь наверняка вам Александра рассказывала, что произошло тогда в Кремле, после банкета?» Он очень жестко ответил: «Это было сказано только мне». И потом добавил, имея в виду Надежду Сергеевну: «Ее уже нет, давайте не будем беспокоить ее тень».

А так он рассказывал много забавных вещей. Например, известно, что все домработницы, няньки, которые работали у Аллилуевых, одновременно обязаны были быть осведомителями. И иногда Мяка неумело врала, например, что ей нужно к зубному. А когда она приходила, то они, будучи остроумными людьми, накрывали стол и говорили: «Ну, давай обмоем твою звездочку» — а она махала на них руками: «Прекратите!»

К. М. Какая ваша версия смерти Надежды?

О. Т. Там много нестыкровок. Но либо он [Сталин] ее застрелил, либо это было то, что называется склонение к самоубийству.

¹¹ Кира Павловна Политковская (Аллилуева, 1919–2009) — дочь Павла Аллилуева и Евгении Земляницыной, актриса. В январе 1948 г. арестована (вскоре после ареста своей матери), отправлена в ссылку в г. Шую, освободилась в 1953 г.

¹² Иосиф Григорьевич Аллилуев (1945–2008) — кардиолог, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР. Сын Светланы Аллилуевой (1926–2011), внук Надежды Аллилуевой и Иосифа Сталина.

¹³ Евгения Александровна Аллилуева (Земляницына, 1898–1974) — жена Павла Аллилуева. В 1947 г. была обвинена в отравлении мужа (спустя девять лет после его смерти). Была проведена эксгумация, которая не обнаружила следов яда, но это не повлияло на исход дела. Земляницына провела шесть лет в одиночной камере, освобождена в 1954 г. Евгения Земляницына является одной из героинь книги Юрия Слезкина «Дом правительства».

К. М. Да, в вашей книге как раз вторая из этих версий. Эти версии, как я понимаю, не общепризнанные...

О. Т. Да, это так. Понимаете, она была «чемодан без ручки» (по выражению Иосифа Григорьевича). Упечь ее в психушку — это был бы скандал. Она хотела уйти от Сталина, но она была наивна: она хотела уйти к своей сестре, муж которой, Станислав Реденс¹⁴, был главой НКВД Украины...

К. М. А Иосиф Григорьевич читал эту книгу?

О. Т. Да, она ему понравилась.

К. М. Он ничего не сказал по поводу той версии смерти Надежды, которая показана в книге?

О. Т. Ничего. Был только один разговор об этом, когда он отказался об этом говорить. К слову, Иосиф Григорьевич был очень похож на Надежду, у него были замечательные глаза и персиковый цвет кожи. Он был прекрасный врач и достойный человек.

К. М. Вы изучали архив семьи Аллилуевых?

О. Т. Я сидела в Архиве социально-политической истории, тогда он назывался РЦХИДНИ [Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, сейчас Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ. — К. М.]. В то время архив не отапливался, некоторые посетители тайно вырывали листы, чтобы потом продать... Я видела архив Аллилуевых с выданными листами. Однако это касается архива семьи, но не самой Надежды. Архив Надежды Аллилуевой забрал помощник Сталина, Иван Товстуха¹⁵ — единственный человек, которому он доверял.

Мне очень помогла Лариса Роговая, сейчас директор ГАРФ, которая тогда работала в РЦХИДНИ. Она видела, как я сижу в нетопленном архиве, голубая от холода, и однажды она позвала меня к себе: «Вот тут лежит дневник Марии Анисимовны» — жены Алеши Сванидзе¹⁶, брата первой жены Сталина. Она сказала: «Ольга

¹⁴ Станислав Францевич Реденс (1892–1940) — деятель советских спецслужб (ВЧК-ОГПУ-НКВД) с 1918 г., с 1919 г. — на руководящей работе; с июля 1931 по февраль 1933 г. — полпред ОГПУ по Украинской ССР — председатель ГПУ УССР. Один из организаторов Большого террора в Москве и Подмосковье. Был одним из организаторов сфабрикованного процесса над Зиновьевым и Каменевым, также процесса по делу Рюгина. Один из организаторов репрессий в РККА в 1937–1938 гг. Арестован в ноябре 1938 г., расстрелян.

¹⁵ Иван Павлович Товстуха (1889–1935) — революционер, с 1921 г. — заведующий секретариатом И. В. Сталина, впоследствии, занимая разные должности, оставался одним из наиболее близких к Сталину людей. Дочь Товстухи, Татьяна Ивановна, сотрудник музея «Дом на набережной», автор мемуаров «Дом на набережной: люди и судьбы».

¹⁶ Мария Анисимовна Сванидзе (1889–1942) — жена Алеши (Александра) Сванидзе. Арестована в 1939 г. и приговорена к восьми годам лишения свободы за то, что «скрывала антисоветскую деятельность своего мужа, вела антисоветские разговоры, осуждала карательную политику Советской власти и высказывала террористические намерения против одного из руководителей Коммунистической партии и Советского правительства». Расстреляна.

Александр (Алеша) Сванидзе (1886–1941) — старый большевик, революционер, брат первой жены Сталина, Екатерины. В 1921–1922 гг. — народный комиссар финансов ЗСФСР (Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республике, частью которой была Грузия),

Романовна, я вам доверяю, но я вас запрю». Это было замечательное чтение. Мария Анисимовна, царствие ей небесное, была очень глупой женщиной и, живя в семье, вела дневник, где писала все, что видела и думала.

Алеша Сванидзе был другом юности Сталина, который и познакомил его с первой женой, Екатериной¹⁷. В 1930-е Сталин сделал его, кажется, председателем Внешторгбанка, потом он за что-то на него обиделся, Сванидзе арестовали и страшно пытали, требовали, чтобы он письменно попросил прощения у Сталина. Он сказал: «Я не знаю, за что мне просить прощения, я не знаю, в чем я виноват». Следовательно в какой-то момент его пожалел, потому что пытки были очень страшные, и написал на листке бумаги: «Напишите. Вас замучают». Он все равно отказался. Может быть, это семейная легенда, но так рассказала мне Кира — якобы этот следователь потом к ним приходил и это рассказывал.

Вот так. А теперь мы должны думать, что Сталин был белый и пушистый...

К. М. Ну, это лишь одна из тенденций, я бы не сказал, что есть тотальная ресталинизация. Мне кажется, есть большой запрос на честный разговор о том времени, на осмысление сталинизма. Например, был фильм Юрия Дудя «Колыма», который набрал огромное количество просмотров, была «Зулейха открывает глаза»... Много есть вещей,

которые показывают другую картину.

О. Т. Согласна. Музей истории ГУЛАГа, например, прекрасно работает, получает финансирование, недавно они высадили настоящий райский сад на пустыре. Сад деревьев, привезенных из мест заключения.

К. М. Исследователь памяти Николай Эппле считает, что сейчас существует политика «тотальной преемственности». В том смысле, что «мы не отрицаем никаких событий». Но понятно, что одни события при этом выпячиваются и мифологизируются, а другие остаются в тени. На уровне государства никто не говорит, что репрессий не было, но никто не хочет их осмысливать.

О. Т. Похоже, что да. Я недавно перечитывала «Бориса Годунова», и там есть такая фраза: «Вины отцов не должно вспоминать». Правда, она принадлежит Лжедмитрию, самозванцу, не очень светлomu, но и неглупому персонажу.

К. М. В вашей книге очень много ярких мест, например, грубость Сталина, мат, истории про плевки на стену, диалоги между ним и Надеждой. Где там грань между документальным и художественным? Есть ли что-то, что является плодом воображения?

О. Т. История про плевки реальная. Он харкал на стену, доводя ее

в 1924–1935 гг. — советский торговый представитель в Германии. В 1935–1937 гг. — заместитель председателя правления Внешторгбанка СССР. Арестован в 1937 г., расстрелян.

¹⁷ Екатерина (Като) Семеновна Сванидзе (1885–1907) — первая жена И. В. Сталина (в 1906–1907).

до слез. Об этом мне как раз говорила Кира Павловна. Вообще, вся семья Аллилуевых была очень закрытой, выспросить у них какую-то живую деталь было очень трудно. Казалось бы, столько лет прошло! Может быть, они клятву друг другу дали?..

Но получилось так, что мы подружились с Кирой Павловной — очень искренним и обаятельным человеком. Я полюбила ее и старалась ей помогать. Например, я ее возила на своей машине на дачу. И Бог вознаграждал меня. Я заметила, что она боится скорости. А когда мы ехали, то, конечно, разговаривали: о самой Кире, о ее матери Евгении Земляничной, как и Кира, прошедшей лагеря. Евгения не боялась Сталина, подшучивала над ним. У них был короткий роман, потом он хотел, чтобы она заменила Надежду Сергеевну... Когда началась война, семью Аллилуевых перевезли в Куйбышев, и Сталин сказал ей: «Теперь ты будешь главой, бери на себя все заботы, езжай в Куйбышев». Женя сказала: «Да нет, у меня своих пятеро, я поеду в Омск». Она отказалась и подписала себе приговор. (Причем у них со Сталиным день рождения был в один день, 21 декабря, и в этот день, в 1947 г., ее арестовали — чтобы она поняла «месседж». Но это другая история!)

Так вот, про Киру Павловну: я заметила, что она трусит, когда я быстро еду, и стала задавать ей вопросы, прибавляя скорость. Тогда она теряла бдительность. Именно в этот момент она рассказала мне про плевки.

К. М. Но откуда она сама это знала?

О. Т. Она была маленькой девочкой, когда семья Аллилуевых жила на даче в Зубалово. У меня в книге есть история про бильярд: они играли в бильярд, и тот, кто проиграл, должен был лезть под стол. Один раз Сталин должен был лезть под стол, он отказался: «Пусть Кирка лезет». А она — ей было лет семь — сказала: «Чего это я должна лезть, ты проиграл, ты и полезай». Я думаю, про плевки ей говорила мать, Евгения, уже после возвращения из лагеря. Конечно, когда она вернулась, у нее были очень близкие отношения с дочерью. Семь лет Евгения отсидела в одиночке, она практически разучилась говорить, у нее атрофировались лицевые мышцы... А когда заговорила, то сказала с оттенком гордости: «А все-таки он меня выпустил!» Кира сказала: «Мама, он подох давно». Но у нее, у Жени, был этот оттенок гордости — что, мол, он свою любовь к ней так проявил. Женщина остается женщиной...

К. М. Да, такие истории удивительны, такая смесь житейского и трагичного. Из таких деталей все и складывается.

О. Т. Конечно! Это было счастье, что я успела с Кирой Павловной так пообщаться. Она была замечательной женщиной.

К. М. Есть ли в книге что-то, что полностью выдуманно?

О. Т. История с Руфиной, однокурсницей Надежды Сергеевны. Никакой Руфины не было. Конечно, история отношений Надежды с Кировым полностью выдумана. Я знала, что Надежда один раз уезжала

от Сталина в Ленинград. Подумала, что, вполне возможно, Киров¹⁸ как-то пытался ее опекать. Идеиная близость Руфины и Рютина¹⁹ — тоже выдуманная деталь.

Конечно, Надежда была знакома с Рютиным, она могла даже знать о его «платформе», она могла читать какие-то материалы, по крайней мере, в Промакадемии об этом документе знали. Но вряд ли Надежда в ней как-то могла участвовать. Доказательств этому, по крайней мере, никаких нет. Но я знаю со слов Иосифа Григорьевича, что сразу же после смерти Надежды Сталин вызвал Товстуху и сказал: «Забери архив». Видно, он ему очень доверял, поскольку в архиве могло быть мно-

го интересного. Так или иначе, с тех пор архив бесследно исчез. Товстуху Сталин сделал директором Института Маркса — Энгельса — Ленина. А Рютин был реабилитирован очень поздно, уже в самом конце советской эпохи. Я отыскала его родственницу, она много мне рассказывала, показала дом, где он жил, когда был секретарем Краснопресненского района. Вообще, я настолько вошла в эту тему, что, когда проезжаю мимо этих мест, смотрю на этот дом, мне кажется, что я всех их знала.

К. М. Спасибо огромное. Я очень рад, что это интервью произошло.

О. Т. И вам спасибо!

¹⁸ Сергей Миронович Киров (Костриков) (1886–1934) — революционер, советский государственный деятель, первый секретарь Ленинградской партийной организации (в 1927–1934). Убит 1 декабря 1934 г. в коридоре Смольного, недалеко от рабочего кабинета. Убийство Кирова было использовано Сталиным как повод к началу политики государственного террора.

¹⁹ Мартемьян Никитич Рютин (1890–1937) — советский политический деятель, с 1927 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1928 г., не приняв идею индустриализации, поддержал Николая Бухарина и «правую оппозицию», которая считала преждевременным свертывание НЭПа. В октябре 1930 г. исключен из партии «за предательски-двурушническое поведение и попытку подпольной пропаганды право-оппортунистических взглядов», снят с должности руководителя «Союзкино», которую занимал с марта 1930 г. В ноябре 1930 г. арестован по обвинению в антисоветской агитации, но освобожден в январе 1931 г. Вскоре после освобождения вместе с несколькими старыми большевиками создал нелегальную организацию «Союз марксистов-ленинцев», имевшую цель противостоять диктатуре Сталина, написал несколько текстов, раскрывавших его идеи. Арестован в 1932 г., приговорен к десяти годам тюремного заключения. В 1936 г. произошел пересмотр дела Рютина в связи с начавшимися процессами против Льва Каменева и Григория Зиновьева. Рютин приговорен к расстрелу 10 января 1937 г., расстрелян в тот же день.

Б. Д. Абдрахманов

О НЕКОТОРЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЯХ О РЕПРЕССИЯХ В КЫРГЫЗСТАНЕ В СТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД

Целью данной статьи является анализ архивных данных, на основе которых определено точное количество репрессированных в Кыргызстане, подробно в статистическом ключе рассмотрено социальное происхождение и положение репрессированных, их национальность, а также другие характеристики. Поэтому главной целью данной статьи является обобщение новых материалов, раскрывающих характер и масштабы массовых репрессии и террора в республике.

Ключевые слова: статистика, террор, репрессия, карательные органы, «тройки», внесудебные полномочия, меры наказания.

Сведения об авторе: Абдрахманов Болот Джумашевич, кандидат исторических наук, доцент Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева (Бишкек, Кыргызстан).

Контактная информация: bolot.a.1958@mail.ru.

B. D. Abdrakhmanov

SOME STATISTICAL INFORMATION ABOUT THE REPRESSION IN KYRGYZSTAN
DURING THE STALIN PERIOD

The purpose of this article is an attempt to analyze the dynamics of the main stages of repression in the country. Based on historical data provides some statistical information about the activities of the Cheka-OGPU-NKVD in Kyrgyzstan in the period — 1953. The article provides a list of specific offenses,

which could prosecute, which has expanded steadily, indicating that the expansion of powers of the security forces. Therefore, the main purpose of this article is to summarize the new materials that reveal the nature of mass repression and terror in the country.

Key words: terror, repression, secret political police, the secret police, secret police, the “troika”, extrajudicial powers of punishment.

About the author: Abdrakhmanov B. D., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Kyrgyz State University named after I. Arabaev (Bishkek, Kyrgyzstan).

Contact information: bolot.a.1958@mail.ru.

Известно, что репрессии — одна из реалий советской истории. В советское время в печати, как и в академической науке, эта тема фактически находилась под запретом.

Так, первая волна реабилитации, начатая после смерти Сталина, носила строго частный характер — исключительно по отдельным заявлениям, и не охватила в глобальном масштабе, как это произошло в 1990-е гг., всех репрессированных в 1920–1950-х гг. Что касается Кыргызстана, то всего в 1950–1970-х гг. в республике было реабилитировано несколько сотен лиц, подвергшихся репрессиям, поскольку о полном пересмотре всех уголовных дел, хранившихся в архиве госкомитета безопасности Киргизской ССР, речь еще не шла.

Вернуть честные имена миллионам советских граждан, пострадавшим от политических репрессий, стало возможным после издания Указа Президиума Верховного совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х годов и начала 50-х годов» и Указа президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв репрессий 20–50-х годов».

Закон Кыргызской Республики от 27 мая 1994 г. «О правах и гарантиях реабилитированных граждан, пострадавших в результате репрессий за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам» имеет особое значение для реабилитации жертв политических репрессий в Кыргызстане, для восстановления их в гражданских правах, компенсации материального и морального ущерба. Начатый после выхода указанных нормативных документов процесс реабилитации граждан, репрессированных на территории Кыргызстана, принял характер глобальный, всеобъемлющий.

Органами безопасности Кыргызстана в 1989–1996 гг. были пересмотрены все архивные дела в отношении лиц, обвинявшихся по так называемой политической статье — ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР (который имел силу на территории Советского Союза вплоть до 1961 г.). Они были направлены для решения вопроса о реабилитации в прокуратуры по регионам осуждения.

Также все дела по лицам, следствие в отношении которых было прекращено «за смертью», наступавшей в те лихие 1937–1939 гг. в застенках НКВД под пытками, были направ-

лены в прокуратуру. По ним были вынесены заключения о том, что бывшие подследственные реабилитированы за отсутствием состава преступления. Списки реабилитированных пополнились, помимо имевшихся кыргызских, русских, украинских, еврейских, немецких, новыми тысячами имен уйгур, китайцев, корейцев.

С 16 августа 1989 г. в республиканских газетах — «Советская Киргизия» и «Советтик Кыргызстан» началась систематическая публикация списков реабилитированных лиц. В 1996 г. был выпущен первый сборник, в который вошли сведения о 4466 реабилитированных граждан, опубликованные в 1989–1995 гг. в этих газетах (Восстанавливаем... 1996).

В 1997 г. был выпущен второй сборник, который включает в себя имена 3814 жертв политических репрессий, реабилитированных в 1991–1996 гг. органами юстиции суверенного Кыргызстана (Восстанавливаем... 1997).

Итого были опубликованы данные всего на 8280 человек.

Эти сведения были опубликованы впервые. В данных сборниках сведения были систематизированы в алфавитном порядке: фамилия, имя — год рождения — место рождения — год ареста, в соответствии с тем, как они указаны в материалах архивного дела. Следует отметить, что эти данные не отражали полную картину репрессированных. Так, в этих списках не были указаны национальность, социальное положение, регион проживания и т. д.

Однако в дальнейшем выпуск следующих сборников был прекращен.

К этой важной работе вернулись в 2014 г. Целью нового исследования стало стремление максимально полно, насколько позволяют источники, определить потери, понесенные народами Кыргызской Республики в ходе политических репрессий, проведенных властями в указанный период. В 2017 г. группа исследователей, тщательно проработав архивы ГКНБ КР, наконец завершила первый этап этого грандиозного по масштабу труда. Были занесены в компьютер данные о репрессированных гражданах, которые содержались в более чем 14,5 тыс. снятых с учета уголовных дел.

С ноября 2017 г. научно-исследовательская группа в КГУ им. И. Арабаева приступила к важной части работы по анализу, систематизации, техническому редактированию, компьютерной обработке и переводу всех данных на кыргызский язык.

Если кратко остановиться на проделанной работе, то можно отметить, что в список были внесены все репрессированные граждане начиная с 1920 по 1953 г. включительно. Проанализировав архивные данные ГКНБ КР по 14,5 тыс. снятых с учета уголовных дел, на основании осторожных и умеренных общих статистических оценок мы смогли объединить имена более 17 тыс. жертв государственного террора в республике.

Анализ информации, собранной в книге по указанным делам, позволяет создать достаточно полную картину по многим параметрам. Данные

показывают чудовищный размах репрессий: от 80-летних старцев до 14-летних юношей, от руководителей партии и правительства, специалистов с высшим образованием, командиров и ученых до простых рабочих и дехкан, религиозных деятелей, неграмотных колхозников и мелких торговцев.

В последнее время многие как отечественные, так и зарубежные исследователи все чаще обращаются к социальному аспекту репрессий в целом и Большого террора в частности. Действительно, долгое время основная масса жертв этого процесса, который унес жизни многих людей, незаслуженно была обделена вниманием. Работы публицистов и исследователей в основном были посвящены партийным деятелям, военным, представителям интеллигенции, чьи судьбы также были искалечены в 1937–1938 гг. Для того же, чтобы взглянуть на проблему репрессий более широко, необходимо шире обращаться к статистическим методам.

В рамках настоящей работы впервые предпринята попытка реконструировать социальный портрет жертв репрессий. Были проанализированы социальные характеристики жертв террора в Кыргызстане, подробно в статистическом ключе рассматриваются социальное происхождение и положение репрессированных, их национальности, а также другие характеристики. Информативные источники, переведенные в электронный формат, в феврале 2020 г. были опубликованы в книжном варианте под названием «Книга жертв политических репрессированных граждан Кыргызстана (1920–1953 гг.)» (Аб-

драхманов 2021) на кыргызском языке. В апреле 2021 г. это было опубликовано и на русском языке. Речь идет о серии книг из 10 томов, призванных восстановить историческую справедливость, увековечить память многих тысяч невинно репрессированных.

Избранная методика, основанная на проработке личных анкетных данных (по профессиям, национальностям, партийной, профессиональной и конфессиональной принадлежности, по месту проживания, по дате ареста, дате смерти или расстрела и т. д.), позволила достаточно объективно оценить масштабы репрессий, скорректировать прежние данные о количестве репрессированных лиц, оказавшиеся далеко не полными. Тем самым восполняется один из существенных пробелов в изучении новейшей истории Кыргызстана.

Исследователям в процессе работы приходилось сталкиваться и с недостатками привлекаемых источников: речь идет о неполноте данных и ограниченности сведений, содержащихся в справках, о прямых фальсификациях НКВД. Также следует отметить плохую сохранность и отсутствие некоторых фрагментов документов, а порой и самих документов, поскольку многое писалось карандашом, некоторые листы из-за фактора времени без специальной аппаратуры прочитать сейчас невозможно.

В связи с тем что делопроизводство репрессивных ведомств в указанный период велось на русском языке, а также с учетом того, что большинство сотрудников НКВД в период репрессий составляли лица не кыргызской национальности, ими допу-

Таблица 1

№	Национальности, проживающие в Кыргызской ССР в 1920–1953 гг.	Численность населения Кыргызской ССР, согласно данным Всесоюзной переписи населения за 1926 г. (Всесоюзная перепись... 1999а)	Численность населения Кыргызской ССР, согласно данным Всесоюзной переписи населения за 1937 г. (Всесоюзная перепись... 1999б)	Численность населения Кыргызской ССР, согласно данным Всесоюзной переписи населения за 1939 г. (Всесоюзная перепись... 1999в)	Количество репрессированных граждан, проживающих в Кыргызской ССР с 1920–1953 гг.
	ВСЕГО	989 тыс. 971	1 млн 306	1 млн 458	17 134
1	кыргызы	669 тыс.	847 тыс.	754 тыс.	6393
2	русские	117 тыс.	270 тыс.	303 тыс.	3869
3	узбеки	112 тыс.	139 тыс.	151 тыс.	1138
4	украинцы	64 тыс.	121 тыс.	137 тыс.	1358
5	уйгуры	8,2 тыс.	14 тыс.	9,4 тыс.	1839
6	казахи	1,8 тыс.	25 тыс.	24 тыс.	124
7	татары	5 тыс.	17 тыс.	20 тыс.	197
8	немцы	4,3 тыс.		12 тыс.	782
9	таджики	2,7 тыс.		10 тыс.	99
10	дунгане	6 тыс.	5,3 тыс.	6 тыс.	148
11	корейцы				250
12	евреи				216
13	китайцы				142
14	поляки				180
15	иранцы				116
	другие				1283

скались искаженные переводы некоторых имен, фамилий, населенных пунктов, биографических данных.

Немаловажной характеристикой социального портрета репрессированных является их национальный состав. В табл. 1 можно увидеть самые часто встречающиеся среди жертв репрессий национальности, а также сопоставить их с данными переписи (в которой есть сведения не по всем национальностям).

Итак, число репрессированных в Кыргызстане в период с 1920

по 1953 г., согласно данным десяти томов «Книги жертв политических репрессированных в Кыргызстане (1920–1953 гг.)», составляет **17 134** человека.

Лиц кыргызской национальности было арестовано 6393, или 37,3% от общего числа репрессированных в республике. Русских репрессировано 3869, и их доля от общего числа репрессированных в Советской Киргизии составляет 22,58%. Далее идет уйгуры (1839 человек, или 10,73%). Украинцев репрессировано 1358, или 7,9% от общего числа.

Узбеков — 1138, или, соответственно, 6,6%. Неизвестно, сколько в республике проживало евреев, китайцев, корейцев, иранцев. В отношении этих национальных групп, а также уйгур, гораздо чаще применялась высшая мера наказания, поскольку они попадали под «национальные операции», приговоры по которым были одними из самых жестоких.

Представители других национальностей, проживавших в указанный период в республике, также подвергались репрессиям: турки — 99, белорусы — 99, чеченцы — 63, балкарцы — 60, латыши — 47, эстонцы — 47, армяне — 43, мордвины — 41, чехи — 34, грузины — 18, литовцы — 17, афганцы — 15, болгары — 13, венгры — 13, греки — 13, башкиры — 12, молдаване — 11, азербайджанцы — 10, финны — 10, австрийцы — 7, румыны — 7, арабы — 6, словенцы — 6, осетины — 5 и т. д.

Самой важной частью социального портрета репрессированных является их социальное положение. Именно его анализу в ходе исследования было уделено самое большое внимание. Дело в том, что «книга памяти» не содержит такой информации напрямую, поэтому ее пришлось восстанавливать по данным графы «профессия». Продemonстрируем некоторые результаты анализа в табл. 2.

Как видно из приведенных данных, основным объектом репрессий в Киргизской ССР стали советские трудящиеся — колхозники (44,8%), рабочие (19,1%), служащие (9,4%), а также лица без определенного вида занятий (9%). Работники сельского хозяйства в основном подвергались репрессиям в период так называемой кулацкой

операции, а также как «антисоветские элементы». Впрочем, под эту последнюю категорию вполне можно было отнести рабочих и служащих.

Большие масштабы репрессированных крестьян можно объяснить экономическим профилем республики. Так, в Киргизской ССР, с ее высокой долей занятости в аграрной сфере, доминировали крестьяне. В то же время, исходя из анализа численности репрессированных рабочих (19,1%) и служащих (9,4%), следует отметить начало развития промышленности и урбанизации.

Складывается также впечатление, что арестовывали не тех, «кого надо было», т. е. не собственно «антисоветские элементы» по строго утвержденному в приказе № 00447 списку (*Юнге и др.* 2008: 629), а тех, кто был «под рукой», если даже речь идет об основной «опоре» советской власти — рабочем классе. Но все равно доля репрессированных служащих (а среди них управленцев) была непропорционально высока во всех регионах, и это не может не говорить о том, что репрессии в немалой мере были направлены на элиту советского общества.

В табл. 3 представлены статистические данные по репрессированным руководителям партийно-советских органов в разрезе регионов республики. На основе анализа архивных материалов можно проследить, что большинство руководителей кыргызской национальности были репрессированы как члены «Социал-туранской партии» (Архив ГКНБ КР: 56). Их обвиняли в национализме. Однако в жернова репрессивной машины попадали и лица других национальностей, например

Таблица 2

Социальное положение репрессированных в Кыргызской ССР

Социальное положение	Кол-во человек	%
Работники сельского хозяйства, в том числе:	7620	44,8 %
председатели колхозов	196	
животноводы	371	
единоличники	81	
Рабочие. Среди наиболее часто встречающихся профессий:	3277	19,1 %
сапожники	127	
кузнецы	105	
плотники и столяры	220	
грузчики	66	
Служащие, в том числе:	1605	9,4 %
работники финансовых, экономических, фискальных, банковских служб	482	
педагоги	421	
ИТР	336	
медицинские работники	110	
творческая интеллигенция (писатели, ученые, журналисты, художники, артисты и др.)	79	
Военнослужащие	593	3,5 %
Сотрудники правоохранительных органов, в том числе:	284	1,7 %
сотрудники НКВД	125	
Служители религиозного культа, в том числе:	471	2,7 %
служители ислама	317	
Лица без определенных занятий	1596	9 %
студенты	46	
учащиеся школ	21	

русские, украинцы и т.д., жившие и работавшие в Кыргызстане в тот страшный период. По каким обвинениям можно было их репрессировать? Ретивые исполнители за счет этой категории выполняли план по разоблачению «троцкистов», «зиновьевцев», «правых» и других «врагов народа», проживающих в Кыргызстане (Архив ГКНБ КР: 203).

Национальный состав данной категории руководителей представлен в следующем виде: кыргыз — 164, русских — 33, узбеков — 8, татар — 7,

украинцев — 7, евреев — 5, немцев, казахов, белорусов, уйгур — по 1.

Список репрессированных руководителей предприятий, государственных органов республики, включенных в «Книгу жертв политических репрессий в Кыргызстане 1920–1953 гг.», представлен в табл. 4 и состоит из 751 человека, которые представляют 18 национальностей.

Из них: лиц кыргызской национальности — 216, русских — 189, украинцев — 43, узбеков — 24, евреев — 23,

Таблица 3

№	Уроженцы регионов	Кол-во	Руководители партийных органов (ЦК, областных, районных, ответ. работники)	Руководители исполнительных комитетов (Окр, РИК, гор. и райсоветы)	Наркомы и их заместители	Руководители комсомольских органов (секретари и ответ. работники ЦК, Гор., обл. и райкомов ЛКСМ)
1.	Чуйская область	40	18	12	4	6
2.	Иссык-Кульская обл.	50	36	8	4	2
3.	Нарынская обл.	27	15	11	1	–
4.	Ошская обл.	27	8	17	1	1
5.	Джалал-Абадская обл.	8	2	5	1	
6.	Таласская обл.	7	4	2	1	
7.	Баткенская обл.	4	1	2		1
8.	Прибывшие из других регионов СССР	59	36	6	9	2
	ИТОГО	223	120	63	21	12

Таблица 4

№	Руководители предприятий, государственных органов.	Количество
1	Руководители промышленных, строительных предприятий (заводы, лесхозы, фабрики, типографии, тресты, шахты, транспорт)	99
2	Председатели колхозов	196
3	Руководители подразделений советских органов (Госплан, наркоматы)	48
4	Руководители подразделений торговых, финансовых предприятий (плановые, финансовые отделы, потребсоюзы, базы, склады)	79
5	Руководители учебных заведений, в том числе вузов, техникумов, школ, обл., рай. ОНО	84
6	Руководители творческих коллективов, в т. ч. научных, редакторы газет (корреспонденты, переводчики)	55
7	Руководители медицинских учреждений (больниц, начальники наркомздрава, обл., рай. здрава, физкультурных подразделений)	23
8	Руководители правоохранительных органов (милиция, НКВД, прокуратура)	43
	ИТОГО	751

немцев – 16, татар – 16, уйгур – 11, казахов – 9, поляков – 7, латышей – 6, белорусов – 4, дунган – 4, грузин – 3, чехов – 2, башкир – 2, армян – 2, таджиков – 2.

Велика массовая категория арестованных по политическим обвинениям органами государственной безопасности (ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ) и приговоренных внесудеб-

Таблица 5

№	Представители национальностей, приговоренные к высшей мере наказания	Количество
1	Кыргызы	1223
2	Русские	467
3	Уйгуры	517
4	Украинцы	172
5	Узбеки	195
6	Немцы	247
7	Корейцы	164
8	Китайцы	56
9	Поляки	47
10	Дунгане	38
11	Татары	31
12	Иранцы	30
13	Турки	27
14	Евреи	21
	Итого вместе с другими представителями	3639

ными инстанциями («тройки», «двойки» и т.п.) к смертной казни (к высшей мере наказания). По данным нашего издания, из 17 134 репрессированных к ВМН были приговорены **3639** человек, или 21,2%. Остальные были приговорены к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах или к ссылке. В табл. 5 приведены данные на представителей некоторых национальностей, проживающих в республике, которые были приговорены к высшей мере наказания.

Для получения необходимых показаний подследственные в массовом порядке подвергались издевательствам, избиениям и пыткам. Применение «мер физического воздействия» в ходе следствия в отношении «врагов» и «шпионов» было санкционировано высшим партийным и государственным руководством СССР. При подобных пытках и издевательствах со стороны сотрудни-

ков НКВД многие подследственные, не выдержав, умирали.

Так, по статистическим данным «Книги жертв политических репрессий», в Кыргызстане с 1920 по 1953 г. **591** арестованный умер в тюрьме.

Таким образом, исследование показало, что «книги памяти» позволяют изучить социальный портрет репрессированных гораздо более детально и разнопланово, чем представлялось до сих пор, их информационный потенциал оказался очень значимым.

Степень достоверности представленных сведений и цифровых данных достаточно высока и, на наш взгляд, составляет более 90%. Такой высокий процент мы называем, поскольку заметили, что подавляющее количество дел, находящихся в распоряжении ГКНБ КР, были рассмотрены на предмет реабилитации и позже использованы в «Книге памяти

жертв политических репрессий». Небольшая часть дел не рассматривалась, поскольку механизм их реабилитации до сих пор не разработан.

Так как данная статья — это первая работа, основанная на анализе материалов «Книги жертв политических репрессированных граждан Кыргызстана (1920–1953 гг.)», то впереди предстоит более тщательный статистический анализ по многим параметрам.

Теперь мы можем с определенной степенью точности сказать: сколько тысяч граждан Кыргызстана были необоснованно подвергнуты аресту, сосланы из родных мест, заключены в лагеря, расстреляны. И все-таки эта цифра не может быть точной. Ведь рядом с каждым именем подвергшегося репрессиям человека логично было бы поставить имена его близких: матери, отца, жены, детей. Кто подсчитает их страдания и слезы, унижения и притеснения, которым они были подвергнуты? Помещенные в детские дома, исключенные из институтов, выгнанные из родного дома, дети не забывали своих матерей и отцов, не верили, что они были врагами народа.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Абдрахманов 2021 — Абдрахманов Б.Д. Книга жертв политических репрессированных граждан Кыргызстана (1920–1953гг.). Бишкек, 2021.

Архив ГКНБ КР — Архив ГКНБ КР 8143-СУ.

Восстанавливаем... 1996 — Восстанавливаем историческую справедливость. Выпуск 1. Бишкек, 1996.

Восстанавливаем... 1997 — Восстанавливаем историческую справедливость. Выпуск 2. Бишкек, 1997.

Всесоюзная перепись... 1999а — Всесоюзная перепись населения 1926 г.: основные итоги. СПб., 1999.

Всесоюзная перепись... 1999б — Всесоюзная перепись населения 1937 г.: основные итоги. СПб., 1999.

Всесоюзная перепись... 1999в — Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. СПб., 1999.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Юнге и др. 2008 — Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД №00447. М., 2008.

REFERENCES

Junge M., Bordiugov G., Binner R. *Vertikal' Bol'shogo terrora. Istoriia operatsii po prikazu NKVD №00447*. Moscow, 2008.

К. В. Душенко

ПЕРВЫЕ ДЕБАТЫ О 'РУСОФОБИИ' (АНГЛИЯ, 1836–1841)

В статье рассматриваются обстоятельства появления слова 'руссофобия', а также круг значений, который связывался с ним на первом этапе его истории в Англии. Понятие 'руссофобия' ввели английские радикалы во 2-й половине 1830-х гг. в полемических целях, как обозначение фантомного либо преувеличенного страха перед угрозой со стороны России. Виднейшие представители антироссийского алармизма, равно как и критики 'руссофобии', принадлежали к различным течениям британского либерализма. Спор между ними шел не столько о том или ином образе России, сколько о реальности русской угрозы британским интересам. Слово 'Russophobia' в английской печати того времени чаще всего следует понимать как 'Россия-боязнь'. Критика 'руссофобии' вполне могла сочетаться с негативным образом Российской империи; в свою очередь, антироссийский алармизм не обязательно предполагал неприязнь к России и русским.

Ключевые слова: политический язык, национальные фобии, русско-английские отношения, Р. Кобден, Дж.С. Мильль, Д. Уркварт, Дадли Стюарт.

Сведения об авторе: Душенко Константин Васильевич, кандидат исторических наук, ИНИОН РАН (Москва).

Контактная информация: kdushenko@nl.n.ru.

K. V. Dushenko

THE FIRST DEBATE ABOUT 'RUSSOPHOBIA' (ENGLAND, 1836–1841)

The article examines the circumstances of the appearance of the word 'Russophobia', as well as the range of meanings associated with it at the first stage of its history in England and Germany. The concept of 'Russophobia' was introduced by British radicals in the second half of the 1830s for polemical purposes, as a designation of phantom or exaggerated fear of a threat

from Russia. The most prominent representatives of anti-Russian alarmism, as well as the denouncers of 'Russophobia', belonged to various currents of British liberalism. The dispute between them was not so much about this or that image of Russia, but about the reality of the Russian threat, to British interests. The word 'Russophobia' in the English press of that time most often should be understood as 'Russia-fear'. Criticism of 'Russophobia' may well have been combined with a negative image of the Russian empire; in turn, anti-Russian alarmism did not necessarily imply hostility towards Russia and the Russians.

Key words: Political language, national phobias, Russian-English relations, R. Cobden, J. S. Mill, D. Urquart, Dudley Stewart.

About the author: Dushenko Konstantin V., Ph.D. (History), Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Contact information: kdushenko@nlh.ru.

Несмотря на немалое уже число работ, в заглавии которых встречается слово 'руссофобия', история самого этого понятия, сколько нам известно, специально не изучалась. Между тем в разное время, в разных странах, у разных авторов оно означало отнюдь не одно и то же; поэтому его неотрефлексированное использование в качестве термина сплошь и рядом приводит к смешению разнородных явлений.

Мы рассмотрим обстоятельства появления слова 'руссофобия', а также круг значений, который связывался с ним на первом этапе его истории в Англии. Этот сюжет представляет интерес еще и потому, что 'руссофобия' была первым обозначением подобного рода, получившим широкое распространение. Слово 'франкофобия' (*francophobie*, *фр.*) встречалось уже в 1759 г., 'англофобия' (*anglophobia*, *англ.*) — в 1793 г., однако до конца 1830-х гг. эти обозначения использовались крайне редко.

***

Понятие 'руссофобия' вошло в обиход в Англии в 1836 г. Следующие

пять лет были временем оживленной полемики по поводу явления, обозначаемого этим словом, а также по поводу самого слова. Polemika затрагивала преимущественно вопросы внешней политики, а 'руссофобия' означала прежде всего фантомный либо преувеличенный страх перед угрозой со стороны России.

Тема русской угрозы занимала видное место во французской пропаганде 1806–1807 и 1812–1813 гг. В эпоху Просвещения Россия представлялась страной хотя еще и не цивилизованной, но цивилизующейся; теперь же, напротив, акцентировалась тема «русского варварства». В 1812 г. в Париже был обнародован первый набросок апокрифического плана установления мирового господства России, позднее названного «Завещанием Петра Великого». Те же мотивы нередки в высказываниях Наполеона-изгнанника, публиковавшихся с начала 1820-х гг. Россия, однако, была не единственным и даже не главным сюжетом наполеоновской пропаганды. Главным противником на пути к господству в Европе и в мире Наполеон считал

Англию; соответственно, ведущей темой пропаганды Первой империи был «коварный Альбион», «нация лавочников».

К эпохе наполеоновских войн относится единственный пример слова 'казакофобия'. В марте 1807 г. в лондонской Morning Post появилось письмо к издателю за подписью «Англо-московит», выдержанное в бурлескном стиле. Здесь сообщалось, что французскую армию в Польше охватил «ужаснейший испуг (the most dreadful consternation)»¹, а парижские академики пришли к выводу, что «корни этого расстройствa восходят к некоей стране Древних Скифов, и потому весьма мудро постановили, что впредь оно будет именоваться *казакофобией* (the *Kosukophobia*)» (To the publisher... 1807).

Всего два года спустя после Ватерлоо тема русской угрозы возникает в книге Роберта Вильсона «Очерк военной и политической власти в России в 1817 году». В 1812 г. Вильсон представлял интересы Британии при штабе русской армии; теперь же главную опасность он усматривал со стороны России, которая способна «обеспечить себе *господство* над Европой и Азией» (Wilson 1817: 128).

В то же время Вильсон отвергает образ России как страны варварской, изображая ее «как вымышленную страну, тем более опасную, что она уже достигла высокого уровня цивилизации» (Resis 1985: 685). Здесь «крестьяне живут в лучших домах, <...> лучше одеты и на свой манер

лучше питаются, чем крестьяне любой страны континентальной Европы или *современной* Англии!» «Россия <...> довольствуется своими завоеваниями с умеренностью; во всех странах она уважает их веру, обычаи, сохраняет их законы, если считает, что они не противоречат законам гуманности; <...> она ищет не прозелитов, но подданных, которым открыты все гражданские и военные должности согласно их способностям и заслугам <...>. В Азии она азиатка, в Европе — европейка, в Америке <...> — американка» (Wilson 1817: 36, 128–129).

***

В 1817 г. предостережения Вильсона заметного отклика не нашли. Тема русской угрозы актуализировалась в Англии с конца 1820-х и особенно — в 1830-е гг. Вызвано это было совпадением целого ряда причин, рассмотренных в монографии Дж. Г. Глисона «Генезис руссофобии в Великобритании» (1950).

1. Ближневосточный вопрос. 1828–1833 гг. были периодом наибольших военных и дипломатических успехов России на Ближнем Востоке. Туркманчайский трактат (1828) обеспечил ей преобладание в Персии, Адрианопольский договор (1829) — в Черноморском бассейне. В октябре 1829 г. «Таймс», прибегая к гиперболам, писала: «Турция <...> существует отныне <...> в качестве рабыни и собственности России» (Gleason 1950: 85). Еще больше встревожил общественность

¹ Имелось в виду крайне кровопролитное сражение при Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии 7–8 февраля 1807 г., после которого обе стороны заявили о своей победе.

и правительство Англии Ункяр-Скелесийский мирный договор (1833), который, в частности, обязывал Турцию закрывать проливы по требованию России.

2. Польский вопрос. Созданное в 1815 г. Царство Польское было конституционным государством, объединенным с Россией личной унией. Роберт Вильсон мог с полным основанием утверждать, что положение поляков в России гораздо лучше, чем в Пруссии и Австрии (*Wilson 1817: 130–132*). Восстание 1830–1831 гг. повлекло за собой кардинальное изменение русской политики в Польше. Согласно Органическому статуту 1832 г., Царство Польское становилось частью самодержавной России. Варшавский и Виленский университеты были закрыты; широко практиковались ссылки поляков во внутреннюю Россию, конфискации имений и т. д.

Репрессии в ходе и особенно — после подавления восстания оказали огромное влияние на образ России в европейском общественном мнении. До 1830 г. сообщения о русской жизни в английской печати в целом были выдержаны в духе сочувственного любопытства; теперь же выражения ‘варварство’, ‘варвары’, ‘варварская тирания’ становятся обычными, и связаны они с действиями военных и гражданских властей в Польше (*Gleason 1950: 133–134*). То же относится к французской и немецкой печати (там, где она могла высказываться свободно.) Органический статут расценивался как нарушение решений Венского конгресса; в глазах либералов «польская революция» была борьбой свободы против деспо-

тизма; католическая общественность сочувствовала полякам как единоверцам.

3. Внешнеторговая политика. Усиление позиций России на Ближнем Востоке представлялось угрозой британской торговле, составлявшей основу могущества Британской империи. Кроме того, в 1822 г. Россия ввела протекционистский таможенный тариф взамен фритредерского тарифа 1819 г.; сотни наименований товаров были вовсе запрещены к ввозу, что вызвало недовольство пострадавших групп интересов.

4. Идеологический фактор. Июльская революция 1830 г. установила во Франции либеральную монархию, а парламентская реформа 1832 г. ликвидировала полуфеодалную избирательную систему в Англии. «На развалинах Священного союза на Западе возник конституционный альянс, который уравнивал союз самодержцев», т. е. России, Австрии и Пруссии (*Ibid.: 107*). Политический и социальный строй России чем дальше, тем больше воспринимался как архаичный.

***

В августе 1828 г. Джордж Эванс, ветеран наполеоновских войн, выступил с памфлетом «О замыслах России». Эванс предостерегал перед угрозой завоевания Россией Константинополя, что повлекло бы за собой крах Османской империи, а затем, возможно, и британского владычества в Индии. Россия рисуется страной милитаристской и отсталой («полуварвары Севера» с «наполовину ази-

атским, наполовину европейским» правительством) (*Evans* 1828: 15, 55), но это не означало ее противопоставления Европе как некоему целому. Эванс, убежденный либерал, лишь в Англии и Франции видит полноценных представителей европейской цивилизации среди великих держав; он ратует за англо-французский военный союз, направленный не только против России, но и против возможной «русско-германской конфедерации» (*Ibid.*: 14–15).

Автор анонимных «Замечаний о замыслах России», опубликованных после обнародования Органического статута, предрекает — если не принять меры — участь Польши всей Центральной и даже Южной Европе, а также Османской империи, после чего под угрозой окажутся британские владения в Индии (*Remarks on...* 1832).

С середины 1830-х гг. наиболее деятельным и влиятельным публицистом, говорившим о русской угрозе, стал Дэвид Уркварт (1805–1877). В позднейшей литературе наименование 'руссофоб' закрепилось за ним чуть ли не в качестве прозвища²; встречалось даже слово 'урквартизм' (*Urquhartism*), одним из значений которого была 'руссофобия'. В 1827 г. Уркварт воевал за свободу Греции, в 1831 г. приехал в Стамбул в составе дипломатической миссии и здесь обнаружил привлекательные черты турецкой культуры; позднее именно он популяризировал в Англии турецкие бани.

В книге «Турция и ее ресурсы» (1833) Уркварт доказывал, что Османская империя отнюдь не клонится к упадку, но полна жизненных сил, хотя пока еще слишком слаба, чтобы устоять против России без помощи извне. Pamфлет Уркварта «Англия, Франция, Россия и Турция» (январь 1834) стал началом его неугомонной кампании против русской политики на Ближнем Востоке.

Аргументация автора памфлета двойственна. С одной стороны, это риторика защиты цивилизации от варварства: «...Самой цивилизации угрожает затмение более опасное, чем нашествие варваров в 604 году» (*Urquhart* 1835: 139; далее цит. то же изд.); «Станет ли мамонт сарматских равнин Левиафаном Гесперийских морей?» (р. 101).

Однако подобного рода риторика носит скорее орнаментальный характер. Такие же обороты — применительно к России и Германии в равной мере — можно найти, например, у философа Дэвида Юма (1711–1776), незадолго до смерти сожалевшего о том, что «национальный долг разорит Англию и <...> две наиболее цивилизованные нации, английская и французская, должны прийти в состояние упадка, а варвары, готы и вандалы Германии и России, — достичь могущества и славы» (в частной беседе 24 апреля 1776 г.) (*Home* 1822: 170).

Для Уркварта, как и для других британских либералов 1-й половины

² В 1855 г. издававшаяся Урквартом газета писала: «На протяжении многих лет Уркварта клеймили как руссофоба (*Russophobist*); ныне он может гордиться своим прозвищем (*nickname*)» (*Progress of Russia* 1855).

XIX в., Европа отнюдь не единое целое, противостоящее России. Главный критерий, по которому он оценивает государства, — их социально-политический строй. И хотя сначала он называет Речь Посполитую оплотом против «славянских орд» (р. 2), далее оказывается, что Польша «по расе родственна России; ее язык — диалект русского языка (!)», а Речь Посполитая была страной религиозных преследований (тут Уркварт ошибался), закрепощения и бесправия основной массы народа, словом, «государством презренным и отвратительным», как никакое другое в истории (р. 65).

Австрия, как можно заключить из памфлета, недалеко ушла от России: это «империя, в сущности, феодальная»; среднего класса здесь нет — только аристократия и крепостные, «положение которых немногим лучше положения русских крепостных». «Не Франция и Англия выступят против Австрии и России, но Либерал против Абсолютиста, право народа — против божественного права монархов» (р. 94, 137). Пруссия стоит в том же ряду, что Россия и Австрия.

Туркофилия Уркварта — не конъюнктурная, а вполне искренняя — ясно показывает, что дело было не в цивилизационной чуждости России, а в восприятии ее как угрозы интересам Британии (которая для Уркварта не только отечество, но и оплот мирового либерализма). Доминация России на Ближнем Востоке угрожает английской торговле; все прочие соображения для Уркварта второстепенны. Если Россия овла-

деет Дарданеллами, «торговля Европы будет в ее руках» (р. 98). «Наши индийские владения — будем ли мы сражаться за них на Днестре, имея за собой всех мусульман, или на Инде, в Багдаде или в Персии, в одиночку <...>?» (р. 91).

Мотив цивилизационной чуждости России развит в позднейшей публицистике Уркварта, однако «чуждость» сама по себе не оценивается им негативно; из всех «урквартистов» Уркварт в наименьшей степени европоцентрист. В 1855 г., анализируя понятия политического языка, он критикует использование во внешней политике понятий 'цивилизация' и 'варварство' и с одобрением говорит о «разумных людях, политических мужах, которым было наплевать на Турцию или цивилизацию, но которые с глубокой проницательностью видели, что Россию нужно держать в стороне» (*Urquhart* 1855: 186).

С ноября 1835 по 1837 г. Уркварт издавал на английском и французском языках журнал «Портфолио, или Собрание государственных документов <...>, иллюстрирующих историю нашего времени». Главный интерес представляла здесь секретная переписка российских послов, вывезенная в 1831 г. из канцелярии великого князя Константина Павловича в Варшаве. В ней можно было усмотреть свидетельства более амбициозных планов в отношении Константинополя и Проливов, нежели это признавалось официально (*Ульянин* 2014: 72).

Велика была роль Уркварта и в журнале *The British and Foreign Review*,

основанном в июле 1835 г. с теми же целями, что и «Портфолио».

Г. Пальмерстон, министр иностранных дел в правительстве вигов, воспользовался публикацией секретной переписки в своих целях³, не разделяя при этом главных тезисов Уркварта, требовавшего проведения гораздо более жесткой политики по отношению к России. В этом вопросе позиции правительства и общественности различались очень существенно. По оценке британского историка дипломатии, «в период между Венским конгрессом и революциями 1848 года новая война Франции против Европы была единственной, которую имели в виду стратеги», а «приготовления английского военно-морского флота <...> были направлены исключительно против Франции» вплоть до конца XIX в. (*Тэйлор* 1958: 51).

***

Огромное впечатление на европейскую общественность произвела речь Николая I перед магистратом Варшавы 10 октября 1835 г., обнародованная в №1 «Портфолио»: царь угрожал навсегда разрушить Варшаву «при малейшем возмущении»⁴. «Таймс» сперва отказалась поверить в подлинность этой речи, а затем, 17 ноября, в газете появилась редакционная статья, начинавшаяся со слов: «Жестокий татарин, восседающий на русском престоле...» (*Gleason* 1850: 179; *A fierce Tartar...* 1835).

В ноябре 1835 г. Аарон Вейл, американский поверенный в делах в Лондоне, сообщал в Вашингтон об «анти-русских настроениях» (*anti-Russian sentiments*) британской печати (*Gleason* 1950: 186). Симптоматично, что он еще не пользуется словом 'руссофобия', как стали называть подобные настроения в следующем году. Непосредственным поводом дебатов о 'руссофобии' послужила речь Дадли Стюарта в Палате общин.

19 февраля 1836 г. лорд Стюарт, виг, единомышленник Уркварта и друг польской эмиграции, выступил с пространством обличением России и ее внешней политики. «Прежде нам говорили, что Россия цивилизует варваров, но времена, когда можно было говорить таким языком, прошли навсегда»; примером тому Польша. «...Повсюду, где Россия распространяла свое влияние, вы видели варварские пытки, жестокое угнетение, неистребимую продажность, крайнюю развращенность, вероломную систему шпионажа, грабежа, морального разложения и рабства со всеми сопутствующими пороками и ужасами» (*Hansard's* 1836: col. 632). Россия хочет стать во главе «великого союза всех славянских народов мира» (*Ibid.*: col. 630), и она тем опаснее, что ее население охвачено «одним пламенным чувством — желанием добиться превосходства своей страны и ее владычества над остальным миром» (*Ibid.*: col. 616). Уже в недалеком будущем Россия может стать великой военно-морской державой; и что было бы,

³ Одной из них была дискредитация русской политики в глазах Меттерниха (*Улуян* 2014: 74).

⁴ Текст речи был опубликован также в *Journal des débats* от 11 ноября и перепечатан (с комментариями) в *Journal de Saint-Petersbourg* от 24 нояб. / 3 дек. (*Фомин* 1873: 679).

если бы она «вышла из <...> портов на западе Европы и к ней присоединился американский, а скорее всего, и голландский флот?» (Ibid.: col. 631–632).

На другой день в еженедельнике *Spectator* появился отзыв о речи Стюарта: «Русофобия (the Russo-phobia) крепко овладела этим любезным вельможей, который, кажется, прилежно читал апокрифические бумаги, публикуемые в *Портфолио*⁵, а также в *Британском и иностранном обозрении*». Однако «министры заявили о своей решимости “сохранять мир столь долго, сколь это будет возможно” и доказали, к удовлетворению Палаты, что для войны нет ни причины, ни оправдания»⁶ (News of the week 1836: 165). Нельзя исключить, что слово ‘русофобия’ встречалось несколько раньше, но известность оно получило лишь с этого времени.

Spectator отражал взгляды радикального крыла вигов, которое и пустило в ход полемически заостренное словечко ‘русофобия’. Вскоре в том же духе высказался Джон Стюарт Милль, один из лидеров радикалов. В апрельском номере редактируемого им журнала *London and Westminster Review* Милль, осуждая «увеличение военно-морского флота под надуманными предлогами», замечает: «Настоящая причина, согласно общему мнению, заключается в том, что министры поражены эпидемической болезнью русофобии» (*Mill* 1836: 276).

Милль, как и его соратники-радикалы, выступал не в поддержку России, а против наращивания вооружений. Виднейший идеолог либерализма, понятно, не мог испытывать симпатий к империи Николая I. Радикалы к тому же вполне сочувствовали польскому делу. Двумя годами ранее рецензент *London and Westminster Review* высказывался в духе Уркварта: русский самодержец «не остановится до тех пор, пока его владения не будут простираться от Белого моря до Киклад, чтобы хлынуть живым потоком на Запад и повторить в XIX веке ужасы Алариха и Аттилы. <...> Ему нужен Константинополь как ключ к Черному и Средиземному морям, который откроет для мировой торговли обильные и богатые продукты его империи. <...> Если Россия займет такое же выдающееся положение в коммерции, как в физической мощи, прежде чем принципы свободы сокрушат форму ее правления, свободные государства Европы могут содрогнуться» (*The History of Modern... 1834: 294*).

Тема «враждебности/антипатии к русским» (а по сути — к России как государству) затрагивалась в апрельском номере журнала *Tait's Edinburgh Magazine* за 1836 г. Журнал симпатизировал радикальному крылу вигов; в числе его сотрудников были Дж. С. Милль и Ричард Кобден. «История “баланса сил”, — говорилось здесь, — покажет, что Англия на протяжении более столетия настойчиво и безвозмездно приносит

⁵ О том же спустя три десятилетия писал Е. М. Феоктистов в «Русском вестнике»: «К документам подлинным легко было присочинить множество других» (*Феоктистов* 1868: 57). Но русское правительство не выступило с опровержениями относительно публиковавшихся в «Портфолио» документов, а позднейшие историки не ставили под сомнение их подлинность.

⁶ Именно таким был смысл ответа Пальмерстона на речь Стюарта.

себя в жертву политическому фантому, который в действительности никогда не существовал и не может существовать, кроме как в качестве химеры воображения дипломата. <...> Нас, признаёмся, приводит в некоторое недоумение враждебность к русским, овладевшая общественным сознанием. Один наш остроумный приятель объясняет это тем, что каждый народ непременно должен иметь какой-то объект национальной ненависти: так, говорит он, французы ненавидят пруссаков; турки не выносят персов; американцы питают отвращение к своему цветному населению; англичане же, на протяжении нескольких столетий всей душой ненавидевшие французов, теперь перенесли свою неприязнь на русских. Но какова бы ни была причина нашей антипатии к этому народу, причины нашей любви к туркам — которая, кажется, в известной степени породила эту антипатию, — объяснить гораздо труднее» (England, Turkey... 1836: 241).

***

9 июля 1836 г. в Manchester Times появилось сообщение о выходе в свет памфлета «Россия» за подписью «Манчестерский фабрикант» и с подзаголовком «Лекарство от руссофобии». Автором памфлета (что сразу же стало известно) был Ричард Кобден (1804–1865), промышленник, апостол свободы торговли и убежденный антимилитарист. В памфлете осуждались призывы «наших помешавшихся на России (букв. 'русоманиакальных' — 'Russo-maniac'. — К. Д.) ораторов и литераторов» к расширению морских вооружений (Cobden 1836: 21); конкретно

упоминалась речь лорда Стюарта 19 февраля. Памфлет распространялся очень широко, «с плакатами и рекламой, <...> в каждом городе, деревне и деревушке королевства» (Russia. By a Manchester... 1836: 448).

Сочинение Кобдена, в отличие от других выступлений с критикой 'руссофобии', носило подчеркнуто эпатажный характер. Россия предстает здесь носительницей цивилизации на Балканах и Ближнем Востоке. Возможность появления русских на берегах Босфора Кобдена ничуть не страшит: если Россия не свернет с пути цивилизации, тогда, даже если она покорит Турцию, «Англия скорее выиграет, чем проиграет» (Cobden 1836: 2), поскольку британская торговля, в том числе ближневосточная, возрастет. Если же Россия двинется вспять, к варварству, она утратит значение великой державы, как в экономическом отношении, так и в военном. Для Кобдена немислим «Чингисхан с телеграфом», которого так опасался Герцен.

Источник богатства и власти — промышленность и торговля; территория сама по себе бесполезна. Британия «без колоний, которые представляют собой лишь дорогостоящий придаток аристократического правительства, без войн, которые были лишь еще одним аристократическим способом грабежа и угнетения торговли <...>, благодаря богатству, накопленному ее искусством и трудолюбием, решала бы судьбы России с ее миллионами квадратных миль территории. Ливерпуль и Халл с их тысячами судов будут в состоянии диктовать законы повелителю четвертой части земного шара: <...>

блокировать Россию в Мраморном море, <...>, лишить ее гордую знать всех иностранных товаров и предметов роскоши и низвести их, владельцев тысяч крепостных, до варварского состояния их предков, древних русинов, — и держать ее царя взаперти в Константинополе, этой великолепной тюрьме» (Ibid.: 10).

Сочувственный отклик на памфлет появился в *Leicester Chronicle* от 27 августа, критический — в *British and Foreign Review*, т.е. исходил из круга Уркварта. Здесь специально говорилось о «чувстве, которое г-н Кобден <...>, а также писатели и ораторы его калибра имели удовольствие назвать *руссофобией*», и здесь же впервые появляется заковыченное слово ‘руссофобы’ (Russo-phobists): «памфлет <...> не мог не привлечь внимание “руссофобов”». «...Мыслящие люди всех партий, — разъяснял рецензент, — были вынуждены смотреть на замыслы русского кабинета не со “страхом” — нам как нации неизвестно значение этого слова, — но с той подозрительностью и недоверием, которые возникают при игнорировании международных договоров <...>». Причина этого недоверия — «изошренное варварство и более чем пунийское вероломство» русского правительства (Russia. Ву а Manchester... 1836: 448).

Журнал намекал на личную заинтересованность автора памфлета — «экспортера крученой хлопчатобумажной ткани в Петербург» (Ibid.). О том же говорилось в циркуляре Польского демократического общества от 22 октября 1836 г.: «Из Лон-

дона нам сообщают, что автор, г-н Кобден, отправился в Санкт-Петербург с рекомендациями г-на Пуллета Томсона, министра торговли, вся семья которого, как нам известно, ведет самую большую торговлю с Россией» (Okólniki... 1836: 188). Кобден и Пуллет в самом деле вели крупную торговлю с Россией (хлопчатобумажные ткани составляли треть русского импорта из Англии), но визит Кобдена в Петербург и Москву состоялся лишь в 1847 г.

В сентябре 1836 г. *Spectator* отозвался на анонимный памфлет⁷ «Продвижение и современное положение России на Востоке» (McNeill 1836), используя аргументы, приведенные ранее Кобденом: «Автор явно заражен руссофобией <...>. Он видит лишь территориальное расширение русских владений, не оценивая, насколько усилили или ослабили ее эти приобретения, или каковы у Англии причины беспокоиться по этому поводу» (Progress and Present... 1836: 875).

Памфлет Кобдена сыграл крайне важную роль в популяризации понятия ‘руссофобия’. Позднейший английский историк допускает любопытную неточность в названии брошюры Кобдена: «Руссофобия» вместо «Россия»; это показывает, до какой степени слово ассоциировалась с памфлетом (Prentice 1853: 48).

***

‘Руссофобия’, понимаемая как выдвигание русской угрозы на первый план, не обязательно предполагала неприязнь к России и русским. При-

⁷ Автором был Джон Макнил, британский дипломат в Тегеране.

мером тому служит анонимный памфлет «Несколько замечаний о нашей внешней политике», автор которого полемизировал с Кобденом. Россия, по его убеждению, самый могущественный соперник Британии и ее главный враг. Однако и Франция не может быть союзником Англии ввиду несходства их интересов. Автор предлагает союз с Испанией и Португалией против Франции, и союз с Германией — против России. Слово 'руссофобия' его не смущает: «Если "руссофобии" и суждено возникнуть, я верю, что она будет слишком сильной, чтобы какой-либо "манчестерский фабрикант" мог ее "вылечить"» (A Few Remarks... 1836: 2).

При этом мысль о варварстве русских ему так же чужда, как и Роберту Вильсону. «...Стало модно называть русских варварами и обильно награждать этот народ и его правителей всевозможными оскорбительными наименованиями, в то же время крайне негодуя, если они поступают так же и осмеливаются одаривать нас такими же эпитетами». Но «если бы упомянутые авторы прожили несколько лет в России, они, возможно, обнаружили бы, что русские далеки от варваров; что их богатый, гибкий, звучный язык во многих отношениях превосходит наш офранцузенный англосаксонский; а их литература, хотя и не изобилует "наблюдениями, замечаниями, зарисовками и личными сообщениями" множества странствующих джентльменов, обладает, несмотря на сей крупный изъян, многочисленными произведениями безупречного достоинства, которые сделали бы честь любому веку и любой стране.

К своему немалому удивлению они также смогли бы заметить, что положение русского крепостного предпочтительнее положения манчестерского рабочего <...>; и <...> русский, размышляя о растущей мощи своей страны и об огромном прогрессе, уже достигнутом ею и все еще совершаемом как в искусствах, так и в военном деле, может испытывать патриотизм не менее сильный, нежели тот, что когда-либо согревал грудь британца» (Ibid.: 19, 20).

Жестокости русского правительства в Польше сильно преувеличены и вызваны отнюдь не врожденной жестокостью русских, а соображениями государственной пользы, хотя, вероятно, неверно понятыми. «Ирландцы, как и поляки, часто восставали; после одного из этих восстаний мы решили сделать их англичанами и протестантами <...>; но ирландцы держались языка и веры своих предков, и мы выгоняли их из дому <...> почти так же, как русские теперь гонят поляков в дебри Сибири» (Ibid.: 22–23).

В свою очередь, критика 'руссофобии' не означала принятия позитивного образа России. В журнале *Monthly Magazine*, например, она соседствовала с крайне негативным изображением Российской империи. Все три материала с упоминанием 'руссофобии', появившиеся здесь осенью 1836 г., принадлежали одному автору — вероятно, основателю журнала и редактору его политического отдела Ричарду Филлипсу (1767–1840). В рецензии на «Несколько замечаний о нашей внешней политике» говорилось: «...Автор — один из тех, кто заражен руссофобией, как бы сильно он ни

восхищался правительством и политикой этой страны, посвящая ее восхвалению более четвертой части памфлета» (A Few Remarks... 1836: 406). «...Русский император, — утверждалось в другой статье, опубликованной в том же номере, — не так силен, каким его обычно изображают те, кто страдает модной болезнью русофобии; в действительности скудость военных ресурсов царя была ясно доказана во время последнего подавления польской независимости <...>» (On the Present Crisis... 1836: 315).

Этот тезис развернут в статье «Россия, какова она есть, а не какой ее обычно изображают»: «Из всех европейских государств, за вычетом Османской империи, Россия, несомненно, наименее цивилизована, наименее населена и управляется наиболее деспотично; ее разноплеменные, полуварварские и не признающие закона жители по праву считаются современными вандалами и гуннами севера, а ее правители на протяжении столетий были если не хуже, то определенно не намного лучше, чем Гейзерихи и Аттилы древности». Однако военная мощь России преувеличена, а «необъяснимое представление о подавляющем величии России, по всей вероятности, преднамеренно пропагандировалось некоторыми заинтересованными политическими писателями, тайными врагами всеобщей цивилизации, свободы и независимости; и российский кабинет не был недоволен тем, что его так переоценивают в Европе» (Russia, as It... 1836: 423). После того как Россия добилась

некоторых успехов в войнах с «нецивилизованными народами Азии», персами и турками, «болезнь русофобии достигла такой остроты, что заразила левоверную часть британской нации, и эта зараза, кажется, ширится из-за некоторых алармистов, которые в течение последних двух лет так горячо и так часто выступали против будущего *всеобщего преобладания России* <...>, и то, что на самом деле есть всего лишь *химерическое предположение*, в глазах многих англичан превратилось почти в *реальность* <...>» (Ibid.: 425).

По этому поводу автор рассказывает «один анекдот, случившийся в Париже в 1831 году». «На собрании политического кружка несколько зараженных русофобией французских джентльменов <...> доказали, к своему собственному удовлетворению, что в течение полувека Россия завоеует не только всю Малую Азию, персидские и турецкие владения и английские владения в Индии, но также покорит весь Юг и Запад Европы. Присутствовавший при этом генерал Ламарк⁸ не произнес ни слова, но, когда спросили его мнение, заметил: “Messieurs, <...> il me semble qu’un Cauchemar Russe vous fait déraisonner: ce que vous supposez de la future toute puissance de la Russie est tout-à-fait impossible”» («Господа, <...> мне кажется, что Русский Кошмар не позволяет вам рассуждать разумно: грядущее всемогущество России, о котором вы говорите, совершенно невозможно») (Ibid.).

⁸ Жан Максимильтен Ламарк (1770–1832), участник революционных и наполеоновских войн. Рассказанный здесь «анекдот» не слишком правдоподобен: Ламарк считал Россию главным оплотом реакции в Европе и в 1831 г. требовал от правительства Луи Филиппа вмешательства на стороне восставшей Польши.

Автор убежден, что «Россия *никогда* не сможет стать настолько грозной державой, чтобы устрашать свободную и энергичную Англию или цивилизованный европейский континент» (Ibid.). Для этого она слишком неразвита, бедна и неустроена. На усмирении небольшого Царства Польского ей понадобился почти год; Россия не смогла помешать ни свержению Бурбонов, ни появлению независимой Бельгии, ни конституционным реформам в Испании и Португалии. Далее в общих чертах предугадан ход событий во время Крымской войны: «...Английский и французский флот, подкрепленный богатством своих наций, очень скоро положил бы конец всеобщему господству русского царя, даже не стараясь разжечь восстание в многочисленных недовольных и угнетенных русских провинциях или атаковать ее границы на суше» (Ibid.: 430).

В августе 1836 г. вышел в свет памфлет «Дополнительные замечания о нашей внешней политике» (расширенное изд.: январь 1837). Здесь обсуждалась книга француза Гюстава д'Эйхтала «Два мира» (1836). Эйхталь «нисколько не “испорчен руссофобией”»; главным противником он считает Англию и ратует за продвижение Франции в Средиземноморье, чтобы «нанести ощутимый удар морскому господству Англии, напомнив о торговле Индии ее древними путями» (Supplementary Remarks... 1836: 12, 13). Пока что, замечает автор памфлета, франко-русскому союзу мешает «их (французов) нелепое представление о русских как

о варварах», но «национальные предубеждения быстро исчезают в каждой стране», и в будущем такой союз вполне возможен (Ibid.: 20).

В сентябре 1836 г. близкий к радикалам еженедельник Examiner писал о книге Г. Темпла «Путешествия в Грецию и Турцию»: «...Все его [Темпла] аргументы и разъяснения ведут к полной дискредитации “руссофобии”», несмотря на симпатии автора к туркам и Турции (Travels in Greece... 1836: 580).

В июле 1837 г. сотрудник военного журнала United Service Journal отмечал возросшую боеспособность Балтийского флота. «Вряд ли есть необходимость указывать на почти непоправимый ущерб, который такая сила может нанести неожиданным нападением на наши военно-морские учреждения на Темзе и Медуэ⁹; и, хотя я далек от участия в той руссофобии, которую ощущают или которой поражены наши псевдопатриоты, я все же считаю крайне предосудительным любое правительство, которое при таких обстоятельствах пренебрегает морской обороной страны...» (The Russian Fleet... 1837: 410).

В 1838 г. банкир Томас Рейкс опубликовал книгу «Город царя» о своей поездке в Петербург. Россия, полагал он, хочет захватить Константинополь и всю торговлю на Черном и Каспийском морях. Examiner констатировал, что Рейкс «заражен болезнью Этвуда¹⁰, именуемой “кошмарный

⁹ Медуэй — судоходная река, впадающая в эстуарий Темзы.

¹⁰ Томас Этвуд (1783–1856), экономист и политик-либерал, выступал в парламенте с резкой критикой русской политики, прежде всего в Польше, и требовал усиления военно-морского флота ввиду русской угрозы.

медведь России"¹¹», и проявляет «несчастную склонность к русофобии» (The City of... 1838: 564).

Тогда же лондонская газета Standard вступила в полемику с Morning Chronicle, заявившей: «Не позволяйте такой великой нации выставлять себя на смех безумной *руссофобией*», имея в виду надуманность русской угрозы индийским владениям Англии¹² (цит. по: Our few... 1838). Standard возражала: «московский деспот» ненавидит Англию как оплот разумной свободы во всем мире, так что русская угроза вполне реальна. Любопытно, что здесь же цитировался лидер ирландских националистов Дэниел О'Коннел: пока Англия ведет себя в Ирландии так же, как Россия в Польше, она не имеет морального права выступать в роли защитника свободы. Standard не оспаривала это утверждение, а лишь указывала на опасность подстрекательства Ирландии к мятежу со стороны России.

Журнал Eclectic review в статье о русской территориальной экспансии (апрель 1839) осуждал «запугивание наших соотечественников» территориальными приобретениями России, повторяя аргументацию Кобдена: «Почва, климат, ситуация, нехватка населения или полезных производств и различные другие обстоятельства часто упускаются из виду среди галлюцинаций *руссофобии*» (Aggressive Policy... 1839: 459).

Осенью 1840 г. Джон Прингл Никол, шотландский экономист и астроном, предостерегал перед угрозой войны Англии и России против Франции. Обозреватель Tait's Edinburgh magazine, считая такие опасения преувеличенными, замечает: «Д-р Никол, возможно, слегка заражен русофобией, которая скорее преобладает в Глазго; но, в конце концов, для искреннего поборника свободы это совершенно естественно» (Political Register 1840: 812).

В памфлете Уильяма Уолтера Каргилла «Мехмет Али, лорд Пальмерстон, Россия и Франция» (1840) утверждалось, что Россия готовит оккупацию Константинополя, после чего Англию ожидает судьба Польши. Темой его второго памфлета была так называемая Прусская лига — союз абсолютистских государств, направленный против Англии и Франции. Особый пассаж посвящен здесь слову ‘руссофобия’ как средству злонамеренной манипуляции общественным сознанием: «Достаточно глупцу или предателю изобрести *слово*, пригодное в качестве знака принадлежности к его “партии”, — достаточно произнести “*Руссофобия*”, чтобы половина нации оказалась слепа к актам несправедливости или агрессии <...>». «...*Слова* и впрямь мощные орудия действия, и прозорливый Галейран был прав, сказав, что *слова* изобретены лишь для того, чтобы скрывать *мысли*! <...> ...Таковы средства, с помощью которых действует Россия, и это ей удается <...>» (Cargill 1840: 36–37).

¹¹ В оригинале “night-bear”, по созвучию с ‘nightmare’ — кошмар.

¹² Как мы увидим ниже, «Morning Chronicle» вовсе не отрицала русской угрозы в принципе и, в свою очередь, нередко обвинялась в ‘руссофобии’.

В 1840 г. вышло в свет переиздание сатирического эпистолярного романа О. Голдсмита «Гражданин мира» (1760–1761). К письму 87 издатель, Чарльз Найт, поместил примечание: «Это письмо показывает, что руссофобия нашей политической эпохи родилась почти столетием раньше» (*Goldsmith* 1840: 177). Примечание Найта любопытно как симптом интереса к генеалогии понятия, только что появившегося в политическом языке.

Письмо, о котором шла речь, называлось «Сколь глупо для западных областей Европы использовать русских в своих войнах». Оно увидело свет в октябре 1760 г., в разгар Семилетней войны. Англия была тогда союзником Пруссии, воевавшей против коалиции во главе с Австрией, Россией и Францией. Голдсмит пытается вбить клин между западными участниками коалиции и Россией: «Я не могу не видеть в Российской империи естественного врага западных частей Европы <...>. Петр, их великий монарх, давно желал иметь укрепленные пункты в некоторых западных областях Европы <...>. Укрепленный пункт во власти этого народа был бы подобен владению шлюзом; <...> они могли бы затопить весь западный мир варварским наводнением. <...> Русские сейчас переживают период между цивилизованностью (*refinement*) и варварством, который, по-видимому, наиболее способствует военным успехам <...>. Плодородных долин и мягкого климата [Европы] всегда будет достаточно, чтобы привлечь целые мириады из их родных пустынь, бескрайних чащоб или с их заснеженных гор» (*Ibid.*: 325).

Однако 'руссофобия' эпохи Семилетней войны была исключением в английской политике вплоть до 1830-х гг. И даже в этой войне главным противником Англии была Франция, а главной целью — захват французских колониальных владений.

Действие романа Бенджамина Дизраэли «Конингсби» (1844) происходит в 1830-е гг. Один из персонажей, политик-карьерист Ригби, получает от посетившего Англию русского великого князя «материалы для “сокрушительной” статьи против руссофобии, <...> доказывающей, что московская агрессия отвечала интересам Англии и полностью объяснялась нехваткой морского побережья, что заставило царя из чисто торговых соображений двинуться на Балтику и Черноморье» (*Disraeli* 1844: 149). Ригби был карикатурным портретом Джона Уилсона Крокера (1780–1857) — человека, менее всего пригодного для написания русофильской статьи: он сотрудничал в консервативном *Quarterly Review*, вполне разделявшем мнение о реальности русской угрозы.

Пропагандистская кампания радикалов против 'руссофобии' не осталась без влияния на общественное мнение. В разгар Крымской войны сотрудник журнала *British Quarterly Review* с неудовольствием вспоминал: «За десятилетие, закончившееся в 1835 году, ежегодные расходы на национальную оборону сократились более чем на пять миллионов фунтов стерлингов. <...> Если бы в те дни безудержного сокращения кто-либо в Палате общин попробовал <...> хотя бы заикнуться о подозрениях в отношении агрессивных намерений этой грозной

державы [России] на Черном море или где-либо еще, его бы немедленно заклеямили как 'руссофоба'; в то время это был персонаж почти столь же одинокий, как в наши дни руссофил» (The War 1855: 199).

Как мы видели выше, слово 'руссофобы' встречалось уже в 1836 г., но в широкий обиход слово 'руссофоб' вошло лишь с середины 1840-х гг. (Russophobist, затем также Russophobe). Ранее в том же значении встречалось слово 'алармист'. Рецензент журнала Metropolitan Magazine¹³ писал по поводу книги о состоянии русского Балтийского флота: «Мы сердечно рекомендуем это разумное сочинение вниманию тех алармистов, которые думают, что в одно прекрасное утро русские проглотят нас перед завтраком» (A Few Observations... 1837).

В немецкой печати слово 'руссофобия' (Russophobie) появляется не позднее осени 1836 г. в сообщениях из Англии; во французской печати — не позднее 1837 г.

В турецко-египетской войне 1839–1841 гг. все пять великих держав поддержали султана, а Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. отменили фактический контроль России над проливами. Дискредитации антирусского алармизма способствовала также крайне неудачная англо-афганская война 1838–1842 гг., начатая из опасений перед русской угрозой в Центральной Азии. После этого тема русской угрозы в британской печати на время — до Восточного кризиса, приведшего к Крымской войне, — утратила прежнюю остроту.

¹³ Редактором журнала был писатель-маринист Ф. Мариетт.

***

Итак, понятие 'руссофобии' было введено английскими радикалами во 2-й половине 1830-х гг. в полемических целях. Спор между противниками 'руссофобии' и их оппонентами шел не по поводу положительного или негативного образа России и русских: это был спор о реальности русской угрозы британским интересам и способах противодействия ей. В огромном большинстве случаев слово 'Russophobia' в тогдашней английской печати следует понимать как 'Россия-боязнь'. Виднейшие представители алармистов, равно как и критики 'руссофобии', принадлежали к различным течениям британского либерализма; но алармисты выступали в роли «ястребов», а критики 'руссофобии' — в роли «голубей».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Феоктистов 1868 — *Феоктистов Е. М.* Русская политика на востоке пред Крымскою войной // Русский вестник. М., 1868. Т. 73, № 1. С. 21–82.

Фомин 1873 — *Фомин Я. В.* Император Николай Павлович в Варшаве в 1835 г. // Русская старина. 1873 г. Т. 7. № 5. С. 677–690.

A Few Observations... 1837 — A Few Observations on the Russian Fleet in the Baltic [Revue] // The Metropolitan Magazine. London, 1837. Vol. 20, September. P. 51.

A Few Remarks... 1836 — A Few Remarks on our Foreign Policy. 2nd ed., with additions. London: Ridgway, 1836. 76 p.

A fierce Tartar... 1835 — A fierce Tartar who now tills the throne of Russia... [Editorial] // Times. London, 1835. November 17. P. 2.

Aggressive Policy... 1839 — [Aggressive Policy of Russia. Revue] // The Eclectic

review. London, 1839. Vol. 5, April. P. 457–478. (Заглавие дано в колоннитуле.)

Cargill 1840 — *Cargill W.* An Examination of the Origin, Progress, and Tendency of the commercial and political Confederation against England and France, Called the "Prussian League". Newcastle: W. Cargill, 1840. 50 p.

Cobden 1836 — [*Cobden R.*] Russia: A cure for the Russo-phobia / By a Manchester Manufacturer. W. Tait: Edinburgh, 1836. 52 p.

Disraely 1844 — *Disraely B.* Coningsby; Or, The New Generation. Paris: Baudry, 1844. 347 p.

England, Turkey... 1836 — England, Turkey, Russia — The Balance of Power, and the Non-Intervention Principle // *Tait's Edinburgh Magazine*. Edinburgh, 1836. Vol. 3, № 26, April. P. 240–246.

Evans 1828 — *Evans G.* On the Designs of Russia. London: J. Murray, 1828. 251 p.

Goldsmith 1840 — *Goldsmith O.* The Citizen of the World to his Friends in the East. London: C. Knight, 1840. 239 p.

Hansard's 1836 — Hansard's Parliamentary Debates. London: Hansard, 1836. Vol. 31. 1396 col.

Home 1822 — *Home J.* The Works. Edinburgh: A. Constable, 1822. Vol. 1. 387 p.

McNeill 1836 — [*McNeill J.*] Progress and Present Position of Russia in the East: An Historical Summary. Murray, 1836. 151 p.

Mill 1836 — [*Mill J.S.*] State of Politics in 1836 // *The London and Westminster Review*. London, 1836. Vol. 25 (2), № 1, April. P. 271–278. Подпись: A.

News of the week 1836 — News of the Week // *The Spectator*. London, 1836. № 399, February 20. P. 165–166.

Okólniki... 1836 — Okólniki Towarzystwa Demokratycznego Polskiego: 1836/37. Paryż: Maulde I Renou, 1837. T. 5. 392 s.

On the Present Crisis... 1836 — On the Present Crisis of Spain: Its Real Cause and its Most Probable Results, in Connexion with

the Present State of France and Europe // *The Monthly Magazine*. London, 1836. Vol. 22, № 129, September. P. 309–319.

Our few... 1838 — [Our few words yesterday...: Editorial] // *The Standard*. London, 1838. № 4483, November 2. P. 2.

Political Register 1840 — Political Register // *Tait's Edinburgh Magazine*. Edinburgh, 1840. Vol. 7, № 84, December. P. 809–812.

Prentice 1853 — *Prentice A.* History of the Anti-corn-Law League. London: Cach, 1853. Vol. 1. 774 p.

Progress and Present... 1836 — Progress and Present Position of Russia in the East // *The Spectator*. London, 1836. № 428, September 10. P. 875–876.

Progress of Russia 1855 — Progress of Russia <...> by David Urquart [Revue] // *The Free Press*. London, 1855. Vol. 1, № 11, December 22. P. 2.

Remarks on... 1832 — Remarks on the Conduct and Probable Designs of Russia. London: Ridgway, 1832. 18 p.

Russia, as It... 1836 — Russia, as It Really Is, and not as It Is Commonly Represented // *The Monthly Magazine*. London, 1836. № 131, November. P. 423–431. (На титуле ошибочно: № 141.)

Russia. By a Manchester... 1836 — Russia. By a Manchester Manufacturer <...> Edinburgh. <...> [Revue] // *The British and Foreign Review: Or, European Quarterly Journal*. London, 1836. Vol. 3, № 6. P. 446–477.

Supplementary Remarks... 1836 — Supplementary Remarks on our Foreign Policy... London: Ridgway 1836. 59 p.

The City of... 1838 — The City of the Tsar. By Thomas Raikes. [Revue] // *The Examiner*. London, 1838. № 1597, September 9. P. 563–564.

The History of Modern... 1834 — The History of Modern Greece. By James Emerson <...> London. 1830 [Revue] // *The London and Westminster Review*. London, 1834. Vol. 20, № 40, April. P. 274–295.

The Russian Fleet... 1837 — The Russian Fleet in the Baltic in 1836. By H. W. Crawford [Revue] // The United Service Journal. London, 1837. Pt. 3, July. P. 410–412.

The War 1855 — The War: Who's to Blame? <...> [Revue] // The British Quarterly Review. London, 1855. Vol. 21, № 41, January. P. 182–215. (Art. VII.)

Travels in Greece... 1836 — Travels in Greece and Turkey. By Major Sir Grenville Temple's. <...> 1836. [Revue] // The Examiner. London, 1836. № 1493, 11 September. P. 579–580.

To the publisher... 1807 — To the publisher the Morning Post // Morning Post. London, 1807. March 31. P. 3. Подпись: Anglo-Moscovite.

Urquhart 1835 — [Urquhart D.] England and Russia. Being a Fifth Edition of England, France, Russia, Turkey. London: Ridgway, 1835. 197 p.

Urquhart 1855 — Urquhart D. Familiar Words, as Affecting the Conduct of England in 1855. Second Series. London: Trübner, 1855. Pt. 2. P. 151–350.

Wilson 1817 — [Wilson R. T.] A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. 5-th ed. London: Ridgway, 1817. 208 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Тэйлор 1958 — Тэйлор А. Д. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 644 с.

Улуния 2014 — Улуния Ар. А. Дэвид Уркварт, «The Portfolio» и начало конца тайной дипломатии Санкт-Петербурга: Секретные дипломатические документы Российской империи в британской печат-

ти (1835–1837 гг.) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улуныя: Сб. статей. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 58–90.

Gleason 1950 — Gleason J. H. The Genesis of Russophobia in Great-Britain: Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge (Mass.): Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1950. IX, 314 p.

Resis 1985 — Resis A. Russophobia and the “Testament” of Peter the Great, 1812–1980 // Slavic Review. Cambridge. 1985. Vol. 44, No. 4. P. 681–693.

REFERENCES

Gleason J. H. *The Genesis of Russophobia in Great-Britain: Study of the Interaction of Policy and Opinion*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1950. IX, 314 p.

Resis A. Russophobia and the “Testament” of Peter the Great, 1812–1980. *Slavic Review*. Cambridge. 1985, vol. 44, no. 4, p. 681–693.

Teilor A. D. *Bor'ba za gospodstvo v Evrope. 1848–1918*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1958. 644 p.

Ulunian Ar. A. David Urkvart, "The Portfolio" i nachalo kontsa tajnoi diplomatii Sankt-Peterburga: Sekretnyye diplomaticheskie dokumenty Rossiiskoi imperii v britanskoi pechati (1835–1837 gg.). *Slaviane i Rossiia: slavianskie i balkanskije narody v periodicheskoj pechati. K 90-letiiu so dnja rozhdeniia A. A. Uluiana: Sb. statei*. Moscow: In-t slavianovedeniia RAN, 2014. P. 58–90.

А. А. Рыбалка

АНТОНИН РАМЕНСКИЙ: ПРАОТЕЧЕСКИЙ ЧИН (В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ)*

В статье предпринята попытка анализа и идентификации портрета неизвестного лица, написанного в 1-й половине XIX в., выдаваемого Антонином Раменским (1913–1985), автором масштабной мистификации «учительская династия Раменских», за родоначальника этой династии. Статья развивает тему «дарений» мистификатора музеям А. С. Пушкина.

Ключевые слова: живопись, мистификация, старообрядческий и купеческий портрет, иконография раскольников, изображения духовных лиц.

Сведения об авторе: Рыбалка Андрей Александрович, начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, научно-производственная фирма «Кристалл» (Пенза).

Контактная информация: anrike@yandex.ru.

A. A. Rybalka

ANTONIN RAMENSKY: PATRISTIC RANK (IN DEVELOPMENT OF THE TOPIC)

The article attempts to analyze and identify the portrait of an unknown person, painted in the first half of the 19th century, given by Antonin Ramensky (1913–1985), the author of the large-scale mystification “the Ramensky teachers' dynasty”, as the founder of this dynasty. The article develops the theme of “donations” of the hoaxer to the museums of A. S. Pushkin.

Key words: painting, hoax, portraits of Old Believers and merchants, iconography of schismatics, images of clergy.

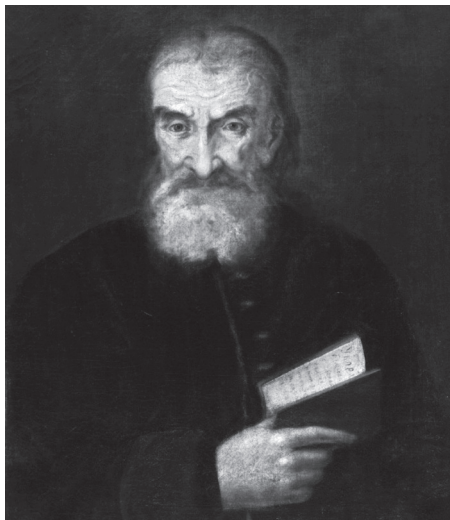
About the author: Rybalka Andrey A., Head of Department of Implementation of Systems and Means of information security, Scientific and Production Company “Kristall” (Penza).

Contact information: anrike@yandex.ru.

© А. А. Рыбалка, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-243-256

* См.: https://istorex.ru/Ribalka_A.A._Antonin_Ramenskiy_Leninskiy_sled; https://istorex.ru/Novaya_stranitsa_95.

Ил. 1. «Алексе́й Алексе́вчи Раменский 1812». Неизвестный художник. Музей Пушкина на Мойке

Самым замечательным артефактом «пушкинской коллекции» А. А. Раменского (далее — А. А.), переданной во Всесоюзный музей Пушкина на Мойке в декабре 1979 г., является, на мой взгляд, портрет (ВМП КП 25801/Ж-440; холст, масло, 72×54,3 см)¹, известный только по некачественным фотографиям и никем толком не описанный. Руководство музея любезно предоставило мне качественную электронную копию картины (ил. 1), что позволило произвести более детальный анализ изображенного на ней лица. Изначально, по крайней мере до 1965 г., на портрете был изображен «Родоначальник учительской

династии Алексей Раменский. С портрета XVIII века» (Никитин 1965: 15), однако уже летом 1969 г. А. А. пишет Т. Г. Цявловской, что у него «имеется портрет Алексея Алексеевича работы Кипренского, к которому приезжал Пушкин в Мологино в 1833 году» (РГАЛИ). Эта идентификация удостоверяется надписью красной краской на обороте холста «Алексе́й Алексе́вчи Раменский 1812»². Дата создания портрета в сочетании с известными по текстам А. А. датами рождения его предков и самим портретом дает основания полагать, что изображен должен был быть именно родоначальник мологинских учителей Алексей (1746 г.р.)³, а не его сын Алексей (1774 либо 1781 г.р.), которому в тот год не было еще и сорока⁴.

Пожилой, с несколько неестественно рельефным лицом мужчины, седовласый, с окладистой бородой и расчесанными назад на прямой пробор удлинненными волосами, в темной, без украшений, одежде и раскрытым молитвенником в правой руке. Он совсем не напоминает соученика Радищева по Московскому университету (в отличие от «народного учителя» на памятнике в Итомле, который как раз вполне вписывается в этот образ) либо сына такового ученика, если только не предположить, что по-

¹ «Прекрасный портрет учителя, писанный неизвестным художником в начале XIX века, передан Пушкинскому дому и с благодарностью принят», — писал в 1984 г. Симон Соловейчик, очевидно, со слов дарителя, по обыкновению, не точных. См.: (Мы, Раменские... 1984).

² Письмо директора Всероссийского музея А. С. Пушкина С. М. Некрасова от 27 марта 2019 г. № 28/D.

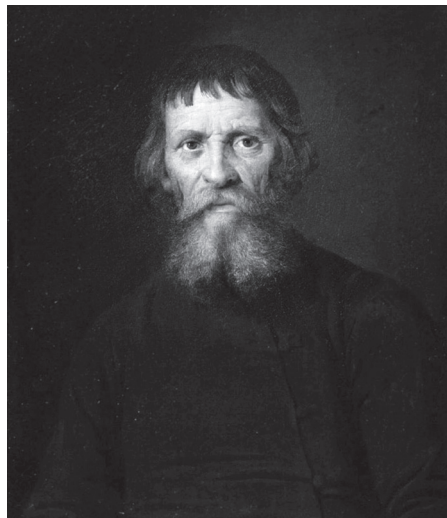
³ Отмечу, что еще в сер. 60-х гг. родоначальник Алексей отчества не имел.

⁴ Ридентификация изображенного лица наверняка была обусловлена большей перспективностью «пушкинского следа» по сравнению с «радищевским следом».

следний принял духовный сан. Таково было практически общее впечатление всех, кому была показана картина — это портрет духовного лица, но не монашествующего. Есть все основания полагать, что такое же впечатление было и у Антонина Раменского. Он, конечно, знал, кем были реальные «учителя» Раменские, и, вполне возможно, всерьез видел в картине образ своего эпического первопредка, о чем, впрочем, не распространялся. Замечу, что в книгу Маковеева А. А. репродукцию этого портрета не предложил⁵, а у Никитина дан лишь фрагмент — одна голова.

Кто же все-таки изображен на портрете? К сожалению, однозначного ответа пока нет. Благодаря неоценимой помощи коллег⁶, удалось более-менее подробно (хотя во многом и гадательно) охарактеризовать портрет.

На старце темного цвета однобортный кафтан-поддевка⁷ с рядом застежек на груди и широкими обшлагами. Такая одежда характерна как для купеческих портретов, так и для старообрядческих⁸. На человеке определенно не ряса, характерная для представителей русского духовенства, однако прическа его, напротив, свойственна именно духовным лицам, традиционная купеческая прическа была иной, на портретах купцов мы

Ил. 2. Угрюмов Г. И. Портрет Акима Ивановича Серебрякова. 1813. 66,5×53,8, холст, масло Третьяковская галерея

обычно видим вариант прически «под скобу»: по бокам до середины ушей, а спереди до середины лба (см. портреты купцов Акима Серебрякова, ил. 2; Федора Гучкова, ил. 3); с возрастом сзади и сбоку волосы носили более длинными (см. портреты холмогорского купца Тимофея Баснина, ил. 4, слева; ростовского городского головы Максима Плешанова, ил. 5). Короткие и прямые челки, нередко разделенные на отдельные пряди, характерны и для купцов как таковых, и для старообрядческих наставников⁹ (см. портрет одного из лидеров общины Преображенского кладбища Гаврилы Скачкова, ил. 11.

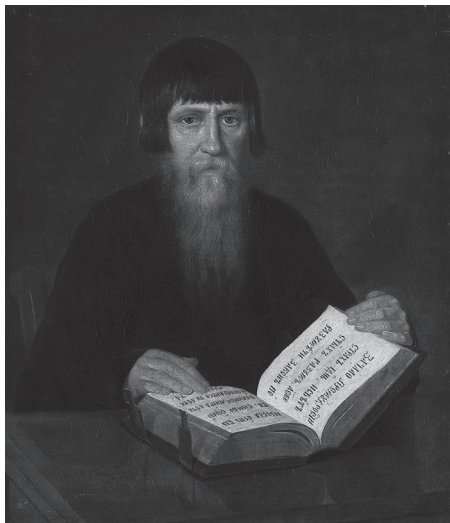
⁵ Остается, впрочем, возможность того, что на момент подготовки этой книги портрета у Раменского еще не было.

⁶ Я безмерно благодарен за консультации С. А. Багдасаровой, Д. В. Сичинаве и Я. Э. Зелениной.

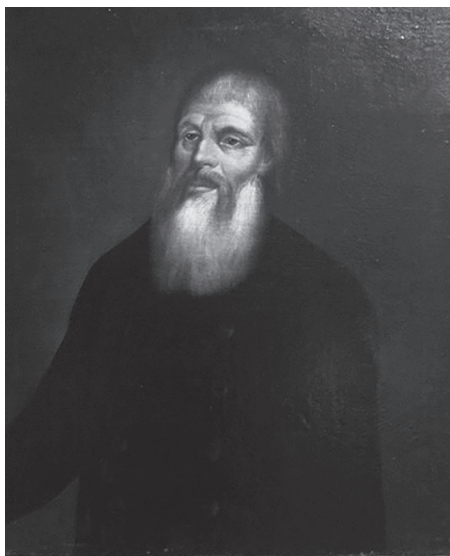
⁷ Но это может оказаться и подрясник-однорядка, восходящий к традиционному светскому кафтану-однорядке. Подобные подрясники-однорядки носило древнее русское духовенство, до появления широких греческих ряс.

⁸ Впрочем, старообрядцы составляли немалую часть русского купечества.

⁹ В самоописаниях староверов констатируется, что обычай расчесывать волосы на прямой пробор в поморской среде возникает только в начале XX в.

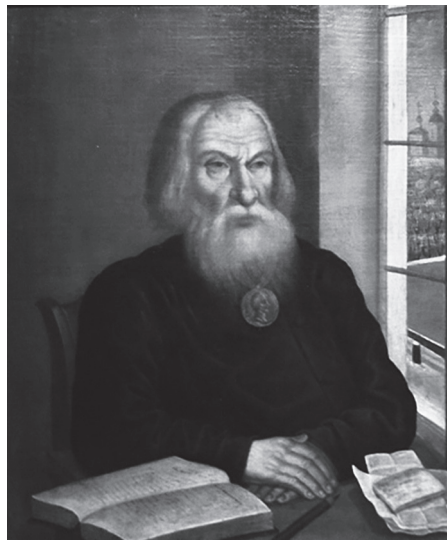

Ил. 3. Портрет Федора Гучкова. 1840–1850-е гг. Неизвестный художник. ГЭ. ЭРЖ-361

Ил. 4. Портрет холмогорского кушца Тимофея Баснина

На «власоращении» следует остановиться, поскольку практика ношения такой прически, ныне знаменующая собой русского попа, отнюдь не была наиболее древней и единственной в русской церкви. Изначально при-

Ил. 5. Портрет ростовского городского головы М. М. Плешанова, работы мастера живописного цеха Ростовской ремесленной управы художника-иконописца А. Ф. Крылова (написан в 1854 г.)

ческа клириков предполагала выстрижение волос сверху, на темени, и подстрижение их снизу «в круг». Она именовалась «гуменцо», или, в просторечии, «попова плешь», и именно «оброснение» призвана была прикрывать постоянно носимая скуфья. Такая практика сохранялась вплоть до XVIII в. и лишь во второй половине XVII в. начала постепенно вытесняться «власоращением», заимствованным, видимо, под влиянием греческого монашества. Постепенно форма клира стала состоять в ношении длинных волос. К концу Екатерининской эпохи, по свидетельству иностранцев, «только у одних священников или попов для различения от прочих людей было обыкновение отпускать на голове длинные волосы, спускавшиеся на спину» (Перри 1871: 126). Таким образом, прическа старца на портрете Раменского принци-

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

альна — такую носили только духовные лица, хотя одет изображенный, возможно, в поддевку, а не в подрясник. Это вновь обращает наше внимание на иконографию старообрядцев.

На открытой странице книги Д. В. Сичинава сразу прочитал начало строки из послания апостола Павла 1 Кор. 4: 12–13 Укоряеми, благословляемъ: гонѣми, терпѣми: хулими, утѣшаемъ молимъ: якоже втрѣби мѣру бѣхомъ, всѣмъ попрање досѣлѣ. Отсюда следует, что старец, скорее всего, держит в руках «Апостол».

Цитата из Павла — одно из часто повторяемых духовных наставлений Серафима Саровского — «Укоряеми — благословляйте, гоними — терпите, хулими — утешайтесь, злословими — радуйтесь! Вот наш путь с тобою, и претерпевший до конца той спасется!» Однако изображенный на картине человек ничем не соответствует традиционному иконографическому образу Серафима. Замечу, что речь об одном из самых цитируемых речений апостола Павла¹⁰. Тем не менее выбор именно этого места из 1 Кор. — лишний аргумент в пользу духовного лица, причем гонимого...

Не может ли изображенный человек быть наставником-беспоповцем, например? Один из коллекционеров, имени которого я назвать не могу, вполне определенно констатировал, что старец — это, скорее всего, старообрядческий наставник, возможно, кто-то из выговцев, либо кто-то из благотворителей Рогожского кладбища; но, вероятнее всего, поморский наставник. Мне было рекомендовано

обратиться в Серпуховской музей, где хранится серия лубочных портретов выговских наставников, причем самые последние из изображенных нарисованы вполне реалистично. Эта серия была собрана Анной Васильевной Мараевой, видной деятельницей старообрядчества, собирательницей старинных книг, рукописей и икон.

Не имея возможности воспользоваться этой рекомендацией, я прибегнул к другому варианту — обратился за консультацией к известному искусствоведу Яне Эрнестовне Зелениной, специалисту по древнерусской и старообрядческой живописи. Устные сообщения Яны Эрнестовны помогли мне понять сложность проблемы и скорректировать свои собственные представления. Я. Э. Зеленина пояснила, что «это далеко от Кипренского, но не хуже, а то и лучше портрета И. А. Ковылина (ил. 6). Для старообрядческого и купеческого портрета образ хороший, надпись в книге убедительная».

При исследовании старообрядческих портретов, продолжала она, существуют известные сложности с информационной базой: «Вообще портретами староверов мало занимались, кроме Выга. Но там другая стилистика. Доступного изученного материала немного. В музейных собраниях часто могут значиться как портрет купца, конкретного или неизвестного, а насчет принадлежности к древлеправославию надо выяснять. В старообрядческих собраниях наверняка портретов немало, но публикации в лучшем случае в своих малотиражных изданиях».

¹⁰ Читается, например, в 10-ю неделю по Пятидесятнице.

Ил. 6. Портрет московского купца Ильи Ковылина. Неизвестный художник

Характеризуя предложенный портрет Раменского, Я. Э. Зеленина констатировала, что «совсем близких по иконографии аналогий я на поверхности не нашла. Портрет по качеству и образу замечательный, и Ваше предположение о старообрядческом наставнике выглядит очень правдоподобным. Но со стопроцентной уверенностью я бы не стала говорить, если нет реальной личности. По иконографии явных примет нет (типа лестовки), а наставление в книге может быть характерно и для представителя духовного сословия, да и в купеческом портрете такое встречается. ...С точки зрения стилистики — тоже нет чего-то типично старообрядческого, хотя и близко к портретам Ковылина из частного собрания и Гучкова из Эрмитажа. Портрет очень качественный, если широко — первая половина, но

я бы сузила до 1810–1830-х годов. Такие часто становились образцами для гравюр, но мне пока ничего похожего не встретилось»¹¹.

В своем исследовании о портретах И. А. Ковылина Я. Э. Зеленина выделяет несколько типов «старообрядческих портретов» (Зеленина 2014): 1) собственно старообрядческий портрет, связанный с художественными традициями Выголексинского общезнания — акварельные изображения духовных наставников на отдельных листах, восходящие, прежде всего, к технике древнерусской книжной миниатюры; 2) портреты-иконы, выполненные в иконописной стилистике и технике, темперой на деревянной основе¹²; 3) стиль «купеческого портрета», поскольку многие устроители и прихожане московских центров староверия принадлежали к этому сословию — жанра, характерного преимущественно для секулярной культуры Нового времени и никак не связанного с древнерусскими традициями; 4) духовный портрет старообрядцев-поповцев Рогожского кладбища — изображения церковных деятелей — епископов, священников, иноков, своеобразные с точки зрения иконографии и церковной атрибутики, стилистически мало отличающиеся от изображений светских лиц, т. е. «купеческого портрета».

Очевидно, что портрет Раменского не относится ни к 1-й, ни ко 2-й категории изображений, хотя рельеф лица настолько тщательно выписан, что кажется срисованным с религи-

¹¹ Все эти цитаты заимствованы из записанных мной устных сообщений Я. Э. Зелениной.

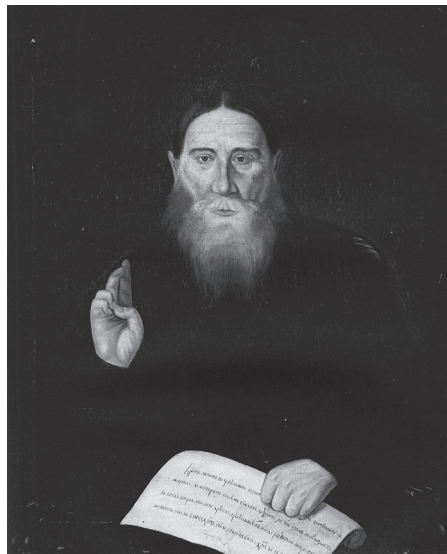
¹² Например, портрет Гаврилы Скачкова (ил. 11).

озного образа, что может указывать на иконописную школу автора. Портреты того времени, изображающие стариков, характерны особым вниманием к морщинам и складкам кожи лица (см.: Серебряков, Плешанов, например), но здесь попытка следовать академическим мастерам приобретает едва ли не гипертрофированный характер, что, возможно, характеризует провинциала, не имеющего академического образования.

Обратим внимание на портрет ростовского городского головы М. М. Плешанова (ил. 5) работы мастера живописного цеха Ростовской ремесленной управы художника-иконописца А. Ф. Крылова (написан в 1854 г.). На мой взгляд, технически этот портрет наиболее близко соотносится с портретом Раменского, автором которого в таком случае, возможно, тоже был провинциальный художник-иконописец.

Итак, предстоит проверить, не относится ли портрет Раменского к жанру духовных портретов рогожских поповцев. Или, говоря проще, не является ли этот портрет изображением священника-перемазанца. Для сравнения, на данный момент удалось отыскать в доступных публикациях четыре портрета рогожских священнослужителей:

Ил. 7. Портрет настоятеля Рогожского кладбища, самого авторитетного старообрядческого священника того времени, протопопа Иоанна Ястребова (1770–1853), 1840-х гг.

1) живописный портрет настоятеля Рогожского кладбища, самого авторитетного старообрядческого священника того времени, протопопа Иоанна Ястребова (1770–1853), 1840-х гг., висевший некогда в конторе кладбища (Юхименко 2012: 19; Мельников 1976: 226)¹³ (ил. 7);

2) портрет неизвестного старообрядческого священника в колпаке-валенке, написанный в 1830-е гг.¹⁴ (ил. 8);

¹³ В конторе висели, видимо, парные портреты о. Иоанна Ястребова и его супруги Евфимии Александровны. Портрет И. М. Ястребова воспроизведен: «Для памяти потомству своему...»: (Народный бытовой... 1993). Примечательно, что на свитке в руке священника написан текст Первого послания апостола Павла к солунянам (1 Фес 5: 14–18; ошибочно подписан: «Коринфомъ, з<ач. 273>»), который по содержанию можно трактовать как адресованное прихожанам храмов Рогожского кладбища наставление о добронравии, взаимной любви и взаимоподдержке.

¹⁴ Девиз на свитке — Пс. 79: 15–16. Боже сил, обратися убо, и призри с небесе и виждь, и посети виноград сей: и соверши и, егоже насади десница твоя, и на сына человеческого, егоже укрепил еси себе.

Ил. 8. Портрет неизвестного старообрядческого священника в колпаке-валенке, написанный в 1830-е гг.

3) портрет старообрядческого священника Андрея Баркова, написанный Н. Д. Мыльниковым в 1826 г.¹⁵ (ил. 9);

4) портрет тульского дозволенного попа Павла Тульского (1801–1862, настоящее имя — Павел Алексеевич Смирнов), славного своим неприятием Белокриницкой иерархии, не вполне ясного происхождения¹⁶ (ил. 10).

Характерные признаки рогожского духовного портрета — двоеперстное крестное знамение и лестовка, свиток с девизом в левой руке, текст должен быть читаем. Протопоп

Ил. 9. Портрет старообрядческого священника Андрея Баркова, написанный Н. Д. Мыльниковым в 1826 г.

Иоанн, однако, обошелся без лестовки, а священник в колпаке без знамения, следовательно, допускались разные варианты. Особняком стоит Павел Тульский с полураскрытой книгой в правой руке, как и старец на портрете Раменского, без явных атрибутов старообрядческого священника.

Все девизы на свитках вполне органичны изображенным лицам — милосердие, смирение, любовь к ближнему, печаль о посмертной судьбе... Смирение декларирует, на мой взгляд, и девиз на портрете Раменского, он, в отличие от надписей на свитках, не читается полностью, а угадывается, как и текст в книге на портрете Павла Тульского.

¹⁵ Девиз на свитке — Притча о трех печалях: Увы аще насемь свѣте устрашають мя три печали. А печаль что имамъ умрети. В печаль не вѣмъ когда. Г печаль невѣмъ тамъ где обрящуся.

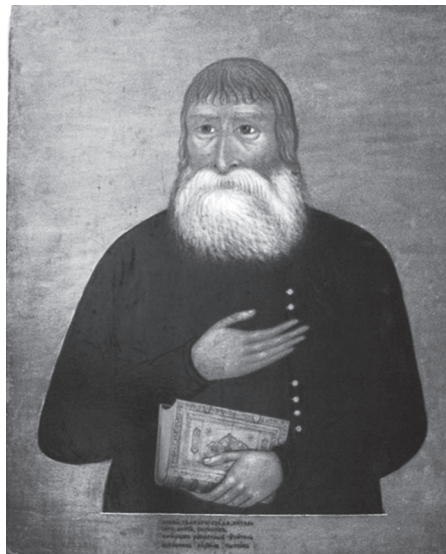
¹⁶ На странице полураскрытой книги видно только «Блаж ... д ...». Возможно, это первая заповедь блаженства из Нагорной проповеди — Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Ил. 10. Гипотетический портрет тульского дозволенного попа Павла Тульского, написанный И. Болотниковым в 1796 г. Из книги Л. М. Орлова

Девизы лиц, духовным саном не облеченных, представляются мне иными. В раскрытой книге Федора Гучкова видны стихи из книги Притч Соломона¹⁷, на свитке Ковылина также написан текст из книги Притч¹⁸. Оба девиза — дарование долголетия за следование божеским законам и предпочтение доброго имени богатству — едва ли на аналогичный призыв — вполне органичны, на мой взгляд, для купцов и отличаются семантически от девизов на рассмотренной серии портретов.

В этой серии портрет Павла Тульского, несомненно, в наибольшей степени схож с портретом Раменского,

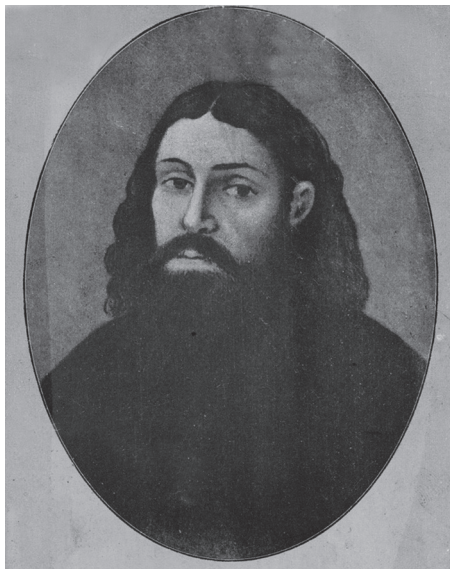

Ил. 11. Портрет одного из лидеров общины Преображенского кладбища Гаврилы Скачкова

хотя и Павел изображен, насколько можно судить по такому некачественному изображению, в подряснике, а не в кафтане либо однорядке. Портрет, впрочем, вносит в решение задачи некоторую степень дополнительной неопределенности — дело в том, что портрет датирован и подписан художником. Надпись в левом нижнем углу картины — «1796. I. Болотниковъ» (Орлов 1907: 26), если она аутентична, исключает какую-либо возможность того, что на картине изображен Павел Тульский, однако дата очень близка по времени к условной дате на портрете Раменского. Кроме того, оба портрета, возможно, являются образцами провинциальной живописи, в значительно большей степени зависящей от доступных

¹⁷ Притч. 9: 10–11. Начáло премудрости страхъ Господень, и совѣтъ святыхъ разумъ:— разумѣти бо законъ, помысла естъ благаго. Симвъ бо образомъ многое поживѣши время, и при--ложатся тебѣ лѣта животá твоего.

¹⁸ Притч 22. 1–2. Лучше имя доброе, нежели богатство многое. Паче серебра и злата, благодать благая. Богат и нищ, сретоста друга дру[га], обоих [же] Господь сотвори[л].

Ил. 12. Портрет балтского священника Феодосия Левицкого, популярного столичного проповедника 1-й пол. 20-х гг. XIX в. Гравюра из книги

местным живописцам светских портретов. Впрочем, книгу (закрытую), а не свиток держит на одном из своих иконописных изображений и Гаврила Скачков (ил. 11).

Опубликовавший портрет Павла Л. М. Орлов преследовал апологетические цели, посему он не смущался надписью на картине и не комментировал ее. Далее он опубликовал ряд фотопортретов преемников Павла Тульского и, конечно, был крайне заинтересован в обретении изображения основателя «старейшего согласия», параллельного Белокриницкой иерархии. Чей портрет он, в конце концов, использовал и какова его история, остается пока загадкой. Во времени создания портрета, провинциальности

его и в статусе изображенного лица нет особых оснований сомневаться, но точно ли священник старообрядец?

Хотя православное духовенство изображалось в ту пору, как правило, с регалиями — наперсные кресты, камиллавки и т. п., можно найти и портреты православных священнослужителей скромного образа. Аналогично Павлу Тульскому, без креста и иных атрибутов, изображен в то время (видимо, 1-я пол. 1820-х гг.¹⁹) балтский священник Феодосий Левицкий (ил. 12, есть такие же более поздние портреты с молодыми священниками, есть и с книгой). Полуоткрытая книга же в правой руке и вовсе традиционный атрибут светского портрета. Так изображен, например, в те же времена один из директоров Дворянского земельного банка А. М. Юрьев, тогдашний владелец села Мологина и якобы донатор школы Алексеев Раменских.

Предположим все-таки, что Орлов не пошел на откровенный подлог (остальные портреты в его книге особых вопросов не вызывают) и, действительно, получил портрет от последователей «тульского согласия», как изображение почитаемого священника. Если происхождение портрета связано с семьей Смирновых, то не может ли быть в таком случае портрет изображением отца Павла Тульского — московского священника Алексея Смирнова?²⁰

Вернемся к портретам священников собственно Рогожского кладбища. Помимо названных уже атрибутов,

¹⁹ Проживал и проповедовал в это время в Санкт-Петербурге и пользовался вниманием при дворе.

²⁰ Сыновья Павла Тульского, весьма богатые люди, принадлежали, впрочем, к официальной церкви, и неясно, поддерживали ли они отношения с бывшей паствой своего отца.

все эти портреты объединяет еще одно — они написаны в те времена, когда, после Указа 1822 г., священство беспоповцев было официально признано и ряд «беглых» попов в Москве и провинции получили статус «дозволенных»²¹. Таким образом, речь идет о портретах священнослужителей, имевших на тот момент официальный статус. Конечно, явно не препятствовалось и ранее изображать своих почитаемых наставников, но делалось это, как правило, в жанрах книжной миниатюры и иконы известного стиля. Обычный светский портрет с атрибутами, формально изображаемому лицу не присущими, — не вполне штатная операция. Хотя этим же можно объяснить, что на портрете Раменского нет совсем уж явных признаков духовного лица, тем паче старообрядческого. Но отметим, что Ковылин на своем иконописном портрете, в отличие от «купеческого», изображен в подряснике и с тростью (Зеленина 2014), а Иоанн Ястребов и вовсе в образе седобородого библейского пророка, лишенным индивидуальных черт.

Посему я не вижу оснований рассматривать в качестве возможных персонажей предшественников протопопа Иоанна Ястребова в храме на Рогожском кладбище — бывшего зарайского попа Ивана Ефимова († 1825), старшего рогожского священника при Александре I, или бывшего чебоксарского попа Ва-

силия Степанова, имевшего тот же статус при Екатерине II. Во-первых, их изображение в таком жанре маловероятно, во-вторых, если бы Ивана Ефимова, дожившего до Указа 1822 г., и нарисовали, сделано бы это было, наверняка, в том же стиле, что и изображения иных рогожских священников.

По аналогии с Орловым, предложившим, хотя и ошибочно, портрет дозволенного тульского священника Павла, тридцать лет возглавлявшего тульскую общину беглопоповцев, я рискну предложить в качестве персонажа портрета Раменского известную по тем временам персону из его родных краев — ржевского указного (дозволенного) попа Василия Семеновича Симонова (1780–1856)²².

Ржев в те времена был значительным региональным центром беглопоповцев, местные торговцы, промышленники и ремесленники по большей части принадлежали к их общинам. В этой связи в городе постоянно присутствовали различные беглые попы, а общины регулярно пытались придать их деятельности официальный характер. С ржевскими беглыми попами связано несколько любопытных историй, но всякий раз речь идет о кратковременно действующих персонажах. Интерес же для нас, на мой взгляд, могут представлять лишь те, кто действовал достаточно долго и приобрел значительный статус.

²¹ В 1822 г. Александром I были утверждены правила, по которым старообрядцы могли принимать беглых священников, а последние вести метрики и представлять их гражданскому начальству. Это легализовало статус беглопоповцев на все время правления Николая I, который постепенно и последовательно лишал раскольников дарованной братом легальности.

²² Это предположение вынуждает признать дату портрета — 1812 — неверной, но в этом, как я показал выше, есть своя логика.

Таковым был, пожалуй, только названный мною Симонов. Исследователь пишет о нем: «Последним беглым попом ржевским, которому пришлось дожить до появления в Ржеве попов австрийского рукоположения²³, был Василий Симонов Хромой (У Василия одна нога была сломана и он ходил на поддельной деревяшке). Он происходил из Смоленской губернии, Сычевского уезда. Получив образование в Смоленской семинарии, он был определен в священники в село Горки, Вяземского уезда, где был священником 10 лет. Впоследствии, за нетрезвую жизнь и другие поступки он подлежал епархиальному суду, но не надеясь перед ним оправдываться и желая избежать запрещения или даже лишения священства, он оставил свою церковь и убежал в город Ржев к раскольникам. Так как это было около 1826 года, когда еще не были узаконены строгие мероприятия против беглых попов, то поп Василий успел приобрести себе позволение от правительства отправлять для ржевских раскольников требы, после чего беспрепятственно священствовал (?) в Ржеве целых 30 лет. Благодаря тому, что к Ржеву... тянулись весьма многие беглопоповщинские общины, поп Василий сильно обогатился

от своих прихожан. Этому благоприятствовало и то, что он, — неизвестно какими достоинствами, успел приобрести среди раскольников большую популярность» (Скворцов 1895)²⁴.

Здание «дозволенной моленной», в коем служил отец Василий, «располагалось на Князь-Дмитриевской стороне — практически в самом центре города, и было весьма удобным для посещения²⁵. К тому времени новый молитвенный дом²⁶ представлял большое просторное каменное здание с двумя при нем флигелями. В главном здании совершались богослужения, в нем были устроены Алтарь с престолом и Хор. Вскоре после его постройки в одном из флигелей проживал... “раскольничий поп” Василий Семенов Симонов с женой, а в другом — сын его, ржевский 2 гильдии купец Иван Васильев Симонов»²⁷, весьма богатый, ведущий совершенно светский образ жизни и от раскольников далекий.

Симонов процветал и материально, и статусно, ибо «кроме своих, Ржевских старообрядцев в те годы во Ржев приезжали и окормлялись у старообрядческих пастырей многие верующие из ближайших и отдаленных окрестностей, из Твери, Сычевского

²³ Так называемая Белокриницкая иерархия.

²⁴ Лица, расколу не сочувствовавшие, неизменно аттестуют «беглых попов» как лиц низкого морального облика, даже в тех случаях, когда вынуждены признавать за ними, как, например, за Иоанном Ястребовым, известные достоинства.

²⁵ В 117-м квартале на Троицкой улице. Развалины здания и сейчас украшают собой улицу Декабристов во Ржеве.

²⁶ Выстроен в 1830–1832 гг. на месте старой сгоревшей деревянной часовни. Препятствия властей затруднили возобновление храма, общине раскольников пришлось прибегнуть к известным юридическим ухищрениям. Вероятно, поп Василий сыграл в этом определенную роль и тем самым существенно укрепил свой авторитет.

²⁷ URL: <http://hram-tver.ru/index.php/khramy-tverskoj-oblasti/rzhev/1386-rzhev-starooobryadcheskij-molitvennyj-dom-v-117-m-kvartale-molennaya-chasovnya> (дата обращения: 06.05.2021).

и Бельского уезда Смоленской губернии, Демьянского и Крестецкого уездов Новгородской губернии. В этой моленной, как “общественной” — т.е. официально дозволенной, по праздникам собирались на молитву все желающие — а в особенности те, у кого не было своих молитвенных келий»²⁸. Начиная с 1836 г. он постоянно вынужден был сопротивляться миссионерским усилиям известного всем почитателям Гоголя ржевского протоиерея Матвея Константиновского, стремившегося во что бы то ни стало возратить «раскольничьего попа» в «лоно церкви». Были ли первичны у Василия убеждения или же немалый материальный достаток от треб и прочего, но Матвей в этом деле так и не преуспел.

«Просвященствовав у раскольников целых 30 лет и наживши от них крупный капитал, поп Василий умер в 1856 году и был погребен на раскольничьем кладбище»²⁹. На памятнике его написано, что он священствовал 40 лет; следовательно, раскольники к 30-ти годам службы его в расколе причислили десятилетнее служение в православной церкви. Благодаря тому, что поп Василий “священствовал” у ржевских раскольников очень долго и приобрел среди них большой авторитет, о нем во Ржеве сложилась легенда, что он не умер, а скрывается где-то в подвале.

К концу жизни попа Василия обнаружили два обстоятельства, роковым образом повлиявшие на судьбу беглопоповщины во Ржеве, — это, во-первых, появление здесь попа новоизобретенный австрийской иерар-

хии, и во-вторых, обращение в единоверие значительной части беглопоповцев вместе с освящением молитвенного дома в единоверческий храм» (Там же). Молельня была отобрана в феврале 1857 г. тщанием помянутого протоиерея Матвея Константиновского в содружестве с перешедшим в единоверие городским головой Е. Берсеневым.

Если на портрете Василий Симонов, то местный художник нарисовал его никак не ранее, чем в конце 30-х гг. — верхней хронологической границы, указанной Я.Э. Зелениной. Впрочем, городской голова Максим Плешанов исполнен в 1854 г. в подобном же стиле и технике. Портрет отца вполне мог заказать младший Симонов, полностью обязанный ему своим материальным благополучием и религиозно индифферентный. Насколько непротиворечива предложенная гипотеза — судить читателю, насколько она верна, возможно, покажет дальнейшее изучение старообрядческой живописи и архивных документов.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГАЛИ — РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Д. 1457. Л. 17.

Мы, Раменские... 1984 — Мы, Раменские... [О династии учителей Раменских] // Учит. газ. 1984. 12 янв.

Орлов 1907 — История священства старообрядцев, приемлющих священство от греко-российской Церкви и о непрерывном другоприимстве, от 1666 г. и до манифеста 1905 г. / изд. Л.М. Орлов. М., 1907.

²⁸ Ibid.

²⁹ «...преставился в 1856 г., 7 января, в день Иоанна Крестителя Господня. Жития его было 76 лет».

Перри 1871 — *Джон Перри*. Состояние России при нынешнем царе / соч. кап. Джона Перри; пер. с англ. княжны Ольги Михайловны Дондуковой-Корсаковой; [предисл.: Михаил Семевский]. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871.

Скворцов 1895 — *Скворцов Д.И.* Очерки тверского раскола и сектантства. М., 1895.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зеленина 2014 — *Зеленина Я.Э.* Изображения И. А. Ковылина и традиции старообрядческого портрета // Первые Преображенские Ковылинские чтения. 2014. Доклад. URL: <https://protoporavvakum.ru/ya-e-zelenina-izobrazheniya-i-a-kovyлина-i-tradicii-starobryadcheskogo-portreta/> (дата обращения: 18.08.2021).

Мельников 1976 — *Мельников П.И.* Очерки поповщины // Собрание сочинений в 8 т. М.: Правда, 1976. (Библиотека «Огонек»). Том 7. С. 191–555.

Народный бытовой... 1993 — Народный бытовой портрет в России. М., 1993. С. 173, ил. 174.

Никитин 1965 — *Никитин А.Г.* Директор народных училищ А.П.Раменский. Пермь, 1965.

Юхименко 2012 — *Юхименко Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М.: Языки славян. культуры, 2012.

REFERENCES

Iukhimenko E.M. *Starobriadcheskii tsentr za Rogozhskoi zastavoju*. Moscow: Iazyki slavian. kul'tury, 2012.

Mel'nikov P.I. Oчерki popovshchiny. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow: Pravda, 1976. (Biblioteka «Ogonek»). Vol 7, p. 191–555.

Narodnyi bytovoі portret v Rossii. Moscow, 1993, p. 173, il. 174.

Nikitin A.G. *Direktor narodnykh uchilishch A.P. Ramenskii*. Perm', 1965.

Zelenina Ia.E. Izobrazheniia I.A. Kovyлина i traditsii starobriadcheskogo portreta. *Pervye Preobrazhenskie Kovylinские chteniia*. 2014. Doklad. URL: <https://protoporavvakum.ru/ya-e-zelenina-izobrazheniya-i-a-kovyлина-i-tradicii-starobryadcheskogo-portreta/> (data obrashcheniia: 18.08.2021).

А. А. Тесля

МАРГИНАЛ И ПРОПОВЕДНИК: ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ РЕНЕ ЖИРАРА

Рец.: *Хэвен С. Л.* Эволюция желания. Жизнь Рене Жирара / пер. с англ. С. Силаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 448 с.: ил. (Серия «Интеллектуальная история»)

Эссе посвящено образу Жирара, созданному его биографом Синтией Хэвен, знавшей своего персонажа в последние годы его жизни и посвятившей изучению его мысли серию работ.

Ключевые слова: интеллектуальная биография, миметическое желание, насилие, университетское сообщество, экзистенциализм.

Сведения об авторе: Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград).

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

A. A. Teslya

MARGINAL AND THE PREACHER: ON THE INTELLECTUAL BIOGRAPHY OF RENE GIRARD

Rev.: *Kheven S. L.* Evoliutsiia zhelaniia. Zhizn' Rene Zhirara, per. s angl. S. Silakovoi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 448 p.: il. (Seriiia "Intellektual'naia istoriia")

The subject of the essay is the image of Rene Girard, created by his biographer Cynthia Haven, who knew him in the last years of his life and devoted a series of works to the study of his thought.

Key words: intellectual biography, mimetic desire, violence, university community, existentialism.

About the author: Teslya Andrei A., PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad).

Contact information: mestr81@gmail.com.

Синтия Хэвен довольно близко знала Жирара последние восемь лет его жизни — познакомившись в 2007 г. и успев до его кончины в 2015 г. опубликовать несколько статей и интервью с ним. А следом — серию бесед с теми, кто работал и дружил с Жираром за десятки лет до того, как с ним повстречалась она. Так что написанная ею книга — действительно, как и заявляет издательская аннотация, «в своем роде первая» и уникальная: сочетание исследования и личных воспоминаний, рассказ о человеке, жизнь и мысль которого реконструируются в переплетении рассказов о нем других, чтения его работ и собственного опыта общения — неизбежно ограниченного, постоянно сопоставляемого с другими образами Жирара — еще молодого или уже зрелого наставника, но еще не старика. И опознание в этих образах знакомого или, напротив, удивление совсем другому, неизвестному тебе человеку.

Впрочем, сама рассказчица скорее утверждает — и еще более располагает к этому выводу читателя сообщаемыми подробностями — единство Жирара, его способов действовать. Правда, то, что выглядело в молодые годы скорее недостатком или, во всяком случае, угрозой дальнейшему устройству в жизни — по мере взросления превращается в своеобразие автора и человека, не столько «отвое-

вывающего», сколько «само собой» утверждающего свой способ жить — утверждающего тем естественнее, что тот выступает в качестве «естественного», не в оппозиции к другим, а в невозможности их разделить, даже если с ними согласен и к ним желал бы присоединиться.

Ребенком, юношей, а затем и молодым человеком он плохо уживается с требованиями, предъявляемыми институциями — много времени проводит на домашнем обучении, благодаря способностям — успешно. Он с отличием оканчивает лицей, но сдается в попытке поступить в *Ecole normale* и в итоге идет по пути отца, видного историка, директора музея в Авиньоне — поступая в Школу хартий. Откуда не сбегает в родной дом лишь благодаря тому, что идет Вторая мировая война, Франция оккупирована — и из Парижа так просто не уехать.

Кажется, у него почти нет интеллектуальных амбиций — и есть понимание, что его перспективы во Франции весьма ограничены. В послевоенной волне интеллектуалов он выглядит более чем бледно — и, пользуясь подвернувшимся предложением, отправляется за океан преподавать французский в Блумингтоне. Годы спустя Анри Пейр, возглавлявший романскую кафедру в Йеле и фактически контролировавший простран-

ство французских исследований в американских университетах, удивится — обнаружив в тогда весьма захолустном университете Индианы Жирара, оказавшегося там без его протекции и незаметно проведенного там несколько лет. Настолько незаметно, что в итоге Индианский университет не продлит с ним контракт — поскольку единственное, что он напишет за эти годы, будет его диссертация об образе Франции в американской печати 1941–1943 гг., не отличающаяся ни глубиной, ни оригинальностью суждений, написанная наскоро — по коллекции вырезок, которой поделится с Жираром его знакомый из французского посольства в США.

В конце 1940-х — начале 1950-х Жирара вроде бы интересуют лишь простые вещи: машина, путешествия, возможность жить беззаботно и сыто — в отличие от послевоенной Европы. Непродленный контракт побудит его обратиться к исследованиям — но только несколько лет спустя он начнет постепенно подбираться к своей будущей первой книге, в которой соединит собственный интерес к нескольким любимым писателям — и свои рабочие обязанности, поскольку с приезда в Америку бывший историк-архивист преподает французский и французскую литературу. Он сделается литературоведом скорее по воле обстоятельств, чем сознательным выбором — и обратит недостаток (ведь в конце концов в Америке первые годы он будет лишь преподавателем французского — «носителем языка») в преимущество.

В американском университетском пространстве его положение будет

своеобразно — во многом выстроенное через внешнее, французское: примечательно, что большая часть его книг будет сперва опубликована по-французски и лишь затем, с более или менее значительным промежутком времени, выйдет в Америке. Он будет много лет организовывать для своих американских студентов летние школы на Роне — наезжая в родные края, в 1966 г. станет одним из трех организаторов эпихальной конференции в Университете Джона Хопкинса, познакомившей американских интеллектуалов с «французской теорией» — и ставшей водоразделом в истории структурализма/постструктурализма благодаря заключительному докладу тогда еще совсем молодого Жака Деррида. В американской системе он так и останется несколько «с краю», и сходным образом в 1960-е будет выступать во французском контексте — достаточно влиятельный и интересный, но при этом периферийный, не претендующий на те позиции, за которые сражаются между собой парижские интеллектуалы — благодаря чему и сможет собрать уникальный состав участников на упомянутой конференции 1966 г., тех, кто никогда бы не смог если не встретиться, то во всяком случае согласиться дебатировать под одной парижской крышей.

Его маргинальность вызывала и примечательные обиды со стороны учеников — не встречавших с его стороны привычной системы патронирования, выстраивания собственной сети. Некоторые видели в этом пренебрежение, но, кажется, права Синтия Хэвен, видящая в этом скорее отсутствие его собственного

опыта: в молодости он не был частью какого-то академического клана, не проходил привычными путями — и попросту не очень представлял, как это делается, у него не было того стандартного опыта академического взросления, который он мог бы воспроизводить с учениками.

Понятно, что любая более или менее подробная биография интеллектуала — это в первую очередь история его идей и контекстов. Тем в большей мере это относится к Жирану, внешняя канва жизни которого малособытийна: если не считать водораздела между молодостью во Франции и всей последующей жизнью, проведенной в Америке: начиная с 1950-х это будет череда университетских позиций и книг — Хопкинс, Университет штата Нью-Йорк, затем вновь Хопкинс, а с 1981 г. и уже до конца академической карьеры — Стэнфорд.

А решающий личный и одновременно интеллектуальный поворот придется на первую книгу — «Ложь романтизма и истину романа» (1961). В ней он и сформулирует первый вариант теории миметического желания, первоначально ограниченный лишь рамками романа — но уже в этой трактовке претендующий на то, чтобы говорить об устройстве реальности, поскольку литература для него — не самозамкнутый мир, а свидетельство о мире и одновременно инструмент его понимания. И на это же время придется два его обращения: первое, эстетическое и интеллектуальное — возвращение к христианству, а следом — уже экзистенциальное, когда у него обнаружат опухоль и сколько-то времени он проведет в уверенности, что у не-

го меланома — и будет жить в перспективе отчаянно близкой смерти. В этой книге еще нет той своеобразной, новой христианской проповеди, которая станет чертой всех последующих его книг — но дописывается она уже изменившимся автором, еще не нашедшим новых слов, но уже переосмысляющим подспудно все очевидности, из которых строилось предшествующее рассуждение.

Уже с 1970-х Жиран тяготеет привычной формой монологического изложения — предпочитая не только работать с соавторами, но и выстраивать книги в форме диалогов, довольно слабо отражающих конкретный ход бесед, лежащих в их основании: текст переписывается вновь и вновь, реплики уточняются, меняются. Конкретный собеседник для него — возможность сосредоточиться на новом ракурсе, идти от сюжетов и предметных областей, которые «свои» для *vis-à-vis*, чтобы вновь и вновь проговаривать, уточнять и возвращаться к основной своей мысли — о жертве, насилии, лежащем в основании истории, о радикальной перемене, произведенной христианством, когда для нас теперь «жертвоприношение» связывается по ассоциации прежде всего не с другим, а с собой, с самопожертвованием — и как насилие оборачивается, возвращается — теперь уже через «защиту», «оборону», вершится уже почти исключительно из статуса «жертвы», за что конкурируем между собой, претендуя на несоизмеримость между тем собой и другими, тем, что делаем мы, и тем — что сделано с нами.

Синтия Хэвен в этой книге не претендует на глубину и тонкость ин-

терпретации Жирара — это рассказ о нем для тех, кто немного слышал о нем, прочел, быть может, «Насилие и священное» и «Козла отпущения» или, по крайней мере, знает о них в кратком изложении. Так, Хэвен стремится одновременно и рассказать о Жираре как знала его и узнала о нем из рассказов других — и о тех его книгах, которые не столь известны, о первой и о поздних, показать, что там не одно лишь повторение знакомого, но продолжение разговора. Пожалуй, то, что удается ей лучше всего — это рассказ о Жираре в его радикальной далекости от «интеллектуалов», не изобретающего все новые интеллектуальные ходы и любопытные конструкции, а стремящегося приблизиться к тому, что волнует его — описать мир не вполне, но максимально точно со значи-

мого для него ракурса, сквозь миметическое желание как создающее то человеческое, которое мы знаем. В этом есть прямой отзвук французских 1940–1950-х, Сартра, Камю, но и Гегеля, на которых он рос — с пафосом подлинности и одновременно восприятия реальности как наслоений, наносного — слоев, которые и создают «тебя», но которые не исчерпывают тебя, ведь остается если не длинная воля, то порыв вовне, из всей этой пелены слоев.

Так что и в этом плане он представляет своеобразной — пограничной — фигурой, длинным продолжением и переосмыслением экзистенциалистского движения, где нахождение «с краю» дает возможность иных ходов, невозможных в водовороте центра.

П. В. Крылов

«ОСВОБОДИТЕЛЬ ЕВАНГЕЛИЯ» ИЛИ «ДИКИЙ ВЕПРЬ В ГОСПОДНЕМ ВИНОГРАДНИКЕ»

Рец.: Хэлен Л. Пэриш. Краткая история: Реформация. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2020

Рецензируется книга английского историка с кратким изложением истории Реформации

Ключевые слова: Реформация, история Европы XVI в., Мартин Лютер, Ян Гус, идейное наследие эпохи Реформации.

Сведения об авторе: Крылов Павел Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург).

Контактная информация: pavel_kryloff@mail.ru.

P. V. Krylov

“DELIVERER OF THE GOSPEL” OR “WILD BOAR IN THE LORD’S VINEYARD”. REV.: KHELEN L. PERISH. KRATKAIA ISTORIIA: REFORMATSIIA. MOSCOW: KOLIBRI, AZBUKA-ATTIKUS, 2020

A book by an English historian with a summary of the history of the Reformation is reviewed.

Key words: Reformation, European history of the 16th century, Martin Luther, Jan Hus, ideological heritage of the Reformation era.

About the author: Krylov Pavel V., Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of General History of the St. Petersburg Institute of History, RAS (St. Petersburg).

Contact information: pavel_kryloff@mail.ru.

© П. В. Крылов, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-262-267

Книга профессора университета из английского Рединга появилась на гребне волны интереса к главному герою Реформации, вызванной 500-летием публикации им 95 тезисов против продажи индульгенций 31 октября 1517 г. Знаменем этого интереса стал всплеск покупательского спроса на статуэтки Мартина Лютера в шляпе, с пером и немецкой Библией от фирмы Playmobil (с. 31). И все не следует подвергать критике Хэлен Пэриш, специализирующуюся на церковной истории позднего Средневековья и раннего Нового времени, за ее желание не столько воспользоваться моментом, сколько по возможности дополнить стереотипный образ Лютера с молотком и списком тезисов в руках значимыми деталями. Довольно хорошо известные профессиональным историкам, они остаются почти неизвестными для массовых представлений о прошлом. В частности, это понимание того, что «в критике индульгенций голос Лютера не был гласом вопиющего в пустыне» (с. 43), и у него не было никакого желания ни изобретать новую веру, ни разрушать церковную иерархию, ни попирасть устои, но, напротив, утверждать ортодоксальные позиции, в полном соответствии со средневековым пониманием термина *Reforma* — «возвращение утраченной формы». Радикализация воззрений Лютера, в частности, его обращение к трактату Яна Гуса «De ecclesia», признанного еретиком, в том числе за его слова о том, что «мы должны повиноваться Богу, а не людям, и Библия дает единственное необходимо правило жизни и веры» (с. 51), стало ответом виттенбергского профессора на папскую буллу «*Exsurge Domine*» с угрозой отлучения.

Пересказывая хорошо известную историю того, как повлияло развитие книгопечатания на Реформацию, Х. Пэриш справедливо указывает и на то, что печатное слово не смогло бы оказать столь мощное воздействие без наличия читательской аудитории, готовой покупать книги и поддержавшей более-менее массовый спрос на книгу в условиях удешевления продукции, вызванного внедрением печатного станка (с. 67). Не оставляет она без внимания и серьезную проблему, порожденную распространением листовок, памфлетов и трактатов — стимулированное в процессе массового чтения разномыслие, осложнявшее проблему сохранения единства идей Реформации (с. 68). Примером для автора является довольно безуспешная попытка властей Нюрнберга преобразовать в евангелическом духе особо распространенный в городе культ Богоматери: «Если прихожанин сам приписывал предмету определенный смысл, никакая светская власть не могла гарантировать, что прихожане придавали Деве Марии реформированное значение» (с. 98). Между прочим решением проблемы разномыслия могло стать и в конечном счете стало образование, выстраиваемое от начальной школы до университета и гарантирующее единообразное восприятие текста и воспроизводство смыслов. Но автор почему-то совсем не затрагивает тему европейской школы в эпоху Реформации и в последующие столетия. Не встречается в книге и оценки причин неудачи оппонентов Реформации в обращении с печатным станком, по крайней мере в XVI в.

Еще одним достоинством книги является ее акцент на том, что она

высвечивает переход от «зрительного благочестия» (с. 86) средневекового христианства к благочестию слова и поведения, свойственного Новому времени: «Зрительное восприятие в значительной мере сменилось проповедью, в которой звучали Слово Божие и пение псалмов, рождавшие внутреннее понимание очертаний веры» (с. 102). Путь этой настоящей духовной революции к нему проходил через унижение реликвий и икон — демонстрацию их бессилия (с. 97), что лежало в основе иконофобии и иконоборчества, доходивших до настоящих погромов, подобных тому, что случился в Антверпене и его окрестностях летом 1566 г. и был весьма ярко описан в книге Х. Пэриш (с. 81–84). Именно он стал прямым прологом и предлогом к назначению герцога Альбы нидерландским наместником и к возобновлению революционной войны против Филиппа II, завершившейся утратой власти Испании над Северными Нидерландами.

Обращает на себя внимание и критика превратившегося в непрекращаемый авторитет Макса Вебера, «структура доводов которого была памятником определенному конфессиональному мировоззрению, на который оказал влияние интеллектуализм Германии XIX в.» (с. 170). Глава, посвященная представлениям жителей лютеранских и кальвинистских земель о сверхъестественном, убедительно демонстрирует, что Реформация вовсе не расколдовала мир, как утверждал немецкий социолог, ибо вера в силу и возможности магии никуда не исчезли из религиозного сознания европейцев, несмотря на то, что некоторые практики

средневекового христианства были объявлены суевериями и изъяты из церковного обихода (с. 179–181). «В лютеранской “Аугсбургской книге чудес” чудеса и письменные записи о таких событиях служили свидетельством постоянного присутствия и вмешательства Бога в природный мир, божественном суде и греховности человечества» (с. 192). Возможно, именно по этой причине в лютеранстве возникли как собственная сакрализация некоторых предметов («неопалимый Лютер»), так и свое собственное иконоборчество, примером которого Х. Пэриш называет ссылку на работу Эрвина Изерло, деконструировавшего эпизод с прибиванием тезисов к церковной двери в Виттенберге как образец лютеранской агиографии (с. 33).

К большому сожалению, количество огрехов в книге также весьма велико, хотя значительная их часть объясняется неудачным переводом. В двух наиболее вопиющих случаях читатель остается в полнейшем недоумении. Что значит «духовенство равномерно становилось священниками дьявола» (с. 126)? Что имеется в виду в словах «собрание провидений в “Аугсбургской книге чудес”» (с. 192–193)? Возможно, дело в опечатке, и автор имел в виду привидения или провИдения, т. е. «прорицания»? Ответить на эти вопросы, не прибегая к оригиналу, оказывается невозможным. Явная ошибка содержится и там, где католичество и лютеранство названы «двумя христианскими религиями» (с. 182). В русском религиоведении в таком случае принято использовать термин «конфессия». К разряду переводческих огрехов относятся

и случаи замены понятий близкими по звучанию словами, что приводит к существенным искажениям смысла. Например, во фразе: «Эпоха Реформации больше не ограничивается XVI веком, а восходит к высокому Средневековью и растягивается до конца XVII столетия. Историки Реформации были умелыми колонизаторами» (с. 16). Слово «колонизаторы» смотрелось бы здесь явно уместнее. Нельзя сказать, что переводчик находится в ладах со специфической русской религиозной терминологией. Видимо, именно этим объясняется неоднократное употребление слова «евангелистский» (с. 123, 127, 163) там, где полагалось бы употребить «евангелический», «почтение» (с. 92) вместо «почитание» или появление странного слова «проповедование» (с. 163) вместо традиционного «проповедь». Вормский рейхстаг 1521 г. почему-то назван «собором» (с. 105), а издание Священного Писания на нескольких языках обозначено как «Полиглотта Библии» (с. 65).

Впрочем, наиболее курьезными случаями выглядят «разговор между двумя христианскими девами о пользе и силе святого баптизма» (с. 75), где в оригинале явно имелось в виду Таинство Святого Крещения, а также фраза: «Но духовники, решившие жениться, по-прежнему участвовали — открыто или неявно — в дискуссиях о природе и функциях духовенства...» (с. 137). Очевидно, что в книге Хэлен Пэриш речь в этом месте шла не о «духовниках», т.е. духовных отцах, женившихся на девушках, с которыми они познакомились в исповедальне, а о лицах духовного звания.

Может сложиться впечатление, что перевод востребованного на фоне 500-летия Реформации издания, выпущенного немалым для нашего времени тиражом в 3000 экземпляров, делался второпях и без должной редактуры, пропустившей в том числе и дублирование названий гравюр «Сновидение Фридриха Мудрого» (с. 18) и «Разница между истинной религией Христа и ложной идолопоклоннической религией Антихриста» (с. 78) на английском языке. К редакторским упущениям относится и подбор литературы о Реформации на русском языке, по понятным причинам отсутствующий в оригинале публикации. Он составлен главным образом из дореволюционных изданий, монографий советского периода и небольшого количества переводов. В список, однако, не попало несколько важных работ разных периодов, включая «Титанов Возрождения» В.И. Рутенбурга (*Рутенбург* 1976), одна из глав которой посвящена Лютеру, или Р. Колба «Мартин Лютер: пророк, учитель, героическая личность» (*Колб* 2017). Не удостоены вниманием ни выпущенный философским факультетом СПбГУ и центром изучения средневековой культуры сборник «Реформация Мартина Лютера в горизонте европейской философии и культуры» (Реформация... 2013), ни коллективная монография, подготовленная к 500-летию Реформации в СПбИИ РАН (Европейская Реформация 2017). К сожалению, в подборку не попали и работы А.Д. Щеглова о церковных преобразованиях в Швеции (*Щеглов* 2017), что прибавляет ощущение ее неполноты.

Некоторые критические замечания могут быть, однако, адресованы

и автору книги. Так, упоминая большие юбилеи Реформации, она довольно подробно останавливается на торжествах 1617, 1717 и 1817 гг., обходя молчанием 1917 г., в который праздник пришелся на время Первой мировой войны и неизбежно приобрел военно-патриотический оттенок. Среди сочинений исторического и историософского характера в книге Х. Пэриш никак не упоминаются «Речи к немецкой нации» И. Г. Фихте, одна из которых — шестая — полностью посвящена теме Реформации, названной в ней «последним великим мировым деянием немецкого народа». Указание на важность передовицы журнала *Archiv für Reformationgeschichte* (*Архив истории Реформации*), опубликованной в 1938 г., для образа Реформации в массовом историческом сознании (с. 23) не сопровождается оценкой политического контекста, включавшего чехословацкий кризис, ставший прологом ко Второй мировой войне. Наконец, довольно подробно описывая Мюнстерскую коммуну (1534–1535 гг.) и преследование анабаптистов (с. 127–131), автор лишь в нескольких словах касается темы Великой крестьянской войны 1525 г.

Впечатление от книги в целом остается позитивным, несмотря на замечания, которые в первую очередь могут быть предъявлены переводчику и редактору. Концептуальная стройность, точность в изложении фактов, способность вести полемику, в том числе и с признанными авторитетами, и большое количество интересных наблюдений, например о том, что коллективные действия прихожан во время богослужения: вставание с мест, коленопреклонения и т. п. — служили

«профилактикой храпа на церковных скамьях» (с. 71), а общинное пение — не только способ передачи информации об основах веры, но и «форма передачи полномочий прихожанам, получившим в церкви право голоса» (с. 75) — все это привлечет читателя. Впрочем, последнему хочется пожелать осторожности в использовании встреченной им в переводе конфессиональной терминологии. Временами она весьма далека от той, что принята в российском лютеранстве, имеющем в нашем отечестве без малого четырехсотлетнюю историю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Европейская Реформация 2017 — Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России. СПб.: Нестор-История, 2017. 492 с. (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН; вып. 3 (19)).

Колб 2017 — Колб Р. Мартин Лютер: пророк, учитель и героическая личность. Образ реформатора 1520–1620. СПб.: Фонд «Лютеранское наследие», 2017. 272 с.

Реформация... 2013 — Реформация Мартина Лютера в горизонте европейской философии и культуры: Альманах / под ред. О. Э. Душина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 424 с. (Verbum. Вып. 15).

Рутенбург 1976 — Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 144 с., 4 л. ил. : ил.; 20 см. (Из истории мировой культуры).

Щеглов 2017 — Щеглов А. Д. Реформация в Швеции: события, деятели, документы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 384 с.

REFERENCES

Europeiskaia Reformatsiia i ee vozmozhnye analogi v Rossii. St. Petersburg: Nestor-I-

istoriia, 2017. 492 p. (Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN; vyp. 3 (19)).

Kolb R. *Martin Liuter: prorok, uchitel' i geroycheskaia lichnost'. Obraz reformatora 1520–1620*. St. Petersburg: Fond "Liutenskoe nasledie", 2017. 272 p.

Reformatsiia Martina Liutera v gorizonte evropeiskoi filosofii i kul'tury: Al'manakh, pod red. O.E. Dushina. St. Petersburg:

Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013. 424 p. (Verbum. Vyp. 15).

Rutenburg V.I. *Titany Vozrozhdeniia*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1976. 144 p., 4 l. il. : il.; 20 sm. (Iz istorii mirovoi kul'tury).

Shcheglov A.D. *Reformatsiia v Shvetsii: sobytiia, deiateli, dokumenty*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. 384 p.

М. В. Лескинен

Рец.: Федута А. И. Следы на снегу. Минск, 2018. 328 с. (Библиотека «Наш XIX век»)

Рецензируется книга видного белорусского исследователя, посвященная ряду ключевых проблем польской культуры XIX в.

Ключевые слова: Польша, польская культура XIX в., Адам Мицкевич, польско-русские отношения и культурные связи.

Сведения об авторе: Лескинен Мария Войттовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Контактная информация: marles70@mail.ru.

M. V. Leskinen

Rev.: Feduta A. I. Sledy na snegu. Minsk, 2018. 328 p. (Biblioteka "Nash XIX vek")

The book of a prominent Belarusian researcher, devoted to a number of key problems of the Polish culture of the 19th century, is reviewed.

Key words: Poland, 19th century Polish culture, Adam Mickiewicz, Polish-Russian relations and cultural ties.

About the author: Leskinen Maria V., Doctor of Historical Sciences, coordinating researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow).

Contact information: marles70@mail.ru.

Научные работы белорусского литературоведа, доктора гуманитарных наук по специальности «литературоведение» (степень получена в Ягеллонском университете в 2017 г.) А. И. Федуты хорошо известны российским филологам и культурологам — в частности, полонистам и исследователям пушкинской эпохи. Он давно и плодотворно занимается изучением биографий и взглядов польских деятелей культуры и национального движения в первой

половине XIX в., оказавшихся в России, и не всегда по своей воле. Книга «Следы на снегу» представляет собой сборник 24 авторских очерков, посвященных биографиям и творчеству поляков — как выдающихся (например, Адама Мицкевича, Марии Шимановской, Генрика Ржевусского, Эвы Фелинской), так и менее известных широкой российской публике. Сборник был издан к юбилеям — 195-летию следствия по делу филоматов и 220-летию со дня рож-

© М. В. Лескинен, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-268-271

дения Адама Мицкевича. Каждый очерк представляет собой законченное исследование, точнее, расследование одного или нескольких сюжетов-историй из жизни избранных автором исторических персонажей.

Многие из вошедших в издание статей публиковались ранее, но были значительно переработаны и дополнены. Жанр очерков точно определить трудно, т.к. А.И. Федуте удается органично соединить несоединимое — публикацию и комментарий к впервые издаваемым архивным документам с характеристикой художественного и исторического контекстов; биографическое, наполненное фактами и датами повествование о перипетиях судьбы неугодного или обласканного властями поляка в Российской империи представить в новеллическом жанре. В историко-культурном поле под пером Федуты персонажи, знакомые читателю по энциклопедически-лапидарным заметкам, обретают плоть и кровь и, главное — голос. При этом научный анализ вписывает их в эпоху, которую принято именовать пушкинской, — эпоху, в которой и «польский вопрос», и отношение к Польше и полякам, и личные контакты деятелей культуры занимали гораздо более значимое место, чем об этом принято было писать в российских учебниках и в XIX, и в XX, и в первой четверти XXI в.

Однако если для российского читателя, неискушенного в полонистической проблематике, польское происхождение отдельных персонажей является либо неоспоримым, либо, напротив, несущественным, то для А.И. Федуты их идентичность —

не только этническая, но и региональная, значима. Все они — выходцы из той части бывшей Речи Посполитой, которая именовалась Великим княжеством Литовским и которая в течение 30 лет не раз включалась в состав Российской империи.

Несмотря на то, что в центре внимания Федуты оказываются прежде всего обстоятельства биографий А. Мицкевича и Ф. Малевского, автор принципиально не ограничивается исключительно героическими персонажами — патриотами, пострадавшими за участие в восстаниях или причастными к процессу филоматов (такими как В. Будревич, Ю. Ежовский, Я. Янковский или Ф. Зан). Его интересуют и совсем другие, преуспевшие в российской служебной карьере деятели — Генрик Ржевуский (Г. Жевуский) и Осип Пржецлавский (Ю. Пшецлавский), очерки о которых помещены в раздел с красноречивым заголовком «Мои любимые жабы», а также менее известные люди, вклад которых в культуру и просвещение был значительнее, чем их формальный статус. Например, К. Сербинович, автор одного из первых прозаических переводов на русский язык фрагмента поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод». Или адъюнкт Виленского университета К. Контрым и помощник Е. Чарторыйского В. Анастасевич, переписку которых анализирует исследователь.

Мнение Г. Ржевуского о Ноябрьском восстании и его участниках, которое Федута реконструирует по обнаруженным в Архиве внешней политики России документам, дополняется совсем

другой характеристикой исторических и политических взглядов автора «Воспоминаний Соплицы» (1839), представленных в любопытном (резко отрицательном) отзыве цензора о рукописи писателя «Об отношении литературы к истории», публикация которой была в результате запрещена как «вредная». В другом, редком с точки зрения выбора источников очерке «“Не то беда, что ты поляк” (Два примера читательской рецепции)» проанализированы карандашные пометки внимательных читателей на полях двух книг (брошюры «Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса» (1874) (т.е. цензора О. Пржецлавского) и труда А. Л. Погодина о Мицкевиче (1912)). В нем подробно рассмотрены отмеченные в тексте фрагменты и комментарии к ним.

Очерк «“Бульварный роман”: жизнь и смерть Семена Малевского» — рассказ об обстоятельствах жизни и смерти племянника жены Адама Мицкевича, урожденной Шимановской, застреленного возлюбленной в Петербурге в 1861 г. И само убийство, и последовавший за ним судебный процесс произошли в духе плохих популярных романов того времени, а столичная газетная хроника позволила Федуте не только рассмотреть образ жизни и идеалы второго поколения поляков в столице, но и выявить истоки сюжетных и языковых штампов «бульварной» литературы.

Очерк «Приближение Бога... (Импровизация как случайность и закономерность)» посвящен такому известному благодаря пушкинской повести «Египетские ночи» и исчез-

нувшему в 1860-е гг. жанру, как публичная поэтическая импровизация, мастерством исполнения которой прославился и Адам Мицкевич. Автор рассматривает ее правила, каноны и формы, оценки и реакцию слушателей и соперников.

Ранее А. И. Федута писал о «литературном быте» эпохи. Не полемизируя с этим понятием, отметим лишь, что нынешние очерки не затрагивают данную проблематику напрямую, если не считать исследования такого важного для истории культурной антропологии аспекта, как функционирование определенной социокультурной группы, объединенной происхождением, образованием, общностью интересов, — она объединяет многих персонажей, упоминаемых в книге. Их нельзя назвать интеллектуальной, художественной или властной элитой; это и не узколитературная или чиновничья среда. Люди, о которых идет речь, — неопределенная с точки зрения четкой исторической стратификации группа, которую можно определить как «общий круг» — среда, члены которой были соединены сетью разнообразных связей и контактов. Сборник А. И. Федуты, как и другие его публикации, убедительно показывает многие аспекты функционирования культурной жизни дореформенного российского общества — на примере польско-русского взаимодействия разного уровня.

Эта книга позволяет как профессиональному историку и литературоведу — и полонисту, и русисту, так и читателю, неискушенному в перипетиях литературно-художественных и политических коллизий пер-

вой половины столетия, погрузиться в самые запутанные, но не выдуманные, а реальные интриги, хитросплетения судеб, совпадения жизненных и творческих линий, приоткрывая любопытные особенности работы ученого-исследователя. Ему недостаточно просто обнаружить письма, донесения, записки и мемуары (очень хорошо переведенные). Для их анализа и интерпретации нужны знания и эрудиция, опыт многолетних трудов. Квалификация и искренний интерес автора к своему предмету позволяют услышать голоса и интонации многих людей — разного социального происхождения, образования, положения в обществе, разных статусов и дарований. А.И. Федута направляет читателя, позволяя точнее интерпретировать и адекватнее трактовать впечатления от многочисленных текстов. Даже в кажущихся на первый взгляд скучных фрагментах деловой официальной переписки чиновников, прошениях, реляциях и ходатайствах содержится, как показывает автор, важнейшая информация. Не только расширяющая фактографию, но и по-новому освещающая историю коммуникативных практик эпохи. Собранные из такой мозаики мнения, поступки и действия в отношении десятков поляков создают очень яркую, но далекую от однозначности и непротиворечивости картину польско-российских связей и культурных стереотипов

в Российской империи. Выявляют они и различные стратегии в инонациональной среде — от физического выживания до взлета по карьерной лестнице, от согласия с образом и ролью несчастной жертвы до дерзко-настойчивого и энергичного протеста, неожиданно приводящего не только к преодолению такого статуса, но и обретению нового.

А.И. Федута — специалист в области исследования читательской аудитории, автор монографии «Кто б ни был ты, о мой читатель...». Проблема читателя в литературе пушкинской эпохи» (Минск: Лимариус, 2015). И в этой его книге, следует подчеркнуть, читатель играет очень важную роль. В сущности, она посвящена вдумчивому и внимательному Читателю: он — один из персонажей, медленно и тщательно, с карандашом в руках прочитывающий как переписку близких друзей, так и неприятные докладные записки, он — сам автор, дотошно и деликатно цитирующий страницы писем и газетных репортажей, он — незримо присутствующий в тексте восторженный почитатель Мицкевича и Шимановской, поклонник польской культуры. И, конечно, он — один из тех, кого заинтересует эта книга, с ним автор ведет открытый диалог, призывая разделить радость открытий и новых исторических фактов, и их небанальных интерпретаций, коих немало.

Э. Г. Задорожнюк

СЕРБИЯ: ПОЛУТОРАСТА ЛЕТ ИСТОРИИ И ОСОБЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Рец.: *Никифоров К. В.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX — начало XXI в. М.: Индрик, 2021. 280 с.

Рецензируется книга ведущего отечественного историка-югослави́ста, посвященная особенностям модернизации Сербии в конце XIX — начале XXI в., в том числе в рамках югославских проектов.

Ключевые слова: Сербия, королевская Югославия, титовская Югославия, модернизация, вестернизация, постъюгославское пространство, балканский вектор современной западной политики.

Сведения об авторе: Задорожнюк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, зав. отделом Института славяноведения РАН (Москва).

Контактная информация: elzador46@mail.ru.

E. G. Zadorozhnyuk

SERBIA: 150 YEARS OF HISTORY AND SPECIAL WAYS OF DEVELOPMENT

Rev.: *Nikiforov K. V.* Ot Serbii do Serbii. V poiskakh modernizatsii. Konets XIX — nachalo XXI v. Moscow: Indrik, 2021. 280 p.

The book of the leading Russian expert on Yugoslavian history is reviewed which touches the peculiarities of Serbia's modernization in the late 19th — early 21st centuries, including within the framework of Yugoslav projects.

Key words: Serbia, Royal Yugoslavia, Titoist Yugoslavia, modernization, Westernization, post-Yugoslavian space, Balkan vector of modern Western politics.

About the author: Zadorozhnyuk Ella G., Doctor of Historical Sciences, Head of the Department, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow).

Contact information: elzador46@mail.ru.

© Э. Г. Задорожнюк, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-272-280

История Сербии — предмет сложнейший не только для познания, но и для разностороннего оценивания, причем в ракурсе самых разных подходов. Новый труд ведущего отечественного ученого-слависта К. В. Никифорова — и об этом. Автору приходится показывать, сколь непростыми были решения сербских (и шире — югославских) политиков, пути их реализации, каким трагизмом наполнялись судьбы народа (народов) этой страны.

Название книги могло бы вызвать вопросы, если бы исследуемая К. В. Никифоровым история не была столь уникальной. Начальный ее рубеж — 1878 г., завершающий — год 2020-й; прошедшим в этом году парламентским выборам дана взвешенно-вдумчивая оценка как возможному переходу «от полупарламентской системы к однопартийной» (с. 263). В определенных временных интервалах в книге дается и история Сербии в составе двух Югославий: с 1918 по 1991 и с 1991 по 2006 г.

Итак, от Сербии до Сербии, от 1878 и до 2006 г., времени раздела с Черногорией и далее еще 15 лет. Нельзя забывать, что эта почти полутораветковая история наполнена событиями международного, а иногда и глобального значения. Нужно, к примеру, вспомнить: именно Сербия стала приютом для немалой части русской эмиграции. Что касается периода Второй мировой войны, то, по мнению некоторых аналитиков, именно непримиримая антифашистская позиция Сербии весной 1941 г. повлияла и на позицию Советского Союза в смысле готовности к войне с нацистской Германией. А если обра-

титься уже к послевоенной истории, сколько бы ни было сомнений и даже насмешек по поводу самоуправляемого югославского социализма, какие-то его элементы сохранились, более того, развиваются сегодня с опорой на сетевые структуры. Как бы ни критиковали титоизм, вряд ли стоит забывать, что именно Югославия, и в том числе сербская часть ее политической элиты, выступила инициатором авторитетнейшего Движения неприсоединения, контуры которого можно отыскать во внешней политике Сербии и сегодня.

Остается добавить: не следовало ли глубже осмыслить опыт этого Движения — своеобразной матрицы многополярного мира и оценить роль Югославии и Сербии именно в данном ракурсе? Углубленное прочтение книги настраивает и на эту мысль, а отмечаемый в ней многовекторный курс Сербии хотя бы отдаленно, но все же напоминает указанное Движение, которое принесло в свое время высокий авторитет титовской Югославии (положительно оцениваемый и самим автором во многих частях его труда).

В целом у автора прослеживается, можно сказать, бережное отношение и к стране, истории которой посвящена рецензируемая книга, и к ее народу, и к определенным ее лидерам. Вопреки некоторым тенденциозным измышлениям, имеющим хождение в литературе, он доказывает уникальность истории государства, опираясь по-своему на нравственную максиму, которая была изложена в поэме «Возмездие» А. Блока: «Меж волей царской и народной / они испытывали боль / нередко от обеих волей. /

Все это может показаться / смешным и устарелым нам. / Но, право, может только хам / над жизнью русской издеваться / Она всегда меж двух огней». (В свое время украинский политик и писатель В.К. Винниченко горестно констатировал, что историю Украины, самостийность которой он страстно защищал, а подлинную ее самостоятельность надо защищать и сегодня — нельзя читать без успокоительного брома. Нелегко спокойно излагать также историю Сербии и сербов, что как раз демонстрирует автор — при всем соблюдении стандартов академического исследования.)

Первая половина книги посвящена проблемам историографии. Есть основания предполагать, что автор сознательно избрал эту установку. Дело в том, что история Сербии изложена в фундаментальных трудах достаточно подробно, включая авторские труды К. Никифорова или же выходившие под его редакцией книги². И необходимо более глубоко именно историографически ее переосмысливать, избегая двух установок: выпренности, присущей одному ряду сербских историков, и самоуничужения — ряду другому (в какой-то мере это относится и к отечественным, и к зарубежным исследователям). Автор скрупулезно проанализировал эти две тенденции, в частности, приводя разные оценки удававшихся или не удававшихся попыток сербской модернизации. Ни один специалист по стране и региону не пройдет мимо входящих в данную часть глав, а для аспирантов и сту-

дентов они — прекрасный мастер-класс историографического анализа, еще раз мотивируя удачный выбор названия всего труда — «от Сербии до Сербии», поскольку именно при таком взгляде на национальную историю выявляются инвариантные особенности этой уникальной страны и ее народа.

Что касается первой установки, то Сербии приписывается миссия некой сакральной жертвы по спасению православия, социализма, славянской идентичности и др. — в чем-то похожая на комплекс жертвы у Польши. Что касается второй — некоторые сербские исторические деятели, да и сегодняшние политики, апеллируют к своему видению прошлого, порой выставляя себя приверженцами ценностей демократии святее спикеров британского парламента. Оценивая позиции носителей обеих названных установок, не обойтись без полемики.

О том, что Сербия — страна с предельно сложной историей, говорить не приходится, но история эта резко усложнялась в ходе трансформационных процессов. Надо сказать, что именно столкновение двух отмеченных «святостей», в частности, приводит к такому парадоксальному утверждению, выводимому из рассуждений писателя Д. Чосича: как и Россия, Сербия проиграла свой XX в. (с. 7).

Правомерен, как представляется, вопрос: к чему же сводятся эти проигрыши? Начнем с России. К Ок-

² (Никифоров 1995; 1999; 2005; 2012; 2015; Югославия в XX веке 2011; Между Москвой и Брюсселем 2016; Европа 2018; Очерки... 2020; Трансформационные революции... 2021; и мн. др.).

тябрьской революции? А не пользуемся ли мы до сих пор некоторыми ее плодами? К победе над нацистской Германией? Но ее плодами, бесспорно, пользуются многие народы мира. К выходу в космос? Но этим пользуется уже все человечество.

В чем-то похожие вопросы возникают и в отношении Сербии. Ведь именно она служила детонатором разрушений империй в ходе Первой мировой войны и последующего переустройства Европы, независимо от того, как оценивать сегодня эти процессы. Как раз именно Сербия, в отличие от ориентированных только на Запад Хорватии и Словении, однозначно не приняла нацизм. Впрочем, и Движение неприсоединения — тот феномен общемирового значения, который оправдывает в самом широком смысле сербскую историю именно как «выигранную».

Надо сказать, что не только данный парадокс, выводимый из рецепции работ сербских авторов, ориентирует на полемику. Поводом к ней является и вся книга, в чем можно видеть ее несомненное достоинство.

Историография по матрице К. В. Никифорова побуждает постоянно размышлять о современных государствах — бывших республиках Югославии и особенно о Сербии, единственной понесшей территориальные потери. Ибо забывать о непростой истории народа, поставившего неожиданно мощную преграду давлению нацистской Германии, нельзя. Особенно в год 80-летия ее нападения на СССР. Однако и ряд других событий сербского прошлого ярко отсвечивают в событиях теку-

щей ее истории. Вспомним не прекращающиеся насильственные смерти сербских лидеров высокого ранга, причем самой различной политической направленности.

В их числе З. Джинджич (1952–2003), резко повернувший руль истории страны в направлении Запада; этот классический политик-возмутитель создал оппозиционные структуры и на поднятой ими волне занял высокие посты. Так, в 1996 г. он стал мэром Белграда, а в 2001 г. его карьера достигла высшего пика, но 12 марта 2003 г. его застрелили, что явилось неожиданным (а для кого-то, может быть, и ожидаемым) итогом управляемого хаоса. Медленная, но не менее ужасная смерть настигла в тюрьме С. Милошевича, который так и не признал вердикта Гаагского трибунала. Можно вспомнить и другие трагические события подобного рода.

Но вот что примечательно: многие мотивы и следствия этих трагедий выводятся автором из мартиролога сербских политических деятелей конца XIX в. Автор проницательно замечает, что Джинджича убили ровно через 100 лет после убийства сербского короля Александра Обреновича и его супруги (с. 259). И между этими годами Карагеоргиевичи уничтожали Обреновичей, а Обреновичи — Карагеоргиевичей. Вот и получается, что в свете всей сербской истории многие неожиданности можно считать вполне ожидаемыми.

В книге произведено тщательное анатомирование феномена так называемой бульдозерной революции, которая, по обоснованному утверждению

автора, завершила революционные процессы в Сербии, начавшиеся еще в конце 1980-х гг. (закончила одни, чтобы начать другие). Она проходила в основном в Белграде и получила свое наименование, поскольку при штурме здания телевидения использовали бульдозер. Автор, как нам кажется, небезосновательно проводит мысль о том, что как раз эта революция, образно говоря, зачистила площадку для посадки разного рода «цветов», «семена» которых проросли в других странах Европы и всего мира.

Этот процесс проращивания купируется по-разному. Еще в одной не столь отдаленной славянской Чехии они были и прошли. Даже две демонстрации в июле и ноябре 2019 г. с более чем 250 тыс. участников так и не поколебали позиции тандема (президент М. Земан и премьер-министр А. Бабиш). Правда, хотя и прошли, но еще не окончательно, о чем свидетельствуют события последних месяцев: явно русофобские акции второго так и не спасли его от новых нападков, а первый очередной раз подводится под угрозу импичмента всего лишь за попытку более тщательного расследования инцидента почти 7-летней давности — взрыва на складе боеприпасов. Во Франции перманентное противостояние «желтых жилетов» и правительства продолжается длительное время без определенного видимого исхода (если не считать недавней пощечины президенту солидной страны). Совершенно неожиданно эти «семена» вдруг проросли в США в связи с предвыборными баталиями республиканцев и демократов. Скончавшийся в 2018 г. Дж. Шарп вряд ли ожидал, что его методички, а точ-

нее — дадзыбао — пригодятся и американцам. Заметим, что выстраивавшие такую конструкцию для «дикой Сербии» американские политики сами столкнулись с ее наличием у себя. И узнали, какова цена управляемого хаоса — по русской пословице: как аукнется, так и откликнется...

Чем в этом плане важна и ценна рецензируемая книга? Тем, что автор проследил процесс возникновения вышеупомянутого явления с учетом того метода, который условно можно назвать чистым экспериментом. Он сводится к тому, что то или иное изменение проводится любой ценой без учета предшествующих обстоятельств и наступающих последствий, а точнее, при их игнорировании; вмешательства же внешних сил осуществляются, как говорится, вчистую.

Особо примечательно отслеживание Никифоровым траекторий уступок в ходе указанных экспериментов. На какие бы компромиссы власти Сербии не шли во имя «возвращения в Европу», реальной помощи стране оказывалось мало, а сербская государственность меж тем все больше и больше сжималась. Не удалось наладить полноправных отношений с Республикой Сербской, отпало Косово, произошло расхождение Сербии и Черногории. Неужели осталось ждать своеобразного ирредентизма Воеводины? И когда автор пишет, что «трансформация в Сербии до конца не завершена» (с. 218), его тревогу нельзя не разделять.

Еще один «чистый» эксперимент — линия на удушающее вытеснение лидеров национально ориентированных государств — тоже доста-

точно четко проведен в Югославии/Сербии. Разве не чистый эксперимент — перекачка энергии поддержки со стороны Запада полковому командиру Х. Тачи, ставшему видным (причем своими преступными деяниями) политиком за счет стигматизации и даже сатанизации С. Милошевича? Итог — четверть миллиона сербов из Косовского края, которых был вынужден принять называемый преступником Милошевич (по приведенным в книге данным, семи-миллионная Сербия приняла 830 тыс. беженцев, в том числе из Косово — 236 тыс. (с. 198–199)). Стоит ли удивляться, что ее народ от этого отнюдь не богатеет, о чем не без злорадства напоминают и некоторые западные аналитики и даже вроде бы неэмоциональные статистики...

Ход событий при осуществлении указанного эксперимента резко ускорился под несанкционированным ООН воздействием Запада и, в частности, сил военно-политического блока НАТО. Бомбардировки весной 1999 г., поражение Милошевича на выборах 2000 г., «бульдозерная революция» и его арест 1 апреля 2001 г. — с последующей выдачей Гаагскому трибуналу (с. 195–196). Вряд ли стоит выделять итоги данного «чистого» эксперимента — они были видны невооруженным глазом с начала его проведения. Но стоит напомнить, что лишь в 2017 г. Х. Тачи подвергся обвинениям все того же Гаагского трибунала и только в начале ноября 2020 г. его взяли под стражу. Остается добавить: нет-нет да звучат голоса, что длящийся и до сегодняшнего времени процесс над ним трактуется как «ловушка» со стороны России и Сербии...

В целом Сербия репрезентуется как своеобразная лаборатория упомянутых и других «чистых» экспериментов, прослеживаемых в книге. Поэтому, по убеждению автора, и возможности маневра на внутри- и внешнеполитических направлениях весьма ограничены. Особенно связанных с такими факторами, как стремление Сербии любой ценой войти в ЕС (игнорируя такие феномены, как уже состоявшийся брэкзит и время от времени возникающие другие «экзиты»). Но когда такие квазиэволюционные ступеньки вниз являются безальтернативными, возникают революции с потрясениями, правомерно заключает автор.

Проводя исторические параллели, автор вспоминает тот отпор, который давала в первую очередь сербская элита в составе Югославий трем процессам фальшмодернизации — под знаками фашизации, советизации и натоизации страны (с. 133). Навязываемые модернизационные проекты считались их носителями «лучшими», они находили изоцированную (иногда до причудливости) поддержку у многих политических деятелей других республик Югославии, но, как утверждает, приводя доказательства, автор, ее сербское население и репрезентующие его политические акторы довольно активно им сопротивлялись. Выдвинув весной 1941 г. лозунг «Лучше война, чем пакт» и заполучив в ответ оккупацию Сербии; не приняв советского варианта модернизации и проработав свой собственный, не во всем удавшийся проект с опорой на самоуправление; наконец, выступив против вмешательства НАТО в дела Югославии.

«Особость» любого пути каждой страны — вопрос чрезвычайно серьезный. Перипетии его обсуждения в главах о трансформационной революции «по-сербски» и о постсоциалистических ее преобразованиях освещены, можно сказать, с пристрастной корректностью. Данную оценочную формулу нельзя воспринимать всего лишь как оксюморон: если использовать разделение известного отечественного мыслителя XIX в. Н. К. Михайловского в отношении «правды-истины» и «правды-справедливости», то они применимы и к титовской Югославии, и к постсоциалистической Сербии. Об этом пути споры ведутся и сегодня, автор книги — их активный участник, по-своему трактуя феномен «югославской привлекательности для внешнего мира» (с. 123) — со столь трагическим ее последствием, особенно для Сербии.

Крайне интересны в книге, можно сказать, абрисы политических портретов сербских лидеров, в первую очередь уже ушедших из жизни (С. Милошевич, З. Джинджич), а также М. Йовановича, В. Коштуницы и нынешнего лидера А. Вучича. Если посмотреть в этом ракурсе книгу через призму именного указателя, многое можно уяснить в общем типе политического лидера страны в целом.

Мы все же рассмотрим портрет лидера черногорского — несменяемого уже более 30 лет — М. Джукановича, можно сказать, идеального проевропейца. Премьер-министр (1991–1998), президент (1998–2002), снова премьер-министр (2003–2006, 2008–2010, 2012–2018) и снова президент (с 2018) — непотопляемый

политик, стремящийся утопить российско-черногорские отношения. К. В. Никифоров метко характеризует его политику как отход не только от плюрализма, но и от «полупартийности» (с. 266, 268). И все это осуществляется через игнорирование воли большей части народа. Хорошая проекция для возможного лидера «супердемократической» Сербии. Этаким диктатором, но при этом облагороженным, ибо активно работал в западных интересах, вот и свою страну ввел в НАТО в 2017 г. Автор считает позитивом, что такие политики не доминируют, по крайней мере на длительные сроки, в Сербии, и с этим хочется согласиться.

Распад Югославии, в конечном итоге которого «счастливо» образовалась самостоятельная Сербия, 10 лет сопровождался войнами, ход которых детально изложен в книге. Это 10-дневные столкновения в Словении в июле 1991 г., гражданские войны в Хорватии (1991–1995), в Боснии и Герцеговине (1992–1995), 78 дней агрессии НАТО против Сербии в 1999 г., столкновения с албанскими сепаратистами в Прешовской долине Сербии (1999–2001) и Македонии (январь — август 2001). Не упомянутой можно считать Черногорию, но и ее бомбили войска НАТО в 1999 г. Первая фаза горячих столкновений проходила в основном по границам этносов, но трансформационные революции наблюдались уже внутри стран — и первая из них прошла в октябре 2000 г. в Белграде.

Эта революция манифестировала для Сербии безальтернативность вхождения в ЕС, и она длится перманентно. Парадокс в том, что для

такого вхождения необходимо как раз эволюционное развитие. Но эволюция по-западному оборачивается потерей территорий (Косово), депопуляцией, даже несмотря на то, что в страну прибывали сотни тысяч сербов из других регионов бывшей Югославии, приводила к экономическим санкциям. «Путь в Европу» оказывается тернистым и предельно узким. «Ограниченность маневра, — пишет автор, — связана и с желанием сербского руководства во что бы то ни стало, любыми путями вступить в Европейский союз. Тем самым маневра у него тем более не остается. Однако при невозможности нормального эволюционного развития всегда резко увеличивается шанс революционных потрясений» (с. 170).

И 27–29 октября 2006 г. на всенародном референдуме была принята первая Конституция Сербии, уже только Сербии. В этом же году в Гагской тюрьме умер С. Милошевич. Казалось бы, победа демократии безвозвратна. Но начинается борьба уже между демократами, и поначалу «широкая демократическая коалиция» (с. 201), сформированная по итогам выборов января 2001 г., — прямо или косвенно, гласно или негласно, эволюционно или революционно — сжимается. Одни за другими шли внеочередные выборы, менялись премьеры и лидеры партий — пока на лидирующие позиции не вышла в 2016 г. Сербская прогрессивная партия, возглавляемая нынешним лидером страны А. Вучичем. Он сохранил пост премьер-министра, а по результатам выборов 2017 г. стал президентом страны.

Июньские выборы 2020 г. привели к тому, что партия А. Вучича завое-

вала 188 мест из 250 (с. 215). Но уже 7 июля в Белграде произошли столкновения демонстрантов с полицией. Хорошо, правда, что протесты в Белграде не достигают уровня цунами или даже бури. Все же прогноз автора по результатам и этих — очередных — выборов мало утешителен, несмотря на краткосрочные успехи партии власти.

В чем их причина? По оценке автора, в том, что система управления страной — полупрезидентская (с. 230); в ней же многопартийность сводится к полупартийности, а в дальнейшем может свестись к однопартийной гегемонии (с. 231). И вот итоговая констатация: «Выборы есть, а реальная демократия отсутствует» (с. 232).

В заключение нужно еще раз подчеркнуть, что «особостью пути» характеризуется и вся история Сербии рассматриваемого периода. Автору удалось показать и даже доказать, что без учета всех изгибов и переломов в ее судьбе уяснить место этой страны на Балканах, в Европе и мире невозможно. И особо затруднительно оценить ее роль в процессах так и не заканчивающихся восточноевропейских трансформаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Европа 2018 — Европа. Евразия. XXI век начинается / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2018.

Между Москвой и Брюсселем 2016 — Между Москвой и Брюсселем. М., 2016.

Никифоров 1995 — Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в.: (начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995 (переведена на сербский язык).

Никифоров 1999 — Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999 (переведена на сербский язык).

Никифоров 2005 — Никифоров К.В. Самопровозглашенные государства на территории бывшей Югославии. М., 2005.

Никифоров 2012 — Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012 (переведена на сербской язык).

Никифоров 2015 — Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015 (переведена на сербский язык).

Очерки... 2020 — Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2020 (Серия: Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 1).

Трансформационные революции... 2021 — Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1989–2019 гг. 30 лет спустя / отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2021 (Серия: Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 2).

Югославия в XX веке 2011 — Югославия в XX веке: Очерк политической истории. М., 2011.

REFERENCES

Evropa. Evraziia. XXI vek nachinaetsia, отв. ред. К.В. Nikiforov. Moscow, 2018.

Iugoslaviia v XX veke: Ocherk politicheskoi istorii. Moscow, 2011.

Mezhdu Moskvoi i Briusselem. Moscow, 2016.

Nikiforov K. V. "Nachertanie' Ilii Garashanina i vnesniaia politika Serbii v 1842–1853 gg. Moscow, 2015.

Nikiforov K. V. *Mezhdu Kremlem i Respublikoi Serbskoi. (Bosniiskii krizis: zavershaiushchii etap)*. Moscow, 1999.

Nikiforov K. V. *Samoprovozglashennye gosudarstva na territorii byvshei Iugoslavii*. Moscow, 2005.

Nikiforov K. V. *Serbiia na Balkanakh. XX vek*. Moscow, 2012.

Nikiforov K. V. *Serbiia v seredine XIX v.: (nachalo deiatel'nosti po ob'edineniiu serbskikh zemel')*. Moscow, 1995.

Ocherki politicheskoi istorii stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. Konets XX — nachalo XXI v., отв. ред. К.В. Nikiforov. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2020 (Serii: Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa v XX–XXI vv.: issledovaniia i dokumenty. Vyp. 1).

Transformatsionnye revoliutsii v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. 1989–2019 gg. 30 let spustia, отв. ред. К.В. Nikiforov. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2021 (Serii: Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa v XX–XXI vv.: issledovaniia i dokumenty. Vyp. 2).

А. Д. Медведев

ПАМЯТЬ О КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМЕ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ФРАНС-СУАР» (1944–1948 гг.)

Представлен контент-анализ и дискурс-анализ материалов номеров французской ежедневной газеты «Франс-суар», выходявших с 1944 по 1948 г., в период активного роста тиражей издания и создания властями голлистского мифа о Сопротивлении. Основанная усилиями борцов Сопротивления, газета представляет собой уникальный пример реконструкции военного прошлого, достигаемой с помощью данных, взятых из настоящего. Исследование, представленное в статье, определяет вклад «Франс-суар» в формирование представлений французской нации о коллаборационистах Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, режим Виши, коллаборационизм, культурная память, Сопротивление, Франс-суар.

Сведения об авторе: Медведев Алексей Дмитриевич, аспирант кафедры истории и международных отношений ВолГУ (Волгоград), ассистент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения ВГСПУ (Волгоград).

Контактная информация: madasein@gmail.com.

A. D. Medvedev

THE MEMORY OF COLLABORATIONISM ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER "FRANCE-SOIR"
(1944–1948)

The content analysis and discourse analysis of the materials of the issues of the French daily newspaper "France-Soir" are presented, published from 1944 to 1948, during the period of active growth of circulation of the publication and the creation of the Gaullist myth of the Resistance by the authorities. Founded by the efforts of the Resistance fighters, the newspaper is a unique example of the reconstruction of the military past, achieved with the help of data taken from the present. The research presented in the article identifies the contribution of France-Soir to the formation of the French nation's perception of World War II collaborators.

Key words: World War II, Vichy regime, collaboration, cultural memory, Resistance, France-soir.

About the author: Medvedev Alexei D., graduate student of the Department of History and International Relations of Volgograd State University (Volgograd), assistant of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies of Volgograd State Pedagogical University (Volgograd).

Contact information: madasein@gmail.com.

В контексте исследования культурной памяти газета «Франс-суар» однажды уже становилась объектом изучения. Так, специалист в области СМИ С. Кит анализировала опубликованные во французских газетах, в том числе France-Soir, фотографии, посвященные освобождению Парижа, чтобы проследить, как коллективная память отображается в привязанной к юбилеям журналистике, освещающей тему войны. В своей статье С. Кит утверждает, что коллективная память об освобождении на протяжении шестидесяти лет благодаря СМИ строится на представлениях о Франции как о сообществе героических освободителей и вытесняет визуальную информацию о немцах и французских коллаборационистах, а также о роли американских союзников (*Keith 2010: 134–146*).

Дж. А. Эди, исследователь опосредствованной памяти, в своей статье доказывает, что каждое использование прошлого имеет важные последствия для коллективной памяти. Однако будничное повествование, типичное для новостных репортажей, может не подтолкнуть читателей к оспариванию значения прошлого. Дж. А. Эди полагает, что в ходе споров о прошлом и создается конструкция социальной памяти. И журналистика может стать местом споров, когда «гегемоническое» (по его определению) понимание прошлого еще не сформировано. Только памятные даты — и здесь точки зрения С. Кит и Дж. А. Эди

явно сходятся — способны предоставить дискурсивное пространство для осмысления прошлого, поскольку обычно журналисты не заботятся о построении и поддержании коллективной памяти (*Edy 1999: 71–85*).

Согласно исследователю публичной истории Дж. де Гру, это можно объяснить тем, что вокруг одного события накапливается множество гибридных дискурсов, и при припоминании события средствами массовой информации оно неизбежно претерпевает метаморфозу — из исторического факта превращаясь в товар (*De Groot 2009: 13*). Эта идея находит некоторую поддержку и в работе классика исследований памяти А. Ассман, которая, говоря о кризисе связи времен, утверждает: «...прошлое и будущее есть ныне нечто, фабрикуемое в настоящем и на потребу настоящему» (*Ассман 2017: 215*).

Поэтому, как утверждает историк медиа-культуры М. Зирольд, изучение влияния журналистики на формирование коллективной памяти требует институционального подхода. Согласно данному подходу, который и будет применен в настоящей статье, требуется определить роль институтов власти в создании медийной продукции, тем самым обозначив того, кто имеет «право на память» (*Zierold 2012: 341*).

Определение источника социального заказа, исполнение которого ожида-

ется от такого, по выражению специалистов медийных технологий А. Эрл и Э. Ригни, диахронного измерения культурной памяти, как медиация (Erll, Rigney 2009: 2), является одной из первостепенных задач изучения социальной памяти. Ведь «медиа-памяти», согласно ученому Э. Ландсбергу, способны порождать «эмпатию и социальную ответственность» (Landsberg 2004: 21). То есть газетная журналистика имеет возможность напрямую воздействовать на общество как носитель общественной этики.

Следовательно, такая технология коммуникации, как газета, — особенно массовая и таблоидная, типа «Франс-суар» 1944–1948 гг., — согласно Д. Гарде-Хансену, занимает ведущую роль в формировании индивидуальной и коллективной памяти (Garde-Hansen 2011: 54–60).

Цель данной статьи — исследовать особенности использования ретроспективной и проспективной памяти газетой «Франс-суар» в 1944–1948 гг. при формировании коллективных представлений французских граждан о коллаборационизме.

Следовательно, необходимо выполнить три основные задачи.

Первая задача состоит в том, чтобы показать исторические условия создания, легализации и функционирования «Франс-суар».

Вторая задача заключается в определении целевой аудитории, специфичности выразительных средств и изменений содержания газеты, ее положения относительно других конкурирующих изданий и потенци-

альной эффективности транслируемого контента о коллаборационизме.

Третья задача — используя в качестве объекта исследования выпуски «Франс-суар», выявить взаимосвязь деятельности публичной власти и редакционной политики газеты.

Поставленные задачи полностью соответствуют цели исследования, поскольку понимание всякой культурной памяти, согласно концепции исследователя медиа-памяти Лоры Басу (Basu 2013) и, соответственно, Мишеля Фуко, требует учета стратегии силовых отношений, поддерживающих знания о прошлом и поддерживаемых этими знаниями, а также анализа «сказанного и несказанного» по поводу совместного прошлого и общего будущего (Фуко 1996: 175–191), т. е. решения трех вопросов диспозитива памяти — темпоральности («когда»), медиации («как») и политики («кто»).

Соответственно, в ходе исследования необходимо использовать метод контент-анализа и метод дискурс-анализа.

Выбор хронологических рамок исследования (1944–1948 гг.) обусловлен главным образом тремя факторами.

Во-первых, в данный послевоенный период формируется голлистский миф о Соппротивлении.

Во-вторых, начатые в 1944 г. стихийные и организованные чистки коллаборационистов сменяются процессами реабилитации и амнистии в 1948 г., когда Шарль де Голль публично отдает честь Петену как герою Первой

мировой, «великому лидеру Великой войны» (*Discours prononcé... б/г*).

В-третьих, именно за эти четыре года, по данным историка СМИ Патрика Эвено, ежедневная газета «Франс-суар» обретает популярность, увеличивая тираж с 265 000 до 630 000 экземпляров (*Eveno 2006*), что позволяет ей стать одним из самых востребованных среди французских читателей новостных источников и, следовательно, увеличить собственное влияние на целевую аудиторию при формировании повестки дня.

Значимость количественного и качественного анализа выпусков ежедневной газеты «Франс-суар» периода 1944–1948 гг. в контексте изучения культурной памяти о коллаборационизме и сопротивлении во Франции заключается в том, что именно повестка дня, задаваемая ведущими СМИ (коим, несомненно, являлась «Франс-суар»), как утверждает исследователь проспективной памяти К. Тененбойм-Вайнблатт, воплощает в себе ориентацию на будущее, где и будут сформированы коллективные представления об общем прошлом (*Tenenboim-Weinblatt 2011: 215*). В свою очередь, эти представления непрерывно конструируют национальную идентичность и определяют дальнейшее развитие конкретного общества в целом.

Для выполнения поставленных задач сначала обратимся к историческим условиям создания, легализации и функционирования «Франс-суар».

25 августа 1944 г. Шарль де Голль прибыл на вокзал Монпарнас, где его встретил командующий французски-

ми войсками Леклерк и передал ему акт о капитуляции фон Хольтица, в котором немецкий генерал приказал «командирам опорных пунктов прекратить огонь и поднять белый флаг» (25 août 1944 б/г). Затем де Голль направился к ратуше, чтобы объявить Францию «освобожденной своим народом с помощью армии Франции, при поддержке и помощи всей Франции, которая сражается» (*Ina.fr 1944*). В этой речи генерал высказал первые оценки участия граждан в войне, разделив общество на большинство, коими являются отважные «сыновья и дочери» нации, и на меньшинство, состоящее из «нескольких несчастных предателей, которые сдались врагу и сдали ему других, и которые знают и будут знать строгость законов» (*L'ennemi... 1944: 1*). По сути, акт капитуляции и пламенная речь лидера Сопротивления знаменуют собой последний этап борьбы с оккупантами и коллаборационистскими силами.

Сразу после восстановления республиканской власти Шарль де Голль и другие французские политики, а также французское общество, делали попытки выхода за рамки памяти о сотрудничестве. Акцент на Сопротивлении и его роли в войне был главным средством для этого: отмечались моральный авторитет Франции, героизм перед лицом оккупации и присущая Франции демократическая система как нечто противопоставленное фашистским коллаборационистским ценностям. Однако, как утверждает историк Анри Мишель, частью вооруженного подпольного движения было лишь меньшинство населения Франции, в рядах которого к тому же иногда «возникали острые конфликты» (*Michel 1950: 5–6*).

Де Голль и его консервативное политическое движение в 1944 г. приняли противоположную концепцию. Осенью 1944 г. был спонтанно сформирован Комитет по истории освобождения Парижа и его региона, состоящий из ученых, архивистов и библиотекарей (*Chabord* 1982: 5–19). Через год первый комитет будет объединен с Комиссией по истории оккупации и освобождения Франции, созданной 22 ноября 1944 г. указом Министерства национального образования. В него будут включены историки, архивисты и борцы сопротивления. В 1946 году будет организован Комитет по истории войны, который выдвинет на передний план историю Франции военного времени, подчеркивая как роль союзников, так и роль движения Сопротивления в освобождении страны (*La politique...* 2009: 171–182). Таким образом, сразу после окончания войны во Франции формируется правовая база, которая послужит опорой голлистского мифа о Сопротивлении.

В своем диссертационном исследовании философ Одри Маллет доказывает, что миф о Сопротивлении насаждался властями, в частности, «в ответ на опасение городов по поводу стигматизации и остракизма» (*Mallet* 2016: 3). Следом историк Дэвид Мессенджер справедливо утверждает, что Франция летом 1944 г. стояла на пороге гражданской войны между коллаборационистами и сопротивленцами (*Messenger* 2020: 124). В той атмосфере насильственное пострижение женщин во время освобождения являлось общим феноменом для всей Франции. Он, этот феномен, имел место быть в нескольких коммунах, городах и деревнях Алье (Ган-

на, Монлюсон, Изер, Трето, Тронсе, Домпьер-сюр-Бобр). Таким образом пятнадцать-двадцать женщин были заклеены в Виши и Кюссе при освобождении (*Fabre* 1944).

Иными словами, организованные чистки, ставшие возможными благодаря ликвидации режима Виши и установлению власти сопротивленческих сил в лице де Голля, создали условия для интенсивной реализации исторической политики, которая создавала и пропагандировала образ французских граждан, в большинстве своем преданных идеям Освобождения. Данный концепт был призван сформировать однородные представления французов о единстве нации в военные годы.

Немаловажно отметить также и тот факт, что одной из причин интенсивной реализации данных дискурс-практик стали последствия насущных проблем, с которыми столкнулось французское население в послевоенное время. Так, восстановление курортной индустрии в конце 1940-х гг. в Виши привело к тому, что местная элита выбрала молчание и забвение о коллаборационизме и сопротивленческом прошлом как наиболее выгодную для развития туристического региона стратегию (*Mallet* 2016: 217–218). Чтобы противостоять данной тенденции забывания, французская власть использовала, в частности, правовые механизмы контроля за деятельностью средств массовой информации.

Так, закон от 30 сентября 1944 г. о временном регулировании периодической печати на освобожденной территории за подписью Ш. де

Голля запрещал газетам и периодическим изданиям, которые с 19 июня 1940 г. содействовали врагу или властям, де-факто называвшим себя Французским правительством (т.е. режиму Виши), продолжать свою деятельность. Остальные печатные издания должны были удовлетворять многочисленным условиям, установленным министром информации Пьером-Анри Теженом. Главное предназначение данных условий, прописанных в статьях вышеуказанного закона, заключалось в идеологической санации существующих журналистских и литературных объединений (*Ordonnance... б/г: 851–852*).

В итоге, по подсчетам историка СМИ Франции Патриса Эвено, 188 из 206 ежедневных газет, выпускаемых до 1939 г., были запрещены. Собственность закрытых издательских компаний передавалась новым газетам, издаваемым участниками Сопротивления и легальными политическими партиями. И к 1945 г. во Франции выходило уже 179 ежедневных газет, разрешенных в результате тщательного отбора (*Eveno 2008*). Среди популярных газет, получивших право продолжать свою деятельность, были «Франс-суар» и «Паризьен либере» (*Daville 1978*). Данные издания, по утверждению исследователя эволюции массовой газеты во Франции М. В. Захаровой, «продолжали славные традиции своих предшественниц, не получивших разрешение на выход» (*Захарова 2013*). И если остальные газеты пострадали от потери такого важного преимущества массовой газеты, как низкая цена, то, в частности, «Франс-суар» обладал надежным капиталом (Там же).

Наряду с *France-Soir* в послевоенной Франции (конкретно — в рассматриваемый нами период) издавались, помимо вышеупомянутой *Le Parisien libéré* (выпускает новости с 1944 г.), такие газеты сопротивленческого толка, как *L'Aurore* (выпускалась с 1943 по 1985 г.) (*L'Aurore... б/г*), *Combat* (1941–1974 гг.) (*Combat 1941*) и *Franc-Tireur* (1944–1957 гг.) (*Le Franc-tireur б/г*). Средний тираж «Комбата» (не более 150 000 экз.) и «Фран-тирер» (370 000 экз.) к 1948 г. в совокупности составлял около 520 000 экземпляров. «Опор» среди них являлся наиболее массовым изданием — по подсчетам историков французской прессы, в данный период тираж газеты составлял 400 000 экземпляров (*Histoire générale... б/г: 267*). Однако газета «Франс-суар» имела больше возможностей, чем другие «*journal de la résistance*», диктовать повестку дня по поводу событий военных лет. Согласно органу межпрофессионального взаимодействия *L'Écho de la presse et de la publicité* («Эхо прессы и рекламы»), 14 июля 1948 г. «Франс-суар» реализовала 641 000 экземпляров, за что была названа самой продаваемой газетой во Франции. То есть газета «Франс-суар» являлась одним из самых популярных СМИ в стране, поскольку, например, по подсчетам исследователей телевидения 1945–1974 гг. Э. Коэн и М-Ф. Леви, в 1949 г. телевидение было доступно небольшому числу французов — всего 297 семей имели телевизоры (*Cohen, Lévy 2007: 8*).

Таким образом, «Франс-суар» представляет исследовательский интерес в контексте изучения культурной памяти о режиме Виши, поскольку

в изучаемый период (1944–1948 гг.) эта газета имела финансовую базу, позволяющую стабильно выпускать номера относительно крупными тиражами; она имела право заниматься журналистской деятельностью, данное государством из идеологических соображений; и имела в числе редакторов и журналистов приверженцев голлистской идеи о Соппротивлении. Перечисленные факторы особенно подчеркивают мотивы и цели газеты голлистского толка.

С помощью автоматизированной обработки Национальной библиотекой Франции было оцифровано и выложено в открытый доступ на сайте библиотеки (gallica.bnf.fr) 1245 выпусков газеты «Франс-суар» за период 1944–1948 гг. В них нами было выявлено 514 упоминаний режима Виши и 263 упоминания лидера режима — Филиппа Петена. Чаще всего о временном правительстве и маршале редакция упоминала в 1945 г. (149 и 124 упоминаний соответственно) и 1946 г. (133 и 44 соответственно).

Однако в данной статье предметом исследования являются номера газеты, в которых прямо упоминаются такое явление войны, как «коллаборационизм» и сотрудничавшие с нацистами лица, названные «коллаборационистами» или «коллаборантами». Всего за изучаемый период данные понятия фигурировали только в восьми номерах газеты. Причем ни в одном из этих номеров не упоминались вишистское государство и Ф. Петен.

Отметим лишь то, что прямое высказывание о сотрудничестве граждан с оккупантами является приоритет-

ным в исследовании обозначенной проблемы, поскольку данный вид высказываний, в отличие от косвенных, — перефразируем Дж. Р. Серля, — преследует явное выражение действительной цели, минимизируя интерпретации при их восприятии (Серл 1986: 195–222).

В выпуске от 5 декабря 1944 г. в рубрике «По всему миру», где редакция лаконично, в нескольких предложениях сообщала о международных политических новостях, упоминается эмиграция министра Бельгии Анри де Мана в Швейцарию (A travers... 1944). Историк бельгийского социализма Н. Наив назвал А. де Мана «могильщиком партии», который «открыто восхвалял быструю победу Германии» (*Naïf* 6/г). Речь идет о манифесте 28 июня 1940 г., где А. де Ман как председатель Бельгийской рабочей партии заявил, что после прихода немецкой армии миссия партии закончилась.

Журналисты «Франс-суар», вероятно, подразумевая данный факт биографии А. де Мана, иронично называли его министром «по делам коллаборационизма» (A travers... 1944). Безусловно, ирония как индизонисательная форма в данном случае используется с целью выражения газетой своей субъективной оценки деятельности министра в военный период.

Примечателен тот факт, что остальные две новости, расположенные до и после упоминания о пособнике нацистов, даны без каких-либо исторических коннотаций, цитируем их в фактическом порядке: «Югославские лидеры в Белграде и Лондоне

заявляют о своем согласии претендовать на остров Триест. <...>. Господин Герсти назначен министром иностранных дел Швейцарии» (Ibid.).

Таким образом, в редакционной политике «Франс-суар» мы можем выделить две потенциальные тенденции — во-первых, журналисты «Вечерней Франции», стилистически сопоставляя новости о коллаборационизме с новостями о других политических явлениях, открыто выражают свое негативное отношение к лицам, сотрудничающим с оккупантами; во-вторых, «Франс-суар» в данном выпуске осуществляет стигматизацию, беспощадно и без аргументов в обличительной форме увязывая образ предателя и врага народа с именем публичного лица.

Подтверждение реальности данных тенденций можно найти в сравнении с другим сообщением о международных событиях от 11 декабря 1947 г., где рассказывается о «Невезучем короле» Бельгии, Леопольде III, которого «обвинили в том, что запросил аудиенцию с Гитлером» (Léopold III 1947). Авторы данного текста в подробностях рассказывают о характере, главных фактах биографии этого монарха и — главное — о причинах недоверия к нему со стороны правительства (Ibid.). То есть, несмотря на таблоидный стиль газеты, редакция в отдельном случае прибегает к развернутому повествованию о лице, сотрудничающем с гитлеровским правительством. Соответственно, возможно предположить, что редакция выборочно определяла, к какому событию прописать комментарии,

а какое событие передать читателю в сжатом, словно заголовок, виде.

Бульварная манера передачи новостей, лишенная подробностей и пояснений, видна также в выпуске от 18 декабря 1944 г., в котором газета сообщает о боксерском поединке, победителем которого стал Жермен Перес. Затем редакция одной репликой обращается к прошлому спортсмена, рассказывая о прошлогоднем поражении Переса в бое с Ивом Надалем, «который сейчас находится в тюрьме за свою коллаборационистскую деятельность» (Dogniaux... 1944). Упоминание о коллаборационизме в нетематической рубрике является одной из особенностей припоминания недавнего прошлого редакцией «Франс-суар». Таким образом, изначально неполитическая повестка дня принимает политическую окраску и увеличивает потенциальное вовлечение читателей «Франс-суар» в политический дискурс.

Применяя герменевтический метод анализа текста, мы считаем нужным также отметить, что данная новость о боксерах создает положительный образ послевоенной Франции, где прошлый победитель предан суду, а новый победитель, пройдя сложный, травмирующий путь, взшел на пьедестал.

В целом пример текста данной новости отражает тезис историка Н. П. Пархитко, который в своей статье о жанровой специфике спортивной журналистики доказывает, что «спортивная журналистика является неотъемлемой частью информационной политики, проводимой как внутри государств, так и на

международной арене» (*Пархитько* 2019: 194–205).

Подобное припоминание коллаборационистского прошлого происходит и в новостном номере от 30 сентября 1945 г. В частности, редакция сообщает о казни сержанта вооруженных сил французского патриотического антинацистского движения (F.F.I.) Бергерре. Словно напоминая читателю о персоне Бергера, журналисты сообщают о его жене, в которую «стреляли после того, как он обвинил ее в коллаборационизме» (*Le sergent...* 1945). Комментариев о причине казни, последствиях стрельбы и о предполагаемом сотрудничестве жены Бергера с нацистами авторы новостного текста не дают, предлагая читателю самостоятельно интерпретировать текст.

Согласно М. Фуко, данный текст в некотором роде являет собой пример уничтожительной (пейоративной) парресии, которая заключается в построенном от лица правды нарративе о чем-либо без всяких оговорок (*Фуко* 2020: 190–191). С позиции Фуко, который утверждал, что властные механизмы представляют собой не «репрессию», а «производство», новостные сообщения с вольным упоминанием коллаборационистов на страницах «Франс-суар» представляют собой производство представлений о «нескольких несчастных предателях», которые предали страну и неизбежно несут наказание от закона. Таким образом, словесные приемы редакции полностью соответствуют стратегии исторической политики, выбранной де Голлем после войны.

В выпуске от 26 февраля 1946 г. находят свое отражение правовые процессы, начатые 30 сентября 1944 г., когда был издан закон о регулировании периодической печати. Лишенная косвенных высказываний, эта новость сообщала о «продлении чистки» — «ликвидации коллаборационистской прессы» путем продления вышеуказанного акта «до 1 января 1947 г.» (*Prolongation...* 1946). Согласно инициативе одного из депутатов парламента, активы нацистских газет должны перейти к печатным органам Сопротивления. Текст данной новости содержит подробное перечисление государственных органов, таких как Учредительное собрание (Ассамблея), суды, гражданские палаты, и их ролей в процессе регуляции коллаборационистской прессы (Там же). Таким образом, новость раскрывает заинтересованность государства в установлении нового справедливого порядка в стране.

Главную особенность текста этой новости возможно определить, сравнив ее с другими сообщениями о работе государственных органов по делу о сотрудничестве граждан с оккупантами.

Так, в выпуске от 23 января 1946 г. репортер газеты «Франс-суар» повествует о суде над Жаном Люшером, сын и брат которого состояли в рядах Ваффен СС и который «разрешил своим младшим и старшим дочерям обручиться с немецким офицером» (*Luchaire...* 1946). Автор статьи, несмотря на то, что судебный процесс еще продолжался, не имел сомнений: «сделано это было для того, чтобы создать впечатление, что он (Ж. Люшер) является немцем» (Там же).

Таким образом, в очередной раз при упоминании лица, подозреваемого в коллаборационизме, статья носит обличительный характер по отношению к самому лицу и к его ближайшему кругу, как, например, в проанализированном выше выпуске от 20 сентября 1945 г., содержащем информацию о сержанте Бергере и его жене (*Le sergent... 1945*).

В другой статье о судебном разбирательстве над пособниками нацистов, опубликованной в выпуске от 19 января 1947 г., журналист описывает внешность подозреваемого, используя красочные выражения с явно негативным оттенком. «...Этот человек с серым цветом лица, который прячет глаза за огромными очками с лунными стеклами и у которого есть только одна произвольная элегантность в виде копны белых волос над серединой лба...» — так автор газеты описывает портрет Гая Крузе, который обвиняется в том, что оказывал услуги газете Жана Люшера *Les Nouveaux Temps*, до 17 августа 1944 г. являвшейся инструментом пропаганды коллаборационизма (*Mercenaire... 1947*). Вместе с текстом сообщения опубликована фотография Крузе с подписью: «Гай Крузе ищет аргументы» (Там же). Таким образом, впервые при прямом высказывании о коллаборационизме и коллаборационистах во «Франс-суар» был представлен снимок, на котором изображен подозреваемый в пособничестве оккупантам.

Главное различие между новостным сообщением о пролонгировании закона о прессе и статьями о делах Люшера и Крузе заключается в том, что при упоминании действующих

государственных лиц и органов власти редакция газеты выбирает нарочито нейтральный, практически официальный стиль изложения, когда при упоминании коллаборационистов использует оценочные лексические выразительные средства и визуальные источники информации, выражая тем самым негативное отношение к героям новости и раскрывая личность подзрительных лиц перед многотысячной аудиторией.

Также необходимо отметить тот факт, что в статье от 23 января говорится о замке Зигмаринген, где Петен проводил последние дни режима Виши (*Luchoire... 1946*). Однако о предназначении резиденции репортер не сообщает, равно как и не упоминает маршала и временное правительство. Видимо, подразумевалось, что читатель знает историю Зигмарингена, либо не должен о ней знать, либо подробностям не было места в физических рамках данного новостного текста.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «Франс-суар» выражает солидарность по отношению к действиям властей и прямо осуждает лиц, уличенных в пособничестве гитлеровцам, прибегая к созданию негативного образа «несчастливых предателей» в сознании читателя.

Наконец, в номере от 11 января 1948 г. публикуется репортаж с собрания «жертв чистки», или, как гласит заголовок, «национальных негодяев и жертв освобождения», проходившего близ коммуны Френ (*C'etait... 1948*). Состав участников включал в себя «журналистов без

газет, писателей без редакторов». Целью собрания было создание «Ассоциации свободных писателей и журналистов». Автор статьи, Жан Морис, не скрывает своего отношения к событию. В частности, он высказывает возмущение по поводу приглашения на собрание, в «тексте которого говорилось о “силовом перевороте 1944 года (!) и чрезвычайных законах генерала де Голля”» (Там же). Затем автор статьи описывает участников «как горстку жалких мужчин», которые читают статьи, «которые они не смогли опубликовать» (Там же).

Упоминание де Голля в контексте события, связанного с деятельностью коллаборационистов, подчеркивание малочисленности группы коллаборантов («Союз независимых журналистов» включает 60 человек (Там же)) и наличие подписи автора под текстом являются отличительными особенностями данного новостного сообщения. Причем автор статьи недвусмысленно демонстрирует свое одобрение политики, проводимой лидером страны после войны.

Подводя итоги исследования, сделаем выводы, согласно поставленным задачам.

Ежедневная газета «Франс-суар» в условиях формирования голлистского мифа о Сопротивлении, который условно разделит общество на большинство, боровшееся с оккупантами, и меньшинство, помогавшее врагу, играла значительную роль. Для установления официальной версии истории войны правительство с 1944 по 1948 г., идеологически мотивируя принимаемые

меры, создавало правовые барьеры с целью цензурирования неудобных СМИ и формировало социальные институты, членами которых являлись историки, библиотекари, архивисты и участники Сопротивления, для сохранения памяти об освободительной войне.

Специалист по истории французской прессы Патрик Эвено утверждает, что целевой аудиторией газеты «Франс-суар» являлась определенная часть рабочего класса (*Eveno* 2006). Согласно всеобщей переписи населения Франции от 10 марта 1946 г., в республике насчитывалось 3 млн 563 тыс. 759 работников производства конструкционных материалов, легкой и пищевой промышленности, что составляло 17,37% от всей реальной рабочей силы страны (от 20 млн 520 тыс. 466 работников) (*Tableau VIII* 1949: 74–45). Таким образом, имея к 1948 г. ежедневный тираж до 641 000 экземпляров (в последующие годы выпуск газеты увеличился по меньшей мере в два раза, достигнув предела к 1957 г. — 1 350 000 экземпляров) (*Eveno* 2006), газета «Франс-суар» была способна охватить пятую часть своей потенциальной аудитории. При условии существования на рынке, на входе в который государством были установлены определенные идеологические барьеры, и при условии конкуренции с другими изданиями «Франс-суар» имела статус ведущего СМИ. Имея в виду не скрываемую редакцией газеты субъективную позицию по отношению к военному прошлому, мы можем утверждать, что газета выполняла функцию лидера в формировании общественного мнения и — зачастую при помощи агрессивных

приемов журналистики — была способна оказывать реальное влияние на представления активных французских граждан о военном прошлом.

Используя контент-анализ и дискурс-анализ при изучении номеров газеты, в которых напрямую сообщается о коллаборационизме и коллаборационистах (коллаборантах), мы пришли к следующим выводам относительно специфики выразительных средств и изменений содержания газеты:

- 1) в пяти номерах данные новостные сообщения опубликованы на первой странице и в трех номерах — на второй и третьей страницах, что свидетельствует о выборе редакцией повестки дня о пособниках нацистов как приоритетной и важной для потенциального читателя;
- 2) на страницах газеты открыто выражалась негативная оценка деятельности коллаборационистов, а также и в отношении лиц, подозреваемых в коллаборационизме;
- 3) обличительная манера передачи информации о деяниях публичных лиц являла собой стигматизацию, прямо влияющую на репутацию героев новостей;
- 4) редакция выбирала таблоидный стиль изложения или стиль развернутого нарратива, в зависимости от конкретного содержания новости;
- 5) редакция имела свойство политизировать рекреационную часть газеты;
- 6) на страницах газеты конструировался образ победившей Франции,

которой в прошлом пришлось противостоять многочисленным внутренним врагам. Параллельно, с помощью художественного описания и фотодокумента, формировался образ бывшего врага, который в настоящем знает или которому в будущем предстоит узнать о строгости закона. При этом применяемый для передачи смыслов описанный стиль письма резко отличается от сдержанных и крайне информативных текстов, сообщающих о деятельности настоящих государственных лиц и государственных органов.

Особенностью использования ретроспективной памяти о деяниях коллаборационистов на страницах «Франс-суар» являлись апеллирование авторов заметок к недавней истории с целью разоблачения граждан, сотрудничавших с оккупантами, и оправдания чисток по отношению к этим и другим гражданам. Подобный способ реконструкции военного прошлого, несомненно, имел потенциал для формирования мифа о Сопротивлении и провоцирования населения на стихийное насилие по отношению к лицам, которых уличили или подозревали в предательстве родины.

Последующие меры правительства в области исторической политики по объединению граждан вокруг персоны Петена во многом связаны с негативными последствиями деятельности, в том числе газеты «Франс-суар». Конфронтация общества по поводу травматических событий 1940–1944 гг., которая выливалась в неконтролируемую войну «победителей» против «неугодных», требовала решительных мер со стороны государства.

Данные результаты исследования позволяют нам противопоставить нашу позицию тезису исследователя медиа-памяти Дж. А. Эди, которая утверждала, что журналистов в будничной деятельности не заботит построение коллективной памяти. На примере работы «Франс-суар», которая выполняла заказ власти Франции сконструировать миф о единстве страны во время войны, используя при этом специфические средства передачи новостей, мы пытались показать, что журналисты осознанно, вне зависимости от юбилейных дат, влияют на коллективные представления отдельных сообществ о прошлом.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

A travers... 1944 — A travers le monde // France-soir. 1944/12/05 (A4, N140). [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4745755h.r=collaborationnisme?rk=64378;0> (дата обращения: 28.03.2021).

C'était... 1948 — C'était hier le meeting des indignes nationaux... Victimes de la Libération! // France-Soir. 1948/01/11 (A7, N1072) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4746690x/f3.item.r=collaborationnisme> (дата обращения: 28.03.2021).

Chabard 1982 — Chabard M-Th. Le Comité d'histoire de la Deuxième guerre mondiale et ses archives // La Gazette des archives, n°116, 1982. P. 5–19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.persee.fr/doc/gazar_0016-5522_1982_num_116_1_2790 (дата обращения: 20.03.2021).

Combat 1941 — Combat (Paris. 1941) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb34501455d/date> (дата обращения: 23.03.2021).

Discours prononcé... б/г — Discours prononcé à Verdun (Meuse), place de la Li-

bération: brouillon manuscrit autographe, première épreuve annotée, deuxième épreuve annotée (20 vues numériques) // Allocutions et discours de Charles de Gaulle (1944–1969). Archives nationales. Online catalogue [Электронный ресурс]/ URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/media/Fran_IR_054957/c-72rcz7opn--w6n0kum24vrz/Fran_0145_0763_L (дата обращения: 19.03.2021).

Dogniaux... 1944 — Dogniaux frappe bas Germain Perez est déclaré champion de France // France-Soir. 1944/12/18 (A4, N152BIS). [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k47457684/f2.item.r=collaborationnisme> (дата обращения: 28.03.2021).

Eveno 2006 — Eveno P. "France Soir", déclin d'un journal populaire // Le Monde. 10 avril 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2006/04/10/france-soir-declin-d-un-journal-populaire-par-patrick-eveno_760099_3232.html (дата обращения: 19.03.2021).

Histoire générale... б/г — Histoire générale de la presse française / publié sous la direction de Claude Bellanger, Jacques Godchot, Pierre Guiral et Fernand Terrou. Tome IV. De 1940 à 1958.

Fabre 1944 — Fabre M-A. Dans les prisons de la milice. Un mois au château des Brosses // Vichy: imprimerie Wallon, édité par le M.L.N., 13 octobre 1944, 1944 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abebooks.fr/rechercher-livre/titre/dans-les-prisons-de-la-milice-un-mois-au-chateau-des-brosses/auteur/fabre-marc-andre/> (дата обращения: 09.01.2021).

Ina.fr 1944 — Ina.fr (1944). La libération de Paris [новостной репортаж] // CLCF. 1er septembre 1944. 24 m. 13 s. — 25 m. 15 s. URL: <https://fresques.ina.fr/de-gaulle/fiche-media/Gaulle00005/la-liberation-de-paris.html> (дата обращения: 20.03.2021).

La politique... 2009 — La politique des Archives de France à l'égard de l'histoire de

Vichy // Archives, Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2009. Vol. 102, no. 2. P. 171–182 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/revue-vingtieme-siecle-revue-d-histoire-2009-2-page-171.htm> (дата обращения: 20.03.2021).

L'Aurore... б/г — L'Aurore: organe de la résistance républicaine [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb34371852k/date&rk=21459;2> (дата обращения: 23.03.2021).

Le Franc-tireur б/г — Le Franc-tireur (Paris) Mouvement de libération nationale (France) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32777201w/date> (дата обращения: 23.03.2021).

L'ennemi... 1944 — L'ennemi n'est pas encore abattu, il reste sur notre territoire. Mais il ne suffira pas que nous l'ayons, avec le concours de nos chers et admirables alliés, chassé de chez nous, pour que nous nous tenions pour satisfaits, nous voulons, sur son territoire, entrer, comme il se doit, en vainqueurs // Ce soir: grand quotidien d'information indépendant. Publisher: Paris. Nomère 915. Publication date: 1944-08-27 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76353876.r> (дата обращения: 20.03.2021).

Léopold III 1947 — Léopold III — roi de la malchance — est disposé à remonter sur le trône de Belgique // France-Soir. 1947/12/11 (A6, N1045). [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k47466631.r=collaborationnisme?rk=21459;2> (дата обращения: 28.03.2021).

Le sergent... 1945 — Le sergent F.F.I. Berger a été exécuté // France-Soir. 1945/09/30 (A5, N396) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k47460132.r=collaborationnisme?rk=21459;2> (дата обращения: 28.03.2021).

Luchaire... 1946 — Luchaire et Abetz en présence cet apiés-midi // France-Soir. 1946/01/23 (A5, N494) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/>

[ark:/12148/bpt6k47461105.r=Collaborationnisme?rk=42918;4](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k47461105.r=Collaborationnisme?rk=42918;4) (дата обращения: 28.03.2021).

Mallet 2016 — Mallet A. Vichy against Vichy: History and Memory of the Second World War in the Former Capital of the État français from 1940 to the Present. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/211519546.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

Mercenaire... 1947 — Mercenaire au rabais de la presse collaborationniste. Crouzet affirme à ses juges: «Je trouvais intects les journaux de zone nord» // France-soir. 1947/01/19 (A6, N794) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4746411m.r=collaborationnisme?rk=42918;4> (дата обращения: 28.03.2021).

Messenger 2020 — Messenger D. War and Public Memory: Case Studies in Twentieth-Century Europe, University of Alabama Press, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/maxweberstiftung-ebooks/detail.action?docID=6001496> (дата обращения: 18.03.2021).

Michel 1950 — Michel H. Histoire de la Résistance, Paris, PUF, coll. Que Sais-je? 1950 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9684919x.texteImage> (дата обращения: 20.03.2021).

Naïf б/г — Naïf N. Les partis socialistes de Belgique. Entre conquêtes, compromis et renoncements: 120 ans de réformisme [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/pur/4205> (дата обращения: 13.03.2021).

Ordonnance... б/г — Ordonnance du 30 septembre 1944 relative à la réglementation provisoire de la presse périodique en territoire métropolitain libéré // Journal officiel de la République française. Lois et décrets (version papier numérisée) n° 0086 du 01/10/1944 [Электронный ресурс: защищенный доступ]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORF-TEXT000000511736> (дата обращения: 19.03.2021).

Prolongation... 1946 — Prolongation de l'épuration. Liquidation de la presse collaborationniste // France-Soir. 1946/02/26 (A5, N518) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k47461350.r=Collaborationnisme?rk=21459;2> (дата обращения: 28.03.2021).

Tableau VIII 1949 — Tableau VIII. Population active selon l'activité collective (31 groupes) et la profession individuelle (26 groupes). Ensemble de la population active // Recensement général de la population du 10 mars 1946. Etat civil et activité professionnelle de la population présente. Premiers résultats détaillés. Éditeur: Insee, 1949. 217 p. [Электронный ресурс] URL: <https://www.epsilon.insee.fr/js-pui/handle/1/104487> (дата обращения: 20.03.2021).

Wallon, édité par le M.L.N., 13 octobre 1944, 1944 [Электронный ресурс] URL: <https://www.abebooks.fr/recherche-livre/titre/dans-les-prisons-de-la-milice-un-mois-au-chateau-des-brosses/auteur/fabre-marc-andre/> (дата обращения: 09.01.2021).

25 août 1944 б/г — 25 août 1944. Convention de reddition de Von Choltitz // Musee de La Resistance en Ligne [Электронный ресурс] URL: <http://www.museedelaresistanceenligne.org/media4844-Convention-de-reddition-de-Von-Choltitz#zoom-tab> (дата обращения: 20.03.2021).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2017 — Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Захарова 2013 — Захарова М.В. Эволюция массовой газеты во Франции. М., 2013.

Пархитко 2019 — Пархитко Н.П. Жанровая специфика спортивной журналистики // Теории и проблемы политических исследований, 8 (5А), 2019. URL: <http://publishing-vak.ru/file/>

archive-politology-2019-5/22-parkhitko-martyunenko.pdf (дата обращения: 27.03.2021).

Серл 1986 — Серл Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986 [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/novoe_v_zarub/text.pdf (дата обращения: 27.03.2021).

Фуко 1996 — Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Фуко 2020 — Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии. (1982–1983) / пер. с фр. Д. Кралечкина; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 384 с.

Basu 2013 — Basu L. Ned Kelly as Memory Dispositif Media, Time, Power, and the Development of Australian Identities. Berlin; New York: De Gruyter, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proquest.com/docview/2131138227/2A1551D2611F45DBPQ/2> (дата обращения: 24.03.2021).

Cohen, Lévy 2007 — Cohen É., Lévy M.-F. La télévision des Trente Glorieuses. Culture et politique Paris, CNRS Éd., coll. CNRS Histoire, 2007. 318 p.

Daville 1978 — Daville D.P. La liberté de la presse n'est pas à vendre. Paris: Éditions du Seuil, 1978.

De Groot 2009 — De Groot J. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. New York: Routledge, 2009.

Edy 1999 — Edy J.A. Journalistic Uses of Collective Memory // Journal of Communication. 1999. V. 49, Iss. 2. P. 71–85 [Электронный ресурс]. URL: www.cwanderson.org/wp-content/uploads/2013/04/j.1460-2466.1999.tb02794.x.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

Erlil, Rigney 2009 — Erlil A., Rigney A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory. Berlin; New York: De Gruyter, 2009.

Eveno 2008 — *Eveno P.* La presse quotidienne nationale. Fin de partie ou renouveau? Paris: Vuibert, 2008.

Garde-Hansen 2011 — *Garde-Hansen.* Media and Memory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.

Keith 2010 — *Keith S.* Collective Memory and the End of Occupation: Remembering (and Forgetting) the Liberation of Paris in Images // *Visual Communication Quarterly.* 2010. 17(3). P. 134–146 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/233272461_Collective_Memory_and_the_End_of_Occupation_Remembering_and_Forgetting_the_Liberation_of_Paris_in_Images (дата обращения: 25.03.2021).

Landsberg 2004 — *Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York: Columbia University Press, 2004. 240 p.

Tenenboim-Weinblatt 2011 — *Tenenboim-Weinblatt K.* Journalism as an Agent Prospective Memory // *On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age*, edited by M. Neiger, et al., Palgrave Macmillan UK, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://ebookcentral.proquest.com/lib/maxweberstiftung-ebooks/detail.action?docID=713277> (дата обращения: 24.03.2021).

Zierold 2012 — *Zierold M.* Mass Media, Media Culture and Mediatization // *Traveling Concept for the Study of Culture* / ed. by B. Neumann, A. Nünning. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012.

REFERENCES

Assman A. *Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.

Basu L. *Ned Kelly as Memory Dispositif Media, Time, Power, and the Development of Australian Identities.* Berlin; New York: De Gruyter, 2013 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.proquest.com/docview/2131>

138227/2A1551D2611F45DBPQ/2 (data obrashcheniia: 24.03.2021).

Cohen É., Lévy M.-F. *La télévision des Trente Glorieuses. Culture et politique* Paris, CNRS Éd., coll. CNRS Histoire, 2007. 318 p.

Daville D. P. *La liberté de la presse n'est pas à vendre.* Paris: Éditions du Seuil, 1978.

De Groot J. *Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture.* New York: Routledge, 2009.

Edy J.A. Journalistic Uses of Collective Memory. *Journal of Communication*, 1999, vol. 49, Iss. 2, p. 71–85 [Elektronnyi resurs]. URL: www.cwanderson.org/wp-content/uploads/2013/04/j.1460-2466.1999.tb02794.x.pdf (data obrashcheniia: 25.03.2021).

Erl A., Rigney A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics. *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory.* Berlin; New York: De Gruyter, 2009.

Eveno P. *La presse quotidienne nationale. Fin de partie ou renouveau?* Paris: Vuibert, 2008.

Fuko M. *Rech' i istina. Lektsii o parresii. (1982–1983)*, per. s fr. D. Krachchikina; pod nauch. red. M. Maiatskogo. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2020. 384 p.

Fuko M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let.* Moscow: Kastal', 1996. 448 p.

Garde-Hansen. *Media and Memory.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.

Keith S. Collective Memory and the End of Occupation: Remembering (and Forgetting) the Liberation of Paris in Images. *Visual Communication Quarterly*, 2010, 17(3), p. 134–146 [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.researchgate.net/publication/233272461_Collective_Memory_and_the_End_of_Occupation_Remembering_and_Forgetting_the_Liberation_of_Paris_in_Images (data obrashcheniia: 25.03.2021).

Landsberg A. *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the*

Age of Mass Culture. New York: Columbia University Press, 2004. 240 p.

Parkhit'ko N.P. Zhanrovaia spetsifika sportivnoi zhurnalistiki. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniï*, 8 (5A), 2019. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2019-5/22-parkhitko-martynenko.pdf> (data obrashcheniia: 27.03.2021).

Serl Dzh.R. Kosvennye rechevye akty. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. XVII. Moscow, 1986 [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/novoe_v_zarub/text.pdf (data obrashcheniia: 27.03.2021).

Tenenboim-Weinblatt K. Journalism as an Agent Prospective Memory. *On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age*, edited by M. Neiger, et al., Palgrave Macmillan UK, 2011 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ebookcentral.proquest.com/lib/maxweberstiftung-ebooks/detail.action?docID=713277> (data obrashcheniia: 24.03.2021).

Zakharova M. V. *Evoliutsiia massovoi gazety vo Frantsii*. Moscow, 2013.

Zierold M. Mass Media, Media Culture and Mediatistation. *Travelling Concept for the Study of Culture*, ed. by B. Neumann, A. Nünning. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012.

М. М. Пашков

Рец.: *Хмельевский А. Н., Афонсенко И. М.* Гербовник Талызина. Российские дворянские гербы XVIII века. М.: Старая Басманная, 2021. 254 с., 50 с. ил.

В рецензии анализируется впервые введенный в научный оборот в 2021 г. легендарный памятник российской исторической и геральдической мысли конца XVIII в. — так называемый Гербовник Талызина. Рассказывается о рукописи, об авторах комментариев к ней. Проводится анализ формы и содержания труда, как опубликованного источника, так и комментариев справочного характера. Особо отмечается важность публикации и удобство книги для использования как специалистами, так и обычными читателями. **Ключевые слова:** Гербовник Талызина, геральдика, исторический источник, дворянский герб, эмблема.

Сведения об авторе: Пашков Марк Михайлович, эксперт Геральдической комиссии Московской области (Москва).

Контактная информация: markmpashkov@yandex.ru.

M. M. Pashkov

Rev.: *Khmelevskii A. N., Afonassenko I. M.* Gerbovnik Talyzina. Rossiiskie dvoriainskie gerby XVIII veka. Moscow: Staraia Basmanaia, 2021. 254 p., 50 s. il.

The review analyzes the legendary monument of the Russian historical and heraldic thought of the end of the XVIII century, the so-called "Talyzin Coat of Arms", which was first introduced into scientific circulation in 2021. It tells about the manuscript, about the authors of the comments to it. The analysis of the form and content of the work, both the published source and the comments of a reference nature, is carried out. The importance of publication and the convenience of the book for use by both specialists and ordinary readers are particularly noted.

Key words: Talyzin's Armorial, heraldry, historical source, noble coat of arms, emblem.

About the author: Pashkov Mark M., expert of the Heraldic Commission of the Moscow region.

Contact information: markmpashkov@yandex.ru.

В 2021 г. практически незамеченным широкой научной общественностью произошло знаковое для истории отечественной геральдики событие — в издательстве «Старая Басманная» был издан выдающийся памятник российской геральдической мысли, так называемый Гербовник Талызина. Несмотря на то, что он был опубликован частично (к сожалению, по финансовым причинам в издание вошли только родовые гербы, в оригинальной рукописи также присутствуют и территориальные эмблемы), значение введения в научный оборот данного исторического памятника трудно переоценить. Это настоящее открытие для историков, геральдистов, источниковедов, генеалогов и историографов.

Книга содержит сотни оригинальных геральдических изображений, десятки ранее неизвестных самобытных гербов, множество уникальных вариантов утвержденных дворянских эмблем. Авторами публикации подготовлен колоссальный объем пояснительной информации — научные комментарии справочного характера имеются для каждого изображения герба. Они включают в себя геральдические описания (блазоны гербов), как официальные, так и неофициальные (для самобытных гербов, внесенных в гербовник), краткие сведения о гербовладельце и его роде. При наличии изображений герба в оригиналах дворянских дипломов, Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи и Дипломном сборнике, изображения в Гербовнике Талызина сравниваются с ними во всех аспектах и временной перспективе. Выявленные раз-

личия подробно комментируются, по возможности — анализируются и объясняются. При полном совпадении гербов этот факт также отмечается в тексте.

Удобная и компактная система нумерации гербов (номер страницы — номер ряда — номер герба в ряду) позволяет быстро и точно найти в иллюстративной части изображение искомого герба по описанию в текстовой части, и наоборот. Алфавитный указатель фамилий позволяет также найти герб в обеих частях, если известна фамилия гербовладельца. Там же имеются отсылки к этому гербу в официальных гербовниках (если он был утвержден) и в других источниках.

Всего в рукописи присутствуют около 935 рисунков гербов (487 — территориальных и 446 — родовых), из них опубликованы все родовые гербы, что составляет около 48% от всего графического объема оригинала.

Большим достоинством книги является отсылка в комментариях к референтному для российских дворянских дипломов XVIII в. справочнику О.И. Хоруженко (*Хоруженко* 1999), с указанием номера диплома в его книге. Это позволяет специалисту, да и любому читателю, быстро найти, помимо герба, необходимые сведения о дворянском дипломе гербовладельца (место хранения оригинала и копий, дата выдачи и прочие важные подробности), имеющиеся в справочнике О.И. Хоруженко. Многочисленные ссылки на источники, зачастую — на малоизвестные и архивные материалы,

дают читателям возможность при желании подробнее и ближе ознакомиться с историей конкретного герба и дворянского диплома, с семьей его владельцев. Для специалистов, особенно генеалогов, это важно для проведения исследований в области истории, генеалогии и геральдики конкретных российских дворянских родов.

Авторами всех комментариев в данном труде являются талантливые российские геральдисты — Александр Николаевич Хмелевский и Игорь Михайлович Афонасенко. А. Н. Хмелевский (г. Москва) — редактор известного культурно-просветительского интернет-проекта «Гербовник.ру», вносящего значительный вклад в популяризацию российской родовой геральдики, автор книги «Российские дворянские гербы 1917 г.», вышедшей также в издательстве «Старая Басманная» в 2018 г. (Российские дворянские гербы... 2018). И. М. Афонасенко (г. Брянск) — российский историк, магистр исторических наук, автор нескольких книг, посвященных различным аспектам отечественной истории, а также ряда монографий и статей (Афонасенко 2008; Афонасенко, Бахурин 2009). Также он активно занимается геральдическими исследованиями (Пчелов, Афонасенко 2020; Афонасенко 2020; 2021). Огромной заслугой Игоря Михайловича нужно признать выявление в последние годы в различных музеях, архивах, библиотеках и частных собраниях России и всего мира большого количества российских дворянских дипломов (Жалованных грамот на дворянство), ранее недоступных исследователям, и введение их в научный оборот.

Предисловие к Гербовнику Талызина написал известный российский геральдический художник, заместитель председателя Постоянной комиссии Геральдического совета при президенте Российской Федерации, член Геральдического совета при губернаторе Рязанской области, заслуженный художник РФ Михаил Константинович Шелковенко (г. Рязань). В предисловии Михаил Константинович отмечает огромное значение публикации Гербовника Талызина как важнейшего первоисточника по российской геральдике конца XVIII в. — эпохи систематизации накопленных геральдических знаний в России, укоренения гербов в российском праве и науке.

Составленный герольдмейстером Лукьяном Ивановичем Талызиным (1741 — после 1794) в начале 90-х гг. XVIII в. гербовник носит, согласно веяниям того времени, витиеватое и помпезное название «Руководство к геральдике, то есть науке о гербах, содержащее происхождение, основание и нужные правила науки сей относительно до гербов Российских с начертанием и описанием оных». Помимо изображений гербов он имеет пространную теоретическую часть, в которой Лукьян Иванович обосновывает самобытность российской геральдики, говорит о необходимости избегать слепого следования западноевропейской геральдической терминологии в описаниях российских гербов, ссылается на древность российской геральдики, подчеркивает главенствующую роль государства в появлении и укреплении геральдических традиций.

Гербовник был поднесен Л. И. Талызиным императрице Екатерине II и ве-

ликому князю Павлу Петровичу (будущему императору Павлу I) и долгое время хранился в составе царского собрания в библиотеке Зимнего дворца. Выдающийся российский и советский геральдист В. К. Лукомский так писал об этом гербовнике: «Сохранилось предание, будто герольдмейстер Талызин сочинил и поднес Императрице Екатерине II и Великому Князю Павлу Петровичу три экземпляра Государственного Гербовника, которого по смерти Талызина не отыскано и Герольдия не имеет» (*Лукомский, Типольт* 1915; *Лукомский* 1911). Таким образом, уже в начале XX в. гербовник считался утерянным. Между тем в 1852 г. в составе эрмитажного собрания рукопись гербовника была передана в Собрание рукописей Императорской публичной библиотеки. Ныне гербовник хранится в Отделе рукописей ФГБУ «Российская национальная библиотека» (ФГБУ «РНБ»).

После 1991 г. доступ к рукописи был упрощен, и гербовник привлек внимание нескольких российских и зарубежных исследователей, результатом работы которых стало несколько статей, посвященных рукописи. Из них выделяется статья французского геральдиста, специализирующегося на российской дворянской геральдике, Жана-Мари Тьебо, вышедшая в 2000 г. в Риме в сборнике статей участников XXIII Международного конгресса генеалогических и геральдических наук (*Thiébaud* 2000). Автор анализирует гербовник и изображения гербов в нем, дает список лейб-кампанских гербов, вошедших в рукопись, а также приводит в качестве примеров черно-белые варианты изображений гербов.

Научный анализ формы и содержания Гербовника Талызина по сравнению с современными ему аналогами (Гербовник А. Т. Князева, первые тома Общего гербовника, Гербовник А. Грекова) блестяще провел выдающийся отечественный ученый-геральдист Олег Николаевич Наумов (*Наумов* 2003; 2014). Гербовник Л. И. Талызина стал переходным памятником геральдической мысли, интегрировавшим справочник с элементами исследования, резюмирует он.

К сожалению, менее информативны труды других отечественных исследователей. Опубликованная в малотиражном бюллетене статья О. М. Карамышева (*Карамышев* 2009) дает лишь несколько наиболее примечательных, по мнению автора, гербов из Гербовника Талызина. В другой статье тот же автор сетует на отсутствие издателя для рукописи гербовника (*Карамышев* 2012).

Несмотря на то, что Б. Г. Кипнис и А. И. Сапожников стали пионерами изучения рукописи, опубликовав свои статьи, посвященные Гербовнику Талызина, еще в конце 1990-х гг. (*Кипнис, Сапожников* 1996; 1997), их исследования сводятся к пересказу содержания теоретической части рукописи и выявлению в источнике нескольких неизвестных им лейб-кампанских гербов. Лейб-кампанские гербы, безусловно, занимают значительное место в Гербовнике Талызина, их изучение важно, но сводить исследование рукописи только к ним было бы неправильно, т. к. в гербовнике присутствует огромное количество изображений самобытных и вариантов официально утвержденных гербов, до сих пор неизвестных геральдической науке.

Тем более эти гербы, выявленные по рукописи Л. И. Талызина Б. Г. Кипнисом и А. И. Сапожниковым, известны, в частности, по отпускам их дипломов, хранящихся в делах Герольдмейстерской конторы в РГАДА (РГАДА). Их изображения впервые опубликованы в качестве примеров гербов из этих дел И. В. Борисовым (*Борисов* 1997; *Российская геральдика* 2009) (без подписей) также в конце 1990-х гг. В 2020 г. фамилии их владельцев были установлены историком К. В. Переходенко, исследовавшим отпуски их дворянских дипломов в РГАДА.

Странным также выглядит посмертный упрек (*Кипнис, Сапожников* 1997: 33) Б. Г. Кипниса и А. И. Сапожникова известному геральдисту начала XX в. С. Н. Тройницкому в том, что он считал некоторые известные ему понаслышке лейб-кампанские гербы (частично присутствующие в Гербовнике Талызина) «высочайше неутвержденными» и по этой причине не подлежащими включению в составляемый им тематический лейб-кампанский гербовник (*Гербы лейб-компаний... 1914*). С. Н. Тройницкий при всем желании не мог бы сверить имеющуюся у него информацию с оригинальными изображениями гербов, т. к. местонахождение рукописи было в то время неизвестно, и она считалась утерянной. Поэтому утверждение предыдущих исследователей о том, что выявленные ими лейб-кампанские гербы указаны в рукописи как «высочайше подтвержденные» — ошибочно. В Гербовнике Талызина таких указаний нет, и дипломы с данными гербами так и остались неподписанными российскими мо-

нархами (о чем свидетельствуют и соответствующие места в справочнике О. И. Хоруженко).

Таким образом, несмотря на отдельные казусы, связанные с первоначальным этапом изучения рукописи, научная публикация Гербовника Талызина была давно назревшим вопросом и была необходима для разрешения многих историографических проблем в изучении родовой геральдики XVIII в. Отраднo, что А. Н. Хмелевский и И. М. Афонсенко смогли избежать этих ошибок и подготовили публикацию на основе строгого анализа первоисточника, с привлечением значительного объема архивного материала и справочной литературы. Все комментарии выверены и точны, генеалогическая информация основана на материалах РГАДА и РГИА, а в постраничных сносках приводится информация об оригиналах и копиях дворянских дипломов, с указанием мест их постоянного хранения или первой публикации. Как верно отметил М. К. Шелковенко, в определенной степени можно считать гербовник Талызина не только предшественником, но первоисточником для начатого позже Общего гербовника дворянских гербов Российской империи — было положено начало официальной государственной кодификации. Авторами публикации сделан очень важный шаг в деле научного изучения и осмысления эволюции российской геральдики (с. 4).

Гербовник Талызина является значительным источником российской геральдической мысли конца XVIII в. и как ее существенной части — российской дворянской

геральдики. Поэтому его издание не только является ярким событием для геральдики как вспомогательной исторической дисциплины, но важно и в общеисторическом, научном и художественном контексте, как первая научная публикация выдающегося памятника эпохи просвещенного абсолютизма.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГАДА — РГАДА. Ф. 286. Оп. 1 (Дела Герольдмейстерской конторы). Д. 395 (Дипломы на дворянское достоинство).

ФГБУ «РНБ» — ФГБУ «РНБ». ОР. Ф. 885. Оп. 658. Ед. хр. № 112 Эрм.

Гербы лейб-компаний... 1914 — Гербы лейб-компаний обер- и унтер-офицеров и рядовых / сост. С. Тройницкий. Пг., 1914.

Лукомский 1911 — Лукомский В. К. О геральдическом искусстве в России. СПб., 1911. С. 21.

Лукомский, Титольт 1915 — Лукомский В. К., Титольт Н. А. Русская геральдика: Руководство к составлению и описанию гербов. Пг., 1915. С. 9 (Репринт. М., 1996. С. 13).

Российские дворянские гербы... 2018 — Российские дворянские гербы 1917 года / сост. А. Н. Хмелевский. М., 2018.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Афонасенко 2008 — Афонасенко И. М. Россия и Япония: война разведок в начале XX в. М., 2008.

Афонасенко 2020 — Афонасенко И. М. «В воздаяние ревностных заслуг...». Кому и за что даровались Жалованные грамоты на дворянство и герб в XVIII–XIX веках // Родина. 2020. № 12. С. 112–115.

Афонасенко 2021 — Афонасенко И. М. «...Жалуем ему нижеследующий дворянский герб» // Военно-исторический журнал. 2021. № 4. С. 74–76.

Афонасенко, Бахурин 2009 — Афонасенко И. М., Бахурин Ю. А. Порт-Артур на Висле: крепость Новогеоргиевск в годы Первой мировой войны. М., 2009.

Борисов 1997 — Борисов (Ильин) И. В. Родовые гербы России. М.; Калининград, 1997. С. 99, 101, 103, 105, 107, 111.

Карамышев 2009 — Карамышев О. М. Родовые гербы в гербовнике Л. И. Талызина // Бюллетень № 2 (9) Санкт-Петербургского губернского Дворянского Собрания. СПб., 2009. С. 5–9.

Карамышев 2012 — Карамышев О. М. Несколько строк о российской дворянской геральдике (к проекту «Псковский гербовник»). М., 2012. С. 126.

Китнис, Сапожников 1996 — Китнис Б. Г., Сапожников А. И. «Гербовник» Лукьяна Ивановича Талызина // Гербовед. 1996. № 12. С. 82–94.

Китнис, Сапожников 1997 — Китнис Б. Г., Сапожников А. И. Неизвестные дворянские родовые гербы в Гербовнике Л. И. Талызина // 275 лет Геральдической службе в России: материалы конференции. СПб., 1997. С. 29–33.

Наумов 2003 — Наумов О. Н. Отечественная историография геральдики. Ч. 1. М., 2003. С. 38–39.

Наумов 2014 — Наумов О. Н. Гербовник А. Т. Князева в контексте отечественной геральдики // Очерки по русской геральдике. М., 2014. С. 87–88.

Пчелов, Афонасенко 2020 — Пчелов Е. В., Афонасенко И. М. Гербы российских кавалеров в гербовниках датских королевских орденов. М., 2020.

Российская геральдика 2009 — Российская геральдика: Происхождение. История. Современность. М., 2009. С. 73.

Хоруженко 1999 — Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999.

Thiébaud 2000 — Thiébaud J.-M. Identité et identification à travers un armorial russe manuscrit de la fin du XVIIIe siècle: l'Armorial Talyzine (1797–1798) //

L'identità Genealogica et Araldica — Fonti, metodologie, interdisciplinata, prospettive. T. I (Материалы XXIII международного научного конгресса по генеалогии и геральдике. Турин, 1998). Roma, 2000. P. 432–451.

REFERENCES

Afonasenko I. M. "...Zhaluem emu nizhesleduiushchii dvorianskii gerb". *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2021, no. 4, p. 74–76.

Afonasenko I. M. "V vozdaianie revnostnykh zaslug...". Komu i za chto darovalis' Zhalovannye gramoty na dvorianstvo i gerb v XVIII–XIX vekakh. *Rodina*, 2020, no. 12, p. 112–115.

Afonasenko I. M. *Rossii i Iaponiia: voina razvedok v nachale XX v.* Moscow, 2008.

Afonasenko I. M., Bakhurin Iu. A. *Port-Artur na Visle: krepost' Novogeorgievsk v gody Pervoi mirovoi voiny.* Moscow, 2009.

Borisov (Il'in) I. V. *Rodovye gerby Rossii.* Moscow; Kaliningrad, 1997. P. 99, 101, 103, 105, 107, 111.

Karamyshev O. M. *Neskol'ko strok o rossiiskoi dvorianskoi geral'dike (k proektu "Pskovskii gerbovnik").* Moscow, 2012. P. 126.

Karamyshev O. M. Rodovye gerby v gerbovnikе L. I. Talyzina. *Biulleten' № 2 (9) Sank-*

t-Peterburgskogo gubernskogo Dvorianskogo Sobraniia. St. Petersburg, 2009. P. 5–9.

Khoruzhenko O. I. *Dvorianskie diplomy XVIII veka v Rossii.* Moscow, 1999.

Kipnis B. G., Sapozhnikov A. I. "Gerbovnik' Luk'iana Ivanovichа Talyzina. *Gerboved*, 1996, no. 12, p. 82–94.

Kipnis B. G., Sapozhnikov A. I. Neizvestnye dvorianskie rodovye gerby v Gerbovnikе L. I. Talyzina. *275 let Geral'dicheskoi sluzhbe v Rossii: materialy konferentsii.* St. Petersburg, 1997. P. 29–33.

Naumov O. N. Gerbovnik A. T. Kniazeva v kontekste otechestvennoi geral'diki. *Ocherki po russkoi geral'dike.* Moscow, 2014. P. 87–88.

Naumov O. N. *Otechestvennaia istoriografiia geral'diki.* Ch. 1. Moscow, 2003. P. 38–39.

Pchelov E. V., Afonasenko I. M. *Gerby rossiiskikh kavalerov v gerbovnikakh datskikh korolevskikh ordenov.* Moscow, 2020.

Rossiiskaia geral'dika: Proiskhozhdenie. Istoriia. Sovremennost'. Moscow, 2009. P. 73.

Thiébaud J.-M. Identité et identification à travers un armorial russe manuscrit de la fin du XVIIIe siècle: l'Armorial Talyzine (1797–1798). *L'identità Genealogica et Araldica — Fonti, metodologie, interdisciplinata, prospettive.* Vol. I (Materialy XXIII mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa po genealogii i geral'dike. Turin, 1998). Roma, 2000. P. 432–451.

И. М. Афонасенко

КАК СОЗДАВАЛИСЬ СИМВОЛЫ ИМПЕРИИ

Рец.: *Аксенов А. А.* Дальневосточная геральдика (дореволюционный период). Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2021. 138 с.

Рецензируемая книга посвящена символическим практикам Дальнего Востока. Автором предпринята попытка анализа всего процесса создания территориальных гербов в Российской империи XIX в. Анализируется семантика гербовых элементов.

Ключевые слова: герб, эмблема, Герольдия, Дальний Восток.

Сведения об авторе: Афонасенко Игорь Михайлович, магистр исторических наук, учитель истории и мировой художественной культуры Православной гимназии (Брянск).

Контактная информация: afonasenko@inbox.ru.

I. M. Afonassenko

HOW THE SYMBOLS OF THE EMPIRE WERE CREATED

Rev.: *Aksenov A. A.* Dal'nevostochnaia gerald'ika (dorevoliutsionnyi period). Komsomol'sk-na-Amure: Komsomol'skii-na-Amure gosudarstvennyi universitet, 2021. 138 p.

The reviewed book is devoted to symbolic practices of the Far East. The author attempts to analyze the entire process of creating territorial coats of arms in the Russian Empire of the XIX century. The author analyzes semantic meaning of the coat of arms elements.

Key words: coat of arms, emblem, Heraldry, Far East.

About the author: Afonassenko Igor Mikhailovich, Master of Historical Sciences, teacher of history and world art culture of the Orthodox gymnasium (Bryansk).

Contact information: afonasenko@inbox.ru.

Герб всегда многогранен в своем значении. Выступая символом конкретной территории, он может яв-

ляться инструментом государственной политики, отражать исторические и географические особенности

региона, быть эмблемой административного образования и, одновременно, орудием идеологической пропаганды или культурной экспансии. В дореволюционной России каждый герб удостоивался высочайшего императорского утверждения, проходя через Правительствующий Сенат и министерства. Создание и принятие территориального герба любой части Российской империи — это был вопрос государственного значения, важность которого не стоит недооценивать современным исследователям.

Первое осмысление территориальной символики России предпринял в конце XVIII в. герольдмейстер Лукьян Иванович Талызин (с 1793 г. в чине тайного советника) в своем труде «Руководство к геральдике, то есть науке о гербах, содержащее происхождение, основание и нужные правила науки сей относительно до гербов Российских с начертанием и описанием оных» (Хмелевский, Афонасенко 2021). Л.И. Талызин считал российскую геральдику самодостаточной, а также предлагал отказаться от подражания и заимствования в западноевропейской традиции. По его мнению, «в России ныне существуют только те гербы, которые собственно к ней относятся, а покровительные, союзные, притязательные, церковные, чиновные и тому подобные гербы так как несоответствующие нынешним узаконениям Российской империи существовать здесь не могут». Он предложил собственную точку зрения на историю становления отечественной геральдики: древность российских территориальных гербов он считал несомненной — «Начало оных в Рос-

сийской империи происходит так как и во всех Государствах, от древнейших времен, чему служат ясным доказательством старинных городов гербы» (Там же: 5). Кроме того, труд содержал краткую информацию об истории геральдики и разъяснение основных правил и законов геральдической науки, а также многочисленные примеры блазонов. Русские гербы Талызин делил на несколько групп, отводя первенствующее место государственным и территориальным символам: 1) владетельные (государственные и титульные) гербы; 2) городские гербы; 3) жалованные гербы. Герольдмейстером Л.И. Талызиным впервые в отечественной истории была предпринята попытка теоретического осмысления основ российской геральдики и, что более важно, составления практического руководства для создания гербов.

Значительный всплеск интереса к отечественной геральдической науке приходится на середину XIX в., когда историком Александром Борисовичем Лакиером был опубликован труд «Русская геральдика» (Лакиер 1855), который фактически стал первым фундаментальным пособием по российскому гербоведению. Эта книга, по выражению П. П. фон Винклера, — «блистательная попытка истории русских гербов, о которых до того времени существовало совершенно неясное представление» (Винклер 1892: Предисловие). Примечательно, что этот геральдический труд А. Б. Лакиера оставался актуальным вплоть до начала XX в.

4 июля 1857 г. произошло важное для российской геральдики событие — Александр II подписывает указ «О гер-

бах губерний, областей, градоначальств, городов и посадов». Согласно указу все территориальные гербы Российской империи должны были находиться в строгой и стройной геральдической системе. Данный указ определил облик российских гербов вплоть до начала XX в. Создание в том же 1857 г. при Департаменте герольдии Правительствующего Сената отдельного Гербового отделения во главе с бароном Борисом Васильевичем Кене активизировало процесс научно-теоретического и практического осмысления вопросов герботворчества. Премьерный состав Присутствия Гербового отделения в лице действительного статского советника Степана Ивановича Афонасенко, статского советника Василия Васильевича Ленца и действительного статского советника Осипа Егоровича Франка разрабатывали «Записку по делу о правилах составления гербов, гербовых дипломов и грамот», «Правила составления и утверждения гербов царской фамилии, гербов и дипломов на присвоение прав дворянства, княжеского, графского и баронского титулов и грамот губерниям, городам и местечкам», «Инструкцию Гербового отделения Департамента герольдии для составления гербов», а также стали авторами огромного количества территориальных гербов России. Эта работа была продолжена следующими членами Присутствия: статским советником Николаем Николаевичем Колесовым, коллежским асессором Василием Ивановичем Раевским, статским советником Егором Александровичем Кеммерером и действительным статским советником Адольфом Васильевичем Тилезиусом фон Тиленау.

№4 2021

В 1880-х гг. по распоряжению герольдмейстера Евграфа Евграфови-

ча Рейтерна в Гербовом отделении Департамента герольдии начался процесс внутриведомственной кодификации и теоретической систематизации геральдической практики предшествующего периода. Этот процесс продолжился и при его преемниках на посту герольдмейстера — Николае Ивановиче Непорожнев и Федоре Илларионовиче Шамрае. Секретарем Гербового отделения титулярным советником Виктором Эдуардовичем Горном (в должности в 1884–1904 гг., с 1893 г. в чине коллежского асессора, с 1897 г. в чине надворного советника) были составлены указатель к «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи» (Горн 1888), справочник девизов высочайше утвержденных гербов российского дворянства (Горн 1891), списки титулованным родам и лицам Российской империи (Списки... 1892) и «Эмблематический сборник дворянских гербов» (РГИА 1). Одновременно, в 1880–1890-е гг. геральдическими художниками Александром Александровичем Фадеевым и Алексеем Васильевичем Серебряковым был подготовлен «Сборник высочайше утвержденных дипломных гербов российского дворянства, не внесенных в Общий гербовник» (РГИА 2).

В этот же период сразу несколько геральдических трудов было опубликовано историком и генеалогом Павлом Павловичем фон Винклером — «Русская геральдика» (Винклер 1892–1894), «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи» (Винклер 1899 [1900]), «Родословия русского дворянства» (Винклер 1895), а профессор Юрий Васильевич Арсеньев издал первый курс лекций по геральдике (Арсеньев

1908), который он много лет преподавал в Московском археологическом институте.

В конце XIX — начале XX в. активизация исследовательской и публикаторской деятельности Гербового отделения связана с работой глав этого ведомства Александра Платоновича Барсукова и Владислава Крескентьевича Лукомского (*Лукомский* 1911; 1914). Были изданы указатели к высочайше утвержденным «Общему Гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи» и «Гербовнику дворянских родов Царства Польского» (*Лукомский, Тройницкий* 1910), списки лицам, высочайше пожалованным дипломами с гербами на дворянское достоинство (*Лукомский, Тройницкий* 1911), гербы Лейб-компании (Гербы... 1914), «Малороссийский гербовник» (*Лукомский, Модзалевский* 1914), сборник девизов, подготовлен пятитомный «Сборник высочайше утвержденных городских и местных гербов» и т. д. (активное участие в этих исследованиях принимал известный геральдист и искусствовед Сергей Николаевич Тройницкий (*Тройницкий* 1915), в 1913–1914 гг. издававший профильный журнал «Гербовед»).

Эпизодически эти вопросы освещались и в советской историографии. Исследования Надежды Александровны Соболевой (*Соболева* 1981), Елены Ивановны Каменцевой (*Каменцева* 1970; *Каменцева, Устюгов* 1974) и Николая Николаевича Сперансова (*Сперансов* 1974) продолжили традицию русской геральдики XIX в.

В настоящее время значительный объем первоисточников российской тер-

риториальной геральдики отложился в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА 3). Геральдист Андрей Александрович Аксенов сосредоточился на изучении истории территориальной геральдики Дальнего Востока (*Аксенов* 2006), однако особую ценность его труду придают разделы, посвященные источникам российской городской геральдики. Кандидат исторических наук А. А. Аксенов впервые в отечественной истории раскрывает значение так называемого «Гербовника Рейтерна» — сборника, содержащего большое количество оригинальных изображений российских территориальных гербов, прошедших высочайшую конфирмацию и представляющих изумительные по красоте рисунки, и, что немаловажно, это именно те изображения, которые были одобрены и утверждены российскими монархами в качестве официальных территориальных гербов (*Аксенов* 2021: 96). Пять огромных томов гербовника, с 25 октября 1841 г. по 3 февраля 1917 г., представляют собой самое полное официальное собрание городских и губернских гербов Российской империи. Публикация этого источника, хотя бы частичная, это дело огромной важности, которое достойно поощрения и благодарности.

В своей книге «Дальневосточная геральдика» Андрей Александрович исследует символичные практики восточных регионов Российской империи, прослеживает историю создания и эволюцию гербов Камчатской, Приморской и Амурской областей, городов Благовещенск, Владивосток, Хабаровск, Алексеевск и т. д. Автор обоснованно указывает, что большое значение для формирования символъ-

ной системы имело принятие в 1878 г. герба Приморской области. А. А. Аксеновым выявлены предшественники данного герба, точно установлены сроки территориальной принадлежности герба столицам Приморской области, что позволяет концептуально решить проблему современной узурпации символики этого герба Хабаровским краем. Областной или губернский город в случае отсутствия городского герба действительно мог использовать областной или губернский герб для собственного отражения, но с измененными статусными украшениями герба и лишь до тех пор, пока он остается в качестве областного или столичного города. Герб Приморской области 1878 г. используется в Хабаровском только в 1880–1884 гг., т. е. в промежутки, когда в 1880 г. Хабаровка получает статус областного города, и до 1884 г., когда перестает быть административным центром Приморской области и занимает в областной иерархии статус обычного уездного города. Управление областью перемещается в г. Владивосток, который активно использует областной герб для отражения всей области. Ключевым в геральдическом аспекте для дальневосточных городов стал 1912 г., когда произошло утверждение сразу нескольких городских гербов этого региона, в том числе Хабаровска, Благовещенска и Николаевска.

В результате анализа дальневосточной территориальной символики в XIX — начале XX в. автор делает обоснованный вывод, что исследуемый период был весьма благоприятен для символической системы Российской империи. Крупнейшие дальневосточные города получают свои полноценные городские сим-

волы, полным ходом идет процесс создания символики на местах. Как показала практика, дальневосточные гербы имеют тесное взаимоотношение с другими локальными символическими системами страны.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГИА 1 — РГИА. Ф. 1411. Оп. 2. Д. 606 (отдел I), Д. 607 (отдел II), Д. 608 (алфавитный указатель).

РГИА 2 — РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 66–85 (дополнительные тома были подготовлены позже).

РГИА 3 — РГИА. Ф. 1342. Оп. 15. Д. 128–346.

Арсеньев 1908 — *Арсеньев Ю. В.* Геральдика. М., 1908.

Винклер 1892 — *Винклер П. П. фон.* Русская геральдика. СПб., 1892. Вып. 1.

Винклер 1892–1894 — *Винклер П. П. фон.* Русская геральдика. История и описание русских гербов, с изображением всех дворянских гербов, внесенных в Общий гербовник Всероссийской Империи. Вып. 1–3. СПб., 1892–1894.

Винклер 1895 — *Винклер П. П. фон.* Родословия русского дворянства. СПб., 1895.

Винклер 1899 [1900] — *Винклер П. П. фон.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в Полное Собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1899 [1900].

Гербы... 1914 — Гербы Лейб-компаний обер- и унтер офицеров и рядовых / сост. С. Н. Тройницкий. Пг., 1914.

Горн 1888 — *Горн В. Э.* Указатель к Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1888.

Горн 1891 — *Горн В. Э.* Девизы высочайше утвержденных гербов российского дворянства. СПб., 1891.

Лакиер 1855 — *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855.

Лукомский 1911 — Лукомский В.К. О геральдическом искусстве в России. СПб., 1911.

Лукомский 1914 — Лукомский В.К. Указания по Гербовому отделению при Департаменте герольдии Правительствующего Сената. СПб., 1914.

Лукомский, Модзалевский 1914 — Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914.

Лукомский, Тройницкий 1910 — Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Указатели к Высочайше утвержденным Общему Гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи и Гербовнику дворянских родов Царства Польского. СПб., 1910.

Лукомский, Тройницкий 1911 — Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Списки лицам, Высочайше пожалованным дипломами с гербами на дворянское достоинство Всероссийской Империи и Царства Польского. СПб., 1911.

Списки... 1892 — Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892.

Тройницкий 1915 — Тройницкий С.Н. Гербы командира и офицеров брига Меркурия. Пг., 1915.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аксенов 2006 — Аксенов А.А. Территориальные гербы, символы и эмблемы в истории Хабаровского края: конец XVIII — начало XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006.

Аксенов 2021 — Аксенов А.А. «Раз прикоснувшись к его мохнатой шкуре — уже не отпустить никогда...» // Геральдика: исследование и практика: Материалы научной конференции 20–22 февраля 2020 г. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. CIV). СПб., 2021.

Каменцева 1970 — Каменцева Е.И. Основные проблемы советской эмблематики // Советские архивы. 1970. № 1.

Каменцева, Устюгов 1974 — Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974.

Соболева 1981 — Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981.

Сперансов 1974 — Сперансов Н.Н. Земельные гербы России. XII–XIX вв. М., 1974.

Хмелевский, Афонасенко 2021 — Хмелевский А.Н., Афонасенко И.М. Гербовник Талызина. Российские дворянские гербы XVIII века. М., 2021.

REFERENCES

Aksenov A. A. *Territorial'nye gerby, simvol'y i emblemy v istorii Khabarovskogo kraia: konets XVIII — nachalo XXI vv.*: dis. ... kand. ist. nauk. Komsomol'sk-na-Amure, 2006.

Aksenov A. A. "Raz prikosnuvshis' k ego mokhnatoi shkure — uzhe ne otpustit' nikogda..." *Geral'dika: issledovanie i praktika: Materialy nauchnoi konferentsii 20–22 fevralia 2020 g.* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. CIV). St. Petersburg, 2021.

Kamentseva E. I. *Osnovnye problemy sovet'skoi emblemاتيki. Sovetskie arkhivy*, 1970, no. 1.

Kamentseva E. I., Ustiugov N. V. *Russkaia sfragistika i geraldika*. Moscow, 1974.

Khmelevskii A. N., Afonassenko I. M. *Gerbovník Talyzina. Rossiiskie dvorianskie gerby XVIII veka*. Moscow, 2021.

Soboleva N. A. *Rossiiskaia gorod'skaia i oblastnaia geraldika XVIII–XIX vv.* Moscow, 1981.

Speransov N. N. *Zemel'nye gerby Rossii. XII–XIX vv.* Moscow, 1974.

П. И. Романов

ПОЛЕЗНЫЕ ВОПРОСЫ БЕЗ БЕСПОЛЕЗНЫХ ОТВЕТОВ*

Рец.: *Бушнелл Д.* Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок. Спасовки в XVIII–XIX веках / авт. пер. с англ. Л. Пуцелло-Бушнелл. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 416 с.

Рецензируется работа, посвященная анализу на материале XVIII–XIX вв. феномена безбрачия среди русских крестьянок старообрядческого исповедания.

Ключевые слова: русское крестьянство, старообрядчество, социальная история, историческая демография, гендерные исследования.

Сведения об авторе: Романов Павел Игоревич, аспирант ЕУСПб (Санкт-Петербург).
Контактная информация: romanov.history@yandex.ru.

P. I. Romanov

Useful questions without useless answers. Rev.: Bushnell D. Epidemii bezbrachiia sredi russkikh krest'ianok. Spasovki v XVIII–XIX vekakh, avt. per. s angl. L. Putsello-Bushnell. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 416 p.

The paper which is reviewed analyzes the phenomenon of celibacy among Russian peasant women of the Old Believer confession. It is based on the material of the XVIII–XIX centuries.

Key words: Russian peasantry, Old Believers, social history, historical demography, gender studies.

About the author: Romanov Pavel I., Graduate student of EUSP (St. Petersburg).
Contact information: romanov.history@yandex.ru.

Исследование Джона Бушнелла посвящено изучению выявленного им феномена безбрачия среди крестьянок в архивах Владимирской области

© П. И. Романов, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-311-319

* Благодарю профессора А. И. Миллера и всех участников аспирантского семинара факультета истории ЕУСПб — Анастасию Павловскую, Михаила Кондратьева, Арсения Моисеенко, Марину Попову, Алексея Павловского, Карину Хаснулину и Юрия Штенгеля — за внимательное чтение и критику данного текста.

XVIII–XIX вв. Анализ документов, как пишет автор, указывает на то, что в некоторых деревнях Гороховецкого уезда Владимирской губернии количество крестьянок, не состоящих в браке, достигало 80% в XVIII–XIX вв. — факт, неизвестный исследователям ранее. В ходе своей работы автор обнаружил, что женщины, отказывающиеся вступать в брак, предположительно являлись последователями Спасова согласия («нетовцами») — одного из беспоповских направлений старообрядчества, отрицавшего обряды, исполняемые в официальной (еретической, по мнению «нетовцев») церкви. Описанию особенностей формирования и идеологии Спасова согласия в книге посвящена отдельная глава (с. 207–241).

Д. Бушнелл — американский историк. Он окончил Гарвардский университет в конце 1960-х гг., после чего получил степень магистра и защитил PhD диссертацию в университете Индианы в 1970-х гг. Во время обучения в докторантуре Д. Бушнелл провел несколько лет в СССР, где собирал материал для своей диссертации. После возвращения в США он стал преподавать в Северо-Западном университете, в котором прошел путь от assistant professor до professor emeritus. Самой известной книгой Д. Бушнелла до настоящего момента являлась монография, посвященная языку московских граффити. Также в соавторстве с Беном Эклофом и Ларисой Захаровой он опубликовал книгу о великих реформах Александра II (*Bushnell 1990; Захарова, Эклоф, Бушнелл 1992*). В десятках опубликованных работ Д. Бушнелла до начала 2000-х гг. не прослеживался интерес к истории русского

крестьянства и брака. Как сам автор пишет во введении к своей книге, его интерес к данной теме случаен и связан прежде всего с находкой интересных источников в архивах. В 2020 г. историк завершил свою академическую карьеру, окончательно оставив пост в университете.

Обсуждаемая книга является переводом англоязычной монографии «Peasant Women Who Would Not Marry, and the Consequences: Russian Spasovites, 18th–19th Centuries», выпущенной в 2017 г. (*Bushnell 2017*). Со времени издания англоязычной версии книги было опубликовано несколько положительных рецензий в зарубежных изданиях, которые кратко подмечали некоторые недостатки книги (невозможность доказательства, что все женщины, вставшие на путь безбрачия, относились к Спасову согласию, бесполезные карты и отсутствие четкой теории) и более полно останавливались на достоинствах исследования Д. Бушнелла (уникальность архивной находки и ценность раскрываемой темы) (*Michels 2019; Ransel 2018, Dennison 2018*). Со времени издания русскоязычного варианта монографии в мае 2020 г. к настоящему моменту (июнь 2021 г.) была опубликована одна рецензия авторства писателя Ильи Мельникова (в сетевом издании «Горький»), в которой, помимо комплиментов в адрес новаторского характера книги, отмечается, что автору не удалось доказать принадлежность именно к спасовцам отказывавшихся от брака крестьянок и обосновать причину, по которой от создания семьи воздерживались лишь женщины (*Мельников 2020*).

Из уникальной архивной находки документов, которые противоречат устоявшемуся убеждению о том, что крестьянство поголовно соблюдало традиции, а вступление в брак являлось повсеместно соблюдаемой нормой, и исходит исследовательский вопрос — два больших «как» и «почему» в ответ на исходное удивление автора. Несмотря на то, что автор не описывает свою теоретическую рамку эксплицитно, исходя из текста можно определить, что Д. Бушнелл находится в русле социальной истории в ее широком понимании, т.е. он изучает историю социальных структур и социальных процессов. При этом очень часто по ходу повествования Д. Бушнелл останавливается на истории какой-то конкретной семьи, чтобы подтвердить некоторые положения, будь то разрушительное воздействие безбрачия на крестьянские дворы или поиск ответа на вопрос, сами ли женщины решали свою судьбу или находились под властью родителей. От фрагмента к фрагменту автор переходит от одного населенного пункта к другому, так в книге прослеживаются признаки исторической антропологии и микроистории. Используемая в первой главе концепция моральной экономики, рассматривающая отношение к семье как трудовому хозяйству, также маркирует рамку социальной истории и исторической антропологии¹.

Основные выводы книги делаются на основании двух главных источников — исповедных списков и ревизских сказок. Оба этих источника воспринимаются историками в основном как генеалогические. Ранее

исследователям казалось, что на основании скупой статистической информации из ревизских сказок и исповедных списков нельзя делать никаких далеко идущих выводов за пределами демографии, но Д. Бушнелл показал обратное (Ульянова, Троицкая 2016). Как выяснилось, две величины, измеряемые этими двумя документами, я имею в виду веру (двуперстие раскола или троеперстие в исповедных ведомостях) и состав жителей по дворам (в ревизских сказках), могут зависеть друг от друга.

Другой важный источник исследования — документы помещиков (инструкции, переписки, отчетность), по которым можно проследить отношение к проблеме безбрачия со стороны помещиков и предпринимаемые ими шаги для решения этой проблемы.

Нельзя не заметить, насколько тщательно Д. Бушнелл работает с архивными документами. Историк не просто вовлек все возможные источники в свое исследование, но и сумел детально обработать материал, о чем говорит обилие статистических подсчетов, замечания о повреждении документа или об отсутствии нужного листа. Благодаря такой вдумчивой работе стало возможным проследивание истории одного двора или одной конкретной женщины, обнаружение несостыковок и, как следствие, новые интересные выводы, например, о том, что крестьяне в разные ревизии могли записываться, определяя отношения между собой уже другими родственными связями (с. 131–132).

¹ Д. Бушнелл рассматривает моральную экономику в традиции Э. Томпсона (Thompson 1971).

Автор не вступает в историографические дебаты на страницах своей книги, несмотря на то, что ему хорошо знакомы работы, посвященные истории крестьянства, старообрядчества и брака в России, на которые он регулярно ссылается. Тем не менее исключительно новаторский характер монографии предусматривает, что работа может быть полезна при изучении разных тем. В этом контексте книга находится на пересечении трех историографических полей. Она затрагивает вопросы, связанные с пониманием старообрядчества современниками, учетом последователей старой веры и реагированием государства на проблемы, вызываемые закрытостью староверов от внешнего влияния. Это исследование продолжает традицию изучения государственной и церковной политики по отношению к старообрядцам в разных регионах Российской империи (Freeze 2016; Прокофьева 2001; Виноградов 2008).

Кроме того, «Эпидемия безбрачия» затрагивает вопросы демографии, и ее можно отнести к работам, посвященным демографической истории России. Книга также активно прорабатывает тему помещичьего контроля над крестьянами и вносит значительный вклад в исследование взаимодействий помещиков и крестьян в сфере брака. Безусловно, работа является продолжением активного интереса к гендерной проблематике в современной историографии, о чем в своей рецензии на «Эпидемию безбрачия» написал И. Мельников.

Книга Д. Бушнелла разделена на введение, семь глав и заключение.

В первой главе (с. 26–67) автор приводит основные сведения о крестьянском браке с 1580 по 1750 г., выстраивая контекст, на фоне которого были замечены отклонения. Важное место здесь занимает описание моральной экономики брачного рынка и места платежей в нем, таких как кладка (предбрачный взнос со стороны жениха) и вывод (платеж помещику, из владения которого выкупается крестьянка). Д. Бушнелл показывает, что брак так или иначе был выгодным предприятием для всех сторон — жениха, невесты, их семей, помещиков и церкви, и не было абсолютно никакой материальной выгоды оставаться холостяком или холостячкой.

Во второй главе (с. 67–125) Д. Бушнелл пишет о реакции дворян на обнаруженное безбрачие своих крепостных. Основное внимание автора в этой главе сосредоточено на том, как помещики объясняли обнаруженное безбрачие (блудом, падением нравственности и распущенностью) и как они боролись с ним (штрафами).

В третьей и четвертой главах (с. 125–175, 175–207) показано неприятие брака в с. Купля в XVIII и XIX вв. соответственно. Автор описывает свои источники (ревизские сказки и исповедные списки), определяет географические рамки исследования (приход с. Купля Гороховецкого уезда Владимирской губернии) и наглядно демонстрирует выявленный отказ от брака и его демографические последствия для конкретных деревень и дворов прихода с. Купля.

Пятая глава (с. 207–241) посвящена Спасову согласию, его истории

как направления старообрядчества и пути к идее безбрачия. По мнению Д. Бушнелла, идеология «нетовцев» стала катализатором выявленного феномена безбрачия.

В шестой главе (с. 241–312) автор касается истории безбрачия в с. Баки в имении рода Ливен в XIX в. и высказывает идею более разрушительной силы безбрачия на малоурожайных берегах Ветлуги и влияния хозяйственной деятельности (лесозаготовок) на последствия отказа от брака.

В седьмой главе (с. 312–361) Д. Бушнелл рассматривает отношение к неприятию брака в с. Стексово со стороны его владельца Сергея Голицына, осведомленного о том, что именно старая вера является причиной отказа от брака.

В заключении (с. 312–361) Д. Бушнелл высказывает некоторые рассуждения относительно выводов, которые можно было бы сделать по итогу его исследования.

Исходная установка, предопределившая удивление Д. Бушнелла после прочтения источников, — все крестьяне следовали обычаю вступать в брак. Это положение как бы по умолчанию принимается в историографии крестьянства, но на самом деле оно предполагает и сам разговор о крестьянстве как о достаточно цельном сословии, имевшем общее отношение к браку. То есть по умолчанию мы воспринимаем крестьян как некую единую цельность, не замечая внутренних различий. Исследование Д. Бушнелла и было вызвано обнаружением одно-

го из этих различий, которое потому и является удивительным, что опровергает некую норму, принимаемую как аксиому.

В целом главный тезис «Эпидемии безбрачия» можно передать так — некая (достаточно большая часть) крестьянок Гороховецкого уезда не вступала в брак в XVIII–XIX вв., поскольку принадлежала к беспоповскому направлению старообрядчества — Спасову согласию, которое в определенный момент своего существования отрицало любые обряды, совершаемые в официальной православной церкви, а значит, нельзя было ни рожать (потому что нельзя крестить), ни сочетаться браком, а только умирать. На вопрос, почему только женщины не вступали в брак, Д. Бушнелл не имеет четкого ответа, но предполагает, что в данном случае выполнялось какое-то авторитетное предписание. Главное, к чему ведет автор, — отказ от брака имел разрушительные последствия не только для женщин, но и для всего двора, в котором жила брачная бунтарка. Если женщины не выходят замуж, то их дворам скоро придет конец, поскольку недостаток здоровых мужчин нельзя восполнить женщиной ни во время работы в поле, ни во время лесозаготовок.

Большая проблема, о чем Д. Бушнелл, безусловно, знает и сам, — доказать, что женщины действительно отказались от брака осознанно и именно из-за своих религиозных убеждений. По причине отсутствия крестьянских источников личного происхождения, единственный путь, по которому прошел Д. Бушнелл, — довериться сопоставлению

разных источников (воспоминаний, инструкций, делопроизводства помещиков, метрических книг, исповедных списков и ревизских сказок) между собой и сделать выводы на основании этого сопоставления. На мой взгляд, Д. Бушнелл мастерски проделал эту работу, представив на суд публики удивительный материал, который прокладывает дорогу к будущим исследованиям.

Отмечу и ряд недостатков данной книги. В «Эпидемии безбрачия» крестьяне воспринимаются как обладатели исключительно религиозного мышления. По крайней мере, религиозное мышление превалирует над всей деятельностью человека, что относительно и XVIII в., и тем более XIX в. крайне спорно. Даже если автор подразумевал различие в уровне религиозности крестьян у старообрядцев и приверженцев официальной церкви, то не совсем понятно, почему и среди представителей Спасова согласия были как брачующиеся, так и не принимающие брак женщины, от чего это зависело? Д. Бушнелл не дает однозначного ответа на этот вопрос. Мне кажется, что выбор мог определяться и насущными бытовыми потребностями в семье, из-за которых не все крестьяне могли позволить своим дочерям выйти замуж (возможно, их помощь по хозяйству была необходима родителям). Впрочем, безбрачие, исходя из текста книги, — непозволительная роскошь, требующая устойчивого материального положения.

Хотелось бы отметить и еще одно спорное утверждение Д. Бушнелла, проходящее через всю книгу.

Американский историк испытывает явный скепсис по поводу оценки последствий безбрачия самими крестьянами. Попытаюсь опровергнуть его двумя аргументами. Во-первых, не думаю, что крестьяне, на протяжении столетий видевшие вблизи участь семей женщин, не вышедших замуж, не могли не догадываться о последствиях безбрачия. Во-вторых, крестьяне в обычных условиях осознавали потребность в детях — хотя бы потому, что в поле им было сложно обойтись без помощников, и, с другой стороны, нетрудно предположить, чем обернется наличие в доме еще одного рта женского пола, чьи способности в пашне и тяжелом физическом труде ограничены.

Возможно, книгу утяжеляет и достаточно сумбурное повествование, в котором автор раз за разом вынужден возвращаться к одним и тем же вопросам и, как бы спотыкаясь, повторять еще раз свои аргументы. В повествовании этот прием играет роль самопроверки выводов, а также пытается вернуть ускользнувшую нить в руки читателя. Мне кажется, что книга слабо структурирована, и, может быть, следовало объединить главы в проблемные рамки, а не географо-хронологические части, как это было сделано в итоге. Ведь в конечном счете между Сергеем Михайловичем Голицыным (помещик середины XIX в.), Шарлоттой Ливен (помещица начала XIX в.) и Петром Бестужевым-Рюминым (помещик начала XVIII в.) больше общего, чем различного — все они хотели сохранить воспроизводство крестьян и, как следствие, свои деревни и свой доход и принимали разные

меры к решению этой проблемы. Нам же приходится читать вновь и вновь и о стратегиях безбрачия, и о борьбе с ним, но в разных населенных пунктах. В этот же перечень недостатков запишем и чрезмерное обилие таблиц и статистических данных, кажущихся порой излишними. Ссылки на архивные документы выглядят неинформативными без описания хотя бы фонда хранения или заголовка дела — информации, которая позволила бы понять специфику используемого документа. Интересно, что опоры в некоторых из своих размышлений автор находит в работах Б. Н. Миронова, имеющих свою долгую традицию критики.

Одним из значимых выводов книги является доказательство того, что власть в целом не догадывалась о масштабах безбрачия в регионе и не сознавала глубину проблемы. Помещики хотя и были ближе «к народу» в данном отношении (они видели странную тягу к одиночеству у крестьянок и боялись уменьшения своего крепостного населения), все же не понимали причину такого поведения и, кроме того, узнавали о ней по истечении десятилетий с момента обнаружения феномена безбрачия. Возможно, этот вывод поможет историкам выйти на обобщения относительно понимания властью демографической ситуации в империи и путей влияния на ее представления о потребностях проводимой демографической политики.

В основном Д. Бушнелл ссылается на работы советских историков (Прокофьева 1981; Громыко 1986). Более актуальными являются англо-

язычные исследования, но в целом обращение к ним не играет большой роли в данной книге. Возможно, эта монография разбудит интерес сегодняшних отечественных историков к изучению самого многочисленного сословия Российской империи.

В целом главное достоинство этой книги, из-за которого ее можно назвать заметным событием в историографии социальной истории России XVIII–XIX вв., — это исследовательский вопрос, который буквально просит историков перетрясти содержимое старого историографического «чемодана», посмотреть на работы крестьяноведов Н. А. Миненко и М. А. Громыко в новом ключе и обратить внимание исследователей на новые аспекты жизни крестьянства (Миненко 1979; Громыко 1986). До книги Д. Бушнелла никто не мог и предполагать, что, казалось бы, в простом вопросе о семейной жизни крестьянства кроется такой большой подводный камень в виде осознанного безбрачия. Может быть, упущено что-то еще, и нам по-новому нужно взглянуть на старые источники для их новых интерпретаций?

Д. Бушнелл начал свое «недозаключение» с «вопросов без ответов — о дворе и общине», признавая, что он не до конца понял, как функционировала демографическая экосистема: откуда брались жены и как население справлялось с повышенным уровнем женского сопротивления браку. Неясными остаются географические и хронологические границы феномена — когда и где началось и закончилось сопротивление браку? Д. Бушнелл пишет, что он не может ответить на этот вопрос с точностью

из-за скудности источников по спасовцам.

Конечно, американский историк подвесил в воздухе десяток вопросов, на которые он не смог ответить, но куда более важный итог этой книги — это сам факт того, что эти вопросы были заданы. Историки привыкли смотреть на историю крестьянства как на понятный и скучный сюжет исторической науки. Устойчивый образ крестьянина как несознательного человека, стремящегося выжить любой ценой под гнетом крепостного права, затемняет гораздо более важные вопросы о крестьянском сознании. Д. Бушнелл показал, что история крестьянства может быть гораздо более неожиданной, чем принято думать, если опуститься на микроуровень и посмотреть на нее под микроскопом, а не апеллировать большими цифрами.

Да, автор не смог дать исчерпывающие ответы на поставленные им самим вопросы, но поступил честно, признавшись, что у него нет данных для того, чтобы сделать это, и не стал оттягивать читателей в сторону больших теорий. Были бы эти ответы полезными, если бы мы вновь обратились к каким-то общим концепциям, применяя их к частным случаям? Я считаю, что нет. Д. Бушнелл поставил полезные вопросы, призывая историков уделить большее внимание региональным архивам и их фондам. Поиск ответов — дело последователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов 2008 — *Виноградов А.А.* Старообрядцы симбирско-ульяновского Поволжья середины XIX — первой трети

XX вв. (основные черты хозяйства, материальной культуры, быта и семьи): дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2008.

Громыко 1986 — *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

Захарова, Эклоф, Бушнелл 1992 — *Захарова Л.Г., Эклоф Б., Бушнелл Д.* Великие реформы в России. 1856–1864 гг. М., 1992.

Мельников 2020 — *Мельников И.* Почему русские крестьянки массово отказывались от брака. Рецензия на книгу Джона Бушнелла о деревенской «эпидемии безбрачия» в XVIII–XIX веках. URL: <https://gorky.media/reviews/pochemu-russkie-krestyanki-massovo-otkazyvalis-ot-braka/> (дата обращения: 31.05.2021).

Миненко 1979 — *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой пол. XIX в.). Новосибирск, 1979.

Прокофьева 2001 — *Прокофьева Н.В.* Старообрядчество Верхнего Поволжья в конце XVIII — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001.

Прокофьева 1981 — *Прокофьева Л.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половины XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981.

Ульянова, Троицкая 2016 — *Ульянова Г.Н., Троицкая И.А.* Ревизские сказки как источник в историографии 1970–2010-х годов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 4 (71). С. 118–135.

Bushnell 1990 — *Bushnell J.* Moscow Graffiti: Language and Subculture. Winchester: Unwin Human, 1990.

Bushnell 2017 — *Bushnell J.* Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the 18th–19th Centuries. Bloomington, 2017.

Dennison 2018 — *Dennison T.* Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the Eighteenth and

Nineteenth Centuries // American Historical Review. Dec 2018. Vol. 123 Issue 5. P. 1790–1791.

Freeze 2016 — Freeze G. Confessions in Imperial Russia: analytical overview of historiography // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39, Is. 1. P. 261–281.

Michels 2019 — Michels G.P. Reviewed Work: Russian Peasant Women Who Refused to Marry. Spasovite Old Believers in the 18th–19th Centuries by John Bushnell // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2019. Bd. 67, H. 4. P. 650–652.

Ransel 2018 — Ranse D.L. Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Slavic Review*. Winter 2018. Volume 77, Issue 4. P. 1101–1102.

Thompson 1971 — Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past and Present*. 1971. Feb. P. 76–136.

REFERENCES

Bushnell J. *Moscow Graffiti: Language and Subculture*. Winchester: Unwin Hyman, 1990.

Bushnell J. *Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the 18th–19th Centuries*. Bloomington, 2017.

Dennison T. Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. *American Historical Review*, Dec 2018, vol. 123, issue 5, p. 1790–1791.

Freeze G. Confessions in Imperial Russia: analytical overview of historiography. *Bylye Gody*, 2016, vol. 39, is. 1, p. 261–281.

Gromyko M.M. *Traditsionnye normy povedeniia i formy obshcheniia russkikh krest'ian XIX v.* Moscow, 1986.

Mel'nikov I. *Pochemu russkie krest'ianki massovo otkazyvalis' ot braka. Retenziia*

na knigu Dzhona Bushnella o derevenskoi "epidemii bezbrachiia" v XVIII–XIX vekakh. URL: <https://gorky.media/reviews/pochemu-russkie-krestyanki-massovo-otkazyvalis-ot-braka/> (data obrashcheniia: 31.05.2021).

Michels G.P. Reviewed Work: Russian Peasant Women Who Refused to Marry. Spasovite Old Believers in the 18th–19th Centuries by John Bushnell. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2019, bd. 67, H. 4, p. 650–652.

Minenko N.A. *Russkaia krest'ianskaia sem'ia v Zapadnoi Sibiri (XVIII — pervoi pol. XIX v.)*. Novosibirsk, 1979.

Prokof'eva L. *Krest'ianskaia obshchina v Rossii vo vtoroi polovine XVIII — pervoi poloviny XIX v. (na materialakh votchin Sheremetevykh)*. Leningrad, 1981.

Prokof'eva N.V. *Starobriadchestvo Verkhnego Povolzh'ia v kontse XVIII — nachale XX vv.*: dis. ... kand. ist. nauk. Iaroslavl', 2001.

Ranse D.L. Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. *Slavic Review*, Winter 2018, volume 77, issue 4, p. 1101–1102.

Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. *Past and Present*, 1971, feb., p. 76–136.

Ul'ianova G.N., Troitskaia I.A. Revizskie skazki kak istochnik v istoriografii 1970–2010-kh godov. *Vestnik PSTGU. Serii II: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2016, vyp. 4 (71), p. 118–135.

Vinogradov A.A. *Starobriadtsy simbirskoul'ianovskogo Povolzh'ia serediny XIX — pervoi treti XX vv. (osnovnye cherty khoziaistva, material'noi kul'tury, byta i sem'i)*: dis. ... kand. ist. nauk. Ul'ianovsk, 2008.

Zakharova L.G., Eklof B., Bushnell D. *Velikie reformy v Rossii. 1856–1864 gg.* Moscow, 1992.

М. В. Батшев

«ПЕСНИ ОСЕНИ»

Рец.: Головин Ф. А. Воспоминания. 1870–1918 / составители А. К. Афанасьев, М. А. Горячева. М.: Новый Хронограф. 2020. 640 с. (Серия «От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах»)

В статье рассмотрено новое издание мемуаров одного из видных общественных и государственных деятелей России рубежа XIX — начала XX в. **Ключевые слова:** мемуары, Ф. А. Головин, земство, II Государственная дума, история России начала XX в.

Сведения об авторе: Батшев Максим Владимирович, научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва). **Контактная информация:** bmv@list.ru.

M. V. Batshev

"SONGS OF AUTUMN"

Rev.: Golovin F. A. Vospominaniia. 1870–1918, sostaviteli A. K. Afanas'ev, M. A. Goriacheva. Moscow: Novyi Khronograf. 2020. 640 p. (Seriia "Ot pervogo litsa: istoriia Rossii v vospominaniiaakh, dnevnikakh, pis'makh')

The article examines a new edition of the memoirs of one of the prominent public and state figures of Russia at the turn of the 19th — early 20th centuries. **Key words:** memoirs, F. A. Golovin, zemstvo, II State Duma, history of Russia at the beginning of the 20th century.

About the author: Batshev Maxim V., researcher of the Department of documentation of heritage and information technologies of the D. S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow).

Contact information: bmv@list.ru.

Мемуары «бывших», оставшихся в СССР, наполнены светлыми воспоминаниями о дореволюционном

детстве. Воспоминания Федора Головина не являются исключением. Не случайно он использует в каче-

© М. В. Батшев, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-320-326

стве эпитафии стихотворение Поля Верлена «Песни Осени», где автор оплакивает свое прошедшее.

Публикуемые в данном издании воспоминания отложились в ОПИ ГИМ (Ф. 424. Оп. 3. Ед. хр. 335–339). Как пишут публикаторы: «Воспоминания Головина представляют собой автограф в двух общих тетрадах (145 и 131 лл.) и на отдельных листах, с многочисленными исправлениями и дополнениями автора. Они написаны в последние годы его жизни и состоят из трех хронологически продолжающих друг друга рукописей: “Последние Головины (Семейная хроника)”, “Московское земство” и Государственная Дума» (с. 7). Данная публикация, несмотря на то, что в рукописи, по которой она печатается, пропущено несколько глав, является наиболее полным на сегодняшний день изданием мемуаров Головина. При этом она не является первым изданием мемуаров председателя Государственной думы 2-го созыва Федора Александровича Головина. Первый раз фрагменты его текста о двух последних заседаниях Государственной думы были опубликованы в журнале «Исторический архив» в 1930 г. В 1959 г. в этом же журнале (№ 4–6) была предпринята более обширная публикация из его мемуаров под названием «Вторая государственная дума», в основе которой лежали стенографические отчеты о заседаниях. Вероятно, об этом своем труде упоминает сам автор (с. 497). Однако в предисловии публикаторов, а также в комментариях об этом ничего не сказано, и не совсем понятно, как она соотносится с журнальными публикациями фрагментов из мемуаров.

Перейдем непосредственно к опубликованному в книге тексту воспоминаний.

В первой части мемуаров Головин рассказывает о своем детстве. Тепло пишет об умершем в его раннем детстве отце и вспоминает свои детские страхи, связанные со вторым браком его матери с хирургом Сергеем Ивановичем. С течением времени автор пересматривает детские представления об отчине: «Рассматривая отношение Сергея Ивановича к нам, почти через 60 лет после его смерти, восстанавливая в своей старческой памяти давнишние события и собственные переживания, я останавливаюсь в недоумении, почему мы так боялись нашего отчима» (с. 50).

Мемуарист, рассказывая о своем детстве, не только упоминает о семейном воспитании, но и говорит о влиянии на него в детстве усадебного старосты Балалаева, проживавшего в подмосковном имении Головиных Деденево. Усадебный сторож, сильно отличаясь от родителей, уравновешивал своим влиянием суровости воспитания в семье Головиных: «Нас убеждали в том, что человек создан не для наслаждения жизнью, а для служения Богу и обществу. Постоянное самоусовершенствование, достигаемое ежедневной борьбой со своими низменными желаниями и страстями <...>, при таком взгляде на назначение человека — жизненный путь казался нам тяжким и страшным. Тем с большим упоением слушали мы простые рассуждения Бассалаева о жизни и об отношении к ней человека» (с. 64). Как пишет дальше мемуарист, рассказывая про их усадебного сторожа, для него,

отставного николаевского солдата, «жизнь состояла из моментов радостного бытия, которыми он дорожил и которые он старался использовать как можно лучше» (Там же). В столкновении таких крайностей и формировался характер будущего государственного деятеля. Еще одним моментом, оказавшим влияние на формирование личности автора, явился практикуемый в семье категорический запрет наказывать детей, введенный родителями: «Она [няня Пелагея. — М. Б.] была уволена Сергеем Ивановичем за то, что в сердцах хлопнула кого-то из нас по некоему мягкому месту тела. Потерпевший не был в большой претензии за это на свою любимую няню, но наш отчим и мать не допускали применения каких-либо телесных наказаний к детям, а потому уволили няню, несмотря на наши слезы и просьбы оставить ее с нами» (с. 85).

После детских годов автор рассказывает о своем обучении в Лицее цесаревича Николая (Катковский лицей). Как пишет Головин, во время обучения в лицее у него и у его братьев были репетиторы, которые помогали им справиться с насыщенной учебной программой. Наибольшую трудность у учеников вызывали переводы с греческого и латинского языков.

Рассказывая про лицей, мемуарист выделяет два периода его истории: «катковский», до смерти основателя, и последующий, когда учебное заведение из частного превратилось в государственное. «Лицейсты катковского времени, то есть воспитанники Лицея за период его основания до смерти Каткова (1887 г.) носили

отпечаток хорошо воспитанных молодых людей, отличавшихся изысканной вежливостью и корректностью в обращении. Но затем, когда лицей превратился в казенное учебное заведение, когда число воспитанников в нем значительно возросло и надзор стал менее бдительным, и к тому же в видах экономии денежных средств, был передан менее квалифицированным, но дешевле оплачиваемым лицам, лицейсты стали походить на «саврасов» без узды» (с. 101).

В главе о лицее содержится множество подробностей относительно организации внутренней жизни и процесса обучения в данном образовательном учреждении. Представляют интерес характеристики учителей, даваемые автором мемуаров. В лицее у него проявляется любовь к рисованию, которая осталась на всю жизнь. О несомненных способностях автора к изобразительному творчеству говорят и несколько десятков его рисунков, использованных в качестве иллюстраций к книге. Не будем подробно останавливаться на лицейском периоде Головина, скажем только, что на выпускном экзамене он писал сочинение на тему: «Россия гибла от многовластия и спасалась мудрым самодержавием» (с. 112).

Последовавший после лицея выбор юридического факультета был сделан Головиным не из желания стать прокурором или адвокатом, а просто ради того, чтобы получить хорошее образование.

Рассказывая о годах студенчества, мемуарист останавливается на истории своей женитьбы, которая вполне достойна отдельного романа. После-

довавшее после окончания университета решение поступить на службу в земство мемуарист принимает под влиянием своего соседа по имению в Дмитровском уезде Московской губернии Николая Петровича Поливанова. Он убедил Головина в необходимости дворянству: «Заплатить долг народу» (с. 170).

Вступая на общественное поприще, автор сомневается в своих перспективах победить на выборах. Но его сомнения оказываются напрасными: «Избирателей на выборы приезжает меньше, чем следует избрать гласных, а потому все приехавшие зачисляются в гласные» (с. 171).

Очень тепло Головин пишет о Вячеславе Ивановиче Иванове, который одно время репетиторствовал его и его брата по древним языкам. «Вячеслав Иванович сумел так себя поставить, что все члены нашей семьи, не исключая и меня, стали относиться к нему с уважением и искренне его полюбили» (с. 191). Много внимание в первой части уделено трагической судьбе братьев мемуариста.

Вторая часть «Воспоминаний» Головина носит название «Воспоминания о московском земстве». Здесь автор рассказывает о своей службе в московском губернском земстве. Начиная свой рассказ, он просит прощения у читателя, «если память мне изменит и я ошибусь в хронологии; прошу также не сетовать на небрежность в стиле» (с. 267). Автор обещает быть в своем рассказе объективным, но оговаривается: «Если мне не удастся достигнуть этого в полной мере, то это будет следствием самой природы воспоминаний, всегда

субъективных, в которых действительность преломляется обязательно через призму личной восприимчивости» (с. 267).

Обратимся теперь к представлениям автора о земстве. Федор Головин смотрит на земскую идею как на этическую. По его мнению, богатые помещики и промышленники, которые платили большую часть земских сборов, проявляли таким образом солидарность со своими менее обеспеченными соседями: «Такой порядок воспитывал в имущих классах сознание нравственного долга — поступиться своими личными интересами на пользу общую» (с. 271). Подробно описывая первое заседание земства, свидетелем и участником которого он стал, Головин резюмирует: «Мне стало ясно, что хороший председатель — первое условие, необходимое для успешного хода заседания, а второе — хороший секретарь, из-под умелого пера которого даже хаотическое заседание получает облик стройного и логически целого, а вопросы маловажные с первого взгляда, приобретают характер принципиальных вопросов, имеющих большое значение для населения» (с. 279). К сожалению, часть глав из этой части «Воспоминаний» утрачена, и мы лишены интереснейшей картины описания того, как функционировали Дмитровское уездное земство и Московское губернское земство.

В третьей части, рассказывая о Государственной думе, Головин выводит ее историю из земских съездов. К сожалению, из-за отсутствия ряда глав текста, о чем уже упоминалось выше, в повествовании имеются заметные лакуны. Рассказывая

о I Государственной думе, автор много внимания уделяет личности ее председателя С. А. Муромцева, с которым познакомился еще в период работы в земстве. Он произвел сильное впечатление на Головина своими ораторскими способностями: «Муромцев неторопливо поднимался с кресла, плавно расправлял свои плечи, высоко поднимал свою красивую голову и при напряженном внимании собрания, обращаясь к председателю, начинал говорить свою речь, всегда в меру сдержанную, хотя и сильную. По выражению глаз, по интонации голоса можно было заметить, что Муромцев негодует, что он посмеивается над противником, а речь его все же была безукоризненно корректна. Относясь всегда к противнику с должным в собрании уважением, он заставлял относиться к себе с уважением и своего противника» (с. 330–331). Рассказывая о популярности партии кадетов в эпоху Первой думы и о ходивших тогда разговорах о блестящих политических перспективах ее лидеров, Головин передает разговоры, ходившие внутри самой партии, в частности, слова ее знаменитого деятеля Ф. Ф. Кокошкина, который считал крайне маловероятным появление думского кабинета министров во главе с П. Н. Милюковым. Он (Ф. Ф. Кокошкин) предполагал, что партийное министерство не сможет удержать власть. «Его захлестнет волна революции, если оно не будет отстаивать свою власть с оружием в руках», но «к.д. не способны расстреливать, они предпочтут, чтобы их расстреливали» (с. 339). Приведенные Головиным слова Федора Федоровича Кокошкина являются пророческими, учитывая дальнейшую трагическую судьбу последнего.

Головин негативно оценивает знаменитое Выборгское воззвание, которое, как ему представляется, не помогло оппозиции в борьбе с царизмом, а, напротив, дало последнему в руки оружие и позволило привлечь к суду бывших депутатов Государственной думы на законных основаниях.

Уже упоминавшиеся утраченные главы вновь фигурируют, когда автор начинает рассказ о выборах во II Государственную думу. Здесь он упоминает о неких «зубрах», похоронивших земское дело в Московской губернии. Но кого конкретно имеет в виду автор, читатель узнать не может из-за отсутствия этой главы.

Переходя к рассказу о вершине своей политической карьеры — посту председателя II Государственной думы, Головин говорит, что он согласился выдвигаться на этот пост, исключительно подчиняясь партийной дисциплине, решению Центрального комитета партии конституционных демократов. Он прекрасно понимает незавидность своей участи в качестве председателя II Государственной думы: «Председатель ее будет в первую очередь мишенью для нападков не только врагов, но даже и со стороны друзей единомышленников» (с. 363).

Главным в руководстве Головиным думой было лавирование между левым и правыми крыльями парламента. Как представитель партии конституционных демократов всей своей деятельностью он старался сохранить как можно дольше II Государственную думу от роспуска, сохраняя тем самым достигнутый в октябре 1905 г. успех Освободительного движения.

Своеобразие Второй думы было в том, что, понимая ее недолговечность, политические силы, представленные в ее составе, старались использовать ее как агитационную трибуну. Представители левых поднимали вопросы о голоде, положении безработных и политических заключенных, правые искали поводы развалить работу думы изнутри или даже вовсе отменить «подлую конституцию». Фракция конституционных демократов критиковала правительство за постепенную ликвидацию принятых 40 лет назад (в 1864 г.) судебных уставов, «от которых осталось немногим больше обложки и переплета, на котором красуется эта надпись» (с. 401). Но несмотря на все эти обстоятельства, по словам председателя, у думы оставалось время на законодательную деятельность.

Ф.А. Головин старается рассказывать о своей деятельности объективно, потому он пишет не только об успехах своего председательствования, но и о том, что не получилось. Причину малой результативности, учитывая количество принятых законов, он видит в том, что дума за тот срок, который она просуществовала (103 дня), только успела решить внутренние организационные вопросы: «проверить правильность выборов своих членов, избрать ряд комиссий, заслужить декларацию правительства, разыскивать помещение для своих занятий после обвала потолка в Таврическом дворце — вообще употребить немало времени на такие вопросы и дела, которые не имеют места в старом парламенте, работающим не первую уже сессию, не успела и не могла успеть

провести хотя бы один существенный закон» (с. 405).

Воспроизводя в мемуарах ход дискуссий на заседаниях думы, обсуждавшей важнейшие вопросы того времени, автор погружает читателя в живую парламентскую атмосферу. В своей недолгой работе председателем парламента Головин руководствовался своим наработанным в земстве опытом: «Важное значение для успеха всякого дела имеют добрые личные отношения между собой лиц, занятых одним общим делом» (с. 493). На посту председателя думы Головин пытался наладить добрые личные отношения с императором и министрами, но эти попытки не встретили поддержки среди депутатов. Стоит отметить чрезвычайно информационно насыщенный рассказ Головина о дебатах по аграрному вопросу. Здесь мемуарист остается верен себе и представляет полную картину дебатов, давая в тексте развернутые выдержки из речей всех выступивших при обсуждении этого вопроса депутатов, а также и представителей правительства.

В главе «О самом себе» Федор Александрович рассказывает среди прочего об организации работы думы и о важности парламентской канцелярии. За хорошую работу во II Думе он благодарит своих товарищей по конституционно-демократической партии Н.И. Астрова и М.В. Челнокова.

Рассказывая о работе парламента, он упоминает не только его видимую часть — заседания и выступления на них ораторов, но и другую, не заметную для многих — заседания думских комиссий и фракций.

Довольно критически описывает Головин деятельность III Государственной думы, депутатом которой он также был избран. «Я решил стать простым “кворумщиком”, и как бы сторонним наблюдателем думской работы» (с. 526). Одновременно с этим Федор Александрович стал зарисовывать ораторов III Думы, но его альбом с этими рисунками не сохранился.

В заключении издания представлены материалы о жизни Головина в СССР. Это документы 1930–1936 гг., связанные с оформлением ему пенсии.

Автору удалось провести корабль своего автодокументального повествования между двумя крайностями: рассказом о важных исторических событиях своего времени, с одной стороны, и рассказом исключительно про собственную жизнь и историю своей семьи, с другой стороны. Обе этих стороны присутствуют в «Воспоминаниях» в гармоническом единстве и делают их интересным источником по изучению истории общественной жизни России рубежа XIX–XX вв.

Р. А. Клочков

Рец.: *Спекторский Е. В.* Воспоминания / вступ. ст. С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко; подгот. текста, коммент. С. И. Михальченко; коммент. П. А. Трибунского. Рязань, 2020. 654 с.

Рецензируются впервые опубликованные мемуары известного российского правоведа и философа профессора Е. В. Спекторского, посвященные его жизни в Варшаве, Киеве и эмиграции.

Ключевые слова: Е. В. Спекторский, Варшавский университет, Киевский университет св. Владимира, российская революция, Белград, Прага, Любляна, русская эмиграция.

Сведения об авторе: Клочков Роман Александрович, магистрант 2-го курса факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Контактная информация: ketridze@mail.ru.

R. A. Klochkov

Rev.: *Spektorskii E. V.* Vospominaniia, vstup. st. S. I. Mikhachenko, E. V. Tkachenko; podgot. teksta, komment. S. I. Mikhachenko; komment. P. A. Tribunskogo. Ryazan, 2020. 654 p.

The review considers the first published memoirs of famous Russian legal scholar and philosopher E. V. Spektorsky dedicated to his life in Warsaw, Kyiv and in exile.

Key words: E. V. Spektorsky, the University of Warsaw, the Kiev University of St. Vladimir, Russian revolution, Belgrade, Prague, Ljubljana, Russian emigration.

About the author: Klochkov Roman A., 2nd year Master's student of the Faculty of International Relations and Foreign Regional Studies of the Russian State University for the Humanities (Moscow).

Contact information: ketridze@mail.ru.

В 2020 г. увидели свет мемуары известного ученого-обществоведа и организатора науки Евгения Василь-

евича Спекторского (1875–1951), выпущенные в 13-м томе серии «Новейшая российская история:

исследования и документы». Подготовку к изданию рукописных текстов и их публикацию осуществляли сотрудники Брянского университета С. И. Михальченко и Е. В. Ткаченко. Текст публикации сопровождают обстоятельные научные комментарии, участие в составлении которых принимали профессор С. И. Михальченко и сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына П. А. Трибунский. Множество интересных подробностей и любопытных деталей о воспоминаниях сообщает читателю вступительная статья составителей и редакторов публикации С. И. Михальченко и Е. В. Ткаченко.

Е. В. Спекторский родился 15 октября 1875 г. в г. Острог Волынской губернии в семье судебного следователя Василия Александровича и швейцарской подданной Софии Фридриховны Крафт. Окончив гимназию с золотой медалью, он в 1893 г. решил по примеру своего отца поступить на юридический факультет, выбрав Варшавский университет, где и начался его путь в науке. Научным руководителем молодого ученого стал Александр Львович Блок, профессор Варшавского университета, отец поэта Александра Александровича Блока. В 1897 г. Спекторский окончил обучение и, защитив выпускную работу, получил степень кандидата права. «Тогда же, — вспоминает он, — по представлению Блока я был оставлен в университете для подготовки к профессуре» (с. 95).

Последующие годы научной и преподавательской деятельности Спекторского пришлось на сложное для Варшавского университета время. Разгар русификаторской политики

в начале 1900-х гг. и вихри революции 1905 г. накалили внутреннюю обстановку в университете и даже привели к остановке его работы. «Октябрьский манифест, — пишет Спекторский, — не успокоил страстей. Университет был закрыт на неопределенное время. Не было смысла оставаться в Варшаве» (с. 140). Отсутствие в силу обстоятельств необходимости заниматься преподавательской деятельностью в этот период позволило молодому ученому посвятить себя исключительно научным занятиям.

Общественно-политическая деятельность Спекторского в это время в основном ограничивалась публикацией статей и выступлениями с докладами и лекциями на политические темы (*Михальченко, Ткаченко 2009: 20*). Сам ученый в мемуарах, обращаясь к дореволюционному периоду своей жизни, не приводит упоминаний о своем участии в каких-либо политических партиях и организациях. Что же касается более позднего периода, то в исследованиях, посвященных деятельности русской эмиграции в Югославии в межвоенный период, В. А. Козлитиным установлен лишь единственный факт причастности ученого к созданию подобной организации. В 1921 г. при участии Спекторского в Белграде было основано Национально-демократическое общество, целью которого стало желание организовать демократические круги эмиграции в противопоставлении их как левым, так и правым силам (Там же: 20).

Период Второй мировой войны Спекторский в своих воспоминаниях затронуть не успел. Сведения о жиз-

ни ученого в этот период войны были дополнены составителями опубликованных мемуаров во вступительной статье. Начало войны и последовавшую нацистскую оккупацию государств Восточной Европы Спекторский встретил с тревогой.

После оккупации Югославии в апреле 1941 г. и установления над частью ее территории итальянского управления Спекторский продолжал свою педагогическую деятельность в Любляне, читая лекции в университете. Относительно мягкий режим, по словам русских ученых-эмигрантов, продолжался недолго; уже в 1942 г. последовало усиление репрессий (Там же: 21). Окончательно положение изменилось с началом немецкой оккупации Любляны в августе 1943 г. В этот период работа университета прекратилась, но при этом у Спекторского появилось время для научной деятельности. Касаясь вопроса о сотрудничестве ученого с нацистскими оккупантами, стоит сказать, что прямых сведений об этом нет. В одном из докладов Министерства госбезопасности Югославии Е. В. Спекторский наряду с некоторыми другими эмигрантами был назван агентом гестапо, однако доказательств, подтверждающих это, найти не удалось (Там же: 28).

Датировать время создания текста мемуаров, по словам С. И. Михальченко, можно лишь предположительно. По всей видимости, основная часть мемуаров была написана в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. (Михальченко 2020: 37). Об этом свидетельствует характеристика Спекторским некоторых событий, позволяющая понять, когда

были написаны те или иные фрагменты воспоминаний. Помимо этого, на датировку текста прямо указывает в первой части воспоминаний сам мемуарист: «Только теперь, летом 1941 года, когда я пишу эти строки и вообще подвожу итоги своей ученой жизни...» (с. 147).

Непростой оказалась судьба самой рукописи мемуаров. Сведения об этом также весьма подробно изложены во вступительной статье, предшествующей тексту публикации. Е. В. Спекторскому, жизни которого как представителя Белой эмиграции угрожала опасность из-за усиления коммунистических настроений в Югославии после Второй мировой войны, пришлось спешно покинуть страну. Он оставил в Любляне рукописный текст мемуаров, переданный на временное хранение своей служанке. Однако после двухлетних скитаний по лагерям для перемещенных лиц в Италии и последующего переселения в США в июне 1947 г. Спекторскому так и не удалось вернуть себе рукописи, что, в свою очередь, стало причиной того, что воспоминания не были опубликованы при жизни автора. Впоследствии, благодаря усилиям бывшего студента Е. В. Спекторского в Люблянском университете Владимира Бонача, который нашел сохранившуюся рукопись в Любляне, в семье бывшей служанки Спекторского, текст мемуаров был сохранен. После переезда В. Бонача в ФРГ в начале 1960-х гг. текст еще некоторое время находился в его личном архиве, пока, наконец, ему не удалось передать записи в руки архивиста Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете Г. Г. Суперфина.

Первые работы, посвященные судьбе Е. В. Спекторского, были опубликованы вскоре после его смерти и долгое время являлись наиболее полными источниками о жизни ученого (Билимович 1970; Зеньковский 1975). В настоящее время более подробные сведения о творческом наследии, общественно-политических и научных взглядах Е. В. Спекторского содержатся в целом ряде исследовательских работ (Герасимов 2016; Михальченко, Ткаченко 2009; 2007; Рутман 2012; Ткаченко 2006; Щеглов, Щеглова 1997).

Помимо любопытных данных о бурных событиях отечественной истории в первые два десятилетия XX в., эти воспоминания, без сомнения, позволят почерпнуть ценные сведения и исследователям послереволюционной русской эмиграции, особенно интересующимся судьбой деятелей науки русского зарубежья и историй ее научно-педагогических организаций. Наряду с этим воспоминания Спекторского дают ценную информацию о характере коммуникативной связи в среде русского зарубежья. Мемуары, в которых описана весьма насыщенная событиями жизнь русского ученого, после революции в октябре 1917 г. оказавшегося в эмиграции, обладают несомненной ценностью как исторический источник, при том что автору, естественно, не удалось в некоторых случаях избежать определенной субъективности.

Воспоминания состоят из трех частей, которые в совокупности представляют собой любопытный документ о быте и научной деятельности не только Е. В. Спекторского, но

и многих представителей как отечественной, так и зарубежной науки и культуры конца XIX — первой половины XX в.: П. Н. Милюкова, П. И. Новгородцева, П. Б. Струве, Ф. В. Тарановского, В. А. Францева и др. Первые две части мемуаров посвящены отечественному периоду жизни Е. В. Спекторского до и после революции. Они богаты воспоминаниями о деятельности Варшавского и Киевского университетов до 1920 г. Третья часть всецело описывает судьбу мемуариста в эмиграции.

Первая часть воспоминаний Е. В. Спекторского содержит сведения о его гимназических и студенческих годах, включает многочисленные подробности о жизни в Царстве Польском, становлении молодого ученого и его последующей преподавательской деятельности в Варшавском университете. Любопытны также приведенные данные, характеризующие национальный состав варшавской среды и характер взаимоотношений между ее представителями.

Первые страницы воспоминаний, которые по логике построения оригинального текста, отмеченной редакторами публикации, должны были сообщить о рождении и первых годах жизни мемуариста, отсутствуют, затерявшись, по всей видимости, бесследно после того, как ученый покинул Югославию. В связи с этим обстоятельством сохранившийся текст начинает повествование уже с описания подробностей о социально-экономическом составе польского общества, той среды, в которой Спекторский вырос и получил образование.

Помимо описания социально-бытовых аспектов жизни в Варшаве, Спекторский в первой части мемуаров оставил значительное количество подробностей о своих заграничных поездках, осуществлявшихся с целью сбора материалов для магистерской диссертации, а также его многочисленных контактах за рубежом. Вызывают интерес оставленные мемуаристом сведения о быте и нравах, царивших в тех странах, которые в ходе своих поездок он посетил: Германии, Италии, Франции, Швейцарии, а также Скандинавии.

И, конечно же, первая часть воспоминаний привлекает внимание множеством подробностей о деятельности, быте и настроениях представителей научной и университетской среды Варшавы, в том числе научного руководителя и вместе с тем друга Е. В. Спекторского — Александра Львовича Блока. Сведения о семье Блоков и некоторые подробности о личной жизни молодого поэта Александра Александровича Блока, оставленные Е. В. Спекторским в мемуарах, говорят нам о дружеском и доверительном характере их отношений. Это подтверждает и тот факт, что А. Л. Блок даже зачитывал письма своего сына Спекторскому, часто гостившему у своего учителя. Таким образом, мемуаристу выпало на долю лично быть посвященным в дела семьи Блоков. Спекторский оставил свои размышления о приезде А. А. Блока на похороны отца в Варшаву в ноябре 1909 г.: «Поездка в Варшаву наложила свой отпечаток на творчество Блока младшего. Прежде всего, он почувствовал духовное родство с отцом» (с. 162).

В насыщенном и бурлящем водовороте исследовательских интересов Спекторского темы чисто правоведческого характера порой уступали место теоретико-методологическим вопросам, общим философским размышлениям. Проблемам становления социологии как научной дисциплины посвятил ученый свой крупный труд, опубликованный им в двух томах еще до отъезда в эмиграцию (Спекторский 1910; 1917). Первый том, вышедший из печати в 1910 г., впоследствии был представлен Спекторским к защите в качестве магистерской диссертации.

Опубликованные мемуары содержат значительный объем ценной информации об особенностях научно-академической жизни дореволюционной России. Интересны воспоминания Спекторского о традиции проведения диссертационных диспутов в дореволюционной России, его личные размышления о недостатках их организации. По мнению ученого, основной недостаток данных диспутов заключался в том, что диссертации не «разбирались по косточкам на предварительном факультетском заседании», поэтому зачастую уже во время защит обнаруживались случаи плагиата.

Спекторский пишет о настроениях, царивших в правительственных кругах польского края накануне кризисных событий первой русской революции. Автор в подробностях рассказывает о проявлениях революционного террора, приводя в пример конкретные случаи расправ с представителями властных структур. Внимание привлекают размышления автора о революционных

событиях и их восприятию им, что отражает личную позицию мемуариста по многим аспектам революционной действительности. Спекторский свое отношение к революции 1905 г. и свершившимся на ее фоне событиям выражает в большей степени негативно, характеризуя происходившее тем, что «мягкотелая либеральная интеллигенция шла на поводу у радикальных социалистов» (с. 135).

Затронул автор и сюжет из жизни Варшавского университета, связанный с борьбой сторонников польской и русской национальных научных группировок за преобладание в учебном заведении. Начиная с 1869 г., когда Варшавский университет как польское учебное заведение был преобразован в русскоязычное, в нем стала активно проводиться государственная политика русификации, направленная, прежде всего, на польских студентов. В связи с этим, естественно, обострился и национальный вопрос среди преподавательского состава. В целом атмосфера Варшавского университета на рубеже XIX–XX вв., в годы преподавания в нем Е. В. Спекторского, не отличалась особой душевностью (*Михальченко, Ткаченко* 2007: 104). Вспоминая это время, сам Спекторский пишет: «Революция углублялась. И мирные занятия никак не налаживались из-за требования полонизации университета, как будто поддерживавшегося растерявшимся правительством» (с. 140).

Вторая часть мемуаров начинается с воспоминаний Е. В. Спекторского о переезде в Киев в 1914 г., где ему предстояло занять место на кафедре Киевского университета св. Влади-

мира. Основное внимание этой части мемуаров уделено одному из наиболее тревожных периодов жизни ученого, который пришелся на кризисные события Первой мировой войны и революционных бурь 1917 г.

На страницах своих мемуаров Спекторский размышляет об охватившем страну кризисе: «Осенью 1916 года очень сгустилась политическая атмосфера. То, что Пуришкевич назвал “министерской чехардой”, свидетельствовало или о неустойчивости общего курса политики, или об отсутствии подходящих людей на верхах» (с. 227–228). Разворачивавшуюся Февральскую революцию ученый встретил с тревогой. Об этом он пишет: «После отказа от престола великого князя Михаила Александровича... наша уравновешенная профессура приуныла. Она не верила в миф великой “бескровной” революции» (с. 228). События Октябрьской революции запомнились Спекторскому, который на тот момент находился в Киеве, прежде всего, отделением Украины от бывшей Российской империи.

В крайне напряженных условиях смутных дней начинавшейся Гражданской войны Е. В. Спекторскому пришлось заведовать делами Киевского университета в должности ректора. Положение дел сильнее обострялось на фоне разворачивавшегося на Украине национального движения и боевого наступления большевиков на Киев в январе 1918 г. Воспоминания об этих событиях интересны тем, что Спекторский подробно повествует о характере настроений, царивших не только в академической среде Киева, но также и в сменявших друг друга на Украине правительствах.

Подписание мира с Германией украинскими представителями в феврале 1918 г., осуществленное почти на месяц ранее Брестского мира, открыло дорогу немецкому наступлению, на фоне которого правительство Центральной Рады сменилось режимом гетмана Скоропадского. В это бурное время Спекторскому на два дня пришлось оказаться в тюремном заключении, и о точных причинах ареста он так и не узнал.

5 апреля 1918 г. Спекторский был избран ректором Киевского университета св. Владимира. В условиях обострения национального вопроса на Украине ученый видел своей задачей противодействие украинизации университета. На фоне осуществлявшегося при гетмане Скоропадском изменения законодательства, предусматривавшего введение украинского подданства, Спекторский стремился сохранить русское подданство. Об этом он пишет следующее: «Из профессоров нашего университета всего три человека подали заявление о желании сохранить русское подданство. В их числе был и я» (с. 245–246).

Эта часть воспоминаний повествует о наиболее напряженном времени в жизни ученого. Наступавшие с боями петлюровцы ненадолго закрепились в Киеве, однако вскоре были оттеснены большевиками. Установление большевистской диктатуры в Киеве, сопровождавшееся карательными мероприятиями ЧК, подробно описано Спекторским. Общая обстановка страха и морального угнетения сменилась, по словам мемуариста, лишь на недолгое время, с августа по октябрь 1919 г., с на-

ступлением Добровольческой армии и установлением в Киеве управления под ее главенством. Однако большевики вскоре вновь захватили власть. Накануне окончательного утверждения большевиков Спекторский эвакуировался в Одессу осенью 1919 г.

В это же время Е. В. Спекторский, несмотря на угрожающую опасность, продолжал заниматься организаторской деятельностью, попутно оказывая помощь многим своим коллегам по университету св. Владимира.

Описания всего происходившего в Киеве перемежаются с размышлениями Спекторского и на другие темы. Исходя из характера его записей, можно заметить, что он продолжал сохранять умеренно правые взгляды, держась на расстоянии от леволиберальных течений. Это обозначилось в довольно критическом отношении ко всем, кто был причастен к началу революционных событий в феврале 1917 г. — не только к представителям левых групп, но и к бывшим «кадетским вожакам». Вспоминая события той поры, мемуарист пишет: «В подрыве авторитета монархии с Милюковым и социалистами участвовал и редактор “Киевлянина” монархист В. В. Шульгин» (с. 228).

На основе размышлений Е. В. Спекторского можно заметить, что различия во взглядах ученых-эмигрантов на сюжеты прошлого русской истории в какой-то степени носили характер старого противостояния славянофилов и западников. «Мне до сих пор непонятно, — пишет Е. В. Спекторский, — почему он [Милюков], несмотря на свое западничество, изобразил Петра... как

какого-то пьяного и безответственного варвара» (с. 250). Размышляя об исторических взглядах школы Ключевского, Е. В. Спекторский критически характеризует ее, называя «ехидной».

Гражданская война между тем продолжалась. С наступлением 1920 г. условия жизни в Одессе ухудшились; «внезапно исчез керосин», — заметил Спекторский в своих воспоминаниях. Далее он продолжает: «через несколько дней под утро со стороны Очакова раздалась пушечная стрельба» (с. 278). Стало ясно, что большевики наступают и городу долго не продержаться. Распространявшиеся слухи о скором падении Одессы заставили Спекторского задуматься над тем, чтобы покинуть город. Через знакомых ученому удалось получить визу на английский пароход. Воспоминания Спекторского о том дне, когда ему и его семье предстояло навсегда покинуть Россию, полны грусти: «На рассвете наш пароход двинулся в дальнейший путь. И, проезжая мимо Фонтанов, мы в последний раз видели русскую землю. Нам предстояло, выражаясь словами Данте, подниматься и спускаться по чужим ступенькам, а также есть чужой хлеб, у которого, согласно итальянской поговорке, семь корок» (с. 279).

Третья часть воспоминаний посвящена жизни Е. В. Спекторского в эмиграции и насыщена значительным объемом сведений о быте и деятельности многочисленных эмигрантских групп, рассказывает о трудностях адаптации эмигрантов в новых условиях. При том, что основное внимание автора обращено, прежде

всего, на научную сферу эмиграции, Спекторский упоминает и крупных представителей военной среды и чиновничества русского зарубежья. В эмиграции Спекторский, будучи активным участником русского научного сообщества, занимал преподавательские и административные должности при нескольких университетах Белграда, Праги и Любляны. Непосредственное участие мемуариста в организации периодически проводимых научных съездов исследователей-эмигрантов позволило ему осветить множество деталей организационной и административной сторон русской зарубежной науки. В эмиграции Е. В. Спекторский занимался не только организаторской деятельностью. Он опубликовал множество публицистических работ, в которых затрагивал не только философскую и правоведческую, но зачастую и историческую проблематику (*Спекторский* 1927). Помимо участия в коллективных сборниках, можно отметить и крупные труды ученого, изданные в эмиграции (*Спекторский* 1925; 1935; 1936).

Белградский период жизни Е. В. Спекторского привлекает внимание описанием положения как русской православной церкви за рубежом, так и сербской. Интересны размышления Спекторского о сербских традициях, особенностях домашнего быта, а также о специфике сербского православного богослужения, которое, по его мнению, было «ближе к древней христианской традиции, чем то, к чему привыкли мы, русские» (с. 307).

Свои политические предпочтения в эмиграции Спекторский выражал

через характеристики, данные им различным политическим лидерам. Так, ученый был критически настроен к первому президенту Чехословацкой Республики Т. Масарику и подчеркивал в своих размышлениях: «отношение Масарика к России было, в сущности, недоброжелательное. Он писал о ней с высоты усвоенных им западных формул прогресса». Обидными Спекторскому казались и высказывания Масарика о русской монархии в лице Николая II, добрую память о котором ученый сохранял на протяжении всей своей жизни.

В противовес Масарику в глазах Спекторского в положительном свете предстал премьер-министр Чехословакии Карел Крамарж. Нужно сказать, что К. Крамарж являл собой весьма значимую фигуру в развитии чешско-русских взаимоотношений (Сератионова 2006). На него, по словам ученого, возлагались надежды как на «друга России», старавшегося оказывать, по мнению мемуариста, сопротивление росту влияния «Третьего интернационала», охватившего Россию (с. 358).

Размышляя над сложившимся положением Чехословакии на международной арене в конце 1930-х гг., ученый в одном из писем Г. В. Флоровскому высказал свое мнение: «Теперь очевидно, как был прав Крамарж, и как гибельна была для Чехии политика, которую вели Масарик и, особенно, Бенеш» (Михальченко, Ткаченко 2020: 27). Спекторский обвинял Масарика и «масариков народ», куда относил и Бенеша, в проведении политики «космополитического гуманизма» с левым уклоном, что, в свою очередь, привело Чехослова-

кию к потере «национального духа», при том, что сам Масарик, по мнению мемуариста, воспринимал войну «только в том случае, когда задеты интересы всего человечества. О защите отечества ни слова» (с. 444).

В описаниях Спекторским П. Н. Милокова, П. Б. Струве и многих других именитых деятелей русской научной эмиграции можно увидеть существовавшие различия в их взглядах. Проявлявшиеся расхождения в общественно-политических воззрениях, усилившиеся на фоне пережитых событий революции и Гражданской войны, уже в условиях эмиграции создавали порой полемику в их взаимоотношениях. Однако профессиональная солидарность ученых и старые связи не позволяли контактам между ними обрываться окончательно.

Активно развивалась в среде российских ученых-эмигрантов публицистика. Немалое количество работ в ряде периодических изданий российского зарубежья опубликовал и сам Е. В. Спекторский, касаясь самых различных тем (Спекторский 1926; 1923; 1921; 1928).

Исследователей государств Центральной и Юго-Восточной Европы первой половины XX в. могут заинтересовать оставленные Е. В. Спекторским замечания о жизни, быте и нравах жителей Королевства сербов, хорватов и словенцев, т. е. будущей Югославии, а также Чехословакии.

Наряду с этим любопытны характеристики даны мемуаристом крупным общественным и политическим

деятелям славянских стран. Помимо названных выше чехословацких политиков, упоминаемых Спекторским, сюда можно отнести и характеристику известных югославских лиц: сербского политика, крупного партийного деятеля и премьер-министра Королевства СХС Николы Пашича, хорватского политического деятеля Степана Радича, а также короля Югославии Александра I Карагеоргиевича.

Спекторский подробно описывает характер межнациональных и общественно-политических взаимоотношений в составе новообразованного Королевства сербов, хорватов и словенцев. Будучи непосредственным свидетелем событий и находясь в той социальной среде, в которой функционировало русское зарубежье, он отображает настроения, царившие в обществах стран-реципиентов, в том числе характеризует и отношение к русским эмигрантам.

Представителям эмиграции в первое время пребывания за границей было трудно приспособиться к совершенно непривычным им особенностям быта, обычаям и традициям местного населения. Недопонимание между людьми зачастую приводило к курьезным случаям. О первых днях жизни в Сербии Спекторский вспоминает: «Благодаря бытовому несходству, русские кончили тем, что стали нанимать отдельные квартиры и сдавать друг другу комнаты» (с. 312).

Затрагивая вопрос о характере отношений русских эмигрантов и жителей Югославии, Спекторский в целом отмечал их как хорошие. В положительном свете в его глазах

предстал король Александр Карагеоргиевич: «Большой сербский патриот и верный друг России. Трудно перечислить все то добро, не только материальное, но и моральное, которое он сделал всем нам» (с. 338). Однако, на фоне складывавшихся внутри государства межнациональных конфликтов, русским эмигрантам, как чужеродному элементу, порой приходилось встречать к себе и негативное отношение. Осенью 1929 г., во время обострения сербо-итальянских отношений, ряд лиц из среды русской эмиграции были обвинены в шпионаже в пользу Италии. Вспоминая эти события, Спекторский сообщает: «началось гонение на русских. Из министерства сооружений уволили пять русских, безусловно служивших и виноватых только в том, что они как рассыльные разносили запечатанные конверты» (с. 494).

Исследователями, взявшими на себя редактирование, комментирование и публикацию текста представленных мемуаров, была проведена большая и важная работа. Введение в широкий научный оборот ранее труднодоступных материалов, долгое время находившихся в зарубежном архиве, имеет несомненную важность для историков. Представленные мемуары привлекают внимание большим количеством интересных фактов и в деталях охватывают некоторые сюжеты бурных событий отечественной истории первых двух десятилетий XX ст., свидетелем которых стал Е. В. Спекторский. И, конечно же, множество ценных сведений из вышедшей книги почерпнут для себя исследователи российской революционной эмиграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Билимович* 1970 — *Билимович А. Д.* Памяти профессора Е. В. Спекторского // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк. 1970.
- Герасимов* 2016 — *Герасимов Н. И.* Е. В. Спекторский как историк «Социальной физики» // История философии. Том 21. № 1. 2016.
- Зеньковский* 1975 — *Зеньковский В. В.* Е. В. Спекторский // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей под редакцией Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1975.
- Михальченко, Ткаченко* 2009 — *Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Е. В. Спекторский в эмиграции (1920–1951) // Славяноведение. 2009. № 1.
- Михальченко, Ткаченко* 2007 — *Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Е. В. Спекторский и Варшавский университет в конце XIX — начале XX веков // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. 2007. № 8(39), вып. 4.
- Михальченко, Ткаченко* 2020 — *Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Е. В. Спекторский: очерк жизни и научной деятельности // Спекторский Е. В. Воспоминания / Вступ. ст. С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко; подгот. текста, коммент. С. И. Михальченко; коммент. П. А. Трибунского. Рязань, 2020.
- Михальченко* 2020 — *Михальченко С. И.* О воспоминаниях Е. В. Спекторского // Спекторский Е. В. Воспоминания / Вступ. ст. С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко; подгот. текста, коммент. С. И. Михальченко; коммент. П. А. Трибунского. Рязань, 2020.
- Рутман* 2012 — *Рутман В. Г.* Е. В. Спекторский о трех смыслах демократии // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2.
- Сератионова* 2006 — *Сератионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006.
- Спекторский* 1926 — *Спекторский Е. В.* Белое движение // Возрождение. Париж. 1926. 19 ноября. № 535.
- Спекторский* 1923 — *Спекторский Е. В.* Достоевский как публицист // Русская мысль. Берлин, 1923. № IX–XII.
- Спекторский* 1927 — *Спекторский Е. В.* Заветы Петра Великого // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1.
- Спекторский* 1921 — *Спекторский Е. В.* Кризис современного государства // Русские сборники. София, 1921. Вып. 1.
- Спекторский* 1935 — *Спекторский Е. В.* Либерализм / Проф. Е. В. Спекторский. Люблина: Русская матица, 1935.
- Спекторский* 1928 — *Спекторский Е. В.* Памяти генерала Врангеля // Новое время. Белград. 1928. № 2104.
- Спекторский* 1936 — *Спекторский Е. В.* Принципы европейской политики России в XIX и XX веках / Е. В. Спекторский. Люблина: Русская матица, 1936.
- Спекторский* 1910 — *Спекторский Е. В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 1. Новое мировоззрение и новая теория науки. Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1910.
- Спекторский* 1917 — *Спекторский Е. В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 2. Киев: литотип. "С. Кульженко", 1917.
- Спекторский* 1925 — *Спекторский Е. В.* Христианство и культура. Прага: Пламя, 1925.
- Ткаченко* 2006 — *Ткаченко Е. В.* Государство и конституция в работах Е. В. Спекторского 1917 г. // Право; история, теория, практика. Брянск, 2006. Вып. 10.
- Щеглов, Щеглова* 1997 — *Щеглов В. В., Щеглова Л. В.* Философский портрет Е. В. Спекторского // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1997. № 4.

REFERENCES

- Bilimovich A.D. Pamiati professora E. V. Spektorskogo. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [Transactions of the Association of Russian-American Scholars in U. S. A.]. Vol. XXXI. New York, 1970.
- Gerasimov N. I. E. V. Spektorskij kak istorik "social'noj fiziki". *Istoriya filosofii*, Moscow, 2016, vol. 21, no. 1.
- Zenkovskij, V. E. Spektorskij, *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka*, ed. N. Poltoratskij, Pittsburg, 1975.
- Mikhalchenko S. I., Tkachenko E. V. E. V. Spektorskij v emigratsii. *Slavianovedenie*, 2009, no. 1.
- Mikhalchenko S. I., Tkachenko E. V. E. V. Spektorskii i Varshavskii universitet v kontse XIX — nachale XX vekov. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriia. Politologija. Ekonomika*, 2007, no. 8(39), vyp. 4.
- Mikhalchenko S. I., Tkachenko E. V. E. V. Spektorskii: ocherk zhizni i nauchnoi deiatel'nosti. *Spektorskii E. V. Vospominaniia* [Memoirs] / Vstup. st. S. I. Mikhalchenko, E. V. Tkachenko; podgot. teksta, komment. S. I. Mikhal'chenko; komment. P. A. Tribunskogo, Ryazan, 2020.
- Mikhalchenko. S. I. O vospominaniiax E. V. Spektorskogo. *Spektorskii E. V. Vospominaniia* [Memoirs] / Vstup. st. S. I. Mikhalchenko, E. V. Tkachenko; podgot. teksta, komment. S. I. Mikhal'chenko; komment. P. A. Tribunskogo. Ryazan, 2020.
- Rutman V. E. Spektorskij o trekh smyslakh demokratii. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2012, no. 2.
- Serapionova E. P. *Karel Kramarzh i Rossiia. 1890–1937 gody: Ideinye vozzreniia, politicheskaiia aktivnost', sviazi s rossiiskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deiateliami*, Moscow: Nauka, 2006.
- Shcheglov, V., Shcheglova, L. *Filosofskij portret E. Spektorskogo*. Vestnik Moskovskogo universiteta, Series 7 "Philosophy", 1997, no. 4. Spektorskii E. V. *Beloe dvizhenie*. Vozrozhdenie. Parizh. 1926. 19 noyabria. no. 535.
- Spektorskii E. V. *Dostoevskii kak publitsist*. Russkaia mysl', Berlin, 1923. no. IX–XII.
- Spektorskii E. V. *Zavety Petra Velikogo*. Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva v Prage. Praga, 1927. Kn. 1.
- Spektorskii E. V. *Krizis sovremennogo gosudarstva*. Russkie sborniki. Sofiia, 1921. Vyp. 1.
- Spektorskij E. *Liberalizm*. Lyublyana: Russkaia Matitsa, 1935.
- Spektorskii E. V. *Pamiati generala Vrangeliia*. Novee vremia. Belgrad, 1928. no. 2104.
- Spektorskii E. V. *Printsipy evropeiskoi politiki Rossii v XIX i XX vekakh*. Liubliana: Russkaia matitsa, 1936.
- Spektorskij E. *Problema sotsial'noi fiziki v XVII stoletii*. t. 1, Warszawa: Tipografija Warszawskogo uchebnogo okruga, 1910.
- Spektorskii, E. V. *Problema sotsial'noi fiziki v XVII stoletii*. t. 2, Kiev: litotip. "S. Kul'zhenko", 1917.
- Spektorskii E. V. *Khristianstvo i kul'tura*. Praga: Plamia, 1925.
- Tkachenko E. V. Gosudarstvo i konstitutsiia v rabotakh E. V. Spektorskogo 1917 g. *Pravo; istoriia, teoriia, praktika*. Briansk, 2006. Vyp. 10.

Н. А. Уткина

Рец.: *Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А.* Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С. П. Щербины. М.: АИРО-XXI, 2020. 632 с.

Обзор на издание АИРО-XXI к 150-летию В. И. Ленина. В книге рассматриваются трансформации ленинского образа на разных этапах отечественной истории через коммеморативные юбилейные практики и властные инструменты актуализации прошлого для нужд настоящего.

Ключевые слова: В. И. Ленин, И. В. Сталин, память, антипамять, культ, антикульт, лениниана, культурный герой.

Сведения об авторе: Уткина Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, сотрудник Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (Нижний Новгород).

Контактная информация: cucula86@mail.ru.

N. A. Utkina

Rev.: *Bordiugov G. A., Kotelenets E. A.* Lenin: kul't i antikul't v prostranstvakh pamiati, istorii i kul'tury. S Prilozheniem S. P. Shcherbiny. Moscow: AIRO-XXI, 2020. 632 p.

Review of the AIRO-XXI edition for the 150th anniversary of V. I. Lenin. The book examines the transformation of Lenin's image at different stages of Russian history through commemorative practices and powerful tools to actualize the past for the needs of the present.

Key words: V. I. Lenin, J. V. Stalin, memory, anti-memory, cult, anti-cult, Leniniana, cultural hero.

About the author: Utkina Nadezhda A., Candidate of Historical Sciences, employee of the Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve (Nizhny Novgorod).

Contact information: cucula86@mail.ru.

В год, когда В. И. Ленину (Ульянову) исполнилось 150 лет, вышла книга, в которой прослеживается

«бытование Ленина в памяти, истории, а еще точнее — исторических источниках и исследованиях, а также

в культуре, породившей, собственно, художественную лениниану» (с. 12). Ее авторы — Е. А. Котеленец, известная исследованиями бытования образа В. И. Ленина и его идейного наследия в поздне- и постсоветское время, и Г. А. Бордюгов, изучавший в 1980-е гг. ленинский архив, а ныне плодотворно разрабатывающий проблематику пространств российской коллективной памяти и исторической политики.

Эта книга выделяется на фоне обширной отечественной и зарубежной ленинианы нетрадиционной постановкой проблем и их решениями. Эта оригинальность следует из успешного опыта коммеморативных проектов АИРО-XXI, посвященных юбилеям Великой Победы, Революции 1917 г., личности И. В. Сталина. Сочетающие академичность с доступностью изложения, эти труды не просто актуализируют образы «минувших дней» и помогают выделить из сплошной фактографии ощущаемые, но не всегда сформулированные тренды манипуляции и рефлексии по поводу прошлого.

Представляющее академический интерес для историков, социологов, антропологов, политологов, философов издание важно для современного общества. Особенно важно для поколения, к которому относится рецензент. Оно пошло в советскую школу в начале 1990-х гг. и еще училось по букварю, в котором буквы и слоги складывались в «самые дорогие и близкие для всех нас слова: мама, Родина и Ленин». Те дети не принимались даже в октябрята, но ощутили когнитивный диссонанс смены идеологической аксиологии. В памяти «пасынков перестройки» остались

уютные описания детской жизни в симбирском доме Ульяновых, шалостей Володи, Оли, Мити и Маняши, драма разбитого графина, избрательные чернильницы из хлеба, печник и часовой, охота с собакой Женькой... Такие образы не позволяют воспринимать В. И. Ленина только как персонажа черно-белых политических мифов, героя демотиваторов или коммерческий бренд.

Оказавшись между поколениями разочарованных отцов, младших братьев и даже детей, это поколение не верит телевизионной пропаганде и эмоциональной антикоммунистической риторике проживших в СССР целую жизнь. Наверное, этому поколению более всех нужно понимание В. И. Ленина и его наследия в условиях сохраняющегося официального молчания. Нужна в том числе и подобная оптика, чтобы понять, как возводился этот колосс и оказался ли он «на глиняных ногах». В удовлетворении этой потребности видится один из нюансов актуальности издания.

Книга делится на введение, части I–V, заключение, приложение и указатель имен. Во введении прописаны научная и общественная актуальность исследования образа В. И. Ленина. Социальная востребованность обусловлена не только полуторастолетним юбилеем, но и нарастанием в 2020 г. тревожности, усугубленной пандемией, вспышками беспокойства в мире. Авторы правы в том, что кризис ценностей и связей заставляет человечество искать «опору в памяти и идентичности» (с. 10), назначая избавителей и виновников. В книге фиксируется ситуация культурно-исторической

дихотомии В. И. Ленина. Для одних он остается «живее всех живых», олицетворением возможности изменить мир к лучшему, носителем идеалов равноправия и социальной справедливости, для других — ответственным за крушение Российской империи, убийство царя и репрессии 1930–1950-х гг., за развал СССР... Для препарирования таких стереотипов Г. А. Бордюгов и Е. А. Котеленец используют методику реконструкции властвующими субъектами проектов памяти. Главные инструменты методики («культурный герой», «объекты» и «субъекты» памяти, «антипамять», «культ» и «антикульт») описываются во введении.

Отклоняясь от традиционного понимания «юбилея» как 50-летия (год после «семи седмиц»), параграфы книги членят по десятилетним «шагам» формирование памяти о В. И. Ленине, корпус исследований его биографии и теоретического наследия, художественные интерпретации образа. Это помогает читателю легче воспринимать материал, однако не всегда позволяет понять, к какой из дат то или иное событие тяготеет. Оно может как оказаться следствием прошедшего юбилея, так и наполнять содержанием следующий. Иногда в интервалы попадают важные для биографии В. И. Ленина и всей отечественной истории сюжеты, не получающие своей трактовки.

Сразу надо отметить и неравномерность распределения материала: части IV и V занимают более половины всего труда. Это объясняется авторской оптикой и материалом: объем информации в связи с сознательной актуализацией ленинского образа

нарастал от сталинского времени к перестройке, в бурные 1990-е гг. и первые десятилетия XXI в.

Перед началом разговора о ленинском образе надо было представить «исторического» В. И. Ленина (1880–1890–1900–1910-е гг.). Он явлен в части I «В пространстве исторической биографии». Живший Ленин описан декадами: читатель узнает о 10–20–30 и 40-летнем Владимире Ульянове-Ленине. Первый период — «нормальное» детство сообразительного и шаловливого ребенка (и этот невинный образ, как считают авторы, сохранился по сию пору). Второй период — отличные успехи и дисциплина в гимназии, однако с товарищами — нелюдимость и замкнутость (по характеристике директора Ф. М. Керенского). Третий период — семейные драмы и взросление (смерть отца, казнь брата, смерть сестры, исключение из университета, административная ссылка), но в то же время — расширение физических границ (Казань, Самара, Петербург) и интеллектуальных горизонтов (окончание экстерном университета, штудирование Чернышевского, знакомство с трудами Гегеля, Маркса), выраженные народовольческие симпатии. Видно, что разные процессы биографии В. И. Ульянова не совпадают с астрономическим временем и жизненными 10-летними микроциклами. Поэтому авторы вынуждены перемещать часть фактов из второго десятилетия в третье (например, смерть отца в 1886 г. и казнь брата в 1887 г.).

К 1900 г. В. И. Ульянов — сложившийся «социал-демократ западного типа» (с. 37), знакомый как

с П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым, так и с Полем Лафаргом и Карлом Каутским, автор резонансной работы «Развитие капитализма в России», заграничный эмиссар российской социал-демократии с опытом ареста и ссылки в Шушенском, семейный человек с высокой интеллектуальной работоспособностью. Таким он летом 1900 г. появился в эмигрантской среде Швейцарии. Для молодой аудитории здесь нелишне было бы заострить значение работы «Развитие капитализма в России». Ведь в ней доказывалась готовность России к революции через демонстрацию сформировавшегося пролетариата, откуда началось расхождение между меньшевиками и большевиками.

Одним из основополагающих моментов интеллектуального выдвижения молодого лидера авторы книги заявляют конфликт В. И. Ульянова-Ленина и Г. В. Плеханова. Спор шел об издании общерусской социал-демократической газеты «Искра». Недоверие Г. В. Плеханова к молодежи, подпитываемое авторитарными устремлениями и капризами, разногласия между членами редакции послужили для В. И. Ульянова-Ленина толчком к сознательному конструированию себя как интеллектуального флагмана российских марксистов: «он понял, что на интеллектуальное лидерство можно претендовать только серьезными теоретическими трудами. Так была задумана и написана за осень и зиму 1901–1902 гг. знаменитая книга “Что делать?”, обосновавшая необходимость организации без попутчиков и лжесоциал-демократов, а также пролетарской революции против самодержавия и буржуазии в мировом масштабе» (с. 43).

Последовавшее кипение страстей усугубилось расколом в движении, выходом Ленина из редакции «Искры», поворотом Г. В. Плеханова к меньшевизму, ожесточенной фракционной борьбой. Результатом этого, по мнению авторов, стал «стиль его [Ленина] политического поведения», предполагавший «абсолютизацию текущего момента» (с. 45). С отсеканием всего лишнего как вредного.

Между тем подробно выведенная «схватка» В. И. Ленина с Г. В. Плехановым заслонила относящиеся к третьему десятилетию создание в 1895 г. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», личные и внутрипартийные отношения с А. А. Ваневым, Ю. О. Мартовым (что впоследствии назовут «дружбой-враждой») и другими. Важное значение имели и разгром «Союза», последовавший арест его верхушки и ссылка В. И. Ленина.

Фактическое создание РСДРП(б) (1903 г.) тяготеет уже к четвертому десятилетию. Более подробный рассказ об этом помог бы закрепить суждение авторов о том, что в 1910 г. Ленин «жил революцией» (с. 52). Его бескомпромиссность во внутрипартийных дискуссиях ярко проявилась на Копенгагенском конгрессе II Интернационала, где «резко выявились все раздражение и вся злоба представителей различных течений в русской секции конгресса против Ленина» (с. 50).

Он же, сумев подняться над этой суетой, обратился к анализу уроков Революции 1905 г. В рассуждениях авторов об этом не нашли отражения усилия В. И. Ленина по сохранению

партии количественно и качественно после поражения Первой революции (отзовисты и ликвидаторы), критике субъективного идеализма в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), что может дать понимание ряда внутривнутрипартийных противоречий. Ленин ранее других почувствовал, что новый политический режим в стране, сформированный путем юридических процедур, уже не является самодержавием, «вполне сложился и даже успешно функционирует» (с. 53). Надежды на революцию тогда возродила Первая мировая война.

Часть II — это один параграф «Высокий пьедестал вопреки желанию юбиляра», посвященный 1920 г. — 50-летию В.И. Ленина. Его авторы считают эту дату отправной точкой обустройства пространства памяти о В.И. Ленине как вожде Октября, главе первого в мире государства трудящихся. Здесь обнаруживаются первые ростки «культу вождя и его сакрализации» (с. 56). Авторы книги справедливо связывают данные явления с покушением на Ленина в 1918 г. и последовавшими «красным террором» и всенародным «дежурством» у постели больного. Тогда же начались переименования в честь Ленина городов, сел, улиц, славословия в духе «вождя космического масштаба».

Г.А. Бордюгов и Е.А. Котеленец приводят свидетельства возражений юбиляра восхвалениям, его инициатив по отмене террора и смертной казни, требований соблюдать партийную этику: «Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека,

давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности!» (с. 57, 59). Показательна и история с музеем, посвященным В.И. Ленину, идею которого он назвал «неприличием» (с. 58).

В пятом десятилетии появляются и первые биографические книги о В.И. Ленине, которые уже порождали ленинский прижизненный миф. Начинается формирование ленинианы — совокупности произведений искусства и литературы, посвященных В.И. Ленину. Например, в стихотворчестве — Ленина осмысливали разные по манере Н. Клюев, Д. Бедный, В. Маяковский.

Празднование 50-летия, включавшее массовую агиткампанию, череду поздравительных адресов и подарков, было срежиссировано людьми из близкого окружения В.И. Ленина. Эти веяния уловила разросшаяся бюрократия. Ей юбилей был нужен для утверждения собственного положения (с. 66). На примере прижизненного юбилея Ленина в книге показаны угасание принципа коллективного руководства, формирование иерархии партаппарата и «чиновничьей» прослойки из резвой молодежи, воздвижение стены здравиц между Лениным и трудовым народом. Авторы заключают, что система, насаждавшая культ Ленина против его воли, в 1920 г. не только не была управляема им, но уже в нем и не нуждалась. Ухудшение самочувствия и скорая смерть вождя довершили отделение реального от творимого.

Важнейший триггер пятого десятилетия — Октябрьская революция 1917 г. — в книге дан лишь как факт

случившийся. Между тем детальный рассказ об окружении Ленина в тот момент позволил бы лучше понять расстановку действующих лиц в «сталинские» десятилетия.

Часть III «Инструментализация культа Сталиным» посвящена юбилеям 1930, 1940 и 1950 гг. Они маркируют начало и ход реализации того сценария, при котором «использование мертвых происходит символически, как в случае, когда члены общества, где чрезвычайно развито соперничество, вынуждены... осмелиться призвать на помощь мертвых, стараясь обосновать свои притязания на исключительность» (*Адоньева* 2011: 105).

Особенно остро это ощущалось в движении к юбилею 1930 г. Между «заклятыми» наследниками памяти Ленина, как показали авторы, не было единства и в отношении к сценариям его почитания. Самой здоровой была инициатива Н. К. Крупской: увековечивайте память делами («устраивайте ясли, детские дома, школы, библиотеки...», с. 76) и воплощайте в жизнь его заветы. Однако решения о возведении мавзолея, создании научных служб по обслуживанию тела и изучению мозга вождя оправдывались глубоким символическим значением В. И. Ленина для трудящихся всех стран. Открытие Института В. И. Ленина (1924) с музейной экспозицией закрепило институциональное оформление ленинского наследия.

Повсеместная музеефикация Ленина была осознана как инструмент идеологической пропаганды, что не получило должного развития в тексте

книги. Новый тип музеев — историко-революционные (с «ленинским уголком») — начал распространяться в системе Истпартов с 1921 г., а после смерти В. И. Ленина стал массовым. Историко-революционный музей, открытый в 1923 г. в симбирском доме Ульяновых, еще не посвятили ему, а лишь присвоили имя. Тенденция к мемориализации места рождения, имевшей важнейшее значение для бытования культа, приобретавшего черты религиозной практики, возобладала в 1928–1929 гг. Музей в Ульяновске стал мемориально-бытовым домом-музеем В. И. Ленина.

Дополняя справедливое замечание авторов, можно сказать, что музеефикация мест пребывания Ленина использовалась не только в партийной борьбе. С ее помощью надеялись сохранить от разрушения местные памятники культуры. В 1926 г., накануне десятилетия Октябрьской революции, архивист И. И. Вишнеvский привлек внимание к полуразрушенному Нижегородскому кремлю, утверждая, что летом 1901 г. одну из его башен посетил В. И. Ульянов-Ленин. Опираясь архивариус на воспоминания своего брата, коменданта башни. Ему отчетливо запомнился гражданин «с отточенным как из слоновой кости верхом головы», которого он идентифицировал как В. И. Ленина (*Уткина* 2013: 256–270).

Лениниана конца 1920-х гг. складывалась «с учетом политической конъюнктуры» (с. 95). Об этом свидетельствуют описанные авторами самоцензурирование М. Горьким собственных высказываний о В. И. Ленине, регламентирование произведений искусства с изображе-

нием вождя. Детально в книге проанализировано «важнейшее из искусств», с осознанием его растущего влияния на массового зрителя. Фильмы Д. Вертова и С. Эйзенштейна, с которых началось киноосмысление ленинского образа, сегодня воспринимаются как классика кино. Высокохудожественной и одновременно идеологизированной была детская лениниана. Журналы «Пионер» и «Мурзилка», книги о детских и школьных годах Ильича не теряют своего «авторитета» даже в 1990-е гг.

В развитие написанного можно добавить драматургически закольцованные между собой изобразительные сюжеты знакомства и посмертного прощания В.И. Ленина с И.В. Сталиным, условно называемые «Сталин в ссылке читает письмо Ленина» (подразумевалось их заочное знакомство) и «Сталин у гроба Ленина» (либо «Клятва Сталина на II Съезде Советов»). По мнению искусствоведов, эта «канонизированная история имела завязку и эпилог, иконографические схемы которых разрабатывались не менее тщательно. Однако они отличались от других сюжетов данной тематики тем, что Ленин присутствовал на них символически» (Руцинская 2020: 219).

К 1930 г. набор инструментов мемориализации Ленина дополнили фильтрация воспоминаний, сокрытие неудобных фактов биографии, изъятие архивных документов, продвижение образа человека из простонародья, борца за свободу. Для этого же периода авторы отмечают и начало диаметрального процесса диффамации — в работах западных

авторов. Эти наработки — «вульгарный ленинизм», «немецкое золото», излюбленный черносотенной пропагандой и фашизмом сюжет о рождении В.И. Ульянова от еврейского отца. За биографикой укрылась от внимания авторов данной книги тема НЭПа и возможных экономических альтернатив.

Тяжелое для страны седьмое десятилетие стало временем окончательной выкристаллизации Сталина как «верного ученика» Ленина и «гениального продолжателя» его Дела. Как показывают авторы книги, живой и сложный ленинский образ окончательно выхолащивается, «отстранены» от проектирования памяти члены семьи, в пространстве истории на критику Ленина накладывается запрет (с. 121). Ленинское окружение, в угоду моменту и главному интерпретатору, подвергалось однозначным оценкам, в «Кратком курсе», как в Священном Писании, утверждались «новые каноны ленинизма» (с. 122). Сталин в этой системе координат превращался из продолжателя Дела Ленина в его перевоплощение (с. 125). Апофеозом заоблачного величия должен был стать Дворец Советов по проекту Б. Иофана, увенчанный стометровой статуей вождя.

Сталин принял решение о трансформации главного ленинского музея. Как показано в книге, музей при Институте Ленина до середины 1930-х гг. переживал не лучшие времена. Причиной тому было отсутствие единой линии в трактовке преемства вождю. Однако Сталин быстро среагировал на сигнал Н.К. Крупской о жалком положении

музея («Жуть одна», с. 112), имеющего мощный агитационный потенциал. Уже в 1936 г. был открыт Центральный музей В.И. Ленина, началась организация его филиалов в крупнейших городах страны.

Эрозию человечности компенсировал кинематограф. Кино приближало Ленина к народу, передавало его обаяние, свойскость. При этом создаваемый образ был безобидным для действующей конъюнктуры. Тогда появились такие киношедевры, как «Ленин в Октябре» А. Каплера и М. Ромма, «Человек с ружьем» С. Юткевича. Выходят в свет любимые несколькими поколениями детей книги Н. Веретенникова «Володя Ульянов. Воспоминания о детских и юношеских годах В.И. Ленина в Кокушкине» и «Рассказы о Ленине» М. Зощенко; возникает история про Ленина с бревном; оформляется скульптурный канон детских изображений Володи Ульянова.

Г.А. Бордюгов и Е.А. Котеленец подметили и оборотную сторону выстраивания культа: увеличение числа политических приговоров, аресты за анекдоты и частушки отразились на страницах дневников, личных писем, донесений.

Убедительным выглядит вывод авторов по периодам 1920–1930–1940. Накануне Великой Отечественной войны культурный компонент пространства памяти в советском государстве «состоялся, сложился и структурировался» (с. 139) вокруг Ленина и его партии. Однако главный фонарщик все более становился еще живым, культурным героем этого пространства.

В годы войны «дух Ленина» призвался вдохновлять на борьбу с врагом, а мавзолей стал одной из главных целей люфтваффе. Именно к его подножию на параде 1945 г. были брошены штандарты и знамена вермахта. Ленинское наследие периода военного коммунизма получило новый импульс как пример организации тыла в условиях мобилизационной экономики, что не нашло отражения на страницах рецензируемого издания.

Действующий лидер победившей в страшной войне страны все более, как показывают авторы книги, ощущал «ревность» к Ленину (с. 148). Признание 22 января рабочим днем говорило об окончательном смещении ленинского культа на второй план. Этот период в книге выходит за границы 1950 г. и продлен до 1953 г., чем косвенно подтверждается естественное выпадение реальных фактов из круглых дат.

После смерти Сталина и разоблачения культа личности пространство памяти о Ленине переформируется коренным образом (часть IV «Наднациональный советский символ»). Ленин противопоставлялся разоблаченному Сталину. Одним из лозунгов оттепели стали слова «Назад к Ленину». Кульминацией десталинизации авторы справедливо называют вынос тела Сталина из мавзолея. Это, при неминуемом сужении круга тех, кто лично знал или хотя бы видел Ленина вживую, знаменовало очищение его от любых человеческих связей и мифологизацию в невиданном доселе масштабе.

В девятом десятилетии поворот подкреплялся печатанием ленинских ра-

бот и подготовкой пятого собрания сочинений, «стерильной» биографии под редакцией П. Н. Поспелова, массы воспоминаний, в том числе неточных и откровенно недостоверных. На Западе среди исследовательских тенденций на первом плане «собрание порочащих вождя фактов и противопоставление его оппонентам» (с. 160) — авторитарность ленинского режима, «немецкие деньги», спорные вопросы генеалогии.

«Шестидесятничество», изживая Сталина, добавило красок в лениниану. Вышли в свет психологическая повесть Э. Казакевича «Синяя тетрадь» и «Маленькая железная дверь в стене» В. Катаева, которую он называл «лирическим дневником». Поэма А. Вознесенского «Лонжюмо» стала философским размышлением о месте Ленина в пространствах России и Времени, ответственности каждого за верность «сути» и «идеи».

100-летие В.И. Ленина стало крупнейшим в новейшей истории юбилейным действием. Действительность была перенасыщена Лениным. Концерты, спектакли, выставки, стихи, картины и скульптуры подчас не были исполнены высоких художественных достоинств. Курьезные в своей вымученности опусы не способствовали общему воодушевлению, а, как показывают Г.А. Бордюгов и Е. А. Котеленец, наоборот, вызывали отторжение и тихий «троллинг».

Масштабные преобразования коснулись Ульяновска. Завершились «защитка» городского центра и строительство Ленинского мемориала. Частью музейного комплекса стали дома, где родился и провел ранние

годы В.И. Ульянов-Ленин. На несколько десятилетий мемориал превратился в один из самых посещаемых музеев СССР. Сегодня он на реконструкции. Что будет внутри — пока загадка. Утихли разговоры об амбициозном проекте создания на базе мемориала Музея СССР (Гогин 2013).

В поэтическом творчестве заметным явлением стало стихотворение А. Вознесенского «Уберите Ленина с денег!», в котором увидели противопоставление деяний партии ленинским заветам. В поэме Е. Евтушенко «Казанский университет» эпический замысел венчал главный юбиляр, прочувшийся в одном из старейших российских вузов чуть более ста дней. В кинотрактовках ленинского образа нашли воплощение как шестидесятнические тенденции («На одной планете» И. Ольшвангера), так и эпизоды политической борьбы («Шестое июля» Ю. Карасика).

Контрастом монументализации В.И. Ленина оставалась архивная цензура. Она тормозила его постижение. За рубежом появились работы о немецких и шведских корнях Ленина (А. Брауэр), истоках ленинских теоретических воззрений (Д. Гайер, Р. Пайпс), попытка отделить Ленина-человека от творимой легенды (Р. Пейн).

По итогам празднования ленинского столетия Г.А. Бордюгов и Е. А. Котеленец справедливо делают выводы о том, что затраченные на юбилей средства не окупались ни научными прорывами, ни народной любовью. Но от него остались тексты, целый пласт произведений

изобразительного и монументально-искусства, полиграфии.

Социально-экономические и культурные маркеры эпохи застоя стали более заметными десять лет спустя: «то же тотальное господство постановочной монументальности, та же безжизненная ритуальность, те же “мантры” о коммунизме, которым теперь верили еще меньше» (с. 215). В 1980 г., как удалось подметить авторам, актуальность обрели ленинские слова о дружбе с Афганистаном, а образ вождя в преддверии Олимпиады-80 получил спортивные коннотации гордости за страну, спортивных (и политических) побед. В исследовательских полях зарубежья впервые появилась тема культа Ленина (Н. Тумаркин).

Не говорят Г. А. Бордюгов и Е. А. Котеленец о том, что 1970-е гг. стали апофеозом музейной востребованности Ленина. Именно на это время (в преддверии 60-летия Октябрьской революции) приходится пик посещаемости маршрутов «По ленинским местам».

Параграф про 1980-е гг. отражает целый ряд «перестроечных» противоречий. Авторы показывают, что В. И. Ленин продолжал оставаться главным действующим лицом отечественной истории, носителем «правильного», «не извращенного» социализма. Но все сложнее становилось противостоять соблазну простых решений в поиске виноватых: приравнивания Ленина к Сталину, признания Октябрьской революции и всей последовавшей за ней истории ошибкой и преступлением перед народом. По справедливому замеча-

нию авторов, как раз по этому сценарию и пошло дальнейшее разрушение пространства памяти о Ленине. В 1990 г. власти впервые зафиксировали появление «откровенно деструктивной» тенденции в подходе к Ленину (с. 222).

Серьезным шагом на пути к научному осмыслению ленинского наследия могло бы стать шестое издание полного собрания сочинений, но оно не осуществилось. В описании основополагающих работ того (и последующих) периода авторы опираются на монографию Е. А. Котеленец (*Котеленец* 2017), где продемонстрированы жанровое разнообразие и направления исследовательского поиска российских и зарубежных авторов.

Надежды на совместное деидеологизированное обсуждение сконцентрированных вокруг Ленина научных проблем давали конференции с приглашением зарубежных специалистов. Поднимались вопросы о реформистских путях развития социализма, возможностях создания в 1917 г. коалиционного демократического правительства, итогах бытования ленинского наследия в истории и современности, эволюции его философских идей и политической практики. Зрела и новая проблематика, например, переход от военного коммунизма к НЭПу. К сказанному авторами можно добавить поиск сценариев перестройки (в том числе по модели НЭПа).

Обремененные другими проблемами верхи не давали историкам однозначных сигналов и на публикацию архивных документов. Тем

любопытнее появление из недр партийных научных учреждений книг «Ленинская концепция социализма» (одним из авторов выступил Г. А. Бордюгов) и «Ленин, о котором спорят сегодня».

Авторы подробно останавливаются на бытовании антиленинизма, провозглашенного сверху и подхваченного публицистикой. Надуваются до невиданных размеров пузыри пресловутых немецких денег и шпионажа, муссируются темы красного террора и продразверстки, травливания русских людей (В. Костиков, В. Солоухин, Н. Берберова).

Столь примитивным трактовкам истории первых послереволюционных лет противостояли публичные ответы ученых (Г. Л. Смирнов, В. Т. Логинов, Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов). Они деконструировали манипулятивные схемы, предлагавшие простые ответы и черно-белое видение истории. Эта мастерски проведенная критика, к сожалению, не заместила в сознании большинства обвинения лично Ленина в предательстве военных успехов России в Первой мировой, развязывании Гражданской войны, «упырьского» поведения в отношении сограждан и близкого окружения. Убедительные и изложенные доступным языком доводы историков в пору предъявлять заново.

В академической среде обсуждались созвучные времени темы готовности общества к социальным преобразованиям, извлечения уроков из прошлого, расчеловечивания классовых и идейных противников, «политическое завещание» Ленина. Особое внимание авторы книги уделяют

возвращению в исследовательские поля фигур Н. Бухарина (С. Коэн), Л. Троцкого (Д. Волкогонов), Ф. Дзержинского (Р. Гуль).

Десакрализация обусловила попытки литературы, театра и кино разобратся в исторических обстоятельствах (спектакль «Дальше... дальше... дальше!» по сценарию М. Шатрова, фильмы «Свой крест» В. Лонского, «Цареубийца» К. Шахназарова, пародия на Ленина в исполнении А. Мягкова в фильме «На Дерибасовской хорошая погода...»), преодолеть собственные заблуждения при помощи сатиры (рассказы С. Довлатова и В. Ерофеева, телевизионный розыгрыш С. Курехина и С. Шолохова о Ленине-грибе). Доведенное до абсурда отношение к советской юбилейной практике передано в фильме М. Григорьева и В. Студенникова «Комедия строгого режима» по довлатовской «Зоне».

Попытки использовать ленинское наследие в прогнозировании сценариев трансформации советской экономической и политической систем не давали результатов. На исходе пяти «перестроечных» лет спорили не с историками или экономистами, а с Лениным. Плохим становилось все, где упоминалось его имя: «надо быть честным и называть того, с кем споришь. Скажи прямо: не согласен с Лениным. Тогда многое станет ясным» (Сергеев 1990: 69).

Часть V «От антикульта к новой востребованности» затрагивает ленинские даты 2000, 2010 и 2020 гг. Авторы показывают, как в 1990-е гг. теоретизирующий антиленинизм вырождался в огульный антикульт

Ленина: переименования улиц, снос памятников, демузеефикация (закрытие Центрального музея В. И. Ленина), вандализм в мавзолее и других «ленинских местах». Практика личного общения показывает, что антикульт остается в основе представлений о Ленине у поколения 60-летних.

В число горячих в 1990-е — начале 2000-х гг. вошли темы убийства царской семьи и адмирала Колчака, еврейского следа в ленинской родословной, отношений с Инессой Арманд, приравнивание Ленина и Сталина. Трансформации архивной отрасли привели к политизированному использованию ленинского наследия. Положением, предполагавшим возможность приоритетного доступа в архивы, воспользовались близкие к политическим силам А. Н. Яковлев, Д. А. Волгогонов и А. Г. Латышев. Реакцией на это стали как объективный разбор (В. П. Булдаков, Н. И. Дедков, Е. Г. Плимак), так и новая волна апологетики, даже включение в число «исследователей» Ленина адептов оккультных наук.

Г. А. Бордюгов и Е. А. Котеленец исчерпывающе показывают, что было предпринято российскими и западными историками для издания архивных материалов, разоблачения «документов Сиссона» (В. И. Старцев), изучения периода первых лет революции, возвращения личности Ленина и его биографии в конкретную историческую эпоху (Р. Такер и Ф. Помпер, Е. Шестопал), научного осмысления Брестского мира, военного коммунизма, НЭПа. Тогда же сотрудники ульяновского мемориала, опираясь на практический опыт,

инициировали издание книги вопросов и ответов по биографии В. И. Ленина (В. А. Перфилов, В. М. Костягина). Увидели свет работы известных врачей (Е. И. Чазов, М. И. Буянов), которые впервые подробно рассказали о болезни вождя. Образ рефлексирующего на пороге смерти Ленина как жертвы им же запущенной машины вывел А. Сокуров в фильме «Телец».

К 2010 г., по мнению авторов книги, «для многих людей в России имя “бессмертного вождя” перестало быть раздражителем, как со знаком плюс, так и со знаком минус» (с. 388), отступая в сонм культурных героев истории. Стоит согласиться и добавить, что в рамках культурологического дискурса Ленина начала присваивать молодежь, определяя его как «крутой», «красавчик», «нормальный чувак», «self-made man». Не укрылось от внимания авторов скорое появление «моды» на Ленина. Она выражалась в интересе к бытовым и личным подробностям его жизни, переосмыслении антикапиталистической альтернативы, вызванном в том числе протестными настроениями 2011–2012 гг.

Академический интерес прослеживается к биографии Ленина (труды Е. Г. Плимака, Б. Ф. Славина, В. Т. Логинова), проблемам ленинского культа (В. А. Поцелуев, А. А. Майсурян и др.), роли Ленина в расстреле царской семьи (Г. З. Иоффе). Впервые возникла тема отражения религии и христианских текстов в трудах Ленина (М. Ю. Смирнов). Несмотря на профессиональный разбор свидетельств сознательной дискредитации Ленина и его сто-

ронников (С. С. Попова), получила широкое распространение история об авантюристе Парвусе.

Маркером «новой востребованности» Ленина можно назвать открытие в 2014 г. Ростуризмом при поддержке КНР «Красного маршрута». Он предполагал посещение мест, связанных с историей Октябрьской революции и деятельностью В. И. Ленина, и был включен в Стратегию развития туризма в России до 2020 г.

С особенным интересом читается параграф про год 2020-й, где ощущения авторов можно сравнивать со своими собственными. 150-летие Ленина, как и юбилей Революции в 2017 г., «власть отказалась отмечать на официальном уровне» (с. 434).

Авторы книги зафиксировали расхождение между «нелюбовью» нынешнего режима к Ленину и общественным мнением, в котором продолжает расти число давших ему положительную оценку (с. 444). Вслед за авторами занятно порассуждать о намерениях наполнить ленинский день рождения другим содержанием, назначив на 22 апреля голосование за поправки в Конституцию.

Достаточно смело прокомментированы высказывания о Ленине первого лица государства, возвращающие вождя в пространство актуальной памяти и плоскость антиленинианы. Раскрывая политический месседж президента, Г. А. Бордюгов и Е. А. Котеленец приходят к выводу, что В. В. Путин последователен в прагматичном и однозначном восприятии истории и ее деятелей: «Ис-

тория для него — это не просто прошлое. Это — некая область представлений, которые непременно должны “работать” на настоящее» (с. 466). А неоднозначный Ленин сложен для публичных деклараций, потому и неудобен.

Детально проанализирован пласт научных исследований, опубликованных к 150-летию В. И. Ленина. Несмотря на усилия историков, продолжались манипуляции вокруг темы немецких денег и сотрудничества большевиков с руководством кайзеровской Германии. Итогом этой «нескончаемой дискуссии» авторы называют труд «Правда о Ленине. Ответ клеветникам» (Я. В. Козлов, В. В. Корнеев). Актуально и полезно профессиональное суждение авторов книги относительно ленинских биографий (В. Т. Логинов, Л. М. Млечин, В. А. Никонов), разбора мифов антиленинизма Г. Г. Хмуркиным (несмотря на спорный инструментарий этико-философского учения Рерихов), нестандартной оптики Л. А. Данилкина.

Г. А. Бордюгов и Е. А. Котеленец не игнорируют и проблемы в архивной отрасли (скандал с использованием на выставке сфальсифицированного документа, некорректные высказывания директора РГАСПИ А. К. Сорокина). Одобрение авторов книги получили театральные режиссеры (Б. Юхананов и Д. Курляндский, М. Розовский, А. Плотников). В отличие от коллег из мира кино, они сумели более концептуально подойти к осмыслению Ленина.

Не получил оценки Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец интернет-проект

2020 г. «Ленинские музеи: Ленин, о котором спорят». Его создатели предлагают отказаться от «споров» о политике и государственном строительстве. Заявляют о появлении информационного пространства, «где отсутствуют политические цвета и краски, где нет споров о том, какое государство создал Ленин, и насколько был верен его политический курс, но есть споры о том, как лучше всего рассказать о масштабной личности, обладающей незаурядным умом и талантом тактика» (Ленинские музеи... 2020).

В заключении авторами делается вывод о том, что фигура В. И. Ленина, его деятельность и образ мыслей принадлежат настоящему, «болят», разобщают отцов и детей, политических и медийных противников. Историки зарабатывают «очки», а нередко и материальные блага на обосновании того или иного проекта памяти о В. И. Ленине. Общество готово довольствоваться простыми ответами, мифом, интересной картинкой. Пребывать в состоянии «гражданского инфантилизма» (с. 509).

Несмотря ни на что, авторы с надеждой смотрят в будущее. Ленин рано или поздно получит должное осмысление, без обслуживания запросов современности. Станут востребованными научные факты. Молодое поколение уже сейчас отказывается «принимать на веру негативные версии исторической личности» (с. 507). Протестные настроения актуализируют осмысление политического лидерства, практик диалога общества с властью «на равных» (с. 507).

Данный в приложении обзор интернет-мемов на В. И. Ленина обогащает

иллюстративный ряд книги и визуальное восприятие образа вождя. Его можно дополнить мемами по мотивам сериала «Игра престолов»: картина «Белые ходоки у Ленина», добавление ленинского лица на фото Дейнерис Таргариен, когда она дарует освобождение от рабства.

Рецензируемый труд Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, безусловно, является заметным событием не только в ленинской историографии, но и в осмыслении принципов и практик сознательной работы с общественной памятью. Доступный язык и актуальный ракурс подачи материала сделали рецензируемое издание источником ответов на целый ряд поколенческих вопросов о символической ипостаси В. И. Ленина, ее создателях и потребителях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адоньева 2011 — *Адоньева С. Б.* Символический порядок. СПб: Пропповский центр, 2011. 167 с.

Гогин 2013 — *Гогин Сергей.* Музей СССР в Ульяновске: опыт мифологического проектирования. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/90_nz_4_2013/article/10589/?sphrase_id=184804 (дата обращения: 01.02.2021)

Котеленец 2017 — *Котеленец Е. А.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017. 256 с.

Ленинские музеи... 2020 — «Ленинские музеи: Ленин, о котором спорят». URL: <https://lenincenter.ru/> (дата обращения: 01.02.2021).

Руццкая 2020 — *Руццкая И. И.* «И. В. Сталин читает письмо В. И. Ленина»: визуальные нарративы в советском изобразительном искусстве

1930–1950-х гг. // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 219–234.

Сергеев 1990 — Сергеев А. Мы с Лениным, а вы? // Родина. 1990. № 5. С. 69.

Уткина 2013 — Уткина Н. А. К истории музеефикации Нижегородского кремля: «С отточенным как из слоновой кости верхом головы» или «голова лысая, как голая коленка!» // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 256–270.

REFERENCES

Adon'eva S. B. *Simvolicheskij poryadok*. St. Petersburg: Proppovskij centr, 2011. 167 p.

Gogin Sergej. *Muzej SSSR v Ul'yanovske: opyt mifologicheskogo proektirovaniya*. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/90_nz_4_2013/article/10589/?sphrase_id=184804 (data obrashcheniya: 01.02.2021).

Kotelenec E. A. *Bitva za Lenina. Novye issledovaniya i diskussii*. Moscow: AIRO-XXI, 2017. 256 p.

Leninskie muzei: Lenin, o kotorom sporyat. URL: <https://lenincenter.ru/> (data obrashcheniya: 01.02.2021)

Rucinskaya I. I. I. V. Stalin chitaet pis'mo V. I. Lenina: vizual'nye narrativy v sovet'skom izobrazitel'nom iskusstve 1930–1950-h gg. *Dialog so vremenem*, 2020, vyp. 70, p. 219–234.

Sergeev A. Мы с Лениным, а вы? *Rodina*, 1990, no. 5, p. 69.

Utkina N. A. К истории музеефикации Нижегородского кремля: «С отточенным как из слоновой кости верхом головы» или «голова лысая, как голая коленка!» *Dialog so vremenem*, 2013, vyp. 42, p. 256–270.

В. С. Измозик

Рец.: *Давыдов А. Ю.* Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929 гг.). СПб.: Евразия, 2021. 320 с.

Рецензия посвящена анализу монографии д.и.н., профессора А. Ю. Давыдова «Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929 гг.). СПб.: Евразия, 2021. 320 с.». А. Ю. Давыдов на большом фактическом материале отстаивает точку зрения, что НЭП, начавшийся осенью 1921 г. и завершившийся в январе 1930 г., представлял собой процесс сложных взаимодействий внутри триады «власть – народ – хозяйство». По его мнению, в процессе осуществления новой экономической политики был установлен гражданский мир, хотя временами нарушавшийся. Самым важным было установление союзнических отношений между государством и основной массой крестьянства. Это позволило в кратчайший срок реализовать присущий народу созидательный потенциал. Подчеркивая важность субъективного фактора, автор делает вывод, что НЭП мог продолжаться и развиваться, если бы победу в руководстве партии одержал бы не Сталин, а кто-то из его оппонентов. Поэтому вариант нэповского аграрно-промышленного развития представлен как исторически целесообразная альтернатива.

Ключевые слова: НЭП, Ленин, Троцкий, Бухарин, Дзержинский, Сокольников, Сталин, крестьянство, промышленные рабочие, техническая интеллигенция, нэпманы.

Сведения об авторе: Измозик Владлен Семенович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург).

Контактная информация: izmozik@mail.ru.

V. S. Izmozik

Rev.: Davydov A. Iu. Novaia ekonomicheskaia politika: vlast', narod, khoziaistvo v poslerevoliutsionnoi Rossii (1921–1929 gg.). St. Petersburg: Evraziia, 2021. 320 p.

This review analyzes professor Aleksand Y. Davydov's monography "New Economic Policy: Power, People, Economy in Post-Soviet Russia (1921–1929)." Prof. Davydov uses a wealth of factual material to present a perspective on the NEP, which was initiated in the fall of 1921 and ended in January 1930, as a process of complex relationships within the triad of the authorities, the people, and the economy. In his opinion, the implementation of the New Economic Policy resulted in peace among the population, though one that was interrupted at times. The most important was the establishment of aligned relations between

© В. С. Измозик, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-354-364

the government and the majority of the peasant class. This made it possible to utilize the people's potential for creation in the shortest amount of time. Underlining the importance of the subjective factor, the author comes to the conclusion that NEP may have continued and evolved in the event that the position of the party leader had gone not to Stalin, but to one of his opponents. Thus, the option of a NEP-esque agrarian-industrial development is presented as a historically feasible alternative.

Key words: NEP, Lenin, Trotsky, Bukharin, Dzerzhinsky, Sokolnikov, Stalin, peasantry, proletariat, workers, industry, intelligentsia, NEPmen.

About the author: Izmozik Vladlen S., Doctor of Historical Sciences, professor at the Department of History and Regional Studies at the Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg).

Contact information: izmozik@mail.ru.

О новой экономической политике (НЭПе) за 100 лет после ее возникновения написаны, наверно, сотни книг и тысячи статей. Они охватывают внутри- и внешнеполитические, социально-экономические, духовные и повседневные стороны жизни советской страны в этот весьма короткий по времени, но столь важный по своему содержанию и своим последствиям переходный исторический период. За последние 30 с небольшим лет относительно НЭПа удалось преодолеть отравлявший историческую науку трупный яд сталинского «Краткого курса». Сегодняшняя парадигма, принятая подавляющим большинством историков, политологов, социологов и философов, заключается в том, что крах НЭПа связан с победой сталинской группировки в ЦК ВКП(б) в конце 1920-х гг. и пришедшей ему на смену политике «Большого скачка» под лозунгами коллективизации и индустриализации. Точка бифуркации приходится на 1928–1929 гг. Спор практически идет лишь о том, имели ли НЭП возможность дальнейшего развития, или его кончина в той или иной форме была объективно обусловлена суммой внутри- и внешне-

политических факторов. Большинство историков сегодня, пожалуй, склоняются ко второй точке зрения. Некоторые из них считают, что НЭП в своем развитии нуждался в демократических политических реформах, что зависело лишь от желания или нежелания правящих верхов.

Например, член-корреспондент РАН Ю. А. Поляков писал: «Можно было дать возможность развитию демократии, но зачем? — открыто и подспудно говорилось и считалось в руководстве страной и партией, в партийных массах. ...Можно было ввести политический плюрализм, разрешив деятельность иных, кроме коммунистической, партий и организаций. Но зачем? — говорилось и думалось» (Поляков 1994: 290). В нашей литературе характерное высказывание В. И. Ленина в апреле 1921 г., что «меньшевикам и эсерам... место в тюрьме... или в заграничных журналах... но не на беспартийной конференции» (Ленин б/г: 241), обычно рассматривается как стремление Ленина вместо либерализации политического режима укрепить систему однопартийности, сохранить механизмы авторитарной власти и попытаться

с ее помощью подчинить ей стихийное развитие социально-экономических процессов, чтобы в перспективе направить их в социалистическое русло. При этом многие авторы считают, что такая позиция изначально обрекала политику НЭПа на неудачу, т.к. «нэп задышался в условиях диктатуры партии-государства, и основное противоречие этого периода — между плюралистичным базисом и антидемократичной политической системой — так и не было разрешено» (Политическая история 1996: 273). Эту точку зрения разделял и д.и.н. Е. Г. Гимпельсон, подчеркивавший, что «нэповская экономическая реформа не сопровождалась соответствующим реформированием сложившейся в годы Гражданской войны советской “военно-пролетарской” политической системы — механизма утверждения и осуществления политики правящей партии, не произошло ее подлинной демократизации» (Гимпельсон 2000: 4). К тому же модель Н. И. Бухарина, выступавшего за вариант «достаточно быстрого сбалансированного развития основных секторов экономики на основе рыночной связи города и деревни», представляется этим авторам даже с экономической точки зрения «утопичной» (Политическая история 1996: 271, 273). Наконец, д.и.н. А. С. Сенявский считает: «В любом варианте НЭП изначально имел политические и экономические пределы и в отнюдь не дальней перспективе был обречен. ...Преодоление векового отставания от мировых лидеров, прежде всего, форсированная индустриализация должны были быть осуществлены, причем любой ценой, а в рамках НЭПа это было невозможно» (Сенявский 2020: 171–172, 178).

В данной ситуации тем более интересно рассмотреть книгу д.и.н., профессора РГПУ им. А.И. Герцена А. Ю. Давыдова, по-другому оценивающего перспективы НЭПа и отдающего «приоритет “созидательной” (альтернативной надвигавшемуся сталинизму) стороне рассматриваемой политики» (с. 9). Книга включает введение, заключение, 17 коротких глав, именной указатель, источники и литературу. Здесь нет архивного фетишизма. Всего 16 дел из Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга. Зато присутствует огромный массив опубликованных документов и литературы. Александр Юрьевич сосредоточил свое внимание на следующих основных проблемах НЭПа: ситуация в руководстве РКП(б) — ВКП(б), положение на финансовом рынке, рынок и промышленность, отношения власти и крестьянства, власти и интеллигенции, положение и настроения промышленного пролетариата, нэпманы и их экономика, причины свертывания НЭПа и полученные результаты. Он также сосредоточил свое внимание на российских территориях, не останавливаясь на особенностях Кавказа, Казахстана и Средней Азии.

Автор вовсе не идеализирует период НЭПа. Но он стремится к диалектическому осмыслению этого переходного периода от времени завершения Великой российской революции 1917–1922 гг. до курса на сталинскую модернизацию, подчеркивая, что «любой крупный политический проект (НЭП в том числе) в ходе его реализации подвергается существенному искажению... однако

это не указывает на его порочность и фактическую бесперспективность. Надо разобраться, что доминировало в изучаемом феномене — деградация или прогресс?» (с. 8). По его мнению, с учетом того, что 75–80% населения тогдашнего СССР составляли сельские труженики, «нэп — это в первую очередь политика изменения принципов взаимодействия коммунистического государства с огромной массой мелких частных собственников — трудившихся в целях получения прибыли держателей земельных наделов» (с. 10). Второй ведущий тезис состоит в том, что «при отсутствии тотального насилия со стороны власти в отношении масс присущий народу созидательный потенциал, как правило, реализуется. ...Всевозможные административные ограничения со стороны партийной власти... не стали непреодолимым барьером для народной самодеятельности. ...Главное — это народ и его адаптивность к суровой реальности, а не власть с ее прожектерством» (с. 9). Начало реального НЭПа он относит к осени 1921 г., когда провалилась идея товарообмена и возник «экономический порядок, основанный на свободе торговых отношений между городом и деревней» (с. 23).

При характеристике монопольной власти большевистской партии Александр Юрьевич рисует ее реалии не в черно-белых тонах, стремится обнаружить нюансы, позволяющие увидеть более сложную и реалистичную расстановку сил в руководстве страны. Он доказывает, что до второй половины 1920-х гг. «утвердилась в целом “умеренная”... конфигурация политической элиты, не предполагавшая тотали-

тарных крайностей и вполне способная на эволюцию», готовая идти на определенные компромиссы (с. 28, 31). Одновременно он уделяет большое внимание личностным качествам каждого из лидеров партии, считая, что «партийная верхушка в годы нэпа представляла собой интеллигентский трудовой коллектив со своими амбициозными лидерами, конфликтами и антагонизмами, комплотами» (с. 37). В итоге он соглашается с О. В. Хлевнюком, что угрожали нэповской рационально организованной системе олигархического управления только «личные амбиции членов Политбюро», делая вывод, что с 1926 г. идет процесс формирования личной диктатуры Сталина, установившейся к началу 1930-х гг. (с. 48, 59).

Одновременно автор указывает на процессы, происходившие в самой партии: нарастание роли партийного аппарата с неизбежной его бюрократизацией и стремлением к расширению своих полномочий, чувство «осажденной крепости» в ситуации краха надежд на пролетарскую революцию в Европе в ближайшем будущем, рост численности партийных рядов в основном за счет людей с крайне низким уровнем общекультурной и политической подготовки, что делало их, в значительной своей части, удобным инструментом в руках руководства, превращение внутривнутрипартийной демократии лишь в символ партийных резолюций и элемент аппаратного красноречия. Отсюда вывод: «Рыночная экономика не совместилась с партийно-идеологическим подходом» (с. 76). Но с учетом того, что написал Александр Юрьевич выше о важности

субъективного фактора в советских реалиях 1920-х гг., можно высказать предположение о возможности другого варианта. По его мнению, «замена... Троцким, проявившим себя и в качестве талантливого организатора перспективных отраслей народного хозяйства, партийного функционера Сталина в огромной мере изменила бы векторы исторического процесса» (с. 46).

Обращаясь к социально-экономической сфере, исследователь ставит на первое место восстановление денежного хозяйства. При этом он видит особую значимость товарно-денежной стабилизации для урегулирования взаимоотношений крестьянства с государством и индустриальными центрами. По его мнению, до 1928 г. «при всех колебаниях партийный синклит все же старался придерживаться монетаристского концептуального подхода; эта доминанта и выступала условием прогрессивного развития». В свою очередь, «разрушение денежного хозяйства было равносильно обрушиванию стабильности» (с. 91, 102). Стабильность же, прежде всего, зависела от взаимоотношений власти и российского крестьянства.

Настоящим союзником деревни государство стало в середине 1920-х гг. Александр Юрьевич выделяет следующие изменения в жизни деревни: рост производства сельскохозяйственной продукции, снижение цен на продукты, улучшение питания сельского населения, уменьшение миграции из деревни в город, развитие подсобно-вспомогательной и потребительской кооперации, инновационное развитие сельского

хозяйства на основе достижений агрономии и зоотехники. Фаворитами прогрессивного развития НЭПа выступали крепкие, состоятельные мужики. Автор приводит высказывания И. В. Сталина о кулаках при обсуждении вопроса «О положении кооперации» на заседании Политбюро 3 января 1925 г.: «Я ставлю этого кулака выше, чем десять не кулаков, у него есть инициатива, опыт, он умеет руководить». Генеральный секретарь ЦК в тот момент ратовал за привлечение зажиточных в кооперативы, чтобы «вовлечь их капитал в общее русло нашей экономики» (с. 118–119).

Вершиной союзнических отношений государства и крестьянства А. Ю. Давыдов называет 1925–1926 гг., когда ЦК РКП(б) провозгласил курс «Лицом к деревне», проявившийся в устранении остатков политики военного коммунизма, снижении сельскохозяйственного налога на 40%, ограничении обложения деревенских кустарей промысловым и подоходным налогами, увеличении срока аренды земли (с 6 до 12 лет), снятии ограничения для участия зажиточных крестьян в кооперативах, половина «лишенцев» получила право участия в выборах. Н. И. Бухарин причислил к кулакам только «деревенского трактирщика и зажиточного середняка» (с. 121). Сохраняя верность тезису о важности субъективного фактора в выборе политического курса, Александр Юрьевич утверждает, что экономическая политика середины 1920-х гг. стала результатом достижения согласия между восемью руководителями страны: четырьмя членами Политбюро Н. И. Бухариным, Л. Б. Каме-

невым, А. И. Рыковым, И. В. Сталиным; кандидатом в члены Политбюро М. И. Калининым; председателем Высшего совета народного хозяйства и председателем ОГПУ Ф. Э. Держинским, наркомом финансов Г. Я. Сокольниковым и наркомом внешней торговли Л. Б. Красиным.

Но одновременно автор признает, что в ситуации роста политической активности деревни, роста агитации за создание «Крестьянского союза» малейшее ослабление политической монополии большевистской партии вызывало серьезные опасения за будущее. В 1925 г., когда процент «лишенцев» уменьшился, на выборах в местные советы доля членов ВКП(б) в сельсоветах в 1924–1925 гг. упала с 7,1 до 3,6%; в сотнях органов местной власти вообще не оказалось коммунистов (с. 123). А. Ю. Давыдов безусловно прав, что в эти годы партийные организации на местах не пользовались доверием и уважением со стороны большинства сельских жителей. К тому же деревенский мир членам Политбюро ЦК «рисовался в виде большого конгломерата, состоявшего из мелкой буржуазии, сельской буржуазии, пролетариата, полупролетариата». Две последние страты — по их вере — находились под жестоким давлением со стороны «кулачья» и нуждались в помощи. Между тем «кулак» в изучаемое время — сформулированная большевистскими пропагандистами идеология, а не реальный социальный тип (с. 140–141). Проводившаяся в сельском хозяйстве либерализация объективно несла в себе антибюрократический и антикоммунистический потенциал. В итоге государство в поисках надежного со-

юзника для укрепления своих позиций в деревне будет делать порочную ставку на маргинальную часть деревенского населения (с. 146).

Также Александр Юрьевич останавливается на проблемах отношений государства с промышленными рабочими, нэпманами и техническими специалистами. На его взгляд, власть серьезно беспокоили тревожные факты «перерождения рабочей идеологии», стремление многих рабочих в первую очередь улучшить свое материальное положение, равнодушие к идеологическим кампаниям и дискуссиям (с. 218–221).

При характеристике так называемой нэпманской буржуазии автор не отрицает негативных сторон ее деятельности («разбазаривание» имущества государственных предприятий, добывание посредством взяток выгодных кредитов, налаживание коррупционных связей с государственным аппаратом). Однако, подчеркивает он, «плюсом было то, что в результате возникала конкурентная борьба между казенным предпринимательством и капиталистическими предприятиями» (с. 186–188). По отношению к технической интеллигенции «власть выдвигала и решала задачу обеспечения политической индифферентности беспартийных специалистов» (с. 147), предлагая им «позолоченную клетку». Именно с их активным участием в России впервые в истории, считает автор, был поставлен эксперимент по организации смешанной экономики, объединившей государственный контроль и рыночную самостоятельность хозяйствующих субъектов (с. 170). В результате

при всех противоречиях НЭПа экономика данного периода развивалась быстрыми темпами. А. Ю. Давыдов ссылается на подсчеты профессора В. М. Кудрова, что наиболее высокие темпы роста промышленности СССР приходились на годы НЭПа, им немного проигрывали 1950-е гг., а 1930-е гг. в этой «табели о рангах» занимали третье место (с. 210).

Выбор пути развития в конце 1920-х гг., по мнению автора, зависел от позиции Сталина, опиравшегося на партийный аппарат и массу рядовых коммунистов с крайне низким уровнем образования и имперским сознанием в его новой псевдомарксистской оболочке (с. 189, 195). Этому способствовало и то, что «идея радикального “социалистического преобразования” довлела над членами Политбюро ЦК ВКП(б)» (с. 221). Но победа группы Сталина над «умеренными» (Бухарин и его сторонники) не была простой и легкой. Здесь свою роль сыграли и так называемая военная тревога 1927 г., и репрессии старой интеллигенции («Шахтинское дело» и др.), и широкообещательные обещания счастливой жизни через 10–15 лет. На деле ни «чрезвычайщина» 1928–1929 гг., ни насильственная коллективизация не стали важнейшим способом накопления валютных резервов для индустриализации (с. 270). Автор показывает, что само создание предпосылок для сплошной коллективизации было крайне дорогостоящим мероприятием. Если в 1927 г. на сельское хозяйство было госбюджетом израсходовано 298 млн руб., в 1928 г. — 394 млн, то в 1929 г. — 714 млн. По сравнению с остальными сферами (даже с обороной и промышленностью),

это были самые высокие темпы расходования бюджетных средств (с. 250, 252).

Автор считает вполне реальным достижение компромиссного решения о выборе не самого жесткого варианта экономической политики, ибо «решающая роль оставалась за несколькими деятелями, пытавшимися совместить свои личные амбиции с интересами идеократического режима и коммунистической партии». В этом случае «вариант нэповского аграрно-промышленного развития представлен как исторически целесообразная альтернатива» (с. 281, 282). В таком случае Александр Юрьевич отнюдь не исключает возможность утраты власти правящей партией в связи с развитием НЭПа, термидоризацию режима и полное обуржуазивание его функционеров, ибо «нэп представлял попытку возвращения к революции и к свободе, завершившуюся сталинской контрреволюцией» (с. 292, 293). Хотя автор не дает определения такому возможному термидорианскому режиму, видимо, он предполагает его буржуазно-демократическую или либерально-демократическую сущность. В результате А. Ю. Давыдов делает окончательный вывод, противопоставляя НЭП, как «попытку возвращения к революции и к свободе», и так называемый Великий перелом, являвшийся «мотивированной авантюрой, лишенной экономической подоплеку» и именуемый им «сталинской контрреволюцией» (с. 273, 293).

Следует признать, что логика автора в значительной мере основана на огромном массиве репрезентативных фактов, показывая теоретиче-

скую возможность другого варианта исторического процесса для молодого советского государства. Но следует помнить, что в тот момент стране, потерявшей миллионы людей в братоубийственной борьбе, разоренной экономически, с не утихнувшими политическими страстями, при наличии активной политической эмиграции, пользовавшейся поддержкой ряда стран, политическая либерализация не принесла бы успокоения, а, скорее всего, привела бы к новой вспышке ожесточенной гражданской войны. Поэтому переход политических структур, и в первую очередь правящей партии, от войны к миру, от существования в условиях «чрезвычайщины» к будничной созидательной работе мог происходить, конечно, лишь крайне осторожными, медленными шажками, не создавая опасности краха существующего режима.

Вместе с тем некоторые тезисы представляются нам дискуссионными, а также возникает необходимость сделать ряд замечаний и уточнений. В первую очередь это вопрос о коллективном руководстве и роли субъективного фактора в выборе политического курса. Александр Юрьевич считает наилучшим вариантом сохранение «нэповской рационально организованной системы олигархического управления», которой мешали только «личные амбиции членов Политбюро» (с. 37). Но история всех стран, где к власти приходили коммунисты, устанавливая авторитарное правление, показывает, что через некоторое время это заканчивалось выдвиганием одного лидера. Если мы посмотрим на ситуацию в руководстве РКП(б) — ВКП(б), то «рос-

сийского Дэн Сяопина» обнаружить не сможем. Из семи членов Политбюро 1924 г.: Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий — наиболее способным к взаимодействию с партийным аппаратом, безусловно, был Сталин. Уже в июне 1924 г. он обнаружил свои претензии на лидерство, когда в выступлении перед секретарями укомов упрекнул Зиновьева и Каменева в теоретических ошибках. В результате извинение Сталина осталось достоянием узкого круга лиц. На протяжении последующих семи месяцев — поражение Троцкого в ходе партийной дискуссии, снятие его с поста наркомвоенмора, но одновременно сохранение его в Политбюро вопреки позиции Зиновьева и Каменева; осуждение руководства ленинградского губкома комсомола в феврале 1925 г., ставшее ударом по авторитету Зиновьева — фигура Сталина лишь набирала вес в глазах партийного аппарата. Поэтому вариант с рокировкой «Сталин — Троцкий» был несбыточным в том числе и потому, что последний не умел быть «дирижером партийного оркестра». Насколько я могу судить, Троцкий в силу своих личных качеств мог быть кумиром для сравнительно небольшого числа своих преданных сторонников, но вызывал раздражение у значительной части партийных функционеров.

Указывая на реальные достижения НЭПа, автор, как нам кажется, иногда слишком оптимистичен. Например, говоря о государственной промышленности в эти годы, он заявляет, что «необходимость поддерживать конкуренцию оказалась решающим условием подбора их руководителей по деловым качествам»

(с. 75). На деле именно ЦК и губкомы РКП(б) по-прежнему решали вопросы о назначении не только руководящих работников наркоматов, но и руководителей трестов, хотя последние теперь полностью отвечали за результаты своей финансово-экономической деятельности. Идеологическая надежность и готовность к выполнению партийных решений ценились куда выше интеллектуальных знаний. Огульное насаждение коммунистов в хозяйственные органы встречало сопротивление видных руководителей советской экономики и местных работников, в частности Ф.Э. Дзержинского, но главным оставалось стремление повысить процент коммунистов в органах управления экономикой.

Александр Юрьевич считает возможным «говорить о высокой моральности большинства граждан» (с. 75) в эти годы, когда масса документов свидетельствует об огромном уровне преступности, порожденной годами Первой мировой и Гражданской войн; о хулиганстве, буквально захлестнувшем города и деревни. Столь же далеко от истины утверждение, что якобы рядовой состав Красной армии «был обеспечен отличным обмундированием и первоклассным питанием» (с. 214). В данном случае автор зря доверился единичному источнику. Перлюстрация 1924–1925 гг. и другие материалы рисуют далеко не столь радужную картину. Увлеченный идеей, что НЭП возвратил жителям деревни «веру в себя и вселил в них энтузиазм», А. Ю. Давыдов пишет, что «большинство крестьян доколхозной деревни, выбирая между работой в поле и переходом на фабрику, предпочитали

остаться в своем хозяйстве» (с. 86, 87). Но далее он приводит данные, что «если в 1923–1924 г. на сезонные работы в город ушло более 1852 тыс. крестьян, то в 1925–1926 г. — более 3,5 млн» (с. 112). Это значит, что по мере возрождения промышленности без всякой чрезвычайщины шел закономерный процесс перетекания избыточной рабочей силы из деревни в город.

Характеризуя период наивысшего согласия власти и основной массы крестьянства в середине 1920-х гг., А. Ю. Давыдов утверждает, что «Сталин на заседании Политбюро 3 января 1925 г. восторженно отзывался об “уме и опыте” справных хозяев, об их лидерских качествах. ...он ратовал за привлечение зажиточных в кооперативы, чтобы вовлечь их капитал в общее русло нашей экономики» (с. 92–93). Но здесь автор, по сути, вырывает фразы из контекста. Сталин, предлагая допустить кулака в кооперацию, одновременно подчеркивал недопустимость его участия в правлениях кооперативов. Данное заседание Политбюро тем и интересно, что оно отражало опасения большевистских вождей перед политическими последствиями уступок деревне. Обсуждая вопросы выборности в правлении кооперативов, Каменев, Зиновьев, Рыков и другие сходились в том, что эти вопросы надо держать под жестким контролем партийных и советских органов. Особенно пугало предложение Г.Н. Каминского о возможности тайных выборов в правления кооперативных товариществ. Тонкий слой, по словам Ленина, управлявший партией, помнил о судьбе Французской революции, о термидоре. Поэтому в ситуации,

когда рухнули надежды на скорую революцию в Европе, имея в стране 80 % населения в деревне и весьма немногочисленный промышленный пролетариат, перед ними вставали два основных вопроса: Может ли большевистская партия удержать власть в исторической перспективе? Можно ли построить социализм в одной стране? И каков будет этот социализм?

Вместе с тем нам представляется, что курс на продолжение НЭПа, на постепенную, осторожную либерализацию режима, и в этом мы согласны с Александром Юрьевичем, имел своих влиятельных сторонников среди партийных функционеров. Но это вовсе, по нашему мнению, не означало обязательной его термидоризации и утраты власти правящей партией. Пример Китая, как бы ни были условны сопоставления, показывает, что допущение частной собственности, высвобождение экономической активности сотен миллионов людей, улучшение их повседневной жизни при наличии в партии огромной массы неграмотных и малограмотных людей не препятствует сохранению политического контроля со стороны руководства страны, проводящего курс на постепенные осторожные реформы, направленные в первую очередь на решение экономических проблем.

На наш взгляд, автор преувеличивает роль «новой оппозиции» на XIV съезде ВКП(б) и поддержку Зиновьева в Ленинграде (с. 192–193). Несмотря на то, что состав ленинградской делегации на съезд партии (67 делегатов с решающим голосом и 17 с совещательным) готовился аппа-

ратными методами и из него был удален ряд сторонников ЦК, не все делегаты поддержали Зиновьева и Каменева в ходе работы съезда. Бюро Выборгского РК и пленум РК в эти дни подавляющим большинством заняло позицию большинства съезда. Неприятие С. М. Кирова членами партии на многих предприятиях Ленинграда в январе 1926 г. объяснялось, по нашему мнению, не идейными разногласиями, а неприятием «варяга», присланного из Азербайджана.

Едва ли стоит, характеризуя позицию группы Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского и их соратников, делать упор на то, что «Они оставались порядочными людьми и совестились разорять крестьянство» (с. 207). Думаю, что в основе были их взгляды, сформировавшиеся в течение 1920-х гг.

Отметим также некоторые фактические неточности. А. Ю. Давыдов считает, что экономическая политика середины 1920-х гг. стала результатом достижения согласия между восемью лидерами партии, к которым он относит Н. И. Бухарина, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, Л. Б. Каменева, Л. Б. Красина, А. И. Рыкова, Г. Я. Сокольникова и частично И. В. Сталина (с. 95–96). Но Л. Б. Красин уже в 1924 г. был отправлен на дипломатическую работу, послом во Францию и затем в Англию. Поэтому активного участия в выработке экономической политики он принимать не мог. Думаю, что он напрасно оставляет в стороне фигуру М. П. Томского, члена Политбюро, руководителя советских профсоюзов, отстаивавшего в том

числе идею о роли профсоюзов как защитников рабочего класса против бюрократизма управленцев. Группу заключенных анархистов под честное слово выпустили на похороны их лидера П.А. Кропоткина не в 1922, а в 1921 г. (с. 157). В 1928–1931 гг. состоялось не четыре (с. 248), а три публичных судебных процесса. Лица, проходившие по делу так называемой Трудовой крестьянской партии, были осуждены в административном порядке.

В заключение отмечу еще один важный момент. Читая книгу, я слышал два неразрывно сплетенных голоса. Один — вдумчивого историка-исследователя. Другой — человека, просто влюбленного в силы российского крестьянства; верящего в его возможности стремительно развиваться, когда государство создавало для этого хотя бы ограниченные возможности. Поэтому от души поздравляю Александра Юрьевича Давыдова с весьма интересной монографией, заставляющей вновь и вновь размышлять об уроках истории, об альтернативах исторического пути России, о решающей важности в некоторые исторические моменты личностного субъективного фактора.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Ленин б/г — *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 43.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гимпельсон 2000 — *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система. М.: ИРИ РАН, 2000.

Политическая история 1996 — Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. М.: Терра, 1996. Т. 2.

Поляков 1994 — *Поляков Ю.А.* Гражданская война: взгляд сквозь годы // Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994.

Сенявский 2020 — *Сенявский А.С.* Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3.

REFERENCES

Polyakov Y.A. Civil War: A Look Through the Ages, *Grazhdanskaya voina: vzglyad skvoz' gody*. Civil War in Russia: A Crossroads of Opinion, *Grazhdanskaya voina v Rossii: perekrestok mnenii*. Moscow, Nauka, 1994.

Political History: Russia — USSR — Russian Federation, *Politicheskaya istoriya: Rossiya — SSSR — Rossiiskaya Federatsiya*. Moscow: Terra, 1996. V.2.

Gimpelson E. G. NEP and the Soviet Political System, *NEP i sovetskaya politicheskaya Sistema*. Moscow, IRI RAN, 2000.

Senyavskii A.S. Was There an Alternative to the Dismantling of the New Economic Policy? *Byla li alternativa svertyvaniyu novoi ekonomicheskoi politiki? Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*. 2020, issue No. 3.

М. В. Стрелец

Рец.: *Смиловицкий Л.* Евреи Белоруссии: до и после Холокоста: Сборник избранных статей. Иерусалим, 5781/2020. 491 с.

Рецензируется сборник работ израильского историка по широкому кругу проблем истории еврейства Белоруссии в новейшее время.

Ключевые слова: Советская Белоруссия, Польша, еврейство, Вторая мировая война, Холокост, образование Израиля.

Сведения об авторе: Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, «Брестский государственный технический университет» (Брест, Беларусь).

Контактная информация: mstrelez@mail.ru.

M. V. Strelets

Rev.: *Smilovitskii L.* Evrei Belorussii: do i posle Kholokosta: Sbornik izbrannykh statei. Ierusalim, 5781/2020. 491 p.

A collection of works by an Israel historian on a wide range of problems in the history of Jewry of Belarus in recent times is reviewed.

Key words: Soviet Belarus, Poland, Jewry, World War II, Holocaust, the formation of Israel.

About the author: Strelets Mikhail V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Brest State Technical University (Brest, Belarus).

Contact information: mstrelez@mail.ru.

В 2020 г. вышла из печати новая книга доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Центра диаспоры Тель-Авивского университета Леонида Львовича Смиловицкого. Уроженец Белоруссии, он возглавляет в этом научном заведении проект по изучению истории белорусского еврейства.

Статьи, включенные в настоящий сборник, были написаны автором

в Израиле в течение последней четверти века — с 1994 по 2019 г. В большинстве своем они увидели свет на английском языке или иврите и впервые публикуются на русском языке. Представленные работы были расплынены по малотиражным научным изданиям, ставшим уже библиографической редкостью, однако в настоящем виде — под одной обложкой — они представляют собой единое целое. Темы большинства

статей до сих пор мало изучены историками, в частности: советская школа на идише; евреи в сельском хозяйстве при НЭПе; участие евреев в работе правоохранительных органов; возврат имущества и жилищ людям, вернувшимся из эвакуации, партизанских отрядов и Красной армии; роль евреев в экономической, финансовой, политической и культурной жизни республики; отношение белорусского руководства к возникновению государства Израиль; «дело врачей» в БССР; работа евреев в цензуре и др.

Изучение трагедии Холокоста справедливо привлекает к себе главное внимание современных историков. Однако д-р Смиловицкий поставил перед собой задачу показать, как жили евреи Беларуси в невоенное время. Какое участие они принимали в советском строительстве, в какой мере считали советскую власть своей, насколько расставание с национальной культурой, религией и традицией было добровольным, а насколько вынужденным компромиссом. Наконец, что утратила Беларусь в результате нацистского геноцида евреев, и как это повлияло на людей, переживших войну.

До сих пор нет ответа на вопросы: что больше получили евреи от советской власти, хорошего или плохого? Выиграли они от этого сотрудничества или проиграли? Какую цену заплатили евреи за свое гражданское равноправие? Как складывались отношения евреев и белорусов, титульной нации в БССР? Являются ли евреи неотъемлемой частью истории Беларуси? Насколько ее история может быть полной без еврейской

составляющей? Так или иначе, но с уверенностью можно сказать только одно — судьба Беларуси сложилась бы по-другому, если бы евреи как народ не были уничтожены нацистами в годы Холокоста.

Еврейская история Беларуси очень поучительна для тех, кто дает себе труд задуматься над уроками прошлого. Ведь прошлое влияет на наше настоящее так же неизбежно, как дети повторяют своих родителей, часто помимо своей воли. Попытаемся подтвердить это на следующих примерах из книги Смиловицкого.

В работе осуществлена системная реконструкция истории советской школы на идише в советской Беларуси в предвоенные годы. При этом советский образчик еврейской школы рассматривается в контексте национальной, культурной, духовной свободы для евреев в пролетарском понимании, как это подавали большевики. Автор монографии сравнивает положение евреев БССР с тем, как жили евреи в то же время в Западной Беларуси в составе Польши (1921–1939 гг.). Польское государство, несмотря на политику официального государственного антисемитизма, позволяло своим еврейским гражданам вести полноценную национальную, культурную и религиозную жизнь. Синагоги там не закрывали, раввинов не арестовывали, иешивы и хедеры продолжали работать, еврейские типографии печатали книги светского и религиозного содержания. Закон охранял право частной собственности всех граждан, независимо от национального происхождения. Евреи из Польши могли общаться со всем миром без каких-то ограничений.

В Советской Беларуси, наоборот, границы закрылись после 1929 г. и вся эмиграция прекратилась. Был наложен фактический запрет на религию, на культурную и национальную жизнь, а само существование людей могло продолжаться только в рамках советской идеологии. Советская еврейская школа, закрытая в 1938 г. якобы по просьбе родителей, также готовила «сталинских соколов», только на еврейский манер. Все, что там было еврейского, это только идиш, но и он вскоре стал неуютен.

С интересом читаются страницы монографии, посвященные педагогическим кадрам для школ на идише. Подробно описываются их подготовка, материальное положение, заработки, социальный статус. Мне никогда ранее не приходилось встречать публикаций о судьбе школ на идише после включения Западной Беларуси в состав БССР. Израильский ученый восполнил этот пробел. Окончательно школа на идише прекратила свое существование в Беларуси с началом немецкой агрессии летом 1941 г. Она не возродилась и после окончания войны, потому что восстановление культурно-национальной жизни нерусских народов СССР не входило в планы режима. Это нашло свое подтверждение в организации целого ряда идеологических кампаний и чисток 1946–1949 гг. Так национальному самосознанию евреев, чей генофонд был непоправимо подорван в годы Холокоста, нанесли новый удар. Эта политика фактически продолжалась и после смерти Сталина, несмотря на неоднократные заявления нового руководства страны о своей приверженности идеям интернационализма. Вплоть до конца

1980-х гг. вопрос о восстановлении школы на идише в БССР не поднимался.

Предметом специального исследования историка стало изучение вклада евреев в сельское хозяйство до сталинской коллективизации. Мало кто знает, что еврейские колхозы составляли более 80% среди сельскохозяйственных кооперативов Беларуси периода НЭПа. Евреи НЕ боялись работать на земле, но они предпочитали заниматься не производством зерна, а животноводством и производством молочной продукции. Назывались эти сельхозструктуры «коллективы», поскольку сочетали в себе принципы коллективного труда с материальной заинтересованностью — сколько сделал, столько и получил. Но самое главное, что они существовали на принципах самокупаемости. Тут, конечно, помог и «Джойнт», который поставлял им технику, удобрения, давал кредиты, поддерживал финансово. Факт тот, что они себя оправдывали без искусственных экономических схем. Весь этот опыт оказался невостребованным с началом сплошной коллективизации в Советском Союзе и был утрачен настолько, что почти полностью исчез из исторической памяти Беларуси.

Неожиданной для читателя может показаться тема участия евреев в работе правоохранительных органов и юридической системе в послевоенные годы, о которой ранее тоже никто не писал. Из книги Смиловицкого следует, что привлечение евреев в структуру МВД и МГБ, органы суда и прокуратуры, адвокатуру после освобождения республики 1944 г.

было вполне объяснимым шагом. Евреев-фронтовиков и участников партизанского движения невозможно было заподозрить в сотрудничестве с нацистами на оккупированной территории. Кроме того, высокий уровень образования выдвигал евреев в число первых претендентов при формировании юридической системы. В 1944–1948 гг. доля белорусов за счет евреев снижалась с 51,4 до 48,6%, русских соответственно — 40,1 и 32,7%, а украинцев — 4,1 и 3,6%. Однако вскоре эту тенденцию искусственно изменили. Идеологические кампании в Советском Союзе в конце 1940-х — начале 1950-х гг. привели к тому, что национальный состав прокуратуры стал более однородным. Многие евреи, почувствовав к себе предвзятое отношение режима, не смогли оставаться на прежних должностях. Одни перешли на работу в юридические консультации, стали арбитрами, нотариусами, юрисконсультами на промышленных предприятиях и в учреждениях. Другие были уволены или переведены на низовую работу.

Отдельная глава посвящена малоизученной теме возврата имущества и жилищ евреям, пережившим эвакуацию, прибывшим из партизанских отрядов и Красной армии. Автор показывает, что после войны советские евреи столкнулись с огромными трудностями в налаживании мирной жизни. Их уцелевшие жилища и имущество в значительной степени были расхищены местными жителями, проданы или розданы оккупантами в качестве вознаграждения тем, кто с ними сотрудничал. Советские органы, не желая раздувания бытовых конфлик-

тов с теми, кто пережил оккупацию, объявляли, что выступают гарантом прав и свобод советских граждан независимо от национальности. Однако евреи на себе это не почувствовали. Надо сказать, что евреи не выделяли себя из общего населения республики — вместе с белорусами и русскими они активно участвовали в восстановительных работах, однако положение их во многом отличалось. В большинстве случаев это были одиночки, потерявшие всех своих близких, вдовы, дети и старики. Родственники оказались уничтожены в гетто, умерли в эвакуации, не вернулись с фронта. Евреи не располагали никаким имуществом, не имели элементарных вещей для бытового устройства. Доказательству права на домовладение мешало отсутствие необходимых документов, утерянных в годы войны (на их восстановление требовалось много времени). Нехватка жилого фонда, остро ощущавшаяся еще до войны, чрезвычайно обострилась. Одни дома и квартиры, принадлежавшие ранее евреям, были разрушены, сгорели или были разграблены, другие самовольно заняты.

Исчерпывающе показана роль евреев в послевоенной экономической, финансовой, политической и культурной жизни республики. По подсчетам Л. Л. Смиловицкого, в Беларуси доля евреев в партийном и советском руководстве областей в 1945 г. равнялась 2,9%, в областных комитетах партии — 8,1%, в Центральном комитете КП(б)Б — 8%, а в числе руководителей республиканских хозяйственных организаций — 10,2%. Степень участия евреев в руководстве финансами, сельским хозяйством,

средствами массовой информации, образованием, здравоохранением, в надзоре за соблюдением законности в 1944–1950 гг. была наиболее заметна на районном и городском уровне. Они нередко заведовали отделами сельского хозяйства и торговли исполкомов местных районных и городских советов. Евреи довольно часто возглавляли районные и городские (реже областные) отделы народного образования и здравоохранения Министерства просвещения и Министерства здравоохранения БССР, отделения потребительской кооперации, были управляющими районных и городских отделений Государственного банка. Однако они редко занимали должности директоров совхозов, главных редакторов газет и прокуроров.

С большим интересом читается глава, рассказывающая об отношении белорусского руководства к возникновению Государства Израиль. Это фактически первая попытка осветить видение партийным и советским истеблишментом БССР проблемы образования независимого еврейского государства и одновременно проанализировать процессы, вызванные этими событиями в среде еврейского населения республики. Израильский историк (уроженец Белоруссии) обратил внимание на то, что провозглашение независимости Государства Израиль во второй половине 1940-х гг. почти совпало по времени с принятием БССР в ООН на правах формально самостоятельного члена. Конечно, представительство БССР в ООН было не более чем одним из инструментов советской дипломатии, и о какой-либо независимой линии смешно и говорить. Сначала

оно осудило английский колониализм и арабскую агрессию, а когда курс Сталина изменился, выступило единым фронтом с коллегами из Москвы и Киева против США и «сил международного империализма». Никогда не признавая Израиль как историческую родину белорусских евреев, руководство Белорусской ССР, как и Кремль, рассматривало тему эмиграции как вмешательство в свои внутренние дела.

Выявлены и белорусские страницы в истории «дела врачей». Смиловицкий проанализировал отношение к сообщению ТАСС от 13 января 1953 г. со стороны как партийной и государственной номенклатуры, так и рядовых граждан. Абсолютное большинство нееврейской части населения БССР заняло сторону советской пропаганды, тогда как большая часть еврейского населения республики отнеслась к сообщению ТАСС о «врачах-отравителях» с большим недоверием. Областные, городские и районные комитеты партии отчитывались перед своими кураторами в Москве о том, что евреи отмалчивались и не участвовали в обсуждении событий, отказывались вступать в прения и игнорировали митинги и собрания.

Образцом фундаментальной научной экспертизы предстают рецензии автора на труды коллег по цеху историков Михаила Бейзера, Давида Мельцера, Анны Штерншис, Альберта Кагановича и Александра Литина, посвященные советским евреям.

Постановкой острых проблем отличаются и практически все помещенные в книгу интервью.

Проницательный читатель обязательно откроет для себя много нового при ознакомлении с очерками по истории еврейской семьи. Л. Л. Смиловицкий одновременно выступает здесь как историк, социолог, этнограф, культуролог в одном лице.

Перечисленные результаты научных изысканий были достигнуты благодаря умелому сочетанию архивного материала и устной истории. Это позволяет связать исторический документ с народной памятью, выяснить, каким историческое событие отложилось в умах людей, участников, очевидцев и современников. Именно такой подход позволяет историку оставаться объективным, а истории — интересной и поучительной.

Конечно, оценка советского архивного документа будет неполной без понимания менталитета советского человека. Л. Л. Смиловицкий родился в 1955 г. в субъекте советской федерации — БССР и совершил алию спустя год после исчезновения СССР с политической карты мира. О менталитете какого человека идет речь? Человека, рожденного и воспитанного вне гражданского общества, не имевшего связи с внешним миром, не знавшего в то время еще на хорошем уровне иностранных языков, оставшегося в плену идеологических штампов и догм. Все это пришло позже.

Израильский ученый долгие годы кропотливо работал в архивах Государства Израиль, Республики Беларусь, Российской Федерации. В книге много ссылок на следующие израильские архивы: Государственный архив, Центральный архив сиониз-

ма, Центральный архив истории еврейского народа, архив Яд ва-Шем, Архив Армии обороны Израиля, Архив труда, Архив Владимира Жаботинского, Архив Хаима Вейцмана, архивы киббуцных движений, архивы иешив.

Много уникальной информации было почерпнуто им в результате работы в Национальном архиве Республики Беларусь. Смиловицкий первым из ученых Израиля был официально допущен для работы с документами и материалами, хранящимися в Центральном архиве КГБ Республики Беларусь в Минске и архиве Управления КГБ по Гомельской области.

Плодотворными оказались и поездки в столицу Российской Федерации. Были посещены РГАНИ, РГАСПИ, ГАРФ. По собственному профессиональному опыту знаю, что написание научных работ невозможно без нового прочтения ранее опубликованных документов и материалов. Рецензируемый труд вполне можно оценивать как успешный пример подобного прочтения.

Монография израильского ученого написана на прекрасном русском языке. Для удобства читателей даны географический и именной указатели.

Остается добавить, что автор позаботился о том, чтобы монография «Евреи Беларуси до и после Холокоста» стала доступна в нашей республике и за ее пределами. Как и все предыдущие книги Смиловицкого, ее можно найти в областных и основных республиканских библиотеках Беларуси, таких как Национальная

библиотека РБ, Президентская библиотека, Фундаментальная библиотека Национальной академии наук, библиотеки Белгосуниверситета, Гомельского и других высших учебных заведений. Книгу получили также ведущие библиотеки Российской Федерации, Украины, Польши, Германии, Британская библиотека в Лондоне и Библиотека Конгресса США. И что очень важно, это издание можно найти в свободном доступе в Интернете по адресу:

<https://drive.google.com/file/d/1qJop4gjQhFVtWwBG7-Yqx71XqKIsHRdv/view?usp=sharing>

Остается выразить надежду, что труд историка будет по достоинству оценен благодарными читателями, которые вместе с автором совершат удивительное путешествие в наше далекое и недавнее прошлое.

М. В. Кирчанов

«НАМЕРЕНИЙ У НЕМЦЕВ
В ПЛАНОМЕРНОЙ ГЕРМАНИЗАЦИИ
НИКОГДА НЕ БЫЛО»:
о русском издании книги Р. Виттрама
«Baltische Geschichte»

Рец.: *Виттрам Р.* История прибалтийских народов. От подданных Ливонского ордена до независимых государств / пер. с нем. С. Ю. Чупрова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. 413 с.

Автор анализирует особенности русского перевода книги немецкого балтийского историка Райнхарда Виттрама «Baltische Geschichte. Die Ostseelande Livland, Estland, Kurland 1180–1918» (1973), которую в 2020 г. российское издательство «Центрполиграф» опубликовало под названием «История прибалтийских народов. От подданных Ливонского ордена до независимых государств». Автор критически оценивает русский перевод, указывая на его несоответствие российской историографической традиции, на ошибки и странности в передаче имен собственных и географических названий.

Ключевые слова: Райнхард Виттрам, переводы, академическая редакция, русский язык.

Сведения об авторе: Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж).

Контактная информация: maksymkyrchanoff@gmail.com.

M. V. Kirchanov

“THE GERMANS NEVER PLANNED TO INTENTIONALLY GERMANIZE THE LOCAL POPULATION”:

about the russian edition of Reinhard Wittram book “Baltische Geschichte”

Rev.: Vittram R. Istorii pribaltiiskikh narodov. Ot poddannyykh Livonskogo ordena do nezavisimykh gosudarstv, per. s nem. S.Iu. Chuprova. Moscow: ZAO Tsentropoligraf, 2020. 413 p.

The author analyzes the features of the Russian translation of the book by the German Baltic historian Reinhard Wittram “Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918” (1973), which was published in 2020 by the Russian publishing house “Tsentropoligraf” under the title “History of the Baltic peoples. From subjects of the Livonian Order to independent states”. The author critically evaluates the Russian translation, pointing out its inconsistency with the Russian historiographic tradition, errors and oddities in the transliteration of proper and geographical names.

Key words: Reinhard Wittram, transliteration, academic editing, Russian academic language.

About the author: Kyrchanoff Maksym V., doctor of historical sciences, associate professor, Department of the regional studies and economics of foreign countries, Faculty of international relations, Voronezh State University (Voronezh).

Contact information: maksymkyrchanoff@gmail.com.

Историки, если они серьезно занимаются изучением истории Латвии и Эстонии, рано или поздно вынуждены обращаться к литературе, исследованиям и источникам на немецком языке. В латышской и советской научной традиции даже сложился термин «прибалтийско-немецкая историография» (*Zutis* 1949), призванный обозначить такую историографию. В современном латышском языке как минимум четыре лексемы (*vācbaltieši*, *vācbalti*, *baltvācieši*, *baltvāci*) описывают спорный вклад и роль немцев в истории этой страны (*Dribins*, *Spārītis* 2010; *Feldmanis* 2012). В советской Латвии и современной Латвийской Республике как история прибалтийских немцев, так и их исторические штудии являлись и продолжают оставаться объектом изучения

(*Cerūzis* 2004), начало чему было положено в 1970-е гг. известным латышским историком П.Я. Крупниковым (*Krupņikovs* 1980) — автором классических работ по истории прибалтийских немцев (*Крупников*, 1973; 1989), которые не только не утратили своей значимости, но и стали важными моментами в культурной истории, интеллектуальной истории и «археологии идей» современной латышской исторической науки.

Поэтому, с формальной точки зрения, следовало бы «приветствовать» издание на русском языке книги Райнхарда Виттрама «Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918» (*Wittram* 1973), которая в издательстве «Центрполиграф» вышла под

несколько измененным названием «История прибалтийских народов. От подданных Ливонского ордена до независимых государств» (*Wittram 2020*), утратив тем самым «отсылки» как к географическим, так и к хронологическим рамкам исследования.

Если бы автор этого обзора жил в СССР 1970-х гг., то он, вероятно, занимался бы «критикой буржуазной историографии» и в случае с книгой Р. Виттрама имел бы дело с изданием 1973 г. Тогда его обзор в соответствии с духом времени и сложившейся историографической традицией «называния» текстов вполне мог бы называться «Реакционная историография остфоршунга на службе западно-германского империализма», хотя тогда бы автору пришлось критиковать рассматриваемый текст концептуально и содержательно.

Издание же этой книги в 2020 г. на русском языке ставит перед историками больше вопросов, нежели дает ответов, хотя большинство претензий вызывает не содержание (подобные тексты на протяжении нескольких десятилетий анализировались в латышской и советской историографии — и поэтому вряд ли имеет смысл вступать в полемику с Р. Виттрамом, т.к. тексты полемического плана, написанные латышскими и советскими историками, вполне еще доступны как в традиционных, так и в электронных библиотеках), а то, как оно передано средствами русского языка.

Во-первых, возникает вопрос, чем руководствовались редакторы издательства, когда решили перевести

именно эту книгу. Во-вторых, ознакомились ли они хотя бы на минимальном уровне с основными вехами «трудовой» биографии немецкого историка. В-третьих, по каким критериям подбирался переводчик и вообще прошел ли подготовленный перевод даже не академическое, а литературное редактирование.

Эти три вопроса возникают практически сразу по прочтении книги Р. Виттрама (1902–1973).

Райнхард Виттрам — фигура известная преимущественно среди историков, которые занимаются историей Латвии или балтийских немцев. Эту фамилию могут вспомнить и те современные российские историки, которые занимаются интеллектуальной историей, историей идей советской историографии, в рамках которой сложилось особое направление, известное как «критика буржуазной историографии» и разоблачение ее частного случая — немецкого остфоршунга. Другим российским историкам, а тем более массовому читателю имя Р. Виттрама вряд ли о чем-то говорит.

Выбор именно этого текста для перевода как минимум представляется странным и не очень понятным, хотя с точки зрения маркетинга условная история того или иного народа имеет больше шансов оказаться востребованной на рынке, чем пространные и отчасти более академические сочинения того же Р. Виттрама по философии и методологии истории (*Wittram 1966; 1969*). Во всяком случае публикация его сочинения по истории Прибалтики ставит больше вопросов, чем ответов.

Первое оригинальное издание книги вышло в 1939 г. и несло на себе все родовые травмы той эпохи, будучи памятником не академической историографии, а скорее вкладом автора в немецкие тактики и стратегии формирования образов Других, и в этом отношении Р. Виттрам был совсем не оригинален. Р. Виттрам получил известность как автор официозных национал-социалистических текстов, которые проводили линию НСДАП, что привело к тому, что после 1945 г. ряд его книг (*Wittram* 1941; 1942; 1943) оказался запрещен в рамках политики денацификации. Во время своей академической карьеры Р. Виттрам проявлял конформизм и последовательно адаптировался сначала к национал-социализму, а после Второй мировой войны — к политике денацификации. Правда, после Второй мировой войны Р. Виттрам, который к тому времени успел побывать членом НСДАП и поработать в оккупированной Польше, возглавляя исторический факультет Университета в Познани, ставшей Позеном, и участвуя в политике германизации (*Bialkowski* 2008; 2011), свою книгу о прибалтийской истории несколько «подчистил», удалив наиболее одиозные фрагменты. В таком несколько смягченном виде она выходила еще дважды — в 1954 и 1973 гг. Вероятно, издание 1973 г. и стало основой для перевода, изданного на русском языке в 2020 г., но именно этот перевод является примером того, как не нужно и даже как нельзя переводить книги, в той или иной степени претендующие на научность.

предпочтения Р. Виттрама он передал в полной степени, однако не совсем понятно, зачем это надо было делать на русском языке. Русский язык, правда, выглядит не очень русским, а в некоторой степени политически и идеологически германизированным. Невольно возникает чувство, что текст с немецкого перевел прибалтийский немец, используя привычную для него терминологию, причем, судя по идеологическому посланию переведенной книги, немец этот политически не продвинулся дальше 1930-х гг.

По уже сложившейся недоброй традиции российского научно-популярного массового книгоиздания, перевод не сопровождается ни предисловием, ни послесловием, написанным историком, который теоретически мог бы прокомментировать как текст, так и основные идеи Р. Виттрама. Хотя, вероятно, следует начать с аннотации, которая выглядит следующим образом: «Автор, основываясь на малоизвестных исторических документах и исследованиях ряда ученых, рассматривает развитие прибалтийских земель, ныне Латвии и Эстонии, с конца XII и до начала XX столетия. Особое внимание уделяется роли германских рыцарей и немецких дворян, а также церкви, в создании государственности в этих регионах. Показано, как проявлялось влияние различных держав, в разные периоды господствовавших в Прибалтике. В этой связи особый интерес представляет раскрытие автором позиции прибалтийских немцев в отношении Российской империи, особенно после ее победы над шведами в Северной войне и начала реформ Петра I».

В этом фрагменте особый интерес вызывают «малоизвестные исторические документы и исследования ряда ученых», т. к. в русском издании сочинение Р. Виттрама лишилось библиографии, что, к сожалению, российскими неакадемическими издательствами практикуется часто. Не менее показательным следует признать и пассаж о «роли германских рыцарей и немецких дворян, а также церкви, в создании государственности» в Латвии и Эстонии, что, наверное, вызвало бы неподдельный интерес со стороны латышских и эстонских националистов, да и историков тоже. Из аннотации, правда, остается неясным, почему ее составители редуцировали ту часть книги, которая посвящена событиям после создания Российской империи, хотя в тексте их интерпретация Р. Виттрамом занимает почти две трети всей книги. Если второе предложение аннотации о государственной роли немцев могло бы читателя, знакомого с предметом, насторожить, то сам текст является собранием примеров как некачественного перевода, так и некритически воспринятого и переведенного на русский язык немецкого националистического мышления 1920–1940-х гг.

Р. Виттрам, как немецкий историк, использовал термин «индогерманцы», который российским издательством вынесен в подстрочное редакторское примечание, где сказано, что это — «семья народов, определяемая так на основании языка... Все народы Европы, за исключением басков и финно-угорских народов, говорят на индогерманских языках» (с. 11). Хотя в российской науке используются термин «индоевропейский»

и производные от него, но в этом случае все же следует признать, что авторское и редакторское «индогерманцы» вполне передает политическую мелодику текста.

Не удивительно, что уже на с. 12 славяне Р. Виттрамом редуцируются до «вендов», а на с. 18 и вовсе упомянуты некие «потомственные русские князьки». На с. 28 фигурирует и русский город Плескау, хотя там же упоминается и Псков — поэтому не совсем ясно: это один или два разных города для переводчика опуса Р. Виттрама на русский язык. В целом переводчик предпочел в силу неясных причин сохранить немецкие географические названия, хотя в российской и латышской историографии сложилось иная норма. Например, в тексте перевода упорно используется архаический топоним Дюнабург, хотя существуют русский (Двинск) и латышский (Даугавпилс) аналоги. Ревель в русском переводе также практически всегда упоминается на немецкий манер как Реваль (с. 67). Наряду с Дюнабургом и Ревалем в тексте перевода неоднократно фигурирует и Дорпат (с. 67), хотя германизированная версия в российской историографии имеет иное написание — Дерпт.

Самое же интересное начинается на с. 13, когда переводчик доходит до исторических латышских государств и не находит ничего лучшего как предложить читателю их немецкие названия. Поэтому в тексте фигурирует Голова, хотя в российской историографии принято писать Талава. На с. 20 в качестве латышского средневекового государственного образования и вовсе фигурирует Кокен-

гузен, хотя Кокнесе более привычно для отечественной историографии. На той же с. 13 появляются и некие «куры», хотя, судя по контексту, речь явно идет о куршах. На с. 31 мы сталкиваемся с не менее таинственными «летгалами». На с. 14 мы имеем дело с неким германизированным «Вестером», а на с. 32 с Виестартсом (хорошо, что не Вестеросом) — скорее всего, Виестурсом в латышской историографической традиции.

Пространный пассаж о неразвитости латышских племен (с. 14) в русском переводе приведен буквально и не сопровождается редакторским комментарием, равно как и уверение автора о том, что «все народы Прибалтийских государств на протяжении веков находились под северогерманским влиянием», примером чего является якобы германская этимология гидронима Daugava (с. 15). На с. 16 появляется некий якобы латышский термин «пагасц», хотя в латышском языке существует слово «pagasts»¹. Если у заявленного в издательском описании книги переводчика не все хорошо с адекватной передачей немецкой исторической терминологии на русский, то с латышскими словами, периодически встречающимися в тексте Р. Виттрама, ситуация обстоит еще хуже. Переводчик, видимо, на слово поверил немецкому историку, утверждавшему, что «криви» — латышское название для русских, хотя в латышском языке этноним «krievi» обозначает русских².

Кроме этого, переводчик и редактор русского издания предпочли сохранить немецкие или в значительной степени германизированные принципы написания этнонимов, что вносит в текст сумятицу, т.к. одновременно с эстонцами и латышами на страницах книги фигурируют эсты и летты (с. 135) или даже «леттские племена» (с. 172). Правда, в использовании этнонима «летты» и его производных переводчик оказался не очень последовательным, т.к. в тексте наряду с «леттским» фигурирует и латышское, включая «мирскую литературу» (с. 219), хотя, если судить по контексту, речь идет о ранней истории светской латышской литературы.

Таким же странным образом переводчик поступил и с написанием фамилий: например, вместо принятых в российской историографии написаний Андерсон и Якобсон мы сталкиваемся с Андерзоном и Якобзоном (с. 233). Столь же немилосердно и непоследовательно переводчик обошелся и с написанием имен собственных и фамилий латышских исторических деятелей, совершенно игнорируя сложившуюся историографическую традицию. В частности, Кришьянис Валдемарс превратился в Христиана Вольдемара (с. 260), что выглядит в современном тексте как архаизм. Даже в том фрагменте текста, где речь идет о населении Риги к началу 1800 г., переводчик счел нужным оставить

¹ Сложно судить, какими именно нормами руководствовался переводчик, транскрибируя лтш. «pagasts» как «пагасц». Вероятно, его могло ввести в заблуждение чтение ts как «ц» в английском, но латышский и английский, хотя и являются индоевропейскими, относятся к разным группам.

² В данном контексте мы имеем дело с явной ошибкой переводчика с немецкого. Если в немецком сочетании букв ie, как правило, дает звук [i], то в латышском в сочетании букв ie читаются два звука.

германизованную терминологию, указав, что 25 % населения города составили «летты» (с. 208).

Некоторые пассажи русского перевода просто незаменимы для историков немецкого национализма. В качестве примера приведем следующий фрагмент: «епископ Альберт стал творцом неповторимого германского церковного и светского устройства власти. То, что первоначально являлось лишь слепком нордической миссионерской традиции... превратилось в мерную средневековую поступь немецкого народа на восток, в колонизацию восточных территорий... их превращение в часть нордического пространства» (с. 22). Переводчик, подойдя к переводу текста Р. Виттрама не критически, смог сохранить и передать националистические предпочтения автора, что нашло отражение и в тех фрагментах текста, где речь шла о неразрывных культурных и политических связях региона с Германией (с. 213). Размышления Р. Виттрама, настаивавшего на том, что «намерений у немцев в проведении планомерной германизации никогда не было» (с. 285), о роли немецкого населения в истории Латвии и Эстонии в целом вписываются в консервативную немецко-прибалтийскую историографию. Именно поэтому немцам он приписывал спасение балтийских народов от русификации, т. к. именно немцы, по его словам, принесли «семена западной культуры», а немецкая политика в целом привела к тому, что «самобытность эстонского народа и латышских племен не была утрачена... под охраной германского владычества латышские племена смогли постепенно превратиться в настоящий народ» (с. 39).

Эти пассажи в принципе не новы и хорошо знакомы тем профессиональным историкам, которые читают по-немецки, занимаются историей немецкого национализма, но их новейшее русское издание выглядит несколько неуместно, если не абсурдно. Поэтому если относительно научной ценности перевода Р. Виттрама можно сильно сомневаться, то сам факт издания на русском интересного источника по истории и идеологии немецкого исторического и националистического воображения сомнений не вызывает.

Издание в 2020 г. на русском языке книги Р. Виттрама в целом вписывается в тактику и стратегию российских издательств продвигать тексты сомнительного научного содержания и еще более сомнительной политической ориентации, особенно — если принять во внимание те факты, что Р. Виттрам активно сотрудничал с НСДАП. Проблема в том, что ранее в такой книгоиздательской тактике были замечены, как правило, малые альтернативные издательства, которые и не скрывали того факта, что специализируются на издании праворадикальной литературы. В случае с книгой Р. Виттрама проблема в том, что в качестве ее издателя выступил «Центрполиграф» — одно из довольно крупных издательств в современной России.

При том что в целом к тексту, изданному «Центрполиграфом», следует относиться крайне критически, проблема заключается в том, что критически воспринять эту книгу, к сожалению, могут только профессиональные историки. Для читателя, который не занимается исто-

рией профессионально, не владеет немецким или латышским языком, все столь явные и видимые ошибки и неточности перевода останутся невидны, и поэтому эта книга, к сожалению, может стать источником информации, что сформирует превратное, неверное и одностороннее впечатление об истории балтийских народов и немецкой роли в ней.

Современное российское книгоиздание, ориентированное на массового читателя, не так часто радует его книгами по истории балтийских стран. В этой ситуации русское издание книги Р. Виттрама может сослужить самую плохую службу. В условиях почти полного отсутствия у массового читателя доступа к академическим текстам (да они ему просто неинтересны, а некоторые непонятны), в условиях отсутствия других качественных публикаций по данной тематике книга Р. Виттрама в переводе издательства «Центрополиграф» имеет шансы стать текстом, который в перспективе может сформировать некий неформальный канон представлений по истории Балтии у массового читателя. Принимая во внимание многочисленные «огрехи» текста, о которых речь шла выше, очевидно, что эти представления будут крайне субъективны — от усвоения неверной традиции передачи географических названий и имен собственных до изложения истории в соответствии с теми националистическими предпочтениями, которые доминировали среди немецких интеллектуалов Латвии 1930-х гг. — той среды, в которой Р. Виттрам сформировался как историк.

скими историками было предпринято несколько попыток написания истории прибалтийских стран и народов. После распада СССР балтийские штудии начали активно развиваться и в российской историографии. Российские историки используют оригинальные источники и создают исследования, которые по охвату источниковой базы вполне сопоставимы с работами их коллег, например, из Латвии или Литвы. Кроме этого, в России появляются и специализированные периодические издания, тематически сфокусированные на балтийской исторической и политической проблематике. Все эти факты, к сожалению, прошли мимо переводчиков и редакторов издательства «Центрополиграф», что свидетельствует практически о полном отсутствии связей между массовым книгоизданием и академической историографией.

Принимая во внимание этот и предыдущие, связанные с переводами негативные примеры современного российского массового книгоиздания, претендующего на научность, вероятно, не имеет смысла надеяться на радикальные позитивные изменения как на уровне качества перевода и редактуры, так и на этапе самого выбора текстов для перевода и публикации. Поэтому, учитывая конъюнктуру рынка, который переваривает значительную часть научно-популярной книжной продукции, логику издателей и ненаполненность ниши, отведенной для популярной исторической литературы, текстами, написанными профессиональными историками, мы, к сожалению, и в будущем будем становиться не только свидетелями появления

новых переводных изданий такого уровня, но и их вынужденными читателями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виттрам 2020 — *Виттрам Р.* История прибалтийских народов. От подданных Ливонского ордена до независимых государств / пер. с нем. С. Ю. Чупрова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. 413 с.

Зутис 1949 — *Зутис Я. Я.* Очерки по историографии Латвии. Ч. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига: Латгосиздат, 1949. 258 с.

Крутников 1973 — *Крутников П. Я.* Основные черты развития немецкой дворянско-буржуазной историографии революции 1905 года в Прибалтике (1907–1939) // Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки. 1973. Т. 185. Германия и Прибалтика. С. 3–21.

Крутников 1989 — *Крутников П. Я.* Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX в. — 1945 г.). Рига: Авотс, 1989. 315 с.

Białkowski 2011 — *Białkowski B.* Utopie einer besseren Tyrannis. Deutsche Historiker an der Reichsuniversität Posen (1941–1945). Paderborn: Schöningh, 2011.

Białkowski 2008 — *Białkowski B.* Reinhard Wittram an der “Reichsuniversität Posen“. Die Illusion einer baltischen Variante des Nationalsozialismus // Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich / hrsg. M. Garleff. Köln: Böhlau Verlag, 2008. S. 353–384.

Cerūzis 2004 — *Cerūzis R.* Vācu faktors Latvijā (1918. — 1939.). Rīga: Latvijas Universitāte, 2004. 291 lpp.

Dribins, Spārītis 2010 — *Dribins L., Spārītis O.* Vācieši Latvijā. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts — Etnisko pētījumu centrs, 2000. 40 lpp.

Feldmanis 2012 — *Feldmanis I.* Vācbaltiešu izceļošana no Latvijas (1939. — 1941.). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012. 108 lpp.

Krupņikovs 1980 — *Krupņikovs P.* Melu un patiesības palete. Rīga: Zvaigzne, 1980. 199 lpp.

Wittram 1941 — *Wittram R.* Livland. Schicksal und Erbe der baltischen Deutschen. Berlin: Volk Verlag, 1941.

Wittram 1942 — *Wittram R.* Rückkehr ins Reich. Posen: Kluge und Ströhm Verlag, 1942.

Wittram 1943 — *Wittram R.* Der Deutsche als Soldat Europas. Posen: Kluge und Ströhm Verlag, 1943.

Wittram 1966 — *Wittram R.* Zukunft in der Geschichte. Zu Grenzfragen der Geschichtswissenschaft und Theologie. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1966.

Wittram 1969 — *Wittram R.* Anspruch und Fragwürdigkeit der Geschichte. Sechs Vorlesungen zur Methodik der Geschichtswissenschaft und zur Ortsbestimmung der Historie. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1969.

Wittram 1973 — *Wittram R.* Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgemeinschaft, 1973.

REFERENCES

Białkowski B. Reinhard Wittram an der “Reichsuniversität Posen“. Die Illusion einer baltischen Variante des Nationalsozialismus. M. Garleff (hrsg.), *Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich*. Köln: Böhlau Verlag, 2008. S. 353–384.

Białkowski B. *Utopie einer besseren Tyrannis. Deutsche Historiker an der Reichsuniversität Posen (1941–1945)*. Paderborn: Schöningh, 2011.

Cerūzis R. *Vācu faktors Latvijā (1918. — 1939.)*. Rīga: Latvijas Universitāte, 2004. 291 lpp.

Dribins L., Spārītis O. *Vācieši Latvijā*. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts – Etnisko pētījumu centrs, 2000. 40 lpp.

Feldmanis I. *Vācbaltiešu izceļošana no Latvijas (1939. – 1941.)*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012. 108 lpp.

Krupnikov P.Ya. Osnovnye cherty razvitiya nemetskoy dvoryansko-burzhuzaznoy istoriografii revolyutsii 1905 goda v Pribaltike (1907–1939). *Uchenyye zapiski Latviyskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Petra Stuchki*. 1973. T. 185. *Germaniya i Pribaltika*. S. 3–21.

Krupnikov P.Ya. *Polveka istorii Latvii glazami nemtsev (konets XIX v. – 1945 g.)*. Rīga: Avots, 1989. 315 s.

Krupnikovs P. *Melu un patiesības palete*. Rīga: Zvaigzne, 1980. 199 lpp.

Wittram R. *Anspruch und Fragwürdigkeit der Geschichte. Sechs Vorlesungen zur Methodik der Geschichtswissenschaft und zur Ortsbestimmung der Historie*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1969.

Wittram R. *Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgemeinschaft, 1973.

Wittram R. *Der Deutsche als Soldat Europas*. Posen: Kluge und Ströhm Verlag, 1943.

Wittram R. *Istoriya pribaltiyskikh narodov. Ot poddannyykh Livonskogo ordena do nezavisimykh gosudarstv* / per. s nem. S.Yu. Chuprova. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2020. 413 s.

Wittram R. *Livland. Schicksal und Erbe der baltischen Deutschen*. Berlin: Volk Verlag, 1941.

Wittram R. *Rückkehr ins Reich*. Posen: Kluge und Ströhm Verlag, 1942.

Wittram R. *Zukunft in der Geschichte. Zu Grenzfragen der Geschichtswissenschaft und Theologie*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1966.

Zutis J.J. *Ocherki po istoriografii Latvii. Ch. 1. Pribaltiysko-nemetskaya istoriografiya*. Rīga: Latgosizdat, 1949. 258 s.

Н. П. Таньшина

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ — 2021 В ЛИВАДИИ*

В статье анализируется деятельность четвертой международной Школы молодых ученых, проходившей 7–12 ноября 2021 г. в Крыму, в Ливадии, под эгидой ГАУГН, ИВИ РАН и Министерства образования и науки России. В рамках Школы, посвященной эпохе революций 1750–1914 гг. в Западной Европе и Средиземноморье, с лекциями выступили известные российские и зарубежные историки, а свои доклады представили студенты, магистранты, аспиранты и молодые ученые из ведущих российских университетов.

Ключевые слова: Школа молодых ученых, Государственный академический университет гуманитарных наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, революции в Западной Европе и Средиземноморье.

Сведения об авторе: Таньшина Наталия Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского педагогического государственного университета (Москва).

Контактная информация: horoshovo@mail.ru.

N. P. Tanshina

SCHOOL OF YOUNG SCIENTISTS — 2021 IN LIVADIA

The article analyzes the activities of the fourth international School of Young Scientists, which took place on November 7–12, 2021 in the Crimea, in Livadia, under the auspices of the GAUGN, IVI RAS and the Ministry of Education and Science of Russia. Within the framework of the School dedicated to the era

© Н. П. Таньшина, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-4-382-389

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственно-го задания РАНХиГС.

of revolutions of 1750–1914 in Western Europe and the Mediterranean, leading Russian and foreign historians gave lectures, and students, undergraduates, postgraduates and young scientists from leading Russian universities presented their reports.

Key words: School of Young Scientists, State Academic University for the Humanities, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, revolutions in Western Europe and the Mediterranean.

About the author: Tanshina Nataliya P., Dr. Hab. (History), professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Contact information: horoshovo@mail.ru.

7–12 ноября 2021 г. в Крыму, в Ливадии, недалеко от Ливадийского дворца, состоялась Школа молодых ученых «Эпоха революций 1750–1914 гг. в Западной Европе и Средиземноморье», проведенная под эгидой ГАУГН, ИВИ РАН и Министерства образования и науки России. Это уже четвертая осенняя школа, которую участники с любовью называют «Осенюшкой».

По сложившейся традиции география Школы весьма широка. Это ведущие научные и образовательные центры Москвы (МГУ, ГАУГН, ИВИ РАН, Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке, РУДН), Новосибирск (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет), Екатеринбург (Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина и Уральский государственный педагогический университет), Томск (Томский государственный университет), Пермь (Пермский государственный аграрно-технологический университет им. академика Д. Н. Прянишникова), Архангельск (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ло-

моносова), Саратов (Саратовский национально-исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского), Владимир (Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых), Липецк (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского), Севастополь (Севастопольский государственный университет и Севастопольский филиал МГУ), Казань (Казанский (Приволжский) федеральный университет), Донецк (Донецкий национальный университет), Ставрополь (Северо-Кавказский федеральный университет), причем заявок было столько много, что пришлось проводить конкурсный отбор.

Куже сформировавшемся коллективу преподавателей Школы: А. В. Чудинову, Алану Форресту, А. В. Гладышеву, Н. П. Таньшиной в этом году присоединились П. Ю. Уваров, В. Н. Земцов и Н. И. Храпунов. Преподаватели — специалисты по истории Французской революции и Наполеоновских войн, истории XIX в., истории Франции Старого порядка и международных отношений. Это весьма символично: для

современного понимания Французской революции характерен подход, сформулированный еще в первой половине XIX в. видным французским историком и политиком Франсуа Гизо: «Революция — дочь прошлого и мать будущего», она неразрывно связана с историей Франции Старого порядка и продолжает оказывать влияние на новое, постреволюционное общество.

Об этом в своей лекции «*Взгляд на Французскую революцию из XXI в.*» говорил д.и.н., заместитель руководителя Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований ГАУГН, главный научный сотрудник, руководитель Лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» ИВИ РАН А. В. Чудинов. Поставив риторический вопрос: «Что еще нового можно сказать о Французской революции в XXI веке?», А. В. Чудинов сам же и ответил: очень многое, поскольку историография Революции долгое время развивалась не как результат научного познания, а как средство убеждения читателей и общества в тех или иных идеологических схемах и политических идеях. Историография была политически ангажирована, пронизана идеологиями и зависела от пропаганды и политических событий. Концепция революции как закономерного этапа на пути прогресса, созданная либеральными историками периода Реставрации и разделявшаяся «классической», как ее назвал «король Собуль», историографией, в XX в. была расценена Альфредом Коббеном как «миф о Французской революции». При этом на протяжении всего XX ст. во Франции «классическая» интер-

претация Революции доминировала, и левые историки считали себя хранителями сакрального образа Революции, воспринимая любую ее критику в штыки. В России, где Французская революция стала еще более значимым политическим сюжетом, политической ангажированности избежать тоже не удалось. Уже в XIX в. в нашей стране сформировался настоящий культ Французской революции, и она воспринималась не иначе как «воспоминание о будущем», т. е. прошлое Франции, ее революция мыслились как неминуемое будущее России. Более того, большевики, отвергавшие, по крайней мере в первое время, наследие национальной истории, опирались на прецедент именно Французской революции и ее опыт. Поэтому в Октябрьской революции так много «цитат» из Французской революции: *Учредительное собрание, Директория, Террор, Отечество в опасности, враг народа, комиссары*. В результате в отечественной историографии сформировался свой собственный миф о Французской революции. А. В. Чудинов в заключение своей лекции призвал слушателей смотреть на историю Французской революции живым, максимально деидеологизированным взглядом, не верить на слово никаким авторитетам и опираться исключительно на источники.

По завершении каждой лекции и каждого доклада происходило их активное обсуждение, и в этом плане Школа не только была сопоставима с форматом конференции, но порой превосходила его, поскольку на конференциях зачастую обсуждение докладов и вопросы строго лимитированы по времени.

Автор этих строк задала А. В. Чудинову вопрос о том, действительно ли историографическая ситуация в нашей стране изменилась, и классическая историография ушла в прошлое? На мой взгляд, ситуация меняется крайне медленно и должна произойти смена поколений, чтобы в обществе сформировался новый взгляд на Революцию. По мнению Александра Викторовича, в научном сообществе, в среде профессиональных франковедов такой взгляд на Революцию утвердился. Однако буквально через два дня по окончании Школы, занимаясь со своими магистрантами, я вновь услышала: «Великая французская революция», т. е. традиционное клише, некогда порожденное «русским культом» этого события. И снова завязалась дискуссия, уже с моими молодыми магистрантами.

Несомненной удачей организаторов Школы стало приглашение к участию в ней члена-корреспондента РАН, д.и.н., руководителя отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, профессора НИУ ВШЭ П. Ю. Уварова, выступившего с лекциями: «Средневековые репризы в партитуре Французской революции. Наблюдения медиевиста» и «Коммунальные традиции в парижских революционных событиях Нового времени».

Формат Школы всегда подразумевает элемент разъяснения, теоретизации. Поэтому П. Ю. Уваров сразу пояснил: если в российской историографической традиции он считается медиевистом, то во французской — специалистом по новой

истории (*histoire moderne*), поскольку во Франции медиевистика — это период, охватывающий XII–XV вв. и не включающий в себя XVI в. Лекция П. Ю. Уварова явилась подтверждением первой части уже упоминавшейся цитаты Гизо: «Революция — дочь прошлого», отсюда и многочисленные средневековые репризы, т. е. повторы в Революции.

Как и в период Французской революции, в средние века в ходе восставший восставшие рано или поздно расправлялись с их зачинщиками; средневековые радикалы, как и в годы Революции, расшатывали ситуацию и вытесняли умеренных. Недовольство же, как и накануне Революции, вызывало, прежде всего, отсутствие социальных лифтов. Поэтому их создание являлось константой требований восставших.

П. Ю. Уваров предпринял весьма оригинальное исследование коммунальных традиций средневекового Парижа, проанализировав их в постмодернистской парадигме симулякра, знака, не имеющего обозначаемого объекта в реальности. Ведь только формально все члены коммуны были равны, и только формально коммуну можно именовать демократией, поскольку в городском самоуправлении могли участвовать лишь оседлые и состоятельные люди. Однако эта видимость вселяла в горожан уверенность в том, что именно они являются народом. С другой стороны, давние традиции городского самоуправления очень пригодились парижанам во время Революции, когда они смогли быстро самоорганизоваться. Как отметил П. Ю. Уваров, если на Юге США после окончания

Гражданской войны 1861–1865 гг. американцы только лет через десять наладили самоуправление, то французы сделали это моментально, поскольку имели богатый опыт местного самоуправления.

Именно через симулякры Павел Юрьевич предложил взглянуть и на сущность Французской революции: люди идут умирать за идею (симулякр), рассчитывая на то, что революция откроет перед ними социальные лифты.

Лекции А. Форреста, В. Н. Земцова и А. В. Гладышева были посвящены наполеоновской проблематике. Ведущий английский историк, крупнейший специалист в области изучения Французской революции и Наполеоновских войн, почетный профессор Университета Йорка Алан Форрест в онлайн-формате прочел две лекции на английском языке: «*Наполеоновские войны в культурной памяти европейцев*» и «*Воспоминания военнослужащих и формирование исторической памяти*». В юбилейный 2021 г., год двухсотлетия со дня смерти Наполеона Бонапарта, французы продемонстрировали свое более чем неоднозначное отношение к создателю Первой империи, более того, А. Форрест подчеркнул, что французы показали свое нежелание чествовать правление Наполеона. Франции, как ключевому игроку европейского сообщества, стыдно актуализировать воспоминания о прошлых войнах с нынешними союзниками и о победах над ними, а для многих молодых французов имя Наполеона Бонапарта, на волне нынешних социальных конфликтов и потрясений, оказалось

связано исключительно с рабством, работоторговлей и геноцидом. Собственно, такая ситуация является вовсе не новой, и А. Форрест подчеркнул, что все последнее двадцатилетие, начиная с президентства Жака Ширака, когда праздновался юбилей Первой империи, французские политики изгоняют Наполеона из политического пространства, а Ж. Ширак и вовсе свернул все торжества. Наполеону, одному из главных национальных героев (а он, наряду с Шарлем де Голлем и Людовиком XIV входит в тройку лидеров французского Пантеона национальной памяти), не остается места во Франции, несмотря на то, что современная Франция своими корнями уходит не только в революционную эпоху, но и в эпоху Наполеона Бонапарта, являющегося создателем многих институтов и учреждений, в том числе Банка Франции, Сената, Университета, Гражданского кодекса.

Что касается солдат и офицеров Великой армии, то именно они, как подчеркнул А. Форрест, стояли у истоков формирования «наполеоновской легенды». Воспоминания о революционных войнах перемешивались с воспоминаниями об Аустерлице и Йене и превращали скучную и тягостную солдатскую жизнь в невероятную авантюру. Крестьяне, до того никогда не покидавшие пределов своих деревень, в рядах Великой армии совершили грандиозное турне, повидав Европу от Лиссабона до Москвы. Когда они вспоминали о своих невероятных страданиях и победах, благодаря которым побывали во всех европейских столицах, они видели в этой эпопее и в их повелителе нечто сверхъестественное. Именно

ветераны вместе с писателями и поэтами романтического направления стали подлинными «священниками» императорского культа.

Д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин Уральского государственного педагогического университета, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина В. Н. Земцов посвятил свою лекцию *«Наполеон и Европа»* широкому комплексу проблем, связанных с европейской идеей и европейской политикой Наполеона и сделал вывод о том, что модель объединения, предложенная Наполеоном Европе, оказалась не только малоприемлема для большинства макрорегионов за пределами Старой Франции, но и для двух («средиземноморского» и «атлантического») макрорегионов собственно Франции. Вместе с тем было немало стран, где преобразования Наполеона находили вполне пригодную почву (Пьемонт, государства Рейнской конфедерации, Швейцария и др.). Что касается России, то Владимир Николаевич подчеркнул, что наполеоновский проект не отводил нашей стране заметной роли. Более того, император исходил из идеи выдавливания России из европейской системы и ее изоляции. Общий вывод В. Н. Земцова свелся к тому, что идиллический вариант европейского единства под скипетром французского императора явно не соотносился с реальными обстоятельствами.

Теме, обреченной на популярность, была посвящена лекция *«Войны*

и эпидемии Наполеоновской эпохи» д.и.н., профессора кафедры всеобщей истории, заведующего НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского А.В. Гладышева. Андрей Владимирович, отметив, что «эпидемиологический поворот» является данностью и реальностью в историографии, предложил использовать термин «эпидемиологическая история».

Как реагируют власти? Какова реакция населения? Как меняется в массовом сознании отношение к эпидемиям? На что способны пойти медики ради спасения жизней? Каков в условиях эпидемии социальный статус медиков, знахарей, священников? Как их наставления воспринимались властями и населением, как эпидемии были связаны с природными катаклизмами? Все эти вопросы были поставлены в лекции, как и вопрос о связи эпидемии и войны, эпидемии и революции, когда возникает эффект совпадения двух стрессовых ситуаций.

Проблемам постреволюционного развития Франции была посвящена лекция д.и.н., профессора кафедры всеобщей истории РАНХиГС, профессора кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки МПГУ Н.П. Таньшиной и называлась *«Июльская революция и Июльская монархия во Франции — “немодные” темы в историографии»*. И здесь уже вспоминается вторая часть упоминавшейся цитаты Ф. Гизо: «Французская революция — мать

будущего». Именно историки периода Реставрации, сами пережившие Революцию, сформировавшие романтический взгляд на нее, подготовили французское общество к Июльской революции, воспринимавшейся в общественном сознании как продолжение грандиозного проекта общественного переустройства конца XVIII ст. И именно при короле Луи-Филиппе Орлеанском произошло превращение «наполеоновской легенды» из тайного культа в официальную идеологию. И Луи-Филипп, не испытывавший никаких симпатий к Наполеону Бонапарту и стремившийся забыть о революционном происхождении своего режима, пытаясь легитимировать собственную власть, рожденную на июльских баррикадах, легитимировал и императора Наполеона, возведя его в Пантеон французской национальной славы.

Лекция к.и.н., первого проректора ГАУГН Н. В. Промыслова, прочитанная в онлайн-формате, была посвящена влиянию прессы периода Французской революции и Первой империи на формирование исторической памяти французов в XIX ст. Николай Владимирович выступил также с приветственным словом на открытии Школы, при этом не только как официальное лицо, но и как постоянный участник и организатор Школы молодых ученых. Кроме того, участников Школы от имени Министерства образования и науки России поздравил директор Департамента государственной молодежной политики и воспитательной деятельности Д. В. Аширов.

Очень удачно вписалась в формат Школы лекция к.и.н., ведущего на-

учного сотрудника НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Н.И. Храпунова «Крым между Западом и Востоком: формирование образа региона в конце XVIII — первой половине XIX в. и его практические последствия», тем более что сама Школа проходила в Крыму, в Ливадии, обрамляемой горами, но в переводе с греческого означающей «лужок». Мифы о татарской лениности, об огромном потенциале Крыма и в целом представления о нем как о чуде — все это влияло на его дальнейшее освоение и на политику властей. В XIX в. появляются и культурные мифы: миф о прекрасной Ифигении, «могила Марии Потоцкой», и самый известный — Бахчисарайский фонтан, столь любимый туристами. Как подчеркнул Никита Игоревич, надпись на фонтане повествует лишь о том, что фонтан был построен таким-то ханом, сам фонтан был принесен во дворец позднее, но легенда сформировалась, а история о трагической любви, воспетая А. С. Пушкиным, настолько прочно вошла в сознание и историческую память, что доказывать ее мифическое происхождение уже совершенно бесполезно.

Если наполеоновские баталии остались далеко в прошлом (хотя в этом юбилейном году французские историки ведут битву за Наполеона и даже битву за Историю), то среди слушателей Школы разворачивалась настоящая битва за микрофон, или «символ власти», как его иронично называли, столько было желающих задать вопросы! Состав участников Школы был очень разнопланов: это были как начинающие молодые исследователи — студенты, магистранты и аспи-

ранты, так и уже сформировавшиеся ученые, кандидаты наук, доценты, имеющие большой опыт научно-педагогической деятельности, как, например, А.А. Постникова, В.С. Еремин, Г.С. Рагозин, Т.А. Косых, А.В. Чернов, О.Н. Бережная, К.Г. Носко, некоторые из которых уже неоднократно участвуют в таких Школах. Поэтому деление на слушателей и преподавателей было весьма условным, учились все и друг у друга. Многие слушатели, такие как А.А. Голотина, В.В. Верченкова, Е.А. Языкова, В.С. Болт, Д.В. Зайцева, А.А. Гунько, из года в год участвуя в Школе, прошли путь от студентов к магистрантам и аспирантам, а аспиранты вплотную подошли к защите диссертаций, взрослея и формируясь как исследователи. Так, например, Валентина Болт через месяц после окончания Школы защитила кандидатскую диссертацию в Институте всеобщей истории РАН.

Победителей, по уже сформировавшейся традиции, выбирали по двум номинациям: слушателей и преподавателей. По версии слушателей победителем Школы стал магистрант

Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина Борис Гаврилин, выступивший с докладом на тему «Афелий Великобритании. Взгляд Эдмунда Бёрка на Французскую революцию и Британское общество по “Письмам на мир с царевыми детьми”». Преподаватели же, после напряженного обсуждения (уровень докладов и активность во время дискуссий были настолько высоки, что трудно было сделать выбор), присудили победу аспирантке МГУ им. М.В. Ломоносова Екатерине Кимленко, выступившей с докладом на тему «Реформы в Папском государстве в 1846–1848 гг.: действия “папы-либерала” или вынужденная мера?».

А по дороге в аэропорт Н.И. Храпунов, блестящий знаток крымской истории, провел необыкновенно интересную и познавательную экскурсию.

***

Вроде бы Школа только что закончила свою работу, но все, и преподаватели, и слушатели, уже ждут новой Осенюшки...

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15).

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>

